

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт

**ТЭАРЭТЫЧНЫЯ І ПРЫКЛАДНЫЯ АСПЕКТЫ
ЭТНАЛАГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

Зборнік навуковых артыкулаў

**Мінск
БНТУ
2019**

УДК 39 (=161.3) + 008(476) (06)
ББК 63.5я 43

Зборнік змяшчае матэрыялы фундаментальных і прыкладных даследаванняў у галіне этналагічных ведаў.

Для выкладчыкаў гуманітарных дысцыплін, навуковых супрацоўнікаў, аспірантаў, магістрантаў, студэнтаў.

Адказнасць за дакладнасць інфармацыі і выкананне законаў аб інтэлектуальнай уласнасці нясуць аўтары матэрыялаў.

ISBN 978-985-583-394-0

© Беларускі нацыянальны
тэхнічны ўніверсітэт, 2019

РАЗДЕЛ I

ЭТНАЛАГІЧНЫЯ ВЕДЫ Ё КАНТЭКСЦЕ ПЕРАЕМНАСЦІ І МАДЭРНІЗАЦЫІ ГРАМАДСКАЙ СВЯДОМАСЦІ

А.Д. Крывалан (Мінск, Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ ВЫКАРЫСТАННЯ ЭТНАГРАФІЧНЫХ МЕТАДАЎ ПАДЧАС ДАСЛЕДАВАННЯ АНЛАЙН-КАМУНІКАЦЫІ

Часам Інтэрнэт параўноўваецца са сметніцай і гэта метафара адкрывае для даследчыкаў культуры штодзённасці шырокія магчымасці для атрымання доступу у самыя патаемныя практыкі нашых звыклых камунікацый. Каб лепей зразумець пэўную віртуальную супольнасць варта звярнуць увагу на тое, *што* з'яўляецца інфармацыйным смеццем, а *што* ўспрымаецца як каштоўнасць.

Ключавыя словы: *інтэрнэт-прастора, культура штодзённасці, смецце, этнаграфія.*

Археалагі добра ведаюць феномен сметніцы [1], раскапаўшы якую магчыма шмат даведацца пра культуру штодзённасці даследуемага перыяду. Пачынаючы карыстальнікі часам параўноўваць Інтэрнэт са сметніцай. І гэта метафара адкрывае для даследчыкаў культуры шырокія магчымасці, каб атрымаць доступ у самыя патаемныя практыкі нашых штодзённых камунікацый, асабліва ўлічваючы тую акалічнасць, што тое, што патрапіла ў Інтэрнэт немагчыма выдаліць: этнаграфічныя даследаванні смецця ў віртуальнай прасторы.

Значная колькасць работ прысвечана разгляду пытання легітымнасці выкарыстання ўжо распаўсюджаных метадаў правядзення палявых даследаванняў у кіберпрасторы: як праводзіць даследаванні ў інтэрнэце па аналогіі з традыцыйнай этнаграфіяй і якія адметнасці віртуальнай этнаграфіі магчыма акрэсліць, а таксама якім чынам можна вывучаць сеткавыя супольнасці? Напэўна, больш шырокім пытаннем тут можа быць наступнае: у якім сэнсе этнаграфія можа быць адаптаванай да сеткавага грамадства? Варта патлумачыць, у якім сэнсе мы будзем разглядаць этнаграфію ў дадзеным кантэксце. Этнаграфічнае даследаванне «арыентуецца на палявое вывучэнне ладу жыцця, групавых адносін, перакананняў, практык, паўсядзённай руціны, паводзін і ідэнтычнасці прадстаўнікоў тых ці іншых супольнасцяў. Яно мае сваёй мэтай апісанне, аналіз і інтэрпрэтацыю чалавечых паводзін у кантэксце той культуры, да якой яно належыць» [2, с. 25].

Але ж этнаграфія ўяўляе сабой не толькі навуковую дысцыпліну, а можа разглядацца як асобны кірунак у галіне якасных даследаванняў. А ў сваю чаргу гэтую сукупнасць некаторыя з даследчыкаў прапануюць называць сацыяльнай этнаграфіяй ці этнаграфічным метадам: «У адрозненне ад этнаграфіі ў традыцыйным сэнсе, якая імкнецца да рацыянальнай рэканструкцыі сацыяльных парадкаў у «абарыгэнных» супольнасцях, этнаграфічны метада ў сацыялогіі дае магчымасць вызначыць сэнс, схаваны за сацыяльнымі і арганізацыйнымі парадкамі сучасных супольнасцяў» [3, с. 156].

Базавым тэкстам, які можа дапамагчы з пераносам этнаграфічнага метаду ў віртуальную прастору з'яўляецца манаграфія Крысціны Хайн «Віртуальная этнаграфія». Яна прапануе разглядаць Інтэрнэт у дзвюх магчымых постацях падвойнага тэксту: «як дыскурсіўна ствараемая культура і як культурны артэфакт тэхналогіі тэксту. (...) Адрозненне паміж Інтэрнэтам як культурай і як культурным артэфактам з'яўляецца з'ўрыстычнай прыладай для разважання аб нявызначанасці ў інтэрнэце» [4, с. 39].

У дадзеным кантэксце этнаграфія мае справу з рэпрэзентацыямі рэальнасці ці «тэкставымі канструктамі рэальнасці» [4, с. 44]. І гэтыя тэксты не з'яўляюцца празрыстымі для разумення вывучаемай культуры ці практыкі. Шмат што залежыць ад разумення кантэксту ў якім ствараецца і існуе нарратыў, а таксама ад асабовага досведу даследчыка. Пры гэтым падчас даследавання «выкарыстанне Інтэрнэту з'яўляецца працэсам запісу і чытання тэкстаў і задача этнографа палягае ў разуменні гэтай практыкі. Разуменне сэнсу тэкстаў, аднак, далёка нелітаральным» [5, с.131].

Праблематычна, калі этнографы спрабуюць абмежаваць прастору ў Інтэрнэце, па аналогіі з сацыяльнымі межамі іншых культурных утварэнняў, як, напрыклад, вясковага паселішча абарыгенаў ці закрытага клуба аматараў гольфа. «Наяўныя этнаграфічныя падыходы да Інтэрнэту як культуры ігнаруюць некаторыя значныя аспекты канстрування Інтэрнэту як культурнага артэфакта, засяроджваючы сваю ўвагу на абмежаваных сацыяльных прасторах Інтэрнэта» [4, с. 39]. Для даследавання можа быць цікавай нават сама па сабе практыка спажывання інтэрнэт-тэхналогій.

Любая практыка спажывання, у тым ліку і спажывання інфармацыі, прыводзіць да ўтварэння смецця ў сімвалічным сэнсе. Смецця як таго, што застаецца па-за межамі культурнай нормы, што з'яўляецца непрыстойным і мусіць быць адкінутым, але пры гэтым не ведаць пра яго наяўнасць немагчыма. З ім пастаянна сутыкаешся і ад гэтага абыходжання са смеццем залежыць нашае разуменне саміх сябе. Этнаграфія можа цікавіцца практыкамі абыходжання з адкідамі культурнай дзейнасці ў сённяшніх сацыяльных умовах.

Але чым прываблівае смецце сучасную культуру? Тым, што дэманструе пэўны ўзровень развіцця тэхналогій і культуру спажывання. Класічную тыпалогію грамадства можна патлумачыць з дапамогай культурна дэтэрмінаваных практык абыходжання са смеццем.

Традыцыйная культура фактычна пазбаўлена сметніц у нашым сённяшнім разуменні, бо ўсё патрапляла альбо ў вогнішча, альбо ў кампост. Пластыку не было, а метал пераапрацоўваўся.

Індустрыяльнае грамадства прывяло не толькі да канвеернай вытворчасці тавараў, але і да канвеернага спажывання. Усё імкнецца быць у аднаразовай індывідуальнай упакоўцы. Смецце ствараецца ў індустрыяльных маштабах.

Постіндустрыяльнае грамадства арыентуецца на стварэнне не фізічных рэчаў, а віртуальных аб'ектаў, таму і вынікамі гэткай пераарыентацыі з'яўляецца спам, шум, інфармацыйнае смецце. Фактычна інфармацыі становіцца ў разы больш, а сэнсу ў ёй усё менш (гл.: сімуляцыя і сімулякры – у тэрміналогіі Жана Бадрыяра – як разнастайнасць інфармацыйнага смецця).

Але калі мы разважаем пра падсвядомасць як сметніцу, то тут не абысціся без дапамогі псіхааналізу. Жак Лакан [6] прапаноўвае складаную сістэму ўзаемасувязі падсвядомасці і стаўлення да смецця: калі падсвядомасць структураваная як мова, праяўляецца ў маўленні Іншага, праз паўтор жаданняў Іншага як сваіх уласных; калі праз артыкуляцыю табуіраваных жаданняў і фантазій чалавек спрабуе сцвердзіць сваё ўласнае існаванне.

Інтэрнэт магчыма разглядаць як падсвядомасць культуры, дзе захоўваюцца самыя брудныя жаданні. Звычайна яны выціскаюцца свядомасцю, але застаюцца ў падсвядомасці. Інтэрнэт дазваляе нам іх убачыць у ананімным выглядзе. Калі Інтэрнэт – гэта сметніца, то якое смецце ў ёй? Калі Інтэрнэт – гэта хованка порна, то гэта праблема чалавека, які гэта там і шукае. Калі Інтэрнэт – гэта бясконца бібліятэка, то зноў жа, гэта залежыць ад індывідуальнай практыкі карыстальніка. Культура мае права на «забруджанне свету без таго, каб функцыянальна легітымаваць адкіды і смецце, без таго, каб прыдаць ім нейкую карысную практычную нагрузку» [7, с. 133]. Гэтак жа было ў свой час з кнігамі і агульнай адукацыяй. Што было страшнага ў тым, што ўсе людзі змогуць чытаць і пісаць? Тое, што яны адмовяцца чытаць выключна Біблію і пачнуць самі пісаць што заўгодна, а іншыя змогуць гэта потым чытаць, а кантраляваць гэта будзе немагчыма.

Інтэрнэт магчыма разглядаць як падсвядомасць сучаснага грамадства спажывання, дзе сабраны тыя фантазмы і жаданні, якія могуць быць прыкладам сённяшняй вуснай народнай творчасці, але ў іншым фармаце.

Фальклор традыцыйнага грамадства можна было збіраць па вёсках, а сучасная гарадская культура жыве і красуе ў тым ліку і ў віртуальнай прасторы. «Фальклорна-этнаграфічныя факты, патрапіўшыя ў Сеціва, адлюстроўваюць культуру, актуальную перш за ўсё жыхароў гарадоў, найперш – буйных» [8, с. 303]. Трансфармацыя стаўлення да бруды і смецця адбываецца менавіта ў выніку ўрбанізацыі, калі «вёская – брудная, а горад завалены смеццем» [9], але тут смецце і бруд – гэта не тое самае. Менавіта сучасная культура грамадства спажывання дазваляе нам глядзець на «смецце як прадукт культуры: ад утылізацыі да эстэтызацыі» [10].

Людзі выкладаюць ананімна свае артыкуляваныя жаданні і фобіі анлайн. Гарадскія легенды і байкі анлайн збіраюцца ў шматлікіх пабліках і тэлеграм-каналах у стылі «Падслухана», суполках ў ВК і інш. Адзначым класічныя сметніцы рунету:

<https://bash.im/> – «Цитатник Рунета»,
<https://lurkmore.co/> – Луркоморье,
<https://leprosorium.ru/> – Лепра,
<http://udaff.com/> – Удафф,
<https://upyachka.io/> – Свобода! Равенство! Упячка!
<https://2ch.hk/> – Два.ч.

Чым гэта цікава ў сэнсе этнаграфічных даследаванняў? Магчымасцю ўбачыць адлюстроўванне падсвядомасці пасля бамбардзіроўкі тэлебачаннем і гібрыднымі войнамі, якія руйнуюць свядомасць і разбураюць кагнітыўныя здольнасці да аўтаномнага мыслення. А што яшчэ больш небяспечна, разбураюць давер як сацыяльную з'яву. Няма ніякай падставы, каб верыць усяму, што напісана на гэтых старонках. Гэтак жа, як этнографы не вераць казкам і легендам, але фіксуюць іх і спрабуюць даследаваць. Гэта як магчымасць у некаторай ступені дакрануцца да падсвядомасці.

Пад час традыцыйнага этнаграфічнага даследавання неабходна прыкладаць пэўныя намаганні, каб замаскіраваць прысутнасць назіральніка і зменшыць уплыў на паводзіны ў вывучаемых супольнасцях. Але ж «для анлайн-этнографа праблема трансфар-муецца ў іншую: як магчыма пазнаць, дзе асоба, а дзе даследчык, калі вас наогул ніхто не бачыць?» [11, с. 88] Гэта праблема нябачнасці часам трансфармуецца ў пытанне прысутнасці анлайн. У сацыяльных сетках і інтэрнэт-мэсэнджарах карыстальнікі маюць магчымасць абраць статус «нябачны» для іншых. На жаргоне інтэрнэт-карыстальнікаў – гэта «скрытні» (lurker), «якія могуць быць дасведчанымі аб канкрэтным сегменце анлайн-актыўнасці, але застаюцца схаванымі ад вачэй іншых» [11, с. 91].

У становішчы, калі «сіндром сталага знаходжання анлайн» [12] і балючыя перажыванні ад немагчымасці праверыць свае акаўнты ў

сацыяльных сетках сустракаюцца навокал штодня, магчыма пагадзіцца з меркаваннем, што практыка «*recycling* ёсць сама па сабе сацыяльнасць. Яна бярэ пачатак у рытуальным дзеянні, якое вызваляе свет ад хаосу і наноў структуруе яго <...> праз свярджэнне ўлады над смеццем, якая ёсць уладай грамадства над кожным індывідам» [7, с. 137].

Тыя, хто працуе са смеццем, з'яўляюцца «ананімнымі і незаўважнымі назіральнікамі за чалавечым жыццём, за самымі інтымнымі яе дэталямі, якія абсалютная большасць з нас жадала б схавачь. Недарэмна пакеты для смецця непразрыстыя – але гэта не робіць іх непранікальнымі» [13]. Іншымі словамі, праца са смеццем дазваляе на свае вочы ўбачыць, як ствараецца новы культурны слой.

Такім чынам, мы разгледзелі магчымыя варыянты для выкарыстання этнаграфічных метадаў у дачыненні да віртуальнай прасторы. Віртуальная этнаграфія можа стварыць памылковае ўяўленне, што шмат якія дадзеныя вельмі лёгка збіраць у аўтаматызаваным рэжыме, але менавіта таму, каб пазбегнуць прафанацыі, неабходна «настойваць на ўжыванні традыцыйных стандартаў у паводзінах і крытэрыяў адэкватнасці этнографа» [11, с. 92]. Культурнае жыццё, аднак, пакуль яшчэ толькі нязначна фарміруецца з прыходам Інтэрнэт. Але ўсё ідзе да таго, што менавіта Інтэрнэт будзе ўплываць на фарміраванне навыкаў і кампетэнцый, якія ляжаць у аснове штодзённых культурных практык. «Разуменне выкарыстання Інтэрнэту ў гэтым кантэксце дазваляе пазбягаць рыторыкі і аналітычных даследаванняў, якія адносяцца да Інтэрнэту як нечага «там», чагосьці такога, што існуе асобна ад паўсядзённасці грамадскага жыцця. Замест гэтага, і ў пэўным сэнсе інтэгруючы паняцці структуры і агенцтва, мы можам лепш зразумець Інтэрнэт, абапіраючыся на распрацоўкі і методыкі даследавання тэлевізійнай аўдыторыі для вывучэння рэальнага жыцця, унутраных практык выкарыстання Інтэрнэту. Такі падыход можа эфектыўна дапоўніць анлайн этнаграфію» [5, с. 140]. Этнаграфічны падыход да інтэрнэту як сметніцы можа быць крыніцай карыснай інфармацыі пра стан грамадства і функцыянаванне сацыяльных нормаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Rathje W. Rubbish! : The Archaeology of Garbage / W.L. Rathje, C. Murph. New York : The Univ. of Arizona Press. 2001. 280 p.*
2. *Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психолог. журн. 2009. № 30 (2). С. 18–28.*
3. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социолог. журн. 1998. № 1–2. С. 145–160.*
4. *Hine C. Virtual ethnography / C. Hine. Thousand Oaks : SAGE Publications Ltd, 2000. 192 p.*

5. Mackay H. New Connections, Familiar Settings : Issues in the Ethnographic Study of New Media Use at Home // Virtual Methods : Issues in Social Research on the Internet. Ed.by C. Hine. Berg, 2005. 129–140 с.

6. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI). М. : Логос, 2004. 304 с.

7. Смирнов И. Хлам текстов (Мусор, эмоции и философия) // Логос. 1999. № 2 (12). С. 130–138.

8. Ахметова М. Интернет как корпус источников по фольклору и этнографии (региональный аспект) // Фольклор и этнография: К 90-летию со дня рождения КВ. Чистова : сб. науч. ст. / Отв. ред. А.К. Байбурин, ТБ. Щепанская. СПб. : МАЭ РАН, 2011. С. 302–311.

9. Бредникова О.Е., Ткач О.А. «Грязная деревня» и «Замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // Антрополог. форум. 2008. №8. С. 338–352.

10. Кожаринова А.Р. Мусор как продукт культуры: от утилизации к эстетизации // Горизонты гуманитарного знания. 2017. №3. С. 99–104.

11. Rutter J., Smith G. Ethnographic Presence in a Nebulous Setting. Ed.by C. Hine. Berg, 2005. P. 81–92.

12. Галкина Ю. «Синдром постоянного нахождения онлайн»: Как смартфон и планшет поменяли жизнь горожан // The Village [Электронный ресурс]. 2014. Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/165691-sotsissledovanie-pro-gorozhan-i-gadzhety>. Дата доступа: 05.05.2019.

13. Карп А. Выкинуть из головы // esquire.ru [Электронный ресурс]. 2010. Режим доступа: <https://esquire.ru/archive/1890-garbage>. Дата доступа: 05.05.2019.

И.В. Морозов (Минск, Беларусь)

СРЕДОВАЯ ПАРАДИГМА И ИНТЕНЦИИ АРТ-МЕНЕДЖМЕНТА

Кардинальные трансформации в картине мира последних поколений, весьма испытавших экологическую, глобализационную, общекультурную кризисную проблематику, дают основание констатировать становления новой парадигмы, которую можно назвать *средовой*. Она выросла из системотехнических представлений и исследований, ориентирующихся на раскрытие целостности объекта и на выявление многообразных типов связей, внутренних и внешних факторов системообеспечения. В результате констатируется, что в теории сложных систем важную роль играет понятие внешней среды, под которой подразумевается совокупность объектов, не являющихся элементами данной системы, но взаимодействие с которыми влияет на ее функционирование: система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия [1].

При этом понимание среды принципиально не отличается от уже

устоявшейся трактовки ее в качестве «среды обитания» («окружающая среда», «среда жизнедеятельности») или с позиций характера жизнедеятельности («жилая среда», «производственная среда»).

Дальнейшее синергетическое исследование самоорганизующихся систем существенно изменили представления о таких категориях, как «внешний» и «внутренний», поскольку постоянно флуктуирующая (т.е. подвергающаяся воздействию окружающей среды) существенно трансформируется (см. И. Пригожин).

В этой связи актуализируются такие феномены как «средовое видение», «средовое мышление», которое преисполняет всю гума-нитарную и сферу. Так, философская рефлексия этого феномена выразилась в самых разных направлениях философской антропологии, «философии жизни», феноменологии, экзистенциализме. Актуально звучал и теологический концепт человека в контексте «божественной среды» [2].

В контексте средовой парадигмы институтом образования становятся вся среда жизнедеятельности, мировое информационное и культурное пространство, что знаменовало выход за рамки формирования у учащихся определенного объема знаний, универсальных способов деятельности и состоит в создании и модернизации образовательных сред. В важности их создания убеждал еще А.С. Макаренко с его принципом «параллельного действия», представляющим идею единства воспитания и общественной жизни, личности и коллектива. При этом личность трактуется в единстве с развитием не просто педагогического состава, но с особо организованной средой с взаимным влиянием ее компонентов, ведь «воспитывает не сам воспитатель, а среда» [3, с. 61].

Закономерно, однако, что наиболее выпукло, буквально наглядно, это наблюдалось в зодчестве, которое последовательно отказывалось от миссии «организации пространства» и переходило к утверждению «средового подхода» [4].

В результате «среда» перестала быть некоей метафорой, игрой профессионального дискурса, но стала объектом системного исследования и практических апробаций. Различные ветви западного постмодернизма, японского метаболизма акцентируют создание именно «жизненной среды», целостной, динамичной сферы, охватывающей все естественные и антропогенные составляющие нашего бытия. Понятие «архитектурная среда» достаточно быстро и прочно укореняется в архитектурной теории, а «средообразование» становится лейтмотивом дискуссии о проблемах архитектуры последних десятилетий. Сегодня практически не оспаривается, что будущее – за архитектурой целостной среды.

Так, «стиль» в современной архитектуре и градостроительстве понимается уже не с позиций ансамблевых критериев, но как «стиль

жизни», «стиль поведения». В их основе лежит не сторонне созерцание, не субъектно-объектные отношения, но переживание соучастия в некоем жизненном акте-событии. Субъект средового переживания синтезирует в себе качества, присущие индивиду и коллективному субъекту. Этот синтез осуществляется через понятие ролевого поведения. В определенной среде человек принимает на себя ту или иную роль, выбирая соответствующие декорации, аксессуары, маски из числа предлагаемых ему «режиссером» – проектировщиком и аранжировщиком среды. В выборе роли, в признании ее уместности здесь и теперь сливаются индивидуальные вкусы и пристрастия человека и коллективные требования, выражающиеся посредством данного средового окружения [5].

В этом случае и создается представление, образ среды, который принципиально отличается от эмоционального восприятия пространства, априори гомогенного, «безжизненного». В то время как средовой образ включает в себя и человека – и как зрителя, и как деятеля, его средства передвижения, моду, способы общения и бытовые привычки. Среда сама по себе заряжается образностью как необходимым следствием живого ее освоения, почему и роль архитектора обозначается как «enabler» – создатель возможностей, сподвижника сотворения не физического обезличенного, а индивидуально «осознаваемого пространства» [6]. Так как это есть «обжитое пространство», ойкумена, связанная не просто с продуктами жизнедеятельности и выживанием, но с переживанием и сочувствием. Не с типом и формой жизнедеятельности, но с образом жизни, экзистенцией, культурным кодом и феноменом творчества. И поскольку перечисленное не нечто ставшее и завершенное, то оно сродни потоку, которым представляется новый тип коммуникации, знаменующий трансформацию пространства-времени [7].

Понятно, что речь идет, главным образом, о ментальной, сугубо человеческой, знаково-символической трансформации, которая следует из средового мышления и восприятия. И она объясняет актуальный тип диалога, где среда в ее синергетическом понимании служит местом, очищенным от «призраков» объективности, где главным должно стать субъективное восприятие. Таким образом, из структуры диалога исключается вся рациональная аргументация, акцент делается на «чувстве разговора». А выводы по поводу конкретных позиций и анализ диалога должны делаться уже после события [8]. То есть речь опять-таки идет не о некоем физическом, формальном, гомогенном вместилище, но о феноменальной, личностно переживаемой пространственно-временной, а главное – об очеловеченной одухотворенной среде. Она непременно подвигает диалог с также переживаемым временем в его синхронном и диахронном восприятии, в результате чего индивидуально осознается не

только хронометражность, текучесть, продолжительность среды-события, но и его предыстория, актуальность, перспективы в развитии, а также своевременность и современность в общем культурном контексте. Человеку присуще «умение видеть время, читать время в пространственном целом мира и... воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон... а как становящееся целое, как событие» [9, с. 142]. Отсюда развитие контекстуализма в зодческой теории и практике, когда каждое новое архитектурное событие оценивается с позиции соответствия его историко-культурной среде, где также доминирует феномен экзистенциальной «срединности» человека. Это стало еще более востребованным ныне, когда реально создаются пространства виртуальные, где собственно пространственные измерения и конкретности не имеют решающего значения.

Тем не менее, современный дискурс на эту тему изобилует разнохарактерными синонимами и эпитетами. Посему достаточно новое понятие «арт-пространство» в интернет-энциклопедической трактовке представляет собой «общедоступную территорию для свободного самовыражения творческой деятельности, целью которого является обеспечение средой, богатой возможностями для развития...» и «место, где должна быть создана максимально комфортная атмосфера для всех его жителей и посетителей». (Подчеркнуто мною – *И.М.*). В этом случае более адекватной представляется трактовка креативных пространств как «сообщества творчески ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории» [10]. Однако не трудно убедиться, что за всеми этими лингвистическими упражнениями, обнаруживается средовая парадигма, где «место» (этимологически – «наполнение») преисполнено наполненностью творческим участием человека. Посему насущна не просто экспликация понятий, но наполнение их адекватным смыслом. Это позволит более осмысленно, целенаправленно изучать, создавать, рефлексировать, трансформировать эти «арт-среды», «арткумены», «арт-хебитэты», «арт-локусы» «арт-плейсы» и пр. Тогда и сам арт-менеджер обретет ипостась, роль и ответственность демиурга, артинейблера, аттрактора (структурой-функцией, задающей устойчивое состояние синергетической системе). В этом и видится актуальная интенция арт-менеджмента.

Библиографические ссылки

1. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. 235с.
2. *Шарден П.Т.* Феномен человека / предисл. Роже Гароди; пер. с фр. и

примеч. Н.А. Садовского. М. : Прогресс, 1965. 296 с.

3. *Макаренко А.С.* О воспитательной системе. М. : Директ-Медиа, 2014. 475 с.
4. *Середюк И.И.* Восприятие архитектурной среды. Львов : Вища школа. 1979. 202 с.
5. *Трушина Л.Е.* Эстетика среды // Материалы науч. конф. 20–21 октября 1999 г. Серия «Symposium»: Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Вып. 1. СПб., 1999. С.84–86.
6. *Рассел Б.* Проблемы философии / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск : Наука, 2001. 109 с.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ-ВШЭ, 2000. 402 с.
8. *Виль Р.* Диалог и философская рефлексия // Культура. Личность. Мысль. СПб., 1999. С. 23–56.
9. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М. : Искусство, 1979. 432 с.
10. *Эванс-Причард Э.Э.* История антропологической мысли / пер. с англ. А.Л. Елфимова. М. : Восточная литература, 2003. 358 с.

А.Я. Сарна (Минск, Беларусь)

ГОРОДСКОЙ ШАМАН. ТЕХНОМИСТИЦИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируются и систематизируются историко-культурные аспекты формирования и развития техномистицизма как современной цифровой идеологии на материале творчества таких авторов, как К. Беккер, Г.-Э. Дебор, Э. Дэвис и С. Маккуайр. Влияние теории новых медиа позволило выявить ключевые позиции и методы представителей ситуационизма и неоокультизма в качестве альтернативных способов освоения и преобразования городской среды.

Ключевые слова: *городская среда, новые медиа, техномистицизм, ситуационизм, неоокультизм.*

В современной цифровой культуре особое положение занимает техномистицизм как одно из концептуальных направлений, связанное с древнейшими мифопоэтическими и религиозно-философскими традициями на основе представлений о глубинном духовном единстве информационно-коммуникационных технологий и техники с человеком путем объединяющих их сверхъестественных сил. В рамках этого идейного направления считается, что современные информационные технологии и новые медиа (особенно компьютеры, интернет-сети и виртуальная реальность) позволяют выявить скрытые в человеке сверхчувственные способности, стимулируя видения, озарения, инсайты и даже, в более радикальной версии, – ясновидение, экстрасенсорнику, левитацию и пр., в

обычном состоянии никак себя не проявляющие, но раскрывающиеся в полной мере лишь под воздействием интенсивного обмена информацией и энергетическими импульсами с различными техническими устройствами. Отдельными версиями техномистицизма выступают техношаманизм, кибергностицизм, цифровой оккультизм, модифицированные варианты «нью эйдж», трансперсональной психологии и т.п. [1].

Канонический корпус текстов техномистицизма, претендующих в глазах их адептов на статус едва ли не сакральных, сложился на основе работ У. Берроуза «Электронная революция», Э. Дэвиса «Техногнозис», К. Беккера «Словарь тактической реальности», Дж. Зерзана «Первобытный человек будущего», А. Уилсона «Прометей восставший» и др. Особую роль в становлении и развитии идей техномистицизма сыграли контркультурные движения хиппи и битников, концептуальные откровения психоделической революции 1960-х гг., киберпанка 1980-х гг. и научной фантастики в целом, которая в поисках новых возможностей обратилась к творческим ресурсам жанра фэнтези и подчеркнула из него множество сюжетов и образов, объединив идеи магии с новейшими технологиями, что нашло отражение в творчестве таких писателей-представителей «новой волны», как Р. Желязны, Ф. Дик, С. Дилэни, Ф. Саберхаген, Г. Гаррисон, в художественных кинофильмах «Трон», «Бегущий по лезвию бритвы», «Матрица», «Газонокосильщик», «Экзистенция», «Нирвана», «Клетка», «Начало» и др.

Идейно-концептуальные противоречия между архаическими религиозно-мифологическими представлениями и научным познанием, лежащим в основе технического прогресса, снимаются в техномистицизме за счет трансформации идей о метафизической сущности и природе человека в рамках синергетики, трансперсональной психологии и футурологии, осуществивших синтез научных, религиозных и философских взглядов. В таком ракурсе развитие технологий, начиная с телеграфа, телефона и телевидения, неизбежно ведет к техносинтезу человека и машины, пробуждая в нем способности к телепатии, телекинезу, телепортации в некоем отдаленном будущем, в «точке Омега» (Т. де Шарден), где творческий потенциал ноосферы под влиянием человеческого разума объединится с органическими силами природы, чтобы проявить себя в полной мере, открыв возможности перехода в новое эволюционное состояние – от человека к сверхчеловеку.

Одним из главных идейных вдохновителей техномистицизма является Конрад Беккер – австрийский исследователь гипермедиа и разработчик междисциплинарного контента, руководитель Института новых культурных технологий, директор медиа-центра Public Netbase/t0 (Вена, Австрия) и основатель портала World-Information.Org. Его гипермедиа-проекты

вызывают отклик во многих странах Европы, а созданный им публичный информационный центр стал форпостом критической оппозиции интеллектуалов в 1980-х гг. Самая известная книга Беккера – «Словарь тактической реальности», которая написана в духе ситуационизма и криптоанархизма как «оперативное руководство по культурной деятельности в условиях дезинформационного общества». Х. Бей отзывался о ее авторе как о «нынешнем Джордано Бруно», который «в нашу посторганическую эпоху приглашает нас во «Дворец Памяти» – знания о сознании и контроле над ним, осуществляемом самим человеком или другими» [2, с. 19]. Текст книги представляет собой набор провокационных радикальных тезисов, призванных подорвать линейную логику человека печатной культуры, оказавшегося в дискурсивной матрице тотального информационного контроля.

Здесь Беккер пытается объяснить, как происходит «конструирование реальности» в СМИ и осуществляется «интернализация убеждений», что представляют собой «паттерны манипуляции» и как бороться за «цифровые права» человека. Как считает автор, государство и корпорации XXI в. располагают средствами, позволяющими осуществлять символическое принуждение, не обращаясь к прямому насилию, но контролируя язык, восприятие, воображение и разум. Противостоять политике информационной эксплуатации возможно через использование нового языка и тренированного сознания «культурной интеллигенции», которая, по сути, выполняет роль «информационной (контр)разведки» («intelligence»). Ведь, по мнению Беккера, она уравнивает действие традиционных военных и экономических разведок, собирающих информацию для укрепления контроля, и служит общественным интересам, оценивая и анализируя метаинформацию как фундамент для принятия решений в социополитическом и культурном смысле. Художники и гражданские активисты должны воспитывать и защищать публичную сферу и публичный дискурс так же, как богатство и разнообразие способов культурного самовыражения.

Беккер констатирует, что рост могущественных медиа-олигополий приводит к однообразию и коммерциализации контента, а информационный госконтроль и отказ признать за электронными сетями арену выражения общественного мнения создает угрозу для широкого культурного участия, художественного эксперимента и творчества. Он подчеркивает: «Наивный» страх, что твою душу украдет пристальный автоматический взгляд камеры – по пути в направлении прямой нейронной связи и имплантированных в сетке дигитальных метавращений, имеет силу оккультного, имеет силу воображения, и самим своим существованием бросает вызов миру бионических глаз – в конце концов оказывается оправдан. Это реальное, но

невидимое влияние коммодифицированных образов и общепринятой реальности. Даже в своем самом скрытом виде, оно испытывает тайные магнетические действия, вызывающие тонкие изменения» [2, с. 31]. Защита наследия будущего должна опираться на соответствующие технические, законодательные, научные и финансовые меры. Для обеспечения общественных потребностей в высококачественной, содержательной и доступной информации «культурная интеллигенция» обрабатывает информацию, касающуюся развития и возможных действий в инфосфере, выявляет индоктринацию и пропаганду, защищая гражданское право на свободу выбора, мнения и самовыражения, на коммуникацию и неприкосновенность частной жизни.

Тесное взаимодействие и сотрудничество между активистами, художниками и учеными, по мнению Беккера, может обеспечить экспериментальное поле разнообразной электронной культуры, предусматривая расширение некоммерческих, общественно значимых электронных сетей и цифровых культурных узлов, а также публичного пространства в целом. Его интуиции в этом направлении носят откровенно мистический и оккультный характер: «Чтобы ухватить будущее, требуются многомерные карты мира с обозначениями новых входов и безопасных уголков гиперпространства; для этого требуются коды, открывающие пути из глобальной нормативной реальности в параллельные культуры и невидимые миры; для этого требуются места для постояльцев на маршрутах, избранных для революционной практики бесцельного полета; для этого нужны психогеографические дорожные карты, указывающие путь в сновидение, и общественный транспорт в Каддаф» [2, с. 56–57].

Практически тем же путем следовали французские ситуационисты во главе с Ги-Эрнестом Дебором в шестидесятые годы прошлого века. Их лидер разработал концепцию психогеографии применительно к изучению и освоению городского пространства для возможности его радикальной трансформации в соответствии с потребностями и желаниями самих горожан. Предложенная Дебором концепция унитарного урбанизма привела к переосмыслению общего представления о городе, исходя из того, что «его составляют принципиально временные, изменчивые, перетекающие друг в друга атмосферы, порождаемые взаимодействием всех элементов городской среды и чувств живущих в ней людей; дрейф – практика обнаружения этих атмосфер, прокладки новых маршрутов по воле чувств и желаний дрейфующих, а также фиксации этих маршрутов в новой картографии; конструирование или строительство ситуаций (...) – временных и изменчивых, подобно атмосферам, но гораздо более емких, чем прежде, зданий новой архитектуры, возводимых из столь же новых материалов – желаний и чувств» [3, с. 6–7].

Ситуационисты стремились осуществлять политически и эстетически значимое «конструирование ситуаций» для создания моментальных жизненных атмосфер и их воплощение в высшее чувственное качество. «Мы должны систематически вмешиваться в жизнь, используя комплексный потенциал двух постоянно взаимодействующих элементов: материальных декораций жизни и поведенческих актов, которые обусловлены этими декорациями и направлены на их трансформацию» [3, с. 75]. Основным способом освоения городского пространства становится непрерывно реализуемая практика дрейфа, который можно определить как технику прохождения через различные «слои», неравномерно распределенные в городской среде. Понятие дрейфа неразрывно связано с осознанием явлений психогеографического характера и с разработкой созидательно-игрового поведения, которое ситуационисты противопоставляли традиционным представлениям о путешествии и прогулке по городу. Их экспансия в городскую среду становится подобна путешествиям героя, который странствует на границах разных измерений, выступая посредником между духовным / виртуальным и материальным / реальным мирами, что, с одной стороны, «соответствует воображаемому путешествию шамана в иной мир во время камланий, а с другой стороны, представлениям о становлении шамана и соответствующей практике» [4, с. 301].

В современных условиях непрерывного и интенсивного развития информационных технологий и новых медиа политические программы и психогеографические методы ситуационистов обретают второе рождение уже в практике неоокультистов на волне техномистицизма [5]. Они позволяют сформировать новые технические решения для расширения возможностей пользователей при обращении к геомедиа – системе глобальных информационных сетей, локализованных посредством технологий, определяющих местоположение пользователя с целью его идентификации, персонализации оказываемых услуг, навигации с учетом особенностей местности, составления оптимального маршрута для передвижения, связи с другими пользователями и пр. Геомедиа выступают в качестве технологической платформы при организации городской среды, где тонко взаимосвязаны физическое и символическое измерения в пространственно-материальной и социокультурной реальностях [6]. Это позволяет объединить обыденный опыт восприятия и перемещения в горизонте улиц и площадей с их виртуальными медиаобразами, когда органически-телесный контакт осуществляется как непосредственно с окружающей средой, так и с ее цифровыми копиями в результате взаимодействий с компьютерной клавиатурой или сенсорными панелями и экранами.

Дополненная реальность AR (геолокация и уличная навигация)

расширяет и меняет образ пространства, предлагая различные возможности ориентации и взаимодействия с ним не напрямую, но через виртуальный интерфейс всевозможных технических устройств [7]. Так, в панорамах Google maps или очках Google Glass персональные системы навигации объединяются с потоками информации, предоставляемой телекоммуникационными корпорациями и частными лицами (GPS-навигация, фотографии, видеочаты и т.п.), что приводит к трансгрессии множественных медиареальностей. В такой ситуации основной проблемой осмысления и оптимизации процессов, происходящих в современной медиатизированной городской среде, становится вопрос о том, как мы вписываемся в локальный городской ландшафт, создавая среду своего обитания, как идентифицируем и позиционируем себя в нем и какую роль при этом играют новые медиа.

При этом создается эффект «парадоксальной сакрализации действительности», о которой писал М. Элиаде [8, с. 5], но в несколько ином ключе – при путешествии из одного измерения в другое, постоянном пребывании на грани нескольких мультимедиальных сред, которое позволяет современному городскому шаману не испытывать потребность в состоянии транса – он и так постоянно находится в полусне-полуяви, его внимание рассеяно, а действия подчинены принципу тотальной экономии усилий, будучи обращенными лишь к сенсорике взаимодействия с экранными поверхностями технических устройств и персональных гаджетов.

Библиографические ссылки

1. *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2008. 480 с.
2. *Беккер К.* Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. М. : Ультра. Культура, 2004. 224 с.
3. *Дебор Г.-Э.* Психогеография. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 112 с.
4. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М. : 1976. 328 с.
5. *Медиа: между магией и технологией.* М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. 330 с.
6. *Маккуайр С.* Геомедиа. М. : Stelka press, 2018. 268 с.
7. *Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
8. *Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев : «София», 2000. 480 с.

Л.Н. Семенова (Минск, Беларусь)

ЭТНОС И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Этнос и цивилизация существуют в неразрывном взаимодействии, питая друг друга духовными соками, что подтверждает история белорусского этноса как элемента русской цивилизации. Находясь в ВКЛ и Речи Посполитой, белорусы не потеряли русской основы. Возвращение в Российскую империю и совместное пребывание в СССР оказалось закономерным следствием развития единой русской цивилизации.

Ключевые слова: *этнос, идентичность, цивилизация, управленческая система, культурный код, национальное развитие*

Среди человеческих сообществ важнейшее место занимают этносы. В этнической идентичности воплощаются все символические структуры культуры: язык, ментальность, коллективный склад психики, стереотипы поведения, мифология, фольклор и др., с помощью которых общность осознает свое единство и отличает себя от других. Однако, любая идентичность, имея объективные основы в реальном взаимодействии людей, окончательно формируется только благодаря управлению и фиксируется в порождаемой им идеологии. Как отмечал Л.Н. Гумилев, для средневековой науки Западной Европы этнография была не актуальна. Но в эпоху Великих географических открытий положение изменилось коренным образом [1, с. 25]. Этносы, так как мы их понимаем сегодня, стали актуализироваться в эпоху нового времени, в период формирования мировой капиталистической системы, когда мир действительно и географически и экономически стал един и нужно было различать многочисленные народы. Так, по словам Л.Н. Гумилева, «возникла этнография, наука о различиях между народами» [1, с. 27].

Этносы предстали перед исследователями в виде изменчивой калейдоскопичной картины. Народов оказалось очень много. Границы их расселения были размыты, отнюдь не совпадая ни с каким административно-территориальным делением. Отличительные признаки порой не столько различали, сколько объединяли. Критерии, характеризующие этносы, не отличались однозначностью и подходили для характеристики других общностей. С течением времени картина этносов менялась: народы то объединялись, то разделялись. В конструируемых таксономиях ученые, с одной стороны, шли внутрь этносов, выделяя всевозможные подгруппы, но, с другой стороны, очень важно было идти и вширь, объединяя их в большие общности, пытаясь найти материнские культурные матрицы, на которых они выросли и которые их питают живительными духовными соками. Появились понятия «культуры»,

«цивилизации», такие большие региональные общности, после которых в классификации социумов идет только человечество в целом.

В науке категорильная связка *этнос–цивилизация* дает большие возможности для анализа и осмысления двух субъективно конструируемых взаимосвязанных и взаимовложенных друг в друга общественных систем, поскольку в реальной исторической жизни объективно существующая малая этническая общность или будет жить в сопротивлении, а потом возможно будет поглощена и полностью растворится в чуждой ей большой культуре, или будет адекватно развиваться в соответствующей ей родной цивилизации.

Если мы обратимся к известной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, то увидим, что «этнос» у него понятие с весьма эластичными и дрейфующими границами. Но в общем, по его мнению, в этносе больше биологического, нежели социального: «Этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий» [1, с. 11]. Второе начало термодинамики – это стремление термодинамических систем к равновесию, переход энергии от теплых систем к холодным, а не наоборот. Это есть не что иное, как закон возрастания энтропии. Применительно к процессу этногенеза это означает, что этнос в своем развитии проходит все фазы живого организма, начиная от рождения, роста, подъема, зрелости и заканчивая гомеостазисом и умиранием. Также Гумилев определяет этносы, как «явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли» [1, с. 22].

Принимая идею биологического в этносе, следует признать, что тогда культура-цивилизация выступает в качестве уравнивающего социального начала. В этом случае под культурой должно понимать в соответствии с Д.Л. Андреевым «общий объем творчества человечества» [2, с. 51]. А под цивилизацией – ее региональное оформление, культурно-региональный комплекс, в отличие от стадий в развитии человечества, что в принципе дополняет друг друга: региональные культуры проходят в своем развитии определенные стадии. Более того цивилизация становится материально-техническим оформлением культуры. В этой связи интересны рассуждения О. Шпенглера о том, что «цивилизация есть неизбежная судьба культуры. Цивилизация – это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они – завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством...» [3, с. 43]. Как этнос

не может жить вне своего природно-географического ландшафта, кстати одного для многих родственных этносов, так он не может жить вне культурного ландшафта, и что вполне естественно, также единого для многих этносов.

В этой связке *этнос–цивилизация*, в соответствии со вторым началом термодинамики, большая цивилизация передает свою культурную энергию малому этносу.

Если мы обратимся к определению этноса, данному еще И.В. Сталиным и многократно тиражируемому в различных учебниках, то в нем перечисляются такие вполне объективные и ясные признаки, конструирующие этнос, как: общность территории, хозяйственной жизни, язык, особенности культуры, национальный характер и стереотипы поведения. Каждый из этих признаков и все они вместе растягиваются до цивилизации. В рамках марксистской традиции знаменитый французский историк Ф. Бродель и основатель школы миросистемного анализа И. Валлерстайн ввели объемный многогранный термин «мир-экономика». Политической формой мир-экономики по большей части становится мир-империя. В таких мирах формировался устойчивый рынок, складывалась своя система хозяйственных связей, развивалась общая система культурных норм и символов. Из этого выросло сходство художественных вкусов, единство политических, религиозных, эстетических представлений, правил повседневной жизни, по сути дела цивилизация. Как заметил Б.Ю. Кагарлицкий, миры-экономики по Валлерстайну – это и есть цивилизации по Шпенглеру и Тойнби. Ничего мистического и загадочного нет ни в их появлении, ни в их развитии, ни даже в их упадке и исчезновении, ведь экономические условия и границы мировых хозяйственных регионов с течением времени менялись [4, с. 29]. В этой связи этнос является всего лишь элементом большой социальной системы цивилизации. В силу стечения исторических обстоятельств он может выпасть из своей системы, встроиться в другую, и даже потерять свои определяющие качества, но если он сохранил свои системные признаки, тогда он будет жить и взаимодействовать со своей материнской системой.

Все это хорошо видно на примере развития белорусского этноса в лоне русской цивилизации. Официальная историография начинает нашу цивилизованную историю с христианских летописных фактов, относящихся к VIII–IX вв. и зафиксированных прежде всего в «Повести временных лет». То, что было раньше, должно вписываться в схему первобытной истории. Ее этническая составляющая скупко обозначается сменой доиндоевропейцев на индоевропейцев на протяжении II тыс. до н.э. Даже не задается вопрос, а что происходило на огромной территории Евразии, включая белорусские земли, с IV–III тыс. до н.э., когда уже развивались древние государства-

цивилизации, располагавшиеся южнее. Неужели, когда южные соседи в Китае, Индии, Месопотамии, Египте, Греции, Риме строили роскошные дворцы, храмы, гробницы, наши предки в звериных шкурах все еще разрисовывали пещеры? Между тем уже накоплено огромное множество артефактов, свидетельствующих о существовании не менее развитой цивилизации русов, русичей Гипербореи-Орианы. Скорее всего именно эта неизученная, скрываемая от нас, не представленная в учебниках цивилизация и явилась культурной матрицей русской цивилизации. Славянские племена были ее западной частью, в том числе предки белорусов кривичи, дреговичи, радимичи. То, что эта цивилизация не стала значительным разделом официальной историографии, свидетельствует о том, что в контексте глобального исторического процесса, при решении четких управленческих задач по подчинению и колонизации Евразии, наследников этой цивилизации нужно было лишить исторической памяти, изначальных культурных кодов, поставив их на второе место после «более древнего и развитого» Запада – наследника Древней Греции и Рима.

Колонизация русской цивилизации Западом и переориентация культурных смыслов начались с создания Русского государства и включения его в библейский проект. Викинги-варяги объединили под своей властью часть русских восточнославянских племенных княжений, располагавшихся по торговому пути «из варяг в греки» и оживили торговлю с самой экономически развитой и мощной на тот момент Византийской империей. Торговля нарушила равновесную многоукладную экономику русских племен. Города, а Русь называли Гардарикой – «страной городов», стали высасывать соки из села, и очень быстро опустошили всю сельскую округу. Принятое христианство не только включило новую управленческую систему Русь в западный библейский проект, не только ввело на Руси новую идеократию, но усилило чувство единой русской идентичности. Ведь христианство, провозглашая, что «нет ни эллина, ни иудея ...» сплачивало людей в единой вере, стирая в их сознании различные перегородки. По словам М.И. Кояловича, люди стали жить «общей русской жизнью» [5, с. 8]. В сознании русских людей разрушались племенные различия и укреплялась цивилизационная идентичность для кого-то благодаря толчку теперь новой веры, для кого-то вопреки ей. Собственная идеология не смогла состыковаться с западным христианством. После официальной схизмы церковью 1054 г. в рамках греческого образца христианства начало развиваться русское православие, которое теперь на долгие века станет определяющим культурным кодом, хранителем и объединителем русского народа.

Политически же русский народ окажется раздроблен сначала на множество княжеств и даже республик (Новгородскую и Псковскую),

впоследствии на два крупных территориально растущих навстречу друг другу образования Великое княжество Литовское (ВКЛ) и Великое княжество Московское (ВКМ). ВКЛ, в котором с XIV в. оказались наши белорусские земли с проживавшим на них русским народом, сразу оказалось под западным влиянием через соседнюю Польшу. Запад в целом и Польша в частности рассматривали конструкт будь то Великого княжества Литовского, будь то Речи Посполитой в качестве плацдарма для движения на Восток. Русские люди самого ВКЛ считались объектом экономической эксплуатации и политического и идеологического подчинения – окатоличивания. Великое княжество Московское находилось под политическим патронатом и налоговым прессом Золотой Орды. Владимиро-Суздальская земля, на которой появилась Москва, была оплотом православия. Неслучайно Москва стала политической формой русской цивилизации, а Литва вводила русских людей в Западную систему. Русские люди Литвы оказались в ситуации политического отрыва от родной цивилизационной матрицы. Западная Русь была отрезана от восточной. Один народ, принадлежавший к одной цивилизации, оказался разделен между двумя государственными управленческими системами. Собственно, главным идейным стержнем истории ВКЛ стала борьба западнорусского народа за свою русскость и православную веру.

И западнорусские люди не потеряли своей цивилизационной идентичности. Они сохраняли и развивали живые связи со своим восточным соседом, своей цивилизационной колыбелью. Как писал М.И. Коялович: «Туда их неодолимо тянут и русская вера громадного большинства населения западной России, и русский язык еще более громадного числа их, и русская торговля, более насущная для всей этой страны, чем торговля с ее западными соседями. Историческая, народная тяга западной России к восточной сказывалась в многочисленных случаях» [5, с. 9–10]. Западнорусские люди и высших и низших слоев участвовали во многих делах Русского государства. Князья-воины защищали его на поле брани, ремесленники отстраивали города, ученые продвигали науку и образование. Коялович подчеркивал: «Можно сказать со всей справедливостью, что в строении русского государства, русского языка и русской литературы трудились все русские и с востока, и с запада. От того это стремление и вышло таким большим и таким крепким» [5, с. 11].

Воссоединение западных русских людей, теперь уже белорусов и малороссов, в границах Российской империи, а затем совместное пребывание в СССР оказалось неизбежным и закономерным, т.к. оно основывалось на цивилизационном единстве. Западная Русь, как ее ни старались переделать и перевести в другую веру, хотя бы и в униатскую, так и осталась русской страной. Вернувшись в лоно материнской цивилизации

белорусский и украинский этносы получили возможности для своего национального развития.

Таким образом наша отечественная история наглядно подтверждает неразрывную взаимосвязь этноса и цивилизации. Многообразие этносов является источником силы и динамизма цивилизаций, а живительная связь с родной цивилизацией обеспечивает полноценное развитие этноса. Нынешнее пребывание белорусов в собственном национальном государстве отнюдь не противоречит данному постулату, а, напротив, подчеркивает целостность и действенность русского мира, неизбежность интеграционных процессов на постсоветском пространстве, развития Союзного государства Беларуси и России.

Библиографические ссылки

1. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
2. *Андреев Д.Л.* Роза мира. М. : Эксмо, 2007. 800 с.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск : Попурри, 2009. 656 с.
4. *Кагарлицкий Б.Ю.* От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М. : Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 680 с.
5. *Коялович М.И.* Чтения по истории западной России. Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2006. 476 с.

РАЗДЗЕЛ II

ІМПЛЕМЕНТАЦЫЯ І РЭВІТАЛІЗАЦЫЯ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ І МАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ БЕЛАРУСІ

А.І. Смолік (Мінск, Беларусь)

НЕМАТЕРЫЯЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСІ: ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНАЕ ПОЛЕ І ПРАКТЫКА

Абагульняюцца навукова-метадычныя падыходы беларускіх і замежных даследчыкаў да вызначэння сутнасці і зместу катэгорыі фундаментальнай культуралогіі «нематэрыяльная культурная спадчына», упершыню ўведзенай ЮНЕСКА ў тэкст Канвенцыі аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Аўтар адстойвае правамернасць інтэрпрэтацыі дадзенага паняцця з улікам нацыянальнай спецыфікі культуры розных краін свету. Аналізуецца трактоўка тэрміна дзяржаўнымі і навуковымі інстытуцыямі Беларусі.

Ключавыя словы: *артэфакт, гісторыка-культурная каштоўнасць, імплементацыя, культура, рэвіталізацыя, спадчына.*

Навуковае вывучэнне сутнасці і зместу нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў свеце, у тым ліку і Беларусі, пачынаецца ў пачатку ХХІ ст., дакладней, з 2003 г. Менавіта у гэтым годзе ў Парыжы на 32-й сесіі Генеральнай канферэнцыі Арганізацыі Аб'яднаных Нацый па пытаннях адукацыі, навукі і культуры (далей – ЮНЕСКА) была прынята Міжнародная канвенцыя аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей – НКС) [1]. У сувязі з фіксацыяй дадзенага паняцця міжнародным прававым актам, у навуковых колах распачаліся навуковыя дыскусіі. Справа ў тым, што да гэтага часу дэфініцыі «нематэрыяльная культурная спадчына» не існавала. У гуманітарным дыскурсе і нарматыўна-прававой сферы разглядаліся асобныя яе аспекты (абрады, традыцыі, фальклор і г.д.) альбо НКС абазначалася тэрмінамі «духоўныя каштоўнасці», «гісторыка-культурная спадчына», «гісторыка-культурныя каштоўнасці» [2].

Праблема даследавання НКС апынулася ў цэнтры шэрагу навук: гісторыі, культуралогіі, музейалогіі, сацыялогіі, філасофіі, юрыспрудэнцыі і інш. Аналіз навуковых падыходаў да яе вывучэння сведчыць, што даследаванне артэфактаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны носіць у асноўным прыкладны характар пры яўным адставанні тэарэтычнага асэнсавання і разумення яе сістэмнага характара. Гэта наглядна бачна ў тым, што сам тэрмін НКС да нашага часу не мае адназначнага вызначэння. Выяўленне феномена нематэрыяльнай культурнай спадчыны і звязаным з

ім колам тэрмінаў уяўляецца такім жа складаным, як і вызначэнне феномена самой культуры. Разнастайнасць тэрмінаў і характарыстык, як правіла, звязана з тымі мэтамі і задачамі, якія стаяць перад даследчыкам-тэарэтыкамі ці спецыялістамі-практыкамі.

Аналіз сучасных тэарэтыка-метадалагічных падыходаў да выяўлення сутнасці НКС дазваляе вылучыць наступную класіфікацыю тэрміналагічага кола нематэрыяльнай культурнай спадчыны.

Першая група – **прагматычная**. Яна дэманструе погляд на спадчыну з пункту гледжання прававых і маёмасных адносін у гра-мадстве. Для даследчыкаў дадзенай групы характэрна скрупулезнае вывучэнне ўнутранага зместу спадчыны, але пры гэтым адсутнічае характарыстыка яе ролі як фактара сацыяльна-эканамічнага жыцця, аб’екта палітыкі, г. зн. сістэмы ўсіх знешніх узаемасувязей.

Другая група – **інфармацыйная**, ці **сінергетычная**. Гэты падыход да тэрміналогіі абумоўлены узаемасувяззю паміж культурай, спадчынай і інфармацыяй, і падходам да НКС як да інфармацыйна-культурнага феномена.

Трэцяя група – **эканамічная**, дзе паняццёвы апарат звязаны з праблемамі і перспектывамі выкарыстання спадчыны ў якасці рэсурса для эканамічнага развіцця, турызма і т. п.

Чацвёртая група – **сацыяльна-гуманітарная**. Нягледзячы на пэўныя рысы падабенства з папярэдняй групай, неабходна адзна-чыць, што, што падыход тут больш шырокі і арыентаваны на разгляд спадчыны як рэсурса развіцця для грамадства ў цэлым, уключаючы не толькі эканамічныя аспекты, але і шырокае кола сацыяльных і гуманітарных аспектаў.

Аналіз прац беларускіх навукоўцаў і нарматыўна-прававых актаў, якія тычацца аховы культурнай спадчыны паказвае, што ў іх рэдка ўжываецца канцэпт «нематэрыяльная культурная спадчына».

Так, у законе «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» выкарыстоўваюцца такія паняцці, як «нематэрыяльныя культурныя каштоўнасці» і «нематэрыяльныя праявы творчасці чалавека» [2, арт. 1]. У фундаментальнай культура-логіі пад культурнымі каштоўнасцямі разумеецца сукупнасць «найбольш адметных па сваіх якасцях твораў інтэлектуальнай, мастацкай і рэлігійнай творчасці. У гэты пералік таксама ўваходзяць архітэктурныя і іншыя збудаванні, унікальныя творы рамёстваў, увесь набор археалагічных і часткова этнаграфічных рарытэтаў з нагоды іх старажытнасці. Культурнымі каштоўнасцямі з’яўляюцца таксама пэўныя квінтэсенцыі сацыяльнага вопыту грамадства, у межах якіх сабраны найбольш апраўдаўшыя сябе і паказаўшыя найбольшую сацыяльную эфектыўнасць прынцыпы ажыццяўлення жыццядзейнасці: норавы, звычаі, стэрэатыпы, ментальнасць, узоры паводзін, ацэнкі, вобразы, інтэрпрэтацыі і інш.

Такім чынам, паняцце «нематэрыяльныя культурныя каштоўнасці» ахоплівае шырокае кола з’яў і працэсаў сучаснай жыццядзейнасці людзей, у той час як у Канвенцыі 2003 года канкрэтна абазначаны артэфекты культуры, якія з’яўляюцца аб’ектамі НКС: «звычаі, формы ўяўленняў і выражэння, веды, і навыкі, а таксама звязаныя з імі інструменты, прадметы, артэфекты і культурныя прасторы» [1].

Такім жа аб’ёмным з’яўляецца і паняцце «нематэрыяльныя праявы творчасці чалавека». Пад імі, у першую чаргу, неабходна разумець спецыялізаваную сферу культуры, функцыянальна выконваючую задачы інтэлектуальна-пачуццёвага адлюстравання быцця ў мастацкіх вобразах, г. зн. усе віды мастацтва, у тым ліку і сучасныя, а не толькі традыцыйныя. Такая інтэрпрэтацыя паняцця «нематэрыяльная культурная спадчына» навукавай супольнасцю і прадстаўнікамі юрыспрудэнцыі Беларусі, на наш погляд, ёсць правамернай, таму што дадзены падыход да паняцця, сфармуляванага ЮНЕСКА, адлюстроўвае беларускі нацыянальны аспект праблемы захавання НКС і таго вялікага значэння, якое яна мае для развіцця беларускага грамадства. Нацыянальная культурная спадчына з’яўляецца ўнікальнай для кожнай краіны і Рэспубліка Беларусь імкнецца прадставіць на міжнародны ўзровень лепшыя, найбольш значныя ў аксіялагічных адносінах артэфекты.

Нягледзячы на розную інтэрпрэтацыю дэфініцыі НКС, адчуваючы яго недасканаласць і ўмоўнасць, прадстаўнікі розных сацыяльна-гуманітарных навук актыўна карыстаюцца разглядаемым тэрмінам для адрознення аб’ектаў матэрыяльных і прыродных. Дарэчы, узорам для канцэпта нематэрыяльнай спадчыны паслужыла раней замацаванае паняцце «спадчына матэрыяльная», якое ўключае прызнакі «культурнае» і «прыроднае».

Акрамя дыскусій, выкліканых неадназначнасцю пераклада дадзенага тэрміна, не аслабла *дыскурсіўная фаза* спрэчак адносна зместу НКС. Яе вызначэнне падрабязна і канкрэтна ўтрымліваецца ў Канвенцыі 2003 года. У артыкуле 2 даецца наступнае яе вызначэнне: да нематэрыяльнай культурнай спадчыны адносяцца звычаі, формы ўяўлення і выражэння, веды і навыкі, а таксама, звязаныя з імі інструменты, прадметы, артэфекты і культурныя прасторы, прызнаныя супольнасцямі, групамі і, у некаторых выпадках, асобнымі людзьмі ў якасці часткі іх культурнай спадчыны. Такая спадчына праяўляецца ў: а) вусных традыцыях і формах выражэння, уключаючы мову ў якасці носьбіта нематэрыяльнай культурнай спадчыны; б) выканальніцкім майстэрстве; в) звычаях, абрадах, святах; ведах і звычаях, якія адносяцца да прыроды і сусвету; г) ведах і навыках, звязаных з традыцыйнымі рамёствамі [1, арт. 2].

Дадзенае паняцце ў трактоўцы ЮНЕСКА не ўсімі навукоўцамі ўспрымаецца адназначна. Так, расійскі культуролог М.Е. Каулен

прытрымліваецца іншага вызначэння. На яе думку, пад НКС неабходна разумець сукупнасць заснаваных на традыцыі форм культурнай дзейнасці і выражэння, якія фарміруюць у суб'ектаў чалавечай супольнасці пачуццё самабытнасці і пераемнасці і прызнаюцца каштоўнасцю. Яна лічыць, што ў паняцце нематэрыяльнай спадчыны патрэбна ўключыць як аб'екты спадчыны, так і спосабы яе трансляцыі, сацыяльныя механізмы перадачы традыцыі ад чалавека чалавеку. Адзінкай вымярэння спадчыны, па яе меркаванні, выступае аб'ект нематэрыяльнай спадчыны [3, с. 62].

Аналагічнага падыходу да выяўлення сутнасці НКС прытрымліваецца аўстралійскі археолаг Р. Гарысан, які свярджае, што нематэрыяльную спадчыну неабходна разглядаць як працэс збірання прадметаў і практык, якія выступаюць у якасці лустэрка для сучаснасці, звязанага з пэўным наборам каштоўнасцей, якія суб'екты культуры жадалі б узяць у будучае [4, с. 4].

Літоўскі гісторык Р.Чэпайтэне таксама схільная ўяўляць НКС як працэс стварэння значэнняў, дзякуючы якім ідэнтычнасць і сацыяльныя каштоўнасці становяцца спрэчнымі, пацвярджаемымі ці адхіленымі [5].

Кітайскія культурныя антрапалагі Лю Чжуан і Му Яньлі адзначаюць, што канцэпцыя ЮНЕСКА не з'яўляецца самадастатковай у навуковых колах Кітая. Праблема заключаецца ў разуменні тэрміна «нематэрыяльны». Шэраг кітайскіх этнолагаў лічаць, што НКС раўназначна духоўнай культуры. У адпаведнасці з вызначэннем Камітэта па выратаванні грамадскай культурнай спадчыны Кітая, НКС азначае «прадукт культуры ці культур, якія створаныя папярэднікамі і засвоенныя сучаснікамі» [6, с. 184]. Такі падыход да сутнасці нематэрыяльнай спадчыны заснаваны на самаідэнтыфікацыі суб'екта культуры, які павінен пераканацца ў тым, што для яго пэўны артэфакт культуры з'яўляецца духоўнай каштоўнасцю, у адваротным выпадку спадчына будзе перапынена, і такі аб'ект культуры ўжо нельга будзе аднесці да НКС.

Гарачай тэмай у культуралагічных колах стала пытанне аб прадстаўніках гуманітарных навук, якія павінны займацца даследаваннем НКС. Шэраг еўрапейскіх навукоўцаў схільны лічыць, што нематэрыяльная спадчына – гэта сфера этналогіі і антрапалогіі. Такого пагляду, напрыклад, прытрымліваюцца антрапалагі С.А. Аруцонаў, Ю.В. Брамлей, Ж. Леал, Т.С. Кур'янава, А. Девале, П. Клеменце, К.В. Чыстоў і інш. Так, А. Девале перакананы, што дадзеныя з'явы даўно вядомы этнолагам, якія ўжо больш стагоддзя фатаграфуюць, запісваюць, здымаюць цырымоніі, святы, танцы, працэсы работы майстроў ці проста фрагменты паўсядзённага жыцця [7, с. 10].

У гуманітарным дыскурсе шырока распаўсюджаны яшчэ адзін погляд на праблему крытычнага даследавання нематэрыяльнай спадчыны, згодна з якім роля антрапалогіі прызнаецца толькі ў шэрагу астатніх гуманітарных

дысцыплін. Прыхільнікі дадзенай пазіцыі лічаць, што феномен нематэрыяльнай культурнай спадчыны з'яўляецца хутчэй культуралагічнай і гістарычнай практыкай вартай спецыяльнага вывучэння.

Р. Чэспайтэне прытрымліваецца міждысцыплінарнага падыходу да даследавання НКС. На яе думку, даследаванне нематэрыяльнай спадчыны павінна засноўвацца не толькі на класічнай трыядзе археалогіі, архітэктуры і гісторыі, традыцыйна звязаных з матэрыяльнай спадчынай, але і на такіх дысцыплінах, як антрапалогія, геаграфія, культуралогія, музейялогія, педагогіка, сацыялогія, эканоміка і інш. [5, с. 173].

Расійскія даследчыкі артэфектаў НКС (Т.П. Калугіна, Л.А. Клімаў, М.Е. Каулен, Е.Н. Масцяніца, Э.А. Шулепава і інш.) адстойваюць пазіцыю, згодна якой навуковая распрацоўка праблем НКС павінна адбывацца ў рамках музейнага ведавання. Так, Л.А. Клімаў сцвярджае, што музей у адносінах да артэфектаў НКС выступае як складаны кадзіруючы механізм, які ажыццяўляе адбор з'яў культуры, іх вывучэнне і перадачу» [8, с. 7]. Аналагічнай пазіцыі прытрымліваецца і шэраг такіх беларускіх культуролагаў і гісторыкаў, як А.А. Гужалоўскі, Т.А. Джумантаева, А.Н. Калбаска, С.К. Канановіч, І.Г. Лупашка і інш. Яны лічаць, што асноўнай задачай інстытуцый Рэспублікі Беларусь з'яўляецца музейная аб'ектаў НКС, экспаніраванне іх на выставах і экспазіцыях.

У названых пунктах гледжання, падаецца, патрэбна адзначыць адно істотнае ўпушчэнне: у разважаннях навукоўцаў размова ідзе аб гісторыка-культурнай спадчыне ў цэлым, а не толькі аб нематэрыяльнай спадчыне.

Акрамя праблемы вызначэння дысцыплінарных межаў даследавання артэфектаў НКС маюцца і іншыя дыскусійныя праблемы. У прыватнасці, на працягу многіх гадоў не сціхаюць спрэчкі адносна навуковых падыходаў да патрыманалізацыі нематэрыяльнай спадчыны. Так, расійскія культуролагі М.Я. Кабіцкі і М.В. Калмыкова, зыходзячы з радыкальных поглядаў, сцвярджаюць, што вылучэнне з артэфектаў культуры аб'ектаў нематэрыяльнай спадчыны з'яўляецца вынікам глабалізма, які мае негатыўныя наступствы, бо заходнія краіны навязваюць астатнім цывілізацыям і культурам эсны, каштоўнасці і дыскурсы еўропацэнтрызма [9, с. 136].

Р. Чэспайтэне звяртае ўвагу на такі міжцывілізацыйны парадокс у галіне НКС, як змест «Рэпрэзентатывнага спіса нематэрыяльнай культурнай спадчыны чалавецтва», які, на яе погляд адлюстроўвае дваякія стандарты. Так, еўрапейскую культуру у ім прадстаўляюць у асноўным толькі феномены, звязаныя з фальклорам, у той час як усходнія краіны ў сваёй большасці намінуюцца артэфектамі высокай культуры (напрыклад, тэатрам ценяў і операй Кунку ў Кітаі, тэатрам Нагаку ў Японіі).

Такое разыходжанне ў поглядах, як нам падаецца, абумоўлена рознымі падыходамі да інтэрпрэтацыі аўтэнтычнасці ў краінах Захаду і Ўсходу. Гэта

дазваляе экспертам НКС па-рознаму канструяваць артэфакты традыцыйнай культуры. Зыходзячы з мясцовага кантэксту аб'ектаў НКС, эксперты праводзяць дваюкую аперацыю: дэкантэкстуалізацыю і рэкантэкстуалізацыю. У выніку такіх маніпуляцый яны пераўтвараюцца ў вялікую традыцыю, а з праяў грамадскага і культурнага жыцця розных сацыяльных груп – у знакі ідэнтычнасці, з аб'ектыўных аспектаў культуры – у суб'ектыўныя ідэнтытарныя эмблемы.

У сувязі з канструяваннем традыцыйнага ўзнікае праблема канцэпта аўтэнтычнасці і крытэраў, якія б дазвалялі адносіць тэя ці іншыя працэсы і з'явы да аб'ектаў НКС. М.Е. Каулен і беларускі філосаф Э.К. Дарашэвіч лічаць яго надзвычай важным. На іх думку, асноўнымі метадамі работы з аб'ектамі НКС павінны быць толькі тэя, з дапамогай якіх магчыма выявіць арыгінальнасць артэфакта. Аналагічных поглядаў прытрымліваецца і кітайскі філосаф Лю Куйлі, які мяркуе, што пры вывучэнні аб'екта НКС неабходна зыходзіць з высвятлення таго, ці з'яўляецца ён пастаянным у часе і прасторы [10, с. 129]. Прыхільнікі такога падыходу да патрымана-лізацыі артэфактаў НКС зыходзяць з таго, што культурныя працэсы і з'явы пастаянна змяняюцца з развіццём і прагрэсам гістарычнай эпохі. Адна з іх знікаюць назаўсёды, таму што больш не сумяшчаюцца з новым сацыяльным асяроддзем. Адначасова ёсць і такія, якія працягваюць дэманстраваць сваю моцную жыццяздольнасць альбо набываць новае развіццё ў розных праявах. Разам з афіцыйнымі крытэрамі ЮНЕСКА крытэр аўтэнтычнасці, на іх погляд, дазволіць больш аб'ектыўна ажыццяўляць працэс вызначэння артэфакта спадчыны. Дарэчы, у законе «Аб ахове гісторыка-культурных каштоўнасцяў» падкрэсліваецца, што аб'екты НКС катэгорыі А павінны ўтрымліваць поўную аўтэнтычнасць і дакладнасць, быць безумоўнымі і нязменнымі [2, арт. 16].

Такім чынам, прааналізаваўшы погляды айчынных і замежных навукоўцаў у галіне вывучэння праблем захавання нематэрыяльнага праяўлення творчасці чалавека (НКС), можна канстатаваць, што дэфініцыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў сучасным гуманітарным дыскурсе новая, якая яшчэ праходзіць працэс канцэптualaнага навукова-гэарэтычнага і юрыдычнага афармлення. Панарама айчынных, заходнееўрапейскіх і ўсходнеазіяцкіх даследчыкаў НКС – стракатая і характарызуецца пэўнай міждысцыплінарнай раз'яднанасцю. У сувязі з гэтым мяркуем, што інтэнсіўны разгляд і абмеркаванне пытанняў нематэрыяльнай спадчыны будзе садзейнічаць паглыбленаму разуменню дадзенай фармальна новай з'явы і выпрацоўцы эфектыўных практык і стратэгіі яе выкарыстання.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Конвенция об охране нематериального культурного наследия

[Электронный ресурс]: принята 17 окт. 2003 г. 32-й сессией Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>. Дата обращения: 18.12.2018.

2. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр» Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2011.

3. *Каулен М.Е.* Научные основы музеефикации нематериальных и средовых объектов в контексте музееведения / М.Е. Каулен // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2006. № 4. С. 61–65.

4. *Harrison R.* Heritage: Critical approaches. Abingdon / R. Harrison. New York : Routledge, 2013. 356 p.

5. *Ченайтене Р.* Культурное наследие в глобальном мире / Р. Ченайтене. Вильнюс : ЕГУ, 2010. 217 p.

6. *Лю Чжунан, Му Яньли.* Анализ и разъяснение понятия НКН / Чжунан Лю, Яньли Му // Юго-Западный университет. журн: гуманитарные и общественные науки. 2008. № 5. С. 180–187.

7. *Desvallées A.* La muséologie et les catégories de patrimoine immatériel. Questions de terminologie, à propos de intangible heritage / patrimoine immatériel et patrimoine intangible / A. Desvallées // Museology and Intangible Heritage. International Symposium, org. by ICOFOM. 20th General Conference of ICOFOM. Complete edition of the papers. Seoul : ICOM; München : MPZ. 2004. P. 7–14.

8. *Климов Л.А.* Музейон и интердисциплинарность / Л.А. Климов // Музей. 2012. № 4. С. 42–45.

9. *Кабицкий М.Е., Калмыкова М.В.* Организации Слоу Фуд и Терра Мадре и их деятельность по защите кулинарных и аграрно-промысловых традиций / М.Е. Кабицкий, М.В. Калмыкова // Традиционная культура: науч. альм. 2016. № 2. С. 133–138.

10. *Лю Куйли.* Небо – Земля – Человек, или Время – Пространство – Обряд. Охрана нематериального культурного наследия по отношению к созданию экокультуры / Лю Куйли // Традиционная культура: науч. альм. 2015. № 4. С. 127–131.

Д.У. Філіпчык (Мінск, Беларусь)

ВЫКАРЫСТАННЕ МУЗЕЯМІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ДЛЯ ФАРМІРАВАННЯ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ

У артыкуле разгледжана культурна-адукацыйная дзейнасць дзяржаўных музеяў Рэспублікі Беларусь, накіраваная на захаванне нематэрыяльнай культурнай спадчыны, а на падставе апошняй – на фарміраванне

нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: *музеі Рэспублікі Беларусь, захаванне, нематэрыяльная культурная спадчына, нацыянальна-культурная ідэнтычнасць.*

Ва ўмовах імклівага развіцця ўрбанізацыйных працэсаў фарміраванне нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці з’яўляецца вельмі важнай і актуальнай задачай для беларускага грамадства. Нематэрыяльная культурная спадчына (далей – *НКС*) можа быць асновай, ядром гэтай ідэнтычнасці. Паводле Канвенцыі ЮНЭСКА 2003 года «Аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны» да яе адносяцца «звычай, формы прадстаўлення і ўяўлення, веды і навукі, а таксама звязаныя з імі інструменты, прадметы, артэфакты і культурныя прасторы, якія прызнаюцца супольнасцямі, групамі і, у некаторых выпадках, асобнымі людзьмі ў якасці часткі іх культурнай спадчыны. Такая нематэрыяльная культурная спадчына, якая перадаецца ад пакалення да пакалення, пастаянна ўзнаўляецца супольнасцямі і групамі ў межах іх навакольнага асяроддзя, ва ўзаемадзеянні з прыродай і іх гісторыяй, а таксама фарміруе ў іх пачуццё самабытнасці і пераемнасці, садзейнічаючы тым самым павазе да культурнай разнастайнасці і творчасці чалавека» [1].

З нарастаннем урбанізацыйных працэсаў паступова змяніліся спосабы трансляцыі *НКС* наступным пакаленням. Узнікла неабходнасць у стымуляванні будучых носьбітаў да засваення не толькі *НКС*, але і ведаў аб традыцыйнай культуры. У справу захавання нематэрыяльнай спадчыны, яе трансляцыі паступова праз рэалізацыю культурна-адукацыйных праектаў уключыліся і дзяржаўныя музеі Рэспублікі Беларусь.

Для актуалізацыі *НКС* і фарміраванні на яе падставе нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці музеі Рэспублікі Беларусь выкарыстоўвалі шырокі спектр форм культурна-адукацыйнай работы, імкнуліся комплексна прадставіць розныя бакі нематэрыяльнай спадчыны. Расійская даследчыца музейнай педагогікі М.Ю. Юхневіч вылучае 10 базавых форм культурна-адукацыйнай дзейнасці музея: экскурсія, лекцыя, кансультацыя, навуковыя чытанні (канферэнцыі, сесіі, пасяджэнні), клуб (гурток, студыя), конкурс (алімпіяда, віктарына), сустрэча з цікавым чалавекам, канцэрт (літаратурны вечар, тэатралізаванае прадстаўленне, кінасанс), свята, гістарычная гульня [2, с. 63].

У культурна-адукацыйнай дзейнасці музеі значную ўвагу ўдзялілі знаёмству наведвальнікаў з побытам і традыцыйнымі заняткамі беларусаў. Напрыклад, у 2012 годзе ў *Баранавіцкім краязнаўчым музеі* быў распрацаваны музейна-педагагічны занятак «Побыт і заняткі жыхароў Баранавіцкага края ў канцы XIX – пачатку XX стст.» (для дзяцей ад 9 да 15

гадоў), у 2015 годзе – занятак пад назвай «Адзенне з бабулінага куфра», прысвечаны беларускаму народнаму ткацтву і разлічаны на дзяцей ад 9 да 15 гадоў [3].

Супрацоўнікі *Міёрскага гісторыка-этнаграфічнага музея* распрацавалі цікавы цыкл музейна-педагагічных заняткаў, які знаёміў дзяцей з побытам сялянскай сям’і ў розныя поры году («Вясновы дзень гаспадара», «Летні дзень гаспадара», «Восеньскі дзень гаспадара», «Зімовы дзень гаспадара») [4, л. 31]. Некалькі заняткаў было прысвечана апрацоўцы лёну, традыцыйным святам (Каляды, Гуканне вясны, Купалле), традыцыйнаму строю, асаблівасцям традыцыйнай кухні.

Шмат увагі музейныя спецыялісты ўдзялілі знаёмству з рамёствамі і промысламі. Так супрацоўнікі *Мазырскага аб’яднанага краязнаўчага музея* распрацавалі некалькі музейна-педагагічных заняткаў, накіраваных на засваенне ведаў аб НКС і практычных навываў, звязаных з гэтай спадчынай. Падчас занятка «Чароўныя рукі майстра» малодшыя школьнікі даведваліся аб гісторыі саломаліцтва, засвойвалі асноўныя прыёмы пліцення і стваралі саламяную цацку [5, л. 21]. Падобны музейна-педагагічны занятак «Аб чым спявае гліна» знаёміў з традыцыямі ганчарства.

У філіяле *Мазырскага аб’яднанага краязнаўчага музея – музеі-майстэрні М.М. Пушкарка* быў распрацаваны музейна-педагагічны праект «Жывая гліна», які складаўся з цыкла заняткаў. Падчас іх удзельнікі знаёмліліся з гісторыяй керамікі, яе відамі, тэхналогіяй керамічнай вытворчасці, вядомымі керамічнымі цэнтрамі Беларусі. Адметна тое, што кожны занятак заканчваўся майстар-класам па стварэнні керамічнага вырабу ў спецыяльна абсталяванай для гэтага музейнай майстэрні [6, с. 102]. З 1998 года пры музеі працаваў Цэнтр рамёстваў. У 2012 годзе ў музеі быў распрацаваны занятак «Гліняная цацка-свістулька», падчас якога ўдзельнікі выраблялі цацку, а пасля абпальвання пакідалі яе сабе ў якасці сувеніра.

Для комплекснага засваення ведаў аб абрадах і звычаях музейныя спецыялісты распрацоўвалі асобныя музейна-педагагічныя заняткі ці нават цыклы заняткаў. Напрыклад, *Дзятлаўскі дзяржаўны гісторыка-краязнаўчы музей* для школьнікаў і дашкольнікаў прапаноўваў некалькі музейна-педагагічных заняткаў, якія знаёмілі з рознымі абласцямі НКС, а менавіта, з гісторыяй святаў («Каляда, калядкі, збірайцеся рабяткі», «Вясна прыйшла! Цяпло знайшла!») [7, л. 15].

У *Карэліцкім раённым гісторыка-краязнаўчым музеі* музейна-педагагічныя заняткі ахоплівалі асноўныя святы каляндарнага цыклу і праводзіліся па тэмах: «У пошуках папараць кветкі» (2010 г.), «Гуканне вясны» (2015 г.), «А сёння ў нас Масленка» (2016 г.), «Прышоў багач – кідай рагач» (2016 г.) [7, л. 18].

Цыклы музейна-педагагічных заняткаў былі разлічанымі на комплекснае

засваенне розных абласцей НКС. Так, супрацоўнікі *Круглянскага раённага гісторыка-краязнаўчага музея* таксама распрацавалі некалькі прывесчаных НКС музейна-педагагічных заняткаў. З 2010 года яны прапанавалі наведвальнікам цыкл заняткаў пад назвай «Традыцыі і культура беларусаў» [8]. На іх навучэнцы знаёміліся, галоўным чынам, з фальклорнымі традыцыямі («Беларускі фальклор»), апрацоўкай лёну («Як рубашка ў полі вырасла»), музычнымі інструментамі («Музычных спраў майстар»), сельскагаспадарчымі заняткамі («Як хлеб да стала прыйшоў») і інш. [9, л. 20]. Адметна тое, што заняткі адбываліся не толькі ў музейнай прасторы, як правіла ў этнаграфічным раздзеле экспазіцыі, але і ва ўстановах адукацыі. Заняткі прадугледжвалі знаёмства з музейнымі прадметамі, традыцыйнымі спевамі, карагодамі, фальклорнымі выступамі, дыдактычнымі гульнямі і інш. Заняткі суправаджаліся майстар-класамі па выцінанні і пляценні пояса, а таксама продажам рамеснай прадукцыі [8].

Для перадачы ведаў аб традыцыйнай культуры і НКС музеі выкарыстоўвалі розныя формы культурна-адукацыйнай работы. Напрыклад, у *Рэчыцкім краязнаўчым музеі* было распрацавана некалькі тэматычных экскурсій, падчас якіх размова ішла аб НКС. Традыцыям і абрадам, звязаным з жыллём, супрацоўнікі музея прывяцілі экскурсію «Жыллё нашых продкаў». Тэма ткацтва раскрывалася на экскурсіі «Песня тканіны». Былі падрыхтаваны таксама экскурсіі «Звычаі і вераванні нашых продкаў», «Народныя промыслы і рамёствы Рэчыцкага раёна», «Культура і побыт беларусаў» і інш. [5, л. 28]. У адпаведны каляндарны перыяд адбывалася тэатралізаваная экскурсія «Гуляй, Масленіца!» з рэканструкцыяй элементаў характэрных для Масленіцы абрадаў. Падчас экскурсіі удзельнікі даведваліся аб гісторыі свята, яго хрысціянскім сэнсе і дахрысціянскіх каранях, аб яго рэгіянальных асаблівасцях. Экскурсія суправаджалася майстар-класам па стварэнні лялькі, ваджэннем карагоду, гульнямі і традыцыйнымі спевамі [10]. Падобнае музейнае мерапрыемства пад назвай «Гісторыя светлага свята Вялікдзень» знаёміла наведвальнікаў з гісторыяй, звычаямі і традыцыямі гэтага свята. Традыцыйная экскурсія дапаўнялася тэатралізаванай (рэканструкцыяй) этапаў падрыхтоўкі да свята), майстар-класам па роспісе яек, традыцыйнымі для свята гульнямі [10].

У *Браслаўскім раённым аб'яднанні музеяў* былі падрыхтаваныя тэматычныя экскурсіі і лекцыі «Маляваныя дываны Браслаўшчыны», «Традыцыі саломаліцтва на Браслаўшчыне», «Народнае ткацтва Браслаўшчыны» [4, л. 6]. З мэтай папулярызацыі традыцыйных рамёстваў перыядычна арганізаваліся рамесныя кірмашы. У сваіх культурна-адукацыйных праектах музей актыўна супрацоўнічае з калектывамі «Вярба» Дрыўятскага сельскага дома культуры і «Сябрына» Ахрэмаўскай музычнай школы.

Супрацоўнікі *Чашиціцкага гістарычнага музея* рэалізавалі некалькі культурна-адукацыйных праектаў. У кантэксце рэалізацыі аднаго з іх музейныя спецыялісты падтрымлівалі і спрыялі захаванню ў раёне традыцый калядавання. З 1993 г. музей штогод арганізоўваў свята «Калядкі, святкі». Сумесна з фальклорнымі калектывамі арганізоўвалася дэманстрацыя традыцыйнага абыходу двароў, касцюмаў, заклікаў, адбываліся выезды ў населеныя пункты раёна.

У музеі праводзіліся і іншыя свята народнага календара, такія як «Масленіца» (з 2014 г.) і «Спас мядовы» (з 2015 г.). З 2015 года музейныя спецыялісты ўдзельнічалі ў правядзенні «Свята печы», якое арганізоўвалі ў вёсцы Валасачы Цашиціцкага раёна [11, с. 4]. Мерапрыемства было прысвечана традыцыям баўлення вольнага часу, суправаджалася народнымі спевамі, традыцыйнымі гульнямі, сустрэчай з майстрам-печніком. З 2016 года ужо на базе музея пры ўдзеле народнага клуба «Ветэран» адбывалася рэканструкцыя абраду запальвання восенню першага агню ў хаце «Жаніцьба коміна». Музей не абмяжоўваўся арганізацыяй святочных мерапрыемстваў, але выкарыстоўваў і іншыя формы культурна-адукацыйнай работы, напрыклад, сустрэчы з носьбітамі НКС. Летам 2016 года для школьнікаў музеём была арганізаваная сустрэча з майстрам-разбярор У.К. Ялінскім [12].

Рэалізуючы культурна-адукацыйныя праекты ў сферы НКС музеі Рэспублікі Беларусь спрыялі перадачы гэтай спадчыны, яе актуалізацыі і, адпаведна, яе захаванню. У той жа час у новых пакаленняў назапашваліся веды аб традыцыйнай культуры беларусаў, неабходныя для фарміравання на іх падставе нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці. Рэвіталізацыя культуры – складаны і працяглы працэс, які патрабаваў ад музейных спецыялістаў стварэння адмысловых адукацыйных праграм, цыклаў заняткаў, а таксама арганізацыі перыядычных музейных мерапрыемстваў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage // Official website of The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00006>. Date of access: 01.03.2019.
2. Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике / М. Ю. Юхневич. М. : М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии, 2001. 223 с.
3. Музейно-педагогические занятия // Афіцыйны сайт Баранавіцкага краязнаўчага музея [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://baranovich-museum.com/афиша/музейно-педагогические-занятия/>. Дата доступу: 11.03.2019.

4. Магэрыялы анкетнага апытання па тэме: «Дзейнасць музеяў Рэспублікі Беларусь па ахове і папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 1991–2016 гг. Віцебская вобласць» // *Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. Фонд 9. Воп. 5. Спр. 37. Л. 54.*

5. Магэрыялы анкетнага апытання па тэме: «Дзейнасць музеяў Рэспублікі Беларусь па ахове і папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 1991–2016 гг. Гомельская вобласць» // *Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. Фонд 9. Воп. 5. Спр. 38. Л. 38.*

6. *Сайфутдинова В.Т.* «Резиденция братьев Дедов морозов» и акция «Ночь музеев» в историческом центре «Мозырский замок» / В.Т. Сайфутдинова // 2016 – Год культуры. Музеи и историко-культурное наследие Гомельщины : сб. материалов / Гл. упр. идеолог. работы, культуры и по делам молодежи Гомел. обл. исполнит. ком., Отдел идеологич. работы, культуры и по делам молодежи Жлобин. район. исполнит. ком., Гос. учреждение культуры «Жлобинский историко-краеведческий музей». Жлобин, 2017. С. 101–103.

7. Магэрыялы анкетнага апытання па тэме: «Дзейнасць музеяў Рэспублікі Беларусь па ахове і папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 1991–2016 гг. Гродзенская вобласць» // *Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. Фонд 9. Воп. 5. Спр. 39. Л. 32.*

8. Музейно-педагогические занятия // Афіцыйны сайт Круглянскага раённага гісторыка-краязнаўчага музея [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://krugloe.museum.by/node/27805>. Дата доступу: 17.03.2019.

9. Магэрыялы анкетнага апытання па тэме: «Дзейнасць музеяў Рэспублікі Беларусь па ахове і папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 1991–2016 гг. Магілёўская вобласць» // *Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. Фонд 9. Воп. 5. Спр. 40. Л. 41.*

10. Гуляй, Масленица! // Афіцыйны сайт Рэчыцкага краязнаўчага музея [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://rechitsa.museum.by/node/39008>. Дата доступу: 10.03.2019.

11. *Стукалава Н.* Калі ласка ў нашу хату : [аб правядзенні «Свята печы» Чашніцкім гістарычным музеем] / Н. Стукалава // *Чырвоны прамень*. 2015. 10 ліст. С. 4.

12. Мероприятие «Мастерская радости» // Афіцыйны сайт Чашніцкага гістарычнага музея [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://chasniki.museum.by/be/node/39776>. Дата доступу: 09.03.2019.

Т.В. Кедрык (Мінск, Беларусь)

ВОПЫТ ВЫКЛАДАННЯ КУРСА «ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСІ» У БНТУ

У артыкуле разглядаецца вопыт выкладання курса «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі» у БНТУ, распрацаванага на кафедры «Гісторыя, сусветная і

айчынная культура». Вылучаюцца асноўныя мэты і задачы курса, аналізуюцца метады выкладання і праблемы, якія былі выяўлены ў ходзе апрабачыі курса.

Ключавыя словы: гісторыка-культурная спадчына, памяць, вучэбны і выхаваўчы працэс у вышэйшай школе, сацыяльна-гуманітарныя

У 2012 годзе ў Рэспубліцы Беларусь была прынятая Канцэпцыя аптымізацыі зместу, структуры і аб'ёму сацыяльна-гуманітарных дысцыплін ва ўстановах вышэйшай адукацыі [1], згодна якой уведзілася модульная структура дысцыплін сацыяльна-гуманітарнага блоку. Чацвёрты модуль «Гісторыя» уключае ў сябе абавязковую дысцыпліну «Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветных цывілізацый)» і 1–2 спецыялізаваныя модулі па выбары студэнтаў. У межах спецыялізаванага модуля «Гісторыя» у 2017 годзе на кафедры «Гісторыя, сусветная і айчынная культура» (з лютага 2019 г. кафедра была рэарганізаваная ў кафедру «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці») быў распрацаваны вучэбны курс «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі». У 2017–2018 вучэбным годзе дысцыпліна прайшла апрабачню ў якасці курса па выбары студэнтаў на шэрагу факультэтаў БНТУ.

У сучасным грамадстве гісторыка-культурная спадчына набывае ўсё большую сацыяльна-палітычную значнасць, таму што ў працэсах глабалізацыі і фарміравання адзінай сусветнай супольнасці культурныя каштоўнасці з'яўляюцца своеасаблівай адметнасцю сацыякультурнай ідэнтычнасці і самабытнасці народа. Актуальнасць курсу «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі» абумоўлена тым, што менавіта праз матэрыяльныя і нематэрыяльныя каштоўнасці ўзнікае міжчасавы дыялог, забяспечваецца арганічная пераемнасць сацыяльнага вопыту, сувязь пакаленняў не толькі на побытовым узроўні, але і на ўзроўні культуры краіны. Шматлікія выклікі сучаснага свету актуалізуюць праблемы выяўлення, вывучэння, інтэрпрэтацыі, аховы, кіравання і практычнага выкарыстання гісторыка-культурнай спадчыны. Далучэнне да гісторыка-культурнай спадчыны народа – мовы, абрадаў, звычаяў, матэрыяльных і духоўных набыткаў папярэдніх пакаленняў – садзейнічае фарміраванню творчай асобы з актыўнай жыццёвай пазіцыяй, выходзіць павагу як да ўласнай культуры, так і да культур іншых народаў. Гісторыка-культурная спадчына з'яўляецца важным інфармацыйным, адукацыйным, эканамічным і палітычным рэсурсам устойлівага развіцця грамадства.

Культурная спадчына заўсёды служыла падмуркам духоўнага развіцця пакаленняў. У ёй канцэнтраваныя тыя гуманістычныя каштоўнасці, якія не схільныя да старэння. Кожнае пакаленне выкарыстоўвае назапашаны вопыт, засвойвае дасягненні і рухаецца далей, да стварэння новых каштоўнасцяў. Выконваючы функцыю гістарычнай памяці народаў,

гістарычная спадчына спрыяе фарміраванню нацыянальнай ідэнтычнасці чалавека, вучыць патрыятызму і салідарнасці. Важна не толькі навучыць падрастаючае пакаленне прытрымлівацца традыцый, шанаваць памяць продкаў, але неабходна і абудзіць цікавасць да пазнання гісторыі свайго краю. Дзеянні па ўмацаванні ў грамадстве духоўна-маральных нормаў і каштоўнасцяў сёння набываюць асаблівую значнасць і ўтрымліваюць у сабе важнуюсэнсавую нагрузку, асабліва ў студэнцкім моладзевым асяроддзі.

На думку Д.С. Ліхачова, «памяць – аснова сумлення і маральнасці, памяць – аснова культуры, “назапашанай” культуры, памяць – адна з асноў эстэтычнага разумення культурных каштоўнасцяў. Захоўваць памяць, берагчы памяць – гэта наш маральны абавязак перад самімі сабой і перад нашчадкамі. Памяць – наша багацце» [2]. Гісторыка-культурная спадчына – гэта “гістарычная памяць» грамадства. Чалавечая памяць служыць механізмам перадачы сацыяльнага вопыту з пакалення ў пакаленне, забяспечваючы тым самым пераемнасць культуры, традыцый і іншых грамадскіх каштоўнасцяў. Таму імкненне людзей захаваць памяць з’яўляецца натуральнай і неабходнай умовай развіцця грамадства. Чалавецтва заўсёды разумела, што захаванне памяці продкаў дазваляе весці гаворку пра будучыню, пра далейшае развіццё грамадства. «Пражыванне» гістарычных падзей, асэнсаванне ладу жыцця гістарычных асоб спрыяе фарміраванню маральнай пазіцыі, пачуцця патрыятызму, доўгу, гатоўнасці прытрымлівацца ідэалаў добра і справядлівасці. Таму асноўнай мэтай выкладання дысцыпліны з’яўляецца фарміраванне ўсебакова развітай, творча мыслячай, валодаючай высокай культурай і гуманістычным светапоглядам асобы. Вывучэнне курса спрыяе фарміраванню асобы студэнтаў, росту культурна-прафесійнага узроўню будучых інжынераў.

«Толькі спадчына, уключаная ў калектыўную памяць супольнасці, прыняцце яе як чагосьці каштоўнага і важнага для яго членаў, можа фарміраваць ідэнтычнасць, пачуццё адзінства і гонару за свой край, натхняць людзей на сумесныя дзеянні – адным словам, ствараць сацыяльны капітал» [3, с. 30]. Вывучэнне змястоўнага, аб’ектыўнага і актуальнага матэрыяла аб гісторыка-культурнай спадчыне беларускага народа ў межах асобнай дысцыпліны павінна спрыяць цэласнаму ўяўленню аб поліэтнічнасці і поліканфесійнасці як найважнейшых дасягненнях, якія неабходна выкарыстоўваць для захавання самабытнай нацыянальнай культуры.

Курс «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі» базуецца на папярэднім вывучэнні дысцыпліны «Гісторыя Беларусі», носіць міждысцыплінарны характар, уключае ў сябе элементы такіх дысцыплін, як этналогія, культуралогія, мастацтвазнаўства. Курс складаецца з 8 тэматычных блокаў, вывучаючы якія студэнты знаёмяцца з асновамі тэорыі

гісторыка-культурнай спадчыны, спадчынай традыцыйнай матэрыяльнай, духоўнай і сацыяльнай культуры беларусаў, канфесійнай і этнічнай гісторыяй, мастацкімі помнікамі і каштоўнасцямі, прынцыпамі захавання і аховы спадчыны.

Курс дазваляе засяродзіць увагу студэнтаў на культурных дасягненнях беларускага народа, на што часта не дастаткова часу ў курсе «Гісторыя Беларусі». Вывучэнне курса фарміруе сістэму ведаў аб гісторыка-культурнай спадчыне Беларусі, раскрывае яе структуру і склад, знаёміць з асноўнымі аспектамі традыцыйнай культуры, яе асаблівасцямі ва ўсходнеславянскім і індаеўрапейскім кантэксце. У курсе вызначаюцца асноўныя характарыстыкі архітэктурна-мастацкіх стыляў і дэманструецца іх адметнасці ў беларускай мастацкай спадчыне, раскрываецца роля гісторыка-культурнай спадчыны як рэсурсу ўстойлівага развіцця грамадства.

У ходзе выкладання курса выкарыстоўваліся розныя метады працы са студэнтамі: студэнты чыталі і аналізавалі тэксты, рыхтавалі даклады, прэзентацыі, працавалі з аўдыё-візуальнымі крыніцамі, рыхтавалі праекты.

Эфектыўным метадам з'яўляецца выкарыстанне тэхналогій і перш за ўсё сацыяльных сетак, якія даюць магчымасць зрабіць вучэбную камунікацыю больш інтэнсіўнай і пастаяннай, ва ўмовах калі аўдыторныя заняткі адбываюцца раз на два тыдні. Сацыяльная сетка «Вконтакте» сёння самы масавы і папулярны моладзевы рэсурс. Ён дазваляе стварыць групу, напоўненую ўласным кантэнтам. Зносіны ў такой групе прадугледжваюць магчымасць асабістай і публічнай перапіскі, напаўненне відэа- і аўдыёінфармацыяй, пакіданне каментароў да апублікаваных матэрыялаў, размяшчэнне карысных спасылак. У ходзе выкладання курса была створаная такая група (<https://vk.com/club161846182>), дзе студэнтам паведамляліся як заданні да семінараў, так і спасылкі на розныя інтэрнэт-рэсурсы, якія маглі быць карыснымі для падрыхтоўкі, размяшчалася літаратура і іншыя матэрыялы.

З вопыту выкладання можна адзначыць, што курс меў водгук у студэнтаў. Асаблівую зацікаўленасць выклікала тэма, прысвечаная традыцыйнай беларускай абраднасці і святам. Студэнты нярэдка ўдзельнічаюць у розных народных святах, такіх як Масленіца ці Каляды, а таксама ў сямейных абрадах і часцей за ўсё не ведаюць не іх паходжання, не іх сэнсу.

Знаёмячыся з поліэтнічнай спадчынай, студэнты зазначалі, што не ўяўлялі колькі этнічных груп здаўна пражывае на тэрыторыі Беларусі і як шмат яны ўнеслі ў нашу супольную спадчыну. Семінарскі заняткаў быў арганізаваны як своеасаблівы «Фэстываль нацыянальных культур», дзе

студэнты, працуючы ў падгрупах, прадстаўлялі культуру этнічных супольнасцяў, якія здаўна пражываюць на тэрыторыі Беларусі.

Не меншую цікавасць выклікала і тэма, прысвечаная гарадам і мястэчкам Беларусі. Выявілася, што студэнты вельмі дрэнна арыентуюцца ў геаграфіі Беларусі, мала падарожнічаюць і ў найлепшым выпадку ведаюць гісторыю толькі свайго населенага пункта. Праекты, прысвечаныя гісторыі і спадчыне свайго роднага горада, мястэчка ці вёскі дазволілі зладзіць віртуальнае падарожжа і значна пашырылі веды студэнтаў аб краіне.

Выкладанне курса дало разуменне пэўных праблем, якія варта зазначыць. Колькасць гадзін, адведзеная на выкладанне курса, дае магчымасць толькі павярхоўнага азнаямлення студэнтаў з тэмамі дысцыпліны, кожная з якіх магла б стаць прадметам асобнага спецыялізаванага курса. Напрыклад, тэме, прысвечанай багатай і разнастайнай мастацкай спадчыне, усяму багаццю літаратуры, жывапісу і архітэктуры Беларусі адводзіцца 4 лекцыйныя і 2 семінарскія гадзіны.

Важнай праблемай з'яўляецца недастатковая матывацыя студэнтаў тэхнічнай ВНУ да вывучэння гуманітарных дысцыплін. Частка студэнтаў першапачаткова адносіцца да гуманітарных курсаў як да неабавязковых, якія толькі адцягваюць час ад асноўных дысцыплін. Вырашэнне гэтай праблемы для выкладчыка заўсёды з'яўляецца выклікам і штуршком да пошуку новых метадаў і форм навучання, якія змогуць зацікавіць і прыцягнуць увагу моладзі да матэрыялу.

Вопыт выкладання курса «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі» дае разуменне неабходнасці і важнасці матэрыяла, прадстаўленага ў курсе. Вывучэнне гісторыка-культурнай спадчыны мае не толькі эўрыстычнае, але перш за ўсё выхаваўчае значэнне, бо садзейнічае стварэнню і ўмацаванню эмацыйнай сувязі маладых людзей з краінай, у якой яны жывуць, з тымі культурнымі здабыткамі і каштоўнасцямі, якія пакінулі нам нашы продкі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования URL: <https://edustandart.by/baza-dannykh/normativnye-pravovye-dokumenty/item/1345-prikaz-ministra-obrazovaniya-respubliki-belarus-194-ot-22-03-2012-ob-utverzhdenii-kontseptsii-optimizatsii-soderzhaniya-struktury-i-ob-ema-sotsialno-gumanitarnykh-disttsiplin-v-uchrezhdeniyakh-vysshego-obrazovaniya#itemCommentsAnchor/> (дата обращения 03.05.2019).

2. *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=34608> (дата обращения: 01.04.2019).

3. *Ганский В.А.* Современные методы и технологии управления знаниями о историко-культурном наследии // Гуманитар. науч. вестн. 2018. №4. С. 30–41.

П.Ю. Булаты (Мінск, Беларусь)

ЗАХАВАННЕ КАТАЛІЦКАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ СЯРОД «НОВОПРИСОЕДИНЁНЫХ» Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ ст. (ПРЫКЛАД ЛЯХАВІЦКАГА ПРЫХОДУ)

У артыкуле разглядаецца праблема захавання канфесійнай ідэнтычнасці ў асяроддзі гараджан горада Ляхавічы ў другой палове ХІХ стагоддзя. У 1867 годзе ў горадзе быў зачынены каталіцкі храм, адбыўся працэс пераводу парафіян з каталіцызму ў праваслаўе. Даследаванне грунтуецца на паведамленнях афіцыйнага царкоўнага выдання, дзе цягам дзесяцігоддзяў падымалася пытанне вернасці «новоприсоединённых» каталіцкім звычаям.

Ключавыя словы: *канфесійная ідэнтычнасць, каталіцкая царква, праваслаўная царква, Ляхавічы.*

Пасля падзей паўстання 1863–1864 гг. на землях, якія ўваходзілі ў склад беларускіх губерняў, царскім урадам была распачатая мэтанакіраваная і паслядоўная палітыка па змяншэнні ўплыву, якое аказвала Каталіцкая царква на насельніцтва краю, і ўзмацненню ролі Праваслаўнай Царквы. Адбывалася гэта шляхам фармальнага скарачэння колькаснай вагі насельніцтва каталіцкага веравызнання. У рэчышчы рэалізацыі падобнай палітыкі ажыццяўляліся лакальныя мерапрыемствы па пераводзе часткі рымска-каталіцкага насельніцтва ў праваслаўную канфесію. Адным са спосабаў пераводу ў іншае веравызнанне было дзеянне на парафіяльнае каталіцкае духавенства, якое праз розныя метады ўплыву (прымус, выгоднія ўмовы) прымалі праваслаўную веру. У такіх выпадках увесь падначалены ім прыход таксама пераводзіўся ў праваслаўе. Аднак не заўжды падобныя крокі знаходзілі падтрымкі ў парафіян [1, с. 160; 2, с. 186].

На гэтым фоне змянення (у тым ліку прымусовым) канфесійнай прыналежнасці, рабілася актуальнай праблема захавання насельніцтвам сваёй спрадвечнай канфесійнай ідэнтычнасці. Змена веравызнання для насельніцтва цягнула за сабой і пэўныя змены ў жыццёвага ўкладу, выкананне новых абрадаў. Калі падобныя змены ў царкоўным асяроддзі маглі прымацца з высокай ступенню талерантнасці, то змяненне бытавых устояў прымалася не заўжды ахвотна, захоўвалася вернасць былым традыцыям. Так, пры пераводзе ў праваслаўную канфесію, «новоприсоединившиеся» вернікі наведвалі храм, здзяйснялі рэлігійны абрад паводле праваслаўнай традыцыі. Але ў бытавым плане (хатнія малітвы, карыстанне літаратурай, святочныя звычаі) захоўвалася тое, што было і не прымалася іншая культурная мадэль.

Пры ажыццяўленні пераводу каталікоў у праваслаўныя, урад рабіў

захады па канфесійнай сацыялізацыі насельніцтва і поўнай адаптацыі яго ў новай канфесійнай культурнай мадэлі. Але калі вонкава гэта атрымлівалася, то на штодзённым і бытавым узроўні поспеху не было. Гэта праблема заходзіла сваё адлюстраванне ў царкоўных справаздачах, прысвечаных ацэнцы рэлігійнасці прыхаджан таго ці іншага прыходу.

Разгледзім працэс пераходу з адной канфесіі ў іншую і звернем увагу на пытанне захавання ідэнтычнасці на канкрэтным практычным прыкладзе, які меў месца ў горадзе Ляхавічы.

Горад Ляхавічы сярэдзіны XIX ст. па сваім канфесійным складзе вызначаўся як горад пераважна каталіцкі. Тэндэнцыя на ўмацаванне і дамінаванне каталіцкага веравызнання сярод насельніцтва горада пачала ўстанаўлівацца яшчэ з XVIII ст. Так, па стане на канец XVIII ст. у Ляхавічах прадстаўнікі каталіцкага веравызнання дамінавалі. Агульная доля хрысціян у Ляхавічах складала 52,2 % з іх 82,9 % прыходзілася на каталікоў [3]. У той жа перыяд у горадзе спыніў дзейнасць прыход грэчаскага абраду (грэка-каталіцкі): падчас візітацыі 29 красавіка 1784 года будынак Ляхавіцкай уніяцкай царквы Святога Георгія быў прызнаны нягодным для выкарыстання і зачынены [4, арк. 68–70]. Часова ён пераносіўся ў суседнюю вёску Падлессе. У саміх жа Ляхавічах было вырашана пабудаваць новую грэка-каталіцкую царкву, дзеля чаго святару было дазволена выкарыстоўваць будаўнічы матэрыял з лясных угоддзяў Ляхавіцкага графства. Аднак праект застаўся не здзейсненым, новая царква ў Ляхавічах не была пабудаваная і ў першыя дзесяцігоддзі XIX ст. [5, арк. 28–29]. Колькасць парафіян Ляхавіцкага касцёла па стане на 1860-я гады вызначаецца ў 3636 чалавек [6, с. 14] (з улікам сялян з вёсак, якія ўваходзілі ў склад парафіі; усё насельніцтва саміх Ляхавічаў у 1867 г. складала 2072 чалавекі [7, с. 48]).

Працэс пераходу насельніцтва Ляхавічаў з каталіцызму ў праваслаўную канфесію пачаўся яшчэ ў 1866 годзе, калі міравы пасрэднік В.А. Захараў збіраў на валасных і сельскіх сходах падпіскі аб далучэнні да праваслаўя [6, с. 440]. У сакавіку 1867 года прашэнне аб закрыцці касцёла і яго пераасвячэнні было задаволена [6, с. 441]. Настаяцелем касцёла быў прызначаны Анзельм Гірдовін – каталіцкі святар, які перавёў з каталіцызму ў праваслаўе парафіян суседняга з Ляхавіцкім Крывошынскага касцёла. Касцёл у Ляхавічах быў зачынены ў сярэдзіне ліпеня 1867 года, пачалася перабудова яго знешняга выгляду ў царкву праваслаўную з адметнымі архітэктурнымі рысамі: храм набыў рысы і элементы распаўсюджанага тады наварускага стылю (2-ярусная вежа-званіца з шатровым пакрыццём і макаўкай у завяршэнні над галоўным фасадом, а таксама 12-гранны барабан, завершаны цыбулепадобнай галоўкай, над алтарнай часткай [7, с. 90]).

З нагоды пераасвячэння храма 14 верасня 1867 года ў Ляхавічах адбыліся

ўрачыстасці, якія апісвае ў нарысе Аляксей Старажэнка (старшыня Рэвізійнай камісіі па справах рымска-каталіцкага духавенства Паўночна-Заходняга краю [1, с. 160]). Напісаны А. Старажэнкам матэрыял у выданне «Голос» неўзабаве быў выдадзены асобным тэкстам у аб'ёме 14 старонак. Сам матэрыял прадстаўлены ў досыць тэндэнцыйным характары, ацэнкі аўтара маюць рэзкія прапагандысцкія адценні [6, с. 442]. Так, з брашуры вядома, што асвячэнне новага храма ў Ляхавічах рабіў архіепіскап Мінскі і Бабруйскі Міхаіл, а на ўрачыстасці, якая суправаджалася працэсіямі з харугвамі, акрамя пяці тысяч мясцовых вернікаў, прысутнічаў губернатар і госці з Вільні, Мінску і іншых уездаў. Прысутнічалі палкі царскіх войскаў, кватэраваныя ў Ляхавічах і ваколіцах. Паведамляецца, што ў той дзень 2500 парафіян Ляхавіцкага касцёла на чале з ксяндзом Анзельмам (пасля пераходу ў праваслаўе – Антоній) далучыліся да праваслаўнага веравызнання, а з часам да новай канфесіі далучыліся ў агульнай колькасці звыш 3000 чалавек [8].

А. Старажэнка акрэслівае і прычыны, па якіх у Ляхавічах быў закрыты каталіцкі прыход: «Так как жители м. Ляховичи – шляхта и однодворцы – играли весьма значительную роль в происходивших смутах (паўстанне 1863–1864 гг – аўт.) и кроме того начавшееся движение в пользу православия прекратилось, то главный начальник края вынужден был удалить из м. Ляхович бывшего настоятеля, человека не благонадёжного (пробашч Бенедыкт Навіцкі у 1864 годзе быў сасланы ў Сібір [9, с. 224] – аўт.), предложив на его место назначить Гирдвойна. Результатом этого распоряжения и было то событие, к описанию которого приступаем» [8, с. 6]. Таксама А. Старажэнка прыводзіць развагі і дае ацэнкі ўсяму працэсу перахода насельніцтва ў праваслаўнае веравызнанне. Даследчык М. Даўбілаў адзначае, што на першы погляд Старажэнка прадстаўляе ляхавіцкае навяртанне нейкім стыхійным параджэннем самой «русской жизни», адным з патокаў яе руху, які «со стороны правительства... требует не напряженных мер, а простого содействия и участия [8, с. 13]». Аднак з гэтым дысанавалі звесткі аб прысутнасці ў Ляхавічах салдат Тамбоўскага пяхотнага палка [8, с. 7–8], што надае грунту тэзісу аб не добраахвотным пераходзе жыхароў да праваслаўнага веравызнання, аб розных метадах і прыёмах уздзеяння на гарадскую супольнасць з мэтай схілення іх да праваслаўя [6, с. 442].

Але пераход адбыўся і звыш 3000 парафіян былі залічаныя ў вызнанцы праваслаўнай веры. Аднак застаецца адкрытым пытанне: ці пераход быў сапраўдным (на ўзроўні змянення канфесійнай ідэнтычнасці) ці фармальным (з захаваннем старых культурных кодаў і ўстаноў)? Адказаць на яго дапамогуць афіцыйныя царкоўныя справаздачы, якія паступалі з Ляхавічаў цягам наступных дзесяцігоддзяў XIX ст.

Пытанне ідэнтычнасці і адаптацыі «новоприсоединившихся» да праваслаўя жыхароў Ляхавічаў лаканічна акрэсліваецца на старонках выдання «Минские епархиальные ведомости». У нарысе, дзе апісваецца вандроўка епіскапа Мінскага і Бабруйскага Аляксандра па прыходах епархіі з 6 па 25 чэрвеня 1872 года, пры наведванні ўладыкі Ляхавічаў адзначаецца наступнае: «В 4 часа по полудни Его Преосвященство прибыл в м. Ляховичи. [...] Архипастырь [...] остался доволен заметным усердием священника к храму Божию [...]. Церковь эта не очень давно устроена из костёла [...]. Наградив мальчиков-певчих крестиками, Преосвященнейший был в доме священника, которому, уезжая изволил сказать: «вы заботитесь; продолжайте трудиться на пользу православия (приход состоит из католиков, принявших православие)» [...]» [10]. У гэтым урыўку звернем увагу на акцэнт, які робіцца на тым, што «приход состоит из католиков, принявших православие». Гэтым падкрэсліваецца, што хоць і мінула 5 гадоў з моманту пераходу ў праваслаўнае веравызнанне, пытанне былой прыналежнасці да каталіцызму – актуальнае ў плане канфесійнай адаптацыі. Аб гэтым кажа і епіскап Аляксандр у сваёй прамове да Ляхавіцкага святара.

Больш падрабязна аб рэлігійным стане Ляхавіцкіх прыхаджан гаворыцца ў матэрыялах 1878 года Так, у працы «Описание церквей и приходов Минской епархии» у раздзеле «Приход» ступень рэлігійнасці Ляхавіцкіх прыхаджан, «как новоприсоединённых к православной церкви, неудовлетворительна, и ещё нисколько не уничтожены в них вековые нравственно-религиозные наросты латинского происхождения» [11]. Далей удакладняецца, якія каталіцкія ўстоі маюць месца ў жыцці Ляхавіцкіх месцічаў: «Употребление полных молитвенников и так называемых кантычек (зборнік малітоўных каталіцкіх песень – аўт.), заменяющих все молитвословия и обряды церковные, пользуются у них священным авторитетом и служит коренною поддержкою религиозного их консерватизма в духе католичества, заслоняя от них нравственно-религиозную и обрядовую сторону православия для них ещё нового» [11]. На думку епархіяльных саноўнікаў, гэта «препятствует тесному и окончательному сближению их с православною церковью» [11]. Выказваюцца і некаторыя прычыны, якія ўплываюць на рэлігійны стан прыхаджан: «Среди прихожан много живёт шляхты и бывших однодворцев, – рьяных папистов, которые, как в семейно-бытовой и нравственной жизни, так и в религиозном отношении оказывают вредное влияние на воссоединённых, семейно-смешанных с католиками прихожан» [11].

Як вынікае з прыведзенага, праз дзесяцігоддзе пасля далучэння каталіцкай парафіі да Праваслаўнай царквы, вернікі захоўвалі элементы каталіцкай канфесійнай традыцыі ў штодзённым і рэлігійным жыцці. Таксама мы бачым пэўную сгрэгацыю з боку царкоўных уладаў у

дачынненні да Ляхавіцкіх прыхаджан: яны па-ранейшаму не інтэгралі ў праваслаўную канфесійную супольнасць і вылучаюцца ў групу гэтак званых «новоприсоединённых», хоць і мінула дзесяцігоддзе ад моманту далучэння.

Падобная сітуацыя акрэсліваецца і ў матэрыялах 1883 года. У апісанні на старонках выдання «Минские епархиальные ведомости» Ляхавіцкага прыходу, адзначаецца: «Религиозное состояние большинства прихожан сей церкви, – как новоприсоединившихся из латинства, и ещё не окрепших в православии, при окружающей их р.-католической пропаганде, недремлющей и ничем не останавливаемой на пути к намеченной ею цели, – не может быть признано удовлетворительным, и долго и много ещё придётся здешнему православному священнику трудиться над перевершением большинства этик прихожан, и искоренением усвоенных ими нравственно-религиозных обычаев и привычек, существующих у католиков» [12].

Нават праз 15 гадоў, на думку епархіяльных чыноўнікаў, у сваёй большасці Ляхавіцкія прыхаджане не інтэгралі ў канфесійную супольнасць праваслаўных вернікаў. Адзначаецца захаванне бытавых і маральных праяў каталіцкай канфесійнай ідэнтычнасці. Ляхавіцкія вернікі ўсё яшчэ захоўвалі статус «новоприсоединённых». Вынікае, што перыяд у 15 год не дастатковы для прыняцця новай культурнай мадэлі і ўсебаковага далучэння да новай традыцыйнай культуры быту і рэлігійна-маральных устаноў. Гэта можна тлумачыць тым, што за гэты перыяд не адбылося змены пакаленняў: у 1883 годзе большасць прыхаджан складалі людзі, якія першапачаткова былі ахрышчаныя ў каталіцкай царкве, пераход у праваслаўе адбыўся ў свядомым узросце.

Наступныя звесткі аб жыцці Ляхавіцкага прыходу з ацэнкамі рэлігійнага стану вернікаў сустракаюцца ў 1908 годзе. У той год 20–21 верасня ў Ляхавічах былі арганізаваныя і праведзеныя ўрачыстасці з нагоды перанясення святой іконы Божай Маці, якая была напісаная і перададзеная з Афона. З той нагоды была выдадзеная адмысловая брашура аўтарства ўдзельніка падзей святара П. Сушчынскага «Торжество перенесения иконы Афонской Божией Матери «Предвозвестительницы» в Ляховичскую церковь» [13], дзе падрабязна апісваюцца ўсе ўрачыстасці, падаюцца ацэнкі падзей. У брашурцы, якая носіць досыць ангажаваны і палітызаваны характар, адзначаецца, што галоўная мэта перанясення іконы – умацаванне праваслаўнай веры ў неаднародным канфесійным асяроддзі, дзе «ксенджинская пропаганда действует особенно настойчиво и нагло» [13].

Праз 42 гады, калі адбылася змена двух пакаленняў Ляхавіцкіх прыхаджан, пэўная канфесійная інтэграцыя адбылася. Тыя, хто першапачаткова прымалі хрост у каталіцтве і перайшлі ў праваслаўе ў свядомым узросце, складалі мінімум прыхаджан (па падліках, гэта вернікі

ўзраставай групы 60+ гадоў). Так натуральным чынам адбылася інтэграцыя вернікаў каталіцкага веравызнання ў праваслаўную канфесію. Але, мяркуючы па словах служыцеляў Праваслаўнай царквы, каталіцкая ідэнтычнасць яшчэ мела месца і праяўлялася ў асяродку прыхаджан Ляхавіцкай царквы.

Такім чынам, разгледзеўшы канфесійныя працэсы ў Ляхавічах другой паловы XIX ст. можна адзначыць наступнае:

1) перавод парафіі с каталіцызму ў праваслаўе, які адбыўся ў 1867 годзе з прычыны актыўнага ўдзелу парафіян і пробашча ў паўстанні 1863–1864 гг., хоць і падаваўся ўладамі як стыхійным параджэннем «русской жизни» у атмасферы ўсеагульнага захаплення і эйфарыі, але мелі месца іншыя метады ўздзеяння (уплыў на святара Анзельма Гірдовйна, наяўнасць войскаў);

2) у першыя дзесяцігоддзі пасля пераходу з каталіцызму ў праваслаўе, прыхаджане Ляхавіцкай царквы захоўвалі элементы каталіцкай канфесійнай традыцыі ў штодзённым і рэлігійным жыцці. У дачыненні да іх назіраецца сэгрэгацыя з боку царкоўных уладаў, якія не вызначалі канчатковай інтэграцыі вернікаў у праваслаўную канфесійную супольнасць і вылучалі Ляхавіцкіх вернікаў у групу гэтак званых «новоприсоединённых»;

3) у якасці прычын захавання каталіцкай ідэнтычнасці царкоўныя ўлады вызначалі ўплыў каталіцкай прапаганды, уздзеянне на праваслаўных шляхты і аднадворцаў;

4) інтэграцыя Ляхавіцкіх вернікаў у праваслаўную канфесійную супольнасць адбылася натуральным чынам, калі адбылася змена пакаленняў і доля вернікаў, якія першапачаткова прымалі хрост у каталіцтве і перайшлі ў праваслаўе ў свядомым узросце, складала мінімум;

5) элементы каталіцкай ідэнтычнасці ў асяродку прыхаджан Ляхавіцкай царквы захоўваліся цягам некалькіх дзесяцігоддзяў (аж да першых дзесяцігоддзяў XX ст.), на што звярталі ўвагу царкоўныя саноўнікі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Кароль М.М.* Рэлігійная самаідэнтыфікацыя пераведзенага ў праваслаўе насельніцтва Навагрудскага павета Мінскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX стст. / М.М. Кароль // Acta Anniversaria. Т. 4. Нясвіж: НГКМЗ «Нясвіж», 2018. С. 159–172.

2. *Кароль М.М.* Роля жанчын у захаванні каталіцкай ідэнтычнасці насельніцтва беларускіх губерняў у другой палове XIX–пачатку XX ст. / М.М. Кароль // 75-я науч. конф. студентов и аспирантов БГУ : материалы конф. Минск : БГУ, 2018. С. 186–189.

3. Vilniaus universiteto biblioteka. F. 57. V. B54. Nr. 51.

4. НГАБ. Ф.136. Воп. 1. Спр. 41248.

5. НГАБ. Ф.136. Воп. 1. Спр. 41258.

6. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
7. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна / Бел. сав. энц. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. 439 с.
8. *Стороженко А.* Освящение римско-католического костёла в м. Ляховичи в православную церковь / А. Стороженко. Вильна, 1867. 13 с.
9. *Kartka z dziejów kościoła katolickiego.* Kraków, 1887. 250 s.
10. Минские епархиальные ведомости. 1873. №1.
11. Описание церквей и приходов Минской епархии 1878/79 гг. Минск, 1879.
12. Минские епархиальные ведомости. 1883. №13.
13. *Сущинский П.* Торжество перенесения иконы Афонской Божией Матери «Предвозвестительница» в Ляховичскую церковь, 20–21 сентября 1908 г. / П. Сущинский. Минск : Типография С.А. Некрасова, 1909. 11 с.

Ван Дань (Аньян, Китай)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ ТАТАР: СОХРАНЕНИЕ И РЕВИТАЛИЗАЦИЯ

В статье рассматриваются артефакты традиционной культуры татар, проживающих на территориях Беларуси и Китая. Отмечается, что, проживая в славянском и китайском социокультурных пространствах, они сохранили свои традиции, ритуалы, обряды, религию и другие этнические духовные ценности. Акцентируется внимание на межкультурных контактах и подчеркивается, что взаимодействие культур содействует обогащению как культуры белорусского, так и культуры китайского этносов. Показана толерантная культурная политика государственных и общественных институций по отношению ко всем этносам.

Ключевые слова: *культура, обряды, праздники, ревитализация, религия, сохранение, татары.*

Изучение и популяризация историко-культурных ценностей этносов – одно из приоритетных направлений государственной политики Китайской Народной Республики и Республики Беларусь и предпосылка устойчивого развития государств. Такое внимание к сфере традиционной народной культуры обусловлено уникальностью артефактов материального и нематериального культурного наследия, созданного этносами Беларуси и Китая, являющихся полиэтническими и поликонфессиональными государствами. Так, в Китае проживает 56 этносов, среди которых и этническая народность татар. Наиболее компактно они расселились на территории Или, Тачэн и Алтай. Татары относятся к одному из самых древних китайских этносов, традиционное художественное творчество которых представлено несколькими историческими пластами. В процессе

длительного исторического развития они создали самобытную этническую традицию, характеризующуюся разнообразием локальных особенностей, архаичностью своих элементов и форм.

Принимая во внимание, что народная традиция – это не реликт и не музейный экспонат, а живое наследие, приоритетом государственной политики является бережное сохранение и приумножение бесценных свидетельств народного культуротворчества, активное его использование в жизни современного общества. Исходя из этого, государственные и общественные институции Китая осуществляют многогранную деятельность по ее сохранению и репрезентации. Свидетельством этому является фундаментальный труд «Шедевры культуры Синьцзяна: нематериальное культурное наследие СУАР», в котором дано описание ряда артефактов традиционного творчества этноса татар [4].

Белорусские татары являются специфическим, особенным этносом, поселившимся на территории Беларуси свыше 600 лет назад. Как народность они сформировались в XIV–XVI вв., после распада Золотой Орды. На своей новой родине татары вживались в белорусское социокультурное пространство и бытовой уклад, становились полноправными ее гражданами и верными ее защитниками. Проживая длительное время совместно со славянским сообществом, они, как и татары Китая, бережно сохраняли и развивали свою культуру: многие обычаи и обряды, особенно связанные с религиозными ритуалом и семейными отношениями. Так, например, очень торжественно татары обеих стран отмечают ритуал по случаю рождения ребенка (нифас). Отец идет к соседям с хлебом и солью и приглашает провести роженицу. Красиво проводится обряд надания ребенку имени (святой азан). На обряде присутствуют мулла, свидетели и гости.

Не менее красочным является свадебный обряд, который проводится в доме родителей невесты. После молитвы и угощения мулла и близкие родственники жениха направляются в дом невесты, где, сидя на подушке, ожидают жениха. За стол, на котором горят две свечи, стоят хлеб, соль и вода, садятся мулла и свидетели. Жених и невеста становятся на кожах или ковер напротив стола, лицом на юг в направлении Мекки. Мулла читает молитву, спрашивает у жениха о размере приданого, назначаемого невесте, и заносит его в метрический документ. После молитвы мулла надевает молодым обручальные кольца, а все присутствующие поздравляют их. Богатое застолье, развлечения и танцы происходят в доме жениха [1, с. 43–44].

Очень распространенным у белорусских и китайских татар является обряд ахретенье (побратимство). В породнение разрешается вступать двоим мужчинам или мужчине и женщине, если он женат, а она замужем.

Совершать ахретье двум женщинам не разрешается. Обряд проходит в присутствии муллы. Вступающие в побратимство, взявшись за рушник, трижды обходят вокруг стола, на котором стоят вода, хлеб, соль, Коран или хамаил. Мулла более часа поет молитвы, благославляя вступающих в ахретье от имени Аллаха. Побратимы должны в это время дарить один одному личные вещи. Ахретьи считаются духовно близкими людьми и их детям запрещается вступать в брак между собой. Нарушение условий побратимства считается большим грехом [1, с. 45–46].

В настоящее время татары Беларуси и Китая почитают по-своему умерших мусульман. Больного обязательно навещает мулла и читает у его кровати короткие молитвы (иманы). Тело умершего обмывают, читая молитву, затем оборачивают в новое белое полотно (саван), под которое помещают далавар. Затем почившего покрывают сукном зеленого или темно-синего цвета, на грудь кладут Коран или хамаил и помещают на низкую скамью. Всю ночь при умершем читают молитвы.

Весной или в начале лета в первую фазу луны, в пятницу, проводится обряд зиреть. На мизары (кладбище) читаются молитвы за упокой умерших. Мизар обходят слева направо, при этом могилы должны оставаться по правую руку. В эти же дни осуществляется благоустройство могил, на которые выставляются медовые сыта с булками. После их окропления проходит угощение; самая большая булка достается имаму [1, с. 44].

Широко распространенным в наши дни у татар является обычай милосердия (садага): угощение различными сладостями и выпечкой и даже раздача денег жителям своей общины и нищим. Обычно садагу раздают во время больших мусульманских праздников и в память об умерших. Милосердие к нищим и сиротам является одной из заповедей Корана: «Те, которые тратят свои имущества на пути Аллаха и потом то, что истратили, не сопровождают попреками и обидой, им – награда от Господа их, и нет страха над ними, и не будут они печальны» [3, с. 45, сура 2, аят 261].

Праздником, имеющим глубинные корни, что проросли и живут в наши дни с древних времен, является Кадр-ночь, ночь Предопределения, по-арабски *Ляйлят-аль-кадр*. Отмечается он в месяц рамадан. Особое внимание придается последним трем ночам перед завершением поста. Самой торжественной считается Кадр-ночь, которая выпадает на 27-ой день месяца. Согласно преданию, в эту ночь Аллах подарил Пророку Мухаммеду Коран. В эту ночь Аллах принимает решение о судьбе каждого человека, учитывает его желания, высказанные в молитвах. Поэтому верующие стремятся провести эту ночь в мечети, читая Коран и обращаясь в молитвах с просьбами к Аллаху и ангелам.

Три дня празднуется Ураза-байрам, по-арабски *Ид аль-фитр*. Этот праздник совпадает с окончанием поста Рамадан и выпадает на первое

число месяца шавваль. Татары исповедуются перед Аллахом и рассказывают о том, как провели пост. Тем, кто нарушил пост, необходимо принести жертву Аллаху: чтобы очиститься от грехов, следует зарезать барана в пользу общины или по указанию духовенства совершить какие-либо другие покаяния. В данный праздник татары посещают мизар и молятся за всех умерших, устраивают застолье, делают детям подарки. В праздничные дни каждый мусульманин обязан в пользу общины внести взнос (закят), примерно 2,5 % от своего заработка.

Важнейшим праздником для белорусских и китайских татар является Курбан-байрам, когда совершается торжественный акт жертвоприношения, по-арабски *Ид аль-кабир* или *Ид аль-адха*, который отмечается четыре дня. В эти дни совершается жертвоприношение животных (курбанов), их мясо раздается бедным, гостям, приехавшим на праздник, верующим общины, ради того, чтобы каждый смог приготовить праздничный обед. Данное действие совершается в память Ибрагима, который готов был жертвовать Аллаху своего сына Исмаила, однако милосердный Аллах послал ангела, и тот принес Ибрагиму барана, чем спас жизнь Исмаила. По этому случаю в мечетях проводятся богослужения, в молитвах прославляются имя Аллаха, ислам, пророки Мухаммеда. Каждый мусульманин считает своим долгом посетить могилы своих родных и близких, чтобы помолиться за покойников. Во время празднования делаются денежные и вещественные подношения в пользу мечети и в благотворительных целях, раздается милостыня престарелым и немощным. Сура 107 Корана гласит: «Видал ли ты того, кто ложью считает религию? Это ведь тот, кто отгоняет сироту и не побуждает накормить бедного. Горе же молящимся, которые о молитве своей не берегут, которые лицемерят и отказывают в подавании» [3, с. 497]. Некоторые татары стремятся в это время осуществить паломничество в святые для их места – Мекку и Медину. Лицам, совершившим такое путешествие, разрешается носить на голове чалму, и к их имени добавляется почетный титул «хаджа».

Татары Беларуси и Китая также торжественно отмечают и такие мусульманские праздники, как Раджаб-байрам, Мевлюд, Ашура и некоторые светские праздники.

Татары в социально-экономической сфере ничем не отличались от других этнических белорусских и китайских сообществ. Они были земледельцами, скотоводами, ремесленниками и военными служащими. Об этом свидетельствует праздник Сабан, который отмечают китайские татары весной после окончания полевых работ. Он приходится на 20-е числа июня и тесно связан с сельским хозяйством. Относительно его этимологии нет однозначного мнения: по первой версии слово «сабан» трактуется как 'торжественная встреча весеннего сева'; по другой – словом «сабан»

обозначается дикорастущая трава, обильно произрастающая в регионе, где компактно проживает татарское население. В одном и другом случае данный праздник связан с земледелием.

Празднование начинается с церемонии традиционного обряда, представляющего запряженную в плуг лошадь. По завершении обряда начинаются массовые развлечения: исполняются народные песни и танцы, устраиваются спортивные игры (перетягивание каната, состязания в беге, скачки, единоборство и прочее). Татары очень артистичны, музыкальны и талантливы. На празднике каждый старается отличиться, показать свое умение. Везде слышатся веселые песни и музыка, повсюду под аккомпанимент народных музыкальных инструментов можно увидеть танцующих и интересные забавные игры, в которых участвуют и старые, и малые, и мужчины, и женщины. Например, любопытно наблюдать, как участники праздника, держа в зубах ложку с яйцом, идут вперед, стараясь не уронить его, или смотреть, как соревнуются в беге молодые люди в мешке со связанными ногами или с завязанными глазами. Эти зрелища вызывают у зрителей восхищение и веселый смех. Победивший награждается красивым подарком: традиционным платочком, фартучком или вышивкой. Празднование сопровождается трапезой, состоящей из народной кухни. Праздник Сабан, на наш взгляд, имеет глубокий духовный смысл, так как на нем демонстрируются не только различные народные костюмы и кухня, но и наследственные обычаи и нравы [2].

Татары Беларуси и Китая также торжественно отмечают многие национальные праздники белорусского и китайского народов, придавая им свой этнический колорит. Праздничным днем у татар считается пятница (джума). В соответствии с преданием, в пятницу родились Пророк Мухаммед и его зять Али, и свет ислама стал увеличиваться именно в этот день. В белорусских и китайских поселках, где проживают компактно татары, татары в этот день недели физически не работают, считают его днем отдыха, посещением мечети и совершения намаза.

У белорусских и китайских татар сформировался свой особенный сказательный жанр, возникший на основе местных языков: в Китае на основе языка ханьцев, в Беларуси – славянского и тюркского языков. Очень интересные устные предания татар, посвященные разным историческим фактам и событиям, их непобедимости. Так, в одном из преданий белорусских татар повествуется о борьбе славянских народов с немцами-крестоносцами: «На Литву напали крестоносцы, были они колдунами и оружие литовцев было против них бессильно. Тогда они позвали на помощь татар, которые нагнали на немцев такого страха, что те начали говорить, будто «турка и пуля не берет» [1, с. 227].

Существует в устном народном творчестве белорусских татар легенда о

Кузоле Крыницком. В предании говорится, что он был выше двух метров ростом, а конь его был таким огромным, что кроме Кузола никто не мог на него залезть. Копье у него было длинное и с секретом: выдвинет он рукой копьё вперед – появится из него крючок, которым Кузол стягивал своего противника на землю. Потянет он копьё назад – спрячется крючок, и снова копьё острое, тогда и колет легендарный герой сброшенного на землю врага.

Легенда повествует, что Кузол однажды спас княгиню от разбойников, напавших на нее во время путешествия. Когда ее охрана убежала от нападавших в лес, Кузол один вступил с бандитами в бой, перебил всех, и княгиня смогла продолжить путешествие. За смелость и отвагу княгиня подарила ему земли на запад и восток от деревни Дворчане. Кстати, сторожилы рассказывают, что еще в начале XX в. удивительное копьё Кузола хранилось на чердаке одного из жителей деревни, и 8–10 мальчиков, взявшись за него, бегали по лугу, играя в Кузола. [1, с. 228–229].

В местностях Или и Тачэн автономного округа Синьцзян, где преимущественно проживают китайские татары, широко известен эпос о царе Гэсаре и его великих подвигах, который часто именуется, как современный Гомер. В эпосе рассказывается, что царь-воин Гэсар был ниспослан небом очистить землю от нечистой силы. Для спасения и защиты всего живого он спустился на землю и повел жителей горных районов на борьбу со злом. Он обуздывал сильных и поддерживал слабых, установил три сферы (небесную, земную и человеческую), а по окончании миссии среди людей, вернулся на небо. Эпос дошел до наших дней и во многих провинциях Китая умельцы-сказители распевают и поныне подвиги Небесного всадника-избранника [4, с. 2–3].

Таким образом, субрегиональная культура татар Беларуси и Китая обогащает белорусское и китайское национальное культурное пространство, содействует формированию своеобразной культуры-трансформы, являющейся субъектом коммуникации, духовного взаимодействия полиэтнических сообществ двух дружественных государств. В социально-политическом и национальном аспектах белорусским и китайским татарам предоставлены широкие возможности для реализации собственных этнических и религиозно-культурных потребностей. Объекты нематериального культурного наследия татар защищаются государственными законодательствами. Так, праздник «Сабан» и эпос «Гэсар» включены в список нематериального культурного наследия Китая на государственном уровне. В Беларуси имеется Общественно-культурное объединение татар-мусульман «Аль-Китаб». Активно действует Мусульманское религиозное общество, координирующее работу татарских общин. Периодически выходят в свет журнал «Байрам» и газета «Жизнь», отражающие важнейшие события

истории и современной жизни здешних татар. В Республике Беларусь ведется работа по реставрации и строительству мечетей, при которых в школах осуществляется изучение истории и традиций татарской народности.

Библиографические ссылки

1. *Канапацкі І.Б., Смолік А.І.* Гісторыя і культура беларускіх татар / І.Б. Канапацкі, А.І. Смолік. Мінск : Бел. дзярж. ун-т культуры, 2000. 259 с.
2. Китай : энциклопедия. География. История. Культура. Экономика. М. : Вече, 2014. 607 с.
3. Кур'ан / пер. на русск. яз акад. И.Ю. Крачковского; предисл. к изд. 1963 г. В. Беляева, П. Грязневича. М. : Изд-во «Раритет», 1990. 528 с.
4. Шедевры культуры Синьцзяна: нематериальное культурное наследие СУАР : пер. / О-во внешних культурных связей Синьцзян-Уйгур. автоном. района, О-во защиты права издания Синьцзян-Уйгур. автоном. района ; отв. ред.: Ло Цзюань и Кан Жуйцин. Алматы : Достык копірі, 2012.

Юэ Суянь, Су Юйго (Пекин, Китай)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДИНАСТИИ ЦИНЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В длинной истории становления и развития единого Китая династия Цинь и его правитель Цинь Шихуанди сыграли важную роль, оставив после себя значительное наследие. В работе рассмотрено влияние достижений династии Цинь на социально-экономическое развитие общества Китая.

Ключевые слова: *культурное наследие, династия Цинь.*

История развития общества Китая может разделиться на три периода:

- доимперский Китай (династии Ся, Шан, Джоу до 221 года до н.э.);
 - имперский Китай (династия Цинь с 221 года до н.э. – династия Цин до 1911 года);
 - новая и современная история Китая (с 1911 года до нынешнего дня)
- [1].

История Китая до Синьхайской революции 1911 года делится примерно на 19 исторических эпох и династий. В период Чжаньго («Воюющих царств») были семь сильнейших царств: Чу, Вэй, Чжао, Хань, Ци, Янь и Цинь. Внешняя и внутренняя политика этих царств активно влияла на ход исторических событий. Данный период характеризовался нестабильной властью и частыми войнами: в течение 255 лет было зафиксировано примерно 230 войн. Однако благодаря ряду удачных реформ, Царство Цинь получило быстрое развитие и выделилось среди 7 царств в период Чжаньго.

Потом в результате многолетней борьбы в 221 году до н. э. правитель Царства Цинь Ин Чжэн объединил остальные 6 царств и создал первое в истории Китая централизованное государство [2; 3].

Для укрепления своей власти и установления контроля над империей первый император Династии Цинь Шихуан провел социально-экономические реформы, среди которых: создание ирригационной системы – плотины Дуцзяньянь, строительство Великой Китайской стены, денежная и судебная реформы, строительство единой системы дорог, унификация письменности и мер измерения. Перечисленные артефакты входят в список материального культурного наследия Китая. Рассмотрим их.

Дамба Дуцзяньянь. Дамба была создана в 256 году до н. э. Это – известная древняя ирригационная система на реке Миньцзян к западу от нынешнего города Дуцзяньянь в западной части равнины города Чэнду в провинции Сычуань.

Введение Дуцзяньяня в действие позволяло устранить ежегодные разливы реки Миньцзян и создать исключительно благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Благодаря водному каналу экономика провинции Сычуань небывало процветала, и все последующие правители империи рассматривали равнину Чэнду как важную стратегическую и продовольственную базу.

До сих пор дамба Дуцзяньянь отлично функционирует: направляет воду для орошения Чэндуской равнины, сбрасывает лишнюю воду во время наводнения, позволяет орошать около 530 000 га пахотных земель и превращает обширные плодородные земли равнины Чэнду в государственную сокровищницу. В связи с этим провинцию Сычуань называют «земным раем» и «поднебесным амбаром». Дамба Дуцзяньянь является ценным культурным наследием и в 2000 году была внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО как крупнейший инженерный проект ирригационной системы в Евразии того времени.

Великая Китайская стена. После создания единой китайской империи Цинь Шихуан приказал строить и соединить пограничные стены бывших разрозненных царств в одну, чтобы защитить свою империю от набегов северных кочевников. Это считается началом строительства Великой Китайской стены. Но большая часть созданных стен в период Цинь были разрушены или заменены. Стена, которая существует сегодня, в основном была построена при династии Мин.

Великая Китайская стена называется Седьмым чудом света. Ее общая протяженность с учетом всех ответвлений составляет 8851,9 км. Как самая длинное оборонительное сооружение она является самым крупным архитектурным памятником и самым масштабным искусственным сооружением человечества. В 1987 году Великая Китайская стена была

внесена ЮНЕСКО в список Мирового культурного наследия.

Великая Китайская стена имеет большое историческое и культурное значение. В Китае говорят: тот, кто не побывал на Великой Китайской стене, не считается молодцом. Великая стена стала символом Китая и культурно-историческим памятником. Ее строительство значительно способствовало развитию строительных технологий и искусства архитектуры.

Терракотовая армия Цинь Шихуан – Восьмое чудо света. Терракотовая армия состоит из 8100 статуй воинов и лошадей и покоится в боевом построении в параллельных склепах в 1,5 км на восток от гробницы императора Цинь Шихуан в Сиане. Народная мудрость Китая гласит: «Умрешь – ничего с собой не возьмешь». Но первый император единой империи Китая так не считал, он хотел унести на тот свет все, даже войско, чтобы и после смерти удовлетворять свои властные амбиции.

Терракотовая армия включает представителей разных родов войск: пехотинцев, лучников, стрелков из арбалета, кавалеристов, боевые колесницы, запряженные лошадьми; и все выстроены в боевом порядке. Статуи воинов ростом 1,6÷1,7 метра отличаются уникальным выражением лица, прической, позой, обмундированием, оружием в руках. Колоритные статуи воинов и лошадей и поразительные бронзовые колесницы отражают уровень искусства древнего Китая. Терракотовая армия не только имеет грандиозную ценность для изучения военной истории, но и уникальную ценность для изучения истории искусства, науки и технологии скульптуры. Она также предоставила благоприятные условия для изучения древней китайской цивилизации. Поэтому она называется важнейшим открытием археологии XX века.

Прямая дорога династии Цинь Циньчжидао. Дорога Циньчжидао (Прямая дорога Цинь) является первой высокоскоростной дорогой государственной категории. Ее общая протяженность составляет более 700 км. Она была предназначена для защиты от вторжения северных кочевников и играла очень важную роль в сохранении единства империи Цинь. Именно через эту дорогу во время строительства Великой Китайской стены на севере страны генерал Мэн Тяня с дислоцированными там войсками поддерживали контакты с центром страны.

Дорога Циньчжидао имела не только важное стратегическое значение, но и играла активную роль в укреплении торгово-экономических и культурных связей между центральным и северо-западными районами Китая, значительно способствовала экономическому и общественному развитию династий Цинь и последующих за ней династий.

Итак, Император династии Цинь Шихуан создал единое государство. В политическом отношении он повысил достоинство правителя государства, введя титул «императора» (после этого правители всех династий стали

называться императорами), осуществил централизованное управление государством, поддерживал строгость закона, аннулировал жалование наделом земли и установил административное деление на области и уезды.

В стратегическом отношении он построил масштабное оборонительное сооружение и прямой путь для обеспечения военного похода.

В экономическом отношении построил дамбу Дуцзяньянь, провел унификацию денежной системы и единиц измерения, начал использовать только золотые слитки и единую круглую медную монету с квадратным отверстием в центре, были установлены единые меры веса, длины, площади и емкости во всей империи, узаконена собственность на землю. Все это в конечном итоге способствовало развитию торговли в единой империи, устойчивому поступательному развитию экономики, укреплению международных позиций государства.

В культурном отношении была проведена унификация письменности, которая способствовала развитию делового общения населения различных районов страны, стимулировала их дальнейшее сближение, что, в результате, не только позволило устранить препятствия в культурном обмене, но и заложило основу письменности современного китайского языка, которая используется до сих пор.

Однако строительство Великой Китайской стены, дорог по всей империи, возведение многочисленных дворцов и храмов, грандиозной гробницы для Цинь Шихуан требовали колоссальных затрат рабочей силы и влекли за собой огромные человеческие жертвы. Это вызывало недовольство народа. К тому же исключительно высокий земельный налог, жестокое наказание, пренебрежение к привычным духовным ценностям и традициям неизбежно вызывали недовольства и восстания народа, что в конечном счете привело к быстрому краху династии Цинь.

Подводя итоги, отметим, что, хотя династия Цинь правила объединенным Китаем недолго – в период с 221 до 206 года до н. э, она оказала значительное влияние на все сферы развития общества Китая. Именно в это время были заложены основы для успешного развития сельского хозяйства, различных ремесел и торговли, были установлены широкие экономические и культурные связи со многими странами мира, начали процветать наука, литература и искусство.

Библиографические ссылки

1. История Китая / ред. А.В. Меликсетова. М. : МГУ, «Оникс», 2007. 752 с.
2. *Переломов Л.С.* Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221 – 202 гг. до н.э.). М. : Восточная литература, 1962. 244 с.;
3. *Ломбар Д.* Императорский Китай ; пер. с фр. Ю.В. Крижевской. М. : Астрель, 2004. 192 с.

Д.В. Василевич (Минск, Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭТНОСОВ ЯПОНИИ

Статья посвящена трем мифологическим системам японского архипелага, принадлежащим народам айну, рюкюсцам и японцам. Представлена история становления этих народов и их религиозных воззрений. Выделены характерные особенности каждой мифологии и её мировоздания, состоящего из неба, гор (суши) и моря. Прослеживается их взаимодействие и взаимовлияние в культуре Японии.

Ключевые слова: *мифология, Япония, этнос, религия, анимизм, фольклор, религия.*

Одним из наиболее заметных явлений в культуре Японии по праву считается мифология, влияние которой и сегодня ощущается во всех сферах жизни страны. Однако, когда речь заходит о *мифологии Японии*, это понятие почти всегда отождествляется с другим – *японская мифология*. Между тем это различные явления, поскольку, хотя Япония и считается мононациональным государством, на ее территории проживают еще два самостоятельных народа – айны и рюкюсцы, в разное время и разными путями оказавшиеся связанными с Японией и японцами. Таким образом, очевидно, что «мифология Японии» как понятие гораздо шире, чем «японская мифология», и может пониматься как «мифология народов Японии». Она включает в себя как мифологию непосредственно самих японцев, так и мифологию айнов и мифологию рюкюсцев, и при рассмотрении вопросов их этнической истории, художественной культуры, особенно ранних этапов ее развития, неизбежно возникает необходимость исследовать все это во взаимообусловленности.

Так и не достигшие уровня государственной консолидации айны, их культура, мифология могут быть восприняты как представляющие северный вектор в этногенезе японцев, обращенный к народам Сибири и российского Дальнего Востока. А рюкюсцы, их культура и мифология выступают в той же роли, но только для южного вектора, откуда тянутся нити к юэ (Вьетнам) и аустронезийским народам. Мифологические системы айнов и рюкюсцев обладают самоценностью и своеобразием, являются важным наследием, значение которого в их культуре гораздо выше, чем в культуре японцев, имеющих письменность, развитые многовековые литературу и искусство, в отличие от тех же айнов, у которых отсутствует собственная письменность, и художественная культура которых представлена прежде всего фольклором и мифологией.

История соотнесенности этих трех мифологических систем – это история взаимопритяжения и взаимоотстранения культур столь близких и столь разных народов, населяющих Японию. Сама лексема, обозначающая мифологические объекты (богов, божеств, духов) и у японцев, и у айнов, и у рюкюсцев, имеет общую основу: *ками* (япон.), *камуй* (айнск.), *кан* (рюкюск.) [1].

Три мифологические системы, сложившиеся и функционирующие на Японских островах, представляют собой уникальное, феноменальное явление, поскольку составляют единый мифологический комплекс, в котором соединены воедино три совершенно различные мифологические традиции, абсолютно самодостаточные и оригинальные. Еще более удивительно то, что носителями этих мифологических традиций являются народы, имеющие принципиальные различия в видах хозяйственной деятельности и религиозных воззрениях.

Так, **японцы** – прежде всего земледельцы (для них характерно пашенное земледелие с преобладанием поливного земледелия); при наличии собственной религии – синтоизма уже с VI в. они оказались тесно связанными с мировой религией – буддизмом, оказавшим сильнейшее воздействие на жизнь всего японского общества. **Айны** – это народ, занимающийся, прежде всего, охотой, рыболовством, собирательством, никогда не имевший письменности и не знавший государственности; для айнов характерны анимистические представления. И, наконец, **рюкюсцы** – население некогда независимого королевства, его жители занимались рыболовством, земледелием и торговлей. В их культуре прослеживается заметное влияние буддизма, но вместе с тем, и сегодня основой духовной жизни остаются местные культы, предполагающие особую роль женского жречества.

Основным народом, населяющим Японские острова, конечно, являются японцы. Формирование японской народности закончилось уже в период раннего средневековья, одновременно с процессом формирования феодального общества. В III-V вв., создав свое государство (Ямато), японцы вели длительные войны с айнами, считавшимися уже в то время их северными соседями. События ранней истории японцев запечатлелись в самых первых письменных памятниках – «Кодзики» («Записи о делах древности», 712 г.) и «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.). Наряду с огромным мифологическим материалом, они содержат эпизоды, претендующими на роль «исторических хроник» [2].

Японская мифология представляет собой необходимое и чрезвычайно важное звено в развитии мифологии народов мира как единой системы, подтверждая и дополняя многие важные теоретические гипотезы. В этой

связи достаточно сказать, что одним из направлений изучения мифологии в современной Японии является сравнительно-типологический анализ японских и европейских мифов, в частности, древнегреческой мифологии.

Айны – самый древний народ, проживающий на территории современной Японии. Еще до появления на Японских островах племен, на основе которых сформировалась позднее японская народность, айнские племена заселяли всю территорию современной Японии. Предкам айнов принадлежали, по всей видимости, и некоторые варианты культуры дзёмон (букв.: ‘веревочный орнамент’), названной так по найденным археологами керамическим сосудам с характерным орнаментом, возраст самых ранних из которых насчитывает более 10 тысяч лет.

Существует гипотеза, что и японский синтоизм берет свое начало в айнских верованиях, подразумевающих наличие огромного числа божеств, которые живут во всех предметах и явлениях мира. Айнами создан богатейший фольклор, повествовательный и песенный. Удивительна и айнская мифология с ее сложной архитектоникой мира и огромным пантеоном верховных и локальных богов.

Вероятно, именно народная мудрость, пронесенная через века, моральные принципы и жизненные устои, запечатленные в мифах, преданиях, легендах помогали айнам вести многовековую борьбу за свое выживание. Уже в I тыс. до н.э. айнские племена стали тесниться переселенцами, племенами, которые потом стали основой японской народности. Эта борьба шла с переменным успехом в течение многих веков, пока, наконец, к VII в. между народами не сложился некий рубеж, гарантирующий хрупкое равновесие. Однако по мере усиления японского государства, все большее значение приобретало завоевание новых территорий и покорение аборигенов. С начала VIII в. айны все чаще стали упоминаться в японских летописных хрониках под именем *эмиси* ‘варвары’ или ‘восточные дикари’, а с IX в. – как *эдзо*, т.е. еще более оскорбительно – ‘люди с лицами дьявола’. Этим подчеркивалось антропологическое отличие айнов от японцев. Известно также определение *тэки* ‘звери’, а также *цутигуно* ‘земляные пауки’ [3, с. 8]. Трудно себе представить, чтобы после столь вызывающих названий отношения между народами оставались дружескими.

Японцы теснили айнов с их исконных земель до тех пор, пока, наконец, в результате жесточайшей борьбы и многочисленных восстаний в XVI в. айны не оказались вытеснены на остров Хоккайдо, куда затем стали проникать и японцы. В 1604 году на юге острова Эдзо (*совр.* Хоккайдо) было образовано княжество Мацумаэ. Спустя время был издан указ о политике по отношению к местному населению: его следовало обучать японскому языку, приобщать к японским обычаям. Тем, кто хорошо

работал, разрешалось брать японские фамилии и жить в домах японского типа, рекомендовалось заниматься сельским хозяйством [4, с.80].

Во второй половине XIX в. процесс вытеснения айнов с их земель был практически завершен. В 1873 году согласно закону о земельной реформе сам император Японии объявлялся владельцем острова Хоккайдо. На остров стали переселяться самураи упраздненных к тому времени княжеств, которые лишились средств существования. Айны, доведенные японскими правителями Хоккайдо до крайней нужды, болезней и полного истощения, уже не могли оказывать столь яростного сопротивления, которым они поражали японцев на протяжении веков. Им ничего не оставалось, как ограничиться саботажем и непослушанием. В это же время был введен и ряд запретов, ставящих целью искоренить традиционные обычаи целого народа. Мужчинам не разрешалось носить серьги, а женщинам – наносить татуировку на лицо. Было запрещено использовать стрелы с отравленными наконечниками. Зато предписывалось в обязательном порядке изучать японский язык и письменность.

И, наконец, третий народ, рюкюсцы, являющие собой, как пишут исследователи, «особую этнографическую группу, живущую в Японии, в прошлом представлявшую собой близко родственную японцам народность» [5, с. 936]. При этом все отмечают, что рюкюсцы, несмотря на процесс ассимиляции, сохранили языковые особенности, самобытную культуру и быт.

История островов Рюкю началась приблизительно в середине II тыс. до н.э. – именно таков возраст древнейшего культурного слоя на полуострове Тинэн. Уже в древности о красоте островов Рюкю ходили легенды. Китайцы, чьи летописи и зафиксировали первое упоминание об островах в начале VII в. н.э., называли Рюкю «Землей бессмертных счастливых», поскольку соседи рюкюсцев были убеждены, что именно жители этих островов знают секрет долголетия и вечной молодости, а сами они сделаны из золота и серебра. Еще немногим более ста лет назад острова Рюкю были королевством, история которого восходит к началу XII в., когда королю Сюнтэну удалось объединить под своей властью разрозненные земли Рюкю. Правда, судьба не уготовила этому королевству спокойную жизнь. Острова Рюкю благодаря своему географическому положению всегда были экономическим и торговым перекрестком Азии, но кроме того – и объектом постоянных политических конфликтов. Лишь благодаря высочайшему искусству дипломатии маленькому королевству долгое время удавалось оставаться независимым.

Однако уже в начале XVII в. японский военный правитель – сёгун Токугава Иэясу, велел князю земли Сацума на острове Кюсю, самой

близкой к архипелагу, захватить королевство. Острова Рюкю стали колонией Сацума почти на два с половиной столетия. А через десять лет после революции Мэйдзи, уже в 1879 году, Окинава была объявлена японской префектурой. Семьдесят два острова префектуры протянулись более, чем на пятьсот километров и сами образовали три архипелага: Окинава, Мияко и Яэяма. На самом большом острове архипелага Окинава – острове Окинава, находится столица префектуры – г. Наха. Многие острова Рюкю необитаемы, и жизнь в основном сосредоточена в немногих городах – Наха, Наго, Кодзё, Итоман, Исигаки и др., которые упоминаются в произведениях рюкюского фольклора еще как небольшие деревушки.

Однако несмотря на все превратности судьбы и политические катаклизмы, рюкюсцы смогли сохранить свою традиционную культуру, и сегодня, спустя столетия, представляющую огромный интерес. Окинавская керамика и ткани, плетенная из соломы домашняя утварь и диковинные собакольвы – сиси, искусство татуировки и поразительные танцы – все это составляет славу рюкюской культуры.

Не менее известен и фольклор этого края: мифы, эпические сказания и народные песни, сказки, легенды. Материалы поистине неисчерпаемы. Мифология и фольклор удивительны и феноменальны по сути, ведь они вобрала в себя всю палитру традиционных представлений, иногда сохраняя весьма древние элементы, адаптировали инокультурные привнесения – китайские, корейские, стран Юго-Восточной Азии, значительно обогатились благодаря японской культуре. Однако при всех влияниях они остались настолько самобытными и оригинальными, что одного взгляда достаточно, чтобы безошибочно определить – перед нами рюкюская мифология и рюкюский фольклор.

Тем не менее даже в самой Японии исследование мифологии островов Рюкю не является ведущим направлением литературоведческой и фольклористической науки. Исследователей больше привлекает общекультурологический аспект. Именно поэтому наиболее типичными научными трудами в этой области могут считаться такие, как: «Словарь по истории культуры Окинавы» (Окинава бунка, 1972 г.) – прекрасное, полное издание энциклопедического плана, «Праздники Окинавы» (Окинава-но мацури, 1974 г.) – уникальная книга, содержащая обширную информацию обо всех традиционных праздниках и календарных обрядах рюкюсцев, а также многочисленные издания справочного характера, например, справочник «Культурные ценности Окинавы», вышедший в г. Наха на английском языке (Cultural Assets, 1975). Вместе с тем, а это необходимо отметить, что только в последние десятилетия проявился интерес японских ученых к мифологическим и фольклорным текстам островов Рюкю. Во

всяком случае, в каждое многотомное собрание японского фольклора стали непременно включать том, посвященный мифам и сказкам или архипелага в целом, или его отдельных островов. Ценность таких изданий заключается не только в том, что они содержат научно достоверные тексты, но и в том, что каждая такая публикация сопровождается большим послесловием (реже – предисловием), имеющим самостоятельное научное значение, т.к. может рассматриваться в качестве отдельной статьи [6].

Изучение мифологии народов Японии стало особенно актуальным в последнее время, когда у многих народов мира наблюдается всплеск этнического (национального) самосознания, повышение интереса к своей традиционной культуре, к своим истокам. Мифологические представления играют не последнюю роль в этом процессе. Именно в мифологии люди все чаще ищут ответы на злободневные вопросы современности, обращаясь к мифологическому и героическому прошлому своего народа. При этом особое значение приобретают не только «классические», канонизированные мифы, зафиксированные в литературных сводах, но и народная мифология, основу которой составляет локальный фольклор. Однако именно этот мифологический источник оказывается наиболее незащищенным перед стремительно надвигающейся урбанизацией, «массовой культурой» и т.д. Сохранение, фиксация и исследование произведений народной мифологии – одна из важнейших задач литературоведческой и фольклористической науки.

Все сказанное полностью может быть отнесено и к Японии. Более того, для Японии актуальность изучения мифологии повышается еще и потому, что забвению могут быть преданы целые мифологические системы, а именно, мифология айнов, не зафиксированная ни в каком литературном памятнике; мифология рюкюсцев, огромный пласт которой долгое время бытовал и в ряде случаев продолжает бытовать лишь в устной традиции, а также фольклорные произведения японцев, содержащие бесценные материалы по мифологии и сами являющиеся важнейшими мифографическими источниками [7].

Итак, как было показано выше, мифология народов Японии представляет собой сложное самобытное явление, включающее в себя три оригинальные составляющие: мифологию японцев, мифологию айнов и мифологию рюкюсцев, каждая из которых выступает в роли самостоятельной системы, имеющей ярко выраженные этнические черты, но ощутившей бесспорное инокультурное влияние. Благодаря исторической совокупности трех мифологических систем в Японии сложился многоплановый мифологический комплекс, который может быть обозначен как «мифология народов Японии». Несмотря на то, что каждая из названных мифологических систем функционирует самостоятельно, все

вместе они выступают в роли взаимодополняющих компонентов. Исходя из анализа мифологии японцев, мифологии айнов и мифологии рюкюсцев, нам удалось прийти к следующим выводам.

В мифологии японцев и верховные, и локальные божества – это, прежде всего, земледельческие божества процветания и богатства, а вся мифологическая система подчинена земледельческому календарному году и ставит во главу угла идею плодородия, рождения, продолжение жизни. Эпизоды, подчеркивающие именно эту идею, народные произведения (песни, сказки, пословицы, былины), записанные в XIX–XX вв., черпали мифологемы из классической мифологии, и поэтому такую широту приобрело бытование мифа об удалении Аматэрасу в Небесный грот. Той же идеей плодородия проникнуты народные песни, в которых упоминаются божества синтоистского пантеона. Характерен и сам «набор» божеств, нашедших отражение в народной традиции. Это исключительно те божества, которые связаны с продуцирующей магией – Бог рисового поля. Бог горы и т.д. Идеей плодородия проникнуты и народные песни, связанные с обрядами и праздниками, поэтому недаром главным божеством среди Семи богов счастья народные песни считают Бога Дайкоку – Бога богатства и плодородия, который ассоциируется в народном сознании с богом О-Куни-нуси из сводов «Кодзики» и «Нихонги».

Именно как отражение реального типа хозяйственной деятельности, на первый план в мифологической системе айнов выступают тотемические мифы, воспроизводящие многие детали Медвежьего праздника.

Островное положение архипелага и занятие рыболовством оказало влияние и на мифологию рюкюсцев, включающую хорошо разработанный цикл космогонических мифов.

В универсуме, свойственном каждой из трех мифологических систем, выделяется один или два мира, в котором, по преимуществу, происходит действие мифов, и где совершают свои деяния мифические герои. Так, очевидно, что в айнской мифологии особое значение придается небу не только как обители богов (что характерно и для других мифологических систем), но и как места, где разворачиваются все основные события айнской мифологии, места, которое наиболее тесно связано с землей и страной айнов – Айнумосири. Но, вместе с тем, для айнских мифов характерно острое ощущение связи (и даже единство) небесного мира и Айнумосири, богов животных и людей, поэтому боги без труда принимают облик земных промысловых животных, а люди даже изобрели целую систему перехода из мира людей в мир богов [8].

В японской мифологии небо также играет заметную роль, особенно, в космогонических мифах. Однако в народной мифологии особую святость

приобретают горы – на них обитают все синтоистские божества; на гору спускается праправнук богини солнца Аматэрасу – Ниниги; особое значение горе как центру и оси вселенной придается и в буддийской мифологии.

И, наконец, в мифах рюкюсцев на первый план выходит морская стихия, а все события космогонических мифов убеждают, что для рюкюсцев море – основа мироздания, а суша (острова) – лишь его часть.

Таким образом, мифология Японии представляет разные воззрения на мифологическое мироздание, состоящее из неба, гор (суши) и моря. Находясь в сферах разных религиозных систем, мифологические системы японцев, айнов и рюкюсцев вместе дают широчайшую картину функционирования и взаимодействия религиозно-мифологических представлений.

Библиографические ссылки

1. *Исида И.* Мифы и история / И. Исида. Токио : Токёдо, 1960. 396 с.
2. *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: культура и текст / А.Н. Мещеряков. М. : Наука, 1991. 222 с.
3. *Спеваковский А.Б.* Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айновском обществе) / А.Б. Спеваковский. М. : ГРВЛ, 1988. 208 с.
4. *Артюнов С.А., Щебенков В.Г.* Древнейший народ Японии: судьбы племени айнов / С.А. Артюнов, В.Г. Щебенков. М.: Наука, 1992. 208 с.
5. *Ионова Ю.В.* Народы зарубежной Азии / Ю.В. Ионова // Культура народов зарубежной Азии и Океании: сб. Музея антропологии и этнографии. Ленинград : Наука, 1969. 985 с.
6. *Таре О.* Основы японской мифологии / О. Таре. Токио : Токедо, 1991. 240 с.
7. *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм: проблемы синкретизма / А.Н. Мещеряков. М. : Наука. 1987. 192 с.
8. *Мацумото Н.* Исследование японских мифов / Н. Мацумото. Токио : Токёдо, 1971. 302 с.

М.М. Соколовская (Минск, Беларусь)

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫЧЕСТВА

В БЕЛОРУССКОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Статья посвящена изучению проявлений языческой обрядности в белорусской фольклорной музыке. Исследуются ранние формы интонационной выразительности белорусской народной песни, непрофессиональной инструментальной музыки. Утверждается, что белорусская традиционная песня, взятая как текст культуры, воспроизводит смысловое наполнение языческих игрищ и гуляний, их условность, а также бинарную смеховую природу. Песенно-календарный цикл воплощает в себе

народные представления об онтологическом времени. Обращается внимание на повсеместное бытование в крестьянской среде непристойных, так называемых фривольных песен, в которых запечатлевалась сложная диалектика, амбивалентность древнего обрядового действия.

Ключевые слова: *язычество, обряд, музыкальный фольклор, интонационная выразительность, смех, амбивалентность, фривольные песни.*

Анализ белорусского музыкального фольклора свидетельствует о том, что в нем содержатся некоторые приемы выразительности, позволяющие реконструировать первичное мироощущение человека. Его эмоционально напряженное переживание бытия, связанное с непосредственным чувственным восприятием окружающего мира. Пониманию древнейших представлений человека помогают исследования В.И. Елатова, в частности, работа о мелодических основах белорусской народной музыки [1], в которой выделяются исторические типы интонационной структуры белорусской народной песни. Согласно мнению Елатова, первичная музыкальная интонация опиралась прежде всего на эмоции биологического характера, появление которых, в свою очередь, стимулировалось приспособлением организма к окружающей среде, естественным отбором. Сформированная таким образом омузыкаленная эмоция являлась средством коммуникации, межличностного общения. Синкретически вбирая в себя как логическое, так и эмоциональное высказывания, она начинала функционировать в качестве простейшего, элементарнейшего человеческого языка. Определенное воздействие на формы раннего музыкального интонирования оказали также звуковые проявления внешнего мира, образное осознание которых осуществлялось преимущественно на уровне звукоподражательности.

Несколько «интонаций-эмоций» положили начало основным модусам мелодической выразительности, будь то звуковысотные изменения, динамические или агогические оттенки (р-f, dim.-cresc., напряженно-умиротворенно, настойчиво-инертно, заинтересованно-отрешенно и целый ряд иных подобных чувственно-объективных антитез). Первоначальные интонации распределились между двумя полярными по своему психологическому значению состояниями – радость и горе, веселье и грусть, более обобщенно – хорошо и плохо. Позже оба мира контрастных переживаний в концентрированном виде проявились в интонациях радостного клича и плача. В. Елатов допускает, что эти интонации могли обусловить появление мажорного и минорного ладовых наклонов.

Эмоциональная интонация сохраняет в белорусском песенном фольклоре значение остаточного явления. Такой прием выразительности воспринимается, скорее, как своеобразное вкрапление в более развитые типы интонационной структуры, например, в песнях купальских,

русальных, волочebных, колыбeльных. Тесную связь с эмоциональными интонациями удерживают песни рабочие жнивные, ассоциирующиеся у многих фольклористов с омузыкаленным стоном, жалобой на изнурительный труд. Объединение усилий в тяжелой работе рождало всевозможные «уханья», «оханья», полумелодические, полуречитативные возгласы, обусловленные моментами дыхательной реакции на физическое напряжение, протяжные мелодизированные вздохи, имеющие не только внешне организующий характер, но и играющие значительную роль в повышении общего тонуса организма.

Эмоционально открыта зовная интонация в белорусских веснянках-загуканиях. «Мелодизированные призывы, кличи, обращения, императивные возгласы, отмечает В. Елатов, пронизывают все раннетрадиционное белорусское песнетворчество. Вспомним хотя бы чудесные поэтические ауканья между хорами девушек, кличущих весну...» [1, с. 35]. Длительный звук как ощущение бытия извлекался человеком вначале произвольно. Глиссандированная мелодическая линия, не регламентированная ни в высотном, ни в ритмическом отношении, воспроизводилась стихийно. Клич звучал как знак человеческого единения, с целью дать отголосок другому существу, «бытийствующему» на расстоянии.

В пении аутентичная манера исполнения, так называемый «истовый» стиль, характеризуется открытым звуком, громкой динамикой, наличием множества конкретных «интонаций-эмоций» – вибрато как «клокотание» чувств, ферматы, различные глиссандо. Информация подается предельно откровенно, с экспрессией. Отсутствуют полутени, тонкие переходы между эмоциональными состояниями. «Господство одной, всепоглощающей эмоции не оставляет места для выявления деталей» [там же, с. 44].

Представления о первичной музыкальной интонации формируют также наблюдения за исполнительской практикой народных музыкантов. Непрофессиональная инструментальная музыка сохраняет особенности такого стиля интонирования, когда переход между соседними звуками лада играется путем скольжения по звуковой шкале. Как полагает Елатов, такой исполнительский прием менее всего объясняется какими-то специфическими национальными признаками белорусской музыки. Данное явление скорее отражает общий уровень развития искусства, ту стадию оформления музыкальной интонации, «когда отдельные звуки лада лишь начинали вырисовываться в «глиссандирующей туманности» эмоционально обусловленного звукоизвлечения. Отрыв одного звука от другого по высоте, т. е. пропуск некоей высотной зоны, не входящей в структуру данного лада, – это уже сравнительно высокая ступень ладового мышления, наличие воспитанных и закрепленных навыков» [там же, с. 42].

В песенном фольклоре нашли отражение смыслы, а также процессуальность языческих игрищ и гуляний. Обращаясь к народным празднествам, многие фольклористы XIX века отмечали наличие сильного шумового эффекта на определенной фазе развития обрядового действия. Согласно П. Бессонову, шум и звон являются неотъемлемой составляющей всех событий купальских, что выражается припевом «ту-ту-ту» или «то-то» [2, с. 43]. «Кў обряду же относится сопровожде́ние пѣсень усиленных́ и намѣренных́ *притопываньемъ*, стукомъ; если можно, во что нибудь бьютъ, хоть въ кубло или ведро: это и отзывается въ припѣвѣ самихъ пѣсень» [2, с. 63]. П. Шейн детально описывает белорусские колядки. Козу ударяют по рогам, и она падает, на словах же «здорова ўстала» – поднимается. «Тутъ она вдругъ встаетъ, кланяется хозяину въ ноги и начинаетъ плясать. Въ это время начинаютъ играть на скрипкѣ уже съ акомпаниментомъ бубна, а до этого момента играли только на скрипкѣ» [3, с. 96]. Очевидно, тонические или ударные инструменты запускали механизмы лучшей обновленной жизни, сообщая ей ритм и мускульное движение.

Купальские песни, равно как и колядные, приуроченные к определенному древнейшему языческому празднеству аграрного типа, обязательно включали в свой ритуал всенародный, универсальный и амбивалентный смех. Смеховые формы культуры постепенно становятся основным способом выражения сугубо народного мироощущения. Народно-праздничный смех отрицает, одновременно обновляет, хоронит и возрождает. По М. Бахтину, смех связан с материально-телесным низом. Смех переводит все высокое, духовное, идеальное и отвлеченное на уровень земли и тела в их неразрывном единстве. Снижение означает не только приобщение к земле как поглощающему началу, но одновременно и обновление на лучших основаниях. Снижение имеет как уничтожающее, отрицательное значение, так и положительное, восстанавливающее. Сбрасывается, низвергается не просто вниз, в небытие, в абсолютное искоренение, а туда, где происходит зачатие и новое рождение, откуда все растет с избытком. Проявления материально-телесной жизни воспринимаются как всенародные, коллективные, противоположно всякому отрыву от физических корней мира, обособлению и замыканию в себя, любой отвлеченной идеальности и претензиям на отрешенную и независимую от земли и тела значимость [4].

О глубочайшей человеческой метаморфозе, перерождении белорусской девушки для лучшей жизни на обновленных началах через снижение и материализацию пишет П. Бессонов. «Есть разрядъ коротенькихъ пѣсней, «скакухи», извѣстныя частью Малороссамъ и Полякамъ, но тамъ меньше числомъ и гораздо изящнѣе – въ вихрѣ танцевъ,

у Сербовú – игриве и шуточне, у Блоруссовú же, частью вú Купалу, а больше вú Масляницу, – безчисленныя, азартныя, почти отвратительныя... во всякомú случаи по числу пúсней законченных у насú (русских – М. С.) тутú нúтú и десятой доли того, что у Блоруссовú собрано кú одному моменту, концентрировано, голо, беззащúтно, плодovито, повторительно; думаемú, что Вакханки, служившúя тому же божеству, на классической почвú уступили бы вú семú отношении женщинамú Блорусскимú и развú равнялись сú ними на почвú Фракийской и Малоазúатской, той, гдú засúяны и всú мы Славяне, но куда вú настоящемú случаи больше всúхú тянутú Блоруссы <...> Дúвушка Блорусская вú самихú пúсняхú непрерывно жалуется на отца или мать, стремительно вырывается изú подú ихú крова, тонетú вú страсти, ... возвращается и даже не жалбетú ни о чемú, встрúчая укоры матери. Нúтú возможности негодовать на это развú потому, что дúствúя здúсь невольны, безознательны, послушны неотразимому наитú фантастическихú и обрядныхú внушенú язьчества, какú электрическихú, мгновенно проникающихú, льющихсú, бьющихú и ударяющихú токовú». Где падение, считает Бессонов, там и восстание. В том же источнике сила, обращающая недуг в исцеление и обновление. Там, где искушение касается девицы, завязываются отношения новой жизни. Достигнув предела, слышите, воспрянет сейчас лучшая сила. Девушка, а с нею всегда связанная Весна, врачует, освежает собою быт, обряд, творчество и песню. Русским на Масленицу никогда не удастся выйти к такой светлой зоре, к какой выходит белорус. Творящий дух воскресает к образам давним, мифологическим и божественным. Драма переносится на небеса, отряхивая с себя земные дрязги. Девушка с любовью своей играет как Персефона, образ ее светлеет изяществом. Еще шаг – и все ей противодействующее уходит на второй план картины, рисуется зимою, снегом, льдом, оковами природы. Под воздействием пахнувшего на Белую Русь дыхания Весны песня кличет ласточку, ждет кукушку, видит, как разверзается небо с его благими дарами. Строй песни меняется. Лицо белоруса проясняется для внешнего быта. Скоро конец его голоду, перестанет он разводиться в воде нерастворимый кусок ужасного хлеба [2, с. 138].

Песни крестьянского земледельческого календаря позволяют реконструировать народные представления о времени. Ходом важнейших сельскохозяйственных работ определялось время празднования древнейших языческих мистерий, связанных с посевом, созреванием и уборкой урожая. К языческим празднествам, вбиравшим в себя многочисленные аграрно-магические ритуалы в сочетании с песнями, оказывался причастен, в большей или меньшей степени, весь народ, живущий подчеркнуто

неофициальной жизнью в определенные сроки. Ритуальные обряды были освящены традицией и являлись обязательными.

По праздникам отсчитывалось онтологическое время. Без всяких справок с книгою, неграмотные крестьяне, особенно пожилые, в голове постоянно имели календарь на весь год, по которому никогда не ошибались в днях даже самых незначительных церковных полупраздников. В XIX веке христианский священник И. Берман свидетельствовал: «Добавить ли кú тому еще, что времена праздничныя составляютú для народа пока единственный способú счета времени, потому что не многіе вú народѣ знаютú названія мѣсяцевú и счетú чиселú, но большею частію опредѣляютú время такú: «за двѣнедѣли до запусту колядныхú родилась Настуля, по Колядахú во столько-то дней сталú паробокú на службу, до Миколы за столько-то дней снѣл то-то, по Госпожѣ вú столько-то времени вышла замужú и т. п.» [5, с. 3].

Соответственно, грехом считалось попиране песенно-календарного цикла. Песню весеннюю ни при каких обстоятельствах не пропели бы зимой или летом, петровскую – в Коляды, летнюю – весной и т. д. Для каждой песни существовал не только свой определенный период исполнения, но даже известный день. В Варколабовской летописи описываются события XVI века, когда попытки воздействовать извне на устоявшийся народный календарь привели к всеобщему замешательству, граничащему с ощущением прихода конца света. «На тотú же часú было великое замешание промежи панами и промежú людьми духовными, также и людьми простыми было плачу великого, нареканя силнаго, похвалки, посварки, забуйства, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцомú торги албо ярмарки поотменяли, – праве было начало пристья антихристова, у такомú великомú замешанью» [6, с. 7]. Исполнение песен не вовремя могло нарушить сами фундаментальные основы мироздания. В соответствии с песенным календарем люди жили. Именно песнями определялось, что делать в каждый конкретный праздник. «Такое цикловое распределѣніе ихú установлено самимú народомú и ретиво имú оберегается вú теченіе многихú вѣковú», – писал Е. Романов [7, с. IX].

Сложная диалектика, амбивалентность древнего обрядового действия проявилась в так называемых фривольных песнях, на повсеместное бытование которых во второй половине XIX века указывали исследователи белорусского фольклора. ««Святя» пѣсни, – то написаны у ксеншкахú. А гѣдакія, простыя, бранделюшки, то ўжешú ни откуль выходятú, якú одú злого. Кажуть люди, сядить на моры чаркесú

и спивае уселякія пѣсни. А люди понимаюць, и учатца такі одны оті другіху. И такі пошло далі» [8, с. 363]. Значение слова «бранделюшки» раскрывается в другом первоисточнике. «На 26-й недѣлѣ оті Колядѣ празднується день *Ивана Купалы*. На кануні этого дня, ночью, крестьяне, бывало, раскладывали костры огня (чему потворствовали нерѣдко помѣшники) и чрезі эти огни прыгали, кругомі плясали, пѣли пѣсни, большею частью *брандзюшки* (непристойныя), по сознанию самого народа» [5, с. 22].

Фривольные песни изучал М. Федоровский, издавший их отдельной тетрадью как приложение к песенным томам «Люда белорусского». Федоровский не брался объяснить, почему в деревне нецензурные песни столь популярны и употребительны, тогда как в целом моральная распушенность никак не характеризует здешних жителей. Свои комментарии предложил академик Н.М. Никольский, изучавший свадебную обрядность в середине XX века. «««Строгих» хранителей нравственности XIX века, записывавших белорусские свадебные обряды, шокировала «нецензурность» некоторых припевов и «непристойность» некоторых плясок и обрядов. Мы можем по этому поводу сказать, что здесь к белорусской обрядности применялась почему-то иная мерка, чем к древнегреческой обрядности с ее дионисиями, вакханалиями и распространенными обычаями совершения *hieros gamos...*» [9, с. 260].

Таким образом, проявления язычества в белорусской фольклорной музыке многочисленны и разнообразны. Целенаправленное их изучение обогащает наши представления об особенностях и специфике художественного мышления белорусов.

Библиографический список

1. *Елатов В.И.* Мелодические основы белорусской народной музыки / В.И. Елатов. Минск : Наука и техника, 1970. 143 с.
2. *Бессонов П.А.* Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П.А. Бессонов. М. : издержками Общества любителей российской словесности, 1871.
3. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края / П.В. Шейн. М. : Универ. тип., 1887. Т. 1. Ч. 1 : Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. 585 с.
4. *Бахтин М.М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. М. : Художественная литература, 1990. 545 с.
5. *Берман И.* Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Виленской губернии Ошмянского уезда / И. Берман / Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб. : типография Майкова, 1873. Т. 5. С. 3–43.
6. Первоисточники для истории Могилевского края. Одесса, 1916. Вып. 1 :

Варколабовская летопись. Путевые записки стольника Толстого, под ред. Е.Р. Романова.

7. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Киев : Типография С.В. Кульженко, 1886. Вып. 1–2 : Песни, пословицы, загадки.

8. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вильна : Издание Управления Виленского учебного округа, 1912. Вып. 2, под ред. Е.Р. Романова.

9. *Никольский Н.М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности / Н.М. Никольский. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1956. 272 с.

М.Б. Шчаўлінскі (Мінск, Беларусь)

ЭТНІЧНЫЯ РЫСЫ Ў РАЗВІЦЦІ БЕЛАРУСКАЙ АРХІТЭКТУРЫ І ЖЫВАПІСУ Ў ПАЧАТКУ ХХ СТ. (1900–1914 ГГ.)

Артыкул разглядае развіццё беларускай архітэктуры і жывапісу у пачатку ХХ ст. На аснове аналізу робіца вывад, што архітэктура і жывапіс у разглядаемы перыяд дасягнулі асаблівага росквіту, і разам з літаратурай, тэатральным жыццём, асветай спрыялі ўвогуле развіццю культуры, уздыму нацыянальнай самасвядомасці.

Ключавыя словы: *этналогія, беларуская культура, архітэктура і жывапіс.*

Культура Беларусі ў пачатку ХХ ст. развівалася ў цеснай сувязі з нацыянальным рухам, працэсамі культурнага наступу больш магутных суседзей: з усходу – Расіі, з захаду – Польшчы. Царызм у той час не дазваляў на Беларусі ніякіх нацыянальных формаў грамадскага развіцця, таксама ім падаўлялася праява культурна-нацыянальнага адраджэння беларусаў. Вось як аб становішчы ў беларускіх губернях у гэты час гаворыць вядомы гісторык М.В. Доўнар-Запольскі: «Цяжкая, прыгнятаючая рука царскага ўраду не дазваляла тут ствараць навуковыя цэнтры, разганяла інтэлігентных работнікаў, зганяла сюды русіфікатараў, цікавілася краем толькі з паліцэйскага пункту гледжання, таму нават нашыя губернскія цэнтры ў навуковых і грамадскіх адносінах далёка адставалі ад губернскіх цэнтраў Украіны ці Вялікарасіі» [1, с. 1].

Найбольш важным накірункам русіфікатарскай палітыкі была забарона беларускай мовы і распаўсюджванне рускай. Напрыклад, у часопісе Камітэта Міністраў, з нагоды выканання Імператарскага ўказу ў адносінах да заходніх губерняў падкрэслівалася: «Расійскай мове, як дзяржаўнай, павінна быць, па перакананню Камітэта, і далей па-ранейшаму забяспечана пануючае становішча. Неабходнасць гэтага выцякае з факта прыналежнасці края да Расійскай дзяржавы і ўсведамлення, што заходнія губерні, якія здаўна ўваходзілі ў яе склад, маюць у значнай сваёй частцы спрадвечна рускае насельніцтва» [2, л. 586].

У якасці навуковага абгрунтавання сваёй русіфікатарскай палітыкі

царскі ўрад выкарыстоўваў ідэалогію *заходнерусізма*, якая адмаўляла існаванне беларускай нацыі і беларускай мовы. Гэта ідэалогія з’яўлялася адным з накірункаў грамадскай думкі ў заходніх губернях на прцягу XIX – XX стст. Згодна з яе канцэпцыяй «Беларусь не з’яўляецца краінай з асобнай нацыянальнай культурай і не мае дзеля гэтага права на самастойнае культурнае і палітычнае развіццё, але што яна з’яўляецца культурнай і дзяржаўнай часткай Расіі і таму павінна разглядацца як адзін з яе састаўных элементаў» [3, с. 7].

У такім жа накірунку, толькі з польскай арыентацыяй, супраць беларускага нацыянальнага адраджэння змагалася польская палітычная эліта. Польскі ўплыў асабліва моцна адчуваўся ў галіне культуры. Фактычна многія пласты польскага грамадства (іх ідэйныя натхняльнікі Людвіг Гурскі і Генрых Сянкевіч) актыўна прапагандавалі ідэю пра «гістарычнае права Польшчы на Беларусь», пра «вялікую культурную місію палякаў на Усходзе» і г.д. [4, с. 19].

Такія ідэі таксама прапагандавалі «працоўныя хрысціянскія саюзы» (клерыкальнага напрамку) [5, л. 25], «Польская партыя сацыялістаў» (ППС), якая здолела разгарнуць вельмі актыўную работу сярод польскага насельніцтва Беларусі і Літвы. Лідары ППС неаднаразова адзначалі ў сваіх прамовах, што Літва і Беларусь павінны ўвайсці ў склад незалежнай дэмакратычнай польскай рэспублікі. Так, С. Мендэльсон, актыўны дзеяч ППС, на старонках «Pzedswita» заўважаў, што «Польшча ў этнічных граніцах – гэта проста абсурднае паняцце» [6, с. 56].

Найбольш рэакцыйныя газеты польскага друку («*Slowo*», «*Kurjer Warszawzki*», «*Prawda*», «*Gazeta Codzenna*»), у публікацыях якіх адчувалася асабліва нянавісць да беларускага народа і яго культуры, выступалі адзіным фронтам супраць беларускай літаратуры і беларускай мовы. Выконваючы планы аб аднаўленні Польшчы з уключэннем беларускіх зямель, яны імкнуліся даказаць, што нібыта няма ні Беларусі, ні беларускага народа, ні беларускай мовы, ні, тым больш, беларускай літаратуры. Напрыклад, польскі пісьменнік З. Пяткевіч у артыкуле пра купалаўскую «Адвечную песню» сцвярджаў: «Беларускі народ ніколі не меў і не мае сваёй літаратуры. Стварыла яе польская інтэлігенцыя. Будучы створанай штучным чынам, яна ў значнай меры не адлюстроўвае ні душы, ні яго звычаяў, традыцый, вераванняў, ні нават складу яго мовы» [7, с. 2].

Аднак, нягледзячы на русіфікатарскую палітыку царскіх улад на Беларусі, экспансіянісцкую дзейнасць на беларускіх землях розных польскіх памешчыцка-клерыкальных арганізацый, беларуская інтэлігенцыя працягвала барацьбу за нацыянальна-культурнае адраджэнне, якая ва ўмовах адсутнасці ў беларусаў сваёй дзяржаўнасці, самастойных формаў палітычнага і эканамічнага жыцця з’яўлялася найбольш важным

аб'ядноўваючым фактарам, садзейнічала захаванню этнічнай самабытнасці беларускага народа, вяла да абуджэння яго палітычнай самасвядомасці. Захоўвалі сваі самабытныя рысы ў тых умовах архітэктура і жывапіс.

Трэба адзначыць, што хуткія тэмпы станаўлення таварна-рыначных адносін у пачатку XX ст., рост беларускага насельніцтва (да 1914 года колькасць жыхароў Беларусі дасягнула 7,5 мільёнаў чалавек) [8, с. 262], адпаведна паўплывалі на працэс урбанізацыі беларускіх гарадоў і іх архітэктуру. Буйнейшым горадам Беларусі у той час робіцца Мінск, у якім напярэдадні Першай сусветнай вайны налічвалася 106 тысяч жыхароў, столькі ж насельніцтва пражывала ў Віцебску [9, с. 20]. Найбольшай дынамікай росту вызначаўся Гомель, які за перыяд з 1890 па 1917 гг. павялічыўся ў 2,7 разы, стаўшы трэцім па колькасці насельніцтва беларускім горадам [10, с. 287].

Вядучае становішча таксама занялі Гродна і Магілёў. Аднак хуткія тэмпы росту ў той час былі характэрнымі не толькі для буйных гарадоў, але і для асобных гарадскіх пасяленняў (Баранавічаў, Жлобіна, Калінкавічаў, Ліды, Лунінца, Маладзечна, Воршы, Асіповічаў, Полацка і інш.).

Пад уздзеяннем актыўных сацыяльна-палітычных працэсаў у разглядаемы перыяд у горадабудаўнічай практыцы Беларусі ўсё выразней праяўляюцца тэндэнцыі дэмакратычнага развіцця, што знайшло адлюстраванне ў некаторай нівеліроўцы адрозненняў паміж раёнамі цэнтральнай забудовы і рабочых ускраін. Напрыклад, у перыферычных раёнах усё часцей з'яўляюцца будынкі масавага прызначэння: бальніцы, багадзельні, школы, тэхнічныя і рамесныя вучылішчы. Шырокае развіццё таксама ў пачатку XX ст. атрымала жыллёвае будаўніцтва. У агульнай масе жылой забудовы перавагу набывае сядзібнае будаўніцтва, якое пачало рэгламентавацца адпаведна з прынятымі ў 1870 і 1892 гг. генеральнымі планами забудовы гарадоў, а таксама будаўнічымі і дарожнымі камісіямі, адпаведнымі органамі гарадскіх упраў. У той жа час шырыцца будаўніцтва даходных дамоў, што спрыяла шырэйшаму распаўсюджванню доўгіх шматкватэрных пабудоў. Яны падзяляліся на тры-чатыры жылыя часткі (кватэры), кожная мела асобны тамбур – ганак, ці веранду, прыхожую, вакол якой размяшчаліся кухня і жылыя пакоі (два-тры). Печы ставіліся на падоўжанай восі будынка. Мураваны падмурак, сцены з брусаў, падвойныя падлога і стол, кроквы з урубкаю пятаў крокваў у знешнія выпускі бэлек, пакрыццё – дражка ці бляха. Сцены ўнутры часта тынкаваліся, абклеяваліся шпалерамі. Печкі аздабляліся белай кафляй з карнізамі і паяскамі, часам каляровымі [10, с. 290–291].

Даходныя дамы цэнтральных раёнаў беларускіх гарадоў былі, як правіла, двух-, трохпавярховымі пабудовамі, якія ўтваралі стужачную забудову ўздоўж вуліц. Часам дамы з рознастылявымі рашэннямі фасадаў ляпіліся

адзін да другога, утвараючы стракатую па пластыцы і колеру панараму. Праходы ў двор ажыццяўляліся праз аркі – праезды на ўзроўні першага паверха. Пластычнае аздабленне даходных жылых дамоў складалі праёмы з паўарачным і арачным завяршэннем (у напрамку росту паверхаў), піястрамі, карнізнымі паяскамі. Прыклады такой забудовы ў Мінску былі па вуліцах Рэвалюцыйнай, Інтэрнацыянальнай, М. Багдановіча (раён Траецкага прадмесця); у Магілёве – па вуліцах Першамайскай і Піянерскай; у Гомелі – па вуліцы Савецкай, у Гродне – па вуліцах Ажэшкі і Савецкай.

Практычна ўсе жылыя даходныя дамы беларускіх гарадоў аздабляліся у стылі мадэрн. Яго найбольш яркія праяўленні бачны ў мудрагелістых па форме атыках, ламаных мансардных дахавых пабудовах, аздабленні сцен піястрамі і карнізамі з лякальнай цэгля, складаных крывалінейных формах аконных праёмаў, мудрагелістых і разнастайных малюнках кратаў балконаў, кансоляў, казыркоў (Мінск), часам архітэктурнае рашэнне дапаўняюць пірамідальныя і вежавыя формы, чыста дэкаратыўнага характару, асабліва ў выпадку, калі забудова фланкіруе вуглы вуліц і кварталаў ў такіх гарадах, як Гродна, Віцебск і Магілёў [10, с. 291].

Напрыклад, у гэтым стылі былі пабудаваныя: у 1914 годзе пазямельна-сялянскі банк у Віцебску (архітэктар К. Тарасаў, цяпер Віцебскі ветэрынарны інстытут), у 1912 годзе капліца ў вёсцы Лясная Слаўгарадскага раёна Магілёўскай вобласці (архітэктар А. Гаген), у 1910–1912 гг. асабняк у Бабруйску, у 1909 годзе вучэбны корпус Лужаснянскай земляробчай школы (сучаснага Лужаснянскага сельскагаспадарчага тэхнікума імя Ф.А. Сурганова) у Віцебскім раёне і іншыя [8, с. 273].

Шырокае распаўсюджванне ў беларускай архітэктурцы пачатку ХХ ст. атрымалі таксама неагатычны і неараманскі стылі. У неагатычным стылі былі пабудаваныя: у 1914 годзе Тройцкі касцёл у гарадскім пасёлку Відзы Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці (архітэктар В. Міхневіч), у 1903 годзе касцёл Сэрца Езуса ў вёсцы Слабодка Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці, у пачатку ХХ ст. касцёлы ў вёсках Краснае Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці, Суботнікі Іўеўскага раёна Гродзенскай вобласці, Ракаў Валожынскага раёна Мінскай вобласці, а таксама у гарадах Вілейка, Міёры, Полацк, Паставы, Рэчыца [8, с. 276].

Найбольш поўна неараманскі стыль прадстаўляюць пабудаваныя у 1905–1910 гг. касцёл Св. Сымона і Св. Алены ў Мінску (архітэктары Ул. Марконі, Г. Гай і Т. Пайздэрскі) і царква-пахавальня князёў Святаполк-Мірскіх у Міры (архітэктар Р. Марфельд) [8, с. 276].

Важную кампазіцыйна-прасторавую ролю ў будове беларускіх гарадоў адыгрывалі помнікі манументальнага мастацтва. Прычым, калі раней яны ставіліся толькі на плошчах, што было вынікам іх грамадскай значнасці ў гарадах, дык у пачатку ХХ ст. помнікі ўсё часцей будаваліся на шырокіх

вуліцах, бульварах, у месцах канцэнтрацыі грамадскага жыцця.

Так, у 1912 годзе быў пабудаваны помнік у Кобрыне ў гонар герояў 1812 года (скульптар С. Ота, архітэктар Д. Маркаў), у тым жа годзе таксама пабудаваны помнік-абеліск у гонар 100-годдзя гераічнай бітвы пад Віцебскам у Айчынай вайне 1812 года (архітэктар І. Фамін).

Разам з устаноўкай помнікаў у гарадах у пачатку XX ст. прасочваецца пэўная заканамернасць ва ўзвядзенні помнікаў непасрэдна на месцах буйных гістарычных падзей. У гэтым сэнсе комплексным падыходам вызначалася стварэнне ў 1908 годзе у вёсцы Лясная (Слаўгарадскі раён Магілёўскай вобласці) мемарыяльнага ансамбля на месцы бітвы 1708 года, дзе была атрымана першая перамога рускай рэгулярнай арміі на чале з Пятром I над шведскім корпусам генерала А. Левенгаўпта (архітэктар А. Гаген) [8, с. 270–271].

Трэба адзначыць, што значных поспехаў у пачатку XX ст. дасягнула беларускае выяўленчае мастацтва. Найбольш прагрэсіўная частка беларускіх мастакоў у той час заставалася на рэалістычных пазіцыях. Прыхільнікам і стваральнікам яркага, глыбока-эмацыянальнага рэалістычнага пейзажу быў Ф.Э. Рушчыц (1870–1936). Лепшымі яго творамі з’яўляюцца: «Зямля» (1898), «Стары млын» (1899), «У свет» (1901), «Эмігранты» (1902), якія вызначаюцца вялікім прафесійным майстэрствам і высокай ідэйнасцю. У тых жа гады мастак стварае і пейзажы, у якіх сацыяльныя матывы адыходзяць на задні план: «Вадзяны млын», «Лясны ручай», «Берагі Вілейкі» і інш. Увогуле, пейзажы Ф.Э. Рушчыца ўзнісліся і матэрыяльныя адначасова. Гэтага аўтар дасягнуў спалучэннем каларыстычнага і танальнага вырашэння. Карціны, экспанаваныя на выставах у Пецярбургу і Варшаве, прынеслі мастаку славу выдатнага каларыста і рысавальшчыка [8, с. 326–328].

Адной з яркіх старонак у гісторыі беларускага пейзажа ў разглядаемы перыяд з’яўляецца творчасць В. К. Бялыніцкага-Бірулі (1872–1957). Першае сваё значнае палатно мастак напісаў у 1892 годзе у Пяцігорску «З ваколіц Пяцігорска», якое высока ацаніў І.Я. Рэпін, а П.М. Трацякоў нажадаў набыць пейзаж для сваёй галерэі. У 1901 годзе В.К. Бялініцкі-Біруля напісаў карціну «Вечныя снягі», за якую на Каўказскай юбілейнай выставе мастак быў узнагароджаны залатым медалём, а у 1908 годзе В.К. Бялыніцкаму-Бірулі было прысвоена званне акадэміка жывапісу. Усяго за сваё доўгае творчае жыццё мастак напісаў больш за 1000 карцін і эцюдаў [11, с. 165].

Разам з рэалістычным пейзажам шырокае распаўсюджванне ў беларускім жывапісе ў пачатку XX ст. атрымаў бытавы жанр. Найбольш буйным прадстаўніком гэтага жанру з’яўляўся Ю.М. Пэн (1854–1937). За сваё творчае жыццё мастак стварыў цэлую галерэю вобразаў «людзей з народа»: «Жабрак», «Стары солдат» (1902), «Жанчына з пісьмом» (1903),

«Стары кравец» (1903), «Гадзіншчык» (канец 1910 – пачатак 1920-х гг.) і інш. [12, с. 14–15]. Асноўная частка матэрыяльнай спадчыны Ю.М. Пэна належыць цяпер Віцебскаму дзяржаўнаму краязнаўчаму музею (155 жывапісных і 15 графічных прац). Шэраг яго карцін захоўваецца ў Нацыянальным мастацкім музеі Рэспублікі Беларусь.

Акрамя вышэй названых мастакоў, значны ўклад у развіццё беларускага жывапісу ў пачатку ХХ ст. унеслі К. Стаброўскі, С. Жукоўскі, Г. Вейсенгоф і інш. Асаблівага росквіту ў гэты перыяд дасягнула і графіка, якая таксама вызначалася дэмакратычнасцю, імкненнем да стварэння нацыянальных вобразаў. Графікі ўдзельнічалі ў афармленні беларускіх газет «Наша доля» і «Наша ніва», кніг на роднай мове. Сярод першых мастакоў, якія звязалі сваю творчасць з нацыянальна-вызваленчым рухам, быў К. Каганец, які працаваў у жанры малюнка «Пахаванне Свабоды» (1905), плаката «Віншую з новым годам» (1906) і інш. [13, с. 60].

Яркія і індывідуальныя вобразы персанажаў стварыў у сваіх графічных працах С. Богуш-Сестранцэвіч. Найбольш вядомыя сярод іх: «Праца ў фальварку», «Размова», «У мястэчку», «Цыганы», «Бегавы конь», «На паляванні» [13, с. 55].

Безумоўна, таленавітым графікам, які зрабіў значны ўклад у беларускае мастацтва, быў выхадзец з Гарадзеншчыны А.Я. Каменскі (1860–1933). У беларускай мастацтвазнаўчай літаратуры імя гэтага мастака называецца вельмі рэдка. У большай ступені звесткі пра яго мы знаходзім толькі ў працах польскіх мастацтвазнаўцаў. Але ўважлівае вывучэнне яго спадчыны, архіўных матэрыялаў дазваляе зрабіць выснову, што творчасць Каменскага шмат у чым была звязанай з беларускай культурай. Пасля навучэння ў Пецябургскай акадэміі мастацтваў і ў акадэміі Жульена ў Парыжы, ён у 1909 годзе робіць падарожжа ў Белавежскую пушчу, дзе працуе з натуры. Вынікам падарожжа стала серыя эцюдаў і малюнкаў, у якіх мастак намалюваў родную беларускую прыроду і насельнікаў пушчы. Цудоўнымі паводле выканання, кранальнымі паводле глыбіні закладзенага ў іх пачуцця з’яўляюцца такія працы, як «Дарога ў пушчы», «Старыя дубы», «Дзяўчынка-ліцвінка», «Беларус і ліцвін», «Вячоркі», «Сустрэча ў пушчы» і інш.

Такім чынам, архітэктура і жывапіс у пачатку ХХ ст. дасягнулі асаблівага росквіту, і разам з літаратурай, тэатральным жыццём, асветай спрыялі ўвогуле развіццю культуры, уздыму нацыянальнай самасвядомасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Довнар-Запольский М.В.* Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. Минск : «Изд-во Госплана БССР», 1926. 240 с.

2. НАРБ. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 7509.
3. *Цьвікевіч А.* «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX стст. / А. Цьвікевіч. Мінск : Навука і тэхніка. 1993. 352 с.
4. *Сташкевіч М.* Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г. / М. Сташкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. №3. С. 18–23.
5. НАРБ. Фонд 2649. Воп. 1. Спр. 51.
6. *Літвінёнак Р.С.* Польскія партыі сацыялістычнай арыентацыі ў Беларусі і Літве (90-я гады XIX – пачатак XX ст.) / Р.С. Літвінёнак // Весці НАН Беларусі. 1998. № 4. С. 54–61.
7. Prawda. Warszawa. 1910. № 39. S. 2.
8. Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т. ; рэдкал.: Л.М. Дробаў, П.А. Карнач. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. Т. 3. 448 с.
9. Победа Советской власти в Белоруссии ; редкол.: М. Родионов, Г. Вольский. Минск, Наука и техника, 1968. 508 с.
10. *Лакотка А.І.* Нацыянальныя рысы Беларускай архітэктуры / А.І. Лакотка. Мінск : Ураджай, 1999. 366 с.
11. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. ; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. Мінск : БелЭн., 1994. Т.2. 537 с.
12. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. ; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Мінск : БелЭн., 2001. Т.6. Кн.1. 592 с.
13. *Дробаў Л.М.* Графіка Беларусі XIX – пачатку XXст. / Л.М. Дробаў. Мінск : Тэхналогія, 2000. 67 с.

Т.Е. Алексо (Мінск, Беларусь)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Обосновывается актуальность социокультурного подхода к рассмотрению города как системы, в основе которой лежит триединство *личность–общество–культура*. Рассматривается понятие «персонализация»; выявляется его значение в культурологическом дискурсе. Раскрывается роль ценностных трансформаций в современном обществе, анализируется их влияние на процесс персонализации городской культуры.

Ключевые слова: *аксиология, город, городская культура, персонализация.*

Город всегда был местом для самореализации человека, возможности быть самим собой и воплощения своих мечтаний. Именно города становились передовыми центрами культуры, науки, технологий, экономики.

Рост городов в их пространственном и количественном значении определил появление нового типа человека – *Homo Urbanus* ‘Человека

Городского' [1] со своей системой ценностей, в которой город занимает особое место. Такая «городская» система ценностей культурно-исторически обусловлена и напрямую связана с городской культурой. Поэтому становится важным изучение культурных феноменов, связанных с конкретным городом, где применение аксиологического подхода «позволит выделить своеобразие связи универсальных и локальных городских смыслов и ценностей в физическом и метафизическом пространстве конкретного города» [2].

В настоящей статье для изучения города мы используем социокультурный подход, согласно которому городское пространство можно рассматривать как систему, имеющую в своей структуре три неразделимых аспекта: *личность – общество – культура*, иными словами: *горожанин – городское общество – городская культура*. Данные аспекты взаимообусловлены: «Ни один из членов этой неделимой триады не может существовать без двух других» [3, с. 218]. В процессе жизнедеятельности человека в городе происходит закономерная смена парадигм мышления: ум формируется в городе и, наоборот, город определяет мышление. «Мы [люди] являемся той рамкой, которая формирует мир и в которую этот мир укладывается. Этой рамкой являются законы и принципы нашего восприятия и мышления (например, законы логики, языка, ощущения пространства и времени, этические ценности и эстетические категории)» [4].

В этой триаде культурологический интерес представляет городская культура. Ведь именно в сфере культуры городская ментальность проявляется ярче всего. Сегодня однозначного определения, что такое городская культура, не сложилось. В общем виде мы говорим о культуре как о механизме, который ставит перед собой задачу способствовать «вживлению» человека в пространство. С точки зрения семиотической интерпретации культуры, она предстает как система многочисленных традиций, моделей поведения, норм и правил, предполагающая трансляцию и выполнение различных программ деятельности и коммуникации. С позиций аксиологического и деятельностного подходов культура понимается как система ценностей, смыслов, идеалов и как специфический образ человеческой жизнедеятельности соответственно.

Принимая во внимание вышесказанное, мы можем охарактеризовать *городскую культуру* как систему ценностей, норм и значений, которыми владеют взаимодействующие лица, раскрывающие и постоянно наполняющие метатекст своего города. Принадлежность к городскому обществу осуществляется посредством принятия системы ценностей городской культуры, репрезентация которых наблюдается в архитектурном наследии, городском образе жизни, ежедневных практиках горожан,

ментальном образе города, в знании истории и культуры города, ритуалах и обычаях, мировоззрении и сознании горожан и т.п. Из этого следует, что «в освоении городской культуры важную роль играет процесс личного участия в городской деятельности, постоянного собственного, непосредственного включения в нее, а не замена такого участия потреблением готовых образцов» [5, с. 163]. Подчеркнем, что горожанину необходимо ощущать свою значимость и единство с городским сообществом, испытывать чувство причастности к важным событиям города.

Не менее важен вопрос наличия у горожан возможностей для реализации своих замыслов в городском пространстве, и найдут ли они поддержку своей идеи у большинства? Поэтому наличие различных сообществ в городе становится определяющей характеристикой в освоении и адаптации городской культуры. Разделяя общие мнения и ценности, участники сообществ способствуют самореализации друг друга, ощущению причастности к чему-то большему, позволяют преодолеть чувство конечности собственного бытия, так как человек знает, что его деятельность в этом сообществе важна для города и других людей.

Таким образом, раскрывается еще одна важная характеристика городской культуры – это культура участия: «любая часть пространства может превратиться в место с огромным потенциалом, если проявятся наша воля, активное сопричастие и не только рациональное, разумное» [6, с.173]. Культура участия заключается в наличии свободного права у людей включаться в социальные и культурные процессы и содействовать развитию, делая это добровольно и осознанно.

Поэтому, когда город (городские власти, например) «помогает» своему жителю и дает возможности для организации своего досуга самостоятельно, то происходит присваивание города и горожанин называет его «своим». Таким образом, аксиологический аспект персонализации городской культуры определяет направленность действий городского сообщества по отношению к городу и его жителям, тем самым транслируя смыслы и значения, составляющие уникальный образ города.

В этом смысле персонализация является источником активности субъекта по отношению к городу, его пространству и территории, основанным на личном опыте и личных установок индивида. Термин «персонализация» известен в таких направлениях как маркетинг, дизайн, информационные технологии, а также в психологии и педагогике, что характеризует его как многогранный междисциплинарный феномен.

В культурологическом дискурсе существует несколько определений этого феномена. С одной стороны, персонализацию определяют как «ориентацию культуры и общества на каждого человека, когда он утрачивает черты «массового индивида» [7], с другой – как процесс

наполнения «сегментов городской среды дополнительным ценностным содержанием» [8, с. 59]. Другими словами, горожанин, производя акт присвоения элементов городского пространства, формирует представление своего города, основанное на субъективных переживаниях, личностных значений мест в городе. Следовательно, городское сообщество, разделяя ценности городской культуры, формирует их индивидуальные черты: появляются минчане, могилевчане, бобруйчане с ярко выраженными характеристиками принадлежности к тому или иному городу. Таким образом, горожанин становится неотъемлемой частью культуротворческого процесса в освоении и наполнении городской культуры.

Обращая внимание на то, по каким маршрутам совершают прогулки жители города, какие места в городе для них максимально комфортны, какие мероприятия привлекают и какие инициативы реализуются, можно проследить не только процессы освоения и присвоения городского пространства, но и определить, что для горожан представляет наибольшую ценность.

Желание человека что-то изменить в городском пространстве мы связываем с процессом персонализации, когда изменяя и адаптируя что-то в городе для себя и близких, в итоге создается социокультурный продукт или явление, наполняющие городскую культуру. Одним из таких примеров мы можем считать уличных музыкантов, которым власти Минска определили места в городе для выражения своего творчества. Это музыкальный проект «Пешеходка», в котором принять участие могут не только уличные музыканты из разных городов, но и известные музыкальные группы нашей страны. Однако не все города способны предоставить такие возможности творческим людям. Приведем пример ситуации в Могилеве, когда на самой оживленной пешеходной улице в центре города не отведены места для реализации творческого потенциала молодых горожан, что приводит, например, к жалобам жильцов, чьи окна квартиры выходят на пешеходную улицу, на слишком громкую либо позднюю музыку (после 23:00).

Для белорусских городов не перестает быть актуальным вопрос, касающийся граффитистов: они вандалы или все-таки художники? Зародившись в андеграунд-культуре, этот вид искусства по праву считается городским, тем не менее, отношение к нему до сих пор неоднозначное. Это обусловлено тем, что в большинстве своем продукты творчества граффитистов не всегда отличаются качеством исполнения и наличием смысловой нагрузки. Однако во многих городах Беларуси мы можем видеть действительно качественные работы, но многие из них закрашиваются коммунальными службами.

Все это говорит о том, что в таких вопросах необходим диалог творческого сообщества и властей. Благодаря городским инициативам, фестивалям и другим мероприятиям, которые полностью либо частично касаются искусства граффити, меняется и отношение к подобным продуктам творчества. Одним из главных мероприятий, показывающим, каким является и может быть это искусство является стрит-арт фестиваль *Vulica Brasil*, который уже в пятый раз будет проходить в Минске. Организаторы совместно с художниками Бразилии и Беларуси, Министерством культуры и Минским горисполкомом определяют места для работы художников, утверждают эскизы. Благодаря такой коллаборации появляется качественный продукт, включаемый в свертхтекст городской культуры.

Таким образом, персонализация городской культуры состоит в том, чтобы разнообразие проявлений городской культуры (городские практики, мероприятия, социокультурные институты и т.п.) позволили человеку проявить себя, о-своить город и сделать его «своим» – персонализировать. Аксиологический аспект данного процесса заключается в том, что динамика освоения городской культуры коррелирует с субъективными представлениями личности о городском сообществе, основанными на его опыте и знаниях. Чувствуя и наблюдая мировые тенденции в развитии городского сообщества, человек интерпретирует их согласно ценностно-смысловым кодам своей культуры, и как следствие, происходит их адаптация в городской культуре, благодаря чему наши города меняются согласно индивидуальным и коллективным представлениям.

В настоящее время происходит коренной поворот в системе ценностей мирового сообщества: современная культура многих стран формируется и воспроизводится в городах, что влечет за собой закономерную трансформацию ценностного сознания людей, и на первый план выходят идеи рациональности, единства, порядка. Поэтому изучение городов и городской культуры может стать одним из приоритетных направлений современной науки.

Библиографические ссылки

1. *Горнова Г.В.* Философия города: монография / Г.В. Горнова. М. : Форум Инфра-М, 2014. 343 с.
2. *Горнова Г.В.* Ценностный подход в методологии исследования культурного пространства сибирского города (на материале г. Омска) / Г.В. Горнова // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка». Новокузнецк, 2018. С. 17–24.
3. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество / общ. ред., сост. и предисл.

А.Ю. Согомонова ; пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

4. *Гаспарян Д.* Что такое реальность? / Д. Гаспарян // ПостНаука [Электронный ресурс]. 2018. Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/86135>. Дата доступа: 20.04.2019.

5. *Коган Л.Б.* Быть горожанами / Л.Б. Коган. М. : Мысль, 1990. 207 с.

6. *Морозов И.В.* Основы культурологии: Архетипы культуры / И.В. Морозов. Минск : НТООО «ТетраСистемс», 2001. 607 с.

7. *Костина А.В.* Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций / А.В. Костина // Информ. гуманитар. портал «Знание. Понимание. Умение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Information_Society/. Дата доступа: 19.04.2019.

8. *Лейбович О.Л.* Символическое пространство большого города / О.Л. Лейбович [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskoe-prostranstvo-bolshogoroda>.

Е.А. Диченская (Брест, Беларусь)

РОЛЬ МОЗАИЧНОГО ИСКУССТВА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРНО- ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МОЗАИЧНОГО ТРИПТИХА «ЗЕМЛЯ» В Г. БРЕСТЕ)

Монументальное искусство в советский период являлось мощным визуальным средством формирования индивидуального образа города. Мозаичные панно выступали эмоционально яркими, композиционно и колористически обоснованными, идеологически наполненными акцентами в архитектурно-пространственной среде.

Ключевые слова: *архитектурно-пространственная среда, византийская мозаика, соц-арт.*

В советский период мозаика являлась одним из немногих средств декорирования и композиционно-колористической организации городского пространства. Расцвет этого вида монументального искусства пришелся на 1960–1980-е гг. – последний период политической мощи Советского Союза. По сюжетам мозаичных панно можно проследить смену художественной стилистики, которая была тесно связана с эволюцией идеологии. Для декларирования идеологических ценностей государство привлекало лучшие творческие силы. Художники нередко позволяли себе в монументальном искусстве творческие эксперименты, реализовывали невозможные в социалистическом реализме формальные идеи и концепции. Поэтому сегодня советские мозаичные панно воспринимаются как современный актуальный паблик-арт.

Монументальное искусство, по определению, предназначено для воплощения больших общественных идей, рассчитано на массовое восприятие и существует в синтезе с архитектурой или естественной природной средой. Включенность в ансамбль требует крупных размеров изображения, особенностей конфигурации и стилизации. Необходимость восприятия на расстоянии и/или в определенном ракурсе диктует лаконизм выразительных средств: характер пропорций, четкость контура и силуэта, насыщенность и условность цвета. Синтез с архитектурой сказывается и в содержании монументального искусства, оно сопровождает общественные события и процессы, несет признаки «социального заказа» эпохи. Обостренное воздействие на массы, идейное общественно значимое или политическое содержание, возвышенный строй чувств, гражданский пафос, героика и патриотическая символика. Монументальное искусство связано со стабильностью общегосударственного развития, и особое значение приобретает в периоды масштабных социально-политических преобразований, общественного подъема, интеллектуального и культурного расцвета. Стремление к символическому запечатлению возвышенных явлений, значительных исторических событий и идей, увековечение выдающихся деятелей диктует выбор величественных форм произведений, особых приемов обобщения и пафосность. Подобные объекты становятся важной пластической или смысловой доминантой архитектурного ансамбля и местности. Залогом долговечности социальной пропаганды является необходимость создания произведений из долговечных материалов, одним из которых является мозаика.

Мозаика – эффектная технология и выразительное художественное средство получила широкое применение еще в архитектуре византийского периода. Свойство мозаики создавать во взаимодействии с архитектурным пространством особую эстетическую и эмоциональную атмосферу проявилось в визуальной среде византийских храмов, баптистериев, мавзолеев в Равенне.

Советские мозаики как утратившие актуальность иллюстрации ушедшей эпохи, редко наделены охранным статусом и порой подвергаются уничтожению. В государствах бывшего Советского Союза, например, в Российской Федерации и в Украине [1–3] поднимается вопрос о необходимости создания единого каталога всех существующих мозаик. Стоит подчеркнуть, что ряд произведений выполнены на высочайшем художественном и технологическом уровне и стали лучшими образцами дорогого трудоемкого уникального мозаичного мастерства. В настоящее время произведения в технике византийской мозаики с таким размахом в архитектурном пространстве практически не выполняются.

Опыт Украины в сфере сохранения мозаичного наследия заслуживает

отдельного внимания. Известный проект фонда «Изоляция. Платформа Культурных Инициатив» реализуется в стране с 2013 года. «Soviet Mosaics in Ukraine» – всеукраинский проект по сбору и изучению, сохранению и популяризации мозаик советского периода в Украине с точки зрения их художественной ценности, а также их уникальности как культурного ресурса в сферах образования и туризма.

Фотограф Евгений Никифоров четыре года занимался документацией советского наследия – монументальных мозаик. Автор объездил 25 городов Украины и собрал наиболее полный, около тысячи снимков, архив советской мозаики, охватывая пласт визуальной культуры с 1930-х и до конца 1980-х годов. Проект перерос в страницу в Facebook, а затем появился в печатном виде в издательстве DOM Publishers – книга *Decommunized: Ukrainian Soviet Mosaics*. В издание вошли порядка 200 мозаичных панно, некоторые из них были уничтожены после вступления в силу так называемого закона о декоммунизации, согласно которому на украинских улицах не должно быть коммунистической символики и лозунгов.

В городах и столице Беларуси монументальные мозаики не создаются почти тридцать лет, сохранившиеся произведения также относятся к советскому культурному наследию и вошли в золотой фонд белорусской монументальной живописи. По словам исследователя белорусской мозаики Татьяны Бембель, искусствоведа, председателя Белорусского комитета Международного совета музеев ICOM, «... в Советском Союзе почти не было рекламы «на всю стену» и гигантских билбордов. Был только агитпроп, и монументальное искусство было его рупором, оказывая очень сильное воздействие на сознание и подсознание через масштаб» [4]. Советское монументальное искусство является важным слоем современной визуальной культуры Беларуси и сегодня есть возможность независимого восприятия идеологической составляющей произведения, объективной оценки их художественной ценности.

Одним из таких произведений стал мозаичный триптих «Земля», созданный во второй половине 1980-х годов по адресу: г. Брест, ул. Московская 202; его авторы Владимир Кривоблоцкий и Юрий Богушевич. В.В. Кривоблоцкий – известный советский и белорусский художник-монументалист, член общественного объединения «Белорусский союз художников», лауреат премии Ленинского комсомола БССР в 1986 году за роспись «Во имя жизни на Земле», награжден в 2018 году медалью Франциска Скорины.

Мозаичный триптих расположен на фасадах трех корпусов Брестского электромеханического завода (БЭМЗ), который, наравне с тремя другими градообразующими предприятиями, стал частью Восточной промышленной зоны областного центра [5, 6]. Комплекс корпусов завода

целостно формирует продолжительный участок северной стороны улицы Московская – главной транспортной магистрали города. Учитывая время создания и особенности месторасположения, масштабное по размерам произведение несло серьезную идеологическую нагрузку, имело общегосударственное значение и было призвано демонстрировать мощь Советского Союза. Триптих является ярким символом целой эпохи и наглядно отражает ключевые исторические этапы в развитии страны, белорусской культуры и просветительства.

Общий нарративный характер грандиозного триптиха «Земля» реализован авторами в модернистской асимметричной активной композиции с фокусом внимания на центральном персонаже-символе в каждой части. Панорамная перспектива, плотное пространство, коллажный принцип построения, внезапные перепады масштаба, совмещение резких ракурсов, крепкие фигуры и однозначные жесты создают единый визуальный напор.

Все три части воспринимаются целостно и оставляют впечатление хронологического повествования. Развитие событий и разворачивание действия в произведении по ходу движения зрителя – прием постепенного нарастания эмоционального накала был известен еще византийским мастерам комплексного воздействия архитектурно-пространственной среды. Яркий пример тому – раннехристианская базилика Сант-Аполлинаре-Нуово (Sant-Apollinare Nuovo) в итальянской Равенне [7], где мозаичные изображения длинных процессий помещены на обеих стенах центрального нефа. На южной стене – процессия мучеников, на северной – процессия мучениц, сопровождают прихожан на всем пути от входа к алтарю. В брестском триптихе исторические события на родной земле разворачиваются от военного до мирного времени, по ходу движения с запада на восток.

Развитие цветовой темы строится в русле построения повествования. Каждое полотно выдержано в своей доминантной символической гамме – от трагической красно-черной через оптимистичную красно-охристую к романтической золотисто-голубой.

Корпус №1. «Земля, опаленная войной», основная тема – военное время. Полотно символизирует мужество, силу и ежедневный героизм советских войск и простых людей, партизан, работников и тружеников тыла во время Великой Отечественной войны. В единой суровой динамике объединены группа защитников Брестской крепости, мать с детьми, парад Победы на Красной площади и центральный персонаж, заслоняющий Землю рукой гипертрофированных размеров. Экспрессивный и символичный жест по силе воздействия созвучен стилистическим идеям мексиканского мурализма. Масштабные фрески Давида Альфаро Сикейроса «Новая

демократия» и «Автопортрет» 1945 года содержат аналогичный творческий прием – активный жест, переданный в резкой динамике и перспективе, становится самостоятельным образом, визуальной идеей. Общий колорит – трагический красно-черный.

Корпус №2. «Земля возрожденная», основная тема – восстановление разрушенной страны. Мозаика посвящена раннему послевоенному времени, когда страна возрождалась из руин и отстраивалась, мирная жизнь наполняла быт людей, а основное внимание и силы уделялись производству и восстановлению хозяйства огромной страны-победителя. Главная фигура – олицетворение солнца и мира, доминирует тема вспаханной земли и щедрого урожая, радости и веселья. Общий колорит – позитивный и жизнерадостный золотистый с голубым.

Корпус №3. «Земля науки и культуры», основная тема – научный прогресс. На полотне представлен размах замыслов и планов мирной жизни, идея прогресса человеческой мысли, различные достижения науки. Основной персонаж – символический человек-творец Будущего. На страницах открытой книги приводится цитата известного белорусского просветителя Средневековья Франциска Скорины: «Не только для себя мы рождаемся на свет, но наиболее для служения общему благу». Актуальность этих слов не соотносится с конкретным временем или определенной идеологией. Рядом со Скориной выстроился целый пантеон видных белорусских деятелей, среди которых: Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович, Франциск Богушевич, Алоиза Пашкевич, Кастусь Калиновский и космонавт Петр Климук. Общий колорит – мечтательный серебристо-голубой и охристо-золотистый.

Триптих является единственным в своем роде монументальным произведением в стране по целому ряду особенностей:

- художественно-эстетическая ценность и стилистическая аутентичность. Работа выполнена в 1985–1989 годы и относится к периоду позднего соц-арта;

- выразительное творческое исполнение, технологическая уникальность и колорит мозаики. Работа выполнена в трудоемкой, дорогостоящей и крайне редкой для современного монументального искусства Беларуси технике византийской мозаики. Панно включает около 90 сложных и глубоких оттенков стекловидной смальты толщиной 1,8-2 см и по богатству палитры – единственное в стране;

- целостность визуального восприятия и актуальность сюжета. Монументальное полотно представляет собой мощный визуальный акцент в открытом городском пространстве, формирует образ улицы Московской и является одной из достопримечательностей г. Бреста;

- выдвижение мозаичного панно на Государственную премию СССР –

показатель значения и высокого художественного уровня произведения. В 2019 году триптиху присвоен статус историко-культурной ценности III категории.

В современном городском пространстве мозаичный триптих – активная визуальная единица, которая органично встраивается в сложившуюся современную архитектурно-пространственную среду. В пространстве открытого транспортного перекрестка цветовые акценты мозаики перекликаются с ярко-алыми фрагментами фасада Дворца водных видов спорта, красным кирпичом Центра молодежного творчества, охристо-желтыми высотными новостройками. В рамках набирающего популярность арт-туризма мозаичный триптих «Земля» представляет собой уникальную художественный объект не только пограничного Бреста, но и Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Soviet mosaics in Ukraine. URL: <https://sovietmosaicsinukraine.org/ru/> (дата обращения: 29.03.2019).
2. Советские мозаики Украины в проекте Decommunized. URL: <https://archspeech.com/article/sovetskie-mozaiki-ukrainy-v-proekte-decommunized> (дата обращения: 29.03.2019).
3. Казакова О. Лучшие советские мозаики в Москве. URL: https://www.the-village.ru/village/city/city-guide/304567-best_mosaics (дата обращения: 08.04.2019).
4. Лычавко А. «Мозаика – это простейший способ зомбирования»: Где сохранились лучшие мозаики в Минске. URL: <https://www.the-village.me/village/city/cityguide/267527-mozaika> (дата обращения: 05.04.2019).
5. Брест. Энциклопедический справочник / ред. И.П. Шамякин [и др.]. Минск : БСЭ им. Петруся Бровки, 1987. 408 с.
6. Мозаики Брестского электромеханического завода. URL: <https://sergey-bond.livejournal.com/98063.html> (дата обращения: 28.03.2019).
7. *Джузетте Бовини*. Равенна. Искусство и история. Равенна : ЛОНГО, 2008. 160 с.

Л.Д. Касцяшова, Н.П. Мартысюк (Мінск, Беларусь)

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ СТВАРЭННЯ СІСТЭМ ГАРАДСКОЙ НАВІГАЦЫІ

Навігацыйная інфраструктура ёсць важным кампанентам зручнага гарадскога асяроддзя. Аналіз найбольш паспяховых практык прымянення сістэм навігацыі ў розных гарадах свету ў супастаўленні з гарадам Мінскам дазволіў выявіць нацыянальныя асаблівасці выкарыстання сродкаў гарадской арыентацыі.

Ключавыя словы: *навігацыйны дызайн, сістэма гарадской навігацыі,*

гарадское асяроддзе, нацыянальныя асаблівасці.

Сённяя горад не з'яўляецца статычным арганізмам. Ён няспынна развіваецца і трансфармуецца як на ўзроўні архітэктуры і горадабудаўніцтва, так і па сродках змены спосабу камунікавання паміж чалавекам і горадам. Чалавеку робіцца цяжка вызначыць сваё месцазнаходжання адносна агульнай структуры горада.

З'яўленне новых тэхналогій, павелічэнне колькасці насельніцтва і геаметрычных памераў спрыяюць з'яўленню праблем у арыентацыі чалавека ў гарадскім асяроддзі. Візуальная прастора сучаснага горада перапаўняецца рознымі тыпамі інфармацыі, якія часта не суадносяцца адно з адным, а ў некаторых выпадках, нават канфлітуюць паміж сабой. Вялікая колькасць рэкламы забруджвае вобраз горада ва ўспрыманні жыхароў і турыстаў і таксама стварае дадатковыя цяжкасці ў арыентацыі.

Зрабіць гарадское асяроддзе больш зразумелым і выразным дапамагае выкарыстанне інфармацыйных сродкаў навігацыі, што дае гораду новыя магчымасці: павелічэнне колькасці маршрутаў грамадскага транспарту, развіццё веларуху і пешаходных прагулак, павышэнне ўзроўню турыстычнай прывабнасці і эканамічнай эфектыўнасці, а таксама спрыяе лёгкасці арыентавання і ўспрымання горада як жыхарамі, так і турыстамі, пакінуўшы прыемнае ўражанне ад прывабнага вобразу горада, які хочацца наведаць ізноў.

Існуе шмат значэнняў тэрміна *навігацыя*, паколькі кожны даследчык, які займаўся гэтай праблемай, аналізаваў тэрмін у кантэксце асноўнага напрамку сваёй дзейнасці. Разгледзім найбольш распаўсюджаныя: навігацыя як інтэрактыўная сістэма, навігацыя як працэс і навігацыя як спосаб разумення «душы горада».

Навігацыя як інтэрактыўная сістэма. Сістэма гарадской навігацыі ахоплівае архітэктуру, ландшафтную архітэктуру, вулічную мэблю, малыя архітэктурныя формы, публічнае мастацтва, асвятленне, азеляненне, таблічкі з нумерацыяй і назвамі гарадскіх аб'ектаў, друкаваныя карты і даведнікі-спадарожнікі, навігацыйныя знакі і розныя віды інфармацыйных тэхналогій. Такім чынам, навігацыя ўяўляе сабой інтэрактыўную сістэму, усе элементы якой узаемазвязаныя паміж сабой і накіраваныя на дасягненне агульнай мэты – стварэнне выразнага і зразумелага асяроддзя.

Навігацыя як працэс. Навігацыя – гэта працэс вызначэння і прытрымлівання шляху або маршруту паміж месцам знаходжання і пунктам прызначэння. Гэты працэс, як мяркуе Л. Януа, яшчэ і навучае свайго карыстальніка, развіваючы прасторавую памяць па разуменні гарадской структуры: дае магчымасць вывучыць маршрут і прасачыць яго па памяці, каб перайсці ад пачатковага пункта падарожжа да месца прызначэння,

захоўваючы арыентацыю вакол аб'ектаў і людзей [1]. Арыентуючыся ў гарадской прасторы, чалавек спрабуе адказаць на пытанні: Дзе я цяпер? Як мне патрапіць у месца прызначэння? Як гэта далёка? Што яшчэ цікавага ёсць ў гэтым раёне? Сродкі пошуку інфармацыі ў гарадскім асяроддзі дапамагаюць карыстальніку знайсці адказы на ўсе вышэйпералічаныя пытанні.

Навігацыя як спосаб разумення «душы горада». Навігацыя– гэта паводзіны чалавека падчас ўзаемадзеяння з гарадскім асяроддзем, што можна разглядаць як спробу пранікнення ў «душу горада» – культурную еднасць, якая адлюстроўваецца ў стылістычным адзінстве горада: стылі жыцця, маўленні, паводзінах жыхароў, іхнім менталітэце, асаблівасцях мастацкай культуры і ў самім абліччы горада, створаным зменлівымі па часе стылямі архітэктуры [2]. Карыстальнік навігацыі спрабуе, такім чынам, спасцігнуць паўсядзённасць гэтай культурнай еднасці, ахапіўшы розумам культураўтвараючыя сэнсы і каштоўнасці, з якіх складаецца лёс горада.

Пералічаныя вышэй падыходы не супярэчаць адно аднаму, а вытупаюць узаемадапаўняльнымі, а таму ствараюць уражанне аб *навігацыі як суцэльнай сістэме-спадарожніку*, накіраванай на эфектыўнае арыентаванне у гарадскім асяроддзі. Заўважым, што далей пры распрацоўцы праблем навігацыі словазлучэнне «суцэльная сістэма» будзе выступаць ключавым.

З даўніх часоў людзі імкнуліся спарадкаваць прастору, у якой яны жылі і перасоўваліся, таму самыя першыя сродкі навігацыі і арыентацыі з'явіліся ў той час, калі чалавек пачаў асвойваць асяроддзе. Яны ствараліся з прыродных матэрыялаў: камення на скрыжаванні шляхоў, надпісаў на сценах пячор, саджанцаў дрэў, нахіленых у неабходным накірунку, і інш. Па меры таго як ўскладнялася асяроддзе паселішча, сістэма навігацыі становілася больш выразнай і разнастайнай. З'яўляліся рознага выгляду паказальнікі напрамку руху, дарожныя знакі, нумарацыя будынкаў, інфармацыйныя таблічкі, рэкламныя шыльды. Але яны не былі аформленыя як суцэльная сістэма, якая б спрыяла поўнай арыентацыі ў гарадской прасторы, падтрымліваючы адчуванні спакою і камфорту ў процівагу добра знаёмаму ўсім адчуванню боязі згубіцца ў незнаёмым месцы.

Першым, хто ў 1960 годзе прыцягнуў увагу да пытання навігацыі як суцэльнай сістэмы, быў вядомы амерыканскі горадабудаўнік і мысліўца, аўтар кнігі «Вобраз горада» («The Image of the City») Кевін Лінч. Праз паняцці чытабельнасці гарадскога ландшафту, вобраза акружэння, абагуленай ўяўнай карціны навакольнага матэрыяльнага свету, арыентацыі / навігацыі (wayfinding), эмацыянальнай важнасці гарадскога асяроддзя, ментальнай мапы ён разглядаў навігацыю як «лёгкасць, з якой часткі горада распазнаюцца і складваюцца ва ўпарадкаваны вобраз. <...> Гэты вобраз ёсць адначасова і вынікам непасрэднага адчування, і памяць аб

мінулым вопыце. Ён выконвае галоўную ролю як падчас асэнсавання інфармацыі, так і падчас кіраўніцтва дзеяннем» [3, С. 16–17].

Напрыканцы 20 стагоддзя ідэі Лінча адносна навігацыйнага дызайну сталі папулярнымі ў сусветнай архітэктурнай практыцы, і іх паслядоўнікі сфармулявалі ўніверсальныя прынцыпы праектавання сістэм гарадской навігацыі, сярод якіх найбольш распаўсюджаныя: *суцэльнасць*, *паслядоўнасць*, *інклюдзіўнасць*, *ўстойлівасць*, *інтуітыўнасць*, *гнуткасць*, *ветлівасць*, *чалавечы маштаб* [1; 3].

Суцэльнасць разглядае сродкі інфармацыйнай навігацыі ў якасці адзінай сістэмы, накіраванай на стварэнне даступнага для арыентацыі гарадскога асяроддзя. *Інклюдзіўнасць* адказвае за ўлік патрэбаў розных тыпаў карыстальнікаў пры праектаванні аб'ектаў горада і размяшчэнні спадарожніковых сістэм. *Паслядоўнасць* прадугледжвае адсутнасць інфармацыйна супярэчлівых элементаў навігацыі і ўзгодненасць назваў раёнаў і асобных месцаў, што дазваляе карыстальнікам пазбегнуць блытаніны пры апісанні свайго месцазнаходжання, а гораду – страціць патэнцыйных наведвальнікаў. *Устойлівасць* паляпшае лад жыцця карыстальнікаў сітэмы навігацыі і навакольнае асяроддзе за кошт падтрымкі пешаходных прагулак у якасці альтэрнатыўнага метаду перасоўвання па горадзе: паніжэння залежнасці ад грамадскага і асабістага транспарту; памяншэння затораў дарожнага руху, выкідаў выхлопных і парніковых газаў. *Інтуітыўнасць* гарантуе, што простая і ясная інфармацыя месціцца ў даступных месцах прыняцця рашэнняў, там, дзе карыстальнік чакае яе убачыць. *Гнуткасць* дэманструе адаптацыю да будучага росту новых карыстальнікаў за кошт стварэння сістэмнага падыходу і стандартаў праектавання, што, у сваю чаргу, спрыяе сталай падтрымцы і абнаўленню навігацыйнай інфраструктуры. *Ветлівасць* садзейнічае стварэнню прыемнага вобраза горада, які хочацца наведаць або проста камфортна жыць, што дасягаецца сродкамі ветлівай вербальнай камунікацыі. *Чалавечы маштаб* мае на ўвазе, што ўсе сродкі, якія выкарыстоўваюцца для гарадской навігацыі, павінны быць суразмерныя росту чалавека і ўлічваць усе яго фізічныя магчымасці.

На падставе пералічаных прынцыпаў ствараліся сістэмы навігацыі ў Лондане, Маскве, Нью-Йорку, Рыа-Дэ-Жанейра, Буэнас Айрэсе, Сіднэі. Разгледзім дзве розныя сістэмы навігацыі для гарадоў Лондан і Масква і параўнаем іх з сістэмай арыентавання ў Мінску.

Вопыт Лондана з'яўляецца прыкладам паспяховага ўкаранення сістэмы гарадскога арыентавання. У 2006 годзе перад стварэннем праекта «Legible London» было праведзена даследаванне, якое паказала, што вялікая колькасць інфармацыйных знакаў у цэнтральнай частцы горада працуюць неэфектыўна і часта ствараюць блытаніну, была выяўлена празмерная

залежнасць ад выкарыстання мапы метро для арыентацыі ў надземнай частцы горада.

«Legible London» – гэта праект для пешаходаў, прызначаны забяспечыць лепшую навігацыю у гарадскім асяродзі. На аснове вышэйзгаданых прынцыпаў быў распрацаваны збор правілаў, якія адпавядаюць патрабаванням навігацыйнай сістэмы для ўсяго горада і накіравання на сінхранізацыю атрыманай інфармацыі. Пры праектаванні быў выкарыстаны сістэмны падыход, які рэалізуецца за кошт адпавядання пешаходных і веласіпедных маршрутаў маршрутам грамадскага транспарту. Праект прадугледжвае выкарыстанне шырокай тыпалогіі навігацыйных сродкаў, усе элементы маюць адзінае стылістычнае рашэнне і выкананыя ў чорна-жоўтай каларыстыцы і таму выдзяляюцца на фоне гарадскога асяроддзя. Асноўным элементам гэтай сістэмы з'яўляюцца мапы розных маштабаў, галоўная мэта каторых – трапіна перадаць не толькі непасрэднае асяроддзе, але і ўзаемадзеянне гэтага раёну з іншымі, а таксама паказаць яго месца ў агульнай структуры горада, і таму ў гэтых мапах былі ўключаны простыя 3D-выявы знакавых аб'ектаў, а ў адпаведнасці з прынцыпам «ад агульнага да прыватнага» была распрацаваная выразная і зразумелая іерархія геаграфічных назваў.

Па ўсім відаць, што ў Лондане сістэма пошуку шляхоў засноўвалася на наборы наіўных пытанняў, якімі задаюцца пешаходы: Дзе мне знайсці дапамогу? Што гэта? Дзе я? Куды я накіроўваюся? Як мне туды трапіць? Што на падыходзе? У залежнасці ад важнасці адказу на пытанне фарміравалася структура інфармацыі аб аб'ектах пошуку. Да таго ж арыентацыя мапах у адпаведнасці з накіраванасцю позірку карыстальніка – тое, што накрэслена злева, знаходзіцца злева, дапамагае пераадолець разрывы паміж выглядам наперадзе і яго мапаграфічным прадстаўленнем.

Далей разгледзім адзіную сістэму транспартнай навігацыі ў Маскве. Распрацоўка праекта пачалася ў 2013 годзе. Актыўнае ўкараненне новай навігацыі пачалося з 2016 года. Інфармацыю для пасажыраў размясцілі ў метро, на прыпынках, а таксама на пешаходных вуліцах. Сістэма навігацыі Масквы звязвае ўсе віды транспарту паміж сабой у адзінае транспартнае сеціва за кошт прадастаўлення выразнай і зразумелай інфармацыі ў патрэбны час і ў патрэбным месцы на ўсім шляху руху [5]. Як і ў Лондане, сістэма гарадской навігацыі мае адзінае стылістычнае рашэнне, але ў гэтым выпадку элементы навігацыі арганічна ўпісваюцца ў каларыстыку горада, а не кантрастуюць на фоне гарадскога асяроддзя. Усе навігацыйныя элементы абсталяваныя мапамі мясцовасці. Мапы для пешаходаў спраектаваныя з улікам месца, дзе знаходзіцца карыстальнік, на мапах яно пазначана значком «Вы тут». Мапы таксама арыентаваныя па кірунку позірку карыстальніка, але для тых, хто прызвычаіўся арыентавацца па баках свету, маецца

паказальнік «На поўнач». Больш затое, на мапах накрэслены круг аб'ектаў пяціхвіліннай даступнасці: ён паказвае, што знаходзіцца побач з бягучым месцазнаходжаннем.

У айчынай практыцы канцэпцыя гарадской сістэмы прасторавага арыентавання пешаходаў ўздымалася яшчэ ў 2009 годзе. Але, нягледзячы на колькасць гадоў, сама сістэма знаходзіцца на ўзроўні станаўлення. Асноўны элемент сістэмы навігацыі – трыборд – не адказвае універсальным прынцыпам праектавання, пра якія мы нагадвалі раней. Знешні выгляд элементаў маральна састарэў і не адпавядае канцэпцыі горада Мінска як разумнага горада, горада інавацый і інфармацыйных тэхналогій, а толькі паўтарае класічныя формы і каларыстыку. Навігацыйныя элементы больш арыентаваныя на патрэбы турыстаў, а не жыхароў горада. Магчыма, кіраўніцтва горада лічыць, што жыхары Мінска нараджаюцца з мапай ў галаве, і таму ім арыентавацца фізічна лёгка ў вялікім горадзе.

Паўстае яшчэ адно пытанне: Як стварыць сістэму навігацыі, элементы якой будуць улічваць сучасны вопыт, але мець свае нацыянальныя асаблівасці? На жаль, сёння адбываецца прымітывізацыя паняцця нацыянальнай асаблівасці, што ў архітэктуры і дызайне павінна ўспрымацца як нешта больш складанае, чым выкарыстанне арнаментальнага мастацтва і аднаўленне традыцыйных формаў. Мяркуем, што сучасная сістэма навігацыі павінна складацца з улікам трох асноўных кампанентаў: мэты, карыстальніка і кантэксту, якія і будуць фармаваць знешні выгляд навігацыйных элементаў. За кошт гэтага і будуць фармавацца нацыянальныя асаблівасці і не будзе губляцца функцыянальнасць.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Yanhua L.* Creating a Successful Wayfinding System. Lessons Learned from Springfield : Massachusetts Master's Project, Univ. of Massachusetts Amherst, 2016. P. 3–22.
2. *Каган М.С.* Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Паритет, 2006. 480 с.
3. *Линч К.* Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В.Л. Глазычева ; под. ред. А.В. Иконникова. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
4. The City of Edmonton. Pedestrian Wayfinding Design Standard. Concept Design [Electronic resource]. Mode of access: https://www.edmonton.ca/documents/edmonton_pedestrian_wayfinding_design_standard_draft_concept_design_rd.pdf. Date of access: 13.03.19.
5. Единая система транспортной навигации в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos.ru/city/projects/design/>. Дата доступа: 01.02.19.

РАЗДЗЕЛ ІІІ

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ І ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНАЯ СПЕЦЫФІКА АДУКАЦЫІ І ВЫХАВАННЯ

А.Л. Міхайлава (Мінск, Беларусь)

ПРАБЛЕМА МІЖКУЛЬТУРНАЙ КАМУНІКАЦЫІ Ў ПРАЦЭСЕ ПРАФЕСІЙНАЙ ПАДРыхТОўКІ БУДУЧЫХ СПЕЦЫЯЛІСТАЎ САЦЫЯЛЬНАЙ СФЕРЫ ДЛЯ РАБОТЫ Ў ПОЛІКУЛЬТУРНЫМ СОЦЫУМЕ РЭГІЁНА

Працэс узасмаздзяення спецыялістаў сацыяльнай сферы з прадстаўнікамі розных нацый і культур падчас іх прафесійнай дзейнасці складаецца з валодання навыкамі міжкультурнай камунікацыі, а таксама з практычных асноў этнапедагагікі. Артыкул грунтуецца на матэрыяле аўтарскага эмпірычнага даследавання праблемы міжкультурнай і міжнацыянальнай камунікацыі пры падрыхтоўцы будучых спецыялістаў па сацыяльнай рабоце і сацыяльных педагогаў Віцебскага рэгіёна.

Ключавыя словы: *будучы спецыяліст сацыяльнай сферы; міжкультурная камунікацыя; полікультурны соцыум.*

На сучасным этапе развіцця грамадства надзвычай важнае значэнне набывае працэс стварэння спрыяльных умоў адукацыі будучых спецыялістаў сацыяльнай сферы, здольных эфектыўна выконваць прафесійныя функцыі ва ўмовах полікультурнага соцыуму. У ліку прычын – сучасныя пераўтварэнні ў сусветнай прасторы, якія карэнным чынам змянілі структуру еўрапейскага грамадства ў накірунку яго дэмакратызацыі, этнічнай талерантнасці і полікультурнасці. Вынікі дадзеных пераўтварэнняў закранулі, у тым ліку, і сацыяльную прастору Рэспублікі Беларусь. Дадзеныя абставіны прывялі да неабходнасці актывізацыі нацыянальнай самасвядомасці прадстаўнікоў этнічных груп, народаў у новых сацыяльна-культурных умовах, вызначылі мэтазгоднасць і патрэбу ў распрацоўцы сістэмы каштоўнасцяў, сэнсу і прызначэння полікультурнай адукацыі.

Ва ўмовах полікультурнай прасторы і сучаснага стану сацыяльна-культурнай, сацыяльна-педагагічнай і сацыяльна-эканамічнай сітуацыі, што характарызуюцца сацыяльнай ізаляцыяй, маргіналізаванасцю і недастатковай адаптаванасцю пэўных сацыяльна-дэмаграфічных груп насельніцтва да новых сацыяльна-культурных каштоўнасцяў, узнікае вострая патрэба падрыхтоўкі спецыялістаў сацыяльнай сферы –

спецыялістаў па сацыяльнай рабоце, здольных ажыццяўляць прафесійную дзейнасць ва ўстановах, падпарадкаваных Міністэрству працы і сацыяльнай абароны насельніцтва, а таксама педагогаў сацыяльных, здольных ажыццяўляць прафесійную дзейнасць у сацыяльна-педагагічных і псіхалагічных службах устаноў адукацыі, падпарадкаваных Міністэрству адукацыі. Адным з прафесійных абавязкаў згаданых вышэй спецыялістаў з'яўляецца не толькі здольнасць прафесійна вырашаць многія сацыяльныя праблемы прадстаўнікоў розных этнічных груп і народаў, але і паспяхова камунікаваць і знаходзіць агульную мову з імі, паколькі кліентамі спецыялістаў сацыяльнай сферы могуць быць прадстаўнікі розных этнічных груп не толькі з ліку грамадзян, пастаянна пражываючых на тэрыторыі Беларусі або маючых від на жыхарства, але і бежанцаў або вымушаных перасяленцаў.

Асабліваць пабудовы сацыяльнага ўзаемадзеяння з прадстаўнікамі іншых этнічных груп у многім звязана з этнапедагагічнымі каштоўнасцямі пэўных этнічных груп, адносіны да якіх фарміраваліся на працягу шэрагу стагоддзяў у міжпакаленным узаемадзеянні і прывіваліся асобе ва ўмовах мікрасоцыуму. Аб'ектыўна існуе шэраг этнапедагагічных каштоўнасцяў, актуальных для любога народа, этнасу або этнічнай групы. У прыватнасці, да іх ліку адносяцца «працавітасць, любоў да Радзімы, дабрывня і спагада, чэснасць і праўдзівасць, гасціннасць, павага да роднай мовы, гонар за сваю сям'ю, павага да продкаў і шанаванне свайго роду, значнасць меркавання прадстаўнікоў сацыяльнага асяроддзя асобы» [1, с. 108]. Характар адносін спецыялістаў сацыяльнай сферы да згаданых этнапедагагічных каштоўнасцяў і ступень абапірання на іх у прафесійнай дзейнасці, на наш погляд, будуць істотна абумоўліваць паспяховасць сацыяльнага ўзаемадзеяння з кліентамі.

Сучасная сацыяльная прастора Рэспублікі Беларусь і яе рэгіёнаў уяўляюць сабой адмысловы полікультурны соцыум, у склад якога ўваходзяць прадстаўнікі розных этнічных груп і народаў, этналінгвістычных, этнасацыяльных і канфесійных супольнасцяў, гарадской і сельскай субкультур, розных сацыяльна-эканамічных слаёў насельніцтва.

Паняцце *соцыум*, паводле «Сацыялагічнага энцыклапедычнага слоўніка», – гэта «ўстойлівая сацыяльная супольнасць, што характарызуецца адзінствам умоў жыццядзейнасці людзей у пэўных істотных адносінах і ў адпаведнасці з гэтым адзінствам культуры» [2, с. 336]. Магчымым з'яўляецца прадстаўленне соцыуму як сацыяльна-тэрытарыяльнай супольнасці, што характарызуецца сукупнасцю сацыяльных, эканамічных, палітычных сувязяў, узаемаадносін паміж людзьмі, а таксама выступае ў якасці самастойнай арганізацыі

жыццядзейнасці.

Паняцце *полікультурны соцыум* разглядаецца намі ў якасці пэўнай геаграфічна вызначанай сацыяльнай прасторы, у якой супольна пражываюць і ажыццяўляюць камунікацыю прадстаўнікі рознай этналінгвістычнай, рэлігійнай і сацыяльна-эканамічнай прыналежнасці. Мы звяртаем увагу на той факт, што ва ўмовах полікультурнага соцыуму зносіны паміж людзьмі як носьбітамі этнакультурных звычаяў і традыцый адбываюцца, перш за ўсё, на аснове дыялогу культур – сукупнасці непасрэдных адносін, сувязяў, што складваюцца паміж прадстаўнікамі розных культур на асобасным і этнічным узроўнях. Асобасны ўзровень дыялогу культур звязаны з фарміраваннем або трансфармацыяй асобы пад уздзеяннем «знешніх» у адносінах да яго звыклага культурнага асяроддзя, культурных традыцый. Этнічны ўзровень дыялогу культур характарызуецца зносінамі паміж рознымі лакальнымі сацыяльнымі супольнасцямі пэўнага полікультурнага соцыуму.

Культурная разнастайнасць сучаснай нацыі павялічваецца, і народы, этнічныя групы, што ў яе ўваходзяць, імкнуцца знайсці і выкарыстоўваць прававыя, палітычныя, этнапедагагічныя сродкі для захавання і развіцця ўласнай цэласнасці і культурнай унікальнасці, бо кожны народ, кожная з этнічных груп вызначаецца пэўнымі спецыфічнымі характарыстыкамі, асаблівай самасвядомасцю. Таму для паспяховага функцыянавання ва ўмовах полікультурнага асяроддзя неабходнай умовай з’яўляецца спазнанне яго этнакультурнага складу і спецыфікі для эфектыўных зносін у межах дыялогу культур, а ў нашым выпадку – і эфектыўнай прафесійнай дзейнасці спецыялістаў сацыяльнай сферы.

Ментальнасць беларусаў прадугледжвае талерантныя адносіны да іншых народаў і культур, дэманструе павагу да нацыянальных, рэлігійных, культурных асаблівасцей прадстаўнікоў розных дыяспар. Усё гэта абумоўлівае пераўтварэнне сацыяльнага асяроддзя, характэрнай асаблівасцю якога з’яўляецца поліэтнічнасць. Так, прафесійная кампетэнтнасць спецыяліста сацыяльнай сферы павінна арганічна спалучацца з этнакультурнай кампетэнтнасцю як уласцівасцю асобы, што выяўляецца ў наяўнасці сукупнасці аб’ектыўных уяўленняў і ведаў аб пэўнай культуры і рэалізуецца праз кампетэнцыі (прафесійныя і сацыяльна-асобасныя), а таксама мадэлі паводзінаў, адпаведныя міжэтнічнаму ўзаемаразуменню і ўзаемадзеянню.

На аснове аперацыяналізацыі ключавага паняцця нашага даследавання, а таксама аўтарскай этнапедагагічнай мадэлі прафесійнай падрыхтоўкі будучых спецыялістаў сацыяльнай сферы для работы ў полікультурным соцыуме мы распрацавалі апытальнік па вывучэнні праблем міжкультурнай і міжнацыянальнай камунікацыі. Даследаванне адбылося на факультэце

сацыяльнай педагогікі і псіхалогіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. Выбарку даследавання склаў 61 студэнт з другога па чацвёрты курсы дзённай формы атрымання адукацыі спецыяльнасцяў «Сацыяльная работа (сацыяльна-псіхалагічная дзейнасць)» і «Сацыяльная педагогіка».

У межах апытальніка студэнты не толькі вызначалі сэнс паняцця *міжкультурная камунікацыя* і выказвалі свае адносіны да прадстаўнікоў іншых культур і нацыянальнасцей, але і вызначалі ўзровень цяжкасцей прафесійнага ўзаемадзеяння з кліентамі-прадстаўнікамі іншых культур і нацыянальнасцяў, а таксама ацэньвалі ўзровень сфарміраванасці ўласных кампетэнцый і асобных якасцяў, неабходных для арганізацыі міжкультурнай або міжэтнічнай камунікацыі, па дзесяцібальнай шкале.

Міжкультурная камунікацыя (пытанне напярэдняга характару) падаецца 74% рэспандэнтаў як стасункі з прадстаўнікамі іншай культуры, 21% студэнтаў зазначаюць, што гэта сяброўскія адносіны да прадстаўнікоў іншай культуры, астатнія 6% – разумеюць як лягальнае стаўленне да інашаземных грамадзян.

Прадстаўніка іншай культуры і нацыянальнасці рэспандэнты ўяўляюць наступным чынам (адкрытае пытанне): 21% – такім, як і сам, паясняючы, што «розніца неістотная», «мае такія правы» і г.д.; 20% – іншым, а менавіта «як чалавека з іншай мовай, са сваім менталітэтам, нацыянальнымі традыцыямі і звычаямі, з іншым поглядам на жыццё, іншымі звычкамі (у маштабе нацыі)»; па 8% – цікавым, звычайным, камунікабельным, талерантным; 7% – таварыскім; па 5% – добразычлівым, культурным; 7% – складана ўявіць, паколькі «многа стэрэатыпаў», «кожную нацыю ўяўляю парознаму».

Прызналі актуальным для Рэспублікі Беларусь пытанне міжкультурнай і міжнацыянальнай камунікацыі 75% рэспандэнтаў (з ліку астатніх 25% апытаных 2% лічаць пытанне неактуальным для Беларусі, астатнія 23% – не задумваліся пра гэта), аднак пераважная большасць рэспандэнтаў сваё стаўленне да прадстаўнікоў іншай культуры або нацыянальнасці (да студэнтаў, якія навучаюцца побач у ВУ, або да кліентаў-замежнікаў) выказвае як нейтральнае. Да студэнтаў-прадстаўнікоў нацыянальных меньшасцей на сваім факультэце / у сваім універсітэце 62% рэспандэнтаў адносяцца нейтральна, 25% – станоўча, 7% – адмоўна, 3% – выказалі свае меркаванні. Да вымушаных мігрантаў, перасяленцаў, бежанцаў з іншых краін – кліентаў сацыяльных службаў і суб'ектаў адукацыйнай сістэмы Рэспублікі Беларусь 82% апытаных адносяцца нейтральна, 13% – станоўча, 2% – адмоўна, 3% – выказалі свае меркаванні.

Адносна рэйтыngu цяжкасцяў, якія могуць суправаджаць работу спецыяліста сацыяльнай сферы з кліентамі-прадстаўнікамі іншых культур і

нацыянальнасцяў, рэспандэнты вызначылі моўны бар’ер (узровень складанасці – сем балаў па дзесяцібальнай шкале), затым выбралі тры складанасці – адрозненні ў менталітэце, іншая сацыяльная культура, прыналежнасць да іншай рэлігіі (узровень складанасці кожнай – па шэсць балаў), астатнія шэсць складанасцяў былі ацэнены па ўзроўню складанасці ў пяць балаў. Прычым выпускнікі самай значнай цяжкасцю лічаць моўны бар’ер і адрозненні ў менталітэце (па сем балаў), а другакурснікі – прыналежнасць да іншай рэлігіі (восем балаў).

Сярод кампетэнцый, неабходных спецыялісту сацыяльнай сферы ў рабоце з кліентамі-прадстаўнікамі іншых культур і нацыянальнасцяў, рэспандэнты вызначылі наступныя (адкрытае пытанне – можна было ўказаць некалькі кампетэнцый): камунікабельнасць (33% рэспандэнтаў); веданне замежнай мовы (25%); талерантнасць (23%); цяропліваць (18%); таварыскасць (16%); лаяльнасць (12%); добразычліваць і веданне менталітэту ды культурных асаблівасцяў (па 8%); прафесіяналізм (7%).

Пры ацэнцы па дзесяцібальнай шкале ў сябе як будучага спецыяліста сацыяльнай сферы кампетэнцый і асобасных якасцяў, неабходных для арганізацыі міжкультурнай або міжэтнічнай камунікацыі, рэспандэнты прызналі станоўчымі (з ацэнкай восем балаў) наступныя: здольнасць да сацыяльнага ўзаемадзеяння, здольнасць да міжасабовых камунікацый, уўленне пра этнакультурныя каштоўнасці свайго народа, умённе выкарыстоўваць розныя камунікацыйныя сродкі ў працэсе зносін, умённе падтрымліваць размову, умённе выклікаць і ўтрымліваць давер суразмоўцы ў працэсе зносін, эмпатыйнае слуханне, веданне звычайў і традыцый свайго народа. Астатнія кампетэнцыі і асобасныя якасці ацэнены дастаткова добра (ацэнкі складаюць шэсць або сем балаў).

Сярод апытаных студэнтаў маюць вопыт міжкультурнай камунікацыі 74%, прычым дадзены вопыт ацэньваюць як станоўчы 72% з іх, як нейтральны – 26%, як адмоўны – 2%.

Такім чынам, чвэрць студэнтаў ад усіх удзельнікаў даследавання не мае практычнага вопыту міжкультурнай і міжэтнічнай камунікацыі (студэнцкія групы прыкладна на 89% складаюць беларусы, астатнія 11% – рускія), мабыць таму яны або не могуць дакладна ўявіць сабе прадстаўніка іншай культуры / нацыянальнасці, або даюць даволі стэрэатыпныя адказы. Нейтральныя адносіны да вымушаных мігрантаў, перасяленцаў, бежанцаў з іншых краін – кліентаў сацыяльных службаў і суб’ектаў адукацыйнай сістэмы Рэспублікі Беларусь, прадэманстраваныя ў апытальніку большасцю рэспандэнтаў (82%), звязаны, на наш погляд, з адсутнасцю такога вопыту ў студэнтаў падчас вучэбных або вытворчых практык ва ўстановах сацыяльнай і адукацыйнай сфер. Ацэнка ўласных кампетэнцый і асобасных якасцяў, неабходных для арганізацыі міжкультурнай або міжэтнічнай

камунікацыі, падаецца нам некалькі завьшанай, паколькі чвэрць студэнтаў, якія не маюць вопыту міжкультурнай або міжэтнічнай камунікацыі, ацэньваюць іх, згодна са сваёй паспяховасцю навучання. Некаторым студэнтам, якія мелі дадзены вопыт у выхаваўчай дзейнасці (агульныя канцэрты, КВЗ і іншыя сумесныя мерапрыемствы) і бытавой сферы (пражыванне ў інтэрнаце са студэнтамі- прадстаўнікамі іншых нацыянальнасцяў і культур), даволі складана перанесці дадзены вопыт на прафесійную сферу і ацаніць у сувязі з гэтай акалічнасцю свае кампетэнцыі і асобныя якасці. Частка студэнтаў, наогул, не можа назваць кампетэнцыі, якія неабходны спецыялісту сацыяльнай сферы ў рабоце з кліентамі- прадстаўнікамі іншых культур і нацыянальнасцяў, таму і падмяняе іх «талерантнасцю», «таварыскасцю», «прафесіяналізмам». Толькі трэць рэспандэнтаў указалі «камунікабельнасць» як адну са значных кампетэнцый для паспяховай міжкультурнай і міжэтнічнай камунікацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Міхайлава А.Л.* Этнапедагагічная падрыхтоўка спецыялістаў сацыяльнай сферы ва ўмовах полікультурнага соцыуму: тэарэтыка-метадалагічны аспект : манаграф. Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2018. 154 с.

2. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г.В. Осипов. М. : Издат. группа ИНФРА - М–Норма, 1998. 488 с.

Е.В. Трухан (Минск, Беларусь)

РАЗВИТИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ С УЧЕТОМ ФУНКЦИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются возможности перспективного планирования развития системы иноязычного образования с учетом культурно-созидающей и аксиологических функций, что способствует как национальному самоопределению учащегося как представителя своего этноса, так и члена многоэтнической нации и общемирового сообщества.

Ключевые слова: *иноязычное образование, функции, поликультурная личность, перспективное планирование, совершенствование системы*

Система иноязычного образования представляет собой сложную, многоаспектную структуру, социокультурный феномен, цели и задачи которого определяются обществом на каждом этапе исторического развития.

Сегодня социокультурная, экономическая и политическая ситуации

диктуют реальные потребности государства, общества и индивидуума в знании иностранных языков. Владение иностранными языками стало не только необходимым условием образованности человека, а является свидетельством его функциональной грамотности или ее отсутствия в аспекте межкультурной коммуникации. Требования к сформированности иноязычной коммуникативной компетентности обусловлены и диктуются мотивами достижения и самореализации личности, социальным заказом, научно-техническим и культурным прогрессом. Интеграция в мировое сообщество, расширение международных контактов, потребности человека в эффективном взаимодействии усиливают мотивацию к изучению иностранных языков.

Под «иноязычным образованием» понимается процесс и результат обучения, развития и воспитания учащихся учреждений образования содержанием и средствами дисциплины «Иностранный язык», которые оказывают влияние на культурное обогащение и творческое развитие личности.

Термин «поликультурная личность» применительно к цели иноязычного образования в научном пространстве Беларуси стал применяться после обретения страной суверенитета. Результатами воспитания поликультурной личности являются «развитие определенных индивидуальных качеств, владение иностранными языками, наличие реального опыта общения с представителями других культур, восприимчивость к другим культурам, межкультурная чуткость, эмпатия по отношению к представителям других культур, ...» и др. [1].

О воспитании такого спектра личностных качеств средствами дисциплины «Иностранный язык» в БССР не только не декларировалось, но даже не представлялось возможным. После утверждения 29 января 1998 года Республиканской программы «Иностранные языки» ведущей целью обучения иностранным языкам стало формирование поликультурной многоязычной личности учащихся посредством овладения ими иноязычной коммуникативной компетенцией. Иностранный язык стал рассматриваться как один из важных аспектов социально-экономического, научно-технического и культурного прогресса. Основной задачей общего иноязычного образования стало обеспечение на завершающем этапе обучения такого уровня владения разговорными навыками, который позволил бы учащимся учреждений среднего образования в будущем не только свободно использовать их в качестве средства коммуникации, но и осваивать лексику избранной профессиональной сферы. В Концепции обучения иностранным языкам РБ 2002 года подчеркивалось, что «воспитательные цели обучения иностранным языкам направлены на обогащение духовного мира обучаемых, воспитание у них культуры

мышления, чувств, поведения. Владение иностранными языками как средством общения способствует эффективной адаптации личности в иноязычной среде, обеспечивает ее самоконтроль и адекватную самооценку. В процессе обучения складываются гуманистические ценностные ориентации, формируются умения осуществлять межъязыковое взаимодействие в контексте диалога культур». Кроме того, в исследованиях ученых конца 1990–2010 гг. актуализируются аксиологическая, личностно-образующая и культурологическая функции иноязычного образования.

В современных условиях для определения понятия иноязычного образования уместно использование термина «поликультурная личность» для:

- 1) актуализации уточненного понятия «общее иноязычное образование» применительно к современному этапу развития;
- 2) приведения понятия «общее иноязычное образование» в соответствие с Концепцией учебного предмета «Иностранный язык»;
- 3) его перспективного употребления.

Таким образом, под *общим иноязычным образованием* понимается процесс и результат развития поликультурной личности обучающихся средствами дисциплины «Иностранный язык» в учреждениях общего среднего образования при оптимальной сбалансированности личностных, общественных и государственных запросов.

Содержание иноязычного образования должно отражать современные тенденции и перспективные потребности общества, выступать способом осуществления учебной деятельности, и соответствовать личностным потребностям обучающегося. Посредством иноязычного образования реализуется основная, личностно-формирующая функция, способствующая развитию личности учащихся через познание, обучение, общение посредством иностранного языка.

В условиях глобализации происходит взаимодействие культур. Иноязычное образование способствует адаптации личности к национальной истории и культуре изучаемого языка. Вместе с тем, по мнению исследователей, существует опасность потери национальной самоидентификации как следствие ассимиляции культур.

В этом отношении при перспективном планировании дальнейшего развития иноязычного образования необходимо учитывать его культурно-созидающую функцию, которая, по мнению Е.Л. Кудрявцевой и Е.П. Лубинской, «предполагает организацию такого процесса обучения, который представлял бы собой симбиоз трех направлений:

- изучение своей собственной национальной истории и культуры,
- изучение истории и культуры носителей изучаемого языка,

- воспитание международной культуры толерантности» [2].

Достижение целей иноязычного образования в соответствии с культурно-созидающей функцией должно рассматриваться как возможность взаимодействия, интеграции и обогащения культур при сохранении национальной и культурной самоидентификации учащегося. Согласно Концепции многокультурного или межкультурного обучения (В.В. Сафонова и др.), овладение языком не только является ключом к усвоению культуры соответствующего народа, но представляет собой условие самоопределения учащегося не только как представителя своего этноса, но и как члена многоэтнической нации и как члена общеевропейского и общемирового сообщества [3].

Одной из ведущих функций иноязычного образования, отраженных в Концепции обучения иностранным языкам РБ, является аксиологическая функция, которая обеспечивает возможности для адекватной ценностной оценки иноязычной информации путём соотнесения ценностных норм родной и изучаемой культур. Готовность учащихся к реализации этой функции предполагает преодоление ими национальной языковой обусловленности образа мира. Формирование этой готовности требует одновременной активации в процессе обучения коммуникативной, культурно-прагматической и аксиологической функций. При условии интегративного характера их проявления возникают предпосылки для развития и образования личности учащихся через познание, обучение, общение посредством иностранного языка. Приводится в действие механизм формирования у учащихся того образа мира, который соответствует социальным, политическим и культурным реалиям современной действительности и может служить ориентационной основой для эффективной целенаправленной деятельности человека в ней. Роль и возможности иностранных языков в формировании такого взгляда на мир чрезвычайно велики: в процессе овладения ими формируется языковая личность, обеспечивающая весь комплекс иноязычной коммуникативной деятельности [4]. Аксиологический аспект как структурная единица содержания иноязычного образования также рассматривается в работах З.Н. Никитенко, которая определяет его как «связанный с опытом обретения духовно-нравственных ценностей и нравственных качеств, формирующий нравственную культуру ученика, который готовится к межкультурному общению на иностранном языке» [5].

Таким образом, в процессе перспективного планирования совершенствования системы иноязычного образования необходимо учитывать культурно-созидающую, аксиологическую и личностно-формирующую функции.

Библиографические ссылки

1. *Агранат Ю.В.* К вопросу о содержании и структуре поликультурной личности будущих специалистов социальной сферы / Ю.В. Агранат // Высш. образование сегодня. 2008. №9. С. 64–67.
2. *Кудрявцева Е.Л.* Образовательный процесс в условиях глобализации: вопросы организации // Е.Л. Кудрявцева, Е.П. Лубинская // Культура ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы навук. канф. (Мінск, 25–26 лістап., 2009 г.). Мінск : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2010. С. 202–205.
3. *Леонтьев А.А.* Как обновить методику преподавания иностранных языков / А.А. Леонтьев // Концептуальные основы обучения иностранным языкам в контексте диалога культур. Учеб.-метод. материалы по курсу «Методика преподавания иностранного языка». Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2011. С. 4.
4. *Баранова Н.П.* Концептуальные основы обучения иностранным языкам в Республике Беларусь / Н.П. Баранова, П.К. Бабинская, Н.В. Демченко // Концептуальные основы обучения иностранным языкам в контексте диалога культур. Учеб.-метод. материалы по курсу «Методика преподавания иностранного языка». Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2011. С. 7–18.
5. *Никитенко З.И.* Содержание начального иноязычного образования: концептуальные основы / З.И. Никитенко // Преподаватель XXI век, 2015. Ч. 1. № 1. С. 150–155.

М.Л. Кривуть (Барановичи, Беларусь)

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ НА РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются аспекты социальных, культурных, экономических и др. условий, их влияние на развитие инклюзивных процессов в системе образования Республики Беларусь. Анализируется вопрос готовности будущих педагогов к работе в новых образовательных условиях. Описывается опыт подготовки педагогических кадров в учреждении образования «Барановичский государственный университет» к работе в условиях развивающегося инклюзивного образования.

Ключевые слова: *инклюзивное образование, особые образовательные потребности, обучающиеся, социокультурные условия.*

Образование не может быть статично, оно постоянно развивается под влиянием большого количества факторов прямо либо косвенно опосредующих данное развитие. Принятие Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь (далее – *Концепции*), увеличение роли личностно-ориентирован-

ных и гуманистических подходов в образовании, рост количества детей с особенностями психофизического развития, миграционный приток населения и пр. способствуют развитию инклюзивных подходов на всех ступенях образования.

Инклюзивное образование, согласно Концепции, – это обучение и воспитание, в процессе которых особые образовательные потребности всех обучающихся, в том числе, лиц с особенностями психофизического развития, удовлетворяются в учреждениях основного и дополнительного образования при создании в них соответствующих условий и наиболее полном включении в совместный образовательный процесс всех обучающихся [1]. При этом *особые образовательные потребности* – необходимость в специальных условиях, методах и дополнительных средствах образования, обусловленная особенностями (физическими, психическими, социальными, лингвистическими и т.д.) обучающегося [там же].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь хорошо видно, что общая численность обучающихся на протяжении последних лет снижается и на начало 2018/2019 учебного года составляет 1892,6 тысяч человек (табл. 1) [2].

Таблица 1

Изменение численности обучающихся в Республике Беларусь на начало учебного года

	2007/2008	2008/2009	2009/2010	2018/2019
Численность обучающихся	тысяч человек			
учреждений дошкольного образования	365,3	367,7	372,8	435,1
учреждений общего среднего образования	1134,9	1083,2	1006,7	1010,4
учреждений профессионально-технического образования	105,1	99	105,7	65,7
учреждений среднего специального образования	155,5	157,3	166,6	113,3
учреждений высшего образования	413,7	420,7	430,4	268,1
Всего	2174,5	2127,9	2082,2	1892,6

При этом в учреждениях дошкольного и общего среднего образования наблюдается количественный рост обучающихся. Это приводит к тому, что наполняемость классов I ступени образования может превышать норму в двадцать человек, определенную Кодексом об образовании [3]. Следствием этого является усложнение возможности педагога выделять и опираться на индивидуальные сильные стороны каждого обучающегося в общем образовательном процессе. Это приводит к тому, что для полноценного раскрытия своих способностей многие нормально развивающиеся обучающиеся будут нуждаться в индивидуальной дополнительной педагогической помощи и поддержке.

В профессиональной помощи педагога нуждаются и одарённые обучающиеся – при подготовке к профильным турнирам, конкурсам, олимпиадам, конференциям и т.д. Кроме этого, одарённые обучающиеся, посвящая большую часть своего времени самообразованию, часто испытывают трудности в межличностном общении со сверстниками и взрослыми. Такие обучающиеся часто не испытывают потребности во взаимодействии, особенно внешкольном, с одноклассниками, не разделяющими их взгляды и интересы. Всё это приводит к тому, что одарённые обучающиеся могут отставать в коммуникативном и межличностном развитии от своих нормально развивающихся сверстников [4]. Однако именно во взаимодействии с окружающими каждый обучающийся учится не только общаться, но и самореализуется, делясь опытом, отстаивая точку зрения, осознавая свою значимость и определяя дальнейшие направления развития. Без помощи классного руководителя, направленной на формирование сплочённого детского коллектива, одарённые обучающиеся имеют большой шанс попасть в группу «пренебрегаемых» и даже «отверженных» обучающихся, что не способствует гармоничному всестороннему развитию личности. Педагогическая помощь, направленная на саморазвитие отдельных психических процессов, коммуникации либо личности в целом, может рассматриваться как одно из специальных условий, в которых может нуждаться каждый обучающийся в образовательном процессе.

В Республике Беларусь в процессе обучения и воспитания молодого поколения большое значение уделяется семейным ценностям. Однако существенно осложняет данный процесс то, что многие семьи распадаются. Так на 60,7 тысяч браков в 2018 году пришлось 33,2 тысячи разводов [5]. Многие дети, оказавшись в ситуации развода родителей, испытывают психологическую травму, способную оказать негативное влияние, как на образовательный процесс, так и на межличностные отношения с окружающими. У данной группы обучающихся будет своя образовательная

потребность – помощь квалифицированного психолога. В помощи психолога нуждаются также и дети, чьи семьи находятся в социально опасном положении (далее – *СОП*). Согласно статистическим данным Министерства образования Республики Беларусь в 2018 году таких детей было около 24 тысяч. Обучающиеся, находящиеся в СОП, часто испытывают дефицит внимания со стороны близких взрослых, что может приводить к потребности в повышенном внимании педагога, а это, в свою очередь, может провоцировать нарушение образовательного процесса [2].

В психолого-педагогической поддержке нуждаются и леворукие обучающиеся. Такие психофизические особенности данной группы детей, как быстрая утомляемость, специфическая зрительно-двигательная координация, пространственное восприятие, при этом высокая креативность, повышенная эмоциональность, способность чутко воспринимать окружающий мир, должны максимально учитываться педагогами в образовательном процессе.

Ещё одна группа обучающихся часто нуждается в особых образовательных потребностях – соматически ослабленные дети. Систематические пропуски занятий по причине болезни приводят к отставанию обучающегося по одному либо нескольким школьным предметам. Без дополнительной педагогической помощи такой обучающийся будет иметь отдельные поверхностные знания, не позволяющие формировать базовые компетенции по всем учебным предметам.

Миролюбивая политика нашего государства, а также специфика географического положения Республики Беларусь способствуют развитию миграционных процессов в нашей стране. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь миграционный прирост в 2018 году составил 24 тысячи 601 человек, из них из стран СНГ – 17 тысяч 8 человек [5].

Мигранты из стран СНГ в большинстве своём владеют одним из государственных языков Республики Беларусь, что облегчает включение их детей в процесс образования нашей страны. Однако ещё 7 593 человека часто не владеют ни одним государственным языком. Их дети также включаются в образовательный процесс при создании особых образовательных (лингвистических) условий. Кроме этого, включение обучающихся мигрантов в образовательный процесс приводит к необходимости учёта их культурных, этнических, религиозных и др. особенностей, оказывающих влияние на поведение ребёнка в среде сверстников, как в образовательном процессе, так и внешкольной деятельности [5].

Таким образом, даже без учёта детей с особенностями психофизического

развития (далее – *ОПФР*), можно говорить о развитии инклюзивных процессов в белорусском образовании. Однако нельзя не учесть данную группу обучающихся, так как её численность также ежегодно увеличивается (табл. 2) [2].

Таблица 2

Количество обучающихся с особенностями психофизического развития
2012 по 2018 годы

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Численность обучающихся	131717	134975	138099	144459	149919	156072	161694

Педагогу, не имеющему специальной подготовки, не просто построить образовательный процесс, учитывая особые образовательные потребности всех обучающихся, тем более, если в классе присутствуют дети с ОПФР. Опрос практикующих педагогов г. Барановичи и Барановичского района (127 человек) показал, что многие трудности в работе с учащимися с особыми образовательными потребностями связаны с коммуникативной компетентностью педагога.

Для того чтобы подготовить будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования в Учреждении образования «Барановичский государственный университет» (далее – *БарГУ*) были введены факультативные дисциплины «Основы инклюзивного образования» и «Психология инклюзивного образования». Кроме этого, в рамках информационных часов все студенты педагогических специальностей проходят курс из 12 образовательных программ на базе ресурсного центра инклюзивного образования БарГУ.

Для того чтобы выяснить, готовы ли будущие педагоги к коммуникативной деятельности с субъектами инклюзивного образования мы в 2017/2018 учебном году провели анкетирование среди 333 студентов, обучающихся по специальности «Начальное образование» пяти белорусских учреждений образования:

- Барановичский государственный университет (35 студентов);
- Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (180 студентов);
- Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина (33 студента);
- Витебский государственный университета имени П.М. Машерова (34 студента);

– Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (51 студент).

Анализ результатов показал, что значимая часть респондентов находится на достаточном (44,9%) либо высоком (36,2%) уровнях готовности к коммуникативной деятельности со всеми субъектами инклюзивного образования. Ответы 18,9% будущих педагогов оказались на низком уровне готовности к коммуникативной деятельности в условиях инклюзивного образования. С учётом того, что, согласно срокам реализации Концепции, к 2020 году каждое учреждение образования должно осуществлять инклюзивное образование, это довольно большое количество будущих педагогов, требующих уже сегодня дополнительной психологической и (или) методической подготовки. При этом анализ ответов анкеты, показывающих самооценку студентов относительно сформированности у них коммуникативной компетентности, показывает, что 27,6% будущих педагогов оценивают свою коммуникативную компетентность как недостаточно сформированную для работы в условиях инклюзивного образования (низкий уровень). На достаточном уровне свою коммуникативную компетентность оценивают 47,3% респондентов. Оставшиеся 25% студентов считают, что коммуникативная компетентность у них сформирована на высоком уровне. Суммарный показатель коммуникативной готовности (достаточный и высокий уровень), необходимый для работы в условиях инклюзивного образования выше (81,1%), чем положительная суммарная самооценка (достаточный и высокий уровень) студентов своей коммуникативной компетентности (72,5%). Это свидетельствует о том, что будущие педагоги нуждаются в дополнительной психологической подготовке к работе в условиях инклюзивного образования.

Анализ отношения респондентов к коммуникативной компетентности педагога инклюзивного образования показывает, что будущие педагоги придают данной компетентности большое значение. Ответы только 8% студентов показали низкий уровень значимости коммуникативной компетентности в деятельности педагога инклюзивного образования.

Коммуникативная компетентность действительно значима в условиях инклюзивного образования, так как в работе со всеми участниками образовательного процесса требуется не только найти подход к каждому субъекту либо группе собеседников, но и учитывать наравне с индивидуальными, религиозными, этническими, социальными и другими их особенностями особые образовательные потребности каждого учащегося.

Таким образом, мы наблюдаем, что на развитие инклюзивных процессов в системе образования Республики Беларусь существенное влияние

оказывают современные социокультурные условия, повышая значимость коммуникативной компетентности каждого педагога.

Библиографические ссылки

1. Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь от 22.07.2015 №608 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://autismschool.by>. Дата доступа: 27.07.2016.

2. Основные показатели образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/obrazovanie/godovye-dannye_5/osnovnye-pokazateli-obrazovaniya. Дата доступа: 03.05.2019.

3. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>. Дата доступа: 03.05.2019.

4. *Кривуть М.Л.* Коммуникативные способности учащихся 5-х классов / М.Л. Кривуть //Проблемы формирования инклюзивной компетентности специалистов педагогических специальностей : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Барановичи : БарГУ, 2017.

5. Демографическая и социальная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/index_13297. Беларусь в цифрах, 2019. Стат. сб., Белстат. Дата доступа: 03.05.2019.

О.Е. Белая (Минск, Беларусь)

ТЕАТР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИГР КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

В данной статье рассматривается вопрос актуальности развития личности с точки зрения репетиции социальных и личностных ролей в Театре психологических игр при Белорусском государственном университете культуры и искусств, дается научно-теоретическое обоснование концепции Театра психологических игр.

Ключевые слова: *личность, социализация, игра, осознанность, состояние «Я-ребенок», репетиция роли в жизненных ситуациях, Театр ПИ.*

Если рассматривать вопрос полноценной жизни человека, то важно понимать ценность существования личности, наполненной всем, что есть в жизни: людьми, событиями, природой – всем тем, что окружает нас и отражает, как зеркало, наш внутренний мир. Мы соединяемся в существовании своим взаимодействием с другими людьми и миром через эмоции, чувства, мысли, мечты, а также проживаем каждое мгновение своей жизни в той полноте ощущений, чувств и мыслей, которую вынесли из своего детства и жизненного опыта.

Детство и жизненный опыт у всех людей разные, однако, многие из нас получили в наследство набор различных ограничений: страхи, сомнения, неуверенность, стереотипное поведение, неосознанно играемые роли, склонность перекаладывать ответственность на внешние факторы, прогнозировать, что не позволяет человеку действовать против своих ожиданий и др. Чтобы выжить в трудных ситуациях мы могли сами дать себе установки «Не чувствовать! Не видеть! Не слышать!» всему тому, что пугает, угрожает, шокирует; всему тому, что не соответствует принятию, любви и пониманию. Приобретая способность выживать, мы теряем возможность жить полноценно в настоящем.

Детские игры и опыт наполняют личность набором социальных и личностных ролей, которые способствуют социальному развитию личности, формируя определенные модели поведения. Мы можем не осознавать, как одна из ролей управляет нами, создавая ситуации, чтобы проявлять только себя, утверждая свою значимость. Важно увидеть эту роль, осознать все ее качества, характерные реакции, услышать ее речь, за которой прячутся эмоции и чувства, понять мотивы, потребности этой роли, любимые линии поведения, создающие сюжеты жизни. Так личность теряет свободу, ведь главное – не оставаться в этой роли, которая ограничивает восприятие себя и окружающего мира, создает свой иллюзорный мир, где наслаждается сама собой.

В рамках данного вопроса необходимо определить содержание понятия *жизнь*. Одним из утверждений является: «Жизнь – игра». Исследователи феномена игры – Хейзенга, Гадамер, Финк – «сходятся в том, что игра пронизывает всю человеческую культуру и занимает важное место в ее становлении и существовании» [1, с. 15]. Наиболее полно «жизнь – игра» проявляется в состоянии «Я – ребенок». В данном состоянии человек, познавая мир, просто играет. Он свободен, потому что постоянно в движении, потому что, играя в разные игры и разные роли, быстро переключаясь с одной игры на другую и не задумываясь ни над чем, он получает огромное удовольствие от самого процесса действий.

Осознавать себя в ситуациях и ролях, пройти сквозь свои ограничения, вернуться в свое творческое начало помогает **Театр психологических игр** (далее – *Театр ПИ*) при Белорусском государственном университете культуры и искусств (руководитель театра и автор концепции *О.Е. Белая*), способствующий развитию личности, приобретению свободы, которая рождается в действии игры, где личность одновременно разотождествляется с ролями и приобретает новый опыт. Человек, чувствующий, действующий в каждый момент бытия в осознании себя, действительно познает радость и творчество игры жизни.

Рассмотрим идею театра ПИ как форму развития личности более подробно.

Развитие личности происходит в течение всей жизни человека и непосредственно связано с социализацией. «Социализация определяется как процесс освоения ролей и ожидаемого поведения в отношении с семьей и обществом и развития удовлетворительных связей с другими людьми» [2].

В жизни человек включен во многие виды деятельности и отношения, вынужден исполнять разные социальные роли, требования, которых могут быть противоречивыми, поэтому возникает необходимость сохранять целостность *своего Я* в условиях множественных связей с миром.

Развитие личности может быть естественным произвольным и произвольным процессом. В практической психологии самыми известными формами для совершенствования являются тренинги развития личности, ролевые, деловые, психологические игры, которые способствуют развитию определенных социальных умений, навыков, стратегий поведения.

Понятие психологических игр подразделяется на два вида. Первое понятие представляет собой специально моделируемые ситуации, в которых человек получает возможность сыграть разные роли, освоить новое поведение, навыки, получить психологическую поддержку окружающих, расширить представление о самом себе. В игровой ситуации, изолированной от социального контекста и связанного с ним беспокойством, можно проиграть всё то, что раньше для участника было запретным, тем самым, расширив творческий инструментарий собственной личности. Подобные психологические игры способствуют формированию нового эффективного поведения и снятию страха перед естественным выражением собственной индивидуальности.

Второе понятие психологических игр связано с вынужденным желанием прятать собственное естество за играемыми человеком ролями, соответствующими ожиданиям окружающих людей.

В Театре ПИ объединены понятия театра и психологических игр. Если театр – это зрелищный вид искусства, обладающий собственной спецификой отражения, трактовки и оценки действительности, конфликтов, характеров, а также утверждения тех или иных идей посредством драматического действия, главным носителем которого является актер, репетирующий только свою роль, наделяющий ее при этом необходимыми характеристиками и придерживающийся необходимой по сценарию линии поведения, то в Театре ПИ каждый участник, моделируя жизненные ситуации и играя разные роли, может быть и режиссером, и актером, и зрителем. Ведь в жизни мы играем свои роли бессознательно с набором характеристик, переданных нам родителями и другими людьми, участвовавшими в нашей социализации. Репетиции ролей нам жизнь

предоставляет только в детстве. В то время мы играем их с радостью и удовольствием от самой игры, находясь в состоянии играющего ребенка. Поэтому Театр ПИ – это место, где актером является наше собственное естество – первичное Я, играющий ребенок, а зритель представляется осознанным наблюдателем, свидетелем происходящего в настоящий момент. Следовательно, Театр ПИ – это игровое пространство, где можно репетировать роль осознанно, не опираясь на определенные образцы, проявля творческий поиск правильного поведения в настоящий момент.

Согласно Р. Ассаджиоли, в структуре личности «есть Я, которое проявляется на разных уровнях сознательности и самопостижения» и элементы личности – субличности [3, с. 663]. Каждая наша субличность имеет свои потребности, желания, качества, поведенческие паттерны. Выявляя ее можно давать ей определения, например, критика, контролера, капризки, упрямого ребенка, короля и т.д. В ролевых теориях социальной психологии субличности носят название личностных ролей, а роли общественных систем взаимодействия – социальные роли, например, роли семьи: мать, отец, сын, дочь, сестра, брат и т.д.; роли профессий вуза: ректор, декан, преподаватель, студент, аспирант и т.д. Каждая социальная роль обладает функциональными обязанностями и важно ее исполнять наилучшим образом. В свою очередь, личностные роли могут помогать или мешать справляться с обязанностями.

Ключевыми же понятиями Театра ПИ как формы развития личности являются: идентификация себя с играющим «естественным ребенком», как одним из «состояния Я» в структурном анализе Э. Берна, как «первичное Я» в контексте субличностей Р. Ассаджиоли; осознанность себя в ролях, которая «создает чувство самоконтроля, дарит свободу действий», дает возможность использовать опыт по своему усмотрению, а также соединяет нас с «высшим Я» (по теории личности Р. Ассаджиоли) – наблюдателем, свидетелем происходящего в настоящий момент как театр нашей личности [4, с. 219].

В психологических играх мы осознанно репетируем новые роли в жизненных ситуациях, разотождествляясь со своими эмоциональными и поведенческими стереотипами. Развитие личности в театре ПИ соотносится с качественными изменениями, которые заложены в разнообразных ролях и в трансформации личности, где каждый человек, осознавая себя, становится «хозяином» всех своих ролей.

Таким образом, театр ПИ способствует эффективному развитию личности, являясь инновационной формой актуальной для современного мира.

Библиографические ссылки

1. Демидов Д.Б. Феномены человеческого бытия / Д.Б. Демидов. Минск : «Экономпресс», 1999. 180 с.
2. Социальная роль и адаптационные возможности личности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docplayer.ru/34296548-Socialnaya-rol-i-adaptacionnyye-vozmozhnosti-lichnosti.html>. Дата доступа: 11.03.2019.
3. Таланов В.Л., Малкина-Пых И.Г. Справочник практического психолога / В.Л. Таланов, И.Г. Малкина-Пых. М. : ЭКСМО, 2003. 928 с.
4. Лангер Э. Осознанность : пер. с англ. / Э. Лангер. М. : Изд-во «Э», 2017. 240 с.

И.И. Петрашевич (Минск, Беларусь)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА УЧИТЕЛЯ БЕЛАРУСИ

Представлен анализ значимости ценностных ориентаций в формировании профессионального мастерства современного учителя Беларуси. Актуализированы ценностные установки и национальные ориентиры в формировании мастерства учителя в наследии педагогов Беларуси, обоснована их значимость и на современном этапе развития образования

Ключевые слова: *ценностные ориентации, профессиональное мастерство, Беларусь, педагогическая значимость, педагогическая ценность, образовательный идеал, современный учитель.*

Идеальное представление о результатах профессиональной деятельности учителя значимо как для начинающего педагога, так и для учителя с богатым профессиональным стажем. Вопросы определения и выделения значимости ценностных ориентаций в педагогической деятельности, отличительные характеристики национального идеала в деятельности учителя составят содержание наших размышлений.

Процесс социализации, начинаясь с самого раннего детства, продолжается всю жизнь. Семья, детский сад, школьный класс, компания сверстников, студенческая группа, коллектив предприятия – это те социальные группы, с которыми контактирует личность в разные периоды своего развития. Перечисленные группы являются носителями различных систем ценностей. Они регулируют, контролируют поведение индивида и оказывают влияние, порой решающее, на формирование его ценностных ориентаций.

Исследование системы ценностных ориентаций личности становится особенно актуальным в периоды серьезных социальных изменений, когда

общественная ценностная структура «размывается» новыми социальными реалиями, возникает необходимость в переосмыслении и наполнении этой системы новым содержанием.

В основе ценностных ориентаций современного учителя Беларуси, на наш взгляд, в первую очередь, должно лежать позитивное восприятие своей истории, понимание глубинных смыслов общественного бытия через осмысление собственных национальных корней и возрождение лучших традиций.

Научное осмысление национального образовательного идеала, ценностных ориентаций в педагогической деятельности с целью выявления новых подходов к воспитанию и образованию были предприняты еще в XIX веке. Передовые ученые-педагоги Беларуси обогащали свои воззрения культурной традицией русской педагогики того времени: В.Г. Белинского, Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, П.Ф. Каптерева и др., которые утверждали, что ценностные ориентации в педагогической деятельности отражают систему педагогических взглядов народа, сформировавшихся в своем историческом развитии на основе его мировосприятия, мирозозерцания и миропонимания, национального самосознания.

Интерес к проблеме ценностных ориентаций в формировании профессионального мастерства отчетливо прослеживается в педагогической мысли, но в качестве специального предмета исследования до сих пор не выделялась. Нам видится правильным обращение к изучению проблемы ценностных установок и ориентиров в образовании начать с обращения к процессу становления и развития данного понятия в педагогической науке и практике XIX века, так как именно в этот период формировались основные категории педагогической науки, в том числе и исследуемое понятие.

Философия отводит ценностным ориентациям роль главной оси сознания, обеспечивающей устойчивость личности, преемственность определенного типа поведения и деятельности. «Развитые ценностные ориентации – признак зрелости личности, показатель меры ее социальности, верности определенным принципам и идеалам, способности к волевым усилиям во имя этих идеалов и ценностей ...» [1, с. 128].

Социология под понятием «ценностные ориентации» имеет ввиду «идеологические, политические, моральные, эстетические и др. основания оценок субъектом действительности и ориентации в ней, а также способ дифференциации объектов по их значимости» [2, с. 259]. Только социально зрелая личность может осознанно сделать свой выбор.

Наличие ценностей обеспечивает выражение отношения человека к миру, возникающего из значимости для человека различных его сторон и аспектов.

Образовательные системы любой страны на каждом этапе ее исторического развития всегда ориентировались на определенный идеал человека – «ценности-цели», которые отражали государственную образовательную политику и уровень развития самой педагогической науки. Стремление обосновать особую ценность образовательного идеала, ценностных ориентаций для человеческого бытия имело место на всех этапах развития педагогического знания, являлось следствием тех взаимоотношений, которые складывались между человеком и обществом.

В национальной культуре Беларуси в идеальное представление об образованном человеке закладывались такие черты как трудолюбие и честность, совесть и нравственная чистота, доброта в помыслах и поступках. Перечисленные качества поддерживались народными традициями и постепенно оформились в стержневые компоненты личности человека, воспитательный идеал.

Отличительной особенностью образовательной политики на территории Беларуси, не обладавшей длительное время независимостью и суверенитетом, являлось то, что она была инструментом осуществления политических целей. Существовавшее же общественно-педагогическое движение являлось не только формой социального реагирования на проводимую политику, но и одним из факторов сохранения и развития национальных ценностей образования.

Во взаимодействии государственной образовательной политики и общества сочетание национальных и общечеловеческих ценностей выражалось в следующем:

- сословное регулирование социального состава обучающихся;
- ориентация на воспроизводство через образование социальной опоры – сословия, в достаточной степени оторванного от национальных традиций и культуры;
- политико-идеологическая поддержка классицизма в средней школе как средства, усилившего разрыв ценностных систем интеллигенции и масс;
- навязывание через систему образования идеала служения государству как единственно возможной форме выражения патриотизма;
- взаимодействие отечественной и зарубежной педагогических культур, влиявших и на образовательную политику государства, и на общественно-педагогическое движение.

Следует отметить, что становление и развитие национальной идеи Беларуси проходило в сложных исторических и социальных условиях становления белорусской государственности. Всегда находились силы, которые тормозили процесс консолидации нации, подталкивали развитие самосознания народа и формирование белорусской национальной идеи в

ином направлении.

Процесс становления национальной белорусской идеи, идеального представления общественного устройства, определения ценностных ориентаций в образовании носил более светский характер. На мысли, интересы и настроения, поиск ценностных установок в обучении и воспитании решающее влияние оказывали духовные, культурные, просветительские традиции, необходимость защиты своего языка, национального суверенитета, прав и свобод индивидов белорусского этноса.

Инициаторами и вдохновителями белорусской национальной идеи выступали прежде всего видные литераторы: А. Мицкевич, Н. Гусовский, Я. Чачот, В. Сырокомля, Фр. Богушевич, Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, М. Горецкий и др. [3, с. 97]. Их деятельность была важным стимулирующим фактором в процессе становления демократического общества и образовательной системы, основанной на лучших национальных традициях и ценностях. В их трудах подчеркивалась необходимость коренного преобразования системы воспитания и образования, что требовало не только социально-экономических, политических изменений, но и просвещения в целом. В поисках национального образовательного идеала они ориентировались на гуманизм в воспитании, а в качестве ценностных его оснований предлагались: уважение к человеческой личности, демократизм, самобытность, неотделимость личного счастья от общественного блага, признание прав и свобод человека, необходимость общечеловеческого образования.

Анализ философско-педагогических взглядов в области роли и значимости национального идеала в педагогической деятельности позволил определить *образовательный идеал* как многомерное, сложное и противоречивое понятие, сущностная характеристика которого складывается из множества позиций, носящих философский, религиозный, социальный, политический и педагогический характер.

В качестве *ценностных ориентиров* как национальной образовательной системы, предлагается ориентир на демократические, общественные, народные принципы в воспитании и в обучении:

- уважение к личности,
- учет национальных характеристик;
- демократизм,
- неотделимость личного счастья от общественного блага,
- признание прав и свобод человека,
- необходимость общечеловеческого блага,
- признание прав и свобод человека,
- необходимость общечеловеческого образования.

Необходимость формулирования и обоснования национального

образовательного идеала, поиска ценностных ориентаций в его практической профессиональной деятельности становится приоритетным направлением научных и практических интересов ученых-педагогов и практиков. Педагогическая мысль, аккумулировав передовые идеи своих предшественников, выработала собственное понимание ценностных установок в педагогике:

- любовь к ребенку;
- вера в силу детской души;
- ценностное отношение к личности ребенка, заключающееся прежде всего в уважении и понимании;
- создание условий для свободной деятельности ребенка;
- учет возрастных, природных и индивидуальных особенностей ребенка и создание условий для саморазвития, самообразования и самовоспитания.

Таким образом, формирование приоритетных национальных ценностей образования неразрывно связан с общей социально-политической ситуацией. Процесс определения приоритетных национальных ценностей образования происходит в двух основных направлениях: теоретико-ориентированном и практико-ориентированном.

Ведущими началами национальных ценностных приоритетов выступают:

- национальное начало;
- патриотизм, гражданственность, общественность;
- ответственность перед настоящим и будущим Беларуси;
- тесная взаимосвязь с общечеловеческими, мировыми и духовными ценностями.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что отличительной особенностью современного этапа развития образования выступает стремление к поиску такого содержания ценностных ориентаций – как в образовательной деятельности, так и в формировании профессионального мастерства учителя, в частности, которое смогло бы консолидировать прогрессивные, творческие силы всего социума. Поэтому национальным идеалом в профессиональной деятельности современного учителя является позитивное восприятие исторического прошлого, отыскание глубинных смыслов общественного бытия через осмысление национальных корней и возрождение лучших народных традиций.

Библиографические ссылки

1. *Артюхова Ю.В.* Ценности и воспитание / Ю.В. Артюхова // Педагогика. 1999. №4. С. 128.

2. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн // М., 2006. 434 с.
3. Основы идеологии белорусского государства: учеб.-метод. пособие / сост.: В.В. Шинкарев ; под ред. В.В. Шинкарева. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : БГПУ, 2008. 209 с.
4. Ценностные ориентации личности в теории и истории отечественной и зарубежной педагогики (конец XX – начало XXI вв.) / под. ред. М.В. Богуславского, Т.Б. Игнатъевой. М. : ИТИП РАО, 2007. 304 с.

О.М. Старикова (Минск, Беларусь)

ЭТНОПЕДАГОГИКА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Рассматривается влияние народно-педагогических идей, традиций и фольклора на развитие педагогической мысли Беларуси. Освещается роль педагогов, ученых, этнографов в усовершенствовании педагогического процесса, обогащении белорусской школы и педагогической мысли новыми методическими разработками, педагогическими находками. Излагаются проблемы этнокультурного образования детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Ключевые слова: *этнопедагогика, традиции, фольклор, образование.*

Этнопедагогическая компетентность сегодня рассматривается как один из центральных компонентов профессиональной культуры современного педагога, поскольку возрастает значимость для общества этнонациональной составляющей личности.

В современной научной литературе можно встретить толкование этнопедагогике как народной педагогики, где авторы отождествляют эти два понятия. В данной же работе *этнопедагогика* понимается как теоретическое осмысление и систематизация опыта народной педагогики, представляющей собой совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта народа, выработанных и накопленных в процессе общественного развития. Этнопедагогика объясняет народную педагогику и предлагает пути ее использования в современных условиях, собирает и исследует опыт этнических групп, основанный на многовековом, естественно развивающемся соединении народных традиций.

Развитие педагогики в целом во многом определялось содержанием народной педагогики, так как научная педагогика основывалась на сложившихся воспитательных традициях, в педагогической практике отражался опыт народного воспитания.

Источниками изучения народной педагогики являются фольклор, этнографические и антропологические материалы, археологические находки, мемуарная литература. Народная педагогика на протяжении

столетий накопила множество ценных форм и способов воспитания: наблюдение, показ, пример, практическая деятельность, поучение (наставление), совет, похвала или осуждение и др. Важнейшим и наиболее эффективным способом воспитания является практическая деятельность детей, их участие в хозяйственных процессах (в том числе занятие художественными промыслами, ремеслами), в праздниках, обрядах, их подготовке, проведении, занятиях народной музыкой, хореографией и др.

Что касается Беларуси, то ее народная педагогика накопила богатые средства эффективного воспитания личности. Это орудия труда, художественные изделия, игры, фольклор, язык и др. Очень важным средством воспитания являлись также и игры, в которых формировались необходимые физические качества личности, развивалась целенаправленность, настойчивость, смелость, воспитывалось понимание необходимости общих правил, взаимных обязательств, взаимовыручки. К содержательным средствам воспитания относят также белорусский фольклор, который является одним из богатейших в мире.

Выдающиеся деятели белорусского народа – педагоги, ученые, этнографы – обратили внимание на богатство белорусской народной педагогики, начали собирать, систематизировать и публиковать материалы, использовать принципы народной педагогики, способы и средства практической деятельности, обогащать ею профессиональную педагогику.

На становление и развитие педагогической мысли Беларуси огромное влияние оказала деятельность педагогов-этнографов. Большую активную научную деятельность по изучению культуры, быта и истории своего народа осуществляли А.Я. Богданович, М.А. Дмитриев, Ю.Ф. Крачковский, И.И. Насович, Н.Я. Никифоровский, Н.А. Янчук и многие другие.

Важнейшими целями белорусской народной педагогики являлись: воспитание человека как труженика, формирование взглядов на труд как главную сферу человеческой деятельности, основу нормальной, здоровой жизни; формирование высокоморального человека с бережным отношением к природе; воспитание человека-патриота; уважительное отношение к людям других этнических групп. Народная педагогика сохраняет в себе общие черты национальной культуры, методы и навыки воспитания, накопленные собственным народом и традициями других этносов.

Одним из определяющих компонентов воспитания в народной педагогике выступает передача традиций в процессе взаимодействия поколений. С древнейших времен сохранились традиции ухода за малолетними детьми, воспитания подростков и юношества, подготовки к семейной жизни.

В народном сознании четко выражены идеи необходимости природосообразности и непрерывности воспитания, которые нашли

отражение в фольклоре.

На основании народно-педагогических идей были созданы первые белорусские учебники для начальных школ. В. Ивановский и К. Каганец («Лемантар», 1906 г.) использовали белорусский фольклор, разнообразные жанры народно-поэтического творчества. Тетка (Э.С. Пашкевич), создавая «Першае чытанне для дзетак беларусаў» (1906), также использовала воспитательные средства белорусского фольклора: припевки, пословицы, поговорки, байки, сказки, стихотворения. В.Ю. Ластовский считал использование народного педагогического наследия одним из средств воспитания национального самосознания. Поэтому в учебнике для начальной школы «Першае чытанне. Кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навукі чытання» (1916) значительное место отведено народной педагогике, содержание учебника обогащено фольклорными жанрами, через которые прослеживается белорусский менталитет и являются средством воспитания национального самосознания белорусских детей.

Народно-воспитательные идеи лежат в основе «Другога чытання для дзяцей беларусаў», «Казках жыцця» Якуба Колоса. Педагог-писатель считал, что сама цель воспитания должна носить народный характер и наилучшим средством воспитания является родной язык.

Изучение народно-педагогических идей, их систематизация и применение в образовательном процессе имело большое научное и общественно-политическое значение, подняло на новую вершину отечественную науку в области изучения культуры и быта белорусского народа.

Воспитание современных детей в духе и на материале традиционной национальной культуры, восстановление системы преемственности народных традиций является одним из способов преодоления кризисной ситуации.

Этнокультурное воспитание – это такой процесс, в котором цели, задачи, содержание, технологии воспитания ориентированы на развитие и социализацию личности как субъекта этноса и как гражданина

Как известно, дошкольный и младший школьный возраст являются чувствительными для формирования этнокультурной осведомленности. Поэтому к главным компонентам формирования этнокультурной компетентности учащихся является создание условий для: целостного развития личности ребенка через приобщение его к традиционной народной культуре; воспитания и уважения к культуре межнационального общения, толерантности, умения взаимодействовать с окружающим миром, а также создание педагогических условий формирования этнокультурных компетенций.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Народная педагогіка беларусаў. Мінск : НІА, 1996. 166 с.
2. Пілецкі В.А. Генезіс выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў гісторыі Беларусі : манарг. Мінск: БДПУ, 2004. 237 с.

М.М. Шчэрбін (Мазыр, Беларусь)

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ЗДАБЫТКІ Ў ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНЫМ ВЫХАВАННІ БЕЛАРУСАЎ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Сістэма адукацыі, якая абапіраецца на здабыткі і каштоўнасці ўласнай педагогічнай культуры, валодае значнымі дыдактычнымі магчымасцямі. Трывалы нацыянальна-культурны падмурак садзейнічае таму, што інавацыйныя падыходы адпавядаюць этнакультурным перавагам. У артыкуле разглядаюцца гістарычныя ідэі грамадзянска-патрыятычнага выхавання, актуальныя і сёння; іх рэалізацыя ў кантэксце прыніпаў гістарычнасці і пераемнасці як важных патрабаванняў да арганізацыі выхавання.

Ключавыя словы: *грамадзянска-патрыятычнае выхаванне, традыцыі беларусаў, нацыянальная культура, этнакультурныя каштоўнасці, гістарычныя ідэі грамадзянска-патрыятычнага выхавання.*

Нацыянальная культура, што сканцэнтравана ў ідэях, каштоўнасцях, здабытках і этнакультурных традыцыях, з'яўляецца сапраўднай скарбонкай для сістэмы выхавання. Накоплены стагоддзямі вопыт агульнай жыццяздзейнасці, сацыяльных паводзін і ўзаемаадносін паміж людзьмі выступае крыніцай дыдактычных форм, метадаў і сродкаў. А адпаведны ментальна-культурны вектар дадзеных выхаваўчых рэсурсаў вызначае іх асаблівую запатрабаванасць у сучасных умовах.

Яшчэ І. Абдзіраловіч звяртаў увагу на тое, што «беларуская ментальнасць выяўляе ў сабе ваганні паміж Заходнім і Усходнім “культурнымі тыпамі”, і выяўляецца гэта ў нежаданні абраць у якасці зыходнага пункту нацыянальнай культуры ні заходняе “лацінства” з яго індывідуалізмам, ні ўсходні “візантызм” з яго максіmalізмам» [1, с. 31]. У такіх геапалітычных умовах было вельмі важна забяспечыць пераемнасць выхаваўчага працэсу маладых пакаленняў з мэтай захавання сваёй ідэнтычнасці, годнае грамадзянска-патрыятычнае выхаванне з апорай на ўласныя каштоўнасці.

Важнае месца ў прадвызначэнні рыс нацыянальнай ідэнтычнасці нашых продкаў, а значыць, і ў матэрыялізацыі ідэй грамадзянска-патрыятычнага выхавання, належыць прыродна-геаграфічным умовам. Сярод яго асноўных

асабліва сцяў варта адзначыць: сакральнасць у дачыненні да прыроды, вялікае значэнне архетыпа маці-зямлі, дамінаванне ідэі калектывізма. Вядомы гісторык Ключоўскі В.О. пісаў, што чалавек са старажытных часоў пастаянна «то прыстасоўваецца да навакольнай прыроды, яе сілам і спосабам дзеяння, то іх прыстасоўвае да сябе самога, да сваіх патрэбаў, ад якіх не можа ці не хоча адмаўляцца, і ў гэтай двухбаковай барацьбе з самім сабой і з прыродай выпрацоўвае сваю кемлівасць і свой характар» [2, с. 234].

Складаныя жыццёвыя ўмовы здаўна вымушалі чалавека жыць у гармоніі з навакольным асяроддзем, і быць не гаспадаром, а ўсяго толькі часткай складанай экасістэмы. Шматлікія культуры, рытуалы і звычаі, як спосабы асваення рэчаіснасці, былі характэрнымі і для беларусаў і накіраванымі не на падпарадкаванне, а хутчэй на мірнае суіснаванне. І прырода пры гэтым успрымалася як скарбніца сродкаў розных промыслаў і рамёстваў, як крыніца жыццёвай энергіі і сілы, як складаны жывы арганізм, які існуе па сваіх законах. Адсюль пачуццёвая прыхільнасць да родных мясцін і пейзажаў, веданне іх асабліва сцяў, жаданне атрымаць дапамогу і абарону, імкненне зберагчы і абараніць – усё гэта складала аснову асаблівага сакральнага стаўлення беларусаў да роднай прыроды.

Працягам сакральнасці становіцца характэрны для светаўспрымання нашых продкаў архетып маці-зямлі, які праяўляўся праз цэлы комплекс адносін. Зямля ўспрымалася як Усеагульная маці-карміцелька: «Зямля корміць людзей, як маці дзяцей», – адзначала народная прыказка [3, с. 131]. Зямля як месца нараджэння і пахавання продкаў падтрымлівала цесную сувязь з родам, сям'ёй, як сімвал чысціні і святасці дапамагала ў цяжкіх абставінах. У сувязі з гэтым, земляробства як асноўны занятак беларусаў выступала крыніцай жыцця, дабрабыту і сродкам выхавання лепшых чалавечых якасцяў. Менавіта земляробчая праца надзялялася высокім маральным статусам: «Хто сее хлеб, той сее праўду», – лічылі ў народзе [3, с. 562]. Маральнае стаўленне да сваёй зямлі, якое заключалася ў плённай працы, асаблівай любові і шанаванні як асновы жыцця, складала аснову светаўспрымання беларуса-земляроба.

Разам з тым, не менш традыцыйнымі для беларусаў былі ідэі калектывізма. І калі для першабытных часоў такія адносіны з'яўляліся натуральнымі з пазіцыяй існавання, то іх далейшае развіццё на беларускіх тэрыторыях было абумоўлена характарам пражывання і землекарыстання, заснаваным на агульнасці. Традыцыі сумеснай апрацоўкі зямлі, рашэнні розных грамадскіх і судовых пытанняў, агульныя формы павіннасцяў спрыялі фарміраванню шэрагу калектывных рыс грамадзянска-патрыятычнай скіраванасці – узаемадапамогі, падтрымкі, клопату аб іншых. У сувязі з гэтым слушным з'яўляецца думка, што «чалавек становіцца чалавекам толькі тады, калі мэта яго жыцця выходзіць за межы асабістага

шчасця і нападўняецца грамадска значным сэнсам» [4, с. 55].

У асноўным земляробчы характар дзейнасці, згуртаванасць з прыродай, геаграфічныя умовы адбіліся на неабходнасці наладжвання гарманічных адносін з навакольным асяроддзем, настойлівасці і ўпартасці беларусаў, іх працавітасці, калектывізме, асаблівым стаўленні да роднай зямлі і прыроды. Па сутнасці, адзначаныя якасці – гэта зыходныя праяўленыя любові да сваёй Радзімы, як значнай этнічнай каштоўнасці, што характэрна для любога народа і актуальна ў любы час.

Адзначаныя рысы і якасці знаходзяць працяг у асаблівасцях культурных умоў развіцця беларусаў. У прыватнасці, варта звярнуць увагу, што нягледзечы на тое, што аснову этычных уяўленняў беларусаў складала хрысціянскае веравучэнне, заснаванае на Веры, Надзеі, Любові, на працягу стагоддзяў яно суіснавала з паганска-міфалагічнымі элементамі культуры, асабліва ў народным асяроддзі. Акрамя таго, адчувальнымі былі заходнія ўплывы ў выглядзе рацыяналістычных тэорый, ідэй асветніцтва, рэлігійных вучэнняў.

Даследчыкі адзначаюць, што для славянскай ментальнасці ў цэлым заўсёды былі характэрныя паганская міфалогія, хрысціянская мудрасць і еўрапейскі рацыяналізм [4, с. 123]. Аднак, разам з гэтым, беларусам ва ўмовах памежжа паміж праваслаўным Усходам і каталіцкім Захадам ёсць уласцівай пэўная доля сінкрэтызму, што выявілася найбольш рэльефна ў асаблівасцях культурнага развіцця. Таму у беларускім нацыянальным характары ўжываюцца элементы паганства і хрысціянства, калектывізм і індывідуалізм, імкненне да свабоды і ўменне падпарадкоўвацца, вера ў лепшае і цвярозы разлік і г. д.

Магутным стымулам развіцця этычных уяўленняў беларусаў стала распаўсюджванне хрысціянства. Хрысціянскія традыцыі глыбокай веры, усеагульнай надзеі і ўседаравальнай любові сталі крытэрамі маральнасці і паказчыкам адносін чалавека да іншых людзей, грамадства ў цэлым. Самаадданая дзейнасць Хрыста знайшла водгук на ўсходнеславянскіх землях і была вельмі папулярная як рэалізацыя галоўнага хрысціянскага пастулату – любові да бліжняга [5, с. 37]. Асветніцкі подзвіг Еўфрасініі Полацкай і Кірылы Тураўскага, воінскі подзвіг Даўмонта Пскоўскага, Уладзіміра Полацкага, Аляксандра Неўскага і інш., іх падзвіжніцкі подзвіг сталі ўзорам праведнага жыцця, але пры гэтым былі накіраванымі на карысць іншых людзей, напоўненымі трывогай і ўвагай да іншых людзей.

У той жа час, актыўнае развіццё ўласнай грамадска-палітычнай, філасофскай і прававой думкі сведчыць аб тым, што беларускія тэрыторыі развіваліся ў рэчывы агульнаеўрапейскіх тэндэнцый, якія адпавядаюць «рэнесансна-гуманістычнаму тыпу культуры» [4, с. 97]. Аднак асваенне прагрэсіўных уплываў адбывалася праз іх супастаўленне з ужо існуючымі

ўяўленьнімі светаразуме́ння. Вызначальнае значэ́нне на беларускіх землях мелі асновы хрысціянскага светаўспрымання, а чалавекалюбства і вера ў перамогу добра над злом сталі ключавымі ідэямі ўдасканалення як асобнага чалавека, так і ўсяго грамадства ў цэлым.

Адпаведна ў якасці значнай этнічнай каштоўнасці беларусаў варта вылучыць маральнасць, як пэўны ўзровень абавязку чалавека. Прычым і ў паўсядзённым жыцці, і ў адносінах з людзьмі, і ў дзяржаўных справах маральнасць з'яўлялася ключавой прыкметай «чалавечнасці», бо хрысціянскі завет «не памысліць злом» успрымаўся ў якасці нормы адносін да сябе і іншых людзей [6, с. 74].

Зыходзячы з гэтага, гераізм і самаахвяраванне суседнічалі з чалавекалюбствам, міласэрнасцю, клопатам пра іншых і не ўтрымлівалі нянавісці ці пачуцця перавагі над іншымі людзьмі, што склала адметную рысу беларусаў. Дабрачыннасць, імкненне зрабіць лепшым свой дом, сваю зямлю, краіну і ёсць маральнасць «дзеясная», якая прадугледжвае пераўтваральны пачатак, як абавязковую ўмову" годнага існавання чалавека.

Акрамя вышэйназваных характэрных рыс развіцця беларускага этнасу немалаважнае значэнне мелі асаблівасці грамадска-палітычнага фактару. Іх асноўнымі праяўленнямі з'яўлялася ўспрыманне дабрабыту народа і дзяржавы праз асацыіраванне з мудрым князем і моцнай уладай, традыцыяналізм грамадска-палітычных адносін, імкненне да адзінства і адсутнасць сепаратысцкіх ідэй нават у перыяды раздробненасці.

Яшчэ ў гістарыяграфіі Кіеўскай Русі адзінства зямлі, народа і князя вызначалася ў якасці галоўнай прыкметы стабільнай дзяржавы. Гэтая ідэя знаходзіць працяг і ў далейшым станаўленні дзяржаўных інстытутаў на беларускіх землях, што абумовіла даверлівае стаўленне да ўлады. І ў той жа час, абумовіла адказнасць і клопат князя пра сваю дружыну, народ, дзяржаву, вымушала яго ажыццяўляць мудрую і справядлівую палітыку. Гістарычныя крыніцы сцвярджалі: «..ён (князь) народжаны не столькі для жыцця, а для гонару і славы краіны» [7, с. 294].

Разам з тым, перавага традыцыйных ліберальных тэндэнцый у будаўніцтве грамадскіх і дзяржаўных структур на беларускіх землях шмат у чым была абумоўлена гістарычнымі традыцыямі калегіяльнасці і супольнасці. І развіццё сацыяльна-палітычных інстытутаў, і складванне прававой сістэмы, і ўмацаванне княжацкай улады праходзілі ў рамках агульнавядомага прынцыпа – «старыны не рухаць» [4, с. 55].

Адпаведна, такі звычай, як захаванне агульнапрынятых норм, спрыяў фарміраванню паважлівага стаўлення да грамадска-палітычных інстытутаў. І адсюль – звыклае прытрымліванне традыцый стала асновай паводзін чалавека-грамадзяніна, дэтэрмінавала законапаслухмянасць, а пасля, і грамадскую каштоўнасць міру, парадку, права, што разглядаліся вышэй

канфесійных і светапоглядных рознагалоссяў.

Развіццё дзяржаўна-прававых інстытутаў стымулявала аб'яднальныя тэндэнцыі ў грамадскіх настройах, актывізавала цікавасць да нацыянальна-культурных, патрыятычных праблем. Даследчыкі падкрэсліваюць, што ў грамадска-палітычнай думкі Беларусі перыяду этнічнага станаўлення, няма сепаратысцкіх ідэй. У цэнтры і палемічных рэлігійных твораў, і філасофскіх і прававых трактатаў – ідэя агульнага добра як галоўнага спосаба пераадолення любых супярэчнасцяў.

Прычым дадзеная ідэя, прэтэндуючы на ролю патрыятычнай канцэпцыі агульнадзяржаўнага характару, узнікае ў формах дзяржавы і права, але не прадугледжвае вузкаэтнічнай накіраванасці. Пры значным прыярытэце нацыянальнага пачатку – эканамічнага, этнічнага, духоўнага і г. д., яна насіла ярка выражаны гуманістычны характар і была не супраць каго-небудзь, а на абарону Свайго ў шырокім сэнсе.

Таму агульнае дабро ўспрымалася таксама як важная этнічная каштоўнасць, якая спрыяе яднанню, развіццю і росквіту народа і дзяржавы. А яе галоўнымі спадарожнымі элементамі становяцца моцная ўлада, права і нацыянальныя прыярытэты, прытрымліванне якіх павінна вызначаць дзеянні і ўчынкі сапраўдных «сыноў Айчыны». У гэтай сувязі, найбольш запатрабаваным грамадскім абавязкам асобы становіцца доўг, як спосаб выражэння сваёй любові, актыўнасці, адказнасці.

Такім чынам, нацыянальныя здабыткі беларусаў у сістэме грамадзянска-патрыятычнага выхавання з'явіліся заканамерным вынікам развіцця геаграфічных, культурных, грамадска-палітычных умоў жыццядзейнасці нашых продкаў. Іх агульная накіраванасць на любоў да сваёй Радзімы і яе традыцый, маральнасць і павагу да іншых, агульнае дабро і справядлівасць не страцілі сваёй дыдактычнай значнасці і ў сучасных умовах. Грамадзянска-патрыятычная сутнасць дадзеных каштоўнасцяў беларусаў падкрэслівае іх неабякавасць, адказнасць, клопат пра свой народ, грамадства і краіну, што запатрабавана ва ўмовах захавання нацыянальнай ідэнтычнасці і сёння.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам. Даследзіны беларускага светагляду / І. Абдзіраловіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. 44 с.
2. *Ключевский В.О.* Русская история : полный курс лекций в 2 кн. / В.О. Ключевский. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 1146 с.
3. *Лепешаў І.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак / І.А. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. Гродн а: ГрДУ, 2011. 695 с.

4. *Старостенко В.В.* Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.) / В.В. Старостенко. Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. 200 с.

5. *Забияко А.П.* История древнерусской культуры : учеб. пособие для средних художественных учеб. заведений и профильных школ / А.П. Забияко. М. : Интерпракс, 1995. 304 с.

6. История общественной и философской мысли Беларуси: Раннее и развитое Возрождение : хрестоматия : пособие /авт.-сост. В.В. Старостенко. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2010. 332 с.

С.У. Андрыеўская (Наваполацк, Беларусь)

ТРАДЫЦЫІ ВЫХАВАННЯ І ПОБЫТУ ДЗЯЦЕЙ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ І СУЧАСНАЯ СЯМ'Я

У артыкуле разглядаюцца праблемы захавання нацыянальных традыцый у сучаснаму грамадстве. Апісваюцца традыцыйныя сродкі і метады, прыёмы выхавання і сацыялізацыі дзяцей паводле матэрыялаў этналагічных даследаванняў аўтара, сабраных ў канцы XX ст. – пачатку XXI ст. Раскрываецца змест традыцыйных педагагічных уяўленняў адносна выхавання дзяцей на тэрыторыі Беларусі, у прыватнасці, характэрных для тэрыторыі Падзвіння. Паказаны змены, якія адбыліся ў сферы выхавання і побыце.

Ключавыя словы: *традыцыя, выхаванне, народная педагагіка, метады і сродкі выхавання, працоўнае выхаванне, сям'я, сямейныя традыцыі.*

На працэс захавання элементаў народных традыцый у выхаванні дзяцей моцна ўплываюць змены, якія адбываюцца ў сям'і. Калі для традыцыйнай сям'і беларусаў характэрныя ўстойлівасць, стабільнасць, высокая статусная роля сям'і ў жыцці кожнага чалавека, якая ў многім забяспечвалася ўстойлівасцю норм традыцыйнага права і сямейнымі традыцыямі, то для сучаснай сям'і характэрна павышаная аўтаномнасць асобы, высокая ступень матэрыяльнай незалежнасці партнёраў па шлюбе. Калі стратэгічнай лініяй выжывання традыцыйнай сям'і было зберажэнне ладу жыцця старэйшага пакалення, сацыялізацыя дзяцей у межах існуючых каштоўнасцяў, то ў сучаснай сям'і значны ўплыў на выхаванне дзяцей аказваюць грамадскае асяроддзе, сацыяльныя інстытуты адукацыі [1, с. 100].

Для разумення ўмоў сямейнага выхавання ў беларусаў важнае значэнне мае разгляд умоў побыту, асаблівасцяў харчавання, догляду дзяцей.

Народныя педагагічныя традыцыі беларусаў арганічна ўпляталіся ў сістэму ўзаемадзеяння традыцыйнага грамадства і навакольнага асяроддзя. **Народная педагагіка** – гэта сукупнасць ведаў і навываў выхавання, якая захавалася ў этнакультурных традыцыях, народнай паэтычнай творчасці,

устойлівых формах камунікацыі і ўзаемаадносін дзяцей з дарослымі і адзін з адным [2, с. 71].

Амаль кожны з даследчыкаў народнай педагогікі лічыць, што галоўным у выхаванні дзяцей у сем'ях беларусаў было працоўнае выхаванне. Пры гэтым, прывучэнне да працы пачыналася вельмі рана: спачатку гэта была дапамога ў хатніх справах, але у бедных сем'ях, каб пракарміць дзіця аддавалі ў «пастушкі».

Традыцыя аддаваць «у пастушкі» на тэрыторыі Падзвіння захавалася сярод бяднейшых шматдзетных сямей да 1-й пал. XX ст. Адна з рэспандэнтак (1934 г.н.) з Браслаўшчыны расказвала: *«А аднаго брата Янку да людзей аддалі ў сям'ю, авечак пасьціць. І кароў пасьціў, усіх... Далёка, аж ў Замошша, доўга ехаць па лесе. Вясной бацька адвезець, а як на зіму, то – забіралі... Сем гадоў было і авечак пасьціў і кароў...»*.¹ Калі хлопчыкі падрасталі, бацька браў іх на працу ў полі: яны павінны былі араць, касіць, баранаваць і г.д. Хлопчыкі, такім чынам, паступова прывучаліся да «мужчынскай працы», спазнавалі таямніцы добрага гаспадарання. Уплыў на іх бацькі станавіўся усё больш моцным, роля маці – змяншалася. Частай з'явай у пач. XX ст. для бедных, шматдзетных сямей на Падзвінні быў адыход дарослых нежанатых хлопцаў *«на заробкі»*. Аб гэтай з'яве неаднаразова ўгадвалі рэспандэнты.²

Дзяўчынка ў 6–8 гадоў разглядалася ўжо як памочніца ў доглядзе малодшых братоў і сясцёр. Да XXI ст. захавалася на Падзвінні прымаўка: *«Радзі сярша няньку, а потым – ляльку»*³ Важная жаночая справа – прадзенне даручалася дзяўчыцы, пачынаючы прыкладна з 8–10 гадоў. Спачатку дазвалялася прасці так званую «атропачную кудзелю». Больш тонкую і якасную «верхачысную кудзелю» пралі звычайна дзяўчаты 10–14 гадоў, і гэта быў іх асноўны абавязак [106, с. 195]. З 10–12 гадоў дзяўчаты садзіліся за ткацкі станок. Вось як успамінае навучанне ткацтву адна з рэспандэнтак: *«Матка, бывала, што сатчэ тое і носім. Мы тожа ткаць вучыліся і прасьці... Сначала паўсуkenнік рабілі, тады ўжэ кужаль. Кужаль дужа матка не давала. Не ўмелі, сама рабіла...»*.⁴

¹ Запісала Андрыеўская С.У. ад Этміновіч Я.І., 1934 г.н., в. Іказнь Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці у 2011 г.

² Запісала Андрыеўская С.У. ад Міцкевіч Е.Д., 1937 г.н., в. Горкі Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

³ Запісала Андрыеўская С.У. ад Антонавай Н.В., 1946 г.н., в. Перапечкі Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

⁴ Запісала Андрыеўская С.У. ад Этміновіч Я. І., 1934 г.н., в. Іказнь Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

Калі ў кан. XIX ст. абавязкам кожнай дзяўчыны было наткаць сабе да вяселля «поўны кубел», то да 2-й пал. XX ст. гэты занятак знікае. Ва ўжытку шырока распаўсюджваюцца фабрычныя тканіны, што прыводзіць да заняпаду ткацтва. Аднак, акрамя гэтых заняткаў у вясковай дзяўчыны быў безліч іншых абавязкаў: праполка агарода, догляд за хатняй жывёлай, гатаванне ежы і інш. Уплыў маці на дачку з цягам часу толькі павялічваўся, паколькі дзяўчынку рыхтавалі, перш за ўсё, да сямейнага жыцця.

У 1-й пал. XX ст. важным заняткам для вясковай дзяўчыны была выпечка хлеба: *«Я яшчэ сама хлеб пякла сабе на свадзьбу... Вот раньшэ нада было, каб дзежачка такая была для хлеба з крыжэкай. Ну, як мы пяклі... Бульбу пракруціш на машынке, тады туды мукі. Мука была іржаная. У дзежачку вады, мукі, бульбы. Замесіш. Малолі муку ўручную, на жорнах, дзержалі зярно, курам і свінням не кармілі... Пранікам малолі пшаніцу, дужа-дужа мякка і тады ўжо к празнікам самі пяклі дужа ўкусныя пірагі».*⁵

Увогуле, для традыцыйнага ладу жыцця на тэрыторыі Падзвіння характэрны падзел працы на мужчынскую і жаночую: *«Вот, пахаць, сеяць, касіць – гэта мужчынская работа. А вот пол памыць – гэта жанская работа... Што я магла рабіла, то я рабіла... Вот палось, садзіць, сціраць, карову даіць, есьці варыць – гэта бабская работа... У нашай сям’і мальчыкі большэ з бацькам, а дзяўчаты большэ з маткай... Матка з узрослымі дзеўчатамі мыла бяльё. А старшыя браці з бацькам хадзілі касіць...».*⁶ Адпаведна, дзяўчынак больш прывучалі да жаночай працы, а хлопчыкаў – да мужчынскай. У беларусаў склалася дзве стратэгіі сацыяльнай адаптацыі для хлопчыкаў і для дзяўчынак – «школа мацярынства» і «школа пастухоўства» [3, с. 13].

Для тэрыторыі Падзвіння асаблівасцю з’яўляецца наяўнасць прадстаўнікоў розных канфесій (праваслаўныя, католікі і інш.), што спарадзіла талерантнае стаўленне да суседзяў-іншаверцаў, якое выхоўвалася ў дзяцей. Напрыклад, неаднаразова апытваемыя рэспандэнты падкрэслівалі, што іх сям’я не планавала працу ў рэлігійнае свята суседзяў іншай канфесіі, каб не пакрыўдзіць рэлігійныя пачуцці апошніх. Акрамя таго, частымі былі шлюбы паміж прадстаўнікамі розных веравызнанняў.

Трэба ўлічваць і размежаванне Падзвіння на ўсходнюю і заходнюю часткі да 1921–1939 гг. Моцная пазіцыя каталіцкай царквы на заходніх тэрыторыях да 1939 года адбілася ва ўспамінах рэспандэнтаў. Так, адна з жыхарак Браслаўшчыны ўзгадвае, што калі дзяўчына-каталічка выходзіла

⁵ Запісала Андрыеўская С.У. ад Федарэц Р.І., 1937 г.н., в. Зялькі Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

⁶ Запісала Андрыеўская С.У. ад Аўсеенка Н.П., 1927 г.н., в. Нурава Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

замуж за праваслаўнага, то ў «касіцэле званы званілі, нібыта па мёртвай».⁷ Увогуле, рэспандэнт-католікі часцей за рэспандэнтаў праваслаўнага веравызнання ўзгадвалі пра рэлігійнае выхаванне дзяцей ў іх сем'ях: «Толькі помню, мама мне ўсё цвічыла, каб Богу малілася... А я не хацела, вот... Дык там, дзе мы жылі, разам “рускія” (праваслаўныя – аўт.) жылі, а рускія дзеці нам ніколі не гаварылі, што там іх вучаць... А нам кумуніі нада было вывучыць. Я з сябрамі сваімі сабяруся, а яны не кажуць, што нешта вучаць, там кумуніі ці што... Дык і мне не хацелася...».⁸

Для савецкіх часоў характэрна адмоўнае стаўленне дзяржавы да рэлігіі. Аднак, большасць рэспандэнтаў адзначалі, што ў сем'ях захоўваліся рэлігійныя традыцыі. Перш за ўсё, праявай захавання традыцый было імкненне большасці ахрысціць дзяцей (часам для гэтага ехалі ў іншы населены пункт, раён і г.д.), выканаць пахавальны абрад з запрашэннем святара. Дзіцячыя ўспаміны сучасных бабуль і дзядуль з'яўляюцца цікавай крыніцай, якая здольная раскрыць дадзены аспект.

Важным аспектам сацыялізацыі дзіцяці было ўключэнне яго ў сістэму роднасных адносін. Першымі асобамі, якія ажыццяўлялі маральнае, працоўнае, этычнае і іншыя віды выхавання былі маці і бацька. Аб ролі ў жыцці дзяцей напісана шмат. Этнаграфічны матэрыял з Падзвіння толькі падцвярджае існуючыя даследчыцкія абагульненні і высновы.

У рэальных бытавых умовах, характэрных для пачатку ХХ ст., даволі частымі былі сем'і з матчыхай ці вотчымам. Да гэтага прыводзіла высокая жаночая смяротнасць пры родах, цяжкая, знясільваючая фізічная праца для мужчын і жанчын у вёсцы, распаўсюджанне інфекцыйных захворванняў. Сярод апрошаных намі рэспандэнтаў, дзяцінства якіх праходзіла ў пачатку ХХ ст., нярэдка сустракаюцца такія, што гадаліся ў сем'ях з матчыхай ці вотчымам. Традыцыйна, да асобы матчыхі ў народнай культуры негатыўнае стаўленне (што замацавана ў казках, дзе матчыха прысясняе сірату). Аднак сярод рэспандэнтаў, апрошаных намі, не было заўважана негатыўнага стаўлення да матчыхі, яны ўзгадваюць пра яе без адмоўных эмоцый: «Матчыха нас, як зараблялі, то і наказавала. Быў брацік у мяне маленькі. Нада было яго глядзець, пакуль матчыха карову доіць, у поле выганяць раннем... Яна мяна разбудзіла і пайшла. Яна прыйшла, а я сплю, а ён – плачыць... Ну, мне і папала... Вот як зарабляла... Якое маё дзецтва... А за стол усе садзіліся: што ейныя дзеці елі, тое і мы... Толькі тады не было

⁷ Запісала Андрыеўская С.У. ад Шынкевіч А.І., 1951 г.н., в. Іказнь Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

⁸ Запісала Андрыеўская С.У. ад Усовіч А.Ф., 1936 г.н., в. Горкі Міёрскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

чаго даваць...».⁹

У працэсе сацыялізацыі і выхавання дзяцей у беларускай сям’і разам з бацькам і маці вялікую ролю адыгрывалі іншыя прадстаўнікі роду: браты, сёстры, дзядулі, бабулі, цёткі, дзядзькі, пляменнікі і г.д. Дзякуючы наяўнасці радні дзейнічаў механізм замяшчэння ролевых функцый бацькоў (у выпадку іх смерці) іншымі роднымі. Ролю бацькі здольныя былі выконваць дзед ці дзядзька, а ролю маці – сястра, цётка ці бабуля. Аб гэтым нярэдка ўзгадвалі рэспандэнты: *«Родам я з дзярэўні тут недалёка ва Ушацкім раёне, радам тут. Мама мая памёрла, мне было 12 гадоў. Нас дваіх з сястрой узяла да сябе баба. А ў вайну бабіна хата згарэла, мы жылі ў баньке...»*¹⁰

Важную ролю ў выхаванні дзяцей адыгрывалі родныя бабуля і дзядуля. Дзядуля выконваў розныя дробныя работы па гаспадарцы, віў вяроўкі, плёў кошыкі, пасвіў скаціну і г.д. Каля яго завіхаліся дзеці, якія вучыліся майстэрству, слухалі розныя жыццёвыя гісторыі, казкі. Часта выхаваннем унукаў займалася бабуля, яна, па сведчанні этнаграфічных дадзеных, з большай увагай ставілася да ўнукаў, чым маці, занятая паўсядзённай працай. Пазбаўленыя большай часткі сваіх асабістых інтарэсаў, састарэлыя бабулі былі занятыя клопатам аб сваіх дзецях і асабліва, аб унуках [1, с. 169]. З 2-й паловы XX ст., калі вясковыя бабулі і дзядулі сталі атрымоўваць пенсію (а значыць, і матэрыяльную незалежнасць, ад працаздольных членаў сям’і), яны імкнуліся парадаваць унукаў не толькі сваёй увагай, але і падарункамі. Традыцыйнай для гарадскіх дзяцей на Падзвінні у канцы XX ст. стала праводзіць лета ў вясковых бабулі і дзядулі, дзе яны не толькі адпачывалі ў час летніх канікул, але і далучаліся да народнай культуры праз мову і сялянскі побыт.

Сацыяльныя сувязі адыгрывалі важную ролю у сацыяльнай інтэграцыі вёскі. На другой лініі роднасці знаходзіліся дваюрадныя браты і сёстры, дзядзькі, цёткі, пляменнікі і пляменніцы. У традыцыйнай сям’і прызнавалася роднасць траюрадных братоў, сяцёр, а таксама пляменнікаў і пляменніц [1, с. 169]. Ва ўмовах урбанізацыйных працэсаў другой паловы XX ст. цесныя сямейныя сувязі, характэрныя для традыцыйнага грамадства, разбураліся, найбольш істотнымі фактарамі для падтрымання роднасных сувязяў сталі такія, як ступень адлегласці, пачуццё прыязні ці непрыязні, асабовая несумяшчальнасць і г.д.

Гульня непарыўна звязана з этнічнай культурай. Нацыянальна-адметнае

⁹ Запісала Андрыеўская С.У. ад Лісоўскай М.М., 1925 г.н., в. Горкі Верхнядзвінскага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

¹⁰ Запісала Андрыеўская С.У. ад Кавалёвай А.А., 1938 г.н., в. Заазер’е Полацкага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

знаходзіць сваё адлюстраванне ў асаблівасцях стылю гульні, у спосабах яе вар’іравання, а таксама ў прыродазгоднасці гульніў, адпаведнасці гульніў прыродзе роднага краю [1, с. 202].

Гульня як сродак народнай педагогікі, пачынае выкарыстоўвацца з самага ранняга перыяду жыцця дзіцяці. Маці першая ажыццяўляе гульнівыя дзеянні з немаўляці, суправаджае іх прыгаворамі. Адначасова з гульнімай маці прагаворвала забаўлянку тыпу: «Кую, кую ножку, паеду ў дарожку...», ажыццяўляла фізічныя практыкаванні, гладзіла, злёгка стукала па ножках, калыхала дзіця. Такім чынам, дзіця адначасова чула родную мову, атрымлівала вопыт першых станоўчых эмоцый, а маці ажыццяўляла массаж цела немаўляці. Пачынаючы з 2–3 гадоў, дзеці пачынаюць імітаваць паводзіны дарослых у сваіх гульнях, выкарыстоўваць у гульнях прыродны матэрыял.

Для 2-й паловы XX ст. характэрна страта гульнямі нацыянальных адметнасцей, інтэрнацыяналізацыя дзіцячых гульніў, асабліва ва ўмовах горада. Па-ранейшаму, дзеці актыўна выкарыстоўваюць прыродны матэрыял для гульніў. Гэта тэндэнцыя характэрна для ўсёй тэрыторыі Беларусі, у тым ліку і для Падзвіння.

Адносна дзіцячых цацак можна сказаць, што ў кан. XIX – пач. XX стст. на тэрыторыі Падзвіння шырока былі распаўсюджаны як цацкі для дзяцей, якія рабілі рамеснікі (разбярэ па дрэву, ганчары і інш.), так і цацкі, што выраблялі самі дзеці.

Аднак, па ўспамінах рэспандэнтаў, яшчэ ў 50-я гады XX ст. пакупная цацка была вялікай рэдкасцю для сельскіх дзяцей, а цацкі мясцовых сельскіх майстроў былі даступнымі і таннымі. Адна з рэспандэнтак ўзгадвае: *«Ездзілі па вёсках карабейнікі, яны сабіралі трапкі, металалом, паперу. За тое, што дзеці ім прыносілі гэта, яны давалі дзецям цацкі-свістулькі, ці бусы якія...»*.¹¹

Дзеці выраблялі цацкі і самі, з прыроднага матэрыялу: трэсак, травы, галінак дрэў і г.д., таксама ў якасці цацак выкарыстоўвалі прадметы дарослага побыту. Да кан. XX ст. самаробныя цацкі майстроў страцілі сваю гульнівую функцыю і ператварыліся ў сувеніры, паколькі, у побыце іх канчаткова выцеснілі прамысловыя вырабы. Цацкі беларускіх майстроў з гліны, дрэва, косткі, тканіны захоўваюцца, у асноўным, у музейных калекцыях. У сучаснасці на тэрыторыі Падзвіння дзіцячыя цацкі захоўваюцца ў многіх музеях: Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеі-запаведніку (93 адзінкі), Лёзненскім раённым ваенна-гістарычным музеі (58 адзінак) і інш.

¹¹ Запісала Андрэеўская С.У. ад Гердовай Л.М., 1940 г.н., в. Заазер’е Полацкага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

У традыцыйным грамадстве беларусаў існавала перакананне, што ўдзел дзяцей у некаторых абрадах каляндарнага цыкла неабходны з-за іх уласцівасці ўплываць на сілы і з’явы прыроды, ураджай, прыплод жывёлы. Месца і роля дзяцей у гэтых абрадах была дакладна вызначанай і абумоўленай іх сацыяльным статусам [4, с. 193]. Дзеці прымалі ўдзел як у каляндарных, так і сямейных абрадах.

У доглядзе дзяцей да ХХ ст. захавалася шмат вераванняў і забабонаў, звязаных са здароўем дзяцей. Напрыклад, шырока распаўсюджаны забароны, звязаныя з мышцём дзіцячага адзення напярэдадні рэлігійных гадавых святаў, каб не нанесці шкоды здароўю дзіцяці. Распаўсюджаны паказкі аб тым, што дзіця ў бацькоў нарадзілася калекам, бо хтосьці з іх працаваў у свята або захавалася перакананне ў тым, што малому дзіцяці могуць прынесці шкоду «чужыя» вочы г. д. Таму нават у ХХ ст. і ў пач. ХХІ ст. сустракаецца «уціранне» дзіцяці ад суроцаў падалом матчынага адзення. Іх перавага абумоўлена тым, што найважнейшай задачай бацькоў пасля нараджэння дзіцяці з’яўляецца захаванне яго жыцця і здароўя.

У ХІХ – пач. ХХ стст. смерць дзіцяці не была рэдкай з’явай, што кампенсавалася высокай нараджальнасцю. Таму, першачарговай задачай для бацькоў было хутчэйшае ўключэнне дзіцёнка ў «свет людзей», (пасля чаго смерць не ўспрымалася як нешта страшнае), на што і накіраваны былі традыцыйныя магічныя прыёмы, хрышчэнне і г.д. У сучаснасці ў сувязі з тым, што смерць дзіцяці з’яўляецца надзвычайнай з’явай, гэтая задача адыйшла на задні план і першачарговае месца заняла задача засцеражэння ад траўматызму і хваробаў.

З 2-й паловы ХХ ст. больш даступным для сельскага насельніцтва Падзвіння становіцца медыцынскае абслугоўванне, пашыраецца сетка аптэк і медыцынскіх устаноў: бальніц, фельдшарскіх пунктаў. Гэта прыводзіць да выцяснення з практыкі хатняга лекавання дзіцячых хваробаў магічнымі сродкамі. Часцей у хатняй практыцы лячэння звярталіся да медыкаментаў: *«Ай, бывае, захварэе... Укрываеш, націраеш шкіпінарам з салам»*.¹²

У канцы ХХ ст. адбываецца канчатковая страта пераемнасці магічных сродкаў лячэння дзяцей. Моцны ўплыў урбаністычнай культуры, сродкаў масавай інфармацыі, распаўсюджанне і даступнасць медыкаментаў прывялі да страты архаічнага пласта народнай культуры. Паступова паміраюць носыбіты народных практык, не знайшоўшы пераймальнікаў і паслядоўнікаў.

Такім чынам, традыцыйнае выхаванне дзяцей ўплецена ў само жыццё народа. На тэрыторыі Падзвіння найбольш распаўсюджаным сродкам і

¹² Запісала Андрэеўская С.У. ад Іўкінай В.Ц., 1932 г.н, в. Ізгародзішча Чашніцкага раёна Віцебскай вобласці ў 2011 г.

метадам традыцыйнага выхавання з'яўлялася праца. Широка на Падзвінні выкарыстоўваліся і этнакультурныя сродкі выхавання: прыказкі, прымаўкі, жарты, казкі, песні, звычаі, традыцыі. Умоўна можна вылучыць наступныя накірункі ў традыцыйным выхаванні на тэрыторыі Падзвіння: працоўнае, разумовае, фізічнае, маральнае, эстэтычнае, рэлігійнае выхаванне. Аднак, у рэальным жыцці гэтыя накірункі непарыўна звязаны і ўключаны ў побыт. Таму асноўнымі прынцыпамі сямейнага выхавання з'яўляюцца: цесная сувязь з жыццём, улік узроставых асаблівасцей, непарушнасць і пераемнасць выхаваўчага працэсу. Бадай, самымі моцнымі фактарамі, якія паўплывалі на знікненне традыцый, з'яўляецца ўрбанізацыя і культурная глабалізацыя сучаснага грамадства. У выніку палявых даследаванняў знойдзена шмат прыкладаў захавання старажытных прыёмаў і метадаў, сродкаў выхавання, догляду і лячэння дзяцей, забабонаў, павер'яў, рытуальных дзеянняў, якія практыкуюцца ў XX – пач. XXI ст., а вядомы яшчэ з кан. XIX ст.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Ракава Л.В. Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX – XX стст. / Л.В. Ракава. Мінск : Бел. навука, 2009. 311 с.
2. Нездемковская Г.В. Актуальныя праблемы развіцця этнапедагогікі на сучасным этапе / Г.В. Нездемковская // Мир образования – образование в мире. Науч.-метод. журн. 2010. № 1. С. 66–73.
3. Якубінская А.Д. Традыцыйныя спосабы і сродкі сацыялізацыі дзяцей у беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX стагоддзяў: аўтарэф. ... дыс. канд. гіст.наук, 07.00.07 / А.Д. Якубінская ; БДУ. Мінск, 2009. 22 с.
4. Этнаграфія Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1989. 575 с.

Н.В.Сівіцкая (Мінск, Беларусь)

БЕЛАРУСКІЯ НАРОДНЫЯ МЕТАДЫ НАВУЧАННЯ МОВЕ І ВЫХАВАННЯ КУЛЬТУРЫ МАЎЛЕННЯ

У артыкуле разглядаюцца метады навучання мове і культуры маўлення ў этнапедагагічнай стратэгіі беларусаў. Праведзены аналіз народных традыцый, якія з'яўляюцца вызначальнымі для выбару этнапедагагічных сродкаў, формаў і метадаў адносна суб'екта выхавання.

Ключавыя словы: *этнапедагагічная стратэгія, сацыялізацыя, культура маўлення, народная культура, народна-педагагічныя метады.*

Этнапедагагічная стратэгія беларусаў, пад якой разумеецца сінкрэтычная сукупнасць выхаваўчых прынцыпаў, формаў і метадаў у комплексе з

народнымі ведамі, звычаямі і традыцыямі, мэтанакіравана падключалася да працэсу фарміравання асобы з самага пачатку існавання чалавека і патрабавала выбудоваць выхаваўчы працэс у адпаведнасці з узроставымі і індывідуальнымі асаблівасцямі асобы.

Залогам паспяховай сацыялізацыі асобы і яе наступнай арганічнай інтэграцыі ў традыцыйны соцыум лічылася валоданне мовай і правільным маўленнем. Навучанне мове і выхаванне моўнай культуры было адным з важных момантаў у працэсе выхавання асобы ў традыцыйнай беларускай культуры, у якім былі задзейнічаны наступныя народныя метады [1, с. 112].

Метады выхавання з'яўляліся пераважна сямейнымі, аднак грамадства таксама прымала ўдзел у фарміраванні асобы з дапамогай мэтанакіраванага ўздзеяння: праз выхаванне ў полі грамадскай традыцыі.

З моманту нараджэння практыкавалася непасрэднае вербальнае ўздзеянне на асобу праз выкарыстанне твораў малых фальклорных жанраў (песні-кальханкі, пацешкі і т. п.), а таксама вусны народны дыскурс. Гэта значыць, што з нованароджаным пачыналі размаўляць з першых дзён яго жыцця і спяваць яму няхітрыя песенькі.

Эмпірычныя дадзеныя сведчаць аб тым, што ў традыцыйнай практыцы навучання мове было прынята размаўляць з нованароджаным з першых дзён яго жыцця, паколькі лічылася, што гэта ўплывае на хуткае засваенне актыўнага лексічнага запasu, і, адпаведна, хуткаму навучанню маўленню.

Пазней шырока выкарыстоўваўся метады нагляднага навучання: выхаванцу паказваюць на прадмет, называючы яго, затым прапануюць альбо паказаць на яго самастойна, альбо паўтарыць слова. Такім чынам адбываецца пашырэнне слоўнікавага запasu і засваенне арфаэпічных нормаў мовы, прычым пры навучанні арфаэпічных нормам практыкуецца агрэсіўна-наступальная тактыка.

Пры навучанні моўнай культуры ў народнай традыцыі шырока ўжываўся метады комплекснага ўздзеяння, гэта значыць, што выхаванне моўнай культуры ажыццяўлялася ў комплексе з духоўным і этычным выхаваннем і развіццём асобы. Вялікая роля адводзілася выкарыстанню фальклорных твораў-казак, былічак, легенд і т. п. Вось, напрыклад, пацешка, якая, з аднаго боку, служыць для забавы дзіцяці, але з другога – вучыць правілам бытавых паводзінаў:

- *Сіка-сіка, падай лыка.*
- *Нашто лыка?*
- *Пугу віць*
- *Нашто пуга?*

– Сіку біць¹³.

Альбо пацешка, якая вучыць правілам абрадавых паводзін:

Верабейка памёр, яму вечны пакой.

А лісіца галасіла,

Муха клёцкі мясіла,

Камар дошкі часаў,

Мядзведзь ямку капаў,

Верабейку хаваў¹⁴.

Або пацешка, якая развівае пачуццё патрыятызму:

Жылі ў бацькі тры сыны,

Усе тры звалісь Васілі.

Адзін лапці пляце, другі дровы сячэ.

Трэці сядзе на камені,

Дзержыць дудку на рамені.

«Ах ты, дудачка мая,

Весялушачка мая!

Весяліла мяне ў чужой старане,

А чужая старана хлеба-солі не дала»¹⁵.

Шырока прымяняюцца метады гутаркі, тлумачэнні. Пачынаючы з 4 гадоў дзіцяці распавядалі казкі: спачатку кароткія, пра жывёл, далей больш доўгія – чароўныя і на сацыяльна-бытавыя тэмы.

Папулярным з'яўляецца метада дэманстратыўнай антрапатэхнікі. Знаходзячыся практычна ўвесь час побач з дарослымі, дзеці не толькі непасрэдна папаўнялі слоўнікавы запас і навучаліся валоданню ім у тых ці іншых жыццёвых сітуацыях, але і засвойвалі правільнае інтанаванне, расстаноўку акцэнтаў, спосабы вербальнага выражэння экспрэсіі.

У народнай традыцыі выкарыстоўваўся метада «моўнай правакацыі», як правіла, у комплексе з метадамі пакарання і адмоўнага прыкладу. Яму належала вядучая роля ў вырашэнні праблемы ўжывання дзецьмі нецэнзурнай лексікі. Па дадзеных эмпірычных назіранняў, гэты метада з'яўляецца застаецца актуальным па сённяшні дзень. Сутнасць яго заключаецца ў тым, што дзіцяці прапануецца паўтарыць услед за дарослым якое-небудзь нецэнзурнае слова, у выніку чаго ён неадкладна падвяргаецца насмешкам з боку дарослых.

Такім чынам, традыцыйныя народныя метады навучання мове і культуры

¹³ Асабістыя запісы аўтара.

¹⁴ Асабістыя запісы аўтара.

¹⁵ Асабістыя запісы аўтара.

мовы з'яўляюцца актуальнымі і на сённяшні дзень і могуць актыўна выкарыстоўвацца ў стратэгіі навучання дзяцей.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Беларусы : у 8 т. Т. 5: Сям'я / В.К.Бандарчык [і інш.]; рэдкал.: В.К.Бандарчык [і інш.]; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Нац. акад. навук Беларусі. Мінск : Беларуская навука, 2001. 375 с.

А.Дз. Якубінская (Мінск, Беларусь)

САЦЫЯЛІЗАЦЫЯ ДЗЯЎЧЫНКІ Ў ТРАДЫЦЫЙНЫМ ГРАМАДСТВЕ БЕЛАРУСАЎ

У артыкуле праведзены аналіз матэрыялаў другой паловы XIX – першай паловы XX стст., вылучаны асноўныя этапы і вызначаны асаблівасці сацыялізацыі дзяўчынкі ў традыцыйным грамадстве беларускіх сялян.

Ключавыя словы: *традыцыйная сацыялізацыя, дзяцінства, беларускія сяляне, школа мацярынства.*

Працэс сацыялізацыі чалавека пачынаецца з моманту нараджэння і працягваецца ўсё жыццё, ён суправаджаецца зменай яго сацыяльных статусаў, якія фарміруюць асобу чалавека. Самым важным у гэтым працэсе з'яўляецца вопыт, атрыманы ў дзяцінстве.

Уваходжанне дзяцей у традыцыйнае грамадства беларускіх сялян у другой палове XIX – першай палове XX стагоддзяў (традыцыйная сацыялізацыя) ажыццяўлялася пры дапамозе спосабаў і сродкаў сацыялізацыі, што залежаць ад традыцыйных узораў паводзін і светапогляду, пры іх дапамозе ажыццяўляецца перадача новаму члену супольнасці яе традыцыйных культурных каштоўнасцяў, а таксама набываюцца адпаведных сацыяльных роляў. Сістэма асноўных «стрыжнёвых» каштоўнасцяў, якія служаць падмуркам сацыяльных паводзінаў і мэтаў, да якіх імкнуцца людзі, з'яўляецца часткай іх традыцыйнай культуры і транслюецца з пакалення ў пакаленне.

Асноўнай мэтай сацыялізацыі дзяцей ва ўзросце ад нараджэння да 6–8 гадоў было фарміраванне паўнаўважанага члена сялянскай супольнасці шляхам іх далучэння да здаровага ладу жыцця. Таму асноўнымі спосабамі і сродкамі сацыялізацыі ў гэтым узросце, з'яўляліся традыцыйныя спосабы і сродкі забеспячэння здароўя дзяцей (аднолькавыя і для хлопчыкаў, і для дзяўчынак): культура кармлення і харчавання, спецыяльная вопратка немаўлят, спосабы прафілактыкі і лячэння дзіцячых хвароб, спосабы і сродкі для авалодання дзецьмі тэхнікай цела. Невялікія адрозненні існавалі

толькі ў нашэнні дзецьмі пояса: дзяўчынкі насілі пояс на таліі ці крыху вышэй.

Першая змена сацыяльнага статусу дзяўчынкі маркіравалася рэшткамі сямейных пераходных абрадаў – «разразанне путцаў» (калі дзіця пачынала хадзіць), «пастрыжыны» (абрад першага падстрыгання валасоў ва ўзросце каля года). Другая змена сацыяльнага статусу дзяўчынкі адбывалася ва ўзросце двух – трох гадоў, што адзначалася зменай месца ў жыллёвай прасторы сялянскай сям’і: дзіця пакідала калыску, займала печ, палок, далучалася да старэйшых братоў і сяцёр, тым самым уключаючыся ў дзіцячую суполку.

Асноўнай мэтай працэсу сацыялізацыі другога перыяду дзяцінства (узрост ад 6–8 да 12–14 гадоў) было фарміраванне ў дзяўчынак жаночай адаптацыйнай стратэгіі, якая павінна была забяспечваць набывшчэ адпаведнай сацыяльнай ролі. У гэтым перыядзе асабліваю ролю адыгрываў памежны ўзрост 6–8 гадоў, калі дзеці канчаткова ўсведамлялі сваю палавую прыналежнасць, што выражалася ў саманазве. Так, дзяўчынку ўжо не называлі агульным тэрмінам «блазнота», які адносіўся і да хлопчыкаў папярэдняй узроставай групы, а «блазноўка» ці «блазнотка», што падкрэслівала яе палавую прыналежнасць. Этымалогія слова «блазн», згодна са слоўнікам У.М. Дабравольскага, вызначаецца як няямлівы, глупы, дурачок, гарэза [1, с. 29]. Такая назва, па-першае, вызначае асабліваці паводзінаў, характэрных дзецям у гэтым узросце (дураслівасць, гарэзлівасць), па-другое, падкрэслівае традыцыйны погляд сялян на дзяцей, якія у гэтым узросце яшчэ не маюць розуму.

У XIX – першай палове XX стст. штаны і спадніцу дзеці ўпершыню апраналі ва ўзросце 5–6 гадоў, што было значнай падзеяй у іх жыцці і адзначала пераход да новай палаўзроставай ступені. Са свайго боку дарослыя імкнуліся замацаваць палавыя ролі сваіх дзяцей знешнімі сродкамі – у першую чаргу вопраткай. Так, М.Я. Нікіфароўскі апісвае абрад апранання першых уласных штаноў хлопчыкам і першай уласнай спадніцы дзяўчынкай [2, с. 47]. Спачатку хлопчыку падціраліся старыя бацькавы штаны, а дзяўчыныцы – старая матчына спадніца, а потым прапаноўвалася іх апрануць. Бацькі пільна сачылі за тым, якую ўпартасць праяўляюць падчас гэтага «складанага» працэсу іх дзеці, каб вызначыць працягласць іх веку. Апасля дзеці апраналіся ва ўласныя рэчы і, калі вопратка знашвалася, яе спальвалі. Дзяўчынка ва ўзросце 6–8 год мела шмат абавязкаў, сярод якіх галоўная роля – гэта роля «нянькі» малодшых братоў і сяцёр. Увогуле, у традыцыйным грамадстве беларусаў дзяўчынку ва ўзросце 6–8 год, як ужо адзначалася, часта называюць «нянькай», бо яе асноўны абавязак – дагляд малодшых дзяцей у сям’і.

Такім чынам, можна адзначыць, што ва ўзросце 6–8 гадоў дзяўчынка

сімвалічна «развіталася» з папярэднім становішчам, адбывалася фіксацыя яе палавой прыналежнасці знешнімі сродкамі.

Разгляд дзейнасці «механізма» сацыялізацыі трэба праводзіць ў межах традыцыйнай гульнявой культуры. У беларускай вёсцы не існавала аднаўзроставых групак, што было звязана з абавязкам шасці – васьмігадовай «нянькі» даглядаць сваіх малодшых братоў ці сяцёр. Традыцыйная беларуская дзіцячая гульня складалася з двух асноўных кампанентаў: жэрабя, або лічылкі, і ўласна гульні. Жэрабя заўсёды насіла нарматыўны, заканадаўчы характар у дзіцячай суполцы, бо з’яўлялася дзейным і аб’ектыўным спосабам пры размеркаванні роляў у гульні. Лічылкі былі важным сацыялізуемым кампанентам, бо падкрэслівалі справядлівасць вынікаў гульні. Лічэнне адбывалася адпаведна прынятай формуле, якіх існавала вялікае мноства не толькі ў розных рэгіёнах Беларусі, але нават у кожнай вёсцы. У некаторых лічылках сустракаецца супрацьпастаўленне хлопчыкаў і дзяўчынак, адпаведна перавазе прадстаўнікоў таго ці іншага полу адбывалася размеркаванне ўмоўных дароў:

Ішоў Ян з Гануляю,

Найшоў мех з цыбуляю.

Ты – Ян, я – Гануля,

Табе мех, а мне цыбуля [3, с. 248].

Наступным пасля лічылкі кампанентам гульнявой дзейнасці дзяцей была ўласна гульня, якую таксама можна разглядаць як частку сацыянарматыўнай культуры. Важнейшую ролю ў працэсе сацыялі-зацы адыгрывалі імітацыйныя гульні. На думку Л.В. Ракавай, менавіта імітацыйныя гульні (гульні, у якіх дзеці імітуюць паводзіны, заняткі, працу, адносіны дарослых) былі важным спосабам узнаўлення вопыту папярэдніх пакаленняў праз перанос дзецьмі на іх уражанняў ад убачанняга ў сям’і [4, с. 108]. Парадак і правілы гульні накіраваны на мадэляванне ролявых адносін паміж яе ўдзельнікамі. Як адзначаюць В.А. Іванова і В.А. Дзмітрыеў паступова рэфлекторная імітацыя перарастае ў «імітацыю аднамернай дзейнасці дарослых», якая суправаджаецца ўключэннем творчых здольнасцяў дзіцяці, накіраваных на спробу спраектаваць пэўную сацыяльную ролю на сябе [5, с. 61]. Гэты працэс адбываецца ва ўзросце 6–8 год, бо дзеці ўжо дакладна вызначаюць сваю палавую прыналежнасць, узмацняецца палавая дыферэнцыяцыя паводзін і напрамкаў іх далейшай дзейнасці. Так, дзяўчынкі калыхалі лялек, запрашалі адна адну «на абедкі», дзе «ласаваліся» пірагамі з пяску, зялёнымі яблыкамі, а таксама, як ужо адзначалася вышэй, спалучалі гульнявую дзейнасць з даглядам малодшых братоў і сяцёр. Паступова дзявочыя гульні ўскладняліся і ператвараліся ў імітацыю сямейных адносін, у сімвалічнае выкананне роляў жанчыны ў

сям'і і сялянскім грамадстве беларусаў.

На гэтых прынцыпах пабудаваны многія дзявочыя гульні, у тым ліку і гульня «Што робіш?», апісаная М.В. Доўнар-Запольскім [6, с. 208]. Праз імітацыю ў ёй асноўных жаночых абавязкаў дзяўчынка паступова атаясамлівала сябе з жаночай роляй у сям'і і грамадстве. Прыкладам атаясамлення дзяўчынак з традыцыйнай роляй жанчыны ў грамадстве з'яўляецца і іх спрадвечная гульня «У лялькі», калі з дапамогай сшытых з кашнікоў або выразаных з дрэва лялек імітаваліся паводзіны маці ў сям'і.

Такім чынам, менавіта з гульнявой дзейнасці для дзяўчынак пачыналася дзейнічаць так званая «школа мацярынства» – культурны феномен традыцыйнага грамадства, накіраваны на фарміраванне ў свядомасці і паводзінах дзяўчыны жаночай адаптацыйнай стратэгіі.

Прыкладна з 6–8 год пачынаецца новы этап у фарміраванні сацыяльнага вопыту дзіцяці, калі істотна пашыраюцца межы яго сацыяльнага свету: дзіця пачынае самастойна будаваць свае адносіны з чужымі, дарослымі і іншымі дзецьмі. Асаблівасцю гэтага ўзроставага перыяду з'яўляецца выкарыстанне дзецьмі дражнілак. Праз дражнілкі дзеці знаёміліся з маральнымі якасцямі і сацыяльнымі нормамі паводзін, прынятымі ў дзіцячым асяроддзі. Актualізацыя выкарыстання дзецьмі фальклорнага матэрыялу прыпадае на перыяд ад 6–8 да 12–14 год, што звязана з хуткім фізічным, псіхічным і сацыяльным развіццём дзіцяці і фарміраваннем камунікатыўнай кампетэнцыі, т. б. своеасаблівых навываў зносін [7, с. 54].

У агульным рэчывы народнай смехавай культуры знахо-дзіліся дражнілкі з супрацьпастаўленнем асоб па полаўзроставай прыкмеце і адпаведным размеркаваннем умоўных дароў:

*Дабы-дабы,
Дзеўкам – жабы,
Тыры-тыры,
Хлопцам – сыры!* [8, с.387]

Цікава, што большасць такіх дражнілак скіравана на высмейванне дзяўчынак і падкрэсліванне перавагі хлопчыкаў. Дадзеная акалічнасць абумоўлена фарміраваннем у хлапечай свядомасці ўяўлення аб больш актыўнай мужчынскай сацыяльнай ролі ў грамадстве у адрозненне ад жаночай. Але ёсць дражнілкі, дзе высмейваліся і хлопчыкі:

*Дождж ідзець – грыбы будуць,
А на хлопцах гарбы будуць.
А на дзевак – роста,
На хлопцаў – кароста,
А на дзевак – красата,
А на хлопцаў – здыхата* [8, с.386].

Магчыма, частка падобных дражнілак была запазычана з фальклору

дарослых, аб чым сведчаць лексемы «хлопцы» і «дзеўкі», якія адсылаюць нас да шэрагу твораў, уласцівых абрадавым пікіроўкам моладзі падчас, напрыклад, Купалля і Масленіцы. У некаторых песнях адбываецца ўзроставае інверсія, калі да дарослых хлопцаў звяртаюцца, як да малых, тым самым, зневажаючы іх:

*Сёння Купала, заўтра Ян,
Будзе, хлопчыкі, ліха вам [9, с. 80].*

Сустракаюцца дражнілкі, у якіх высмейваюцца дзеці абодвух палоў:

*Ад бацвіння – хлопцы свіння,
Ад капусты – дзеўкі тлусты [10, с. 204].*

Далей важным этапам працэсу сацыялізацыі з'яўляўся пераходны да падлеткавага перыяд. Рэшткі старажытных ініцыяцый захаваліся ў дачыненні да змены статусу дзяўчынак гэтага ўзросту. Прыкладна ва ўзросце 10–12 год дзяўчаткі пачыналі насіць у якасці галаўнога ўбору вянок. Вянок – гэта галоўнае ўпрыгожанне дзяўчыны, якое выраблялася з кветак, зеляніны, паперы, пер'я, стужак ў форме кружка і апраналася на галаву. Існавала некалькі відаў вяноў, якія адрозніваліся паводле спосабу вырабу і аздаблення. Найбольш распаўсюджанымі былі – віты вянок (плёўся з палявых кветак, з'яўляўся атрыбутам многіх абрадаў) і вянок-абручык (абгорнуты рознакаляровай тканінай ці паперай абручык з лазы, з прымацаванымі ззаду рознакаляровымі стужкамі) [11, с. 93]. Вянок маркіраваў новы сацыяльны статус дзяўчынкі, магчыма, пачатак яе ўступлення ў шлюбны ўзрост.

Асноўным галаўным уборам дзяўчынак і зімой, і летам была хустка. У гэтым узросце дзяўчынкам звычайна праколвалі вушы. Так, М.Я. Нікіфароўскі даволі падрабязна апісвае працэдуру праколвання вушэй у дзяўчынак, якая адбывалася толькі пры пэўных умовах і абставінах. Падзея павінна была адбывацца падчас першых трох дзён тыдня напярэдадні Вялікадня, але не пазней палудня Вялікага чацвера [12, с. 132]. Праколваць вушы без сведкаў павінна была ўдовая родная бабка дзяўчынкі, або іншая жанчына яе гадоў і сацыяльнага статусу. Ранку да яе зажыўлення трэба было прамываць малаком роднай маці ці малаком іншай жанчыны-карміліцы. Завушніцы звычайна мелі форму кола, што дазваляе правесці паралелі паміж сімвалічным сэнсам кола, якое сімвалізуе жыццё і жыватом цяжарнай жанчыны. Такім чынам адбывалася фіксацыя пераходу да другой узроставай падгрупы ва ўзросце 10 год на побытавым узроўні. Апананне вянка, працэс праколвання вушэй і ўвядзення завушніцаў (як правіла яны мелі форму кола) з'яўляўся своеасаблівай адзнакай гатоўнасці дзяўчынкі да дарослага жыцця, да ролі жанчыны-маці. Той факт, што працэдуру праводзіла жанчына сталага веку і пэўнага сацыяльнага статусу, а ранкі прамываліся мацярынскім малаком, магчыма, магло сведчыць аб сімвалічным далучэнні дзяўчынкі да

жаночай часткі сялянскага грамадства.

Надзвычайную важную ролю ў працэсе сацыялізацыі адыгрывала фарміраванне працоўных навыкаў і абавязкаў дзяцей, бо ў кожным перыядзе дзяцінства працоўная дзейнасць дзіцяці адностроўвала яго сацыяльны статус. Перыяд сацыяльнага сталення ахопліваў ўвесь жыццёвы цыкл дзіцяці: ад нараджэння да 16–17 гадоў. У шаснаццацігадовым узросце падлетак цалкам уключаўся ў працоўную дзейнасць сялянскай грамады. Умацаванне палавых роляў хлопчыкаў і дзяўчынак выклікала іх арыентацыю на далейшую мужчынскую і жаночую працоўную дзейнасць. Працэс авалодання працоўнымі навыкамі і фарміраванне працоўных абавязкаў можна прасачыць на прыкладзе эвалюцыі ткацкага майстэрства дзяўчынак.

У.М. Дабравольскі апісвае цікавы абрад прысвячэння дзяўчынкі ў прахі: 6-8 гадовая дзяўчынка ўрачыста выпрадала першую нітку, якую затым спальвалі. Попел будучая праха павінна была праглынуць, каб мець далейшы поспех у справе прадзення [13, с. 349–350]. На думку даследчыка А.К. Байбурына, абрады выпрадання першай ніткі сімвалізуюць ідэі працягласці і даўжыні веку дзяўчынкі [14, с. 263]. У абрадзе прысвячэння дзяўчынкі ў прахі можна заўважыць рэшткі пераходнага абраду, які не толькі арыентаваў дзяўчынку на далейшую працоўную дзейнасць, але і замацоўваў і яе новы сацыяльны статус, і яе гатоўнасць да набывання працоўных навыкаў ў прадзенні.

Увогуле, у беларусаў існаваў даволі дакладны паэтапны падзел ткацкага майстэрства. Так, гледзячы на гатовую кудзелю, можна было даволі дакладна вызначыць узрост прахі. Дзяўчынкам другога перыяду дзяцінства (ад 6–8 да 10 год) даручалася прасці так званую «атропачную кудзелю», бо ў гэты перыяд адбывалася авалоданне навыкамі прадзіва. А «верхачысную кудзелю» пралі дзяўчаткі пераходнага да падшпаркавага ўзросту 10–14 год, гэта ўжо быў іх асноўны абавязак.

Авалоданне дзяўчынкамі навыкамі ткацкага майстэрства пачыналася прыкладна ва ўзросце 10–12 год, калі іх фізіялагічныя асаблівасці (у першую чаргу рост, даўжыня рук і ног) дасягалі належнага стану, што дазваляла ім свабодна сядзець і працаваць за ткацкім станком. Апытаныя рэспандэнткі распавядалі, што вельмі чакалі таго моманту, калі маці дазволіць першы раз сесці за ткацкі станок, і ўпотай ад яе садзіліся за яго, спрабуючы дацягнуцца нагой да педалі. Жанчыны адзначалі ўрачыстасць таго моманту, калі ўпершыню ўдавалася заняць месца ткачыні, што лічылася вельмі прэстыжным у дзявочай суполцы і таксама служыла своеасаблівай адзнакай пачатку далучэння да жаночых відаў дзейнасці. У гэты перыяд дзяўчынка, якая ўжо мела абавязак прасці кудзелю, пачынала набываць навыкі ў другім этапе ткацкага майстэрства – уласна ткацтве.

Дзяўчынкі не павінны былі выходзіць з-пад матчынага кантролю і з цягам часу ўплыў маці на дачку толькі павялічваўся, таму што дзяўчынку рыхтавалі да ўнутрысямейнага жыцця. Тут уздзейнічаў культурны феномен традыцыйнага грамадства, накіраваны на фарміраванне ў свядомасці і паводзінах дзяўчынкі жаночай адаптацыйнай стратэгіі – «школы мацярынства».

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск : Тип. П.А. Силина, 1914. 1022 с.
2. *Никифоровский Н.Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск : Губернская тип., 1895. 154 с.
3. Дзіцячы фальклор : зб. фальклор. матэрыялаў / рэд. кал. У.А. Васілевіч (наук. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДПУ, 2006. 359 с.
4. *Ракава Л.В.* Гульні і забавы ў дзіцячай традыцыі // Традыцыйная фізічная культура беларусаў: гісторыя, тэорыя, практыка : матэрыялы II Рэсп. канф. па праблемах традыц. фіз. культуры беларусаў, Мінск, 15–16 крас. 1999 г. / БДПУ ; рэдкал. Л.Н. Ціхаміраў [і інш.]. Мінск, 1999. С. 108–110.
5. *Дмитриев В.А., Иванова В.П.* Опыт сравнительно-типологического анализа детских игр // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР: сб. науч. тр. / под ред. А.К. Байбурина. 1994. Ч. 2. С. 56–66.
6. *Довнар-Запольский М.В.* Крестьянские игры в Минской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 203–208.
7. *Осорина М.В.* О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения; под ред. А.К. Байбурина. Л. : Наука, 1985. С. 47–64.
8. Дзіцячы фальклор / склад., уступ. арт. Г.А. Барташэвіч; рэдкал. В.К. Бандарчык [і інш.]; рэд. тома К.П. Кабашнікаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1972. 734 с.
9. Беларускія народныя абрады / склад., навуц. рэд. Л.П. Касцюкавец. Мінск : Беларусь, 1994. 128с.
10. Дзіцячы фальклор : зб. фальклор. матэрыялаў / рэд. кал. У.А. Васілевіч (наук. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДПУ, 2006. 359 с.
11. *Титов В.С.* Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX – начало XX в. Минск : Наука и техника, 1983. 152 с.
12. *Никифоровский Н.Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск : Губернская тип., 1895. 154 с.
13. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник // Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. 1893. Т. 23. Вып. 1. Ч. 2. 443 с.
14. *Байбурин А.К.* Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения: сб. ст. / отв. ред. А.К. Байбурин [и др.]. СПб. : Наука, 1991. 318 с. С. 257–265.

А.А. Фоменко (Витебск, Беларусь)

ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

В статье представлено содержание подготовки будущих учителей к воспитанию подрастающего поколения средствами художественного краеведения. Раскрыты этапы подготовки студентов к воспитанию подрастающего поколения в рамках спецкурса «Художественное наследие родного края» и представлены приемы и тактики кластерно-деятельностного метода как механизма активизации интереса воспитанников к различным видам художественно-краеведческой деятельности.

Ключевые слова: *воспитание, художественное краеведение, кластерно-деятельностный метод.*

В связи с социокультурными, экономическими, политическими изменениями, происходящими как в Беларуси, так и во всем мире, современная система образования претерпевает изменения на всех уровнях, в том числе и в подготовке будущего учителя. В последнее время, ученые и практики, проявляют повышенный интерес к исследованию потенциала воспитательного пространства современной школы.

Эффективным средством воспитания подростков мы рассматриваем школьное художественное краеведение, которое в своем содержании и способах деятельности несет мощный потенциал и является идеальным воспитательным пространством [1]. Вместе с тем, анализ степени изученности проблемы профессиональной подготовки учителей показывает, что недостаточно разработаны педагогические условия подготовки студентов педагогических вузов к воспитательной деятельности средствами художественного краеведения. Это особенно актуально для специалистов, которые будут не только учителями-предметниками, но и будут заниматься проблемами воспитания учащихся. Однако, традиционно сложившаяся в педагогических вузах модель педагогической подготовки не в полной мере способствует формированию готовности к воспитательной деятельности будущего учителя на необходимом уровне [2].

Нами было проведено исследование по выявлению уровня сформированности общих профессиональных умений, необходимых для осуществления воспитательной деятельности средствами художественного краеведения. Так, в частности, был выявлен достаточно низкий уровень сформированности умений студентов в данном контексте. Полученный результат можно объяснить следующими причинами: учебная практика в педагогических вузах начинается не с первого курса, а лишь с третьего; в профессиональной подготовке доминирует предметно-методическая

подготовка; в процессе педагогической практики не каждое образовательное учреждение учитывает и использует возможности художественного краеведения в воспитании учащихся и не стремится оказать высококвалифицированную помощь студентам при выполнении педагогической практики.

Таким образом, основной целью нашего исследования, было определение адекватных педагогических условий для подготовки студентов к воспитательной деятельности через овладение ими способами и видами художественно-краеведческой деятельности.

Нами был разработан спецкурс «Художественное наследие родного края», цель которого подготовить будущих учителей к овладению различными способами организации общения подрастающего поколения с духовным наследием своего края через развитие у последних ценностного отношения к художественной культуре родного края, обогащение духовного мира воспитанников мотивами и навыками личностного самоопределения и творческой самореализации в различных видах художественно-краеведческой деятельности. Для более результативной подготовки студенты были включены в постоянную воспитательную деятельность на базе филиала – гимназии № 3 г. Витебска имени А.С. Пушкина.

Основными задачами подготовки будущего учителя в рамках курса к воспитательной деятельности средствами художественного краеведения были избраны: овладение способами стимулирования у воспитанников внутренних мотивов (интереса) к художественно-краеведческой деятельности; формирования у учащихся опыта самоопределения, выбора предпочитаемых целей и средств художественно-краеведческой деятельности; формирования у них опыта целостной самоорганизации художественно-краеведческой деятельности на рефлексивной основе. В процессе реализации спецкурса студенты также получали возможность овладеть различными приемами и тактиками кластерно-деятельностного метода как основным механизмом включения подростков в различные виды художественно-краеведческой деятельности.

Программа спецкурса включала три этапа: обогащение мотивов опыта; личностное самоопределение; творческая самореализация. Курс состоял из трех блоков – «Я и моя семья», «Я и мой родной город», «Я и моя любимая Отчизна», основой которых является краеведческий принцип «от близкого к далекому», что способствует постепенному погружению школьников в мир культуры родного края, осознанию ценностей родного края через собственную историю и историю своей семьи, культурных ценностей своего народа через культурные ценности своего города [3].

Цель этапа обогащения мотивов и опыта – овладение студентами приемами актуализации интереса подростков к овладению знаниями о

художественной культуре родного края и видам деятельности по ее освоению. На данном этапе будущим учителям предлагалось усвоить следующие тактики и приемы кластерно-деятельностного метода: создание эмоционально-образных, информационных, смыслопоисковых, рефлексивных ситуаций, организация интеллектуально-познавательных игр, дискуссий, творческой деятельности. Им предлагалось принять участие в таких проектах (на выбор), как: «История моего рода в рассказах и фотографиях», «Диалог с веком», «Культурные ценности моей семьи», «Достопримечательности моей родной улицы», «Культурные деятели моей школы» и др.

Основной целью этапа самоопределения явилось создание условий для овладения студентами способами обучения учащихся выбора целей и средств художественно-краеведческой деятельности. К условиям результативности этапа относится создание вариативно-воспитательного пространства, побуждающего к рефлексии предпочтений в выборе целей и средств художественно-краеведческой деятельности, своей позиции в ней. С этой целью предпочтение отдавалось ситуациям выбора, овладению инструментарием ролевой позиции, включение в целеобразование, деятельность по разработке инструментария в избранной позиции, рефлексивную деятельность. Студенты также активно включались в реализацию различных проектов: «Времени таинственная нить», «Истории и легенды города Витебска», «Путешествие в Музей Шагала на машине времени», «Встречи в мастерских скульпторов и живописцев» и др.

Формирование навыков целостной самоорганизации являлось целью 3 этапа. Условие результативности этого этапа включало готовность студентов к овладению способами стимулирования самостоятельности воспитанников в целостной организации художественно-краеведческой деятельности в рамках экскурсионного проекта. На данном этапе студенты овладевали следующими приемами и тактиками кластерно-деятельностного метода: исследовательские задания, различные формы презентаций, поощрение инициативы и самостоятельности подростков, осуществление консультаций. Основные проекты этапа: «Архитектурные памятники Мира и Несвижа», «Краеведческий музей-усадьба. История музея». «Мой любимый экскурсионный маршрут», «Браславщина синеокая».

В рамках каждого этапа студентам предлагались авторские диагностические методики, которые позволят им в дальнейшем выявить особенности протекания и результаты воспитательного процесса в рамках художественно-краеведческого факультативного курса.

Таким образом, данный спецкурс позволил студентам овладеть комплексом педагогических инструментов: диагностических (способы и средства диагностического сопровождения воспитательного процесса);

обучающе-развивающих (система исследовательских и творческих заданий, основанных на выборе целей и средств художественно-краеведческой деятельности в контексте ролевых позиций; рефлексивно-оценочных (заданий на самоанализ и самооценку хода и результатов различных видов художественно-краеведческой деятельности и своей позиции в ней, собственных ощущений, чувств, приобретённых умений и др.

Библиографические ссылки

1. *Катович Н.К.* Школьное краеведение: слагаемые успеха / Н.К. Катович // Адукацыя і выхаванне, 2009. №1. С. 54–55.
2. *Фоменко А.А.* Этапы деятельности педагога по формированию духовных ценностей подростков средствами художественного краеведения / А.А. Фоменко // Педагогическое образование в условиях трансформационных процессов: методология, теория, практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 дек. 2006 г. / Бел. гос. пед. ун-т ; редкол.: А.В. Торхова [и др.]. Минск, 2006. С. 211–214.
3. *Фоменко А.А.* Художественное наследие родного края : методические рекомендации к краеведческому факультативному курсу для студентов педагогических специальностей / А.А. Фоменко. Новополоцк : ПГУ, 2010. 59 с.

Н.П Старавойтава (Мінск (Беларусь))

УНІКАЛЬНЫЯ ПРЫРОДНЫЯ МЯСЦІНЫ БЕЛАРУСІ Ў НАВУЧАННІ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ СТУДЭНТАЎ-ІНШАФОНАЎ (ЛІНГВАКРАІНАЗНАЎЧЫ АСПЕКТ)

Даклад прысвечаны пытанням фарміравання краіназнаўчай кампетэнцыі ў слухачоў, якія вывучаюць беларускую мову як замежную. У прыватнасці гаворка вядзецца пра ўнікальныя прыродныя мясціны Беларусі, такія як: горы, пячоры, мора (гіпотэза пра былое мора), крэйдавыя кар’еры, саяныя тэрыконы, гейзер, ф’ёрды, колішнія вулканы і кратары. Закранаюцца і пытанні, звязаныя з апісаннем традыцыйных водных аб’ектаў і дзікай прыроды Беларусі.

Ключавыя словы: *лінгвакраіназнаўства, прырода Беларусі, унікальныя прыродныя аб’екты, аналіз тэксту, краіназнаўчая кампетэнцыя, міжкультурная камунікацыя.*

У перыяд глабалізацыі і ўзмацнення інтэграцыйных працэсаў у свеце ўзрастае неабходнасць больш глыбокага ўсведамлення дыялогу культур і міжкультурнага ўзаемадзеяння ва ўсіх сферах дзейнасці. Для замежных студэнтаў, якія навучаюцца ў Беларусі, усебаковыя веды, звязаныя з краінай вывучанай мовы, рэаліямі гэтай краіны і нацыянальнымі спецыфічнымі рысамі яе жыхароў, з’яўляюцца неабходнай умовай авалодвання прафесійнай (асабліва у галіне міжнароднай і знешнеэканамічнай дзейнасці,

гуманітарыстыкі). Тэарэтычныя і практычныя веды з лінгвакраізнаўства дазваляць студэнтам ацаніць патэнцыял нашай краіны, магчымасці для арганізацыі турыстычнай дзейнасці. На жаль, навучанне ў Беларусі ў асноўным адбываецца на рускай мове, адпаведна, і з краізнаўствам студэнты знаёмяцца праз прызму рускай мовы, што не зусім правільна, паколькі так у свядомасці навучэнца ўзнікае пэўная «падмена паняццяў»: яны могуць успрыняць рускую мову за чыннік беларускай мадэлі свету. Толькі адзінкавыя ўніверсітэты прапануюць сваім замежным слухачам факультатыўныя курсы на беларускай мове. Аднак, варта адзначыць, што за апошнія пяць гадоў цікавасць да вывучэння беларускай мовы як замежнай сярод студэнтаў-іншафонаў прыкметна ўзрастае: прыкладам, вельмі актыўна пачынаюць закладаць беларусазнаўчы курс у свае навучальныя праграмы нашыя кітайскія партнёры. Найперш іх цікавіць сама беларуская мова як неад’емны чыннік культуры. Далей у сферу зацікаўленняў замежніка ў Беларусі ўваходзяць наступныя галіны:

- 1) унікальныя прыродныя аб’екты;
- 2) адметная архітэктура;
- 3) адмысловыя культурныя традыцыі.

Вывучэнне другога і трэцяга блокаў – адмысловых культурных традыцый і адметнасцяў архітэктуры – ужо даўно вядома. Самыя папулярныя тэксты на занятках замежных моваў ёсць тэксты пра храмы, вядомых асоб, цікавыя святы і абрады. Знаёмства ж з унікальнымі прыроднымі аб’ектамі як першым турыстычным багаццем чамусьці заўжды лічылася прэрагатывай географаў і экскурсаводаў. Таму сёння мы прапануем сціслае апісанне і сістэматызацыю менавіта першага блоку.

Прырода Беларусі ўнікальная, хоць і падобная да прыроды іншых краінаў Заходняй Еўропы. Беларусь вылучаецца спакойнай, мяккай прыгажосцю. Грозных стыхійных з’яваў прыроды тут няма. За такі лагодны, у асноўным, раўнінны ландшафт беларускія краявіды часціком называюць лірычнымі, пейзажнымі, звязваючы гэта з такой славутай рысай беларускага менталітэту, як памяркоўнасць. Беларусь – край густых лясоў, глухіх балотаў, сініх рэк і чыстых азёр. Тут можна сустрэць шмат рэдкіх відаў раслін, птушак і жывёлаў. У краіне рэалізуюцца буйныя прыродаахоўныя практы, стварэння дзяржаўных запаведніка і заказніка [1]. Самі беларусы ў адпачынак выпраўляюцца на пошукі прыгодаў і экзатычных аб’ектаў у далёкія краіны. Але найперш варта было б прыгледзецца да роднай прыроды – яна можа стацца самым прыбытковым пунктам турыстычнага бізнесу. Што ж экзатычнага ёсць у Беларусі, пра што не ведае нават бальшыня беларусаў?

- *Беларускія горы;*
- *Беларуская Швейцарыя;*

- *Лагойскі кратар;*
- *Адзіная пячора Беларусі;*
- *Мазырскія яры;*
- *Гейзер «Кіпятак»;*
- *Прыпяцкія вулканы;*
- *Вадаспад на Вяце;*
- *Вадаспады ў Мікашэвічах;*
- *Беларускае мора;*
- *Тураўскі луг;*
- *Беларуская Амазонка;*
- *Прыпяцкі сафары-парк;*
- *Балотынг, або «Лёгкія Еўропы»;*
- *Лельчыцкія затопленыя дубровы;*
- *Беларускія ф'ёрды;*
- *Беларуская Ісландыя;*
- *Беларускія Мальдывы.*

Агульнавядома, што ў Беларусі гор няма. Аднак беларусы называюць гарамі розныя ўзвышшы. Найбольшая вышыня над узроўнем мора – 345 м – гэта *гара Святая*, што знаходзіцца ў межах Мінскага ўзвышша за 30 кіламетраў на захад ад Мінска, непадалёк ад мястэчка Койданава, у вёсцы Скірмантова. У канцы 1990-х гадоў на гары была ўсталяваная гранітная пліта з надпісам. У цяперашні час узараная. *Лысяя гара* размешчаная ў цэнтры Лагойскага ўзвышша за 20 кіламетраў ад Мінска, яе вышыня – 342,2 м над узроўнем мора. На тэрыторыі Беларусі амаль у кожным рэгіёне ёсць свая Лысяя гара. Гара ўтвораная з марэнавых суглінкаў, схілы пакрытыя лугамі, лесам і хмызняком. У адрозненне ад гары Святой гара Лысяя ўяўляе з сябе даволі эфектнае відовішча. Яна вядомая яшчэ і тым, што там знаходзяцца лецішчы многіх беларускіх пісьменнікаў, адзін з якіх – Ніл Гілевіч – нават напісаў сатырычную паэму «Сказ пра Лысую гару». *Гара Маяк* – гэта самая вядомая гара, назіральная кропка Браслаўскіх азёраў. Гара Маяк – самы высокі пагорак Кезікоўскіх гор (паводле назвы вёскі Кезікі). Кожны пагорак мае сваю красамоўную назву: Белая гара, Лысяя гара, Дзедава печ, Каменная гарушка, Пілікальная і іншыя. Яе вышыня над узроўнем мора – 174 м. У пачатку XX стагоддзя на вяршыні пагорка была пастаўленая вышка, менавіта таму гара атрымала назву Маяк – раней яна называлася Бізня. Асабліва прыгожыя пейзажы адкрываюцца з гары Маяк ў трохі воблачнае надвор'е, калі аблогі і сонечныя промні, што прабіваюцца праз іх, мудрагеліста адлюстроўваюцца ў азёрах, якія ляжаць каля гары, ствараючы неверагодную гульню цені і святла. Так, на поўначы бачная мяжа з Латвіяй, а перад ёй – мачта ветраной электрастанцыі і вежы касцёлаў вёскі

Плюсы. І зусім блізка да гары – возера Снуды ў кампаніі лясістых узгоркаў. На ўсходзе ад гары Маяк дзівоснай мазаікай збягаюць удалачынь вяршыні Кезікоўскіх гор і лагчын лясоў. А на поўдні вымалёўваюцца абрысы касцёла вёскі Іказнь і Замкавая гара ў Браславе. На пярэднім плане – возера Струста са шматлікімі астраўкамі. На захадзе удалечыні бачны касцёл вёскі Слабодка, а на пярэднім плане – лясісты паўвостраў Перавалока ў асяроддзі палёў, пагоркаў і пералескаў. На гэтым пярэмыку ёсць зручныя для купання месцы [2]. Як бачым, на аснове гэтай і наступнай інфармацыі можна стварыць разнастайныя тэксты і заданні, лінгвістычныя гульні, прэзентацыі. Прырода – гэта вельмі ўдзячны матэрыял да ілюстравання.

Халмісты рэльеф Лагойшчыны атрымаў у народзе назву «*Беларуская Швейцарыя*». Падобныя назвы шмат кім лічацца непатрыятычнымі, але мы іх выкарыстоўваем менавіта з пункту гледжання не беларуса, а замежнага навучэнца, які, будучы знаёмым з асаблівасцю некаторых вядомых мясцін у свеце, ужо можа арыентавацца, чаго яму чакаць ад пэўнага беларускага аналогу. «Беларуская Швейцарыя» сфармаваная пад уплывам ледавіка, адрозніваецца сваёй разнастайнасцю: маляўнічыя ўзвышшы змяняюцца глыбокімі лагчынамі. Неаднародны ландшафт разам з ляснымі масівамі і ракой Гайнай, сфармавалі ў турыстаў і гасцей гэтых месцаў ўспрыманне Лагойска менавіта як Швейцарыі. Нездарма тут размясціліся тры найбуйнейшыя горналыжныя курорты Беларусі – «Раўбічы», «Лагойскі» і «Сілічы».

Можа здацца дзіўным, але ў Беларусі маецца нават свой кратар – *Лагойскі кратар*. 35–40 мільёнаў гадоў таму, калі поўдзень сучаснай Беларусі быў дном акіяна, а Лагойшчына была яго ўзбярэжжам, там упаў сапраўдны метэарыт, што ўтварыў кратар дыяметрам у 14 кіламетраў і глыбінёй каля 1000 метраў. Ён быў адкрыты навукоўцамі падчас геалагічнай выведкі ў 1973 годзе. Там вынайшлі алмазы, адзін з якіх быў нават чорным. На жаль, іх пылападобны памер не дае шанцаў на іх практычны ўжытак. Цяпер у гэтай забалочанай мясцовасці стаяць некалькі вёсак, бягуць рэкі. Усе знешнія прыкметы вялізнага кратара былі зраўняныя ледавіком і эрозіяй глебы [3].

У Беларусі таксама вынайшлі пакуль *адзіную* невялікую *пячору* – блізка вёскі Сахновічы Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці, ля возера Гінькава. Яна была вымытая ў пячаніку падчас апошняга, Валдайскага абледзянення. Гэтая пячора неглыбокая, там з цяжкасцю змяшчаецца дарослы чалавек, аднак мясцовыя жыхары сцвярджаюць, што раней пячора была большая. Уваход у пячору (правая дзірка) досыць вузкі, але сярэднестатыстычны чалавек пралезе туды без асаблівых праблем. Знутры – гэта шыкоўны «шкурнік» на працягу 2 метраў. Далей адкрываецца від на першую і адзіную залу. Агульная даўжыня пячоры прыкладна 10 метраў. З прычыны таго, што

пячора ўтвораная пячанікам, вочы рэдкага спелеолага радуюць не сталакіты і сталагміты, а эразійныя ўтварэнні. З гэтай пячорай звязана шмат легендаў [4].

Самыя вядомыя яры ў Беларусі – *Мазырскія яры*. Знаходзяцца на Палессі. Знакамітыя перш за ўсё сваім унікальным рэльефам: сістэма узвышшаў са стромкімі схіламі, пакрытымі густой расліннасцю – бадай адзінае месца, дзе ў Беларусі растуць букі. Той, каму давялося падарожнічаць па Карпацкіх гарах, напэўна, адчуе штосьці знаёмае. Адметнасць Мазырскіх яроў яшчэ і ў тым, што яны амаль цалкам знаходзяцца ў межах раённага цэнтра, па дне некаторых «каньёнаў» праходзяць вуліцы – гэта надае частцы гарадской забудовы асаблівую маляўнічасць. Іх узнікненне стала магчымым дзякуючы ледавіку, які пакрываў 250 тысяч гадоў таму ўсю тэрыторыю Беларусі. З яго наносаў і сфармаваўся незвычайны ландшафт, што ніяк не чакаеш сустрэць пасярод палескіх раўнін [4].

Тым, хто марыць убачыць *гейзеры*, зусім не абавязкова адпраўляцца на Камчатку або ў Ісландыю – дастаткова наведаць незвычайную крыніцу ў лясной лагчыне паміж вёскамі Ясянец і Пруды Наваградскага раёна. Не так даўно там быў адкрыты самы сапраўдны *гейзер*, з гаваркім назовам *Кіпятак*. Незалежна ад паравіны года вада ў ім бурліць, нібы ў імбрыку. Зразумела, ні пра якую вулканічную актыўнасць у дадзеным выпадку гаворка не ідзе. Таму і тэрмін «гейзер» у дачыненні да Кіпятка не без падставаў бяруць у двухоссе. Вада тут дастаткова халодная, яе тэмпература на працягу года застаецца стабільнай – 9 градусаў [4].

Цікава, але шкадаваць пра тое, што ў Беларусі няма ніякай вулканічнай актыўнасці, таксама не выпадае – *вулканы ў нас усё ж ёсць*. Усе яны сканцэнтраваныя ў *даліне ракі Прыпяць*. Падчас пошуку нафты і газу на Палессі геалагі знайшлі там ад двух да шасці вулканаў, што былі актыўныя 350–370 мільёнаў гадоў таму. Не выключана, што гэтыя вулканы могуць і адрадіцца, аднак не раней за 100–150 мільёнаў гадоў [5].

Беларусь можа пахваліцца і ўласным *вадаспадам* на невялікай маляўнічай *рэчцы Вяце*, што працякае па лясах і лугах Мёрскага раёна. У пачатку XX стагоддзя мясцовы прадпрымальнік Альгерд Аскерка пабудаваў электрастанцыю, якая павінна была забяспечваць энергіяй размешчаную побач папяровую фабрыку. Дзеля таго, каб яна працавала больш эфектыўна, збудавалі з каменя сцяну вышынёй больш як два метры. Гэтага было цалкам дастаткова, каб вынік прыкладзеных намаганняў мог афіцыйна называцца вадаспадам. Сёння ад будынкаў засталіся толькі руіны, якія практычна зліваюцца з мясцовасцю, а вада працягвае струменіцца па камянях, прыцягваючы з кожным годам усё больш турыстаў [4]. Яшчэ *некалькі вадаспадаў ёсць у кар'еры Мікашчэвічы*, што ў Лунінецкім раёне. Гэта адзін

з найбуйнейшых гранітных кар’ераў Еўропы – там здабываюць самыя шчыльныя прыродныя граніты, якога няма больш нідзе. Турыста зачароўвае шырокая гама колераў і адценняў ад ружовага да чорнага. Чым больш цёмны граніт, тым ён больш моцны, а калі ружовы, значыць побач была крыніца. Адчуванне такое, нібы трапіў у горную мясцовасць і мусіш спусціцца па стромкім серпантыне на дно цясніны дзесьці ў Міжземнамор’і. Сваіго часу там здымалі кіно пра Чачню – і ніхто не здагадаўся, што гэта поўдзень Беларусі. Вада на дне – як артэзіянская, камень вельмі чысты – тут знаходзілі крэмній і бурштын, а таксама – іклы маманта. Амаль з кожнага гарызонту прабываюцца грунтовыя воды, якія дзе-нідзе ўтвараюць сапраўдныя вадаспады. Гадоў праз 25–30 тут будзе возера, па глыбіні параўнальнае хіба што з Байкалам. А яшчэ вельмі чыстае, бо дно каменнае. Такого возера, якім калісьці стане Мікашэвіцкі кар’ер, сапраўды няма ў Беларусі [6].

На тэрыторыі сучаснай Беларусі *мора* няма, але ў гістарычным часе беларусы мелі сваё мора: за кіраваннем Вялікага князя Вітаўта абшары Вялікага Княства Літоўскага распасціраліся ад Балтыкі да Чорнага мора. Акрамя таго, геологі сцвярджаюць, што мільёны гадоў таму на тэрыторыі Берасцейскай катлавіны і Прыпяцкай упадзіны таксама было сапраўднае мора, якое пасля накрылі ледавікі [7, с. 81]. Вядомыя антычныя гісторыкі Геродот пісаў пра мора на тэрыторыі Палесся, балоты якога цяпер так і называюць «*Геродотава мора*». Пра існаванне ў старажытныя часы на беларускіх землях мора сведчаць вялікія радовішчы солі пад Салігорскам, якія згадаем далей, і персанажы беларускай міфалогіі – Ядзеркі [8, с. 812], міфалагічныя жыхаркі мора, тры родныя сёстры, марскія каралеўны. Ёсць у беларусаў і Заслаўскае вадасховішча, якое беларусы называюць морам – *Мінскае мора* размешчана зусім недалёка ад Мінска. Яно было штучна ўтворанае ў 1956 годзе плацінай на рацэ Свіслач для барацьбы з паводкамі ў Мінску. Вадаём мае 10 выспаў і камфортную інфраструктуру.

Першы і пакуль адзіны недзяржаўны заказнік Беларусі «*Тураўскі луг*» знаходзіцца на разліве ракі Прыпяць. Штогод разлівы ператвараюць яго ў сетку выспаў, на якіх птушкі ладзяць калоніі, калі ў часы сезонных міграцый спыняюцца на адпачынак. Вядома, гэтыя калоніі не такія вялікія і шумныя, як птушыныя кірмашы, якія можна знайсці па ўсёй Паўночнай Атлантыцы, але паглядзець ёсць на што. Сотні замежных бёрдвотчараў наведваюць Тураўшчыну ўвесну, каб назіраць за рэдкімі птушкамі і фатаграфавалі іх [4].

Нездарма раку Прыпяць называюць *беларускай Амазонкай*, таму што яна вядомая сваім капрызным норавам і непрадказальнасцю. Хуткая і звілістая, яна нясе свае воды па Палессі, разліваючыся вясной і ствараючы неймаверныя па сваёй прыгажосці пейзажы. Пазнаёміцца з гэтым унікальным кутком прыроды можна, наведаўшы *Нацыянальны парк*

«Прыпяцкі». Некалькі гадоў таму на тэрыторыі парку з'явіўся першы ў Беларусі *сафары-парк* плошчай 4,7 тыс. га. У парку дзікіх жывёл ёсць зубры, ласі, алені, дзікі, казулі, а таксама еўрапейская лань. Па парку пракладзеныя экалагічныя маршруты працягласцю ў 32 кіламетры. Аматыры рыбалкі таксама знойдуць для сябе заняткаў на тэрыторыі парку. Па сома, шчупака, судака, ляшча, язя, жэраха сюды едуць не толькі з усёй Беларусі, але і з іншых краін [9].

Беларускія балоты (іх каля 9 212) – унікальныя прыродныя комплексы, занесеныя ў Кнігу рэкордаў Гінеса, паколькі паводле сваіх маштабаў і разнастайнасці формаў жыцця яны не маюць аналагаў у Еўропе. Еўрапейцы, якія даўно асушылі свае балоты, нават назвалі Палескую нізіну «*Еўрапейскай Амазонкай*». Таксама беларускія балоты называюць «*лёгкімі Еўропы*», бо яны не проста выпрацоўваюць багата кіслароду, але і з'яўляюцца адзінымі ў Еўропе балотамі, што аднаўляюцца натуральным чынам. Адны з самых старажытных балотаў на тэрыторыі Беларусі – *палескія*. Іх узрост каля 11 тысяч гадоў, але яны не самыя глыбокія (1.5 м). *Віцебскія* балоты глыбейшыя – да 9 м, але і значна маладзейшыя за палескія (5–6 тысяч гадоў). Балоты падзяляюцца на тры тыпы – верхавыя, пераходныя і нізінныя. Тып балотаў залежыць ад іх мінеральнага харчавання. На сённяшні дзень карысць балотаў неацэнная. Мікраклімат балотаў і тыповая расліннасць ўтвараюць унікальную фаўну. Балоты з'яўляюцца домам для рэдкіх птушак і жывёл – менавіта тут жывуць аўдотка, чорная гагара, шэры журавель, беркут. Па беларускіх балотах не блукалі дагістарычныя звяры, затое першыя людзі сяліліся менавіта на балоце: адну са стаянак часоў мезаліту археолагі знайшлі недалёка ад вёскі Завоссе ў Баранавіцкім раёне. Балоты баранілі ад ворагаў, кармілі і лекавалі – у балоцістай мясцовасці заўсёды расце шмат гаючых траваў. У падзяку людзі каменнага веку прыносілі балотам ахвяры – на працягу многіх стагоддзяў балоты захоўвалі прадметы паганскіх культаў і абярэгі. Не дзіўна, што балоты ў беларусаў маюць сваіх міфічных ахоўнікаў – гэта браты Балотнік, Багнік і Аржавень, а таксама – Лознік. Цмок – беларускі Змей Гарыныч – таксама жыве на балоце. Менавіта «балотны архетып» паўплываў на фарміраванне спакойнага і памяркоўнага характару беларусаў: «*Людзі на балоце*», як пісаў у сваім славутым рамане Іван Мележ. Каб лёгка хадзіць па балоце, беларусы нават вынайшлі балотныя лыжы. Але да сёння некаторыя беларускія балоты часам называюць глухімі, бо там ніколі не ступала нага чалавека. «*Жамчужына Беларусі*» сярод болот – *балота Ельня*, якое з'яўляецца своеасаблівым прыродным летапісам далёкай ледніковай эпохі. На яго тэрыторыі знаходзіцца 118 азёр. У цяперашні час балота Ельня набывае ўсё большую вядомасць як турыстычны аб'ект. Па беларускіх балотах цяпер пракладаюць турыстычныя

маршруты: *балотынг* – наша альтэрнатыва гарам [10, с. 76].

Сваёй экзотыкай вабяць *затопленыя дубровы ўздоўж ракі Убарць* Лельчыцкага раёна Гомельшчыны. Турысты могуць арэндаваць човен і паплаваць проста ў лесе, захапляючыся неверагодна прыгожымі краявідамі. Акрамя таго, у гэтым жа раёне, у вёсцы Глушкавічы можна назіраць і «*беларускія ф'ёрды*». Калісьці на гэтых кар'ерах працавалі амаль усе мясцовыя жыхары. Тут здабывалі абліцавальны камень. Частку рыхтавалі для *сталічнай падземкі*, іншая ішла на стварэнне бруку. Пасля таго як кар'еры закінулі, яны напоўніліся вадою, утварыўшы дробныя азёры з прыгожымі гранітнымі берагамі і пышняй расліннасцю [11].

Калі хтосьці марыць пабываць на Марсе, тады вам на *Салігорскія тэрыконы* (Салігорскія горы), якія называюць *Беларускай Ісландыяй*. Саліяны адвалы ствараюць сапраўды няземныя ландшафты даўжынёю ў некалькі гектараў, а вышынёю да 120 метраў. Касмічныя пейзажы ружовага колеру, у глыбокіх барознах і расколінах, нагадваюць раскрытае нутро зямлі. Гэтыя велізарныя солеадвалы ўтварыліся ў выніку руплівага пошуку сільвініту, які ўяўляе з сябе найважнейшую сыравіну для атрымання хларыду калію, то бок калійнай солі. На гэтыя горы лепш глядзець з боку, паколькі схілы насыпаў вельмі няўстойлівыя, пад нагамі лёгка абсыпаюцца, а ў дождж робяцца вельмі слізкія. Сярод мясцовых жыхароў існуюць байкі пра людзей, якія праваліліся ў тоўшчы гор. Кажуць, у адвалах ёсць пустэчы і расколіны, прыкрытыя тонкай скарынкай. Тэрыконы лічацца прамысловымі адходамі і фармальна забароненыя да свабоднага наведвання. На пад'ездах да тэрыконаў усталяваныя папераджальныя таблічкі, асфальтавая дарога зусім разбураная [12].

Крэйдавыя кар'еры, або *Беларускія Мальдывы* – адно з самых прыгожых мясцінаў Беларусі. Найбольш вядомыя крэйдавыя кар'еры – Краснасельскія, Гарадзенскія і Слуцкія. Калісьці тут здабывалі крэйду, а калі радовішчы закінулі – яны запоўніліся вадою і іх аблюбавала мясцовае насельніцтва, а потым і турысты. Кар'еры дастаткова глыбокія, а на дне яшчэ ляжыць даволі крэйды, што надае вадзе такія насычаныя туркусовы (бірузовы) колер. Гэтыя штучныя азёры ўяўляюць з сябе проста фантастычнае, амаль сюррэалістычнае відовішча. Іх атачаюць дзікія пляжы, са стромкімі схіламі. З-за небяспечнага складу вады і стромкіх камяністых берагоў купанне ў кар'ерах забароненае, аднак гэта не спыняе аматараў паплаваць і пафатаграфавання, нібыта на Мальдывах [13].

Такім чынам, бачым, што ў Беларусі шмат дзівосных прыродных аб'ектаў, якія зусім не чакаеш сустрэць у раўніннай краіне на Усходзе Еўропы. Студэнты-іншафоны з вялікай ахвотай і зацікаўленасцю вывучаюць прыродныя загадкі Беларусі, а спадарожна – з прыемнасцю знаёмяцца з культурай і мовай нашай краіны. На аснове вывучэння

краіназнаўчых (прыродазнаўчых) фактаў і рэалій у замежных студэнтаў фарміруюцца сацыякультурная і камунікатыўная кампетэнцыі, што надзвычай важна для эфектыўнага ажыццяўлення імі прафесійнай дзейнасці ва ўмовах міжкультурнага супрацоўніцтва, прыкладам, у сферы турыстычнага бізнесу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Бондарчук Л.В.* Беляя Русь : учеб.-метод. пособие по рус. яз. для иностр. студентов / Л.В. Бондарчук, А.Л. Карпушина. Минск : МГЛУ, 2007. 215 с.
2. Гора Маяк. URL: <https://braslavskie.by/attractions/gora-maak>.
3. Логойский кратер. <https://www.intex-press.by/2018/02/23/logojskij-krater-geolog-rasskazal-kak-ma-belarus-upal-meteorit-i-kak-na-etom-meste-nashli-almazy> (дата обращения: 23.02.2018).
4. ТОП экзотических природных мест Беларуси: посмотреть есть на что. URL: <http://greenbelarus.info/articles/01-07-2016/top-ekzoticheskikh-prirodnih-mest-belarusi-posmotret-est-na-chto> (дата обращения: 01.07.2016).
5. Вулканолог: Есть мнение, что в Беларуси от двух до шести вулканов. URL: <https://42.tut.by/438646> (дата обращения: 06.03.2015).
6. Репортаж из каменной воронки. URL: <https://auto.onliner.by/2013/08/21/granit> (дата обращения: 21.08.2013).
7. Настальгія па страчаным моры (размова зь Пятром Васючэнкам) // В. Ракіцкі. Беларуская Аглянтыда (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе). Радзьё Свабодная Эўропа, 2006. 504 с.
8. *Васілевіч У.* Ядзеркі // Беларускі фальклор : Энцыклапедыя : у 2 т. Т. 2. Мінск : БелЭН, 2006. 832 с.
9. Река Припять – белорусская Амазонка в центре Европы. URL: <http://news.21.by/society/2013/09/20/822042.html> (дата обращения: 20.09.2013).
10. Балота – ад д’ябла й ад Бога (размова зь Нінай Здановіч) // В. Ракіцкі. Беларуская Аглянтыда (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе). Радзьё Свабодная Эўропа, 2006. 504 с.
11. Глушковичи. Белорусские фьорды. URL: <http://meridian28.com/report/glushkovichi.html>.
12. Терриконы. Солигорские горы. Космические пейзажи Беларуси. URL: <http://voolchitza.livejournal.com/251457.html> (дата обращения: 08.09.2014).
13. Меловые карьеры. Беларусь – Белорусские Мальдивы. URL: https://posmotrim.by/article/melovy_e_karery_belorusskie_maldivy1.html (дата обращения: 09.12.2014).

РАЗДЗЕЛ IV

ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА ВЫКЛАДАННЯ ЗАМЕЖНЫХ МОЎ

Л.І. Сямешка (Мінск, Беларусь)

УЗРОЎНІ ВАЛОДАННЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВАЙ ЯК ЗАМЕЖНАЙ: КАНЦЭПЦЫЯ АДУКАЦЫЙНЫХ СТАНДАРТАЎ

У артыкуле разглядаюцца пытанні, звязаныя з навукова-метадычным абгрунтаваннем узроўневай сістэмы лінгвадыдактычнага тэсціравання замежных навучэнцаў па беларускай мове. Вызначаюцца прынцыпы вылучэння ўзроўняў валодання беларускай мовай як замежнай і параметры апісання стандартаў патрабаванняў да структуры і зместу беларускамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі на розных узроўнях.

Ключавыя словы: *беларуская мова як замежная, узроўні валодання беларускай мовай як замежнай, стандарты патрабаванняў да ўзроўняў беларускамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі, тэсты па беларускай мове як замежнай.*

Змены акцэнтаў даследчыцкай увагі, абумоўленыя новымі парадыгмамі лінгвістычных ведаў, уключанымі ў шырокі камунікатыўны кантэкст, істотна змянілі метадыку выкладання моў і ацэнку вынікаў навучання. Гэтыя змены звязаны найперш з абгрунтаваннем канцэпцыі іншамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі як стратэгічнай мэты моўнага навучання і вылучэннем на яе аснове парогавых узроўняў валодання замежнымі мовамі. Распрацоўка ў рамках праектаў Савета Еўропы стандартызаваных спосабаў апісання і тэставага вымярэння кампанентаў іншамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі паспрыяла ўсталяванню адзіных стандартаў вылучэння і ацэнкі агульных ўзроўняў валодання для адной мовы ў розных краінах і для розных моў у адной краіне, што дазваляе забяспечваць супастаўнасць і карэляцыю нацыянальных сістэм навучання мовам і міжнароднае прызнанне моўных сертыфікатаў. Тэставы сертыфікацыйны кантроль ажыццяўляецца сёння па ўсіх еўрапейскіх мовах як замежных паводле адзіных патрабаванняў пад эгідай Асацыяцыі лінгвістычных тэстараў Еўропы (*The Association of Language Testers of Europe, ALTE*), дзякуючы якой абгрунтаваны на аснове рэкамендацый, акрэсленых у дакуменце *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR)*, крытэрыі, метады ацэнкі і працэдура тэставага кантролю камунікатыўнай кампетэнцыі на розных узроўнях валодання мовай.

У дачыненні да беларускай мовы як замежнай (далей – *БМЗ*) пытанні ўніфікацыі ў адпаведнасці з еўрапейскім адукацыйным стандартам

узроўняў беларускамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі іншафонаў адносяцца да ліку актуальных навукова-метадычных задач, якія знаходзяцца пакуль у стане распрацоўкі. Нягледзячы на значныя метадычныя напрацоўкі ў галіне выкладання беларускай мовы іншаземцам, арыентаванага на этапы навучання, распрацоўку вучэбных дапаможнікаў, прызначаных для іншаземцаў з розным узроўнем валодання беларускай мовай, пытанні стандартызацыі экзаменацыйных патрабаванняў да ўзроўняў валодання БМЗ і распрацоўкі сродкаў тэставай ацэнкі, якія стасаваліся б з прынятымі ў Еўропе сістэмамі тэставага кантролю, заставаліся да апошняга часу па-за ўвагай даследчыкаў.

Актуальнасць распрацоўкі сістэмы ўзроўняў валодання БМЗ і стандартызаванага тэставага кантролю, які дазваляе пацвердзіць узровень валодання беларускай мовай незалежна ад месца, часу і ўмоў яе вывучэння, абумоўлена неабходнасцю падтрымкі і развіцця акадэмічнай мабільнасці іншаземцаў, якія вывучаюць беларускую мову як у беларускім маўленчым асяроддзі, так і ва ўмовах яго адсутнасці. Патрэбы навучэнцаў у хуткім і эфектыўным авалоданні мовай, магчымаць «фіксаваць» згодна з міжнароднай практыкай свае дасягненні ў авалоданні беларускамоўнай кампетэнцыяй на тым ці іншым узроўні прад'яўляюць новыя патрабаванні да сістэмы навучання БМЗ у плане адаптацыі яе да новай адукацыйнай традыцыі. Гэта датычыцца найперш абгрунтавання лінгвадыдактычнай мадэлі беларускамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі ў якасці выніковай мэты навучання, распрацоўкі сістэмы тэставай атэстацыі – узроўневых камунікатыўных тэстаў для вымярэння параметраў кампетэнцыі на розных узроўнях, а таксама ўкаранення ў адукацыйную практыку прагматычных метадык навучання, якія грунтуюцца на дасягненнях сучаснай лінгвістычнай навукі і ўліку кагнітыўных і камунікатыўна арыентаваных прынцыпаў авалодання мовай.

На сённяшні дзень распрацоўка сістэмнага падыходу да стандартызацыі ўзроўняў валодання БМЗ і распрацоўка нарматыўных дакументаў, што рэгламентуюць патрабаванні да беларускамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі як з пункту гледжання яе сэнсавага кантэнту, так і з пазіцыі ўнутранай дынамікі маўленчай здольнасці асобы (ад простага да складанага, ад ніжэйшых ўзроўняў да вышэйшых), ажыццяўляецца ў межах даследчага праекта «Распрацоўка адукацыйных стандартаў і тыпавых тэстаў па беларускай і рускай мовах як замежных», які выконваецца ў рамках дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў (на 2016–2020 гг.) «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства». Даследаванні ў гэтай галіне накіраваны, з аднаго боку, на ўніфікацыю мэтаў і вынікаў навучання, пад якімі разумеецца комплекс кампетэнцый, аб'яднаных паняццем «беларускамоўная камунікатыўная кампетэнцыя», выпрацоўку

інтэграванага падыходу да мадэлявання структуры і зместу яе складнікаў і цэласнае апісанне (з улікам дэскрыптарнаў еўрапейскай шкалы ўзроўняў) зместу таго, што азначае валоданне/карыстанне беларускай мовай як замежнай на тым ці іншым узроўні, а з другога, – на распрацоўку сістэмы тэставага кантролю для аб’ектыўнага вымярэння параметраў кампетэнцыі на розных узроўнях.

Лінгвадыдактычныя тэсты лічацца найбольш эфектыўным інструментам для ацэнкі ўзроўню складнікаў камунікатыўнай кампетэнцыі. Тэставы кантроль дазваляе не проста ацэньваць веды, маўленчыя навыкі і ўменні навучэнцаў, але і прынцыпова па-новаму вымяраць іх, інфармуючы пра колькасныя і якасныя паказчыкі як самога працэсу авалодання мовай, так і яго вынікаў – узроўню сфарміраванай камунікатыўнай кампетэнцыі. Дзеля забеспячэння дакладнасці і аб’ектыўнасці вымярэння розных параметраў камунікатыўнай кампетэнцыі, патрабуецца максімальна поўнае і стандартызаванае апісанне структуры і зместу ўсіх яе складнікаў на кожным узроўні. Гэта абумовіла распрацоўку комплексу нарматыўных і адукацыйна-дыдактычных дакументаў, адпаведных міжнародным стандартам (*Стандарты патрабаванняў да ўзроўняў валодання БМЗ, Адукацыйныя праграмы, Тыпавыя тэсты, Лексічныя і граматычныя мінімумы*), прызначаных як для ўніфікацыі лінгваметадычнай базы навучання па ўзроўнях валодання мовай, так і для нарматыўнай рэгламентацыі тэставага фармату экзаменаў на розных узроўнях.

Аб’ектам разгляду ў гэтым артыкуле выступаюць *Стандарты патрабаванняў да ўзроўняў беларускамоўнай камунікатыўнай кампетэнцыі* як выніковай мэты навучання. Увага акцэнтуюцца на канцэптуальных падыходах да распрацоўкі лінгвадыдактычнага інструментарыю для апісання структуры і зместу яе складнікаў.

Стандарты патрабаванняў да ўзроўняў валодання БМЗ (далей – *Стандарты*) – нарматыўны дакумент, які вызначае вынікі навучання на кожным узроўні праз максімальна поўнае лінгвадыдактычнае апісанне параметраў камунікатыўнай кампетэнцыі, паслядоўнасць і дынаміку фарміравання яе ад ніжэйшых узроўняў да вышэйшых як здольнасці і ўменняў ажыццяўляць розныя віды камунікатыўна-маўленчай дзейнасці ў рэцэптыўных (слуханне, чытанне) і прадуктыўных (пісьмо, гаварэнне) формах у адпаведнасці з сітуацыйнай стасункаў, а таксама праз авалоданне стратэгіямі і тактыкамі маўленчых паводзін і асэнсаванне базавых складнікаў беларускай культурнай прасторы – фактаў і рэалій з розных сфер жыцця, актуальных пры вырашэнні канкрэтных камунікатыўных задач. Такі падыход стасуецца з распрацаванай у рамках еўрапейскіх адукацыйных праектаў канцэпцыі камунікатыўнай кампетэнцыі, парадыгма якой

грунтуецца на шырокім экстралінгвістычным кантэксте камунікацыі.

Валоданне камунікатыўнай кампетэнцыяй падразумявае пэўны камунікатыўны патэнцыял, які ўключае як камунікатыўныя ўласцівасці асобы (узровень патрэбы ў камунікацыі, наяўнасць ўстаноўкі да стасункаў з іншымі людзьмі і інш.), так і камунікатыўныя ўменні і навыкі. Паняцце *камунікатыўныя ўменні і навыкі* трактуецца як уменні і навыкі маўленчых зносін, здольнасць адэкватна карыстацца мовай ва ўмовах канкрэтных сацыяльна і культурна дэтэрмінаваных маўленчых (камунікатыўных) сітуацый. Акцэнт, такім чынам, пераносіцца з мовы як сістэмы і маўлення як працэсу выкарыстання моўных сродкаў на маўленчыя зносіны як асэнсаваную камунікатыўна-маўленчую дзейнасць з улікам сітуацыйнага кантэксту. Навучанне мове ў традыцыйным сэнсе дае разуменне таго, як трэба правільна выкарыстоўваць моўныя сродкі, аднак не развівае камунікатыўную кампетэнцыю. У метадычнай літаратуры вылучаюцца розныя дамінанты ў структуры маўленчых уменняў і навыкаў, з рознай ступенню іх канкрэтызацыі. Аднак усе яны так ці інакш звязаны з паняццем *маўленчая сітуацыя* і ўменнем арыентавацца ва ўмовах сітуацыі. Пад *маўленчай сітуацыяй* разумеецца «сітуацыя маўлення, сітуацыйны кантэкст маўленчага ўзаемадзяння; 2) набор характарыстык сітуацыйнага кантэксту, рэлевантных для маўленчых паводзін удзельнікаў маўленчай падзеі, якія ўплываюць на выбар імі маўленчых стратэгий, прыёмаў, сродкаў» [1, с. 191]. Гэтыя характарыстыкі вызначаюць галоўныя прыныцы маўлення – яго дыферэнцыяванасць (вуснае, пісьмовае, гутарковае, афіцыйнае, сяброўскае, навуковае; рэцэптыўнае (адрасатнае), прадуктыўнае (крэатыўнае), рэпрадуктыўнае (аўтарскае); дыялагічнае, маналагічнае і інш.) – і напрамку гэтай дыферэнцыяцыі, якія выступаюць цэнтральнымі складнікамі камунікатыўна арыентаванага навучання. Адны з іх акрэсліваюць вонкавыя параметры сітуацыі: тып і жанр маўленчага дзеяння, тэму, месца, час, спосаб камунікацыі (вусны/пісьмовы, кантактны/дыстантны). Іншыя характарыстыкі кантэксту інфармуюць пра ўдзельнікаў камунікацыі (*хто яны? што і як яны робяць?*): моўца (адрасант) – слухач (адрасат), іх сацыяльны статус і камунікатыўныя ролі, матывы, інтэнцыі (намеры), мэты, ўзаемаадносін паміж імі і танальнасць стасункаў (афіцыйныя – нейтральныя – сяброўскія (фамільярныя), характар (вобраз) маўленчых паводзін у яго залежнасці ад ролі і статусу асобы ў сацыяльнай іерархіі.

У сучасных даследаваннях актыўна распрацоўваюцца пытанні сістэмнай арганізацыі параметраў маўлення і інструментарыю для яго апісання дзеля дыдактычных мэтаў. Маўленне разглядаецца як адзінства лінгвістычных і экстралінгвістычных характарыстык, абумоўленых менавіта сітуацыйным узроўнем, які сінтэзуе ўсе ўменні і дазваляе прымяняць набытыя веды ў канкрэтных абставінах. На важнасць гэтага ўзроўню ў працэсе авалодання

мовай звярталі ўвагу многія даследчыкі. Так, Д. Хаймс, прапануючы тэрмін *камунікатыўная кампетэнцыя*, адзначаў, што «дзіця авалодвае слоўнікам і граматыкай не ў абстрактнай форме, а ў пэўных умовах і сітуацыях, абумоўленых месцам, мэтай выказвання і адносінамі суразмоўцаў» [2, с. 102]. Валоданне камунікатыўнай кампетэнцыяй, паводле CEFR, – гэта «дасканалая валоданне прыёмамі ідэальнай маўленчай сітуацыі» [там жа].

Прымаючы пад увагу, што рэальнае валоданне беларускай мовай як сродкам камунікацыі ў паўсядзённым жыцці прадугледжвае авалоданне маўленнем на ёй, стандартызацыя ўзроўняў арыентавана на рэалізацыю камунікатыўна-дзеяснага падыходу да навучання і практычнае авалоданне беларускамоўнай маўленчай дзейнасцю. Апошняя разглядаецца як функцыянальная сістэма, якая мае пэўныя прынцыпы і ажыццяўляецца ва ўласных параметрах, што не зводзяцца да параметраў і адзінак мовы. Мадэляванне розных аспектаў беларускамоўнай маўленчай дзейнасці ажыццяўляецца праз складнікі маўленчай (камунікатыўнай) сітуацыі з улікам стандартных катэгорый апісання, прынятых у межах сеткі паняццяў еўрапейскай метадычнай парадыгмы, і з дапамогай сістэмы дэскрыпцый канкрэтных камунікатыўна-маўленчых уменняў і іх рэалізацый ва ўсіх відах маўленчай дзейнасці.

Сістэма ўзроўняў валодання БМЗ (стандарты патрабаванняў і сістэма тэставай атэстацыі) супастаўная з патрабаваннямі, прынятымі ў сістэме экзаменаў у **рамках ALTE** і рэкамендацыямі Савета Еўропы (CEFR). Як і ў агульнаеўрапейскай сістэме, камунікатыўныя ўменні і навыкі навучэнцаў падзяляюцца на тры ўзроўні, у кожным з якіх вылучаецца два падузроўні. Суадносіны паміж сістэмамі можна паказаць наступным чынам:

- элементарны ўзровень валодання БМЗ-A1; (*ALTE: Breakthrough User; Council of Europe: A1 – Breakthrough*);
- базавы ўзровень валодання БМЗ-A2; (*ALTE: Waystage User; Council of Europe: – Waystage*);
- сярэдні (парогавы) узровень валодання БМЗ-B1; (*ALTE: Threshold User; Council of Europe: B1 – Threshold*);
- сярэдні (павышаны) узровень валодання БМЗ-B2; (*ALTE: Independent User; Council of Europe: B2 – Vantage*);
- узровень кампетэнтнага валодання БМЗ-C1; (*ALTE: Competent User; Council of Europe: C – Effective Operational Proficiency*);
- узровень дасканаллага валодання БМЗ-C2; (*ALTE: Good User; Council of Europe: C2 – Mastery*).

Кожны ўзровень – самастойны лінгваметадычны комплекс з уніфікаванай структурай, які сістэматызуе патрабаванні да вынікаў навучання ў межах ўзроўню. Параметры кампетэнцыі на кожным узроўні

вылучаюцца на аснове мадэлявання маўленчых паводзін іншакамуніканта («партрэт» беларускамоўнай асобы) у акрэсленых сферах і сітуацыях стасункаў з улікам сацыяльна-камунікатыўных роляў, актуальных тэм камунікацыі, відаў дыскурсаў (тэкстаў) і адпаведных гэтым дыкурсам функцыянальна-стылявых і лексіка-граматычных падсістэм. Алгарытм фарміравання камунікатыўна-маўленчых уменняў закладваецца праз тыпалогію тэстаў (вучэбных і арыгінальных аўтэнтычных) з улікам комплексу інтэнцыйна арыентаваных маўленчых дзеянняў, якія забяспечваюць навучэнцам магчымасць эфектыўна ажыццяўляць камунікацыю на беларускай мове.

У кампазіцыйным плане *Стандарты* патрабаванняў да камунікатыўнай кампетэнцыі на кожным узроўні рэпрэзентуюцца праз наступныя складнікі:

1. *Аўдыяванне*: а) агульнае апісанне ўменняў, б) тыпы тэкстаў, в) камунікатыўныя ролі;

2. *Чытанне*: а) агульнае апісанне ўменняў, б) тыпы тэкстаў, в) рээстр тэкстаў, г) камунікатыўныя ролі;

3. *Пісьмо*: а) агульнае апісанне ўменняў, б) формы пісьмовых выказванняў, в) камунікатыўныя ролі;

4. *Гаварэнне*: а) агульнае апісанне ўменняў, б) тыпы тэкстаў (выказванняў), в) камунікатыўныя ролі;

5. *Змест лінгвістычнай кампетэнцыі* (граматычная карэктнасць): а) агульнае апісанне ўменняў; б) спіс моўных пытанняў (граматычны мінімум);

6. *Функцыянальна-інтэнцыйны каталог*: камунікатыўна-маўленчыя задачы, інтэнцыі і спосабы іх рэалізацыі;

7. *Тэматычны каталог*: сферы, сітуацыі і тэматыка камунікацыі.

Прынцыпы навучання, закладзеныя ў *Стандартах*, накіраваны на збліжэнне працэсу навучання з рэальнай камунікацыяй, на авалоданне моўнай камунікацыяй як працэсам узаемадзеяння сацыяльна маркіраваных партнёраў у канкрэтнай сітуацыі дзеля абмену з пэўнымі мэтамі інфармацыяй. Асабліва ўвага акцэнтуюцца на камунікатыўных (і сацыяльных) ролях удзельнікаў камунікацыі, якія павінны выконваць навучэнцы ў вучэбным працэсе і ў рэальных зносінах. Змест і структура камунікатыўна-маўленчых уменняў на кожным з узроўняў вызначаецца ў сувязі з такімі пазамоўнымі складнікамі маўленчай дзейнасці, як тэмы, сферы, інтэнцыйная арыентаванасць маўлення, і апісваецца з улікам спецыфікі камунікатыўных уменняў як відаў маўленчай дзейнасці. Так, у раздзеле *Аўдыяванне*, акрамя агульнага апісання кампетэнцыі, падаецца інфармацыя пра тэматыку, тыпы тэкстаў, актуальныя для канкрэтнага ўзроўню, з якімі навучэнец можа сутыкнуцца на экзамене ці ў рэальнай сітуацыі беларускамоўных стасункаў, а таксама камунікатыўныя ролі, у якіх

карыстальнік мовай можа ўдзельнічаць як слухач. У складніку *Чытанне* да пераліку камунікатыўных роляў і тыпаў тэкстаў дадаецца іх рэстр. У раздзеле *Пісьмо*, па-за ролямі, у якіх навучэнец павінен умець выступіць як аўтар пісьмовага выказвання, падаецца спіс формаў выказванняў, якія ён павінен умець сфармуляваць на дадзеным узроўні. У складніку *Гаварэнне* акрэслены камунікатыўныя ролі, а таксама формы выказванняў, падзеленыя на маналогі і дыялогі. Дыялогі прадутледжваюць выяўленне інтэрактыўных уменняў навучэнцаў, маналогі – прадуктыўных і медыятыўных навыкаў і ўменняў.

Складнікамі *Стандартаў*, якія рэгулююць аб’ём пазамоўнага кантэксту ў змесце апісання камунікацыі, выступаюць *Тэматычны каталог і Функцыянальна-інтэнцыйны каталог*, якія арганізаваны канцэнтрычна і адаптаваны да кожнага ўзроўню. У якасці самастойнага кампанента ў структуры *Стандартаў* вылучаны *Змест моўнай (лінгвістычнай) кампетэнцыі*, які ўключае каталог граматычна-сінтаксічных пытанняў, неабходных для забеспячэння лінгвістычнай (граматычнай) карэктнасці вырашэння камунікатыўных задач на кожным з узроўняў.

Праз дэталёвае апісанне ўсяго спектру агульных патрабаванняў да камунікатыўна-маўленчых навыкаў і спісу канкрэтных маўленчых навыкаў і ўменняў, неабходных і дастатковых для вырашэння камунікатыўных (экзаменацыйных) задач, вызначаюцца змест, агульныя і канкрэтныя мэты навучання, а таксама паслядоўнасць іх рэалізацыі. Маючы трывалы грунт у рамках агульнай сістэмы навучання і вывучэння мовы, *Стандарты* даюць магчымасць адаптаваць розныя адукацыйныя праграмы да канкрэтных умоў навучання і ўзроўню ведаў навучэнцаў, а таксама дазваляюць навучэнцам самім эфектыўна кантраляваць свой аб’ём і глыбіню авалодання мовай. На экзаменах навучэнцы паказваюць тое, у чым практыкуюцца на занятках, і што павінны ўмець у рэальных маўленчых сітуацыях.

Прапанаваная арганізацыя структуры *Стандартаў* дазваляе, на наш погляд, паказаць у агульным плане, якія лінгваметадычныя механізмы павінны ўключацца, каб камунікатыўныя мэты і намеры перайшлі ў пэўны ўзровень камунікатыўнай кампетэнцыі (комплекс уменняў па ўсіх відах маўленчай дзейнасці), а таксама дыягнаставаць і метадычна вызначыць пераход з нізкага на больш высокі ўзровень і выявіць той ці іншы ўзровень камунікатыўнай кампетэнцыі асобы. *Стандарты* ўзроўняў дазваляюць пашырыць дыяпазон метадычных прыёмаў, арыентаваных на індывідуалізацыю навучання, падказваюць кірункі адукацыйнай дзейнасці і даюць магчымасць выкарыстоўваць сучасныя камунікатыўныя практыкі ў навучальным працэсе.

Бібліографічні спасылкі

1. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. / под ред. Т.А. Лодыженской и А.К. Михальской ; сост. А.А. Князьков. М. : Флинта, Наука, 1998. 312 с.

Hymes D. The Ethnography of Speaking // Readings in the Sociology of Language. The Hague Paris. 1970. P. 98–121.

N.G. Olovnikova (Minsk, Belarus)

EDUCATIONAL MULTICULTURALISM AS A USEFUL FACTOR IN MORE RAPID STUDENTS' ADAPTATION TO CHANGING MOBILITY CONDITIONS

Multicultural educational process includes the common elements of ethnic cultures and features, emphasizing the originality and uniqueness of each culture. It helps to use diversity as a useful factor of development, it promotes more rapid social adaptation to changing mobility conditions, helps to form a contemporary picture of the world.

Key words: *multiculturalism, cultural pluralism, multilingualism, intercultural communication, national culture, interaction of language and culture.*

Multicultural education is based on the principles of cultural pluralism, equal value and equal rights for all ethnic groups that make up a particular society, non-discrimination of people on the basis of their ethnic or religious origin, gender or age. The greater knowledge of the characteristics of different cultures is, the better understanding of the behaviour, attitudes and outlook, which will be well-revealed in the foreign language environment, will be.

As a multicultural educational process, it is necessary to take into account both the common elements of ethnic cultures and their features, while emphasizing the originality and uniqueness of each culture. Educational multiculturalism helps to use diversity of the society as a useful factor of development, it promotes more rapid human adaptation to changing conditions of living and helps to form a multifaceted, or diverse picture of the world.

In recent years, there has been an increasing interest in the cultural aspect of language learning. The problems of language, thinking and ethnos are becoming increasingly urgent. The tendency towards a comprehensive approach to the study of society, culture, and ethnos as well as the desire to consider any phenomenon in the context of its diverse connections is developing rapidly. Language and culture are independent social phenomena, with a close interdependence between them. Language does not exist without people speaking it, words and phrases it contains; it accumulates and stores knowledge about the surrounding world. Words represent the collective memory of native speakers, a key to understanding

the way of life of certain people, a mirror of the past and the present of the nation, reflection of its cultural heritage. Despite the differences that exist among the speakers of different languages, many phenomena described in a specific language have a universal nature.

A comparative study of certain groups of words in different languages provides the basis for analysis of the nature of lexical meaning of words, revealing the peculiarity of semantic systems of different languages.

Identification of these similarities can assist greatly in learning a foreign language. The similarities and differences found in comparison of different languages are associated with the facts of culture of the studied nations, and they are derived from geographical, economic, historical and other data.

Since the semantics of every language has a universal conceptual-sensory basis, and there are cultural universals and the similarity of linguistic means reasoned by the genetic or typological similarity of languages, we assumed that the meanings of designated words of two languages generally overlap, and the individual elements in the form of expressed individual signs can coincide or overlap. The number of linguistic signs with the signified common to contacting languages depends on the degree of difference between languages and the respective cultures [2, p. 109].

Carriers of different cultures represent different conceptual ideas about the world, since they can choose different aspects of the same phenomenon as the basis for generalization.

It should also be noted that using the similarity of the forms of certain words, their meanings, can also help significantly with learning of foreign vocabulary. For example, it would be easier for Belarusian students to memorize the word *paper* – рус. ‘бумара’, if we correlate it with the Belarusian language, in which there is a coincidence of the form: *paper* – Bel. ‘папера’ [papiera]– Rus. ‘бумара’. This can work effectively with much more complex words: *bishop* – бел. ‘біскуп’ [biskup]– рус. ‘епископ’. Thus, taking into account the above mentioned ideas, we can organize the learning process for both foreign students representing different cultures and for students learning a foreign language more efficiently and effectively.

The acquisition of comprehensive speech and communicative competencies by students in the process of foreign language communication is impossible without taking into consideration the national culture of speakers of this language in the methodological work with the students. Cultural aspect penetrates into the whole process of teaching.

Relationship and interaction of language and culture should lie within the frameworks of the linguistic approach and linguistic didactic aspect, especially when projected on intercultural communication.

In addition, not only specialists who are able to teach the basics of a particular foreign language are needed, but also it is vital to give a complete representation of the cultural peculiarities of the countries of the studied language and intercultural communication within the general cultural competence of trainees. To do this, you need to know the characteristics of the cultural background of the foreign language country, which includes various norms, values and customs of certain nations and ethnic groups, as well as to take into account the similarities and differences in the language perception of the world by speakers of different languages.

Modern higher school is currently transformed with mechanisms ensuring multicultural and multilingual situation, i.e. knowledge of foreign languages is a standing requirement for educational standards in the first and second cycles of higher education.

Academic, social and personal as well as professional competences are represented in all educational standards in all countries of the European Higher Education Area (further referred to as *EHEA*), including the Republic of Belarus, which joined the area in 2015. The new generation educational standards require compliance of professional qualifications with the above-mentioned competences, although quite often the legal acts in the field of education do not contain description of control measures and actions of acquisition of professional qualities and educational competences cited in educational standards in detail.

Students in universities have to obtain a lot of general academic and general professional competences, but this is not always reflected in curricula: the requirements to competences are high, but there is no sufficient number of academic hours for acquisitions of those competences, and it actually devaluates the very idea of the language competence. When mentioning the language competence, we have to note that we take into account not only foreign languages, but also native tongue(-s). When we speak about a foreign language competence for forming autonomous subjects of the educational process, everything is complicated by determining the level of the foreign language competence, which has been shaped within the general secondary education framework (programs and standards provide learning of the full paradigm of the foreign language at the level of phonetics, vocabulary and grammar, including reading and writing, listening comprehension, etc.

After implementing actions for internalization of the higher education of Belarus the academic mobility is rising, the larger number of students and teaching staff members are participating in implementation of the international scientific and educational programs and projects.

Within the State Program «Education and Youth Policy» perspective graduate students of higher education institutions (further referred to as *HEIs*) are sent to be trained for priority sectors of education and economy with a requirement to

come back to the Republic of Belarus after studies; leading specialists and experts, including foreign ones, are invited for lecturing in HEIs with taking into account the innovation achievements in the respective area of study.

The goal to maintain the best features of the Belarusian education (national specifics, state support, accessibility, tuition-free basis, justice, high quality, stability, socioeconomic environment) and foundation on the global education tendencies with use of the best practices of other countries are the distinguishing traits of the development of the national education system now.

Organization and management tools in the foreign language acquisition should be presented to students in a comprehensive set for ultimately successful functioning of the training process, which will ensure dynamics in learning and research of trainees and which is impossible to do without using information and communicative technologies in foreign language teaching.

This issue is particularly relevant in the framework of education globalization and promotion of national education systems on e-learning platforms with the view of export of educational services and recognition of national educational certificates according to the Lisbon Convention.

Learning foreign languages is an integral part of modern education in the light of expansion of intercultural ties. It helps to meet various needs, including political, economic, cultural, educational and social ones. Learning another language access to other value systems and ways of interpreting the world, encouraging intercultural understanding and helping reduce xenophobia.

If multilingualism is considered to be the use of more than three languages in daily life, educational multiculturalism that guarantees equal value and rights for all ethnic groups, helps to understand outlook of others and creates conditions for more rapid social adaptation to changing mobility in contemporary world.

References

1. Culturological Aspect of Foreign Language Learning as a Factor of Students' Motivation / Н.Г. Оловникова, М.Л. Белов // Профессиональное иноязычное образование : проблемы и перспективы : материалы Респ. науч-практ. конф., Брест, 16 февр. 2018 г. / Брест. гос. ун-т; редкол.: Н.А. Тарасевич [и др.]. Брест, 2018/. С. 55–57.
2. Шумова Н.С. Общее и национальное в значении омологизмов / Н.С. Шумова // Проблемы семантики : психолингвистические исследования. Тверь, 1991. 151 с.

Л.В. Вікторка (Мінск, Беларусь)

THE ROLE OF CULTURAL IDENTITY IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

The article is devoted to the place of culture in a foreign language classroom. Native and target cultures, being in mutual dependence, determine the special content of education, which is in practice intended to implement the dialogue of cultures.

Key words: *culture, cultural identity, intercultural competence, cultural awareness, socio-cultural approach, dialogue of cultures.*

Rapid expansion of digital technologies has led to significant changes in every aspect of life. While television broadcasting and satellite transmission supported transformation of the world into a global village, worldwide proliferation of the Internet usage has increased the acceleration of communication and removed boundaries of time and space. Communication has gained new dimensions with the emergence of electronic communication networks. As a result, people encounter many foreign languages and cultures every day. Living in this type of environment, people (especially young) are influenced by many different cultures. There is a real danger of possible erosion of national cultures and values by the forces of globalization.

Since humans are fundamentally social beings, individuals cannot live without cultures of their own. J. Bruner notes that «culture shapes mind...it provides us with the tool kit by which we construct not only our worlds but our very conceptions of ourselves and our powers». He further states that «you cannot understand mental activity unless you take into account the cultural setting and its resources, the very things that give mind its shape and scope. Learning, remembering, talking, imaging: all of them are made possible by participating in a culture» [1, p. X–XI].

According to B. Hall, culture is a «historically shared system of symbolic resources through which we make our world meaningful» [2, p. 4]. Others consider culture as «a negotiated set of shared symbolic systems that guide individuals' behaviors and incline them to function as a group» [3, p. 26]. As a shared system or a negotiated set of shared symbolic systems human culture serves as a context within which we communicate. Culture tells us who we are, what positions we hold in our society, with whom and in what language we communicate. In this particular sense, individuals in a society are in fact cultural persons; each was born into a culture and grows up to become a cultural being.

Identity is an important feature of a person's psyche, since it defines one's relationship to other humans. Social identity is based on memberships of social groups (e.g. a nation, an ethnic group, a religious group etc.). These identifications with different relationships and roles help people to define their own individuality

and to position themselves in the world relative to other people. Cultural identities (the identities which people construct on the basis of their membership of cultural groups) are a particular type of social identity [4, p. 13].

One of the current tasks that teachers and university professors face today is the necessity of bringing up a multicultural personality with a strong socio-cultural outlook. It is important to pay students' attention to similarities and differences in the perception of reality by different ethnic groups.

Cultural learning touches three spheres: empathy and understanding, knowledge, and communicative skill. A foreign language course which incorporates all three aspects trains its learners for intercultural competence.

Many scholars have emphasized the importance of the development of intercultural competence in the study of foreign languages since it involves the ability to perceive facts about different cultures with tolerance, a desire to see the behavior of its native speakers with their own eyes. Only in this case it is possible to enrich the native language and culture.

Intercultural competence is a combination of attitudes, knowledge, understanding and skills applied through action which enables one to understand and respect people with different cultural relationship; respond appropriately and respectfully when communicating with such people; understand oneself and one's own multiple cultural affiliations through encounters with cultural «difference» [4, p. 16–17].

According to M. Byram, foreign language teaching (further referred to as *FLT*) should include four fundamental components, namely, language learning, language awareness, cultural awareness and cultural experience. The most significant value of this model is that foreign language learners are educated to understand themselves and people around them. It also gives a positive view on students' first language because students might use a comparative approach in raising their both language and cultural awareness [5].

Language is a medium of communication that expresses and embodies cultural reality. So, language and culture are closely related and interactive. Culture is transmitted and meant in great part through language; cultural patterns in turn are reflected in language. Learning a language therefore implies learning something about culture as well. This is certainly true for one's first language, but also for further languages acquired.

The socio-cultural approach which now dominates the educational environment has among its strategic values the formation of cultural awareness. We consider cultural awareness as a system of knowledge about the cultural space (the form of existence of culture in the minds of its representatives) and the cultural background of the country as a whole. The socio-cultural approach makes it possible to make the learners aware of their own country and nation's history, of the differences between themselves and people from other backgrounds, especially

differences in attitudes and values.

Socio-cultural education which is driven by FLT is aimed at the development of a special type of world perception in the student. It aims at creating an individual who is receptive to the history of humanity and his own nation, building in him cultural and moral awareness on the global scale. [6, p. 90].

Natural languages illustrate culture and mentality of people, express national and linguistic world pictures, which reflect the fundamental moral and value orientations of ethnic groups. The leading issue in modern education is the search for efficient ways of education and development of the personality, capable of self-determination in the world of culture.

L. Shcherba emphasized that foreign language learning leads to selfcognition by which he meant an important role of languages in understanding the spiritual life of the speakers. According to him foreign language learning also improves the knowledge of the mother tongue which cannot be studied thoroughly without speaking a foreign language [7, p. 344–365].

Gaining knowledge of a foreign culture should be based on its dialogue with the native culture. Native and target cultures, being in mutual dependence (target culture is learned through native culture, native culture is overestimated through target culture), determine the special content of education which is intended to implement in practice the dialogue of cultures, to make it dominant in the consciousness of the individual, who learns native and target cultural data. The student «embodies» culture (native and target) for himself, assuming its products as personally significant, introducing them into his individual space of value coordinates. [8].

Russian philosopher M. Bakhtin considered the dialogue of cultures to be one of the most important conditions for the development and formation of a personality. «A foreign culture only in the eyes of another culture reveals itself fuller and deeper. One meaning reveals its depths, meeting and coming into contact with another, alien meaning: a dialogue begins between them» [9, p. 354]. The dialogue of cultures as the most productive type of intercultural interaction is characterized by the presence of mutual perception of two or more cultures.

Awareness of a foreign culture contributes to understanding your own culture. The findings suggest that foreign language lessons form an effective basis for introducing not only the culture of a foreign country but the local culture too [10, p. 155].

Learning English as a second or foreign language is not simply a matter of code switching. With self-identity received from learners' home culture, learners can confidently grasp pragmatic implications of the target language and probably make further progress in communicating through the target language [11, p. 44]. Thus, FLT cannot be separated from the awareness of differences between the home and target culture. Making foreign language learners aware of their own

culture may enhance language learning [11, p. 48].

But what adds to the complexity of the issue is the fact that our culture is so pervasive that we don't ever think about the effects it has on our way of life, our thoughts, our actions, etc. as the proverb has it: «The last thing a fish would ever notice would be water». So, when educators decide to develop intercultural competence, the learning process still calls for the learner's cultural awareness and self-analysis. Encouraging the learner to self-analyze and reflect on his / her identity is not only difficult considering nuances of the concept, but also dangerous as this process can also lead to stereotyping. So it has to be guided, and teachers need to look at the concept of identity from a new perspective.

Teaching foreign languages in the context of dialogue of cultures requires from educators to take serious steps towards the analysis of culture-related materials which can be used to simulate the cultural space in the classroom environment, with the student being constantly and continuously introduced to these cultures. As no textbook perfectly integrates language and culture education, teachers need to build up supplemental activities to make culture learning a consistent component of their language classes. Thus, the introduction of the cultural content into language education involves decisions related to the selection of topics, themes and perspectives.

Currently, the issue of knowledge of the country, the place where a person was born and grew up, is relevant due to many circumstances.

Belarus is a small republic, and many people around the world don't even know that it exists. And though it may sound surprising for the Belarusians, but people often do not even identify us as a separate state. Moreover, even some Belarusians do not have a clear sense of national identity.

As experience shows, students often possess better knowledge of the British culture, than of the Belarusian culture. Many young people have difficulty identifying the outstanding figures of their homeland as well as the landmarks of Belarus.

We believe that a foreign language course for university students should include instructional modules that allow students to study different cultures. As during the school course due to immaturity of students and their little life experience intercultural competences can be acquired rather than **developed**.

In the first module «Proud to be Belarusian» they study their own culture before «travelling to unknown areas». Learning the module, the students become aware that they belong to a specific culture. By reviewing their own culture, students acquire the vocabulary to describe familiar values, customs, traditions, rituals, and symbols. They learn about Belarusians who became famous in different spheres of life – science, literature, music, cinema, sport, medicine – or even helped to bring about radical changes in other countries' development. As soon as

students learn to talk about their own culture, they can discuss other peoples' cultural values and symbols. Our intention is to acquaint students with some basic cultural notions, to prepare them to talk about different cultures, and to develop their intellectual competence.

It should be mentioned that efficient teaching can only take place when – alongside with listening and reading texts on cultural issues – varied culture oriented activities and interactive tasks are introduced, such as:

- discussions or debates based on a set of questions related to cultural and cross-cultural issues,
- brainstorming tasks consisting in the pooling of ideas or solutions to a given problem,
- role-plays based on role-cards presenting conflicting opinions,
- mind mapping,
- compare and contrast tasks calling for a comparative analysis of a given aspect of life in two cultures,
- web-quests,
- projects based on internet exchanges, where students are encouraged to reflect on their own culture and to justify their opinions.

Most of the above activities base on the analysis of differences and reflection on one's own culture and identity.

In addition to practical classes aimed at bridging the gap between cultures an effective tool is the use of gaming activity which, in addition to controlling functions, is also used for cognition and motivation. For example, in the end of the module «Proud to be Belarusian» students can prepare quizzes for their group-mates including the most interesting facts about their homeland and its people and organize a kind of tournament «BSPU#quiz#Belarus» which not only boosts their potential but also motivates them to take a closer look at their own native land.

In conclusion it should be mentioned that culture isn't just a list of holidays or religious traditions; it is personal experience unique to each individual. As educators, it's our job to encourage the development of students' intelligence. Pursuing the goals of multifaceted personal development, bringing the learning process closer to reality, motivating educational activities, enhancing creative abilities, and building socio-cultural and intercultural competences the teacher should cultivate in students a sense of pride in the cultural heritage of their native land, form the attitude towards other cultures as a value, enrich their own moral, aesthetic and ideological experience.

References

1. *Bruner J.* The culture of education. Cambridge, Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1996. 240 p.

2. *Hall B.* Among Cultures: The Challenge of Communication. Belmont, CA : Thomson Wadsworth, 2005. 374 p.
3. *Chen G.* Foundations of Intercultural Communication. Boston, MA : Allyn and Bacon, 1998. 340 p.
4. Developing Intercultural Competence through Education / ed.: J. Huber, Ch. Reynolds. Strasbourg : Council of Europe Publishing, 2014. 130 p. (Council of Europe Pestalozzi Series, № 3).
5. *Byram M.* 'Cultural awareness' as Vocabulary Learning // Language Learning Journal. 1997. № 16. P. 51–57.
6. *Salamatina I.* Developing Social and Cultural Awareness in Foreign Language Teaching // Вестн. РУДН. Сер. : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 3. С. 89–92.
7. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.
8. *Тарева Е.Г.* Система культуросообразных подходов к обучению иностранному языку // Язык и культура. 2017. № 40. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000621419> (дата обращения: 22.01.2019).
9. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 444 с.
10. *Morozova T.* Dialogue of Cultures in the System of Teaching Foreign Languages: Modern Imperative // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 143. P. 152–156.
11. *Lu-Fang Lin.* Second Language Learners' Identity Toward Their Home Culture: Adding Pragmatic Knowledge to Language Learning Curriculum // Asian Social Science. 2009. Vol. 5. № 8. P. 43–51.

О.В. Веремейчик, Т.В. Пужель (Минск, Беларусь)

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПОСРЕДСТВОМ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Для продуктивного взаимодействия в профессиональной, научной и межличностной сфере необходимо наличие коммуникативных качеств, объединяющих в себе ценностные ориентации, нравственные позиции, знания, умения, этику общения. Задачи обучения иностранному языку как средству общения неразрывно связаны с задачами овладения основами общественной и культурной жизни стран и народов изучаемого языка. В данной статье иноязычная коммуникативная культура рассматривается как часть общей человеческой культуры, а наиболее продуктивным средством ее формирования выступает диалогическое общение.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, иноязычная коммуникативная культура, диалогическое общение.

Современный рынок труда предъявляет принципиально новые требования к качеству профессиональной подготовки будущих специалистов. В условиях роста профессиональных контактов с зарубежными партнерами, расширения сотрудничества в международных образовательных проектах предпочтение отдается выпускникам вуза, которые не только имеют глубокие знания в инженерной сфере, владеют основами производства, обладают высокоразвитым системным мышлением, могут грамотно организовать производственный процесс и управлять им для получения качественного продукта, но и умеют осуществлять коммуникацию в поликультурной среде в контексте своей профессиональной деятельности. В связи с этим усиливается актуальность формирования у выпускника вуза системы существующих в современном мире ценностей, потребности в личностном и профессиональном росте, самореализации, самосовершенствовании, а также иноязычной культуры, необходимой для сотрудничества и сотворчества с представителями других стран.

Выполняя культурно-гуманистические функции, образование действует в контексте культуры, являясь ее неотъемлемой частью. Как отмечает Л.П. Буева, «образование и культура выступают как две стороны генетически единого процесса. Их более или менее гармоническое взаимодействие обеспечивает производство, тиражирование, передачу, усвоение и потребление знаний, ценностей» [1, с. 30]. Культура как образовательная ценность проявляется в культуре бытия, досуга, мышления, общения, труда, в отношениях, мировоззренческой культуре, этической, эстетической и научной деятельности. Овладение культурой в процессе образования выступает основным средством формирования личности.

Будучи общенаучным понятием, культура затрагивает все области жизнедеятельности человека. Под *культурой* понимают социально-профессиональную творческую деятельность человека во всех сферах сознания и бытия.

В контексте заявленной проблематики из всех видов культуры (материальной, социально-экономической, политической, интеллектуальной и др.) интерес представляет, прежде всего, коммуникативная культура – культура построения отношений с другими людьми, поскольку она является одной из важнейших в формировании необходимых качеств будущих специалистов. Ведущими качествами при этом выступают способность организовать продуктивное взаимодействие, умение логично и доказательно излагать свою точку зрения, с уважением слушать своего собеседника и принимать его позицию, извлекать необходимую информацию, анализировать сложившуюся ситуацию.

Коммуникативная культура представляет собой такую степень

овладения коммуникативными процессами, при которой индивид способен разграничить важнейшие компоненты – взаимоотношения и взаимодействия – и одновременно сознательно управлять каждым из них [2].

Коммуникативная культура как основа общей культуры личности и как базовый компонент культуры является условием достижения гармонии человека с самим собой, с окружающими людьми и с миром в целом. Культура способна существовать и развиваться только на грани иных культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными культурами.

Общение в культуре (бытие в культуре) – это всегда общение между различными культурами. Общение выступает одним из ведущих факторов возникновения и существования культуры, будучи при этом культурным феноменом жизнедеятельности человека и являясь средством познания, трансформирования, сохранения, создания духовных и материальных ценностей культуры [3].

В контексте обсуждаемой в данной статье проблемы представляется необходимым обратиться к сущности понятия **иностранная коммуникативная культура**, которая рассматривается в научно-педагогической литературе как:

– часть общей культуры всего человечества, которой обучающийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном (культуроведческом), развивающем (психологическом), воспитательном (педагогическом) и учебном (социальном) аспектах [4];

– система знаний обучающихся о культуре общения; совокупность умений и навыков решать коммуникативные задачи, а также толерантное отношение и эмпатия к партнерам в процессе межкультурного общения [5];

– сложная разновидность иноязычной речевой деятельности студента, которая способствует созданию продуктивных форм иноязычного взаимодействия [6].

Иностранная коммуникативная культура является одним из основных аспектов базовой культуры личности. Иностранную коммуникативную культуру можно рассматривать через совокупность культуuroобразующих компонентов (эмоциональной культуры, культуры мышления, культуры речи). Она развивает у студента умение слушать и слышать своего собеседника, понять и признать мнение другого, сопоставить и оценить культурные ценности чужой культуры со своими и принять их.

Анализ научной литературы по обозначенной проблеме позволяет утверждать, что наиболее продуктивным средством формирования иностранной коммуникативной культуры студентов является общение, специально планируемое и педагогически грамотно реализуемое в учебно-воспитательном процессе вуза, в том числе при изучении иностранного

языка.

Любого рода общение отличается не только своим содержанием, но и формой. Форма общения – это процесс взаимодействия людей, специфика их поведения по отношению друг другу.

Наибольшими возможностями для взаимопонимания, самораскрытия и взаимного обогащения говорящих обладает диалогическое общение. Диалогическое общение – это форма общения, основывающаяся на априорном внутреннем ценностном принятии друг друга и предполагающая ориентацию на индивидуальную неповторимость каждого из субъектов [7]. Другими словами, это равноправное субъект-субъектное взаимодействие. Диалогический вид общения помогает говорящему открыть реальность, которая отличается от его собственной: реальность окружающего мира в том виде, в котором его видит партнер по взаимодействию. Диалогическое общение открывает возможность подлинного взаимопроникновения, взаимораскрытия, личностного взаимообогащения. На эмоциональном фоне такого общения возникает стремление к самообразованию и самосовершенствованию, что является особенно важным в процессе изучения иностранного языка.

В качестве основных правил диалогического общения выступают: беспристрастное восприятие личности собеседника, доверие к нему; восприятие партнера по общению как равного, имеющего право на собственное мнение и решение; обращение к собеседнику от своего имени, без ссылки на авторитеты и другие мнения; учет в общении желаний, чувств, физического состояния, которые общающиеся испытывают в данный момент коммуникации; выделение и обсуждение проблем и нерешенных вопросов, всесторонний их анализ; творческий характер активности, задействованной в общении.

Проведенный анализ научной литературы, рефлексия собственного педагогического опыта позволяют утверждать, что учебная дисциплина «Иностранный язык» обладает достаточным дидактическим потенциалом для формирования иноязычной коммуникативной культуры будущих специалистов средствами диалогического общения. Педагогическими условиями, обеспечивающими решение данной задачи выступают:

- коммуникативно-ориентированный характер процесса обучения иностранному языку с позиций межкультурной коммуникации и продуктивной совместной деятельности;
- актуализация коммуникативных умений и знаний у студентов имеет межличностную и межкультурную направленность;
- речевое взаимодействие между студентами активизируется ситуациями аутентично-проблемного характера;
- использование языкового материала подчиняется задаче

индивидуального речевого замысла.

Именно иноязычное общение, в силу своей диалоговой культуры, выступает как средство обеспечения эффективности коммуникативной деятельности обучающихся, предполагает изучение этики общения на иностранном языке, повышает мотивацию и активизирует познавательную деятельность. Диалогическое общение предназначено для непосредственного, контактирующего обмена информацией между двумя и более собеседниками. В процессе преподавания иностранного языка оно решает такие задачи, как развитие умения спросить и выслушать, удовлетворить свой интерес, сообщить информацию, выразить личное отношение, мысли и чувства к услышанному.

Взаимодействие участников диалогического общения ориентировано на стремление к социальному партнерству, к «диалогу культур». Обучающиеся в диалоге усваивают важные нормы коммуникативного поведения и осознают наиболее значимые параметры иноязычной культуры, которые влияют на атмосферу и результаты общения.

При обучении диалогическому общению выделяют две разновидности диалогов: свободные и стандартные (типовые). Свободные диалоги включают в себя традиционно беседы, дискуссии, интервью. Это такие формы взаимодействия, где изначально содержательные границы общения каждого из участников диалога жестко не фиксируются социальными речевыми ролями. В стандартных диалогах отражаются типовые ситуации (покупатель-продавец, врач-пациент и т.п.). Это, как правило, мини-диалоги на бытовую тему, содержащие стандартные выражения. В таких диалогах за участниками четко закреплены определенные социальные роли. В методике преподавания выделяют также такие типы диалогов, как диалог-сообщение информации, диалог-запрос (получение) информации, диалог-побуждение, диалог-расспрос [8].

Поскольку языковые и культурные ситуации, создаваемые в рамках учебного процесса, порождаются носителями одной и той же культуры, они не могут быть полностью приравнены к аутентичным межкультурным явлениям. С целью создания ситуаций межкультурной коммуникации, максимально приближенных к реальным условиям и с учетом обычаев, традиций и социальных норм страны изучаемого языка, необходимо целенаправленно и систематически использовать аутентичную иноязычную информацию, групповые, коллективные формы и технологии организации учебной деятельности, активные, интерактивные методы организации учебного взаимодействия. Все это способствует развитию эмпатийности, эмоциональной открытости, тактичности, коммуникабельности, саморефлексии и других личностных качеств будущего специалиста.

В процессе диалогического общения будущий специалист приобретает не только систематизированные функциональные (профессиональные), но и надпрофессиональные, а именно – коммуникативные знания, развивает необходимые умения и навыки, получает возможность их совершенствовать на практике, что в целом способствует формированию его иноязычной коммуникативной культуры. Наличие у специалиста необходимого и достаточного уровня сформированности иноязычной коммуникативной культуры обеспечивает его будущую защищенность и адаптивность на современном рынке труда, профессиональную мобильность, конкурентоспособность, качественно улучшает его поведение в профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Буева Л.П.* Человек : деятельность и общение / Л.П. Буева. М. : Мысль, 1978. 216 с.
2. *Сохань Л.В.* Проблемы жизни личности / Л.В. Сохань // Проблемы теории и методология социально-психологического исследования. Киев : Навукова Думка, 1988. 190 с.
3. *Веремейчик О.В.* Общение в контексте коммуникативной культуры / О. В. Веремейчик // Аспирант : сб. науч. тр. аспирантов. Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. Вып. VII. С. 281–293.
4. *Пассов Е.И.* Иноязычная культура как содержание иноязычного образования / Е.И. Пассов // Справочно-информ. интернет-портал [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.gramota.ru/biblio/magazines>. Дата доступа : 05.03.2019.
5. *Гаврилова О.В.* Формирование иноязычной коммуникативной культуры студентов педагогического колледжа в процессе профессиональной подготовки : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / О.В. Гаврилова. Самара, 2009. 176 с.
6. *Гришина Е.А.* Рефлексивная технология формирования иноязычной коммуникативной культуры студентов / Е.А. Гришина // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2010. № 3 (24). С. 118–124.
7. Психологический словарь // Консультация психолога [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://psihotesti.ru/gloss/tag/dialogicheskoe_obshchenie/. Дата доступа : 07.02.2019.
8. *Дерябкина Е.В.* Диалог как форма речевой деятельности на уроках английского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uchkopilka.ru/inostrannyj-yazyk/item/6597-dialog-kak-forma-rechevoj-deyatelnosti-na-urokakh-anglijskogo-yazyka-20150605>. Дата доступа : 10.04.2019.

Т.В. Пятигор (Минск, Беларусь)

САМООБУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья раскрывает причины все большего распространения тенденции самостоятельного приобретения иноязычных знаний, очерчивает круг вопросов, возникающих как перед учащимися, решившими заняться самостоятельным учением, так и перед их преподавателями. Такой учащийся должен выработать стратегии учения, обладать высокой самодисциплиной, самоорганизованностью, силой воли.

Ключевые слова: образование, самообучение, стратегии учения, компетенции в иностранном языке, самооценка, самоорганизация.

О самостоятельном обучении речь идет тогда, когда обучающийся сам принимает главное решение о своем образовании. Это право учащихся на собственный выбор учебного процесса и ритма учебы, о чем подчеркивалось еще в 80-х годах прошлого века, когда наблюдалось особенно активное воздействие такой формы обучения на самые широкие слои населения.

Целый ряд причин мотивирует молодежь на приобретение новых знаний особенно в области иностранного языка, и ставит ее перед возможностью заняться самообразованием. Условно эти причины могут быть разделены на политические, экономические и профессиональные, личные.

Политические причины обусловлены открытостью внутриевропейских границ, спадом напряженности и потеплением в международных отношениях. Эта тенденция требует от нынешней молодежи компетентности в знании иностранных языков, так как усвоение любого иностранного языка создает предпосылки для воспитания в ней миролюбия, толерантности и взаимопонимания. При этом очень часто обсуждается, сколько иностранных языков должны знать учащиеся? Единственное, с чем согласны практически все, это то, что усвоение как можно большего количества иностранных языков является решающим, чтобы сформировать и развить готовность молодых людей к общению с представителями других культур. Возможные проявления враждебности и ненависти по отношению к иностранцам, которые можно найти в заголовках ежедневной прессы разных стран, необходимо сменить на доброжелательное понимание иностранцев, волю активно и открыто сближаться с «чужими» и «чужим».

Экономические и профессиональные причины находятся в тесной связи

с политическими переменами, когда в любой стране открывается право на свободное передвижение и проживание, а отсюда – высокая мобильность работников и работодателей.

Немало наций могут причислять себя к поколениям мигрантов. Сейчас мигрантов можно встретить в разных сферах жизнедеятельности общества других стран. Это – рестораторы, официанты, уборщики, повара, мелкие предприниматели, рабочие, строители. Анализ предложений места работы показывает, что требуется лишь два желательных условия для трудоустройства – это умение работать на компьютере и знание иностранных языков. Что касается знания иностранного языка, то это означает, что потенциальные трудовые мигранты должны закрепить уже имеющиеся компетенции по иностранному языку и создать новые, ориентированные на профессиональную или повседневную сферу, поскольку на практике подобные компетенции оказываются недостаточно развитыми.

Личные причины изучения иностранного языка обусловлены прежде всего влиянием телевидения: просмотром телепередач на иностранном языке, что сейчас возможно благодаря спутниковым системам телекоммуникаций. К личным мотивирующим причинам для изучения иностранного языка относятся также: проведение отдыха зарубежом и общение с носителями языка в собственной стране по профессиональным вопросам.

Стимулирующим фактором установления контактов с носителями языка является реализация билингвальных проектов (научно-практических конференций, совместных научных исследований, семинаров, форсайтов, кооперационных бирж), а также общественных мероприятий (фестивалей, спортивных игр, конкурсов, смотров и т.д.). Здесь невозможно обойтись без знания иностранных языков. Специалисты же, которые хотят устанавливать и развивать деловые контакты с партнерами, должны постоянно совершенствовать свои языковые компетенции ради достижения профессиональных целей.

Таким образом, стремление быть востребованным в современном обществе дает оправданный стимул к образованию и самообучению [1, с. 137], что имеет большое значение для каждого лично, а также полезно для выполнения учебных целей занятий.

Владение стратегиями учения является предпосылкой для самостоятельного обучения и ставит принцип «учиться учению» в центр внимания, что дает импульс для тренинга стратегий учения, чтобы, в конечном счете, создать и совершенствовать самостоятельность учащегося, которая, в свою очередь, исключает руководство данным видом обучения «извне». Владение стратегиями учения, таким образом, предполагает

решение следующих вопросов лично учащимся: какие учебные материалы и вспомогательные средства он будет использовать, будет ли он заниматься индивидуально или в команде, как он будет распределять свое учебное время, как он будет проверять, успешно ли занимается или нет.

Итак, учащиеся сами инициируют свое обучение, направляют и организуют его, а также совершенствуют. Это предполагает большую самодисциплину и силу воли. К сожалению, на повседневных занятиях не всегда и не у всех учащихся наблюдаются эти качества в достаточной мере [2, с.22]. Кроме того, самостоятельность учения ограничена следующими рамками: любое занятие по иностранному языку направлено на выполнение определенной цели посредством учебных планов, учебников или других пособий. Это означает, что абсолютная произвольность учения не сохраняется. Не отменяется в данном случае и контроль преподавателя за ходом учебного процесса, он должен следить, каким образом меняется восприятие книг по иностранному языку, на каких этапах учения можно содействовать самостоятельности учащихся, как могут дифференцироваться и учитываться индивидуальные учебные потребности учащихся на занятиях, как можно довести до осознания учащихся разнообразные стили и привычки в учебе и при возможности изменить их, как разъяснить учащемуся мысль о самостоятельном учении и сделать ее приемлемой, какие изменения в роли учителя и в роли учащегося несет с собой самостоятельное учение, как может быть начато самостоятельное учение в рамках отдельного учебного заведения, как убедить руководство учебного заведения, отдел образования в необходимых переменах [3, с. 174].

Более того, в обязанности преподавателя входит: помощь в разработке стратегий самостоятельного учения; знакомство с мотивами самообучения, развитие ответственности учащегося перед самим собой, разработка материалов занятий для самостоятельно управляемого обучения, расширение набора методических приемов для помощи в организации самостоятельного обучения учащихся.

Библиографические ссылки

1. *Dahlhaus B.* Fernstudieneinheit 5. Fertigkeit Lernen. Langenscheidt : Berlin/München, 2017. S.141.
2. *Сагитова Р.Р.* Формирование самообразовательной компетенции студентов вуза в процессе изучения гуманитарных дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2011. 22 с.
3. *Гаранина Ж.Г.* Структура и уровни личностно-профессионального саморазвития будущих специалистов // *Фундаментальные исследования*. М. : Academia, 2013. Ч. 1. №6. С. 179–181.

К.А. Гирфанова, И.А. Черемисина Харрер (Томск, Россия)

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ: ТРУДНОСТИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам, с которыми сталкиваются иностранные студенты при изучении русского языка на начальном этапе. В связи с этим охарактеризован фонетический и лексический материал русского языка; изучены основные компетенции, способствующие освоению русского языка и успешной реализации в профессии: коммуникативная, языковая, лингвокультурологическая; представлен краткий обзор учебной литературы для преподавателя.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, языковая компетенция, коммуникативная компетенция, лингвокультурологическая компетенция*

Процессы глобализации и интернационализации в образовании способствуют межнациональным связям и контактам, развитию кросскультурных исследований, создают основу для диалога культур [1]. В связи с этим в современных условиях требуются специалисты, которые обладают многомерным мышлением, способны видеть мир через другую культуру, владеют не одним, а несколькими иностранными языками. Это позволяет успешно реализоваться в профессиональной сфере.

Все больше иностранных студентов и исследователей изучают русский язык и культуру, так как знание иностранного языка открывает не только профессиональные перспективы, но и способствует научному, образовательному и культурному обмену. Для современного специалиста – это достаточно продуктивный путь в успешную профессиональную деятельность.

Русский язык изучает большое количество иностранных студентов из Китая, Бразилии, Египта, стран Африки и других. Первое, с чем неизбежно сталкиваются студенты, когда приезжают в Россию, – это языковой барьер. Незнание иностранного языка создает определенные проблемы (бытовые, социальные, культурные и т.д.), которые мешают комфортному существованию студента в другой стране.

Русский язык иностранные студенты изучают на подготовительном факультете. Пребывание в другой стране и незнание языка создает стрессовые ситуации, поэтому при изучении языка необходимо правильно определить мотивацию обучения. Для этого нужно исходить из особенностей преподавания дисциплины «Русский язык как иностранный», адекватно оценивать индивидуальные особенности студентов из разных стран, учитывать их мировоззрение, образ жизни, традиции, обычаи, уметь разнообразить сам процесс обучения языку.

Мотив достижения может быть доминирующим: студент точно знает, для чего ему нужен иностранный язык, например, быть успешным в выбранной профессии. Мотив самоутверждения поможет студенту приблизиться к русскоговорящему социуму, мотив идентификации позволит идентифицировать себя в иноязычной среде. Мотивация предшествует компетенции, является отправной точкой для дальнейшего развития и реализации [2, с. 346–347].

Процесс обучения иностранному языку предполагает формирование и развитие у студентов коммуникативной и языковой компетенции. Грамматический и прагматический компоненты являются частью коммуникативной компетенции. Без знания грамматики невозможно правильно понимать и выстраивать эффективную ситуацию общения.

Языковая компетенция связана с коммуникативной компетенцией. Формирование языковой компетенции предполагает владение комплексом знаний и навыков, которые позволяют использовать язык в различных сферах деятельности в соответствии с нормами изучаемого языка и стимулируют развитие языковых способностей. Посредством иностранного языка студент изучает языковую картину мира носителей языка: культурно-национальные особенности носителей языка. Поэтому важно также развивать лингвокультурологическую компетенцию студентов, умение анализировать и понимать другую культуру [3, с. 2–4]. Это позволит преодолеть культурные барьеры в устной и письменной коммуникации, поэтому на занятиях необходимо демонстрировать связь русского языка с культурой. В данном случае лексико-фразеологический материал обладает богатым ресурсом: фразеологизмы (*собаку съесть, тянуть лямку, семь пятниц на неделе, медвежья услуга*), синонимы (*красивый, прекрасный, пригожий; добрый, сердечный, славный*), топонимы (*пос. Белый Яр, село Моряковский Затон и т.д.*), пословицы (*вода камень точит, игра не стоит свеч, семь раз отмерь, один раз отрежь*), тропы (*железная правда, река жизни*), смысловое различие высказываний («*Да нет, наверное*», «*Нет, ну конечно, да*») и т.д. Изучение такого материала поможет иностранным студентам понять речевой этикет, коммуникативное поведение носителей языка.

При изучении русского языка иностранный студент испытывает некоторые трудности. Прежде всего, это связано с освоением фонетики русского языка. Сложности возникают при произношении звуков и при написании букв. В русском языке кириллический алфавит, в котором есть буквы, похожие на буквы английского алфавита, например, буквы *в, р, с, т*, путают с английскими *b [bi:], p [pi:], c [si:], t [et]*. При произношении трудности возникают со следующими звуками: [ы], например, [ми] вместо [мы]; [ж] в конце слова произносим, как [и]: *багаж-бага[и]*, поэтому

важно объяснить различие при написании и произношении. Иногда путают звуки [ч], [ш], например, *девушка-девочка*; или же в словах «автобус», «автомобиль» пишем [в], читаем [ф].

Чтобы студенты освоили буквы и звуки нужно подобрать тренировочный материал: повторять слоги, читать скороговорки, предложить записать на слух отдельные буквы или пригласить одного студента для записи фонетического диктанта. С помощью мультимедиа (аудио, видео) материалов, демонстрирующих повседневные ситуации, студенты могут лучше запоминать лексику русского языка. При запоминании отдельных слов обязательно должен быть визуальный ряд (картинки, карточки с предметами или реалии в виде игрушек). После запоминания можно предложить студентам самостоятельно назвать предметы по-русски.

Важное место занимает интонация в русском языке, поэтому необходимо познакомить студентов с интонационными конструкциями вопросительного, повествовательного и восклицательного предложения. Интонация является важным признаком речи и обладает коммуникативной, выделительной, модальной и эмоциональной функциями. Необходимо создавать типичные ситуации общения для демонстрации этого признака речи на практике.

Самым трудным для студентов является грамматика русского языка. Грамматические темы вызывают определенные сложности: категории рода, числа, падежа, падежные окончания существительных и прилагательных, спряжение глагола, совершенный и несовершенный вид глагола, местоимение. Для запоминания определенных форм и правил необходимо разнообразить ход занятия. При выполнении грамматических упражнений можно использовать не только учебное пособие, но и аудио-видео материалы, презентации, карточки, грамматические игры. При помощи дополнительных средств студенты лучше запомнят сложные грамматические случаи.

Важным средством обучения является диалог. Студенты могут, как самостоятельно составить диалог, так и создавать диалог совместно с педагогом или по группам. С первых занятий важно провести отбор актуальной общеупотребительной лексики, которая относится к определенной сфере общения (общезитие, университет, транспорт, больница и т.д.).

В начале изучения иностранного языка необходимо моделировать коммуникативные ситуации, связанные с представлением себя, со знакомством. На первых занятиях между педагогом и студентом в качестве языка-посредника может использоваться английский язык, если участники образовательного процесса достаточно хорошо им владеют. При знакомстве на английском языке можно узнать у студента как его зовут, почему он учит

русский язык и какую профессию он выбрал, попросить его обосновать свой выбор. После этого рекомендуется задать подобные вопросы на русском языке и проговорить ответы на них со студентом, повторить слова и фразы для установления контакта (*здравствуйте, как вас зовут, как ваши дела, приятно познакомиться, хорошо, спасибо, до свидания* и т.д.). Некоторые предметы и реалии можно изучать через английский язык, но обязательно фиксировать русский эквивалент на письме, при этом ставить ударение. Ударение в словах необходимо фиксировать педагогу на письме с первых занятий, чтобы студенты привыкали к правильной постановке ударения. В учебных пособиях, как правило, ударение графически выделено. Студентов можно познакомить с глаголами *говорить, читать, писать, слушать, смотреть*, которые часто используются на занятии. Объяснить их и попробовать составить простые предложения с глаголами. Данный вид деятельности поможет не только лучше запомнить новые слова, но и использовать их в разных коммуникативных ситуациях.

На данный момент существует большое количество учебно-методических комплексов, форумов, сайтов и электронных курсов для педагогов, обучающихся русскому языку как иностранному [4, 5, 6]. В свободном доступе есть аудио и видео материалы. Важно отобрать то, что необходимо конкретному педагогу и в соответствии с особенностями обучающихся провести анализ учебной литературы.

В качестве учебно-методического обеспечения на начальном этапе изучения могут использоваться следующие материалы: пособие С.А. Хаврониной «Русский язык в упражнениях» для проработки лексико-грамматического материала; учебник И. Мозеловой «Русский сувенир» (элементарный уровень) можно применять для развития коммуникативных навыков. Многообразие представленных диалогов с первых занятий позволит студентам погрузиться в разные коммуникативные ситуации. Учебник М. Нахабиной, В. Антоновой, И. Жабоклицкой и др. «Русский сезон» (элементарный уровень) поможет студентам отработать фонетические трудности, правильно произносить звуки и ставить ударение в словах, а также тщательно проработать грамматический материал русского языка. Оба издания являются учебными комплексами по русскому языку как иностранному: к учебникам прилагается рабочая тетрадь и компакт-диск. Тетрадь может использоваться для домашних заданий, повторения изученного материала.

Таким образом, на начальном этапе обучения студентов русскому языку как иностранному необходимо учитывать особенности инофона, использовать богатый и разнообразный материал учебных пособий, чередовать коммуникативные упражнения с лексико-грамматическими для адекватного восприятия и усвоения информации студентами. Русский язык

позволяет студентам сформировать и развить основные компетенции: языковую, коммуникативную, и лингвокультурологическую, которые впоследствии помогут успешно реализовать себя в профессиональной сфере.

Библиографические ссылки

1. *Вербицкая Л.А.* Глобализация и интернационализация в образовании и важность изучения иностранных языков // Мир русского слова. 2010. №2. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_231 (дата обращения 01.02.2019).
2. *Мулюкова Э.Н.* Проблема мотивации в обучении русскому языку как иностранному // Вестник Казанского технологического университета. Казань, 2013. Т.15. С. 346–349. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-motivatsii-v-obucheni-nii-russskomu-yazyku-kak-inostrannomu> (дата обращения 20.01.2019).
3. *Бирюкова М.С.* Лингвокультурологическая компетенция: содержание и основы // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. Курск, 2016. № 4(40). С. 1–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kompetentsiya-soderzhanie-i-teoreticheskie-osnovy> (дата обращения 03.02.2019).
4. Журнал об РКИ, РКН. URL: <https://marjulia.livejournal.com/> (дата обращения 04.12.2018).
5. Международный центр русского языка как иностранного. URL: <https://www.rki-site.ru/> (дата обращения 20.12.2018).
6. Центр русского языка МГУ. URL: <https://mgu-russian.com/ru/teach/courses> (дата обращения 20.12.2018).

РАЗДЕЛ V

ЭТНИЧНЫЯ МЕНТАЛІТЭТЫ Ў СЛОВЕ

В.А. Арцёмава (Мінск, Беларусь)

КАТЭГОРЫЯ ДЭЙКСІСУ Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ: СЕМАНТЫКА-ПРАГМАТЫЧНЫ АСПЕКТ

У артыкуле абгрунтоўваецца семантыка-прагматычная канцэпцыя дэйксісу ў беларускай і англійскай мовах, вызначаюцца агульнае і спецыфічнае ў семантыцы, структуры і функцыянаванні дэйктычных адзінак даследаваных моў, выяўляюцца тыпалагічныя заканамернасці спосабаў яго выражэння, вызначаюцца тыпы міжмоўнай беларуска-англійскай дэйктычнай эквівалентнасці і прадстаўляюцца прычыны яе лексікаграфічны параметрызацыі.

Ключавыя словы: *дэйксіс, дэйктычная адзінка, міжмоўная эквівалентнасць.*

Сучасны этап развіцця мовазнаўства характарызуецца зваротам да вывучэння камунікатыўна-прагматычных аспектаў моўных з'яў. Неад'емным кампанентам чалавечай дзейнасці, пазнання і зносін з'яўляецца *дэйксіс* – універсальная катэгорыя моўнай сістэмы, што ажыццяўляе ўказанне на суб'ектава-прасторава-тэмпаральныя параметры камунікацыі, забяспечвае яе суаднесенасць з рэчаіснасцю і рэпрэзентуецца на словаўтваральным (прэфіксы), граматычным (катэгорыя асобы і часаватрывальныя формы дзеяслова), лексіка-фразеалагічным (асабовыя, прыналежныя, зваротныя і указальныя займеннікі, часціцы, прыслоўі, прыназоўнікі, прыметнікі, дзеясловы, назоўнікі і фразеалагізмы) узроўнях беларускай і англійскай моў.

Катэгорыяльныя прыметы дэйктычнай семантыкі – высокая ступень абагульненасці, камунікатыўна-прагматычная абумоўленасць, эгацэнтрычнасць, сітуацыйнасць і адноснасць – прадвызначаюць аднясенне моўнай адзінкі да цэнтра або блізкай перыферыі беларускага і англійскага семантычных палёў дэйксісу. Цэнтры семантычных палёў у даследаваных мовах канстытуюцца асабовымі (*я, I*), прыналежнымі (*мой, my*), зваротнымі (*сябе, oneself*) і указальнымі займеннікамі (*эта, мой, this, that, these, those*), указальнымі прыслоўямі (*тут, там, here, there*), часціцамі (*вунь, унь*), трывала-часавымі формамі дзеяслова. Тэмпаральныя і прасторавыя прыназоўнікі (*да, перад, after, before*), прыслоўі, дзеясловы перамяшчэння (*прыйсці, come*), прыметнікі (*правы, right*), фразеалагізмы (*там і тут, here and there*) і прэфіксы (*да-, дарэвалюцыйны, pre-, prerevolutionary*) канстытуюць блізкую перыферыю палёў дэйксісу ў беларускай і англійскай мовах.

Катэгорыя дэйксісу ў беларускай і англійскай мовах з'яўляецца поліцэнтрычнай структурай з трыма інварыянтнымі семантычнымі параметрамі – персанальнасцю, лакатыўнасцю і тэмпаральнасцю. Беларускія і англійскія моўныя сродкі мікрапалёў асабовага дэйксісу эксплікуюць ўказанне на ўдзельнікаў камунікацыі (адрасант: *я, I, мы, we*; адрасат: *ты, вы/you*; некамунікатыўныя асобы: *ён, яна, яны, he, she, they*). Мікрапалі прасторавага дэйксісу маніфестуюць размяшчэнне аб'ектаў з указаннем на адлегласць і без пазначэння адлегласці да месцазнаходжання аб'екта ўказання (блізка / недалёка / далёка: *зблізку, near/наводдалек; afar/далёка*), напрамак яго перамяшчэння (ад суб'екта / да суб'екта / ад–да суб'екта: *ад, from; да, to; туды-сюды, hither and thither*). Мікрапалі тэмпаральнага дэйксісу рэпрэзентуюць парадак падзей, дзеянняў, з'яў, што папярэднічаюць пункту адліку з указаннем на аддаленасць (даўно, нядаўна: *даўні, ancient; нядаўні, recent*) і без пазначэння аддаленасці (*учора, yesterday*), адначасовых (*цяпер, now*) і наступных з указаннем на блізкае (*скора, soon*) або аддаленае знаходжанне падзей (*нескора, late*) і без пазначэння на аддаленасць ад пункту адліку (*паслядзейнае, afterglow*). Вылучаныя 5 тэматычных груп і 17 падгруп маніфестуюць тэматычнае адзінства моўнай рэпрэзентацыі дэйксісу і дэманструюць комплексны характар гэтай катэгорыі ў беларускай і англійскай мовах.

Агульнымі канцэптуальнымі характарыстыкамі дэйксісу ў даследаваных мовах выступаюць яе **антрапацэнтрычнасць і прагма-камунікатыўная абумоўленасць**. *Антрапацэнтрычнасць* маніфестуецца арыентацыяй ўказання на прасторава-часавыя параметры камунікацыі адносна перцэпцыйнага суб'екта, вобразную сувязь дэйктычных беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з часткамі цела чалавека (*вока ў вока, eye to eye*), адлюстраваннем у семантыцы гэтых адзінак прыроджаных інстынктаў індывідаў (*лахі над пахі, run for it*), працэсаў сацыялізацыі (*павылятаць з гнязда, fly the nest 'пакінуць родную хату'*). *Прагма-камунікатыўная абумоўленасць* дэйксісу рэпрэзентуецца прагматычным аспектам аб'ектаў ўказання, у якасці якіх выступаюць кампаненты маўленчай сітуацыі – удзельнікі, месца і час.

Нацыянальна-спецыфічныя рысы рэпрэзентацыі катэгорыі дэйксісу ў беларускай і англійскай мовах праяўляюцца ў **перцэпцыйным, аксіялагічным, сацыякультурным і лінгвакультурным** аспектах.

Перцэпцыйныя адрозненні маніфестуюцца трохчленнай структурацыяй указання на размяшчэнне аб'екта (блізка-недалёка-далёка: *побач-наводдалек-далёка*), значнасцю ўласцівасцей траекторыі яго перамяшчэння (транзітыўны дэйксіс: *тудой, сюдой*) і перавагай зрокавага ўспрымання ў беларускай мове (*куды вочы глядзяць*). Носьбіты англійскай мовы маркіруюць ўказанне на двучленную лакалізацыю аб'екта (блізка-далёка:

near-far) зрокавым (*eye to eye*) і слыхавым аналізатарамі (*within earshot*).

Аксіялагічная ідэаэтночнасць праяўляецца значнай ступенню эмагійнасці ўказання на блізкае або аддаленым размяшчэннем аб’екта і яго нечаканым набліжэннем для беларусаў (*ліха прынесла*) і нейтральнасцю гэтых дзейных параметраў у плане эмоцый для носьбітаў англійскай мовы. Англійская сацыякультурная спецыфіка рэпрэзентуецца ўказаннем на строга рэгламентаваную структурацыю асобнай сферы камунікантаў (*give a wide birth* ‘трымаць на паважнай адлегласці’), парушэннем адзінства прасторы камунікантаў пры размове па тэлефоне (*Hello, this is Clair. Who is that speaking? Is that Mike?* ‘– Алло, Клэр слухае. Хто гэта? Гэта (*той) Майк?’). Беларуская мова характарызуецца меншай ступенню рэгламентаванасці асобных сфер камунікантаў.

Лінгвакультурныя несупадзенні ў беларускай мове дэтэрмінауюцца міфалагізацыяй прасторавага дэйксісу і яго асэнсаваннем носьбітамі англійскай мовы пераважна ў святле хрысціянскай культурнай традыцыі. Пра гэта сведчаць лексемы з семантыкай беларускіх міфалагічных феноменаў *грымоты, кадук, ліха, пярун, халера* ў структуры дзейных беларускіх фразеалагізмаў (*кадук ведае дзе*), якія змяшчаюць указанне на напрамак перамяшчэння, і хрысціянскіх антыподаў Бога – *dickens, devil, deuce* – у структуры англійскіх фразеалагізмаў (*devil knows where*).

Тыпалагічныя асаблівасці даследаваных моў прадвызначаюць дамінауючы спосаб выражэння катэгорыі дэйксісу. Англійская мова як мова *non pro-drop* характарызуецца абавязковым ужываннем асабовых займеннікаў з абмежаваннем на магчымасць іх апушчэнне пры фінітнай форме дзеяслова (“*I don't know what to say,*” *Langdon said, coming up behind her* (D. Brown. *The Da Vinci Code*). ‘Не ведаю, што і сказаць’ [НКРЯ]), аблігаторная эксплікацыя катэгорыі дэтэрмінацыі прыналежнымі займеннікамі (*She came in and took her coat off right away and sort of chucked it on the bed* (J.D. Salinger. *The Catcher in the Rye*) [НКРЯ]. ‘Яна ўвайшла, адразу зняла пальто і шпурнула яго на ложак’), поўная карэляцыя асобы зваротных займеннікаў з асобай карэфэрэтнага асабовага займенніка – падвойнае маркіраванне асобы суб’екта дзеяння (*What future? he demanded of himself* (Walter M. Miller, Jr. *A Canticle For Leibowitz*). ‘Якую небяспеку? – спытаў ён сябе’ [НКРЯ]).

Беларуская мова як мова *pro-drop* характарызуецца пераважна імпліцытным характарам выражэння асабовага дэйксіса. Гэта абумоўлена развітой сістэмай спражэння, магчымасцю апушчэння асабовых займеннікаў 1-й і 2-й асоб пры дзеяслове-выказніку (*Ведаю, што і я вінаваты ў гэтым* (А. Курэйчык. *Згублены рай*) [НКРЯ]), факультатыўнай эксплікацыяй катэгорыі дэтэрмінацыі прыналежнымі займеннікамі (*Бацькаў гонар Пола Макартні назваў, а маці імя змякчыла* (У. Някляеў.

Лабух) [НКРЯ]) і факультатыўнасцю падвойнага дэйктычнага маркіравання асобы (*Я сябе ўяўвіў Нэлай, а Нэлу – мной* (У. Някляеў. Лабух) [НКРЯ]).

Флектыўны тып беларускай мовы прадвызначае сінтэтычны прэфіксальны спосаб выражэння прасторавага дэйксісу марфемамі з указаннем на набліжэнне да суб’екта (*да-, дабегчы, пад-, пад’ехаць, пры-, прыбыць, з-, сысціся*) або аддалення ад яго (*ад-, ад’ехаць, вы-, выйсці, за-, забрысці, з-, з’ехаць, па-, паехаць, параз-, паразбягацца, раз-, раз’ехацца*). Перавага параметраў корнеізалюючага тыпу ў структуры англійскай мовы абумоўлівае пераважна аналітычны спосаб выражэння прасторавага дэйксісу дзеясловамі руху ў спалучэнні з прыназоўнікамі і прыслоўямі (*go to, go from, go from to*).

Граматычныя сродкі актуалізацыі тэмпаральнага дэйксісу – часавыя формы дзеяслова даследаваных моў – ў кананічнай маўленчай сітуацыі арыентаваны адносна моманту прадудцыравання выказвання. Устаноўлена, што пераход у наратыўны рэжым інтэрпрэтацыі ў выглядзе ўскоснай мовы ў беларускай мове суправаджаецца зрушэннем цэнтра асабовага дэйксісу з заменай займеннікаў 1-й і 2-й асоб на 3-е месца ў даданым сказе складаназалежнага сказа. У англійскай мове адбываецца поўны дэйктычны зрух з абавязковым змяненнем цэнтра не толькі асабовага, але і прасторава-тэмпаральнага ўказання, калі дзеяслоў галоўнага сказа ўжываецца ў адным з прошлых часоў групы Past (Past Simple, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous): *Well, my father looked in his drawer and said that Arthur had taken clothes* (M. Connelly. City of Bones) [НКРЯ]. ‘Дык вось, бацька зазірнуў у скрыні яго камоды і сказаў, што Артур забраў свае рэчы’.

У працесе маўленчай інтэракцыі можа адбывацца частковае або поўнае разыходжанне прагматычных дэйктычных суб’ектна-тэмпаральна-прасторавых прэсупазіцый удзельнікаў камунікацыі, што ўзнікаюць з прычыны распылівістасці семантыкі дэйктычных маркераў і іх індыферэнтнасці да семантычнай дэталізацыі, што прыводзіць да ўзнікнення камунікатыўных няўдач. Колькасная перавага выпадкаў аманальнай інтэрпрэтацыі асабовых дэйктычных прэсупазіцый (55,1 %) над прасторавымі (26 %) і тэмпаральнымі (18,9 %), упершыню выяўленае ў даследаванні, сведчыць аб цэнтральнасці ўказання на удзельнікаў камунікацыі ў сістэме каардынатаў маўленчай падзеі: *А як там наш хлопчык? – Дзе там? – Выбачай...* (У. Някляеў. Лабух) [НКРЯ]. “*Mummy, do you hear that?*” “*Hear what child?*” *Fannie moved closer to her mother and said* (С. Arbogast. Hobnail) ‘Магуля, ты чуеш гэта?’ ‘Чуеш што, мілы?’.

Неразуменне, выкліканае неадназначнасцю або сэнсавай непаўнотай дэйктычнага маркера, кампенсуецца кантэкстам ці папаўняецца фонавымі ведамі суразмоўцаў.

Несупадзенне кагнітыўнага вопыту носбітаў беларускай і англійскай

моў дэтэрмінуе колькасныя і якасныя разыходжанні беларускіх і англійскіх дэйктычных адзінак. Гэта выяўляецца ў наступных тыпах іх міжмоўнай карэляцыі: поўныя дэйктычныя эквіваленты (*тут, here*), дэйктычныя адпаведнасці (*удалечы* – абласное, *far* – агульнаўжывальная), безэквівалентныя дэйктычныя (*дакастрычніцкі*) адзінкі. Дамінуючымі тыпамі міжмоўнага беларуска-англійскага дэйктычнага паралелізму выступаюць поўныя эквіваленты (55%) і дэйктычныя аналагі (43%). Безэквівалентныя беларускія дэйктычныя адзінкі маюць найменшую ўдзельную вагу (2%). Такім чынам, упершыню ўстаноўлены тыпы міжмоўнай беларуска-англійскай дэйктычнай карэляцыі, вызначана іх месца ў святле тэорыі міжмоўнай эквівалентнасці, што з’яўляецца перадумовай выяўлення характару сувязі паміж тыпам мовы і спецыфікай яго дэйктычнай сістэмы.

Для устаноўленых 17 беларускіх і англійскіх падгруп з семантыкай ўказання на суб’ектаў камунікацыі ўласцівы розныя тыпы карэлятыўнасці, што знаходзяць колькаснае выражэнне ў індэксе міжмоўнай дэйктычнай эквівалентнасці, індэксе нацыянальнай дэйктычнай спецыфікі і індэксе безэквівалентнасці. Максімальныя паказчыкі індэкса міжмоўнай эквівалентнасці, зафіксаваныя ў семантычных падгрупах: папярэднічанне з указаннем на аддаленасць і без ўказання на аддаленасць адносна пункту адліку. Максімальныя паказчыкі індэкса нацыянальнай спецыфікі ўласцівыя ўказанню на хуткую ці няхуткую паслядоўнасць падзей адносна пункту адліку. Нізкія паказчыкі індэкса безэквівалентнасці, устаноўленыя ў 17 семантычных падгрупах, сведчаць пра аднанакіраванасць шляхоў моўнай аб’ектывацыі ўказання на ўдзельнікаў, месца і час маўленчай падзеі ў даследаваных мовах.

Мы ўстанавілі абагульнены індэкс беларуска-англійскай міжмоўнай дэйктычнай эквівалентнасці (0,55) і абагульнены індэкс беларускай нацыянальнай спецыфікі дэйктычнай семантыкі (0,45), якія дэманструюць сіметрычныя суадносіны ўніверсальнасці і этнаспецыфічнасці ў рэпрэзентацыі катэгорыі дэйксісу ў беларускай мове ў супастаўленні з англійскай.

Праведзеная тэматычная дыферэнцыяцыя і параметрызацыя беларускіх і англійскіх дэйктычных адзінак дазволіла скласці “Беларуска-англійскі ідэаграфічны слоўнік катэгорыі дэйксісу”, кампаратывны аналіз 17 падтаксонаў якога сведчыць пра ўніверсальнасць лакатыўных (указанне на блізкае / аддаленае размяшчэнне аб’екта: 102 беларускіх і 137 англійскіх адзінак), кінетычных (указанне на напрамак перамяшчэння ад / да суб’екта: 359 беларускіх і 145 англійскіх адзінак) і таксісных (указанне на папярэднічанне / паслядоўнасць падзей: 204 беларускіх і 181 англійскіх адзінак) дэйктычных апазіцый ў даследаваных мовах. Мікраструктура слоўніка – гэта лексікаграфічны артыкул, у якім прадстаўлена поўнае

апісанне беларускай дэйктычнай адзінкі ў семантычным, структурна-граматычным і функцыянальна-прагматычным аспектах на беларускай мове з ілюстрацыйнымі кантэкстамі. Артыкул выглядае наступным чынам:

ВЫ. Займеннік.

Ужываецца пры звароце да некалькіх асоб, а таксама як форма ветлівага звароту да адной асобы.

=you

– *Даўно ж вы прыехалі ў Цельшына?* – *запытаў Лабановіча Кірыл* (Я. Колас. У палескай глушы) [НКРЯ];

I'm glad you've come, Scarlett (M. Mitchell. Gone with the Wind) [НКРЯ] 'Я рады, што вы прыехалі, Скарлет'.

Вынікі праведзенага даследавання могуць быць выкарыстаны пры распрацоўцы тэорыі лінгвістычнай тыпалогіі і прагмалінгвістыкі, у лексікаграфічнай практыцы пры складанні перакладных беларуска-англійскіх і англа-беларускіх слоўнікаў, у выкладанні англійскай мовы і беларускай мовы як замежнай у ВНУ, каледжах, ліцэях, школах.

Умоўныя скарачэнні

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: [http:// www.ruskorpora.ru](http://www.ruskorpora.ru). (дата звароту: 20.04.2018).

Ю.В. Бекреева (Минск, Беларусь)

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРОФЕССИИ В СЕМАНТИКЕ ПРОИЗВОДНОГО ГЛАГОЛА

Статья посвящена проблеме отражения стереотипных представлений в языковом знаке. Предметом анализа являются семантические признаки, отражающие знания об исполнителе действия в структуре значения английских глаголов, образованных по конверсии от номинаций *представитель профессии*. Исследование словообразовательной связи, смысловой структуры и функциональных особенностей производного глагола позволяет реконструировать фрагменты национального стереотипа представителя профессии в англоязычной культуре.

Ключевые слова: *лексическое значение, производный глагол, конверсия, субъект, прототип, стереотип, системно-функциональный анализ.*

Лексическое значение рассматривается как хранитель человеческого опыта, представлений, культурных норм и стереотипов. Опираясь на данное

положение, актуальным представляется поиск того, **что** из познанного остается закрепленным в значении лексической единицы из всего опыта, накопленного языковым коллективом. В данной статье мы ставим целью раскрыть, как стереотипные представления о представителе определенной профессии проявляются в семантике английского глагола, производного от наименований субъекта деятельности.

Концептуальная связь субъекта и действия – действие не мыслится без субъекта; субъект не существует вне действия – находит отражение в значении глагола как основной номинации действия. Как отмечает А.А. Уфимцева, глагол, являясь признаковым именем, формирует свое значение в номинативном акте с учетом носителя (субъекта и/или объекта) данного признака и в коммуникативном акте, где оно конкретизируется и формирует круг своих именных актантов [1, с. 137].

Наше исследование предлагает новый взгляд на семантическое представление концепта *субъект* в структуре значения глагольного слова. Объектом исследования послужили глагольные номинации, в значении которых включена информация о вероятном исполнителе (субъекте) означаемого действия. Данная информация может быть синтезирована как семантический компонент *субъект*, который составляет импликационную часть глагольного значения.

В основе выделения семантического компонента *субъект* в глагольном значении лежит системно-функциональный принцип. Сущность системного принципа заключается в том, что в семантической структуре глагола устанавливаются дифференциальные признаки, определяющие субъект в обозначаемой динамической ситуации. Функциональный принцип состоит в том, что в сочетаниях глагола с именами в роли субъекта выделяются актуализированные субъектные признаки, которые обеспечивают синтагматическую связь в предложении-высказывании. Применение двухаспектного принципа позволяет установить коммуникативно значимые относительно устойчивые семантические признаки, которые составляют содержание компонента *субъект* в структуре глагольного значения.

Особую группу глаголов с включенным семантическим компонентом *субъект* составляют номинации, образованные по конверсии от имен существительных, обозначающих субъект деятельности, например, *a pilot* ‘пилот’ – *to pilot* ‘пилотировать’. При конверсии осуществляется перекатегоризация слова, т.е. переход в другую часть речи. На фоне функциональной дифференциации сохраняется фонетическая идентичность и семантическая связь производящей базы и производного слова. Таким образом, субъект как часть значения глагола в группе лексем, производных от имен существительных, рассматривается с точки зрения морфолого-семантической инкорпорации, поскольку номинация субъекта совпадает с

формой глагола.

Морфолого-семантическая инкорпорация субъекта обуславливает особенности внешнего выражения агенса при глаголе-предикате. По образному выражению Е.В. Падучевой, инкорпорированный участник имеет ранг «за кадром» [2, с. 57]. А.В. Ломовая, анализируя особенности агентивных отношений в предложениях с глаголами-конверсивами, отмечает, что сема деятеля дублируется, когда внешний агенс выражен референтом-человеком. Автор также указывает на возможность потери сем, определяющих принадлежность к профессии, полу или человеческому роду [3, с. 72–73].

Представление о субъекте обозначаемого действия выражено через корневую морфему, в структуре формы слова, которая фиксирует образ прототипического субъекта. В данном случае понятием *прототипический субъект* мы обозначаем наиболее типичного исполнителя обозначенного действия, например, *кто [обычно, чаще всего, очевидно] лечит – врач; врач – прототипический субъект для данного действия*. В производном глаголе *to doctor* ‘лечить, врачевать’ образ прототипического субъекта – *doctor*.

Дефиниционный анализ позволил выявить два способа выражения субъекта в значении производного глагола. В словарных определениях отдельных производных глаголов были установлены случаи прямого указания на субъект в форме сравнительного оборота, например, *tinker* ‘чинить’ – *tend (pots or pans) as a tinker* ‘чинить (горшки или кастрюли) как лудильщик’. В данном случае определение субъекта в глагольном значении осуществляется прототипным способом, т.е. на основе представления о стандартном образце.

В целом ряде глаголов-конверсивов наличие образа прототипического субъекта в значении подтверждается только ассоциативной связью с внутренней формой слова. В словарной дефиниции таких глаголов выделяются конкретизаторы, указывающие на определенные характерные свойства исполнителя действия. Следовательно, определение субъекта осуществляется атрибутивным способом – по характеризующему признаку. При этом импликационные признаки субъекта, определяющие исполнителя действия с точки зрения его дееспособности, взаимосвязаны с интенциональными (обязательными) признаками, отражающими способ действия, цель действия и/или сферу деятельности. С другой стороны, признаки исполнителя действия, закрепленные в значении производного глагола, соотносятся с образом прототипического субъекта по принципу «семейного сходства». Показатель «семейного сходства», заимствованный у Л. Витгенштейна [4, с. 32], рассматривается как совокупность признаков «прототипичности», которые определяются на основе подобия с прототипом. Прототип, в свою очередь, максимально полно воплощает

характерные для данной категории субъектов деятельности свойства и особенности [5]. Кроме того, субъектные семантические признаки имеют ярко выраженный прагматический характер, поскольку субъект действия определяется «глазами наблюдателя», а факт их закреплённости в структуре глагольного значения свидетельствует о наличии в сознании носителей языка устойчивых, стереотипных, представлений об исполнителе обозначаемого действия.

Приведем пример. В определении значения производного глагола *usher* ‘провождать, сопровождать, показывать места’ содержится указание на способ действия, который включает атрибутивные признаки субъекта – вежливый, угодливый, подобострастный: *conduct or escort, esp. in a courteous or obsequious way*. Поскольку данные признаки, как мы указывали ранее, проявились в значении производного глагола по линии подобия с прототипическим субъектом, выраженным именной номинацией, можно реконструировать стереотип о представителе профессии *usher*¹⁶ в английском языке: *usher is polite, courteous, obsequious*.

Стереотипные представления о представителе профессии находят отражение и во вторичных вариантах значения производного глагола. Лексико-семантические варианты (ЛСВ) в структуре многозначного глагола *to butcher* ‘забывать, резать (скот); безжалостно убивать; резко критиковать; вырезать (часть текста), кромсать (при редактировании)’ обнаруживают аналогичные эпидигматические связи по субъектному компоненту, что и ЛСВ мотивирующего имени. Так существительное *butcher* ‘мясник’ в первичном значении определяет представителя профессии: ‘человек, который забывает скот, разделывает и продает мясо’. Во вторичных ЛСВ значение переосмысливается метафорически: *butcher 2* ‘жестокий убийца’ и *butcher 3* ‘человек, который что-то разрушает, портит, портачит’. Смысловая структура глагола *to butcher* включает три ЛСВ, которые соответствуют выделенным вариантам значения существительного:

ЛСВ 1 ‘резать, свежевать, разделывать мясо животного’ – прототип «мясник»;

ЛСВ 2 ‘убивать беспорядочно и жестоко’ – прототип «убийца»;

ЛСВ 3 ‘создавать беспорядок, портить, разрушать’ – прототип «неумеха».

Эпидигматические связи между ЛСВ выстраиваются на отношении подобия субъекта по характеру и способу воздействия на объект-жеству. Интегральную функцию для ЛСВ 1 и ЛСВ 2 выполняют

¹⁶ Перевод данного наименования профессии на русский язык имеет несколько вариантов ‘швейцар, пристав, церемониймейстер, младший учитель, билетер’.

импликациональные семантические признаки субъекта: «сильный», «умелый». В состав субъектного компонента ЛСВ 2 включены признаки «безжалостный», «жестокий», «кровожадный», «неразборчивый». Концептуально данные признаки отражают стереотип профессионального мясника.

Аналогичный характер деструктивного воздействия на объект (уничтожение, разрушение) лежит в основе метафорической связи ЛСВ 2 и ЛСВ 3. Признак «неразборчивый», отражающий способность субъекта направлять или ограничивать воздействие на объект, сохраняется в импликационале; причина такого типа воздействия переосмысливается, что приводит к выдвиганию субъектных семантических признаков «неумелый», «неловкий». Итак, реконструируемый стереотип представителя профессии *butcher* включает следующие характеристики: опытный, хладнокровный, жестокий, безжалостный, может быть неумелым, некомпетентным.

Полисемантическая структура глагола *butcher* полностью согласована со структурой мотивирующего имени, однако в большинстве случаев обнаружены отдельные вторичные значения глагола, которые согласуются со вторичными значениями мотивирующего имени. В смысловой структуре исследуемых глаголов также выделяются ЛСВ, не имеющие аналогичных моделей деривационных отношений в структуре полисемии мотивирующего имени. Например, в смысловой структуре глагола *to doctor* лишь три ЛСВ соотносятся с ЛСВ мотивирующего имени *doctor*. ЛСВ 1 'доктор как лицо, квалифицированное в области медицины' выполняет функцию прототипического субъекта для нескольких ЛСВ производного глагола:

ЛСВ 1 'предоставлять медицинские услуги, лечение';

ЛСВ 2 'прописывать лекарства или способ лечения';

ЛСВ 3 'заниматься медициной'.

Вторичный ЛСВ имени, обозначающий ремонтника-любителя, определяет прототипический субъект для глагольного ЛСВ *doctor 4* 'чинить кустарным способом, самодельно'. Другие значения мотивирующего имени (доктор-ученый, доктор-законовед, доктор-богослов) не выступают в качестве прототипического субъекта для вторичных ЛСВ отыменного глагола *to doctor*. Кроме того, в смысловой структуре мотивирующего имени нет аналогов для обозначения субъекта действия, представленного ЛСВ 5 и 6 производного глагола: 'фальсифицировать; поддельвать' и 'адаптировать под определенные цели'. Устойчивая ассоциативная связь мотивирующего имени субъекта и производного глагола, закрепленная материальной формой, позволяет сохранять противоречивые стереотипы о представителе данной профессии: доктор как шарлатан и доктор как тот, кто

целенаправленно улучшает состояние объекта (пациента).

Признаки подобия с прототипическим субъектом, обнаруженные в структуре значения производных глаголов, носят системный характер и на оси функционирования приобретают статус концептуальной метафоры. Например, при анализе структуры значения глагола *to marshal* 'выстраивать (войска); располагать по порядку; систематизировать; сортировать' были выявлены субъектные признаки: «вышестоящий по статусу», «волевой», «организованный». Анализ предложений с данным глаголом из корпуса текстов BNC [6] подтверждает актуализацию выделенных признаков. Например, *She was marshaling all her reserves of anger and distaste, but they were being insidiously undermined by a sensation she couldn't begin to describe.* 'Она собирала все свои резервы злости и недовольства, но они коварно подавлялись чувством, которое она не могла и близко описать'. В данном предложении предикат *marshal* выражает вторичное значение 'брать под контроль'. Агнс относится к категории «человек». Подобие с субъектом-прототипом «маршал», которое передается формой предиката, актуализирует признаки, характеризующие агнс как волевого, главенствующего лица.

Итак, системно-функциональный анализ глаголов, производных от наименований представителей профессии позволил установить ряд стереотипных представлений о характерных свойствах и качествах субъекта обозначаемого действия. Представим некоторые из них в следующей таблице:

Таблица

Стереотипные представления в структуре значения глаголов, производных от наименований профессии

Глагол	Наименование профессии	Импликационные признаки субъекта, отражающие стереотип
advocate	адвокат	серьезный в своих убеждениях, авторитетный
broker	брокер, посредник	влиятельный, авторитетный, миротворец
engineer	инженер	хитроумный, талантливый, ловкий, креативный
nurse	няня	заботливый, внимательный, умелый
shepherd	пастух	внимательный, обходительный, заботливый, бережный
tinker	лудильщик, сапожник	изобретательный, неловкий,

		несерьезный
tutor	учитель, воспитатель	авторитетный, строгий

Приведенные примеры показывают, что содержание семантического компонента «субъект» для производных отыменных глаголов формируют признаки «семейного сходства», отражающие статусные, социальные характеристики и конвенциональные психофизические свойства, выделяемые на основе подобия с субъектом-прототипом, закрепленным в морфологической форме глагола. Таким образом, морфолого-семантическая инкорпорация субъекта в глагольном значении является еще одним способом репрезентации устоявшихся стереотипов и ассоциаций.

Библиографические ссылки

1. Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики) / А.А. Уфимцева. М. : Наука, 1986. 239 с.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. М. : Языки слав. культуры, 2004. 608 с.
3. Ломовая А.В. Двойное выражение однотипных логико-семантических отношений в английских предложениях с отыменными конверсионными глаголами / А.В. Ломовая // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. 2012. № 1 (56). С. 71–79.
4. Wittgenstein L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein. Oxford : Blackwell, 1963. 167 p.
5. Mervis C.B. Family resemblances: studies in the internal structure of categories / C.B. Mervis, E. Rosch // Cognitive Psychology. 1975. № 7. P. 573–605.
6. British National Corpus [Electronic resource] / Brigham Young Univ. Mode of access: <http://corpus.byu.bnc.edu>. Date of access: 03.02.2019.

А.П. Клименко (Минск, Беларусь)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛЯ *ВРЕМЯ*

В статье представлены результаты психолингвистических экспериментов, проведенных автором с целью выявления системных связей слов со значением времени, которые присутствуют в языковом сознании носителей русского языка. На основе полученных данных выстраивается модель семантического поля *время*, состоящая из нескольких семантических групп: названий отрезков времени, промежутков времени, времен года, времен суток, названий месяцев, дней недели и т.д. Сопоставительный анализ экспериментально выстроенных моделей поля *время* в русском, украинском и белорусском языках позволяет раскрыть ряд общих закономерностей полевой структуры и национальную специфику семантических связей внутри поля.

Ключевые слова: психолингвистика, ассоциативный эксперимент,

Одним из важных результатов изучения языка за последние десятилетия является широкое признание системности лексики. В понимании лексики как системы важный вклад был внесен психолингвистикой. Убедительное подтверждение реально существующих связей между лексемами в сознании носителей языка, с одной стороны, а также утверждение о необходимости системного упорядочения лексики для ее использования в процессе производства и восприятия текстов, с другой стороны, стали важными элементами в распространении представлений о системности словаря. Кроме того, экспериментальные исследования в рамках психолингвистики позволяют раскрыть национально-культурную специфику лексических объединений в разных языковых системах. Таким образом, результаты психолингвистических экспериментов, в первую очередь ассоциативного эксперимента, могут послужить источником новых достижений этнолингвистической науки и внести вклад в решение одной из ключевых проблем в языкознании, а именно: соотношение универсального и национального в языке. К обозначенной линии исследований относится психолингвистическое моделирование лексико-семантического поля *время*, представленное в настоящей статье.

Для того, чтобы установить действительное существование в сознании носителей языка группировки слов со значением времени, было признано целесообразным произвести ее отбор экспериментально. Так, в ассоциативном эксперименте в ответ на одно из самых частых слов с временным значением в русском языке – *год* – испытуемые должны были записать слова, которые в их сознании связываются с этим словом. Анализ полученных данных показал: 30 испытуемых дали 151 разное слово, повторяющееся не менее чем в двух ответах; слова эти встретились 834 раза, т.е. слово в среднем встретилось 5 раз. Из 40 слов, встретившихся в результатах эксперимента чаще, чем «среднее» слово, т.е. 6 и более раз, 25 слов появились по синтагматическим связям, 12 слов, встретившихся 214 раз, – существительные, обозначающие временные понятия (*месяц, весна, лето, день, неделя, зима* и др.) и 3 слова из смежных семантических полей (*солнце, праздник, число*).

Во втором эксперименте испытуемым предлагалось не одно слово, а несколько слов с временным значением, полученных в качестве частотных в первом эксперименте. На каждое из предъявленных слов-стимулов испытуемые должны были дать одно слово, ассоциативно связанное с предлагаемым. В результате этого эксперимента список пополнился еще такими словами: *столетие, дата, миг, мгновение, момент, будущее, шестидневка, срок* и др.

Далее данные по составу семантического поля времени были пополнены словами из третьего эксперимента, в котором предлагалось испытуемым между двумя словами, например, *пора – сезон, пора – полночь, полночь – сезон, пора – вечность*, вставить третье, соотносимое с ними по смыслу.

В результате анализа данных трех экспериментов определился список слов, состоящий из 60 существительных: *август, апрель, будущее, век, весна, вечер, вечность, воскресенье, время, вторник, год, грядущее, дата, декабрь, день, зима, июль, июнь, лето, май, март, мгновение, месяц, миг, минута, момент, настоящее, неделя, ночь, ноябрь, октябрь, осень, период, полдень, полночь, понедельник, пора, праздник, прошлое, пятница, сезон, секунда, семилетка, сентябрь, среда, срок, столетие, суббота, сутки, тысячелетие, утро, февраль, час, четверг, шестидневка, эпоха, эра, январь*. Разумеется, список можно было бы составить на основании словаря. Однако проведенные опыты продемонстрировали значительные связи в сознании испытуемых. Они давались в качестве ответов на заданные слова в течение сравнительно коротких сроков, без специальных логических размышлений. Показательно, что ответы испытуемых охватили почти все существительные с временным значением. Показательна также и высокая частота большинства слов с временным значением по сравнению со словами из других полей. Это свидетельствует опять-таки о наличии в сознании испытуемых определенной системы слов, а в частности, системы слов с временным значением.

Наличие такой системы слов было подтверждено еще в двух опытах на подбор близких по смыслу слов из группы слов из разных лексико-семантических полей. В одном эксперименте прямо ставилась задача отобрать из списка, состоящего из десяти слов каждый, те слова, которые ассоциируются по смыслу со словом *год*. Рассмотрим некоторые результаты этого эксперимента. Из 11 существительных, отобранных большинством испытуемых в эксперименте, 6 относятся к семантическому полю времени: *лето, время, семилетка, день, будущее, минута*, а остальные – *конец, итог, течение, часть, жизнь* – к смежным полям.

В другом эксперименте, подобном предыдущему, испытуемым предлагалось из списка, содержащего 40 слов, выбрать 5 пар слов, связанных по смыслу. Результаты этого эксперимента также показали, что среди полученных от испытуемых пар слов первое место заняли пары слов с временным значением: *век – столетие, январь – зима, январь – месяц, час – время, минута – секунда, неделя – срок, час – минута, вечер – утро, век – год, неделя – месяц, вечер – ночь, день – утро, время – минута, ночь – утро*. На втором месте были названы пары, в которые были включены наряду с временными словами, слова, принадлежащие к смежным семантическим полям: *конец, итог, течение, жизнь, часть*. Это свидетельствует опять-таки

о наличии в сознании говорящих определенной системы слов, а в частности, системы слов с временным значением, а также, в некоторой степени, могут дать сведения о связи семантической системы времени с другими семантическими группами.

Обратимся к результатам количественного эксперимента, в котором перед испытуемыми была прямо поставлена задача – оценить семантическую близости некоторых пар слов по шкале от 0 (отсутствие семантической связи) до 10 (полное совпадение или крайняя близость значений). Эксперимент проводился в двух сериях. В первой серии 70 испытуемым, носителям русского языка, было предложено дать оценку 171 паре слов (т.е. всем возможным парам слов из списка в 19 слов, включающего как временные, так и не временные слова). Во второй серии (80 испытуемых) оценки проставлялись только 28 парам, составленным из 8 временных слов. Анализ полученных данных показывает, что более высокие оценки близости были даны временным словам. В первой серии средний показатель близости между 10 словами этого поля, составляющими 45 пар, равен 6,1, что значительно выше среднего показателя для всех пар. Внутри семантического поля времени намечается еще один ряд слов, обладающих особенно высокими показателями близости (7,7) – обозначения промежутков времени (*час, неделя, месяц, год, время*). Это подтверждает наличие семантической близости и между словами семантического поля времени, и также указывает на существование одной из центральных семантических групп данного поля, т.е. на общем фоне сравнительно невысоких оценок оценки временных пар выглядят достаточно внушительно.

В оценке семантической близости ярко проявляется присущая значениям слов эмоциональная сторона, связанная с характером соответствующих обозначений. Этим могут быть объяснены высокие оценки близости слов в парах *мир – солнце*, *мир – весна* (по 5,9), *солнце – весна* (7,4), *мир – жизнь* (8,1), *жизнь – солнце* (7,3), *жизнь – весна* (6,3), при средней оценке близости между всеми словами 3,8. Надо отметить, что средняя оценка близости слова *солнце* (4,1) лишь не на много превышает среднюю оценку, т.е. дело не в общей повышенной близости этого слова к другим анализируемым словам, а в особой оценке некоторых его связей. По-видимому, экспериментальное изучение эмоциональных элементов значений слов могло бы принести определенную пользу в этой области, где еще много остается неясного.

Во второй серии фон отсутствует, видимо, поэтому оценки временных пар несколько ниже, средняя оценка этих пар равна не 6,3, а 5,5. Результаты второй серии, так же как и первой, указывают на выделение семантической группы таких обозначений промежутков времени, как *час, неделя, месяц,*

год, время. Намечаются некоторые направления, по которым, видимо, осуществляется связь слов этого стержня с другими словами этого поля. Так, обозначения отрезков времени в точке *месяц*, очевидно, пересекаются с названиями конкретных месяцев, что видно из очень высокой оценки близости слов *месяц – апрель*, подобно этому названия дней недели пересекаются с названиями отрезков времени в точке *неделя (неделя – суббота: 7,3)*. Интересно и сближение *весна – апрель (8,5)*. Вопреки ожиданиям пара *год – весна* оценивается не слишком высоким показателем близости (6,7), что требует дальнейших уточнений. Бросается в глаза, что слово *время* наиболее высокие оценки близости получило в парах со стандартными названиями отрезков времени (*час – 9,1*, что, кстати, вообще наивысшая средняя оценка; *год – 8,7; месяц – 8,1*).

Этот эксперимент был проведен также в украинской аудитории (50 испытуемых) и белорусской (34 испытуемых), экспериментальным материалом послужил список пар слов второго списка русского варианта, т.е. были взяты пары слов, образованные только временными словами. Сравнение результатов русского (Р), украинского (У) и белорусского (Б) экспериментов позволяет вскрыть некоторые интересные черты строения семантического поля времени в восточнославянских языках, а также показывает, что их результаты находятся в тесной корреляционной связи (коэффициенты корреляции: УР – 0,87, БР – 0,73, УБ – 0,81), хотя показатели семантической близости некоторых пар в отдельных языках и отличаются довольно значительно от соответствующих показателей в двух других языках (ср. пары *время – месяц* 4,4 в Б, а 8,1 в Р и У 6,0; *время – год* 4,8 в Б, а 8,7 в Р и У 6,1; *месяц – весна* 3,7 в Б, а 6,9 в Р и У 5,8 и др.).

Анализ результатов нескольких психолингвистических экспериментов, в ходе которых было получено около 30 000 ответов, в основном касающихся значений слов семантической системы времени, дает возможным сделать следующие выводы о структуре семантического поля времени и его связях с другими семантическими полями.

1. Результаты экспериментов, проведенных по отличающимся друг от друга методикам, соотносимы друг с другом, что указывает на их объективность.

2. Семантическое поле времени состоит из нескольких относительно самостоятельных семантических групп, которые, пересекаясь в некоторых точках, представляют собой единство.

3. Стержнем психолингвистической модели семантического поля времени является подсистема обозначений отрезков времени. Этот стержень пересекается в некоторых точках с другими подсистемами: названиями времен года, месяцев, дней недели, частей суток, обозначениями времени по отношению к данному моменту. Подсистема названий отрезков времени

характеризуется своей величиной и определенностью; остальные 5 подсистем характеризуются как обозначения частей некоторых временных последовательностей. Подсистемы названий месяцев и времен года взаимно переплетаются. Особое место занимает слово *время*, соотносимое со всеми подсистемами и выполняющее цементирующую функцию для всей системы времени.

4. Установлена связь между словами семантического поля времени и словами других семантических полей.

5. В системах близкородственных языков наблюдается тесная корреляционная связь моделей лексико-семантического поля времени, в то время как национально-культурная специфика проявляется на уровне семантической близости конкретных ассоциативных пар.

Л.В. Рычкова (Гродно, Беларусь)

ЗАИМСТВОВАННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ВНЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИИ *БРЕНД*)

Интенсификация глобализационных процессов требует адаптации терминологии, принятой на международном уровне. Не исследованным остается выход заимствованной специальной лексики за пределы собственно профессионального дискурса, что, в силу недостаточного ее освоения языком-реципиентом, нельзя рассматривать как факт детерминологизации, а скорее, как формирование неоконцептов. В статье показано, что корпусные технологии позволяют проследить освоение неотерминологии лингвокультурой.

Ключевые слова: *неотерминология, заимствование терминологии, язык-реципиент, язык-донор, освоение неолексем, лингвокультура, корпусные технологии.*

В условиях интенсификации глобализационных процессов формируются новые социальные практики, что влечет за собой настоятельную необходимость адаптации той терминологии, которая принята на международном уровне, для осуществления эффективного межгосударственного экономического и технического взаимодействия. К проблемам, связанным с языковыми процессами, которые встают перед исследователями во время становления той или иной терминологии, относятся: определение источников формирования терминов; тенденции в развитии терминологий; определение той доли терминов, которые заимствуются из других терминологий; выявление и определение роли экстралингвистических факторов в формировании терминологии.

Е.В. Бекишева и С.Г. Дудецкая в своей статье «Социолингвистические аспекты заимствования в общеупотребительном языке и в терминологии» справедливо подчеркивают, «что в настоящее время английский язык

выполняет функцию международного языка в таких областях, как наука и бизнес» [1, с. 459]. Авторы статьи также отмечают, что «причины пополнения национальных терминосистем иноязычными заимствованиями существенно отличаются от факторов заимствования в общепотребительном языке», а в качестве основных причин заимствования терминологии называют следующие: «более высокий уровень развития науки страны, из языка которой заимствуются новые термины, возникновение новых научных понятий, нуждающихся в номинации, стремление расширить возможности собственного языка в сфере терминологической номинации» [1, с. 460].

При заимствовании специальной лексики важную роль играют степень освоения неолексем, особенности их адаптации языком-реципиентом, возможные изменения в семантике по сравнению с языком-донором, реализация деривационного потенциала как языка-донора (дополнительное заимствование производных терминов), так и языка-реципиента (образование новых специальных номинаций от заимствованных терминов по законам заимствующего языка). Зачастую первопричиной заимствования терминологии становится необходимость перевода специальных текстов в процессе межкультурного, а также международного экономического и технического взаимодействия. В своей статье «К вопросу о переводе англоязычных терминов в свете теории экологии языка» Е.Б. Китова отмечает, что «любая новая идея, любой термин и перевод, предложенный автором, получили хорошие шансы на закрепление и распространение как в узкопрофессиональной, так и в более широкой среде, в том числе в сфере образования» [2, с. 56].

Представляется не совсем оправданным утверждение Е.Б. Китовой о том, «что при переводе нового англоязычного термина стремление к краткости» в сочетании «со стремлением к экономии усилий» приводит к тому, что «большинство терминов заимствуются именно» путем транслитерации [2, с. 56]: анализ примеров, приводимых автором в статье, свидетельствует о том, что зачастую ею отождествляются транслитерация и практическая транскрипция. Тем не менее, Е.Б. Китова абсолютно права, когда отмечает, что переведенные подобным образом термины (то есть путем использования практической транскрипции, транслитерации либо путем их сочетания), несмотря на то, «что при этом страдают простота и мотивированность», могут закрепляться в языке-реципиенте, поскольку они предназначены «для употребления специалистами, находящимися «в теме»», а «эколингвистический подход к подобным явлениям позволяет утверждать, что ориентирующий потенциал такого термина должен основываться на общности когнитивного опыта автора и реципиента, то есть их знакомстве как с самим термином, так и с его употреблением в

узкоспециальном англоязычном дискурсе» [2, с. 56].

Комплексные интегративные отрасли знания, формирующиеся на стыке множества фундаментальных и прикладных дисциплин, как правило, отражают новые социальные практики. Именно в подобных областях знания и видах профессиональной деятельности наблюдается расширение использования заимствованных терминов, созданных путем калькирования. Такие термины Н.А. Некрасова называет «семантическими интернационализмами» [3, с.133]. Сам термин «заимствование» Н.А. Некрасова определяет «как перенос концептного, культурного и нравственного представления о мире, выраженного лексическим, фонетическим и графическим рядом, из одной культуры, а следовательно, и языка, в другую» и отмечает, «что судьба заимствованного термина решается в процессе адаптации» [3, с.134]. Исследовательница вводит новую номинацию «импортация термина» для обозначения такого заимствования специальной лексики, когда «ни понятие, ни термин, привнесенные в язык перевода, не были ранее обозначены в отечественной литературе» [3, с.134].

Отмечая «такие объективные закономерности развития научного знания, как интеграция, дифференциация, интернационализация, унификация, экономизация; особенно интеграция и дифференциация», авторы многих публикаций, в том числе и Н.А. Некрасова, подчеркивают, что эти закономерности «оказывают влияние на язык, в частности, на такую его часть, как терминология» [3, с.130]. Это влияние зачастую проявляется в транстерминологизации, то есть в переходе терминов, в том числе заимствованных, «из терминосистемы одной науки в терминосистему другой науки» [3, с.130].

Особый интерес представляет выход заимствованной терминологии за пределы собственно профессионального дискурса, что, в силу новизны и недостаточной освоенности таких специальных номинаций, нельзя рассматривать как факт детерминологизации, а скорее, как формирование новых лингвокультурных концептов. Потенциальная консубстанциональность заимствованной терминологии, особенно заимствованной путем «импортации термина», то есть выход таких специальных номинаций за пределы специального дискурса, обуславливается, на наш взгляд, «срединным положением» концептов, номинированных терминами, на шкале, отражающей триаду «знания – концепты – представления» [4, с. 36].

По мнению В.В. Красных, «концепты, бытующие в том или ином языковом сознании», неразрывно связаны с концептосферой «того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [4, с.181], то есть являются феноменами определенной лингвокультуры. Вслед за

М.А. Федоровым под *лингвокультурой* мы будем понимать «всю совокупность массива информации и культуры, получившей объективацию в языке» [5, с. 85]; «будучи представлены в речевой деятельности, единицы лингвокультуры являются объективными феноменами» [5, с. 86]. Специфику освоения неогерминологии лингвокультурой можно проследить только на репрезентативном языковом материале. Такую возможность сегодня предоставляют корпусные технологии, которые позволяют отслеживать функционирование исследуемых явлений с использованием больших объемов корпусных данных.

Рассмотрим такую возможность на примере получившей в последнее время широкую популярность номинации *бренд*. Отметим, что практически вся терминология брендинга получила распространение в русском языке путем «импортации терминов» из английского языка, а именно из его североамериканской разновидности. В связи с этим в качестве базовых для данного исследования репрезентативных электронных языковых ресурсов были избраны такие лингвистические корпуса, как Корпус современного американского английского языка, более известный как СОСА [6], и основной модуль Национального корпуса русского языка [7].

СОСА включает 17693 вхождения номинации *brand*, что свидетельствует о высокой рекуррентности соответствующего концепта и его полной освоенности американской лингвокультурой. При этом наблюдается расширение поля концепта и смещение акцентов с области товаров и услуг на область социальных отношений, о чем, без сомнения, свидетельствуют следующие примеры (все контексты относятся к 2017 году и взяты из «Sport Marketing Quarterly»):

In the recent past, the definition of brand in the brand management literature has been broadened to include anything that deals with emotional relationships with consumers 'В недалеком прошлом дефиниция бренда в области менеджмента брендов расширилась, чтобы включить все, что касается эмоциональных взаимоотношений с потребителями';

Thomson (2006) claimed that celebrity can be regarded as brand since celebrities can be professionally managed and also have additional features of a brand 'Томсон (2006) утверждал, что знаменитость может рассматриваться как бренд, поскольку знаменитости могут подвергаться профессиональному менеджменту, а также имеют другие признаки бренда';

According to Parmentier and Fischer (2012), the definition of human brand could be better understood by distinguishing it from brands for products or services 'По мнению Парментье и Фишера (2012), дефиницию человеческого бренда можно лучше понять путем его дифференциации от брендов товаров и услуг'.

Обращение к основному модулю Национального корпуса русского языка (этот модуль аналогичен возможностям СОСА) позволило получить 26 документов и 47 вхождений англоязычных вкраплений *brand*, которые, как правило, сопровождаются пояснениями значения этого англоязычного термина:

При выборе газеты на лотке у метро основным аргументом является пресловутое "знание торговой марки", brand awareness (Антон Носик. Самиздат, Интернет и профессиональный читатель // «Отечественные записки», 2003);

Именно так определяют значение этого слова, восходящего к английскому brand («клеймо, фабричная марка»), те немногочисленные словари русского языка, где это слово представлено (И.Г. Милославский. Говорим правильно по смыслу или по форме? 2013);

Брэндинг (branding, от латинского слова «brand» — тавро, клеймо) как деятельность по созданию долгосрочного покупательского предпочтения к определенной товарной марке или производителю, на российском потребительском рынке только начинает развиваться (Проблемы правового регулирования использования средств индивидуализации субъектов предпринимательства и результатов их деятельности (2004) // «Арбитражный и гражданский процессы», 2004.05.24);

Наиболее близкий по значению перевод слова «brand»: «образ марки товара (услуги) в сознании покупателя, выделяющий его в ряду конкурирующих» (Проблемы правового регулирования использования средств индивидуализации субъектов предпринимательства и результатов их деятельности (2004) // «Арбитражный и гражданский процессы», 2004.05.24);

С учетом этого, под брэндом в современном бизнесе понимается совокупность таких элементов, как, во-первых, сам товар (услуга) со всеми его объективными характеристиками; во-вторых, набор ожиданий, ассоциаций, воспринимаемых пользователем и приписываемых им товару (имидж товара, brand-image); в-третьих, информация о потребителе, выраженная в форме обещания тех или иных преимуществ, даваемые автором брэнда потребителям, или, иными словами, тот смысл, который вкладывает в брэнд его создатель (Проблемы правового регулирования использования средств индивидуализации субъектов предпринимательства и результатов их деятельности (2004) // «Арбитражный и гражданский процессы», 2004.05.24);

В частности, такие отрасли, как пищевая и перерабатывающая отрасли АПК, легкая промышленность, дорожное и жилищно-коммунальное строительство; электроэнергетика, наука и научное обслуживание; образование, авиационно-космическая промышленность,

автомобилестроение, авиационная промышленность (Преимущества данного сегмента промышленности связаны с тем, что его продукция обладает редким для нынешней машиностроительной продукции России свойством – хорошо известной и престижной в мире торговой маркой (brand-name), которая успешно использовалась многими покупателями раньше (С. А. Филин. Стратегическое управление инвестиционной деятельностью при переходе экономики на инновационный тип (2003) // «Финансы и кредит», 2003.02.17).

Приведенные выше примеры интересны и с точки зрения контента, свидетельствующего о новизне концепта, незакрепленности номинации в русскоязычных словарях, стремлении дать определение иноязычному термину, используемому в прямом значении. Они также свидетельствуют лишь о начале адаптации импортированного термина русским языком. Так, опция распределения по годам показывает, что англоязычный термин начинает употребляться в 2001 году, и его употребление сходит на нет в 2015 году.

Поиск русскоязычных аналогов, полученных путем практической транскрипции, в основном модуле Национального корпуса русского языка позволил получить 214 документов, 569 контекстов с вариантом *брэнд* и 596 документов, 1315 контекстов с нормативным вариантом *бренд*. Пик использования варианта *брэнд* приходится на 2004 год, а окончание использования этого графического варианта – на 2009 год. Вариант *бренд* начинает устойчиво употребляться с 1999 года, и с тех пор частотность употребления данного варианта термина всемерно возросла. Основные типы текстов, в которых встречается данная номинация, относятся к сфере СМИ. Это статьи, заметки, интервью, информационные сообщения и др. по тематике, имеющей отношение к бизнесу, коммерции, экономике, финансам (27,53% от всех документов), а также имеющие отношение к сфере науки и технологий (10,72 %). Тексты, имеющие отношение к иным сферам, не превышают для каждой области 10% от общего объема документов. Среди них с большим отрывом (7,15% против 3,04%) идет сфера политики и общественной жизни. Впрочем, данная номинация встречается и в романах, повестях, рассказах, форумах, блогах.

Рассмотрение примеров выявляет специфичное для русскоязычного неспециального дискурса, в отличие от американского, использование номинации *бренд* по отношению к политическим партиям:

Партия "Яблоко", несмотря на небольшой электорат, имеет свою фракцию в Госдуме и хорошо раскрученный бренд) Сергей Любимов. Яблоко раздора (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.13);

И вообще коммунистических партий сейчас в России много, а КПРФ одна, это узнаваемый бренд" (Рустем Фаляхов. Геннадий Зюганов «на

троих» не делится (2003) // «Газета», 2003.06.30).

Более половины полученных выдач – это газетные контексты, что подтверждает высказанное нами ранее в других работах предположение о том, что газета становится «проводником» новой специальной (особенно заимствованной) лексики в русскую лингвокультуру, зачастую способствуя значительному переосмыслению исходных понятий. Так, *бренд* осмысляется не столько как тип продукта, который производится конкретной компанией под определенным именем (см. первичное значение лексемы *brand* в Оксфордском словаре), сколько как ‘знак, образ предмета или явления’; ‘имидж’. Приведем примеры:

Гениальное название-бренд придумала портниха, подшивающая к очередному спектаклю юбки, словно пустив театр с правильным названием в большое плавание (Лейла Гучмазова. Пора играть: 10 лучших театров России // «Русский репортер», № 1 (1), 17–24 мая 2007, 2007);

Для каждой ягоды нарисовали узнаваемую этикетку – сделали свой маленький бренд (Николай Кононов. Подножный бизнес (2004) // «Эксперт», 2004.12.06).

Таким образом, закономерно можно сделать вывод о том, что за пределами специального дискурса в русской лингвокультуре наблюдается переосмысление термина *бренд*, ведущее к неоправданному расширению объема стоящего за термином понятия. Яркой иллюстрацией данного вывода может служить следующий контекст: *Знаю, что такое бренд. Бизнесмен так и сказал: “Вы все называете этим словом”* (Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010).

Переосмысление заимствованной терминологии в неспециальном дискурсе – это, зачастую, следствие слабого владения английским языком русскоязычных авторов, не являющихся специалистами в области брендинга и, соответственно, не знакомых «как с самим термином, так и с его употреблением в узкоспециальном англоязычном дискурсе» [2, с. 56].

Библиографические ссылки

1. Бекшиева Е.В., Дудецкая С.Г. Социолингвистические аспекты заимствования в общеупотребительном языке и в терминологии // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12. №3(2). С. 458–461.

2. Китова Е.Б. К вопросу о переводе англоязычных терминов в свете теории экологии языка // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 55–58.

3. Нечаева Е.А. Иноязычные заимствования в PR-терминологии // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2009. №3. С. 130–134.

4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

5. Федоров М.А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестн.

Бурят. гос. ун-та. 2014. № 6 (2). С. 83–86.

6. Corpus of Contemporary American. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 22.04.2019).

7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.04.2019).

Г.Б. Байраммырадов (Гродно, Беларусь)

ТЕРМИНЫ ЭТНОНИМИЯ И ЭТНОНИМИКА В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье на основе анализа словарных данных рассматривается вопрос о соотношении понятий, номинированных паронимичными терминами *этнонимика* и *этнонимия*. В таблице наглядно приведены словарные дефиниции и толкования целевых терминов в различных типах словарей, что позволяет увидеть объективность выводов, к которым приходит автор.

Ключевые слова: *этноним, этнонимика, этнонимия, словарная дефиниция, словарное толкование, паронимичные термины.*

Исследование близких по значению терминов, особенно паронимичных однокоренных терминов, считается важным аспектом в терминологии, поскольку отличия их семантики могут быть незначительными, и это может привести к ложному переосмыслению понятийного объема определенного термина.

Как отмечается в словаре синонимов русского языка А.П. Евгеньевой, «богатая разветвленная система производных слов, группирующихся вокруг какого-либо корня (или основы), являющегося смысловым центром, образует тесно связанное между собой сложное целое, в котором обнаруживаются и синонимические, и вариантные, и парадигматические отношения» [1, с. 12].

В нашем случае выявление соотношения семантики однокоренных терминов *этнонимия* и *этнонимика*, как производных от одной основы *этноним*, будет осуществлено с помощью словарных толкований и дефиниций.

В.А. Никонов термин *этнонимия* понимал как совокупность этнонимов, а термин *этнонимика* – как учение о них. В то же время ученый отмечал беспорядочное смешение этих терминов в научном дискурсе и объяснял его как исторически сложившееся путём метонимии в старых науках терминологическое неразличение науки и изучаемого ею предмета. Интересно отметить, что В.А. Никонов был убежден в том, что новые науки, получившие широкое распространение в 70-х гг. XX века, такие например, как ономастика, помогут этого избежать [1].

Для выявления отличий понятий, номинированных целевыми терминами, были взяты дефиниции и толкования названных терминов, найденные в 11 словарях различных типов. В представленной ниже таблице 1 указаны словари-источники, а также приведены толкования и дефиниции терминов *этнонимика* и *этнонимия* (при наличии).

Таблица 1

Словарные дефиниции и толкования терминов *этнонимия* и *этнонимика*

№	Словари-источники	Этнонимика	Этнонимия
1.	Энциклопедический словарь [2]	<i>Раздел ономастики, изучающий названия племен, народов и других этнических общностей.</i>	<i>1. Совокупность названий народов, национальностей, племён. 2. = Этнонимика.</i>
2.	Российский гуманитарный энциклопедический словарь [4]	<i>Раздел ономастики, изучающий этнонимы. Э. подразделяется на совр. и ист. Э. исследует закономерности происхождения, распространения и функционирования этнонимов, их структуру, этимологию и специфику ист. развития, этнонимич. модели и взаимодействие яз. в этнонимии.</i>	-
3.	Лингвистический энциклопедический словарь [4]	<i>Раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение, функционирование и структуру этнонимов</i>	-
4.	Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило [4]	<i>Раздел ономастики, изучающий: 1) названия (этнонимы) этнических сообществ: племен, народов, наций, этнических групп, национальностей и т.п.; 2) историю этнонимов (диахронический аспект);</i>	<i>Область ономастики, ориентированная на исследование названий племен, народов и других этнических общностей.</i>

		3) <i>функционирование этнонимов (синхронный аспект);</i> 4) <i>закономерности построения (структурный аспект).</i>	
5.	Словарь русской ономастической терминологии [5]	<i>Отрасль исторических наук, тесно связанная с ономастикой, изучающая этнонимы</i>	<i>Совокупность этнонимов.</i>
6.	Большой толковый словарь русского языка [6]	<i>Раздел ономастики, изучающий названия наций, народов, народностей, племён и т.п.</i>	1. <i>Совокупность названий народов, национальностей, племён.</i> 2. <i>=Этнонимика.</i>
7.	Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой [7]	<i>Раздел ономастологии, изучающий этнонимы; этнонимия.</i>	1. <i>Раздел ономастологии, изучающий этнонимы; этнонимика.</i> 2. <i>Совокупность этнонимов как названий племен, народностей, наций, населяющих какую-либо часть Земли.</i>
8.	Словарь многих выражений [8]	<i>Раздел ономастики, изучающий названия наций, народов, народностей, племён и т.п.</i>	1) <i>Совокупность названий народов, национальностей, племён.</i> 2) <i>= этнонимика</i>
9.	Словарь иностранных слов русского языка [9]	1) <i>раздел ономастологии, изучающий названия народов;</i> 2) <i>совокупность названий народов.</i>	-
10.	Современная иллюстрированная энциклопедия [10]	<i>Раздел науки об именах, ономастики, изучающий этнонимы – названия племён, национальностей и групп населения.</i>	-
11.	Большая Советская энциклопедия (БСЭ) [11]	<i>Раздел ономастики (см. Ономастика), изучающий происхождение и функционирование</i>	-

		<i>этнонимов – названий наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и др. этнических общностей.</i>	
--	--	--	--

Данные, приведенные в таблице, наглядно свидетельствуют о том, что, в отличие от термина *этнонимика*, который представлен во всех без исключения словарных источниках, термин *этнонимия* с различной степенью детализации представлен лишь в одном энциклопедическом словаре [2], в словаре лингвистических терминов [4], в специализированном терминологическом словаре по ономастике [5] и во всех трех общезнаменитых толковых словарях [6, 7, 8].

Независимо от типа словаря и детальности словарной статьи, термин *этнонимика* дефинируется или толкуется во всех источниках как раздел ономастики или, шире, ономастиологии. В специализированном словаре по ономастике дается более точная, расширенная дефиниция этого термина: *отрасль исторических наук, тесно связанная с ономастикой, изучающая этнонимы* [5]. Таким образом, составители словаря выводят этнонимнику за пределы ономастики, хотя и отмечают тесную связь, существующую между ними. Лишь в одном из источников [9] даются два толкования термина *этнонимика*, второе из которых совпадает с толкованием термина *этнонимия* в других словарях.

В Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило [4] представлено две словарные статьи, отдельно для терминов *этнонимия* и *этнонимика*. Термин *этнонимика* дефинируется как раздел ономастики (с подробным изложением проблем этого раздела), а термин *этнонимия* – как область ономастики, ориентированная на исследование этнонимов. Таким образом, наблюдается дефиниционная неточность в определении понятийного объема терминов.

Стоит отметить, что в трех источниках [2, 5, 8] в словарных статьях прямо указывается на равенство значений терминов *этнонимия* и *этнонимика*, для чего используется знак равенства.

В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой термин *этнонимика* имеет только одно значение, совпадающее со значениями в других словарях. Аналогичное значение отражено и в первом толковании значения термина *этнонимия*, при этом толкование второго значения данного термина формулируется автором следующим образом: *совокупность этнонимов как названий племен, народностей, наций, населяющих какую-либо часть Земли* [9]. Как *совокупность названий народов, национальностей, племён* [3; 8; 10]

или *совокупность этнонимов* [7] толкуется термин *этнонимия* и в других словарях.

Таким образом, словарные данные отражают по-прежнему существующее «беспорядочное смешение» двух паронимичных терминов в научном дискурсе. Тем не менее, с учетом словарных дефиниций и с учетом формирования этнонимии как самостоятельной науки (см. дефиницию в [5]), мы согласны с мнением В.А. Никонова о том, что целесообразно разделить сферы употребления двух терминов, закрепив за термином *этнонимика* значение '*название науки*', а за термином *этнонимия* – '*совокупность этнонимов*', которые эта наука изучает в различных аспектах.

Библиографические ссылки

1. Словарь синонимов русского языка А.П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-sinonimov-russkogo-jazyka/>. Дата доступа: 14.03.2019.
2. *Никонов В.А.* Этнонимы: сборник статей / В.А. Никонов. М. : Наука (Гл. ред. вост. лит.), 1970. 271 с.
3. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/fc/slovar-221-33.htm#zag-158341>. Дата доступа: 14.03.2019.
4. Российский гуманитарный энциклопедический словарь / Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://humanities_dictionary.academic.ru. Дата доступа: 10.01.2019. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : СЭ, 1990. 684 с.
5. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов / Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/. Дата доступа: 10.01.2019.
6. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 198 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
8. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova/этноним>. Дата доступа: 10.01.2019.
9. Словарь многих выражений / Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://all_words.academic.ru. Дата доступа: 10.01.2019.
10. Словарь иностранных слов русского языка / Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/. Дата доступа: 10.01.2019.
11. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М. : Росмэн / под ред. А.П. Горкина, 2006. 984 с.

12. Большая Советская энциклопедия (БСЭ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/>. Дата доступа: 14.03.2019.

M.S. AL Najm (Grodno, Belarus)

VAGUENESS VERSUS AMBIGUITY

The article deals with closely related but not identical phenomena of vagueness and ambiguity. It is revealed that *vagueness* lacks clear and specific meaning, on contrary *ambiguity* is always related to a specific meaning, which can be interpreted in more than one specific way.

Key words: *vagueness, ambiguity, semantics.*

The phenomenon of vagueness has given rise to a large number of research since the early 1970-s in the areas of natural language semantics, philosophy and artificial intelligence. Often *vagueness* is attributed to the information conveyed by particular sentences, typically to stress the fact that this information is imprecise or overly general [1, p. 90]. From a linguistic point of view, as P. Égré supposes, vagueness thus understood can obviously be found in many lexical categories and probably in all the categories, for which some notion of grading can be relevant. Thus nouns can be vague (indirectly most common nouns such as *chair, apple*, etc., and even proper names such as *London*) as well as verbs (*walk, run*), determiners (*many, few, much, little*), adverbs (*quickly, surprisingly, clearly*), and modifiers (*very, somewhat, completely*) [1, p. 92].

S. Loebner in order to demonstrate the vagueness phenomenon gives the following example: «Whether or not we will refer to a child as a “*baby*” depends on criteria such as the age of the child and its developmental stage, and both criteria are gradual. What one person considers a baby need not be considered so by another person. As a consequence, the denotation of the word “*baby*” has flexible boundaries. The concept “*baby*” is in itself vague» [2, p. 5]. Therefore one may conclude that vagueness can be observed in all concepts depending on properties varying on a continuous scale. Obviously, names of colours have a vague meaning. And, in general, all gradable adjectives are vague. For example, with the pair of lexemes *tall / short* language provides us with a rough distinction on the scale of a body height. This is much more efficient for everyday communicative purposes than expressions with a more precise meaning. S. Loebner underlines that vagueness may also occur in combination with polysemy [2, p. 17]. The idea that vagueness is not wholly reducible to imprecision is relatively uncontroversial, and the study of imprecision remains one important aspect of the understanding of vagueness. There remains some debate concerning the identification of vagueness with other semantic notions in its vicinity. Let us consider a few of those here.

In semantic theories of vagueness it is essentially tied to the notion of under-

determination and openness of meaning. This idea is crucially distinct from the contextualist position, according to which vagueness would derive from the contextual variability of a determinate threshold [2, p. 102].

Vagueness, according to M. Chierchia, is a matter of the relative looseness or of the no specificity of interpretation. Rightly all expressions can be considered as general. For example, *many linguists* is noncommittal as to the precise number of linguists involved. It seems to be a part of what we know about *many* and it is imprecise in this sense [3, p. 38]. J. Stern underlines that growing attention has been paid to the epistemological and psychological sources of vagueness in relation to the idea that vagueness might be more fundamentally an epistemic phenomenon (of ignorance, or inexactness) rather than a semantic one. Concurrently, various proposals have been made to stress the role and importance of context in the mechanisms of comparison involved in language and perception [4, p. 76]. The present phenomena have been studied by many researchers, for instance, by a Lithuanian linguist A. Kairytė, who emphasizes that it is still unclear how such processes operate for different linguistic items [5]. As well as Y. Huang states that vagueness is caused by the relative looseness or of the nonspecificity of interpretation of a phrase or of a word [6].

The phenomenon of vagueness is closely connected to this of *ambiguity*. One of the first classifications of the linguistic ambiguity was developed by the Stoics, who underlined the distinction between the ambiguity of a sentence and ambiguity of a word. During the long history of the School the Stoics, as C. Atherton states, constructed one comprehensive definition of ambiguity, which is still used with some additions or amendments nowadays. C. Artherton thinks that the Stoics were the first to state that ambiguity was the linguistic phenomenon meaning that the same linguistic item of the natural languages can signify two or more different things [7, p.11]. According to P.C. Gomes, natural languages possess many types of ambiguity at every level of description, and by this feature natural languages differ from formal ones. The author claims that ambiguity arises when a single word or word collocation is associated in the language with more than one meaning. P.C. Gomes states that the objective events in the world, to which language refers are the same, but human's perceptions and concepts differ. There is a wide range of problems arising due to ambiguity, namely problems of two levels. The first level is a structural one, when a communicator cannot get a right meaning, and the second one covers problems with translation. It is important not to confuse polysemy with ambiguity, because polysemy is a source of ambiguity agreed upon in cognitive semantics, corpus linguistics and lexicography [8, p.20]. Undoubtedly, in daily conversations, speakers are inclined to avoid ambiguity, unless there is some intention for usage of ambiguous items [9, p. 122].

A. Kairytė points out that «ambiguity is traditionally understood as that property of a sentence which makes it say something true and false at the same time»,

i.e. it is caused by ambiguous sentence structures. This type of ambiguity is defined as syntactic by A. Kairyte [5]. Among the most productive sources of syntactic ambiguity there are modifiers and prepositional phrases because they can be easily attached to any sentence. Nevertheless, it is to emphasize that even efficient communication system may be ambiguous assuming that the context is insufficiently informative about meaning. Ambiguity as a linguistic phenomenon eases processing by giving permission to linguistic units to be re-used. It is the way, in which the reference of certain elements in a sentence is determined in relation to a specific speaker and addressee, a specific time and place in utterance. For instance, the deictic lexemes have uncertain implications because of their changeable reference.

Vagueness is definitely tied with ambiguity: both linguistic ambiguity and vagueness are related to a certain indeterminacy degree in language. Still vagueness differs from ambiguity: vagueness lacks clear and specific meaning, on contrary ambiguity is always related to a specific meaning, which can be interpreted in more than one specific way. However, sometimes it is difficult to clearly differentiate ambiguity from vagueness and probably certain sentences might include the combined elements. So, one can conclude that both linguistic ambiguity and vagueness are related to indeterminacy in language or interpretive uncertainty.

References

1. *Égré P.* Introduction: Vagueness and Language Use / P. Égré, N. Klinedinst // *Vagueness and Language Use*. New York : Palgrave Macmillan, 2011. P.1–21.
2. *Löbner S.* *Understanding Semantics* / S. Löbner. London : Arnold Publishers, 2002. 200 p.
3. *Chierchia G.* *Meaning and Grammar: an Introduction to Semantics* / G. Chierchia, S. McConnell-Ginet. Massachusetts : Massachusetts Institute of Technology, 1990. 349 p.
4. *Stern J.* *Metaphor in Context* / J. Stern. London; Massachusetts, 2000. 401 p.
5. *Kairyte A.* Linguistic Ambiguity versus Vagueness in British Proverbs / A. Kairyte, L. Bikeliene // *Journal of the Institute of Foreign Languages of Vilnius University*. 2010. Vol. 16. No 4. P. 259–268.
6. *Huang Y.* *Foundation Semantics: MA Module Materials* / Y. Huang. North Carolina : SLALS, The University of Reading, 2004. 452 p.
7. *Atherton C.* *The Stoics on Ambiguity* / C. Atherton. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993. 389 p.
8. *Quiroga-Clare C.* *Language Ambiguity: a Curse and a Blessing* // *Translation Journal*. 2003. Vol. 7, No. 1. [Electronic resource]. Mode of access: <http://accurapid.com/journal/23ambiguity.htm>. Date of access: 17.03.2018.
9. *Mason R.A.* *Lexical Ambiguity in Sentence Comprehension* / R.A. Mason, A.J. Marcel // *Brain Research*. 2007. Vol. 1146. P.115–127.

О.В. Перкова (Гродно, Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО ТОРГОВЛЕ УСЛУГАМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается влияние экстралингвистических факторов, таких как включение образования в сферу деятельности Генерального соглашения по торговле услугами, на формирование терминосистем образовательных услуг в английском, русском и белорусском языках. Приводятся англоязычные, русскоязычные и белорусскоязычные термины, появившиеся в терминосистеме образовательных услуг под влиянием четырех видов поставки услуг.

Ключевые слова: *терминология, терминосистема, образовательные услуги, поставка услуг.*

Генеральное соглашение по торговле услугами (далее – ГАТС) – документ Всемирной торговой организации (далее – ВТО), регулирующий деятельность по оказанию услуг во всех странах-участницах ВТО. Согласно ГАТС, выделяют четыре вида поставки услуг: перемещение физических лиц, коммерческое присутствие, трансграничные поставки и потребление за рубежом [1].

Перемещение физических лиц предполагает поездку физического лица за границу для оказания услуг (например, преподавателей, работающих за рубежом); коммерческое присутствие поставщика, который открывает свое заведение или использует уже существующее, для оказания услуг за рубежом (например, филиал поставщика за рубежом, двустороннее партнерство, договор франшизы с местным поставщиком); трансграничные поставки, не требующие физического перемещения поставщика, так как сама услуга пересекает границы (например, дистанционное образование, виртуальные университеты); перемещение потребителя в страну поставщика (например, студентов, которые едут в другую страну для потребления образовательных услуг) [2, с. 5].

Перечень услуг, которые могут быть предметом торговли, содержится в Классификационной схеме видов услуг ВТО [3], и одним из видов услуг являются услуги в области образования.

Включение образования в перечень услуг, регулируемых ГАТС, оказало влияние на формирование терминосистем образовательных услуг в английском, русском и белорусском языках и стало одной из причин вхождения в состав данных терминосистем ряда экономических номинаций

типа рынок, рекламная кампания, поставщик, потребитель, франшиза и др. в русском языке и эквивалентных им англоязычных и белорусскоязычных номинаций, а также причиной использования ряда терминоэлементов для образования многокомпонентных номинаций, относящихся к различным микрополям терминополь образовательных услуг.

Одним из микрополей, входящим в состав терминополь образовательных услуг, является микрополе «Виды поставки образовательных услуг». Для многокомпонентных англоязычных терминов, обозначающих понятия, образующие данное микрополе, характерно использование родовых компонентов *mobility* 'мобильность', *provision* 'снабжение, поставка', *delivery* 'доставка, поставка' и *exchange* 'обмен'. Для таких видов поставки услуг, как перемещение физических лиц и потребление за рубежом, при которых предполагается перемещение учащихся или преподавателей между учебными заведениями, характерно использование терминов на основе компонентов *mobility* 'мобильность' и *exchange* 'обмен', например: *faculty mobility* 'мобильность профессорско-преподавательского состава', *teacher mobility* 'мобильность преподавателей', *provider mobility* 'мобильность поставщиков', *teacher exchange* 'обмен преподавателями', *student mobility* 'студенческая мобильность', *cross-border mobility of students* 'межграничная мобильность студентов', *student exchange* 'обмен студентами'.

Термины, обозначающие коммерческое присутствие учебного заведения в другой стране, образованы с использованием компонентов *mobility* 'мобильность' или *provision* 'поставка': *institution mobility* 'институциональная мобильность', *joint provision* 'совместная поставка'.

Термины, обозначающие трансграничные поставки, образованы с использованием компонентов *mobility* 'мобильность', *provision* 'снабжение, поставка', *delivery* 'доставка, поставка': *programme mobility* 'мобильность программ', *virtual mobility* 'виртуальная мобильность', *distance provision* 'дистанционная поставка', *virtual provision* 'виртуальная поставка', *cross-border delivery* 'кросс-граничная поставка', *distance delivery* 'дистанционная поставка', *electronic delivery* 'электронная поставка', *on-line delivery* 'онлайн поставка', *web-based delivery* 'поставка, основанная на веб-технологиях'.

Основная часть русскоязычных многокомпонентных терминов, обозначающих различные виды поставки образовательных услуг, содержит компонент *мобильность*: перемещение физических лиц – *мобильность преподавателей, мобильность преподавательского состава*; потребление за рубежом – *мобильность студентов, мобильность учащихся, студенческая мобильность*; коммерческое присутствие – *мобильность вуза*; трансграничная поставка – *виртуальная мобильность*. Помимо приведенных выше, в русскоязычной терминосистеме представлены и

другие термины, например, потребление образовательной услуги за рубежом – *обучение за рубежом*; коммерческое присутствие учебного заведения в другой стране – *образовательный франчайзинг, франшиза*; трансграничная поставка образовательных услуг – *зарубежная поставка, международная поставка*.

В белорусскоязычной терминосистеме образовательных услуг представлены термины, которые обозначают два вида поставки услуг: перемещение физических лиц – *акадэмічная мабільнасць выкладчыкаў, мабільнасць выкладчыкаў*, и потребление за рубежом – *мабільнасць студэнтаў, мабільнасць студэнтаў, абучэнне за мяжой, адукацыя за мяжой, вучоба за мяжой*, что может быть объяснено распространенностью в Республике Беларусь именно этих видов образовательных услуг.

Применение четырех видов поставки услуг в сфере образования привело к возникновению ряда терминов, которые называют поставщиков и потребителей образовательных услуг.

Так, наличие таких видов поставки, как **перемещение физических лиц** и **потребление за рубежом**, привело к появлению следующих терминов, которые обозначают:

1) поставщиков-организации, противопоставленных по тому, находятся они в той стране, где изначально обучались учащиеся / работали сотрудники, или за рубежом:

- англоязычные термины: *foreign education provider* ‘иностранный поставщик образования’, *foreign university* ‘иностранный университет’, *guest institution* ‘гостевое заведение’, *host institution* ‘принимающее учебное заведение’, *off-shore institution* ‘офшорное заведение’, *overseas provider* ‘зарубежный поставщик’ / *domestic institution* ‘местное заведение’, *domestic supplier* ‘местный поставщик’, *home university* ‘домашний университет’, *local branch campus* ‘местный филиал университета’, *local institution* ‘местное заведение’, *local supplier* ‘местный поставщик’ и другие;

- русскоязычные термины: *иностранный вуз, зарубежное учебное заведение, зарубежный вуз-партнер, зарубежный университет / местный поставщик, национальный поставщик* и другие;

- белорусскоязычные термины: *замежная вуч, замежны ўніверсітэт* (специальные белорусскоязычные тексты области «Образовательные услуги», которые использовались в качестве источников терминологии, не содержат терминов, обозначающих учебное заведение, где изначально обучались учащиеся / работали сотрудники).

2) поставщиков-частных лиц, работающих в своем учебном заведении или за рубежом:

- в английском языке: *visiting scholar* ‘приезжий ученый’, *visiting profes-*

sor ‘приезжий профессор’, *overseas teacher* ‘заграничный учитель’, *guest lecturer* ‘приглашенный преподаватель’, *guest professor* ‘приглашенный профессор’, *foreign teacher* ‘иностранный учитель’, *foreign professor* ‘иностранный профессор’, *exchange scholar* ‘ученый по обмену’ / *local university lecturer* ‘местный преподаватель университета’;

- в русском языке: *зарубежный преподаватель*, *преподаватель по обмену*, *приглашенный преподаватель*, *иностранный преподаватель* / *местный преподаватель*;

- в белорусскоязычной терминосистеме не содержится терминов с таким значением;

3) внутренних потребителей, обучающихся в своей стране или обучающихся за рубежом, например:

- в английском языке: *local customer* ‘местный покупатель’, *domestic student* ‘местный студент’, *home student* ‘домашний студент’ / *exchange student* ‘студент по обмену’, *foreign student* ‘иностранный студент’, *foreign customer* ‘иностранный покупатель’, *foreign tertiary student* ‘иностранный студент’, *incoming student* ‘приезжий студент’, *international student* ‘международный студент’, *international tertiary student* ‘международный студент’, *outgoing student* ‘отъезжающий студент’, *overseas student* ‘зарубежный студент’;

- в русском языке: *зарубежный студент*, *иностранный студент*, *студент по обмену* / *местный студент*;

- в белорусском языке: *закежны навучэнец*, *закежны студэнт*, *інішаземны студэнт*, *студэнт-інішаземец*.

Применение трансграничных поставок в сфере образования, которые подразумевают перемещение самой услуги и представлены дистанционным способом предоставления услуг, также привели к возникновению ряда терминов, обозначающих различные виды поставщиков образовательных услуг, например:

- в английском языке: *correspondence university* ‘корреспондентский университет’, *cyber-university* ‘кибер-университет’, *distance education provider* ‘поставщик дистанционного образования’, *distance learning provider* ‘поставщик дистанционного обучения’, *distance university* ‘дистанционный университет’, *on-line provider* ‘онлайн-поставщик’, *on-line university* ‘онлайн-университет’, *virtual institution* ‘виртуальное заведение’, *virtual school* ‘виртуальная школа’, *virtual university* ‘виртуальный университет’, *web-based language provider* ‘поставщик обучения языку, основанного на веб-технологиях’;

- в русском языке: *виртуальная школа*, *виртуальное учебное заведение*, *виртуальный университет*, *онлайновый университет*, *онлайн-университет* ;

- в белорусском языке: *віртуальны ўніверсітэт*.

Такой вид поставки, как **коммерческое присутствие** привел к возникновению терминов, обозначающих заведения, используемые для оказания услуг за рубежом, например:

- в английском языке: *branch campus* ‘филиал университета’, *branch institution* ‘филиал заведения’, *off-shore branch* ‘офшорный филиал’, *foreign-backed university* ‘поддерживаемый из-за рубежа университет’, *foreign-owned branch campus* ‘филиал университета, принадлежащий иностранным владельцам’;

- в русском языке: *зарубежный филиал вуза*, *филиал вуза за рубежом вуз-франчайзи*, *филиал образовательного учреждения*;

- в белорусском языке: *філіял вву*.

Таким образом, включение образования в сферу применения ГАТС, оказало влияние на состав терминосистемы образовательных услуг в английском, русском и белорусском языках и привело к использованию единых терминоэлементов в качестве категориальных признаков для образования многокомпонентных терминов, входящих в разные микроучастки терминологических систем образовательных услуг в данных языках.

Библиографические ссылки

1. Генеральное соглашение по торговле услугами. URL: <http://www.ind.kurganobl.ru/assets/files/WTO/services.pdf/> (дата обращения: 29.04.2019).

2. Trade in Higher Education Services: The Implications of GATS. URL: http://www.unesco.org/education/studyingabroad/highlights/global_forum/gats_he/jk_trade_he_gats_implications.pdf/ (дата обращения: 29.04.2019).

3. Services Sectoral Classification List. URL: http://tsdb.wto.org/Includes/docs/W120_E.doc/ (дата обращения: 29.04.2019).

Н.А. Волковинская (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСЕМЫ *PANCAKE*

Статья посвящена комплексному описанию специфики структуры и содержания значения лексемы *pancake*, смоделированного на основании лексикографических данных, а также данных психолингвистического эксперимента. Интегрированный подход к описанию значения лексемы *pancake* позволяет описать сумму разноплановых компонентов смысла, их иерархию, как в рамках языковой системы, так и в языковом сознании, а также весь спектр семантических отношений и степень их актуальности в сознании носителей языка.

Ключевые слова: *лексикографическое значение, психолингвистическое значение, семантический компонент, реакция, семантическая группа.*

Представители самых разных наук безуспешно пытаются определить сущность *значения*, объяснением чему во многом служит сложность, многогранность самого явления значения и возможность его исследования с разных ракурсов и подходов. До сих пор нет единого общепринятого метода познания значения, проникновения в его сущность. Однако, можно выделить различные способы описания этой единой объективной языковой реальности. В частности, выделяют лексикографическое представление значения в виде совокупности сгруппированных и структурированных семантических компонентов словарной дефиниции, которое описывает его как факт языка. В рамках психолингвистики разрабатывается психолингвистическая модель значения, представленная совокупностью ассоциируемых смыслов, вызванных конкретной материальной оболочкой в сознании носителей языка, и трактуемая как факт их языкового сознания. Интегрированный подход к анализу значения той или иной лексемы, и именно обращение к материалам лексикографических источников и ассоциативным данным, предположительно даст более полную картину реального объема ее значения, а также позволит вскрыть национально-культурную специфику. Рассмотрим лексикографическую и психолингвистическую модель значения лексемы *pancake* 'блин'. Подчеркнем, что анализу подлежат не 2 отдельных подтипа значения как объективной реальности, а 2 **способа представления значения**, а именно то, как значение описано в лексикографических источниках и то, как оно верифицируется с помощью психолингвистических экспериментов. Под психолингвистическим значением (ПЗ), таким образом, мы понимаем «упорядоченное единство всех семантических компонентов, реально связанных с данной звуковой оболочкой в сознании носителя языка» [1, с. 99], а под лексикографическим значением (ЛЗ) – сформулированное лексикографами словарное определение слова.

Для определения состава ЛЗ мы обратились к английским толковым словарям [2] и [3]. Представленные в дефинициях семантические компоненты были объединены в семантические группы на основании отражения ими схожих семантических параметров денотатов (категориальных, перцептивных, функциональных, партитивных, темпоральных и т. д.).

Для определения состава и структуры ПЗ исследуемых слов, мы объединили реакции, полученные на эти слова-стимулы в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента с носителями английского языка в семантические группы также по принципу отражение их членами общих параметров денотатов. Всего было выделено 11 групп: **Изделия, Сопутствующие продукты, Цитатная, Характеристики изделий,**

Компоненты изделий, Кухонные инструменты, Место, Действия, Лица, Психофизиологическое состояние и Время.

Проведем комплексный анализ лексемы *pancake* ‘блин’, сопоставив лексикографическую модель значения с психолингвистической. Дефиниция этого слова, представленная в [2] такова: «*a thin, flat cake of batter, fried on both sides in a pan and typically rolled up with a sweet or savoury filling*». Словарь [3] дает практически идентичное определение: «*a thin, flat food made from flour, milk, and egg mixed together and cooked in a pan*». Первый словарь, помимо подведения под категорию и описания формы и рецептуры изделия, указывает на способ его приготовления и подачи. Структура и содержание ЛЗ *pancake* ‘блин’, полученная путем объединения зафиксированных в дефинициях семантических компонентов в группы, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Структура и содержание ЛЗ лексемы *pancake* ‘блин’

Семантические группы	Состав
Изделия	<i>food</i> ‘еда’, <i>cake</i> ‘торт, пирожное’
Компоненты изделий	<i>batter</i> ‘взбитое жидкое тесто’, <i>filling</i> ‘начинка’, <i>flour</i> ‘мука’, <i>milk</i> ‘молоко’, <i>eggs</i> ‘яйца’
Характеристики изделий	<i>thin</i> ‘тонкий’, <i>flat</i> ‘плоский’, <i>sweet</i> ‘сладкий’, <i>savoury</i> ‘пикантный’
Действия	<i> fry on both sides</i> ‘жарить с двух сторон’, <i>roll up</i> ‘сворачивать в трубочку’, <i>mix</i> ‘смешивать’, <i>cook</i> ‘готовить’
Кухонные инструменты	<i>pan</i> ‘сковорода’

Как мы видим, ЛЗ *pancake* ‘блин’ включает 16 семантических компонентов, объединенных в 5 семантических групп. Данное значение отсылает нас к общей категории данного понятия (*food* ‘еда’, *cake* ‘торт, пирожное’), а также содержит указание на рецептуру изделия (*flour* ‘мука’, *milk* ‘молоко’ и др.), типичные характеристики (*thin* ‘тонкий’, *flat* ‘плоский’ и др.), перечень манипуляций по его приготовлению (*roll up* ‘сворачивать в трубочку’) и фиксирует название кухонного инструмента, используемого для приготовления блинов (*pan* ‘сковорода’).

Рассмотрим ПЗ лексемы *pancake* ‘блин’. Объединив реакции на стимул *pancake* ‘блин’ в семантические группы, мы получили следующую иерархичную структуру, представленную в таблице 2.

Таблица 2

Структура и содержание ПЗ лексемы *pancake* ‘блин’

Семантические группы	Приходящие реакции	Состав
Сопутствующие продукты	29,7 %	<i>lemon(s)</i> ‘лимон’, + <i>lemon</i> ‘+ лимон’, <i>syrup</i> ‘сироп’, <i>jam</i> ‘варенье’, <i>chocolate</i> ‘шоколад’, <i>cream</i> ‘сливки’, <i>butter</i> ‘масло’, <i>sugar</i> ‘сахар’, <i>lemon juice</i> ‘лимонный сок’, <i>lemon + sugar</i> ‘сахар’, <i>lemon and sugar</i> ‘лимон и сахар’, <i>banana</i> ‘банан’, <i>golden syrup</i> ‘светлая патока’, <i>maple syrup</i> ‘кленовый сироп’, <i>sauce</i> ‘соус’, <i>honey</i> ‘мед’, <i>treacle</i> ‘патока’, <i>currants</i> ‘изюм’, <i>orange</i> ‘апельсин’
Время	23,1 %	<i>(shrove) Tuesday</i> ‘прощенный вторник’, <i>shrove</i> ‘прощенный’, <i>day</i> ‘день’, <i>lent</i> ‘Великий пост’, <i>calendar</i> ‘календарь’, <i>good Friday</i> ‘Великая пятница’, <i>February</i> ‘февраль’, <i>once a year</i> ‘один раз в год’, <i>breakfast</i> ‘завтрак’, <i>dessert</i> ‘десерт’
Цитатная	13,75 %	<i>day</i> ‘день’ (<i>Pancake day</i> ‘блинный день’), <i>(shrove) Tuesday</i> ‘прощенный вторник’, <i>makeup</i> ‘косметика’ (<i>pancake makeup</i> ‘толстый слой косметики на лице’), <i>race</i> (<i>pancake race</i> ‘забег с блинами’)
Компоненты изделий	5,9 %	<i>batter</i> ‘взбитое жидкое тесто’, <i>egg</i> ‘яйцо’, <i>currants</i> ‘коринка’, <i>flour</i> ‘мука’, <i>mix</i> ‘смесь’
Действия	5,6 %	<i>fry</i> ‘жарить’, <i>toss</i> ‘бросать’, <i>mix</i>

		‘смешивать’, <i>bake</i> ‘печь’, <i>fritter</i> ‘жарить’, <i>cook</i> ‘готовить’, <i>flip</i> ‘подбрасывать в воздухе’, <i>eat</i> ‘есть’
Изделия	3,4 %	<i>food</i> ‘еда’, <i>roll</i> ‘булочка, рулет’, <i>blini</i> ‘блины’, <i>dropscone</i> ‘оладья’, <i>bread</i> ‘хлеб’
Кухонные инструменты	3,4 %	<i>pan</i> ‘сковорода’, <i>frying pan</i> ‘сковорода с ручкой’, <i>maker</i> ‘блинница’, <i>saucapan</i> ‘кастрюля’
Характеристики изделий	1,8 %	<i>good</i> ‘хороший’, <i>sweet</i> ‘сладкий’, <i>tasty</i> ‘вкусный’, <i>treat</i> ‘лакомство’, <i>delicious</i> ‘очень вкусный’, <i>American</i> ‘американский’
Лица	1,3 %	<i>dad</i> ‘папа’, <i>Sheila</i> ‘Шила’, <i>chef</i> ‘шеф’
Место	0,3 %	<i>America</i> ‘Америка’
Психофизиологическое состояние	0,3 %	<i>hungry</i> ‘голодный’

Как видно из таблицы 2, число компонентов смысла, выделенных в анализируемых типах значений, значительно отличается. В ПЗ лексемы *pancake* ‘блин’ количество выделенных семантических групп в два раза больше, чем в ЛЗ лексемы *pancake* ‘блин’, причем помимо малочисленных и периферийных групп (Лица, Место, Психофизиологическое состояние), в ЛЗ отсутствуют показавшие максимальную актуальность для носителей языка члены групп Сопутствующие продукты и Время. Для испытуемых значительно важнее оказалось совместное употребление блинов с отдельными продуктами, чем их рецептура. Высокочастотная реакция *lemon* ‘лимон’, встретившаяся 50 раз в эксперименте, в дефинициях не зафиксирована. Не указано лексикографами и типичное время, а именно, прощенный вторник, когда принято есть блины. Актуальность этого момента подтверждена серией реакций (*shrove Tuesday* ‘прощенный вторник’, *day* ‘день’, *shrove* ‘прощенный’, *lent* ‘пост’, *calendar* ‘календарь’, *good Friday* ‘страстная пятница’, *February* ‘февраль’, *once a year* ‘один раз в год’), из которых две входят в число самых частотных (*Shrove Tuesday* встретилось 31 раз, *day* – 35).

Общая для двух значений группа Характеристики изделий включает

схожий набор компонентов – *sweet* ‘сладкий’, *flat* ‘плоский’, *thin* ‘тонкий’, однако, в ПЗ содержатся и оценочные реакции (*tasty* ‘вкусный’, *treat* ‘лакомство’, *delicious* ‘очень вкусный’, *good* ‘хороший’), отражающие прагматический аспект плана содержания слова. Отличается ПЗ слова *pancake* ‘блин’ не только наличием других, обнаруживших актуальность компонентов смысла (указанием на соотнесенность со смежными изделиями (*roll* ‘булочка, рулет’, *blini* ‘блины’, *dropscone* ‘оладья’, *bread* ‘хлеб’), на совместное употребление продуктов (*lemon(s)* ‘лимон’, + *lemon* + ‘лимон’, *syrrup* ‘сироп’, *jam* ‘варенье’, *chocolate* ‘шоколад’, *cream* ‘сливки’, *butter* ‘масло’, *sugar* ‘сахар’, *lemon juice* ‘лимонный сок’, *lemon + sugar* ‘лимон + сахар’, *lemon and sugar* ‘лимон и сахар’, *banana* ‘банан’, *golden syrrup* ‘светлая патока’, *maple syrrup* ‘кленовый сироп’, *sauce* ‘соус’, *honey* ‘мед’, *treacle* ‘патока’, *currants* ‘коринка’, *orange* ‘апельсин’), но и присутствием личных реакций (*dad* ‘папа’, *Sheila* ‘Шила’), а также более разнообразным составом общих групп. В качестве инструментов указаны не только *pan* ‘сковорода’, *frying pan* ‘сковорода с ручкой’, но и популярный прибор – *pancake maker* (‘блинница’), в перечне ингредиентов встречается *mix* (‘готовая смесь для приготовления блинов’). В ПЗ также фиксируется наличие оценочных компонентов (*good* ‘хороший’, *delicious* ‘очень вкусный’), не представленных в лексикографических источниках.

ПЗ и ЛЗ представляют собой полевые структуры, но принцип их построения существенно отличается. Если в ЛЗ деление на центр и периферию обусловлено внутрисистемными связями, то в ПЗ их разграничение обусловлено субъективной **актуальностью** тех или иных связей в сознании испытуемых. Единичные, периферийные компоненты ПЗ фиксируют связь, понимаемую носителями языка, но не значимую для них.

Как показывает анализ полученных моделей значения, лексикографическое и психолингвистическое представление лексемы *pancake* заметно отличается. ПЗ характеризуется более разнообразным составом и иерархией компонентов и позволяет, таким образом, установить актуальные для сознания носителей языка отношения, что может быть использовано для корректировки лексикографических моделей. Интегрированный подход к описанию значения, а именно, учет и лексикографических, и психолингвистических данных, позволит максимально широко описать объем семантических компонентов, выявить национально-культурную специфику и, тем самым, глубже проникнуть в тайны значения слова.

Библиографические ссылки

1. Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Saarbruecken : Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с
2. Cambridge dictionary online [Electronic resource]. Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org/>. Date of access: 15.09.2017.
3. Oxford dictionary online [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/>. Date of access: 15.11.2014.

Канторович Т.М. (Гродно, Беларусь)

NOMINA FEMININA В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ОСНОВЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ)

Статья посвящена рассмотрению *nomina feminina* (феминативов) в электронной коммуникации на русском языке на основе корпусных данных. В статье приводятся группы феминативов по частотности употребления, анализируется соотношение литературных и разговорных форм *nomina feminina*, рассматриваются продуктивные модели образования просторечных форм феминативов.

Ключевые слова: *nomina feminina*, феминатив, электронная коммуникация, разговорный стиль, суффикс.

На протяжении всей истории человеческой цивилизации существовала необходимость обмена и передачи информации. Вначале это осуществлялось посредством устного общения, затем появляется письменная коммуникация, которая сокращает пространственное и временное расстояние между говорящим и адресатом. Несколько десятилетий назад появилась возможность передавать языковые сообщения при помощи компьютеров. Этот вид общения определяется как электронная (виртуальная, сетевая) коммуникация и в последнее время рассматривается как особый модус коммуникации, наравне с устным и письменным, либо как мостик между устной и письменной речью [1].

Электронная коммуникация отличается мимолетностью и неформальностью. Собеседники буквально «разговаривают» через компьютер: в одной части экрана участник диалога пишет свой текст, а в другой части может видеть постепенно появляющийся текст своего собеседника. Таким образом, Интернет можно считать особой коммуникационной средой. Электронная коммуникация сама по себе неоднородна. Среди видов электронной коммуникации выделяют, по

крайней мере, несколько, в которых зафиксированы особые правила языкового поведения, – электронная почта и чаты, блоги, социальные сети, многочисленные мобильные приложения.

Язык – это динамичная система, которая постоянно развивается. Словарный состав языка претерпевает изменения, что обусловлено не только внутренними законами его развития, но также внешними, преимущественно социальными, факторами [2, с. 3]. Не все элементы лексического состава языка в одинаковой степени реагируют на изменения в обществе. Наиболее чувствительным к изменениям в общественно-политической и экономической жизни людей является разряд существительных со значением лица, одну из групп которого составляют *nomina feminina* (феминативы). В последнее время наблюдается интерес исследователей к феминативам, которые обозначают лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной принадлежности. Большую часть подобных номинаций составляют слова женского рода категорий *nomina agentis* (наименования деятеля) и *nomina attributiva* (наименования носителя признака), но к ним также можно отнести различные термины родства и свойства, обозначения религиозной, национальной, возрастной, социальной принадлежности и др. [3].

Категория *nomina feminina* рассматривается как модификационная словообразовательная категория, и феминативы традиционно трактуются как вторичные номинации, структурно и семантически связанные с маскулинными названиями лиц [4].

Целью нашего исследования является выявление *nomina feminina* в электронной коммуникации на русском языке. Базой данных для анализа послужили феминативы, отобранные из подкорпуса электронной коммуникации, сформированного на основе основного модуля Национального корпуса русского языка. Поиск феминативов велся по пользовательскому подкорпусу объемом 888 документов, 366 055 предложений, 3 654 525 слов. Анализ употребления феминативов (распределение по годам) показал, что пик употребления форм *nomina feminina* приходится на 2004-2008 годы (статистические данные приводятся с 2000 года). Большинство найденных документов по типу текста относятся к форумам (133 документа) и блогам (24 документа). Среди менее многочисленных типов документов можно назвать интернет-пейджеры и комментарии. Главная тематика текстов – частная жизнь, медицина и здоровье, досуг и развлечения, искусство и культура.

Проанализировав полученный материал, мы выделили следующие основные группы феминативов в зависимости от частотности употребления:

1) *Nomina Feminina* по специальности, профессии и занимаемой должности (66 феминативов, 315 употреблений);

2) *Nomina Feminina* по роли в межличностных отношениях (11 феминативов, 277 употреблений);

3) *Nomina Feminina* – «обучаемая» (в сфере образования) (16 феминативов, 81 употребление);

4) *Nomina Feminina* по отрицательным характеристикам характера (19 феминативов, 80 употреблений);

5) *Nomina Feminina* по происхождению и социальной принадлежности (14 феминативов, 66 употреблений);

6) *Nomina Feminina* по возрастной принадлежности (2 феминатива, 38 употреблений);

7) термины родства и *Nomina Feminina* по семейному положению (7 феминативов, 30 употреблений).

Рассмотрим эти группы лексем подробнее.

В группе ***Nomina Feminina* по специальности, профессии и занимаемой должности** наиболее частотными являются лексические единицы, обозначающие представительниц педагогических профессий: *учительница, преподавательница, воспитательница, директорша, заведующая (детским садом), англичанка (учительница английского языка), профессорша*. Часто встречаются феминативы, обозначающие медицинских работников: *врачиха, докторша, санитарка*. Большую подгруппу составляют феминативы, обозначающие женщин в сфере культуры, кино и театра, поскольку на форумах и в блогах активно обсуждаются классические и современные фильмы, постановки и концерты. Примерами подобных феминативов являются следующие лексемы: *актриса, певица, артистка, вокалистка, исполнительница, пианистка*. Спорт играет важную роль в жизни современного человека: люди активно занимаются спортом, а также являются спортивными фанатами и делятся своими впечатлениями с участниками форумов и чатов. Об этом свидетельствует употребление таких феминативов, как *альпинистка, волейболистка, горнолыжница, лыжница, ныряльщица, пловчиха, прыгунья, синхронистка, спортсменка*. Ряд феминативов данной группы относится к сфере красоты и здоровья: *манекенищица, массажистка, парикмахерша*.

В книжном стиле для обозначения многочисленных профессий используются только существительные мужского рода для обозначения лиц женского и мужского пола: *ректор, инженер, врач, доктор*.

В разговорном стиле соответствующие женские номинации образуются при помощи суффикса *-ш-а*. Феминативы с суффиксом *-ш-(а)* имеют 2 значения: 1) 'лицо женского пола': *лекторша, курьерша, кассирша*,

секретарша, репортерша; 2) ‘жена’: султаниша, капитаниша, генеральша, офицерша, профессорша (некоторые из этих слов в современном русском языке могут употребляться и в первом значении, в основном с ироничной или отрицательной экспрессией: *майорша, профессорша, докторша, инженерша, директорша*). Ещё одним суффиксом феминативов, который демонстрирует продуктивность в разговорном стиле, является суффикс *-их-(а): врачиха, пловчиха*.

Группа *Nomina Feminina* по роли в межличностных отношениях включает в себя 11 феминативов с высокой частотностью их употребления в рассматриваемом виде коммуникации. Электронная коммуникация характеризуется повышенной коммуникативной открытостью её участников, которая обеспечивается значительной степенью безопасности, которую даёт вымышленное имя, невидимая внешность и никому не известная личная история [1]. В связи с этим участники данного вида коммуникации чаще делятся своей личной информацией и деталями личной жизни своего окружения. Наибольшую частотность в данной группе имеет феминатив *подруга* (182 словоупотребления). Высокочастотными являются также лексемы *знакомая, соседка, любовница, поклонница*.

Группа ***Nomina Feminina* – «обучаемая»** включает в себя 81 феминатив. Участники электронной коммуникации обсуждают актуальные вопросы современного образования, свои школьные и студенческие годы, а также делятся своим опытом и опытом своих близких. Наиболее частотными являются следующие: *одноклассница, студентка, первокурсница, однокурсница, выпускница, старшеклассница, аспирантка*.

Группа ***Nomina Feminina* по отрицательным характеристикам характера** включает 19 феминативов. Участники электронной коммуникации не знают своего партнёра и его личной истории, а также не чувствуют персональной ответственности за опубликованную информацию. Этот факт позволяет коммуникантам использовать негативно окрашенные лексемы и обценную лексику в процессе коммуникации. Примерами подобных феминативов являются следующие лексемы: *дура, дурочка, стерва, истеричка, чертовка, лентяйка, хулиганка, хамка*. Данные феминативы относятся к разговорному стилю.

Группа ***Nomina Feminina* по происхождению и социальной принадлежности** включает 14 феминативов. Данные феминативы употребляются в контексте обсуждения литературных произведений, кинофильмов, а также исторических фигур и их роли в человеческой истории. Наиболее часто употребляемые лексемы *королева, принцесса, царица, императрица, рабыня*. Феминативы данной группы используются также в значении «*важная дама, дама из высшего общества*».

Группа **Nomina Feminina по возрастной принадлежности** включает в себя 2 фемининатива с высокой частотностью употребления: *старуха* (22 словоупотребления) и *старушка* (16 словоупотреблений). Лексема *старуха* употребляется при обсуждении литературных произведений (например, «Старуха Изергиль», «Сказка о рыбаке и рыбке»), в то время как лексема *старушка* употребляется для обозначения лиц женского пола преклонного возраста.

В группу **терминов родства и Nomina Feminina по семейному положению** входят 7 фемининативов. Женские номинации данной группы включают в себя лексемы *мать* (наиболее частотное), *внучка*, *супруга*, *свекровь*, *племянница*, *вдова*.

Таким образом, наиболее многочисленными группами феминативов в электронной коммуникации на русском языке являются **Nomina Feminina по специальности, профессии и занимаемой должности**, **Nomina Feminina по роли в межличностных отношениях**, **Nomina Feminina – «обучаемая»** (в сфере образования), **Nomina Feminina по отрицательным характеристикам характера**. Около 9 % всех отобранных феминативов относятся к разговорному стилю, являются просторечиями или бранными словами. Наибольшее количество разговорных феминативов выделено в группе **Nomina Feminina по специальности, профессии и занимаемой должности**. Продуктивными суффиксами, которые образуют разговорные феминативы в тех случаях, когда в литературном языке для обозначения лиц обоих полов употребляются формы мужского рода, являются суффиксы *-ш-(а)* и *-их-(а)*.

Наибольшее число феминативов, относящихся к обсценной лексике, выделено в группе **Nomina Feminina по отрицательным чертам характера**. Наличие значительного количества таких лексических единиц объясняется особенностями электронной коммуникации, повышенной коммуникативной открытостью её участников, которая обеспечивается отсутствием личной ответственности, а также значительной степенью безопасности, которую даёт вымышленное имя, невидимая внешность и никому не известная личная история.

Библиографические ссылки

1. Электронная коммуникация. URL: http://www.studme.org/83485/management/elektronnaya_kommunikatsiya (дата обращения 15.03.2019).
2. *Булахов М.Г.* К вопросу об исторической общности и расхождениях в словообразовании русского и белорусского языков // Сравнительно-сопоставительное изучение лексики русского и белорусского языков: сб. науч. тр. Минск, 1981.

3. Фемининативы в русском языке: лингвистический аспект. URL: <https://d-ocplayer.ru/44005004-Feminitivy-v-russkom-yazyke-lingvisticheskiy-aspekt.html> (дата обращения 17.03.2019).

4. Основные тенденции развития категории *nomina feminina* в современном русском литературном языке. URL: <http://refdb.ru/look/2004379-p3.html> (дата обращения 12.03.2019).

І.К. Клачко (Гродна, Беларусь)

АНГЛАМОЎНЫЯ ЗАПАЗЫЧВАННІ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У артыкуле разглядаецца засваенне англамоўных запазычванняў носьбітамі беларускай мовы. Прааналізаваны працэс засваення англамоўных запазычванняў на фанетычным, граматычным і лексіка-семантычным узроўнях.

Ключавыя словы: *запазычванні, адаптацыя, англіцызм.*

Дынаміка змяненняў у грамадскім жыцці выклікае дынаміку моўных змен. Працэс запазычвання суправаджаецца засваеннем іншамоўнай лексікі на ўсіх моўных узроўнях. Прыток слоў іншамоўнага паходжання ў лексічны склад беларускай мовы абумоўлены развіццём сучаснай беларускай эканомікі, палітычных працэсаў, а таксама культурных сувязей з замежнымі, у прыватнасці, англамоўнымі, краінамі.

Сучасны брытанскі лінгвіст Д. Крыстал перакананы, што англійская мова, як ніякая іншая аказвае моцны ўплыў на іншыя мовы: «Выкарыстанне англійскай мовы ў якасці міжнароднай абумоўлена авангарднай роляй англамоўных краін (асабліва ЗША). Яна нярэдка лічыцца мовай лінгва франка і фактычна з’яўляецца адзінай крыніцай папаўнення слоўнікавага складу амаль усіх моў свету» [1, с. 10] (*пераклад тут і далей наш*).

Іншамоўныя запазычванні ў лексічнай сістэме беларускай мовы – гэта натуральная з’ява, але яны мэтазгодны толькі пры ўмове адпаведнасці камунікатыўным патрабаванням грамадства і захаванні нацыянальнай спецыфікі тэрмінасістэм.

На працягу апошніх дзесяцігоддзяў XX – пачатку XXI стст. у сацыяльна-эканамічным жыцці нашай краіны адбываюцца буйныя пераўтварэнні, якія выклікалі значныя змены ў лексічным складзе беларускай мовы, што і падкрэслівае «Слоўнік новых слоў беларускай мовы» (далей – *СНСБМ*) [2, с. 12–13].

Англамоўныя запазычванні, адапціруючыся да лінгвістычнай сістэмы любой мовы, звычайна праходзяць шлях ад першапачатковага з’яўлення слова ў яго спрадвечнай фанетычнай, графічнай і граматычнай форме ў якасці своеасаблівага ўкрапвання, да ўжывання ў гаворцы як паўнапраўнай

слоўнікавай адзінкі. Кожная мова, выступаючы ў якасці рэцыпіента, выпрацоўвае свае прыёмы, спосабы засваення іншамоўнага лексічнага матэрыялу – фанетычныя, графічныя, граматычныя, семантычныя [3, с. 155].

Фанетычная адаптацыя англіцызмаў заключаецца ў тым, што іншамоўнае слова пачынае перадавацца з дапамогай фанем беларускай фанетычнай сістэмы, г. зн. адбываецца прыстасаванне да фанематычнай сістэмы беларускай мовы. Фанетычнае засваенне мае першаснае значэнне для поспеху далейшай асіміляцыі англамоўнага запазычвання ў беларускай мове.

Фанетычнае засваенне англамоўных слоў часам бывае даволі працяглым працэсам, што вядзе да існавання варыянтнасці форм напісання: *дыстрыб'ютар* і *дыстрыб'ютэр*; *мультымедыя* і *мультымедыа*; *прадзюсар* і *прадзюсер*; *сноўборд* і *сноуборд*, *сноўбард* і *сноуборд*; *фан* і *фэн* і інш. [2].

Вядома, што 1 верасня 2010 года ўступіў у сілу Закон Рэспублікі Беларусь № 420-З «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі». Як лічаць даследчыкі, «новыя правілы не разбураюць сістэму нацыянальнай арфаграфіі, якая складвалася стагоддзямі, а ўдасканальваюць яе, часткова ліквідуюць той дысбаланс, які быў выяўлены ў апошнія дзесяцігоддзі ў перыядычным друку і інтэрнэце» [4, с. 3].

Так, іншамоўныя суфіксы **or/er** раней перадаваліся праз **ар** або **эр**: *аўтсайдар* і *аутсайдэр* (англ. *outsider*); *гендар* і *гендэр* (англ. *gender*); *кардар* і *кардэр* (англ. *carder*); *постар* і *постэр* (англ. *poster*); *прадзюсар* і *прадзюсер* (англ. *producer*); *прынтар* і *прынтэр* (англ. *printer*); *скейтар* і *скейтэр* (англ. *skater*); *скутар* і *скутэр* (англ. *scooter*); *снічпрайтар* і *снічпрайтэр* (англ. *speechwriter*); *тэндар* і *тэндэр* (англ. *tender*); *чартар* і *чартэр* (англ. *charter*) і інш.

Аднак, згодна з патрабаваннямі новай арфаграфічнай нормы, фіналія **эр** у запазычаных словах перадаецца толькі як **ар**, такім чынам, запазычаныя англіцызмы з фіналіяй **or / er** павінны пісацца як *аўтсайдар*, *гендар*, *кардар*, *постар* і інш.

Адзначым, што аўтары слоўніка СНСБМ на першае месца ў слоўнікавым артыкуле ставяць тэрмін, які «адлюстроўвае апошнія тэндэнцыі фанетыкаграфічнага афармлення новых лексем» [2, с. 19]. Але не заўсёды «апошнія тэндэнцыі» супадаюць з сучаснай беларускай арфаграфіяй. Так, напрыклад, англійскае слова *scanner* не мае ў слоўніку беларускага адпаведніка *сканар*, а толькі запазычанае праз рускую мову *сканер*.

Для вызначэння на пісьме цвёрдых англамоўных зычных фанем <d>, <t> звычайна выкарыстоўваюцца літары **д**, **т**. Вядома, што ў беларускай мове цвёрдыя зычныя фанемы <д>, <т> маюць мяккія варыянты <дз'>, <ц'>.

Аднак у словах іншамоўнага паходжання гэтая «фанетычная з’ява праяўляецца непаслядоўна. Таму правапіс слоў з літарамі *д* і *т* у значнай ступені вызначаецца па слоўніку» [5, с. 72]: *бутык* і *буцік*; *ды-джэй*, *дыджэй* і *дзі-джэй*; *уцыліта* і *уціліта* і інш.

Граматычнае засваенне англамоўных запазычванняў звязана з падпарадкаваннем іх нормам, якія дзейнічаюць у граматыцы беларускай мовы.

З-за адрозненняў у граматычных сістэмах беларускай і англійскай моў адбываецца пераасэнсаванне граматычных катэгорый. Прыметнікі і дзеясловы набываюць тыповыя для беларускай мовы словаўтваральныя і словазмяняльныя афіксы.

У англійскай мове катэгорыя роду назоўнікаў адсутнічае. Аднак англіцызмам, якія прыйшлі ў беларускую мову, граматычны род прысвойваецца. Родавызначэнню спрыяе наяўнасць у іх тых жа словаўтваральных элементаў, што і ва ўжо асвоеных запазычваннях. Так, англіцызмы *антыспам*, *віндсёрфер*, *бюзмен* і *бюзмэн*, адносяцца да мужчынскага роду, як і словы *спам*, *сёрфінгіст* (англ. *surfer*), *мен* і *мэн*, а *кавер-версія* – да жаночага роду.

Граматычна лёгка асвойваюцца і набываюць катэгорыю роду англіцызмы з фіналіямі **-ар \ -эр, -ер, -ынг \ -інг** і інш.: *вінчэстар* і *вінчэстэр* – у інфарматыцы: ‘запамінальнае ўстройства камп’ютара, у якім магнітныя дыскі размешчаны ў герметычным кажуху; жосткі магнітны дыск’ [2, с. 99]; *інтэгратар* – ‘той, хто аб’ядноўвае або выступае за аб’яднанне (інтэграцыю) чаго-небудзь’ [2, с. 154]; *правайдар* – ‘арганізацыя, якая на платнай аснове забяспечвае сваім кліентам сувязь с сеткай Інтэрнэт, інфармацыйныя ці камунікацыйныя паслугі’ [2, с. 278]; *кліпмейкер* і *кліпмэйкер* – ‘майстар па стварэнню кліпаў’ [2, с. 190]; *лэндровер* – ‘легкавы аўтамабіль павышаннай праходнасці з пярэднім і заднім прывадам’ [2, с. 207]; *факторынг* – ‘разнавіднасць крэдытавання кліента на вялікую суму’ [2, с. 385]; *франчайзінг* – ‘форма эканамічнага спрыяння, пры якой фірма, што мае цвёрдыя пазіцыі на рынку, аддае новаўтвораннай фірме абсталяванне, тэхналогіі, дапаможныя матэрыялы, ноў-хаў і таварныя знакі’ [2, с. 395]; *рэкрутынг* – ‘найм рабочай сілы (пераважна для працы за мяжой) праз спецыяльныя агенцтвы’ [2, с. 310].

Род назоўніка вызначаецца і згодна полу аб’екта, які ён азначае. Так, да жаночага роду адносяцца словы, якія абазначаюць асоб жаночага полу: *кавер-гёл* і *кавер-гёрл* – ‘фотамадэль, якая здымаецца для вокладак ілюстраваных часопісаў’ [2, с. 166]; *гёрлфрэнд* – ‘сяброўка маладога чалавека; палюбоўніца’ [2, с. 110]; слова *геймер* – ‘ігрок у камп’ютарныя гульні – мужчынскага роду’ [2, с. 108].

Таксама іншамоўнае слова набывае катэгорыю роду паводле яго гіпероніма або сіноніма: *біз-борд* – рэкламны *шчыт*; *віндаўз* – у інфарматыцы аперацыйная *праграма* кампаніі «Microsoft», якая дазваляе ажыццяўляць работу ў шматзадачным рэжыме.

Семантычная адаптацыя – складаны і працяглы працэс, паколькі з’яўляецца цэнтральным і рашаючым этапам адаптацыі запазычванняў. Іншамоўнае слова павіна замацаваць за сабой пэўнае значэнне, заняць пэўнае месца ў семантычных структурах мовы-рэцыпіента [6, с. 13].

Падчас семантычнага засваення лексічнае значэнне новазапазычанага слова фармуецца, удакладняецца, адшліфоўваецца па меры таго, як слова ўключаецца ў сінтагматычныя і парадыгматычныя сувязі са словамі прымайлай мовы [7, с. 266].

Семантычная адаптацыя – працэс уваходжання іншамоўных слоў у сістэму мовы-рэцыпіента. У новым моўным асяроддзі англіцызмы могуць звуціць або пашырыць сваё семантычнае значэнне. Да англамоўных запазычванняў са звужанай семантыкай адносяцца словы, што трапілі ў беларускую мову са звужаным семантычным значэннем. Так, англійскае слова *path* – гэта 1) невялікая частка зямлі, якая адрозніваецца ад навакольнай тэрыторыі, напрыклад, сцяжынка ці квятнік; 2) невялікі кавалачак матэрыялу, які выкарыстоўваецца для рамонту адзежы, напрыклад, латка ці аплікацыя; 3) камп’ютарная праграма, якая выпраўляе ці карэктуюе недахопы ў асноўнай праграме [8, с. 1113]. У беларускай мове англіцызм *патч* мае толькі адно значэнне – невялікая камп’ютарная праграма, якая прызначана ліквідаваць некаторыя недапрацоўкі ў асноўнай праграме і робіць апошнюю больш дакладнай [2, с. 261]; англійскае *speaker* – гэта 1) чалавек, які выступае з прамовай; 2) прадстаўнік парламента, задача якога выступаць з прамовай ці ў дыскусіях; 3) частка радыё, камп’ютара ці музычнага абсталявання праз якую выходзіць гук (дынамік) [8, с. 1480]. У беларускай мове *спікер* мае значэнне – старшыня парламента [2, с. 337]; *teaser* – 1) складаная праблема ці пытанне; 2) рэкламны ролік новага прадукта, створаны для прыцягнення ўвагі да яго [8, с. 1589]. У беларускай мове англіцызм *тызер* – гэта рэкламны ролік новага, яшчэ не завершанага фільма, які ствараецца з мэтай прыцягнення ўвагі будучых глядачоў [2, с. 369].

Шэраг англамоўных запазычванняў набылі дадатковыя семантычныя значэнні ў беларускай мове, якіх не мелі ў мове-донары. Так, англійскае слова *remake* – перароблены варыянт старога музычнага запісу, пастаноўкі фільма і пад. [8, с. 1289]. У беларускай мове англіцызм *рымейк*, акрамя таго, што гэта перароблены варыянт старога музычнага запісу, пастаноўкі фільма і пад., набывае яшчэ адно значэнне – у эстэтыцы постмадэрнізму – разнавіднасць мастацкага пераўтварэння [2, с. 304]; *fast food* – ежа, якая

гатуецца і падаецца хутка, яе можна ўзяць з сабою і есці на вуліцы, напрыклад, гамбургер [8, с. 557]. У беларускай мове *фаст-фуд*, па-першае, сістэма экспрэс-харчавання і толькі, па-другое, стравы, набытыя ў рэстаране сістэмы экспрэс-харчавання [2, с. 387].

Шмат англіцызмаў захавалі семантычнае значэнне англійскага арыгінала. Напрыклад: *pager* → *пейджар* ‘прылада для перадачы на адлегласць закадзіраванага паведамлення з выкарыстаннем сігналаў на ўльтракраткіх хвалях, якія ператвараюцца ў тэкставую, лічбавую або танальную інфармацыю’; *rafting* → *рафтынг* ‘спуск на плытах ці лодках па горных рэках’; *sponsor* → *спонсар* ‘асоба, арганізацыя, фірма, якія фінансуюць якое-небудзь мерапрыемства, выданне, телеперадачу і г.д.’; *teen-ager* → *тынэйджар* ‘падлетак, хлопчык або дзяўчынка ў пераходным узросце’.

У апошнія гады лінгвісты адзначаюць, што менавіта СМІ з’яўляюцца найбольш актыўным рэсурсам для ўзбагачэння мовы замежнымі словамі, таму што, выкарыстоўваючыся ў пісьмовай мове перыядычнага друку, запазычанае слова становіцца больш звыклым і зразумелым, хутчэй трапляе ў вусны ўжытак носьбітаў беларускай мовы [9, с. 100]. У сувязі з гэтым у ходзе засваення англіцызмаў трэба пазбягаць узнікнення варыянтных форм і, тым самым, імкнуцца да аднастайнасці ў межах выкарыстання гэтай лексікі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Crystal D. English as a global Language / D. Crystal. Cambridge University Press. 2003. 229 p.*
2. *Уласевіч В.І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. Мінск : ТетраСистемс, 2009. 448 с.*
3. *Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка : учеб. пособие / Е.В. Маринова. М. : Флинта : Наука, 2012. 288 с.*
4. *Куліковіч У.І. Новае ў беларускай арфаграфіі. Правілы. Заданні. Тэсты. Слоўнік : вучэбны дапаможнік / У.І. Куліковіч. Мінск : Новое издание, 2009. 104 с.*
5. *Кандраценя І.У. Сучасная беларуская арфаграфія: акадэмічны даведнік / І.У. Кандраценя, Л.П. Кунцэвіч, А.А. Лукашанец : пад рэд. І.У. Кандрацені. Мінск : Аверсэв, 2012. 272 с.*
6. *Биржакова Е.Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века / Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина : под ред. Е.Э. Биржаковой. Л. : Наука, 1972. 431 с.*
7. *Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в. : проблемы освоения и функционирования / Е.В. Маринова. М. : Элпис, 2008. 496 с.*
8. *Hornby A.S. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. / Hornby A.S. Oxford University Press, 2010. 1796 p.*

9. *Савасцюк М.Л.* Полісемантычныя англамоўныя запазычванні ў мове сучаснай беларускай публіцыстыкі / М.Л. Савасцюк // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 98-105.

Д.У. Кузняцова (Мінск, Беларусь)

СПЕЦЫЯЛЬНАЯ ЛЕКСІКА ЯК ЧАСТКА ЛЕКСІЧНАЙ СІСТЭМЫ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Спецыяльная лексіка, у прыватнасці тэрміналогія, займае асобае месца ў лексічнай сістэме любой нацыянальнай мовы, на конт дакладнага вызначэння якога не існуе адзінага агульнапрызнанага пункту погляду. У артыкуле будучь прадстаўлены некаторыя падыходы айчынных і замежных лінгвістаў да вырашэння гэтага пытання.

Ключавыя словы: *спецыяльная лексіка, тэрміналогія, лексічная сістэма мовы, мова для спецыяльных мэт, тэрміналагізацыя, дэтэрміналагізацыя.*

Сучасная беларуская мова – высокаразвітая мова, сярод лексічных сродкаў якой важнае месца займаюць спецыяльныя лексічныя адзінкі. Спецыяльная лексіка мае дакладнае назначэнне і ўжываецца ў пэўных умовах і сітуацыях, што якасна адрознівае такую лексіку ад агульнаўжывальных слоў і дазваляе сцвярджаць, што яна займае асобае месца ў лексічнай сістэме любой нацыянальнай мовы.

Аналіз лінгвістычнай літаратуры дэманструе, што пры вызначэнні таго месца, якое займае спецыяльная лексіка ў межах пэўнай нацыянальнай мовы, даследчыкі абавязкова разглядаюць суадносіны спецыяльнай лексікі і літаратурнай мовы. Асабліва пільная ўвага пры гэтым надаецца разгляду менавіта тэрмінаў як цэнтральных і агульнапрызнаных адзінак спецыяльнай лексікі.

Паколькі спецыяльныя адзінкі абавязкова ўжываюцца падчас прафесійнай камунікацыі, якая мае значныя адрозненні ад звычайных, штодзённых зносін і, такім чынам, у першую чаргу фарміруюць менавіта прафесійную моўную карціну свету чалавека, уся спецыяльная лексіка звычайна разглядаецца ў складзе лексікі абмежаванага выкарыстання. Як адзначае І.Я. Лепешаў, «калі разглядаюцца сістэмныя сувязі, якія існуюць паміж словамі паводле аманіміі, сінаніміі, антаніміі, паходжання, экспрэсіўна-стылістычных асаблівасцей, актыўнага і пасіўнага складу, гаворка ідзе ўвесь час пра лексіку сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Калі ж класіфікаваць словы паводле сферы іх ужывання, непазбежна выходзім за межы літаратурнай мовы, аперыруем і лексікай усёй нацыянальнай мовы» [1, с. 47]. Важна заўважыць, што аўтар мае на ўвазе не толькі падзел лексікі абмежаванага ўжывання на спецыяльную, дыялектную

і жаргонную, але і размежаванне саміх спецыяльных адзінак па крытэрыю іх прыналежнасці да літаратурнай мовы. Так, на яго думку, нават вузкаспецыяльныя тэрміны, якія «далёка не заўсёды ўключаюцца ў акадэмічныя тлумачальныя слоўнікі», з’яўляюцца часткай лексічнага складу літаратурнай мовы, у адрозненне ад прафесіяналізмаў, якія «не ўваходзяць у лексіку літаратурнай мовы і падаюцца толькі ў спецыяльных слоўніках» [1, с. 49].

Іншы пункт погляду на адносіны вузкаспецыяльных тэрмінаў да літаратурнай мовы мае Г.Ф. Вештарт. Даследчыца лічыць, што «іменна вузкаспецыяльныя тэрміны выводзяць мову навукі за межы літаратурнай мовы», паколькі «асноўны масіў вузкаспецыяльнай тэрміналогіі не ўключаецца ў агульнамоўныя слоўнікі» [2, с. 33].

У лінгвістычнай літаратуры можна сустрэць і своеасаблівы кампрамісны падыход, які прадугледжвае, што «пытанне аб літаратурнасці / нелітаратурнасці трэба вырашаць у адносінах да кожнага канкрэтнага тэрміна, а не тэрміналогіі ў цэлым» [3, с. 411].

Паколькі тэрмін характарызуецца сукупнасцю адметных рыс, якія адрозніваюць яго ад агульнаўжывальных слоў, некаторыя даследчыкі аперыруюць паняццем *падсістэма* пры вызначэнні месца тэрміналогіі ў лексічнай сістэме мовы, што сведчыць аб спробе дакладнага адасаблення тэрміналагічнай лексікі. Так, В.А. Ляшчынская піша наступнае: «Асабліваці тэрміна вылучаюць, адасабляюць навукова-тэхнічную тэрміналогію ад агульналітаратурнай лексікі. Гэта дае падставу разглядаць яе як асобную падсістэму літаратурнай мовы, якая характарызуецца замкнутасцю і сістэмнай суаднесенасцю ўнутры тэрміналогіі, у той час як лексіка агульналітаратурная ўяўляе сабой незамкнутую сістэму» [4, с. 134].

Як асобную самастойную функцыянальную падсістэму агульналітаратурнай мовы тэрміналогію разглядае Л.М. Мінакова [5, с. 14–15].

На пэўную аўтаномнасць тэрміналогіі ў межах агульналітаратурнай мовы ўказвае і В.П. Даніленка: «Зыходным у дадзенай працы з’яўляецца погляд, згодна з якім тэрміналогія расцэньваецца як падсістэма агульналітаратурнай мовы, г.зн. тэрміналогія знаходзіцца ў межах агульналітаратурнай мовы, але на правах самастойнага “сектара”» [6, с. 11]. У сваёй манаграфіі даследчыца аналізуе тэрміналогію «у складзе лексікі мовы навукі» [7, с. 14]. Саму мову навукі яна разглядае ў якасці «самастойнай функцыянальнай разнавіднасці агульналітаратурнай мовы» [7, с. 8].

Істотна адрозніваецца вырашэнне гэтага пытання А.М. Талікінай. На яе думку, «тэрміналагічная сістэма як сістэма іншай сяміятычнай прыроды, чым сістэма натуральнай мовы, уваходзіць у яе ў якасці прыватнай і адасобленай сістэмы моўных знакаў. Тэрмін, такім чынам, не з’яўляецца

элементам агульнай мовы, пакуль яго змест не становіцца шырока вядомым» [8, с. 63].

Той факт, што кожная прадметная вобласць распрацоўвае сваю ўласную тэрміналогію, прыводзіць некаторых даследчыкаў да вываду аб існаванні асобных падмоў і моў для спецыяльных мэт, у межах якіх функцыянуе спецыяльная лексіка. С.Д. Шэлаў і У.М. Лейчык адзначаюць, што «згодна з тэорыяй мовы для спецыяльных мэт, у сучасную эпоху у кожнай развітай навуковай і прыкладной вобласці ведаў складваецца ўласная функцыянальная мова, якая існуе ў межах нацыянальнай мовы і валодае ўласнай лексікай, уласнай сістэмай словаўтварэння і – у меншай ступені – уласнай граматыкай і фразеалогіяй» [9, с. 5].

Так, А.В. Супяранская, Н.В. Падольская і Н.В. Васільева не прымаюць «канцэпцыю тэрміналогіі як састаўной часткі літаратурнай мовы» [10, с. 18]. Яны лічаць, што «спецыяльная лексіка – гэта прыналежнасць асобных падмоў», а не функцыянальных стыляў [10, с. 67].

К.Я. Авярбух у якасці функцыянальных разнавіднасцяў літаратурнай мовы вылучае і адрознівае «мову для ўсеагульных (агульначалавечых) зносін (Languages for general purposes, LGP), яе яшчэ называюць агульналітаратурнай мовай, і мовы спецыяльнай сферы зносін (LSP)» [11, с. 19]. Аўтар падкрэслівае, што ў мовах для спецыяльных мэт «асноўным носьбітам найменняў прадметаў і з'яў спецыяльнай, прафесійнай дзейнасці з'яўляецца тэрміналогія – сістэма адзінак спецыяльнай намінацыі дадзенай прадметнай вобласці» [11, с. 17].

У.М. Лейчык таксама адзначае, што «тэрміны фігуруюць як такія менавіта ў лексіцы моў для спецыяльных мэт, а не ў лексіцы той ці іншай натуральнай мовы ў цэлым» [12, с. 32].

А.М. Лапкоўская адносна існуючых тэндэнцый разгляду ўзнікнення і функцыянавання тэрміналагічных адзінак у складзе агульналітаратурнай мовы або ў межах самастойнай падсістэмы, якая вылучаецца са складу агульналітаратурнай мовы, піша наступнае: «Але паміж гэтымі пунктамі гледжання няма прынцыповага разыходжання. Так, меркаванне пра тое, што тэрмін утвараецца ў залежнасці ад пазамоўных фактараў, не супярэчыць меркаванню пра тое, што тэрміны могуць утварацца са слоў агульнаўжывальнай лексікі і па існуючых у мове словаўтваральных мадэлях. Няма сумнення і ў тым, што тэрмін з'яўляецца словам, якое ўваходзіць у склад мовы, што паміж слоўнікамі агульнай мовы і тэрміналогіяй існуе рознабаковае і пастаяннае ўзаемадзеянне. Такім чынам, тэрміналогія з'яўляецца падсістэмай лексікі літаратурнай мовы» [13, с. 69].

Даследчыца закранае важнае пытанне аб ўзаемадзеянні спецыяльнай і агульнаўжывальнай лексікі. Актыўныя кантакты спецыяльных лексічных адзінак і слоў агульнаўжывальнай мовы адзначаюцца многімі лінгвістамі.

Напрыклад, В.У. Вінаградаў лічыць, што «паміж слоўнікам навукі і слоўнікам побыту – праяма і шчыльная сувязь. Усялякая навука пачынаецца з вынікаў, здабытых мысленнем і маўленнем народа, і ў далейшым сваім развіцці не адрываецца ад народнай мовы. Нават так званыя дакладныя навукі да гэтага часу ўтрымліваюць у сваіх слоўніках тэрміны, узятыя з агульнанароднай мовы (вага, работа, сіла, цяпло, гук, святло, цела, адлюстраванне і да т.п.). Яшчэ большае значэнне мае народнае мысленне і створаная ім тэрміналогія для навук грамадскіх і палітычных» [14, с. 165].

Р.В. Вінакур увогуле адзначае, што «у ролі тэрміна можа выступаць усялякае слова, якім бы яно ні было трывіяльным, і што тэрміны – гэта не асобныя словы, а толькі словы ў асобай функцыі» [15, с. 5].

У лінгвістычнай і тэрміназнаўчай літаратуры гэты працэс атрымаў назву тэрміналагізацыі, або спецыялізацыі. Іншы працэс – дэтэрміналагізацыя, або дэспецыялізацыя – уяўляе сабой «пераход тэрмінаў у склад агульнаўжывальнай лексікі з адначасовай заменай спецыяльнага значэння на неспецыяльнае» [9, с. 4].

С.Д. Шэлаў і У.М. Лейчык сярод розных класаў спецыяльнай лексікі асобна вылучаюць кансубстанцыянальныя словы і выразы, асаблівасцю якіх з'яўляецца здольнасць эксплікаваць як агульнаўжывальнае, так і тэрміналагічнае значэнне. Аўтары заўважаюць, што «фактычна ўсе аднаслоўныя тэрміны ці словы двух- і больш слоўных тэрмінаў, якія па форме супадаюць з лексічнымі адзінкамі агульнай мовы, становяцца «кансубстанцыянальнымі словамі» і адначасова – кансубстанцыянальнымі тэрмінамі, асноўны спосаб утварэння якіх – метафара ці метанімія» [9, с. 31].

Заўважана, што для тэрмінаў характэрныя тыя ж лексіка-семантычныя асаблівасці, што і для агульнаўжывальных лексем. Інтэнсіўнае ўзаемадзеянне агульнаўжывальнай і спецыяльнай лексікі адбываецца на развіцці полісемічных і аманімічных адносін у межах тэрміналогіі. Антанімія і сінанімія таксама ўяўляюць сабой даволі распаўсюджаныя семантычныя працэсы, уласцівыя многім спецыяльным лексічным адзінкам. Гэта сведчыць аб тым, што спецыяльная лексіка не з'яўляецца цалкам ізаляванай і адасобленай сістэмай лексічных сродкаў, паколькі паміж ёю і агульнаўжывальнай лексікай не назіраецца жорсткай мяжы.

Такім чынам, пытанне аб месцы спецыяльнай лексікі і яе складнікаў у лексічнай сістэме нацыянальнай мовы адзінага агульнапрызнанага вырашэння ў навуковай літаратуры не атрымала. Напрыклад, адны даследчыкі разглядаюць тэрміналогію ў якасці падсістэмы агульналітаратурнай мовы, іншыя – выводзяць тэрміналогію за межы агульнай мовы. Функцыянальная адасобленасць тэрмінаў уплывае на іх далейшую аднесенасць некаторымі аўтарамі да лексікі менавіта мовы навукі, іншымі – да лексікі моў для спецыяльных мэт.

На наш погляд, няма сумненняў у тым, што спецыяльная лексіка як сукупнасць разнародных лексічных элементаў з'яўляецца прыналежнасцю моў для спецыяльных мэт, якія ўяўляюць сабой важную функцыянальную разнавіднасць агульналітаратурнай мовы. Асаблівасці спецыяльных лексічных адзінак дэтэрмінуюць іх супрацьпастаўленне агульнаўжывальнай лексіцы, але трэба ўлічваць, што ў наш час абмежаванасць іх выкарыстання даволі ўмоўная, паколькі пэўная частка спецыяльнай лексікі функцыянуе і ў неспецыяльных сферах, аб чым, напрыклад, яскрава сведчыць аналіз беларускамоўнага медыядыскурсу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Лепешаў І.Я.* Сучасная беларуская літаратурная мова: спрэчныя пытанні : дапаможнік. Гродна : ГрДУ, 2002. 207 с.
2. *Вейтарт Г.Ф.* Лексічныя асаблівасці мовы навуковых тэкстаў // Слова беларускае : з гісторыі лексікалогіі і лексікаграфіі / уклад. Т.В. Кузьмянкова [і інш.] ; пад рэд. А.Я. Міхневіча. Мінск : Народная асвета, 1994. С. 32–42.
3. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / А.Я. Баханькоў [і інш.] ; пад рэд. А.Я. Баханькова. Мінск : Навука і тэхніка, 1994. 463 с.
4. *Ляшчынская В.А.* Беларуская мова. Тэрміналагічная лексіка : вучэб. дапаможнік. Мінск : РІВШ БДУ, 2001. 255 с.
5. *Мінакова Л.М.* Беларуская навукова-тэхнічная тэрміналогія: фарміраванне, функцыянаванне, развіццё / Л.М. Мінакова, С.М. Аніськова, А.А. Станкевіч. Гомель : ГДУ, 2004. 146 с.
6. *Даниленко В.П.* Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии: сб. ст. ; под ред. В.П. Даниленко. М. : Наука, 1971. С. 7–67.
7. *Даниленко В.П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. АН СССР, Ин-т русского языка. М. : Наука, 1977. 246 с.
8. *Толикина Е.Н.* Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М. : Наука, 1970. С. 53–67.
9. *Шелов С.Д.* Терминология и профессиональная лексика: состав и функции : учеб. пособие / С.Д. Шелов, В.М. Лейчик. СПб. : С.-Петербур. гос. ун-т, 2012. 96 с.
10. *Суперанская А.В.* Общая терминология: вопр. теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Т.Л. Канделаки. М. : Наука, 1989. 243 с.
11. *Авербух К.Я.* Общая теория термина. Изд. 2-е, доп. и уточн. М. : МГОУ, 2006. 251 с.
12. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
13. *Лапкоўская А.М.* Беларуская мова (прафесійная лексіка): вучэб. дапаможнік для студ. Гродна : ГрДУ, 2009. 271 с.
14. *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография // Избр. труды. М. : Наука,

1977. С. 162–189.

15. *Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Москов. гос. ин-та истории, философии и литературы. Т. 5. Москва. : МИФЛИ, 1939. С. 3–55.

Е.С. Ляшенко (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ИЗМЕНЕНИЕ* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В фокусе внимания настоящей работы находятся как универсальные, так и национально-обусловленные характерные особенности концепта *изменение*, представляющего важнейшую онтологическую категорию, имманентное свойство всего живого. Раскрытие специфики данной категории осуществляется на основании анализа словарных дефиниций группы глаголов, соотносимых с рассматриваемым концептом.

Ключевые слова: *концепт, изменение, национально-культурная специфика, словарные дефиниции.*

Современная научная парадигма направляет исследователя на изучение универсальных концептов и их объединений, характеризующихся как большим количеством инвариантных категоризаций, predeterminedных единством человеческого бытия, так и национально-культурной спецификой, которая прежде всего находит отражение в языке. Общность языка является одним из основополагающих признаков любой нации. В языковой картине мира в специфической форме представлены особенности бытия нации, ее исторического пути, национальной культуры, национального менталитета и т.д.

Национальное своеобразие языка и культуры проявляется на различных уровнях языковой системы. Тем уровнем, на котором особенности национальной культуры получают наиболее эксплицитное выражение, является лексическая система языка. В этой связи В.В. Виноградов отмечал, «<...> как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической» [1, с. 26].

Взаимосвязь языка и культуры определяет появление культурного компонента значения слова, неотъемлемого свойства единиц любого национального языка на всех уровнях. Интегрированный подход к языку позволяет принимать во внимание национальную специфику отдельно взятого языка, поскольку способы языкового выражения изменяются в зависимости от конкретного языка, культуры и традиций. Выбор форм выражения, отбор языковых единиц – в данном случае в составе английского языка – это отражение индивидуального этнического мировосприятия.

Представления о мире, свойственные говорящим индивидам определенного национально-культурного сообщества, получают отображение в семантике языковых единиц. Основным средством репрезентации семантической структуры слов служат словарные дефиниции, в них выделяются существенные признаки реалий окружающего мира.

В настоящей работе выявляются ключевые характеристики, а также способы вербализации концепта *изменение*, позволяющие рассматривать его в качестве как универсальной, так и национально-специфичной ментальной структуры. Так, *изменение* относится к важнейшей онтологической категории, к глубинным свойствам динамики мироздания. Оно признается основой любого развития, предполагает всеобщую, глобальную связь и взаимодействие сущностей окружающей действительности. Процессы изменения свойственны как материальному, так и духовному миру.

В английской языковой картине мира *изменение* мыслится как эволюционный процесс, результатом которого является становление кого-то или чего-то другим. В словарных дефинициях англоязычных толковых словарей оно определяется как «the process or result of something or someone becoming different» [2, p. 209] или «the act or result of something becoming different» [3, p. 244]. Отсюда видно, что центральные компоненты толкований подчеркивают процессуальный, акциональный и результативный характер изменений.

Далее. Поскольку под языковой картиной мира принято понимать ту совокупность знаний об окружающей действительности, которая аккумулируется и сохраняется прежде всего в лексико-семантической системе языка и отображает восприятие реальности носителями данной культуры, то обращение к лексике, регламентирующей концепт в языке позволяет наиболее объективно описать рассматриваемый фрагмент языковой картины мира [4]. К наиболее распространенным способам исследования концептов обычно относят следующие: 1) компонентный анализ семантики ключевого слова (имени концепта), 2) изучение синонимических и деривационных связей ключевых слов, 3) анализ сочетаемости ключевых слов, 4) выявление ассоциативного поля концепта, 5) рассмотрение текстовой репрезентации концепта [Там же].

Концепт *изменение* соотносится с группой глаголов, которые можно объединить под общим названием «Глаголы, обозначающие изменения». К ним причисляются такие глаголы, как *alter, amend, become, change, convert, develop, grow, modify, reshape, transform* и т.д. Следует отметить, что выделение глаголов лексико-семантической группы (ЛСГ) изменения проводилось путем семантического анализа словарных дефиниций на основании наличия общих элементов толкования: *to become different, to make*

sth. become different, to change or to become (change), or make sb / sth become (change), sth different, в которых указывается на изменение исходного положения дел (вещей). Основными индикаторами изменений в лексикографическом толковании являются прилагательное *different*, обладающее собственно компонентом изменения, а также глагол *change*, выступающий общим гиперонимом и употребляемый для описания всевозможных процессов и действий, связанных с преобразованиями, переменами различного рода.

Кроме того, в элементах, использующихся для словарного толкования, проявляются два отличных друг от друга процесса. В наиболее общем виде их можно обозначить, во-первых, как самопроизвольное изменение *to become different*, а во-вторых, как изменение, происходящее под воздействием каких-либо внешних сил *to make something become (different)*. Иными словами, в данном случае речь идет о двух видах изменения: каузируемом (например, предложение (1)) и некаузируемом (например, предложение (2)):

(1) *He flattened his hair down with gel* 'Он пригладил волосы гелем' [5].

(2) *The cookies will flatten slightly while cooking* 'Печенье будет слегка сплющиваться во время приготовления' [5].

В результате анализа словарных дефиниций и иллюстративных примеров было обнаружено, что изменение охватывает по крайней мере четыре исходные реальности: субъект изменения, его объект, инструмент и результат.

Под **субъектом изменения** мы понимаем активного инициатора, первопричину изменения. В свою очередь, **объект изменения** представляет собой предмет, явление или одушевленное существо, на которые направлено действие либо воздействие субъекта изменения. Промежуточное положение между субъектом и объектом в процессе изменения занимает **инструмент**. Так же как субъект, он может являться причиной (каузатором) изменения объекта, вступая с ним в непосредственный контакт. **Результат изменения** – это то, к чему в конечном итоге привело преобразование или модификация. Данные реальности отражаются в любых процессах, инкорпорированных в общую систему изменения. Однако роль каждого из элементов в различных видах изменения не одинакова [6, с. 115].

Представленные выше характеристики концепта изменения, выявленные на основании изучения словарных толкований, можно считать универсальными, свойственными различным языкам. При этом национально-культурная специфика концепта *изменение* проявляется в наличии в англоязычных глаголах, обозначающих параметрические изменения, в частности, изменения физических свойств, переносного значения, связанного с изменением психического (эмоционального) состояния человека.

Так, глаголы изменения цвета наряду со своим основным прямым значением могут употребляться в значении *to become red in the face because you're embarrassed or ashamed*. Например, случаи (3), (4).

(3) *She coloured at his remarks* 'Она покраснела от его замечаний' [5].

(4) *She blushed furiously at the memory of the conversation* 'Она яростно покраснела от воспоминания о разговоре' [5].

В свою очередь, глаголы изменения плотности / консистенции и глаголы изменения агрегатного состояния вещества (структуры) могут функционировать в двух противоположных значениях. В частности, глаголы *harden, thicken* используются для придания силы, строгости, суровости чему-то (голосу, лицу и т.д.). Например, предложения (5), (6).

(5) *He hardened his voice when he saw she wasn't listening* 'Его голос стал жестче, когда он увидел, что она не слушает' [5].

(6) *Her face hardened into an expression of hatred* 'На ее лице застыло выражении ненависти' [5].

При помощи глаголов *soften, melt*, наоборот, описывают уменьшение силы или неприятного эффекта чего-либо. Например, предложения (7), (8).

(7) *His face softened as he looked at his child* 'Его лицо подобрело, когда он посмотрел на своего ребенка' [5].

(8) *The tension in the room began to melt* 'Напряжение в комнате стало спадать' [5].

Необходимо отметить, что подобное противопоставление было также вскрыто при анализе словарных дефиниций глаголов, обозначающих изменение степени освещенности. Например, предложения (9) и (10).

(9) *My mood gradually lightened* 'Мое настроение постепенно улучшалось' [5].

(10) *Her mood darkened at the news* 'Ее настроение омрачилось новостями' [5].

Функционирование глаголов данной лексико-семантической группы в представленных значениях можно объяснить тем, что все физические процессы тесно взаимосвязаны с психическими, и зачастую перемена эмоционального состояния, настроения влечет за собой физические изменения (цвета лица, тона голоса и т.д.). Кроме того, здесь проявляется и определенная национальная специфика английского народа, для которого изменения к лучшему ассоциируются с такими процессами, как смягчение, таяние, осветление и т.п. В свою очередь, изменения к худшему воспринимаются этим сообществом как сгущение, потемнение, застывание, затверждение.

Таким образом, в концепте изменение заложено общечеловеческое понимание связанных с ним процессов, а также определенные национально-обусловленные особенности, позволяющие рассматривать его в качестве

компонента англоязычной картины мира.

Библиографические ссылки

1. *Виноградов В.В.* Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. (Славистические записки). С. 26–29.

2. Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd ed. Harlow, Essex : Longman : Corpus, 2001. 1668 p.

3. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford; New York : Oxford Univ. Press, 2007. 1780 p.

4. *Некора Н.Е.* Национально-культурная специфика концепта «болезнь» в обучении русскому языку как иностранному. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/21\(51\)/nekora_21_51_258_261.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/21(51)/nekora_21_51_258_261.pdf) (датаобращения: 02.05.2019).

5. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/dictionary/change> (date of access: 30.04.2019).

6. *Ляшенко Е.С.* Концепт «изменение» в английской языковой картине мира // Проблемы перевода специальной и художественной литературы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–25 окт. 2008 г. / Бел. нац. техн. ун-т ; редкол.: Т.И. Васильева [и др.]. Минск : БНТУ, 2008. С. 114–116.

І.У. Савіцкая (Мінск, Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ ВЫКАРЫСТАННЯ РЭЛІГІЙНАЙ ЛЕКСІКІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ГІСТАРЫЧНЫХ РАМАНАЎ ЛЕАНІДА ДАЙНЕКІ)

У дакладзе вызначаюцца асаблівасці функцыянавання рэлігійнай лексікі ў сучаснай беларускай мове, аналізуецца іх семантычная і граматычная структура. Асаблівая ўвага накіраваная на класіфікацыю рэлігійных лексем, якія падзелены на прадметна-тэматычныя групы. Падкрэсліваецца, што выкарыстанне рэлігійных найменняў дазволіла пісьменніку паказаць ключавыя моманты ў гісторыі нашай краіны, звязаныя з фарміраваннем беларускай нацыі і дзяржаўнасці.

Ключавыя словы: *гістарычны раманы, цыкл, рэлігійная лексіка, рэлігія, прадметна-тэматычная група.*

Беларускія пісьменнікі сёння часта звяртаюцца да тэмы мінулага свайго народа, паколькі гістарычная проза з'яўляецца важным сродкам выхавання нацыянальнай самасвядомасці, службы маральнаму і грамадзянскаму выхаванню чытача, дапамагае асэнсаваць праблемы сучаснасці, прымушае задумацца над будучыняй, абуджае пачуццё патрыятызму.

Як вядома, гісторыя і рэлігія цесна звязаны паміж сабой. Менавіта рэлігія з'яўляецца адным з асноўных фактараў гісторыі чалавецтва.

Увасобленыя ў ёй шматвяковы духоўны вопыт, этычныя і эстэтычныя каштоўнасці дапамагалі і дапамагаюць развіццю цывілізацыі, культуры, у тым ліку мастацтва, мастацкай літаратуры. Без ведання асобных рэлігійных сюжэтаў, матываў, вобразаў сёння немагчыма глыбока спасцігнуць ідэйна-мастацкую сутнасць літаратуры.

Да рэлігійнай тэматыкі ў сваёй творчасці звярталіся такія аўтары, як Р. Барадулін, В. Іпатава, У. Арлоў, А. Разанаў, Л. Дайнека, В. Коўтун і інш.

Зварот да творчасці вядомага беларускага пісьменніка Леаніда Дайнекі невыпадковы. З яго іменем даследчыкі звязваюць з'яўленне ў беларускай літаратуры гістарычнага раманага цыкла, які аб'ядноўвае ў трылогію раманы «Меч князя Вячкі», «След ваўкалака» і «Жалезныя жалуды». Асобае месца ў іх атрымала рэлігійная лексіка, якая зрабіла значны ўплыў і на стылістычныя асаблівасці мовы пісьменніка.

Ужыванне шматлікіх рэлігійных лексем дазволіла аўтару паказаць ключавыя моманты ў гісторыі нашай краіны, звязаныя з фарміраваннем беларускай нацыі і дзяржаўнасці, дакладна ўзгадаць тагачасныя падзеі, паказаць побыт і лад жыцця нашых продкаў. Таму часта пры апісанні герояў ці падзей Леанід Дайнека ўжывае разам язычніцкія і хрысціянскія найменні: *Хрысціянства тут яшчэ як залаты пыл, што накрывае вялізнага паганскага ідала* (След ваўкалака); *Такімі словамі хрысціяне заўсёды абражалі паганцаў, дзяцей Перуна* (Жалезныя жалуды); *У цемры ён здаваўся Брацілу драўляным ідалам-балванам, якія стаяць, хаваючыся ад папоў і князёў, на здзічэлых лясных капішчах Полацкай зямлі* (Меч князя Вячкі); *У хрысціянскі горад вярнуўся паганец, і ўжо кіпяць, як мухі, каля яго людзі* (Жалезныя жалуды).

Рэлігійныя лексемы ў гэтых прыкладах дапамагаюць аўтару паказаць складаную барацьбу за душы славян новай і старой рэлігіі – хрысціянства і язычніцтва, якая «прадвызначала і абумоўлівала многія канфлікты як асабістага, так і агульнаграмадскага жыцця» [1, с. 27].

Зварот аўтара да праблемы сутыкнення розных рэлігій прыводзіць да апісанняў у творах паганскага капішча, паганскіх ідалаў, вешчуноў, прымхаў, язычніцкіх і хрысціянскіх абрадаў. Так, у рамане «След ваўкалака» чытаем:

Яны моўчкі вынырнулі з цемры, з цішыні, моўчкі ўзышлі на ўзгорак, сталі на калені перад невялікім ідалам. Грубаваты ідал быў вычасаны з чырвонага цёмнага пясчаніку. Калісьці тут высокая і горда стаяў залатавусы каменны Пярун, было паганскае капішча, было заўсёды шматлюдна і шумна, але прыйшлі з полацкай Сафіі хрысціяне, усё зруйнавалі, знішчылі, і застаўся толькі гэты сціплы ідал;

Ідала вычысцяць, высушаць, абкураць салодкім п'янікім дымам, у багатым уборы паставяць у нішу да новай імшы. І да новых пакут будзе ён

ледзь не богам – яму будуць кланяцца, будуць прыносіць у ахвяру клыккі дзікоў і заячае свежае мяса;

Гэта быў чарнявы і хударлявы мужчына з паголенай галавой, з чорнымі тонкімі вусамі, што, нібы п'яўкі, закручваліся пад носам. Ён сядзеў на звычайным палявым валуне, сядзеў басанож, моцна сціскаючы ў правай руцэ дубовы кій, які вячала Вока Савы;

Якраз быў Вялікдзень, і праз акенца вой-ахоўнік спуціў кошычак з чырвонымі яйкамі. Усяслаў і сыны перахрыстасаваліся, з'елі па яйку, астатнія пакінулі назаўтра.

Чытаем у гэтым творы і філасофскія разважанні аб уплыве рэлігіі на свядомасць людзей, аб перавазе новага веравызнання: **Хрысціянства**, хацеў бы ты гэтага ці не хацеў, пераможжа на нашай зямлі; Людзі **вераць**, – казаў далей Усяслаў, – людзі **вераць Хрысту**, а ўчора яны **верылі Перуну і Дажэджбогу**. Людзі закінулі старых **багоў**, як разбітыя гаршкі на гарышча, і **вераць Хрысту**, таму **Богу**, які спаліў іхніх прадзедаўскіх **багоў**. А ўва што **верыш ты, сын?**; Гэта былі, вядома ж, домьслы цёмнага люду, які адной рукой **моліцца**, а другой гладзіць па дубовай галаве **паганскага ідла!**

Як бачым, выкарыстанне рэлігійных лексем дапамае пісьменніку не проста паказаць жыццё і побыт народа, але і духоўны воблік герояў, іх перажыванні, а таксама драматызм тагачаснага жыцця.

Паводле семантыкі рэлігійных лексем у гістарычных раманах Л. Дайнекі можна падзяліць на некалькі груп і падгруп. Пры іх класіфікацыі за аснову намі былі выкарыстаны працы А.М. Булькі, І.У. Будзько, М.М. Шаўчэнкі [2; 3; 4; 5], у якіх вылучаюцца разнастайныя прадметна-тэматычныя групы рэлігійнай лексікі.

Да першай групы адносяцца лексемы, якія абазначаюць **назвы асоб у адносінах да рэлігіі**. Гэтая група даволі шматлікая і ўключае некалькі падгруп:

– Назвы чыноў нябеснай іерархіі (*Бог, Гасподзь, анёл, Багародзіца, апостал, д'ябал і інш.*): *З'ехалі Ізяслаў з Міндоўгам, пацалавалі крыж хрысціянскага бога ў наваградскай царкве на вялікую згоду (Жалезныя жалуды); Ты задаволены, Гасподзь? (След ваўкалака); Можна спалохаць анёлаў, якія яе ахоўваюць (Меч князя Вячкі); Памаліся богу, святой прачыстай багародзіцы і Міхаілу, архангелу божаму, князь (Меч князя Вячкі); Да апостала Пятра даляцеў бы ў залатыя палаты (След ваўкалака); Ніжнія ж часткі цела, як вядома, свораны д'яблам, і іх патрэбна караць жорсткім пастом і няспыннай малітваю (След ваўкалака).*

Побач з такімі агульнапрынятымі найменнямі, як *Бог і Гасподзь*, аўтар выкарыстоўвае і метафарычныя назвы *Усявышні, Тварэц, нябесны ўсётрымацель, Збавіцель*: *Мы згодны з князем толькі ў тым, што галава*

чалавечая, дом душы, нездарма ўзнята **Тварцом** вышэй за ўсё (След ваўкалака); Але гэта была занадта смелая, занадта грахоўная думка, **нябесны ўсётрымацель** мог пакараць за яе (След ваўкалака); **Ярыжска-валацуга** не будзе ў полацкай Сафії адбіваць паклоны **Усявышняму** (Меч князя Вячкі); **Збавіцеля** ўкрыжавалі за нас, грэшных, а шчасця ўсё роўна няма (След ваўкалака).

– Назвы прадстаўнікоў царкоўнага кіраўніцтва, рознага роду святароў, прыслужнікаў (*поп, епіскап, мітрапаліт, дзяк, іерэй* і інш.): **Рыжскі епіскап Альберт мацнейшы і хітрэйшы** за вялікага князя полацкага **Уладзіміра** (Меч князя Вячкі); **Ульяніца вельмі баялася, што менскі поп** можа не абвянчаць іх, загадае **вяртацца ў сваю весь, туды, дзе жывуць хросныя маці і бацька** (След ваўкалака); **Ён разбудзіў дзяка, які спаў у царкоўным прытворы** (Меч князя Вячкі); **Мітрапаліт у Цар горадзе; ...спяваў магутным голасам недзе ўнізе іерэй** (След ваўкалака).

– Назвы манахаў, членаў манаскіх ордэнаў (*мніх, чарнарызец, чарнец*): **Я буду мніхам...**(След ваўкалака); **Папы і чарнарыццы** панаўтыкалі ў нашу зямлю **крыжоў, спалілі нашых куміраў** (След ваўкалака); **Навошта ж ён зрабіў чарняцом твайго брата, князя Васільку?** (Меч князя Вячкі).

– Назвы прарокаў, праведнікаў, шматпакутнікаў, святых (*праведнік, паломнік*): **Святы праведнік, а праведнасць, як вядома, лучыць чалавека з усім, што над зямлёй, на зямлі і пад ёю** (След ваўкалака); **Паломнікамі** завуць такіх людзей (След ваўкалака).

– Назвы асоб у залежнасці ад прыналежнасці да розных плыней веравызнання (*хрысціянін, паганец, язычнік*): **Хрысціянін і паганец** маўчалі (След ваўкалака); **Яны яшчэ былі язычнікамі і плацілі полацкім князям даніну** (Меч князя Вячкі).

– Назвы вернікаў: (*раб Божы, богава нявеста, дзеці праваслаўнай царквы, сыны божай царквы* і інш.): **...толькі вера дапамагае рабам Божым** разгадаць любыя таямніцы (След ваўкалака); **Быць ёй богавай нявестай** (След ваўкалака); **Як дзеці адной праваслаўнай царквы мы павінны стаць плячо ў плячо і сустрэць агнём і мячом бязбожнікаў у гарах Арменіі і Сірыі** (След ваўкалака).

– Назвы грэшнікаў, богаадступнікаў, варажбітоў (*бязбожнік, паганец, грэшнік*): **Садзі на коней дружыну, князь Ізяслаў, і вядзі насустрач бязбожнікам** (След ваўкалака); **Дык гэта ж вяшчун з Цёмнай гары** (Жалезныя жалуды); **Паганец ён, упарты паганец; Душы грэшнікаў ляцяць у пекла** (Меч князя Вячкі).

Да другой групы лексікі адносяцца канкрэтныя рэлігійныя намінацыі. Яна ўключае ў сябе наступныя падгрупы:

– Назвы культавых збудаванняў і іх частак (*храм, манастыр, царква, келля* і інш.): **Вераць яны Хрысту, пляцяць дзесяціну і святанетрык, срэбра**

з кожнай душы на ўтрыманне лампады, якая дзённа і ношчна гарыць у **царкве** святога Пятра ў Рыме (Жалезныя жалуды); Велізарны **храм**, які вянчаюць трынаццаць купалоў, лёгка, бязважка ўздымаецца ў нябесны блакіт і ззяе, гарыць, як светлая дзянніца (След ваўкалака); У **манастыр** пайду (Меч князя Вячкі); *І наша царква добра заплаціла* (Меч князя Вячкі); ...буду ў сваёй **келлі** маліцца за Полацк і за цябе, бацька (След ваўкалака); У нас, у ляхаў і мазураў, хрысціянкі ходзяць у святы **касцёл** (Жалезныя жалуды).

– Назвы рэлігійных кніг і іх частак (*божае пісанне, Псалтыр, Евангелле* і інш.): Ён жыў на **божаму пісанню**, нікому вока не запарушыў (След ваўкалака); Пад рукою заўсёды былі **Псалтыр, Евангелле, пасланні апосталаў** і **Апакаліпсіс апостала Іаана**, а таксама пергамены Пракопія Кесарыйскага, хронікі Малалы і Арматола (След ваўкалака).

– Назвы царкоўнага адзення (*рыза, валасяніца*): Чорнабароды поп у прыгожай **рызе**, абышай спадолю залатымі карункамі, праспяваў святую песню, глядзячы ў стары пажоўклы пергамен (След ваўкалака); Адзін кіеўскі купец, раздаўшы сваё багіно і брашно, прыйшоў да Феадосія і надзеў **валасяніцу** (След ваўкалака);

– Назвы прадметаў і аб'ектаў набажэнства, культывага рэквізіту (*крыж, ікона, аналой, ладан* і інш.): Браціла засунуў руку за пазуху, выцягнуў нашыйны каменны **крыжык**, перахрысціўся ім, потым пацалаваў яго (Меч князя Вячкі); Але Ядрэйка дамовіўся з папом, і неўзабаве ўсхваляваныя Белавалод з Уляніцаю стаялі перад **аналоем** (След ваўкалака); Была ў іх свая каморка, дзе вісела **ікона** і гарэлі васковыя свечкі і пра якую ведаў толькі Міндоўг (Жалезныя жалуды); Яны папоў і чарнарыцаў баяцца, бо за попрышча **кадзілам** і **ладанам** ад хрыстоў смярдзіць, а гэта пах нябожчыкаў (След ваўкалака).

– Назвы выяваў багоў, ідалаў (*ідал, святыя абразы* і інш.): Адзіная дарога ўсім **ідалам** – у агонь (След ваўкалака); Ці маліся на **святыя абразы**, ці рыхтуйся да сваёй смерці (След ваўкалака).

– Назвы заповедзей, малітваў, казанняў (*заповедзь, малітва, святыя псалмы* і інш.): У першай **заповедзі** сказана: не сатвары сабе куміра (След ваўкалака); Зеллем і **малітвамі** выганім хваробу з тваёй дачкі (Меч князя Вячкі); Яны стывалі **святыя псалмы** (След ваўкалака).

– Назвы, звязаныя з царкоўнай службай і абрадамі (*вянчанне, пакаянне, епітым'я* і інш.): Пасля **вянчання** ў царкве вярнуліся да Ядрэйкі (След ваўкалака); Таго, хто чэлядзь сваю томіць голадам і ранами, мы караем **пастом** і **пакаяннем** (След ваўкалака); **Епітым'ю** ж, якой належала караць аднаго, раскладваў, за вялікую любоў, на трох і нават чатырох браццяў (След ваўкалака).

– Назвы рэлігійных свят (*Вялікдзень*): Якраз быў **Вялікдзень**, і праз

акенца вой-ахоўнік спусціў кошычак з чырвонымі яйкамі (След ваўкалака).

– Іншыя рэлігійныя назвы, у тым ліку метафарычныя (*душа, рай, некла, божы ічыт і інш.*): *Прыкры ўстамін апёк раптам душы* (Жалезныя жалуды); *Слабасць была ў ягонаі душы, млявасць і крохкасць* (Меч князя Вячкі); *Будзем жыць у раі, на небе; Раз на год і ў некле бывае свята* (След ваўкалака); *Спакойна жывецца за божым ічытом* (След ваўкалака).

Трэцяя група рэлігійнай лекікі прадстаўлена **абстрактнымі лексемамі**. Гэтая група ў раманах Л. Дайнекі менш ужывальная і ўключае ў сябе:

– назвы рэлігійных адцягненых паняццяў (*вера, грэх, святатацтва і інш.*): *Перамагаюць не толькі сілай, перамагаюць верай* (След ваўкалака); *За грахі пакараны ўсе гэтыя людзі* (Жалезныя жалуды); *Яшчэ некалькі сядміц назад палічыў бы гэта Белавалод святатацтвам, самым жахлівым грахам* (След ваўкалака); *Ляцінянка, яна прыняла праваслаўную веру, каб супакойць мужоў-вечнікаў...* (Меч князя Вячкі);

– назвы веравызнання (*хрысціянства, паганства*): *Агні хрысціянства гараць на зямлі, святая вера ўваходзіць ў кожную душу, а вы, нікчэмныя паганцы, начныя совы, канаецце ў пушчах і балотах* (След ваўкалака); *На Полацкай зямлі ядавітым пустазеллем буяе з тваёй тайнай згоды агіднае дзікае паганства* (След ваўкалака); *Зноў могуць слабыя духам перавярнуцца ў паганства* (Жалезныя жалуды).

З прыведзеных прыкладаў пераважная большасць рэлігійных намінацый – назоўнікі. Прыметнікі, як правіла, спалучаюцца з назоўнікамі, утвараючы словазлучэнне: *Стаяў і не ведаў: смерць або святую божую сілу ўпусціў у скляпенні цела свайго?* (Меч князя Вячкі); *Не мінаваць божай кары* (След ваўкалака); *Шчыра памаліўшыся Богу, мы ўмацаваліся святой вераю, бо толькі вера дапамагае рабам Божым разгадваць любыя таямніцы* (След ваўкалака); *Для яе гэта садомскі грэх* (Жалезныя жалуды).

Акрамя назоўнікаў, ужывае аўтар і дзеясловы. Яны характарызуюць дзеянні, звязаныя са сферай рэлігіі, з працэсам богаслужэння, напрыклад, *маліцца, перахрысціцца, асвяціць і інш.*: *Ланцуг быў кароткі, усяго трычатыры локці, і, калі бацька ўздымаў рукі, каб памаліцца або ўзяць карчажку з вадою, цяжка, пагрозна грымеў* (След ваўкалака); *Князь перахрысціўся* (Жалезныя жалуды); *Усяслаў і сыны пахрыстасаваліся, з'елі на яйку, астатнія пакінулі на заўтра* (След ваўкалака); *Рыжскі епіскап Альберт са сваімі пілігрымамі і рыцарамі, мяркуючы на ўсім, зламаў супраціўленне ліваў, ахрысціў іхніх старэйшын* (Меч князя Вячкі).

Шырока ўжываюцца і словазлучэнні з семантычным ядром дзеясловам, напрыклад, *даць Богу зарок, клясціся Богам, грахі замольваць і інш.*: *Інак зерне меліць на жорнах у сваёй пяхорцы, уначы меліць, бо такі зарок Богу даў* (След ваўкалака); *Яны прынялі хрышчэнне ад Мейнарда* (Меч князя Вячкі); *Клянуся Богам, я захварэў* (След ваўкалака); *Хай грахі свайго бацькі*

замольваюць (След ваўкалака).

Такім чынам, з раманнага цыкла Л. Дайнекі «Меч князя Вячкі», «След ваўкалака» і «Жалезныя жалуды» можна прасачыць этапы фарміравання і развіцця канфесійнай культуры на Беларусі, а выкарыстанне рэлігійнай лексікі дазволіла аўтару адлюстраваць не толькі гісторыю беларускай царквы, але і ключавыя моманты гісторыі нашай краіны, звязаныя з фарміраваннем нацыі і дзяржаўнасці, дакладна ўзгадаць тагачасныя падзеі. Паводле семантыкі гэты разрад лексікі ў раманах Л. Дайнекі адрозніваецца разнастайнасцю і багаццем прадметна-тэматычных груп і характарызуе паняцці і рэаліі духоўнага жыцця нашых продкаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Грамадчанка Т. «Хачу быць жытнім зернем я...». Да 70-годдзя Леаніда Дайнекі / Т. Грамадчанка // Роднае слова. 2010. №1. С. 24-27.

2. Будзько І.У. Рэлігійная лексіка старабеларускай мовы: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук / І.У. Будзько; Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа НАН Беларусі. Мінск, 1999. 20 с.

3. Будзько І.У. Рэлігійны слоўнік старабеларускай мовы / І.У. Будзько. Баранавічы : Баранав. узбуйн. друк., 2003. 260 с.

4. Булыка А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. Мінск : Навука і тэхніка, 1980. С. 168–184.

5. Шаўчэнка М.М. Канфесіянальная лексіка ў гаворках Мазырскага Палесся: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук / М.М. Шаўчэнка. Гомель, 2001. 20 с.

А.А. Сардарова (Мінск, Беларусь)

РУССКИЕ РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ИНОСТРАННЫМ РЕЦИПИЕНТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА М.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)

В статье рассматриваются способы переводческой адаптации при переводе оригинального художественного текста на итальянский язык и степень адекватности восприятия русских реалий, представленных в данном тексте, итальянскими респондентами.

Ключевые слова: *реалия, переводческая адаптация, респондент, адекватный перевод.*

Основная трудность в процессе передачи реалий в тексте перевода заключается в том, что переводчик наряду с предметным содержанием реалии должен передать и ее национальный колорит, то есть создать тот этнокультурный фон, на основе которого разворачиваются описываемые

события. Это имеет огромную важность при переводе художественной литературы и в особенности произведений, которые представляют собой описание обширного пласта русской действительности – быта, традиций, уклада жизни, социально-политических изменений. Выбранный нами для анализа роман М.Шолохова «Тихий Дон» принадлежит именно к таким произведениям. В нем разворачивается многоплановое описание жизни донского казачества начала 20-го века на фоне эпохальных событий этого периода. Таким образом, задачи, которые должен решать переводчик при передаче романа на иностранный язык, исключительно сложны и ответственны, и именно это положение обусловило наш выбор анализа перевода данного произведения. Нами были проанализированы случаи передачи русских реалий в итальянском переводе данного романа [1] и опрошены итальянские реципиенты с целью установление степени адекватности восприятия русских реалий при их передаче в переводе романа, а, следовательно, степени совпадения языковой картины мира, представленной автором и реконструируемой переводчиком. В эксперименте принимало участие 50 носителей итальянского языка разного возраста и социального статуса, которые не знают русский язык и не читали роман М.Шолохова.

Реалия – это элемент чужой культуры, содержание которой интерпретируется на основе имеющейся у иноязычного реципиента фоновой информации. Если же такая информация отсутствует в силу лингвокультурных различий, возникает необходимость культурно-прагматической адаптации, которую осуществляет переводчик. Он должен способствовать «процессу согласования и совмещения вступивших в конфликт «своих» и «чужих» когнитивных, эмотивных и аксиологических установок» [2, с.15]. Данный процесс осуществляется переводчиком следующими способами:

1. Посредством разъяснения содержания образов инокультурного сознания при помощи текстовых и затекстовых комментариев и пояснений. Передача реалий посредством данного способа присутствует во всех анализируемых переводах романа, но эти случаи не выносились для опроса респондентов, так как в силу осуществленных переводчиком пояснений, ответы респондентов были бы очевидными.

2. Посредством подбора эквивалента, аналога «чужому» образу в своей культуре. Это приближает текст к инокультурному реципиенту, обеспечивая легкость понимания «чужого» на уровне функционального аналога.

Достоинством аналога является его ясность для реципиента, а недостатком – неточность, вытекающая из самой его сути. Переводчик, используя такой способ передачи реалии, должен иметь четкое представление о материальном различии обозначаемых реалиями

предметов и явлений, национальной окрашенности реалии и ее аналога в переводящем языке. В обратном случае возможны переводческие ошибки. В качестве примера рассмотрим передачу в итальянском переводе реалии *чирюки*, т.е. «туфли с гладкой подошвой и вырезом сверху, которые носились на шерстяных чулках как казаками, так и казачками» [3, с. 67].

Grigorij tiro giu dall'attaccapanni le brache di fatica, si vestì, infilò I piedi nelle calzette di lana bianca e armeggiò a lungo con una ciabatta aggiustando il calcagno piegato (с.10, т.1).

Респондентам был задан вопрос: *Che cosa ha calzato su piedi Grigorij?* 'Во что обулся Григорий?'

Были представлены следующие ответы: *scarpe logorate* 'стоптанные ботинки' – 14; *zoccoli* 'башмаки на деревянной подошве без задника, сабо' – 12; *ciabatte* 'домашние тапочки, стоптанные башмаки, туфли без задника' – 20; *ciabatte di paglia* 'плетеные туфли' – 4.

Поскольку слово *ciabatta* переводится как 'домашние тапочки, стоптанный башмак, туфля без задника' [4], 68% респондентов именно так и представляет обувь, которую носил Григорий, 24% респондентов соотносит ее с традиционной крестьянской обувью французских крестьян – сабо. У 8% респондентов эта обувь, по-видимому, вызвала ассоциации с русскими лаптями. Таким образом, переводчик выбрал неудачный аналог для передачи реалии *чирюки*, так как у реципиентов возникают неверные ассоциации, что свидетельствует о нарушении адекватности перевода.

3. Весьма распространенным способом передачи реалий является калькирование. Степень раскрытия реалии с помощью калькирования зависит от того, насколько семантика самой переводимой лексической единицы отражает сущность описываемого явления и насколько это явление знакомо реципиенту. В том случае, если перечисленные условия отсутствуют, калька будет воспринята неадекватно, как это произошло при калькировании советизма *власть советов* в итальянском:

Piotr tacque per un po'; accendendo un'altra sigaretta, guardò apertamente il fratello.

– *E tu da quale parte sei?*

– *Io sono per il potere sovietico...*

– *Tu, Griska, pensaci. Non sei mica uno scemo. Tu devi capire che un cosacco rimane sempre cosacco. La Russia puzzolente non deve venire a spadroneggiare da noi. E avrai sentito che cosa dicono già I non cosacchi: dicono che si deve dividere tutta la terra fra tutta la gente. Che cosa ne dici di questo?*

– *Agli estranei, non cosacchi, ma stabilitisi da molto tempo nella regione del Don, noi daremo la terra.*

– *Un fico secco daremo! Ecco, possono mangiarselo!* (с. 287, т. 2).

На вопрос *Che cosa vuol dire il potere sovietico?* 'Что означает *власть*

Советов?» были предложены следующие ответы: *il potere della Russia* 'власть России' –10; *il potere favorevole alla Russia* 'власть, которая за Россию' – 11; *il potere sfavorevole ai kazacchi* 'власть, которая против казаков' – 6; *il potere che è proprietario della terra* 'власть, которая владеет/имеет землю' – 12; *i diritti per tutti* 'равные права' –3; *il partito* 'партия' –4; *il rivoluzione* 'революция' –2; *non lo so* 'не знаю' – 2.

Разброс в ответах респондентов свидетельствует о несформированности данного понятия в языковой картине италяязычных респондентов. Только 10% из них соотносят советизм с революцией и равными правами. Несомненно, необходимо делать поправку на временной фактор. Для современного читателя передача данного советизма посредством калькирования не является информативной, а, следовательно, не может способствовать адекватному восприятию авторского замысла.

4. Генерализация как способ перевода используется в тех случаях, когда видовое понятие затрудняет понимание, является слишком специфичным для его осознания иностранным реципиентом. Итальянский переводчик, вероятно предвидя возможные трудности в понимании реалии *луцить семечки*, передал ее как *есть семечки* в итальянском тексте:

Alla festa dell'Assunzione Grigorij venne a far visita. Seduto al tavolo rotondo dello stanzone egli mangiò semi di girasole con le amiche della fidanzata, poi se ne andò (с. 94, т. 1).

Чтобы проверить правильность переводческого решения, респондентам был задан вопрос: *Come si devono mangiare i semi di girasole?* 'Как нужно есть семечки подсолнечника?'

Были представлены следующие ответы: *prendere dal girasole e mangiare* 'доставать из подсолнечника и есть' – 6; *non immagino/non so che cosa è/non lo so/non lo mai visto* 'не представляю/ не знаю, что это/ не знаю/ никогда не видел' –30; *strapparli e mangiare* 'срывать их и есть' – 9; *tagliare le cime* 'срезать верхушки' – 3; *come noci* 'как орехи' –2.

Замена видового глагола *луцить* родовым *есть* не способствовала лучшему пониманию передаваемой реалии, к чему, вероятно, стремился переводчик. 60% респондентов не имеет представления о подсолнечных семечках и о том, как их нужно есть, что вполне предсказуемо, так как это растение не характерно для Италии. 12% респондентов считает, что семечки нужно просто доставать и есть, 18% представляет, что они растут на подсолнечнике, 4% соотносит их с орехами, а ассоциации 6%, вероятно, основаны на каком-то совершенно другом растении. Таким образом, суть этой традиционной крестьянской забавы осталась непонятой итальянскими реципиентами.

5. Как показал опрос респондентов, переводчику не следует полагаться на фоновые знания реципиента при передаче малознакомых реалий

посредством транслитерации даже при условии, что они зафиксированы словарями принимающего языка как иностранные слова, как, например, при передаче реалии *самовар* на итальянский язык:

Pantelej Prokofjevic tacque osservando a lungo Grigorij con uno sguardo pesante.

– *Ti vuoi togliere la pelliccia? Ma avrai freddo...*

– *Fa niente, è sopportabile.*

– *Mettiamo il samovar:*

– *Grazie* (с. 223, т. 1).

На вопрос *Che cosa intende Grigorij «dimettiamo il samovar»?* ‘Что Григорий имеет в виду под «поставим самовар»?’ респонденты представили следующие ответы: *lui invita a riscaldarsi* ‘он приглашает обогреться’ – 9; *accendere la stufa* ‘растопить печку’ – 8; *non lo so* ‘не знаю’ – 23; *bere il té* ‘пить чай’ – 5; *invita a casa* ‘приглашает зайти в дом’ – 3; *invita per il pranzo* ‘приглашает обедать’ – 2.

Таким образом, только 10% респондентов понимает значение реалии *самовар* и соотносит ее с чаепитием. 46% респондентов не имеет никаких ассоциаций с реалией, так как не понимает ее значение. 34% респондентов соотносит реалию с теплом и печкой, а 10% – с приглашением. Несмотря на присутствие реалии *самовар* в итальянском толковом словаре, ее значение утеряно для большинства респондентов. В таком случае транслитерация не может способствовать ее адекватной передаче.

Ещё одним неудачным случаем передачи реалии посредством транслитерации является пример реалии *хохол* в итальянском переводе.

«Che cos'è accaduto?» domandò col cappello piegato in due, accennando alla pozza di sangue nereggiante davanti alla porta della pesa.

– *Abbiamo legnato gli hohol!*

– *E perchè?*

– *Per il turno. Impareranno a voler essere I primi...*

– *Li abbiamo legnati a dovere!*

– *Bisognerebbe raggiungerli!...* (с. 143, т. 1).

На вопрос *Chi sono gli «hohol»?* ‘Кто такой «хохол»?’ респонденты предложили следующие ответы: *non lo so* ‘не знаю’ – 12; *quelli che non vogliono stare in fila* ‘те, кто хочет пройти без очереди’ – 32; *i teppisti/ i furfanti* ‘хулиганы / мошенники’ – 4; *i banditi* ‘бандиты’ – 2.

Предложенные ответы свидетельствуют о том, что 100% респондентов не понимает значение реалии *хохол*. 64% респондентов вполне предсказуемо соотносит ее с теми, кто хочет пройти без очереди, так как именно это представлено как причина избиения в предложенном отрывке. 24% респондентов признают, что не понимают значение реалии, а 12% соотносят

ее с лексическими единицами, имеющими негативную коннотацию. Безусловно, данная реалия представляет трудность для перевода, и переводчику следовало помимо транслитерации снабдить ее комментарием.

6. Переводчик может опустить реалию или ее часть в силу таких причин как отсутствие у реалии значительной смысловой нагрузки в тексте, прогнозируемый объем фоновых знаний у реципиента, а также неуверенность переводчика в собственной лингвистической и экстралингвистической составляющих его компетенции.

В переводческой практике опущение реалии считается оправданным в тех случаях, когда она не является широко известной в культуре реципиента и может быть опущена без ущерба для смыслового содержания текста. Опуская реалию, переводчик стремится избежать возможного «лингвокультурного конфликта» и тем самым облегчить свою посредническую миссию.

Результаты опроса респондентов показывают, что переводчику следует весьма осторожно подходить к этому способу передачи реалий, который может привести к полному непониманию смысловой стороны текста и его этнокультурной составляющей, как это произошло при передаче реалии *драться в стенках* в итальянском переводе, в котором переводчик опустил это ключевое для текстового фрагмента понятие и передал лишь фразу *gli sposati e i celibi si picchiano* 'женатые и холостые дрались':

– *Ma mi dispiace una cosa, ragazzo mio ... proprio mi dispiace assai. Ti ricordi l'altro anno, a carnevale, durante la zuffa...*

– *Quando?*

– *Quella volt ache fu ucciso un girovago, quando gli sposati e i celibi si picchiavano. Non ti ricordi come t'ho inseguito? Non ce la facevi, contro di me, eri come un remoscello verde. Io ti risparmiavi; ma se t'avessi colpito in corsa, ti avrei spaccato in due* (с.213, т. 1).

Следует также отметить, что в данном фрагменте реалия *масленица* передана аналогом *carnevale*.

На заданный респондентам вопрос *Perchè si sono picchiati?* 'Почему они дрались?' были предложены следующие ответы: *la causa non è chiara/non lo so/non si capisce* 'причина не ясна/ не знаю/ не понятно' – 20; *si odiano/sono nemici/sono concorrenti* 'они ненавидят друг друга/ они враги/ они соперники' – 17; *stavano scherzando/stavano divertendo durante il carnevale* 'они шутили/ веселились/развлекались во время карнавала' – 9.

Для 100% респондентов причина драки осталась не понятой, поскольку переводчик не объяснил, в чем заключается русский обычай *драться в стенках*. 18% респондентов соотнесли драку с праздником, но восприняли это событие исходя из понимания традиционного итальянского карнавала, где много шуток и смеха. Таким образом, ни предложенный переводчиком

аналог, ни опущение реалии в данном фрагменте не способствуют адекватному восприятию авторской интенции.

Опрос респондентов показал, что в том случае, если при передаче реалии лингвокультурные понятия не были полностью соотнесены, ассоциации респондентов основаны на элементах собственной культуры, как, например, при соотнесении реалии *чирики* итальянскими респондентами с сабо, драки во время Масленицы с шутивными потасовками со время карнавала.

В том случае, если переводчик неверно передает реалии на протяжении текста перевода, это формирует искаженный исторический и культурный фон описываемых в романе событий. Ответы респондентов показывают, что чем более удалены друг от друга соотносимые лингвокультуры, тем чаще переводчику следует прибегать к прагматической адаптации текста, и пренебрежение этим приводит к переводческим неудачам.

Библиографические ссылки

1. *Sciolochov M.* Il placido Don. Milano: Garzanti, 1966. 818p.
2. *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара : Рус. лицей, 1994. 94 с.
3. *Астапенко Г.Д.* Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков. XVII–XX вв. Ростов н/Д. : НПК «Гевест», 2010. 256 с.
4. *Vocabolario della lingua italiana di N.Zingarelli.* Bologna : Zarocheilli editore, 2008.

Е.В. Флянтикова (Гродно, Беларусь)

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРНЫХ НОМИНАЦИЙ С КОМПОНЕНТОМ ХЛЕБ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье предпринята попытка выявить символический потенциал парных номинаций с компонентом *хлеб* в художественных прозаических текстах, выборка которых осуществлялась с использованием возможностей метаразметки и системы поиска основного модуля Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: *хлеб, парные номинации, символ, Национальный корпус русского языка.*

Номинации еды и напитков представляют собой культуросообразные явления. Существование, развитие и становление каждого этноса сопровождается культурой питания. Это приводит к тому, что ряд такого рода номинаций приобретает символическое значение, закрепляется в паремиологическом материале каждого этноса, его обрядовой культуре и фольклорном наследии.

Хлеб является объектом изучения различных наук. Культура потребления и приготовления хлеба, пронизывающая повседневную жизнь народа, обладает скрытой аксиологической составляющей, несет в себе эксплицитные ценностные этнические установки. Существовая в тесном единстве с культурой, являясь ее отражением, язык транслирует ценностные ориентации народа из поколения в поколение. Поэтому анализ языкового материала (в том числе, номинаций еды и напитков) позволяет говорить о вложенных в него народом смыслах – культурных, мифологических, религиозных, духовно-нравственных.

Многочисленные лингвистические исследования направлены на рассмотрение данной номинации с точки зрения ее архетипических и символических представлений в разных культурах (см. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] и др.). В качестве материала исследования выступают паремии, фразеологизмы, данные ассоциативных экспериментов, литературные произведения, обрядовая культура. Однако данный материал был сформирован в прошлом. Изменение и развитие культуры ведет к переосмыслению ассоциативного диапазона, приобретению номинациями дополнительных смыслов.

Национальный корпус русского языка [11] (далее – *НКРЯ*) представляет собой мощный электронный репрезентативный языковой ресурс. Благодаря грамматической и семантической разметке можно выделить контексты, содержащие необходимые лексические единицы. Нами были использованы возможности основного модуля НКРЯ, в котором был создан подкорпус художественных текстов. Данный подкорпус позволяет оценить частотность и вариативность использования лексемы *хлеб* не в одном избранном тексте, а во всем массиве художественных текстов, представленных в НКРЯ. Обращение к художественным текстам обусловлено тем, что в них автор воспроизводит актуальную модель мира. Он выступает как лицо, познающее мир и воплощающее представление о мире через язык. Последний выступает как признак актуального состояния мира и осмысления мира человеком.

Нас интересовало использование лексемы *хлеб* в составе парных номинаций, соединенных посредством союза *и*, так как в результате такого соединения возникает «концептуальное значение “два в одном” ...», которое обусловлено познавательной деятельностью человека, его восприятием и оценкой мира» [12, с. 70]. Исследование данных бинарных сочетаний направлено на выявление их когнитивной связи, новых смыслов. В работах же, опубликованных ранее, были рассмотрены только такие бинарные сочетания лексемы *хлеб*, как *хлеб-соль* [1, с. 18], *хлеб и вода* [5, с. 232]. Поэтому частичная исследованность данного вопроса объясняет актуальность нашей работы.

Для выявления парных номинаций в созданном подкорпусе НКРЯ нами было введено слово *хлеб* и союз *и*, задан интервал 1. Полученные результаты обрабатывались с помощью формата выдачи KWIC. Затем путем сплошной выборки были получены субстантивные бинарные сочетания *хлеб и*.

Наиболее частотными из выявленных бинарных сочетаний являются:

- *хлеб и молоко*: «У вас есть деньги на *хлеб и молоко*» [Терехов А. Бабаев (2003), НКРЯ]; «Еще тут имелись тонары с *хлебom и молокоm*, павильончик, набитый овощами, книжный и газетный лотки» [Донцова Д. Уха из золотой рыбки (2004), НКРЯ]; «Лена росла хорошей девочкой, ходила за *хлебom и молокоm*, умела сварить «Геркулес» и поджарить глазунью» [Щербакова Г. Все это следует шить (2001), НКРЯ];

- *хлеб и вода*: «Лаборантской зарплаты, наверное, только на *хлеб и воду* хватает?» [Житков А. Кафедра (2000), НКРЯ]; «Я предпочитаю жить на *хлебе и воде* на свободе, – писал Раскольников, – чем безвинно томиться и погибнуть в тюрьме, не имея возможности оправдаться...» [Берберова Н.Н. Железная женщина (1978-1980), НКРЯ]; «Девчонки, вы не поверите, но он ее посадил на *хлеб и воду!* – На *хлеб и воду?!* – В прямом смысле слова!» [Сапегина А. Галатея (2012), НКРЯ];

- *хлеб и колбаса*: «Надо ехать. Купить кусок *хлеба и колбасы*» [Терехов А. Каменный мост (1997-2008), НКРЯ]; «Искренне радуюсь за вас, господин полковник, – ответил Стас, глядя, как Гуров нарезает *хлеб и колбасу* на разделочной доске» [Леонов Н., Макеев А. Эхо дефолта (2000-2004), НКРЯ]; «Через двадцать минут я с *хлебom и колбасой* спускался в подвал музея» [Ломов В. Музей (2002), НКРЯ];

- *хлеб и зрелища* / *хлеба и зрелищ*: «Требуют велфэра и контента, как раньше *хлеба и зрелищ*» [Пелевин В. Бэтман Аполло (2013), НКРЯ]; «В постиндустриальном мире пролетарий измелчал куда страшнее крестьянина, ему нужны лишь простые радости – *хлеб и зрелища* двадцать первого века» [Желунов Н. Проект «Ленин» (2007), НКРЯ]; «Несмотря на утренний час, по городу уже фланировали праздные сограждане в поисках *хлеба и зрелищ*» [Павская И. «Джоконда» Мценского уезда (2006), НКРЯ];

- *хлеб и соль*: «Но как прожить, скажем, учителю начальных классов, если его заработка едва-едва хватает на *хлеб и соль*» [Азаров Ю. Подозреваемый (2002), НКРЯ]; «Послышался треск скорлупы, переговариваясь по-своему, немцы, стали бить яйца и громко высасывать их без *хлеба и соли*» [Быков В. Знак беды (1982), НКРЯ]; «Они играли в нее в интернате, сооружая в подвале многодневные баррикады, натаскивая туда матрасы, ящики, свечи, *хлеб и соль* из столовой» [Иличевский А. Матисс (2007), НКРЯ];

- *хлеб и водка* (как варианты – *хлеб и бутылка*, *хлеб и спирт*): «Очумевшие от долгого сна, с опухшими синими рожами бродят они, почесываясь, по отсекам космического корабля в поисках тюбиков с

яичницей, *хлебом и водкой*: мужчина с белой, черной от грязи, холщовой сумкой от Армани и женщина в детской шерстяной шапке с двумя желтыми помпонами» [Бару М. Записки понаехавшего (2010), НКРЯ]; «Единственное, что не сумели выменять на *хлеб и водку*, – это ядерное оружие» [Прошкин Е. Механика вечности (2001), НКРЯ]; «Его нежелание связывать себя семейными узами было вполне объяснимо и без экзистенциальных причин: при мысли, что пришлось бы зарабатывать не только на *хлеб и водку*, но и на что-то еще, Сашка терял, как он говорил, всякий интерес к жизни» [Берсенева А. Возраст третьей любви (2005), НКРЯ];

- *хлеб и сало*: «Она приносит бутылку сивухи, полбуханки *хлеба и сала*» [Козлов В. Колхоз (2002), НКРЯ]; «На ящиках – бутылок десять чернила, нарезанный *хлеб и сало*» [Козлов В. Гопники (2002), НКРЯ]; «Она продолжала бегать в город на базар, очень невыгодно меняя домашние вещи на *хлеб и сало*, она за бесценку сбывала подпольным перекупщикам-спекулянтам меха и драгоценности, даже обручальное кольцо, лишь бы выходить мальчика» [Катаев В.П. Уже написан Вертер (1979), НКРЯ];

- *хлеб и сигареты / табак*: «Ладно, Женька, – сказал я. – Меня здесь не понимают... Иди... Прижимая к груди собственную пазуху, за которой находились спички, соль, чай, сахар, *хлеб и сигареты*, сумасшедший попятился к выходу» [Коваль Ю. Четвертый венец (1980-1993), НКРЯ]; «Дежурные не то в шутку, не то всерьез требовали за воду *хлеба и табаку*. Кто давал, кто нет» [Астафьев В. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма (1995), НКРЯ]; «Пьянка, впрочем, продолжалась месяца два, не больше, пока Молочковы не обнищали до такой степени, что уже не на что было купить *хлеба и табаку*» [Пьецух В. Летом в деревне (2000), НКРЯ].

Следует отметить высокую частотность использования номинации *хлеб* в сочетании с параметрической лексикой (пачка, батон, банка, ведро, осьмушка и др.): «Саша прихватил денег из заначки, кусок сыра, лучку деревенского, *хлеб и банку* консервов, хотел было вернуться, чтобы написать несколько слов матери, — и махнул рукой» [Прилепин З. Санька (2006), НКРЯ]; «Паек она делила справедливо, никого не выделяя, никому не потрафляя, точным шлепком бросала в миски кашу, точным взмахом зачерпывала из бачка суп, точно, всегда почти без довесков, резала *хлеб и кубики* масла, точно рассыпала сахар миниатюрным, игрушечным черпачком; одним ударом, скорее, даже молниеносным броском иглу до шприца всаживала в подставленный зад или в руку, спину ли — и все это молча, со спокойной строгостью, порой казалось, даже злостью, и если больной вздрагивал или дергался от укола, она увесисто роняла: «Ну чего тебя кособочит?» [Астафьев В. Веселый солдат (1987-1997), НКРЯ]; «Посередине стола стояла тарелка с серым *хлебом и банка* аджики» [Саед-

Шах А. Заступница, НКРЯ].

Наше внимание привлекали наиболее частотные бинарные сочетания, так как показатель частотности свидетельствует о востребованности приведенных выше сочетаний. В исследованиях, проведенных учеными на основе паремиологического и фразеологического материала, были выделены следующие символические значения хлеба: символ минимума, необходимого для существования; символ здорового образа жизни; символ дружбы; символ духовности; символ материальности; символ основного продукта; символ средства к существованию [2, с. 21].

Бинарные сочетания *хлеб и молоко*, *хлеб и сало*, *хлеб и колбаса*, *хлеб и водка* образовались в результате принадлежности к общим когнитивным сценариям. Такая сочетаемость определена неосознанным выбором, производимым на основе стереотипов восприятия и поведения в различных бытовых ситуациях: поход в магазин, нехитрое застолье / закуска. Хлеб здесь выступает в роли основного необходимого продукта для существования. Таким же значением обладают и сочетания *хлеба* с параметрической лексикой: хлеб и что-нибудь к нему. Следует отметить, что парная номинация *хлеб и водка* содержит скорее отрицательную коннотацию принадлежности к чему-то низкому (образу жизни, поведению).

Бинарные сочетания *хлеб и сигареты / табак* также обладают значением минимально необходимого для существования набора продуктов / вещей. Данные модели имеют в качестве образца образования парное сочетание *хлеб и вода*, которое издавна относилось к минимуму, необходимому для жизни.

Также интересно активное использование сочетания *хлеб и зрелища / хлеба и зрелищ*. Происходит сохранение его семантики: выразить устремления («Хлеба и зрелищ! – о потребностях невежественных, недалеких людей, жаждущих лишь пропитания и низкопробных развлечений» [13, с. 603]). ***Эти устремления в зависимости от контекста могут ограничиваться лишь пропитанием и развлечением или пониматься более масштабно.***

Высокой частотностью употребления характеризуется парное сочетание *хлеб и соль*, восходящее к устойчивой фразе *хлеб-соль* (символ гостеприимства, дружбы, единения). *Хлеб и соль* не обладает символическими значениями, присущими сочетанию *хлеб-соль*, а скорее обозначает жизненно необходимый минимум.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

- отмечается частотное использование в художественных текстах бинарных сочетаний *хлеб и*;

- каждый компонент таких сочетаний характеризуется свободой

использования;

- в составе данной группы сочетаний происходит не соединение смыслов его компонентов, а кодирование их в единый, собирательный образ;

- соединение компонентов в выявленных бинарных сочетаниях обусловлено эмпирическим опытом, воспроизведением типовых когнитивных сценариев, что ведет к когнитивной семантической слитности компонентов;

- в составе наиболее частотных бинарных сочетаний, отобранных в массиве художественных текстов, *хлеб* утрачивает богатство семантического плана (символ здорового образа жизни, символ дружбы, символ духовности), а выступает в качестве компонента сочетания, эксплицирующего интенции говорящего, символизирующего значение типового минимума, необходимого для жизни / застолья.

Библиографические ссылки

1. *Борисова Л.В.* Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 16 (307). С. 17–24.

2. *Плисов Е.Б.* Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // Вестн. КРАУНЦ. 2016. № 2 (28). С. 20–31.

3. *Наумова Т.А.* Хлеб в русской языковой картине мира // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11 (55). С. 48–51.

4. *Назмутдинова И.К.* Символический образ хлеба в семейном этикете удмуртов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 25 (279). Вып. 5. С. 9–14.

5. *Шхумишова А.Р.* Семантический и концептуальный аспекты исследования лексемы «хлеб» // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2009. Вып. 3. С. 229–233.

6. *Гревцова Т.Е.* Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект) // Научный диалог. 2012. № 4. С. 110–123.

7. *Горская А.О.* Символический образ хлеба и читательско-писательская коллизия в сатирических произведениях А.П. Платонова 1920-х годов // Культурологический журнал. 2013. № 4 (14). С. 1–11.

8. *Решке Н.А.* Концепт «хлеб/bread» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей // Общество: философия, история, культура. 2012. Вып. 2. С. 91–94.

9. *Волошин Ю.К.* Актуализация концепта «хлеб» // Вестн. Самар. ун-та. 2017. Т. 23. № 1. С. 72–76.

10. *Евдокимова О.К., Ляпаева Л.В., Федяй С.В.* Семантический потенциал концепта «хлеб» в русской и чувашской литературе XIX–XX вв. // Вестн. Чуваш. гос. педагог. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2017. № 1 (93). С. 61–67.

11. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 28.02.2019).

12. *Артамонова М.В.* О месте категории парности в концептуальной системе русского человека // Филология и человек. 2009. № 3. С. 62–72.

В.В. Хомич (Минск, Беларусь)

ТЕКСТОВАЯ И СЛОВАРНАЯ МОДЕЛИ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ СЛОВ-СТИМУЛОВ

В статье рассматривается проблема лексического ассоциирования. Предлагается сравнительный анализ текстового и словарного ассоциативных полей. Под текстовым ассоциативным полем понимается совокупность всех ассоциаций, вызываемых ключевыми словами текста. Модель словарного ассоциативного поля создается на материале данных ассоциативных словарей, в которых представлены результаты ассоциативных экспериментов, а именно: слова-стимулы и наборы ассоциаций, вызываемых ими.

Ключевые слова: *сознание, ассоциативное поле, слово-стимул, текст*

Рассмотрение лексической структуры текста в ассоциативном аспекте является чрезвычайно важным, поскольку, как известно, человек существует не только в материальном мире, но и в мире слов, идей и мыслей. Все мысли и идеи человека материализуются при помощи слов.

Слово, являясь основной единицей языка, играет ключевую роль в тексте. Как отмечается в работах психологов и лингвистов, речемыслительная деятельность имеет ассоциативную природу. Слово не существует в нашем сознании само по себе, оно связано с множеством других слов. И, называя какое-либо понятие или явление, мы всегда думаем еще о чем-то, с ними связанном, в нашем сознании возникает ряд ассоциаций, перекликающихся друг с другом. Слово, вызывающее эти ассоциации, является стимулом, а сами ассоциации составляют ассоциативное поле данного стимула.

Согласно результатам экспериментальных данных структура нашей памяти может иметь много различных вариантов внутренней организации, одним из которых может быть полевая структура, которая не может не отражаться в создаваемых нашим сознанием текстах.

Ассоциативные поля обычно устанавливаются в результате свободного ассоциативного эксперимента с фиксацией первого ответа-реакции на слово-стимул. Данные, полученные в результате экспериментов, фиксируются в ассоциативных словарях, представляя ассоциативные нормы того или иного языка. Таким образом, ассоциативные поля могут строиться по материалам данных ассоциативных словарей и на материале текстов художественных произведений. В широком смысле ассоциативное поле являет собой «фрагмент образов сознания, оценок, мотивов, интересов», а

ассоциативно-вербальная сеть является, таким образом, одним из «способов репрезентации языка и существующих в сознании человека знаний и представлений о языке и мире» [1, с. 6].

По мнению А.П. Клименко, *лексическое ассоциирование* представляет собой своеобразный текст, состоящий из некоторого набора ассоциативных полей, центральными элементами которых являются слова-стимулы, приравняемые к ключевым словам текста. Под *ассоциативным полем* понимаются «все слова-реакции на заданное слово-стимул» [3, с. 19]. При этом под *словесно-ассоциативным полем* понимаются все ассоциации, данные на выбранное слово-стимул, т.е. совокупность ассоциаций и составляет его ассоциативное поле. Текстовое ассоциативное поле не является полным аналогом словесного ассоциативного поля, однако по своей структуре и организации они очень схожи. Под текстовым ассоциативным полем понимается «система стимулированных текстом в сознании адресата вербальных ассоциаций, организованных по принципу поля, имеющего ядро (наиболее частотные ассоциации) и периферию» [2, с. 20]. Стимулами для ассоциативной деятельности читателя служат не только текст в целом, его элементы и структура, но и личность автора, сюжет, композиция, идеи и образы текста.

Между ассоциативным полем слова и ассоциативным полем текста существует прочная семантическая связь, поскольку слова, входящие в состав полей, связаны между собой по смыслу.

Ассоциативные поля в языке выстраиваются по результатам ассоциативных экспериментов, в которых испытуемым предлагается слово-стимул, на которое они должны среагировать спонтанно. По итогам эксперимента вокруг каждого стимула строится ассоциативное поле с множеством тематически организованных языковых единиц. Эти поля не являются однозначными и четкими, поскольку другие группы испытуемых могут показать другие результаты. Однако ассоциативное поле имеет определенную структуру: ядро (наиболее частые ассоциации) и периферию (единичные ассоциации).

Реакции бывают индивидуальными и коллективными. Однако любой коллектив состоит из индивидов, поэтому правомерным будет считать, что все-таки ассоциации – это индивидуальное явление; просто существуют распространенные, стереотипные ассоциации, которые, как правило, возникают тогда, когда речь идет о чем-то известном и часто обсуждаемом в данный период времени.

Текстовое ассоциативное поле формируется в зависимости от контекста. В его основе лежит ключевое слово, ассоциативное поле которого создается благодаря его лексическому значению. Учитывая тот факт, что большинство слов в языке многозначны, лексическое значение ключевого слова в том или

ином рассказе определяется по контексту, в котором оно употреблено. Текст накладывает определенные ограничения на значение ключевого слова, выступающего семантическим центром ассоциативного поля текста. Оно должно быть связано и с темами, затрагиваемыми в произведении, и с главной идеей автора, и с его творческим замыслом.

Например, если ведущей в рассказе является тема природы и цель автора – описать те или природные явления, то очевидно, что слово *leaf* будет описываться как «лист деревьев, цветов, кустов и т.д.», и для того, чтобы автор смог донести свою идею читателям *leaf* будет связан с такими словами, как *tree, branch, bush, flower, etc.* Если же цель автора рассказать, например, о важности книг, чтения, письма, то слово *leaf* будет выступать ключевым по линии понятия «лист бумаги»: *a leaf of paper, to turn over the leaves, etc* и будет связано с такими словами, как *book, paper, magazine.*

Таким образом, создание текстового ассоциативного поля начинается с выбора ключевого слова, поскольку через него определяется авторский замысел, который как бы создает невидимые границы ассоциативного поля, определяя его объем и лексическую насыщенность.

Текстовая модель словесно-ассоциативного поля формируется на основе ассоциативно-смысловой близости ключевых слов и других, связанных с ними лексических единиц текста.

Таким образом, текстовые ассоциативные поля по своей структуре и лексическому наполнению представляют собой набор тематически связанных групп слов, сформированных вокруг каждой отдельной темы художественного произведения, выделяемой автором. В каждом из текстов помимо главной темы, идеи и авторского замысла, выделяются подтемы, играющие большую роль именно в текстообразующем процессе.

Тексты художественных произведений представляются в виде словесно-ассоциативных полей, в центре которых находятся ключевые слова, содержащие в себе намеки на идеи и образы автора, на его творческую интенцию. Каждое поле внутри разделено на определенные тематические группы, которые подразумевают раскрытие одной из тем, затрагиваемых автором при создании его художественного произведения. Однако значимым в процессе текстообразования является не только автор, но и его читатели. Поскольку, создавая текст, автор всегда ориентируется на своих читателей.

Создание текстовой и словарной моделей ассоциативных полей основывается на принципе выделении ключевых слов (слов-стимулов) в качестве их семантических центров, так как ключевые слова художественного текста можно рассматривать и с позиции автора, и с позиции читателя. Ключевые слова выступают в роли общего, связующего элемента, который объединяет некоторую группу слов в целостное

образование, в данном случае в ассоциативное поле. Чтобы определить ключевые слова, выделяется авторская идея и слова, наиболее подробно ее описывающие. Эти слова считаются центральными, поскольку именно их связи с другими словами используются для создания ассоциативных полей.

Основной принцип построения словарных ассоциативных полей в ассоциативных словарях – это представление реакций по количественному принципу, а именно: от более частых к менее частотным и единичным ассоциациям. При словарном подходе к построению ассоциативного поля мы не можем рассмотреть, как лексические единицы связаны между собой внутри поля, поскольку ассоциации разные, из разных сфер, и ассоциирование может происходить по разным направлениям. В тексте же рассмотрение отношений лексических единиц как целой единой системы становится возможным, поскольку здесь они объединены одной общей темой и идеей.

Слова, существующие в лексиконе языка, отбираются для употребления в тексте по определенным принципам, критериям. Большинство из них являются многозначными и поэтому обладают высоким ассоциативным потенциалом. Такие слова зачастую и выступают в роли ключевых, образующих ассоциативные поля, которые можно рассматривать как своеобразные тексты. Вместе с тем их можно рассматривать лишь как своеобразные, лишенные линейной семантической упорядоченности и грамматической оформленности тексты, ориентированные на один стимул, который они раскрывают семантико-ассоциативным способом. Текст же в свою очередь можно рассматривать как ассоциативное поле цепочки стимулов, упорядоченное по семантическому принципу и оформленное грамматически.

Словарная модель ассоциативных полей строится на материале данных ассоциативных словарей и в отличие от текстовой модели, которая представляет индивидуальное, авторское восприятие, словарная модель дает возможность увидеть коллективное восприятие того или иного слова-стимула. Это связано и с тем фактом, что ассоциативные словари, составляющими которых являются результаты ассоциативных экспериментов, зачастую рассматривают как модель внутреннего лексикона человека.

Словарные ассоциативные поля состоят из слова-стимула, задающего направление ассоциирования при экспериментах, и ассоциаций, приведенных испытуемыми. Словарные поля также можно разделить на тематические группы семантически и ассоциативно связанных лексических единиц. Каждое ассоциативное поле, созданное из текста рассказа, – это не просто набор ассоциативно связанных лексических единиц, это реализация одной из тем рассказа. Благодаря свойствам лексической системности,

лексика в полях упорядочена так, что текстовое ассоциативное поле раскрывает одну из тем рассказа, часть авторского замысла.

Словарное ассоциативное поле также содержит и ассоциации близкие к стимулу и характеризующие его напрямую, и редкие, практически единичные ассоциации, которые связаны со стимулом через другие слова. Направления ассоциирования определяются самим стимулом, его лексическим значением и, учитывая тот факт, что большинство стимулов являются многозначными, то и ассоциирование происходит по тем направлениям, которые эти значения диктуют. Второй фактор, влияющий на ассоциативную насыщенность словарных полей слов-стимулов, – это экстралингвистический фактор, а именно, личное восприятие информации испытуемыми. Так как ассоциативный словарь представляет результаты проведенных ассоциативных экспериментов, то эмоциональная окраска и индивидуальность так же присутствует в словарных полях, как и в текстовых. Различие лишь в том, что автор у рассказа один, а испытуемых много, поэтому каждая из моделей будет отражать и индивидуально-личное, и коллективное ассоциативное восприятие. И все они найдут свои ассоциации в тексте. Поэтому можно говорить и об индивидуально-личностной, текстовой модели ассоциативного поля и о коллективной, словарной модели сознания и имеющейся в них лексической упорядоченности.

Библиографический список

1. *Абрамов В.П.* Теория ассоциативного поля [Электронный ресурс] / В.П. Абрамов. Режим доступа <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/lex-fraz.doc> (дата обращения: 2.05.2019).
2. *Болотнова Н.С.* Филологический анализ текста : учеб. пособие. М., 2009. 520 с.
3. *Клименко А.П.* Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособ. / А.П. Клименко. Минск : МГПИИЯ, 1974. 108 с.

РАЗДЕЛ VI

ЭТНИЧНЫЯ МЕНТАЛІТЭТЫ Ў ІДЫЯМАТЫЦЫ

О.А.Зинина (Минск, Беларусь)

ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу английских и немецких пословиц, выражающих отношение к труду, их связи с культурно-национальными стереотипами.

Ключевые слова: *пословицы, лингвокультурное сообщество, оппозиция труд-лень.*

Пословицы и поговорки передает содержание национального характера отдельно взятого народа, они выражают свойственный народу склад ума, в них проявляются быт и обиход, дух и характер, нравы и обычаи, верования и суеверия. Мы согласны с мнением В.П. Аникина о том, что «пословица не просто изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена оценка жизни, наблюдения народного ума. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина» [1, с. 13].

В нашей статье мы сделали попытку рассмотреть национальные особенности, присущие англо- и немецкоязычным лингвокультурам, на материале пословиц, характеризующих отношение к труду как основополагающему виду деятельности человека.

Труд – основа функционирования и развития любого человеческого общества, независимое от общественных форм условие существования людей. Трудолюбие с давних пор является нормой народной морали. Немецкому народу присущи такие качества, как трудолюбие, профессионализм, дисциплинированность, ответственность, восприятие труда как важнейшего долга человека. В пословице *Arbeit ist des Lebens Würze* 'работа является основой жизни' отражается добросовестное отношение немецкого народа к труду. В Германии лень и небрежность в труде всегда осуждались, это не могло не отразиться в языке: *Fleißige Hand erwirbt, faule Hand verdirbt* 'прилежная (трудолюбивая) рука добывает, ленивая рука портит / труд человека кормит, а лень портит'.

Добросовестное отношение к труду ценится и у англичан. Один из самых отрицательных персонажей – лодырь – находит осуждение в английских

поговорках, например: *A lazy man is the beggar's brother* 'лентяй – брат нищего'. Праздность и леность в глазах английского общества всегда считались пороком, а прилежание и труд – главными добродетелями: *Nothing to be got without pains* 'ничего не достигнешь без труда'. Уважительное отношение к труду выражено в таких пословицах как *Business is the salt of life* 'дело – суть жизни'; *Business is business* 'дело есть дело'; *Business before pleasure* 'сначала дело, потом развлечение'.

В английской фразеологии подчеркивается значимость качественного труда, умения, например: *Such carpenters, such chips* 'каковы плотники, таковы и щепки'; *The work shows the workman* 'по работе и мастера видно'. Английская мудрость гласит, что хороший мастер своего дела не допустит промаха в делах, о чем говорит пословица *The cunning workman does not quarrel with his tools* 'умелый работник не ссорится со своими инструментами'.

В немецкой и английской фразеологии подчеркивается бесконечность и рутинный характер женского труда, например *Eine Frauenarbeit ist nie getan; A woman's work is never done* 'женская работа никогда не кончается'.

Человека во многом характеризует его отношение к труду. В связи с этим интерес представляют пословицы, передающие положительное или отрицательное отношения к труду, то есть содержащие концепты *труд – лень*. Корпус данных фразеологических единиц наглядно демонстрирует гармоничное сочетание сохранившейся вековой системе народной мудрости с системой образности. Именно интерпретация образного основания фразеологизмов, владение культурной коннотацией является частью культурно-языковой компетенции. Для осуществления такой интерпретации мы выделили следующие семантические модели, включающие концепты *труд и лень*:

1. Оппозиция *труд – лень*:

Arbeit gibt Brot, Faulheit gibt Not 'леность наводит на бедность'; *Für den Fleißigen hat die Woche sieben Heute, für den Faulen sieben Morgen* 'у трудолюбивого на неделе семь «сегодня», а у лентяя-семь «завтра». В английской фразеологии нами не найдены пословицы с такого рода прямым противопоставлением.

2. Необходимость труда:

Süß getrunken, sauer bezahlt 'любишь смородину, люби и оскомину'; *Wer will haben, der muss graben* 'кто хочет иметь, тот должен и копать'; *He that would eat the fruit must climb the tree* 'кто хочет съесть плод, должен влезть на дерево'; *He who would catch fish must not mind getting wet* 'чтоб рыбку съесть, надо в воду влезть'.

3. Вынужденность труда:

Not macht aus Steinen Brot 'нужда заставит и камни есть'; *Hunger breaks*

stone walls 'голод и каменные стены рушит'.

4. Упорство в труде:

Wer etwas erlangen will, muss die Mühe nicht scheue 'кто хочет чего-то добиться, не должен бояться приложить усилия'; *Ohne Fleiss kein Preis* 'без усердия не будет и награды'; *Ninety percent of inspiration is perspiration* 'девяносто процентов вдохновения – усердие'.

5. Важность совместного труда:

Viele Hände machen schnell ein Ende 'у многих рук работа быстро заканчивается'; *Many hands make light work* 'в дружных руках и работа спорится'.

6. Важность мастерства, умения:

Handwerk hat goldenen Boden 'ремесло — золотое дно'; *Jedes Handwerk verlangt seinen Meister* 'каждое ремесло нуждается в своем мастере'; *Every man to his trade* 'каждому следует заниматься своим делом'; *Jack of all trades and master of none* 'Джек, знающий много ремесел, ничего толком не умеет'.

7. Своевременность и самостоятельность труда:

Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen 'не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня'; *If you want a thing well done, do it yourself; Self done is well done* 'если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, делай его сам'.

8. Приоритетность труда:

Erst die Arbeit, dann das Spiel 'кончил дело, гуляй смело'; *In the morning mountains, in the evening fountains* 'делу время, а потехе час'.

9. Порицание плохого труда:

Dem schlechten Arbeiter ist jedes Beil zu stumpf 'у плохого работника любой топор слишком тупой'; *Bad workers often blame their tools / a bad shearer never had a good sickle* 'у плохого работника всегда инструмент виноват'.

10. Нерадивое отношение к труду, бесплотная деятельность. Труд может быть безрезультатным, если человек берется сразу за несколько дел, например *Wer vieles beginnt, gar wenig instande bringt* 'за все браться - ничего не сделать'; *Wer zwei Hasen jagt, fängt keinen* 'за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь'; *He who begins many things finishes but few / Jack of all trades is master of none* 'кто за все хватается, тот ничего не делает'.

11. Как в немецкой, так и в английской фразеологии порицается использование результатов чужого труда:

Der eine hat die Mühe, der andere die Brühe 'один трудится, а другому достается суп'; *Die Beine unter den fremden Tisch stecken* 'жить за чужой счем'; *One man makes a chair and another man sits in it / one man works, and another reaps the benefits / one beats the bush, and another catches the bird* 'один работает, а другому достаются результаты труда'.

Многочисленной является группа пословиц английского и немецкого языков, порицающих лень и нерадивое отношение к труду. В ней мы выделили следующие семантические модели:

12. Лень как зло, приводящее к бедности:

Des Faulen Hände für den Teufel / The devil finds work for idle hands 'дьявол найдет чем занять праздные руки'; *Wer nicht arbeitet, soll auch nicht essen* 'кто не работает, тот не ест'; *Wie die Arbeit, so der Lohn* 'по работе и плата'; *No song, no supper / Nothing flies into the mouth of a sleeping fox* 'как порабатоешь, так и покушаешь'.

13. Пустая болтовня как проявление лени:

Viel Geschwätz, wenig Tat 'кто много болтает, тот мало успевает'; *Grossmaul ist zum Handeln faul* 'большой говорун, плохой работник'; *The greatest talkers are always least doers / The tongue of idle persons is never idle* 'кто говорит без умолку, в том мало толку'.

14. Откладывать выполнение работы из-за лени:

Des Faulen Werktag ist immer morgen, sein Ruhetag ist heute 'у лентяя рабочий день всегда завтра, а выходной – сегодня'; *Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen / Never put off tomorrow what you can do today* 'не откладывай на завтра, что можно сделать сегодня'; *One of these days is none of these days* 'на днях – значит, никогда';

Однако, следует отметить, что в обоих языках имеется группа пословиц, которые не осуждают отсутствие рвения к работе, например: *Die Arbeit läuft nicht davon* 'работа никуда не убежит'; *Wer Arbeit hat und sich nicht drückt, der ist verrückt* 'работа дураков любит'; *All lay load on the willing horse* 'на добросовестную лошадь все груз взваливают'; *Only fools and horses work* 'работают только дураки и лошади'.

В последних примерах через зооним *лошадь* передается образ человека, который много работает. Следует отметить, что в некоторых из анализируемых нами пословиц содержится зооним, образно выражающий концепты *труд* или *лень*. Так, в английском и немецком языках образ *птицы* ассоциируется с трудолюбием, что выражено в пословицах *Der frühe Vogel fängt den Wurm / The early bird catches the worm* 'ранняя птичка червячка съедает'. *Kot* в английских пословицах передает образ недостаточно трудолюбивого человека, например: *A cat in gloves catches no mice* 'кот в перчатках мышей не поймает'; *The cat would eat fish and would not wet her paws* 'проглотить хочется, да жевать лень'. *Овца* также ассоциируется с ленью в английской поговорке: *A lazy sheep thinks its wool heavy* 'ленивой овце и собственная шерсть тяжела'. Образ трудолюбивого человека в английской фразеологии передается через сравнение с *пчелой*, например *The busy bee has no time for sorrow* 'у трудолюбивой пчелы нет времени грустить'.

В немецкой поговорке образ ленивого болтуна соотносится с зоонимом

курица: Ein Huhn, das viel gackert, legt wenig Eier 'курица, которая много кудахтает, несет мало яиц', а также с зоонимом *свинья: Für faule Schweine ist die Erde immer hart gefroren* 'для ленивой свиньи земля всегда сильно замерзла'.

Таким образом, можно заключить, что положительная и отрицательная оценка труда имеет национально-культурную специфику. В языке закрепляются и становятся фразеологизмами такие выражения, которые непосредственно связаны с культурно-национальными стереотипами. В англо- и немецкоязычной лингвокультурах преобладают пословицы, выражающие положительное и уважительное отношение к труду и порицание лени.

Библиографические ссылки

1. Аникин В.П. Теория фольклора : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : Книжный дом «Университет», 2007. 428 с.

А.В. Копышева (Минск Беларусь)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОВ ТРУД / ЛЕНЬ В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Паремии иллюстрируют образ и уклад жизни, историю этноса, его традиции. Именно в них хранится отражение глубинных мифологем и архетипов человеческого сознания и мышления, которые можно обнаружить как в древних фольклорных образованиях, так и в современных штампах массового сознания. Они в предельно «концентрированной» форме отражают специфику мировосприятия того или иного этноса.

Ключевые слова: *этнокультурная специфика, паремии «труд / лень», национальные особенности, языковое сознание, мировоззренческие различия.*

В настоящее время развитие лингвистической науки не ограничивается рассмотрением языка только лишь как средства общения. Ученые рассматривают язык с другой точки зрения, т.е. предлагается иной подход к языку, который заключается в том, что язык является неотъемлемым компонентом культуры определенного этноса. Именно в языке собраны и знания о мире, и опыт предыдущих поколений, и культурные традиции данного народа. А это означает, что через язык определенного этноса проявляются именно свойственные ему национальные особенности.

Учитывая тот факт, что современное общество становится все более многоязычным, в лингвистике повысилась роль сопоставительного анализа при изучении различных языков, основными задачами которого является выявление сходств и различий в использовании определенных языковых

средств, в том числе и определение национальных особенностей каждого из сопоставляемых языков.

Активное изучение паремий в наше время отнюдь не является случайным, так как именно в паремиях в предельно сжатой, «концентрированной» форме отражена специфика мировосприятия того или иного этноса [1, с. 92]. Паремии наиболее наглядно иллюстрируют образ и уклад жизни, географическое положение, историю этноса, традиции той или иной общности, объединенной одной общей культурой.

Для сравнения нами были выбраны английские и русские паремии с концептами *труд/лень*. Естественно, что англичане и русские – это народы, которые проживают в разных как социальных, так и природных условиях. Они имеют разную историю развития, у них различные нравы и принципы морали, а также они имеют разную культуру и психологию, и, конечно же, образ мышления и религию.

Хочется отметить, что само по себе отношение к труду любого этноса – это важнейшая особенность и характеристика образа жизни людей любой национальности. И именно поэтому отношение к труду находит такое вариативное отражение не только в языке, но и в культуре народа.

Несмотря на то, что рассматриваемые нами концепты универсальны, но наполненность их для каждой нации будет своя. Русский философ С.Л. Франк утверждал: «Существует совершенно бесспорное, имеющее глубочайшие исторические корни различие в основной структуре всего духовного восприятия жизни и отношения к ней между русским и западным человеком. Мировоззренческие различия русской и английской культур наиболее отчетливо проявляются в том, как эти культуры воспринимают труд и относятся к труду. Мировоззрением определяется, каким образом происходит осмысление труда» [2, с. 220].

Концепт *труд*. Трудовая деятельность рассматривается в русской культуре как нечто обычное, повседневное. Труд понимается не как заслуга или обязанность, а как обычное условие жизни человека. Данный концепт для русской этнокультуры стал важнейшим фактором, определяющим ее мировидение и миропонимание.

В языковом сознании англичан труд обладает такими типическими чертами как работа, прибыль и время. Именно время обладает особенной ценностью для англичан, которое рассматривается ими как достижение всех благ. У русских же, напротив, время рассматривается как что-то, что никогда не закончится, поэтому и беречь его нет нужды. Однако у русских есть хорошая черта – умение сосредоточить усилия в нужный момент, что очень часто выручало русского человека. Примером может служить пословица: «Русские медленно запрягают, да быстро едут» [3, с. 21].

В обеих этнокультурах труд представляет собой целесообразную

деятельность человека, направленную на приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей и рассматривается он не только как средство выживания человека, но и как источник материального благополучия: *No work, no money* 'Хочешь есть калачи – не лежи на печи'. *A busy bee has no time for sorrow* 'Не бывает скуки, коли заняты руки' [4, с. 215].

Фоновые знания позволяют нам предположить, что формирование отношения к труду у русских и англичан существенно отличалось в силу разных социальных, экономических и культурно-исторических условий становления национального самосознания.

Мировосприятие русского народа в традиционный период и современное отношение к жизни в целом, и к труду в частности, во многом отличаются, так как с течением времени меняются социально-политические и экономические условия жизни общества, изменяется и сама философская категория труда, а значит, и отношение простого человека к труду [5].

Раньше русские люди рассматривали труд как деятельность, требующую непосильных затрат сил и времени, приносящую только усталость и болезни. Свидетельством этого является толкование слова *труд*, данное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, в котором присутствуют определения, близкие к отрицательным: «всякое напряжение умственных и физических сил, все, что утомляет» [6, с. 436].

Весь материал, данный нам В.И. Далем, на первый взгляд, содержит противоречие: с одной стороны, люди не могут не понимать, что труд общественно значим для человека, полезен, что трудовая деятельность формирует многие нравственные качества и свойства человеческой личности, но, с другой стороны, паремии, записанные В.И. Далем, содержат множество единиц, где труд признается непосильным, доставляющим боль и физическое страдание, не приносящим никакого личностного удовлетворения.

Наша задача – разобраться в этом противоречии, узнать, насколько объективно язык фиксирует такое противоречие.

Этнокультурные различия в представлении отношения к труду на материале английского и русского языков сводятся не к наличию или отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной комбинации и частотности признаков. Так, идея прилежности в русском языке связана с умственным трудом, прежде всего с учением, в то время как английское *diligent* ассоциируется не только с учебной, но предполагает постоянные, а не разовые усилия: *Diligence is the mother of success* 'Терпение и труд все перетрут'.

В русском языке осуждается небрежная, халтурная работа в ином ключе по сравнению с английским: в русском языке *Он халтурит* означает 'Он не хочет делать качественно' (работа выполняется попутно, как говорится

«между делом», поэтому и небрежно и не качественно), а мог бы выполнить хорошо, если бы желал работать добросовестно и качественно. В английском же языке идея неумелого труда: дилетантство и шарлатанство – осуждается, т.е. осуждается тот, кто не умеет делать, а берется [7, с. 14].

Если рассмотреть в качестве примера английское *businesslike*, то можно прийти к выводу, что данное слово в английском языке несет положительную оценку, в то время как русское слово, соответствующее ему при переводе *деловой*, имеет амбивалентную оценочную коннотацию, особенно в высказывании, которое часто наблюдается в современном разговорном варианте: «*Деловой какой!*» при характеристике определенного поведения человека. Чаще всего это выражение в русском языке носит отрицательный или частично насмешливый характер. Имеется в виду, что человек, о котором идет речь, ставит дело на первый план, а поддержание хороших отношений с людьми в общении – на второй [8, с. 37].

Англичане считаются и характеризуются как рационалисты, прагматики, джентльмены бизнеса. Их отличает острота самосознания (*self-made man* ‘человек, который сам себя сделал’, по Г. Гачеву), жизненная размеренность и основательность, культ частной жизни, склонность к консерватизму [9].

В своих собственных ценностях англичане всегда видят конкретный материальный смысл, например: *A light purse is a heavy curse* ‘Хуже всех бед, когда денег нет’. Если переводить эту поговорку дословно, то получится значение ‘Легкий кошелек – тяжелое проклятие’. Из этого высказывания мы можем сделать вывод, что англичане придают большое значение материальным благам и наличию денег для создания этих благ. Они понимают, что образование – это дорого, но необходимо; чтобы иметь власть – нужно иметь деньги и не малые; а чтобы жить роскошно – необходимо платить налоги и т.п., т.е. делаем вывод, что деньги в сознании англичанина играют немаловажную роль. А чтобы подтвердить это, в качестве примера можно привести следующие поговорки: *Money is power* ‘Деньги – это сила!'; *Money opens all the doors* ‘Денежки все двери открывают; *A thief passes for a gentleman when stealing has made him rich* ‘1) Вор сойдет за джентльмена, когда он становится богатым’ или ‘Кто богат, тот мне брат’. *Money makes the mare go* ‘С деньгами на свете и дурак ездит в карете’ [4, с. 146–147].

Качественный труд требует определенных усилий. Мысль об интенсивности труда переплетается с мыслью о его нескончаемости: *Лес сечь – не жалеть плеч; Who would catch fish must not mind getting wet* ‘Не отрубить дубка, не надсодя пупка’.

Оба народа высоко оценивают роль орудий труда в трудовом процессе, без которых осуществлять трудовую деятельность невозможно. А хорошее состояние орудий труда являются показателем отношения человека к труду:

What is the workman without his tools 'Что за работник без своих инструментов'; *A bad shearer never had a good sickle* 'У плохого стригалия никогда не было хороших ножиц'.

И в английских, и в русских паремиях выражается желание избежать черной работы: *A cat in gloves catches no mice* 'Хорошо бы орать да рук не марать'. ('Нам бы так махать, чтобы мозолей не набивать').

Также хотелось бы отметить, что как в английском, так и в русском паремиологическом фонде представлено очень много образов животных, выражающих трудолюбие и добросовестное отношение к труду – пчела, птичка. Русские и англичане выделяют такие качества пчелы, как бережливость, аккуратность, неутомимость в трудовой деятельности. Что касается образов, представленных только в английском языке, то это, прежде всего бобр – *an eager beaver, to be as busy as a beaver* – и таракан – *as busy as a cockroach*. В русском языке трудолюбие сравнивается с такими образами из животного мира, как муравей, вол, ишак, что не встречается в английских пословицах.

Концепт лень. Лень, естественно, является противоположностью таких качеств человека, как трудолюбие и усердие. Синонимичны концепту лени – нежелание работать, праздность, безделье и тунеядство.

Лень маркируется как антиценность. Праздность и бездеятельность порицаются как в английской лингвокультуре, так и в русской. Однако английская культура выражает общую идею порочности данного явления, ассоциируется с грехом. Считается, что именно лень приводит человека к бедности. Здесь также важно подчеркнуть, что в английском обществе, где одной из важнейших ценностей является богатство, быть нищим губительно, плохо и страшно. Таким образом, возникает потребность единиц различных уровней, призванных порицать праздность и агитировать человека за трудовую деятельность. Это проявляется в следующих паремиях: *A lazy man is the beggar's brother* 'Станешь лениться, будешь с сумой волочиться'; *He that will eat the kernel must crack the nut* 'Хочешь кормиться, нужно трудиться' [4, с. 241].

Народная мудрость обоих народов предостерегает, что в отличие от труда, который облагораживает человека, лень губит его. Все лучшие порывы и устремления человека чахнут в душной атмосфере лени. Именно лень не позволяет раскрыться и развиваться талантам человека: *Idleness rusts the mind* 'Лень растлевает человека'; *Труд человека кормит, а лень портит*. По словам Владимира Мономаха, «Леность есть мать всему дурному; что кто умеет, то не забудет, а чего не умеет, тому не научится» [10, с. 95].

В паремиях может проявляться и насмешливое отношение к труду,

характеризующее людей, которые не желают работать: *You can watch endlessly on three things: fire, water and the work of others* 'Бесконечно можно смотреть на три вещи: на огонь, на воду и как работают другие'.

Сравнение паремий разных этнокультур показывает, что вроде бы и культура, и уклад жизни, и определенные ценности, и даже образ мышления у англичан и русских совершенно разный, но, тем не менее, они имеют много общего, и именно это способствует их взаимопониманию и сближению.

Однако, по нашему мнению, неверным и нелогичным было бы судить об отношении к труду целой нации, беря за основу выявление отношения к труду через призму паремий. Значение труда в языковой картине этноса является лишь одной из многочисленных составляющих и, соответственно, не может отразить всей полноты ее облика. Пословицы любого народа являются всего лишь яркой иллюстрацией национальной языковой ментальности, под которой понимают «соотношение между некоторым участком мира и его языковым представлением» [12, с. 64].

Оценка всех наблюдаемых действий в паремиях происходит через призму культурных норм каждого этноса. Этот факт распространяется на языковые сущности и их восприятие конкретной языковой общностью. Наше исследование еще раз подтверждает, что неодобрительное отношение к лени является общечеловеческой универсалией, а некоторые расхождения в образном восприятии мира объясняются культурно-национальной спецификой каждого конкретного этноса.

Таким образом, мы можем говорить о наличии огромного уважения к труду в сравниваемых этнокультурах, что, безусловно, находит свое отражение в языке. И как подтверждение этому хочется привести следующую пословицу, которая является определенным выводом: *Work relieves us from three great evils: boredom, vice and want* 'Работа избавляет нас от трех больших зол: скуки, порока и желания'.

Вслед за М. А. Шолоховым, мы утверждаем, что «ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах» [13, с. 170].

Библиографические ссылки

1. Глухих В.М. Пословицы как материал для лингвистического разбора // Русский язык в школе. 2007. № 1. С. 90–96.
2. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир, 1990. №4. С. 218–226.
3. Маркелова Е.В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на

материале русских пословиц о труде и лени): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 2004. 32 с.

4. *Kuskovskaya S.* English Proverbs and Sayings. Minsk : Vysheishaya Shkola Publishers, 2007. 253 p.

5. *Коньшева А.В.* Отражение национального миропонимания в английских и русских поговорках // Картина мира через призму китайской и русской культур : сб. ст. науч.-практ. круглого стола. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. С. 84–88.

6. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М. : Эксмо, 2003. 616 с.

7. *Антонова О.Н.* Функциональные свойства поговорок: трансформирование в англоязычном дискурсе: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Москва, 2012. 20 с.

8. *Коньшева А.В.* Лингвокультурологические особенности концептов *труд/лень* в поговорках английского и русского языков // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. науч. тр. XVII Междунар. науч.-практ. конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». Томск: ТПУ, 2017. С. 35–40.

9. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Прогресс-Культура, 1997. 338 с.

10. *Дубровин М.И.* Английские и русские пословицы. М., 1998. 129 с.

11. *Коньшева А.В.* Культурологический анализ поговорок английского и русского языков с концептами *труд/лень* // Вести ин-та современных знаний. Науч.-теорет. журн. 2018. №2. С. 98–104.

12. *Маслова В.Л.* Лингвокультурология. М. : Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

13. *Шолохов М.А.* Сокровищница народной мудрости. Русское устное народное творчество о: хрестоматия по фольклористике ; под ред. Ю.Г. Круглова. М.: Высш. шк., 2003. С. 167–177.

Л.У. Кулік (Гомель, Беларусь)

САМАТЫЧНЫ КОД КУЛЬТУРЫ Ў ФРАЗЕАЛОГІІ БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ

У артыкуле на прыкладзе беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з кампанентамі-найменнямі нагі і яе частак ілюструецца культурны патэрныял саматычных лексем, устанавліваецца тоеснасць разумення і пераасэнсавання функцый гэтых частак цела носбітамі беларускай і англійскай моў і ў той жа час праз дэкадзіраванне міфалагізаваных протасітуацый у вобразнай аснове фразеалагізмаў выяўляюцца значныя нацыянальна-культурныя адрозненні іх унутранай формы.

Ключавыя словы: *саматычны код культуры, фразеалагізм, беларуская мова, англійская мова, сімвалічнае значэнне.*

Выключнае месца фразеалогіі ў працэсе выяўлення закадзіраванай у мове нацыянальна-культурнай інфармацыі абумоўліваецца яе антрапалагічным характарам, што, у сваю чаргу, тлумачыцца спецыфічнымі магчымасцямі фразеалагічных адзінак (ФА) ахопліваць амаль усе фрагменты рэчаіснасці, якія звязаны з эмацыянальным і псіхічным станамі

чалавека, а таксама яго індывідуальнымі якасцямі. Сродкам увасаблення нацыянальна-культурных асаблівасцей мовы выступае ўнутраная форма ФА, а сродкам, які ўказвае на гэтыя асаблівасці, з'яўляецца «інтэрпрэтацыя вобразнай асновы ў знакавай культурна-нацыянальнай “прасторы” дадзенай моўнай супольнасці» [1, с. 215].

Замацаваная ў ФА кожнай мовы культурная інфармацыя рэалізуецца праз сістэму кодаў. Культурныя коды – гэта «другасныя знакавыя сістэмы, якія выкарыстоўваюць розныя матэрыяльныя ці фармальныя сродкі для кадзіравання аднаго і таго ж культурнага зместу, што аб'ядноўваецца ў цэлым у карціне свету, у светаразуменні данага соцыуму» [2, с. 170], ці «сістэма знакавых цел матэрыяльнага і духоўнага свету, якія з'яўляюцца носбітамі культурных сэнсаў» [3, с. 9]. Выкарыстоўваючы розныя матэрыяльныя і фармальныя сродкі, культурныя коды «кадзіруюць адзін і той жа змест, які зводзіцца ў цэлым да карціны свету, да светапогляду дадзенага соцыуму» [3, с. 8].

Культурныя коды, з аднаго боку, суадносяцца са старажытнымі архетыпічнымі ўяўленнямі чалавека і таму з'яўляюцца ўніверсальнымі для розных культур. «Кодам культуры ў асноўнай іх частцы ўласцівы ізамарфізм, г.зн. у кожнай культуры існуе ўвесь пералічаны спектр кодаў [раслінны, зааморфны, перцэптыўны, саматычны, антрапаморфны, харчовы і інш.]» [4, с. 178–179]. З другога боку, праяўленні культурных кодаў, «удзельная вага кожнага з іх у пўнай культуры, а таксама метафары, у якіх яны рэалізуюцца, заўсёды нацыянальна дэтэрмінаваныя і абумоўліваюцца канкрэтнай культурай» [5, с. 232].

Па прызнанні даследчыкаў кагнітыўнай фразеалогіі Д.Б. Гудкова і М.Л. Каўшовай, «адным з асноўных у класіфікацыі кодаў па сваёй значнасці ва ўсіх культурна-нацыянальных карцінах свету» з'яўляецца саматычны, ці цялесны, код культуры [3, с. 115].

Саматычны код культуры – гэта «сукупнасць імёнаў і/або іх спалучэнняў, якія абазначаюць цэла ў цэлым або яго часткі і спецыфічныя для іх якасныя... і колькасныя... характарыстыкі, фізічныя і/або ментальныя інтэлектуальныя, эмацыянальныя і падобныя станы або дзеянні, позы, жэсты і віды дзейнасці, а таксама прасторавыя і часавыя іх «вымярэнні», якія нясуць у дадатак да прыродных іх якасцей функцыянальна важныя для культуры сэнсы, якія надаюць гэтым імёнам ролю знакаў мовы культуры» [3, с. 98–99].

Найменні частак цэла чалавека або жывёлы як адзінкі саматычнага кода культуры валодаюць унутранай формай, праз якую раскрываецца іх культурны сэнс. Менавіта цэла і часткі цэла чалавека «могуць разглядацца як першасная аснова канцэптуалізацыі свету» [3, с. 72].

Праілюструем культурны патэнцыял саматызмаў беларускай і англійскай

моў на прыкладзе фразеалагізмаў з кампанентамі-найменнямі нагі і яе частак.

Ногі, а таксама часткі нагі (*калена, пята*) з'яўляюцца аднымі з самых міфалагізаваных частак цела чалавека і маюць амбівалентнае значэнне. Выступаючы апазіцыяй галаве, ногі з'яўляюцца сімвалічнай апорай, ніжняй мяжой паміж «сваёй» і «чужой» прасторами і выконваюць функцыю спецыфічнага медыятара [6, с. 422], што адлюстроўваецца ў ФА беларускай мовы: *адной нагой стаяць у магіле / у труне* 'дажываць сваё жыццё, быць блізім да смерці; звычайна пра хворага ці старога чалавека'; *выбіваць глебу / грунт з-пад ног* 'ствараць каму-н. хісткае, няўпэўненае становішча, выводзіць каго-н. са стану раўнавагі' і інш. Гэты сімвалічны сэнс знаходзіць пацвярджэнне ў разнастайных беларускіх міфах, легендах і казках, дзе ногі, асабліва ступні з-за свайго набліжэння да зямлі звязаны з хтанічным пачаткам, падвяргаюцца ўздзеянню чорта, д'ябла, дэмана альбо з'яўляюцца неад'емным атрыбутам міфалагічных істот і артэфактаў. Яскравай адметнасцю хтанічных сутнасцей лічыцца іх цялесная недасканаласць. Гэтыя ўяўленні знаходзяцца ва ўнутранай форме ФА беларускай мовы: *<сам> чорт нагу / ногі зломіць* 'цяжка ці немагчыма разабрацца ў чым-н., аддзяліць адно ад другога', 'дзе-н. такі беспарадак, неразбярыха, што можна скалечыцца'; *кульгаць на абедзве нагі* 'мець значныя недахопы, хібы ў чым-н. (у ведах, падрыхтоўцы і пад.)', 'ісці дрэнна, з перабоямі, зрываючы; пра справу, работу і пад.', 'вельмі дрэнны; пра дысцыпліну, парадак і пад.'; (хата, хатка) *на курыных ножках / на курынай ножцы* 'невялікая і звычайна старая' і інш.

Існанне магчымай небяспекі для чалавека, страта ім апоры таксама тлумачыцца блізкасцю ног да зямлі: *зямля гарыць / гарэла пад нагамі* 'хто-н. у небяспечным, пагрозлівым становішчы'; *зямля паплыла з-пад ног* 'хто-н. пачынае траціць упэўненасць у сваіх сілах, у трываласці свайго службовага становішча'; *скідаць з ног* 'вымушаць падаць' і інш. У адпаведнасці з міфалагічнымі ўяўленнямі славян, а ў іх ліку і беларусаў, менавіта праз ногі ў чалавека трапляюць непрыемнасці, хваробы, сурокі ці сполахі [6, с. 422], што знайшло адлюстраванне ў ФА *наступаць на нагу* 'крыўдзіць, закранаць каго-н.; ушчымяць чые-н. інтарэсы'; *у пяткі кальнула* 'хто-н. моцна напалохаўся', 'хто-н. моцна расхвалываўся'. Каб пазбегнуць небяспекі, непрыемнасцей, альбо засцерагчы сябе ад пэўнай асобы ці нават месца, носьбіты мовы пазбягаюць дакранацца нагой да зямлі: *<і> нагі не будзе* 'хто-н. ніколі не прыйдзе куды-н., перастане быць у каго-н.; звычайна як пагроза не наведваць ці забарона наведваць каго-н.'; *нага не ступіць* 'хто-н. не з'явіцца дзе-н.' і інш.

Уяўленні пра нагу як пра сімвал апоры, мяжы паміж «сваёй» і «чужой» прасторами фіксуецца і ў англійскіх ФА з кампанентамі *foot* 'ступня, нага',

leg ‘нага’, *heel* ‘пята’: *have one foot in the grave* (дасл. – мець адну нагу ў магіле) ‘дажываць сваё жыццё, быць блізім да смерці; звычайна пра хворага ці старога чалавека’; *cut the ground from under smb.’s feet* (дасл. – выбіваць глебу з-пад ног) ‘ствараць каму-н. хісткае, няўпэўненае становішча, выводзіць каго-н. са стану раўнавагі’ і інш. Аднак у адрозненне ад беларускіх ва ўнутранай форме англійскіх саматычных ФА не выяўляюцца міфалагічныя матывы.

У моўнай карціне свету беларусаў і англічан ногі з’яўляюцца сімвалічнай заменай чалавека (бел. (як, што, чаго) *хоча / захоча левая нага / пятка* ‘(як, што, чаго) захочацца каму-н.; пра недарэчныя, безразважныя ўчынкi, дзеянні таго, хто лічыцца толькі са сваімі жаданнямі’ і англ. *all legs <and wings>* (дасл. – усе ногі <i>крылы</i>) ‘няспраўны, нязграбны высокі падлетак’) і звязаны з ідэяй яго жыццёвага шляху. Так, працэс выхавання дзіцяці можна апісаць ФА *станавіць на ногі / put smb. on one’s feet* ‘расціць, даводзячы да самастойнасці’ (2-е значэнне). Сталы чалавек асацыюецца з магчымасцю цвёрда стаяць на нагах: *станавіцца на ногі* і *be able to stand on one’s own feet* ‘пачынаць весці самастойнае жыццё, рабіцца самастойным, мужнець’ (2-е значэнне). Знямоглая старасць атаясамліваецца з паслабленнем ног: бел. *ногі неносяць* ‘хто-н. не можа хадзіць, рухацца ад стомленасці, слабасці, хваробы і пад.’ і англ. *gone at the knees* (дасл. – безнадзейны ў каленях) ‘стары; кволы’, а смерць – з немагчымасцю перамяшчэння: *выпростаць ногі* ‘паміраць’. Такая сімваліка нагі пацвярджаецца разнастайнымі фактамі культуры, у прыватнасці, абрадавай і рытуальнай практыкай: сімвалічнае «пераразанне» путаў паміж ног дзіцяці; вынас нябожчыка з дому нагамі ўперад [6, с. 425]. Апошні рытуал стаў асновай для ўтварэння ФА ў беларускай (*вынесці ўперад нагамі* ‘пахавець (нябожчыка)’) і ў англійскай мовах (<*with one’s*> *feet first / foremost* (дасл. – <з> нагамі ўперадзе) ‘уперад нагамі; у труне’).

Яшчэ адно ўніверсальнае сімвалічнае значэнне *нагі* і яе частак звязана з уладай, магутнасцю, пазбаўленнем асобы дзейнічаць свабодна [7, с. 267]: *пад пятой і under the heel* <of smb.> (дасл. – пад пятой) ‘у поўным падпарадкаванні; звычайна пра залежнасць мужа ад жонкі’; *пад пятой і at one’s feet* (дасл. – каля пяты) ‘у поўным падпарадкаванні’, ‘пад чыёй-н. уладай, пад прыгнётам’ і інш. Праз такую сімваліку ніжніх канечнасцей у ФА кадзіруюцца міжасобасныя адносіны людзей, звязаныя з іх сацыяльнай роўнасцю, напрыклад: *кланяцца ў ногі* ‘ўніжана прасіць аб чым-н.’; (ставіцца, стаяць і пад.) *на роўную нагу* ‘як роўны з роўным’; *ногі мыць і тую ваду піць* ‘бязмежна дагаджаць каму-н. у знак удзячнасці за што-н.; часцей як абяцанне’ і інш.

Вобразы пэўных беларускіх саматычных ФА характарызуюцца адметнасцю ў адносінах да англійскіх саматычных ФА. Так, у ФА *лізаць*

ногі / боты / пяты / пяткі ‘падлізвацца, падхалімнічаць’, *хадзіць на пальчыках* ‘далікатна абыходзіцца з кім-н., паддобравацца да каго-н.’ падкрэсліваецца празмернае прыніжэнне чалавека, што ўспрымаецца неадабральна і нават з пагардай. У той жа час у беларускай мове адсутнічаюць ФА, у вобразнай аснове якіх знаходзяцца ўяўленні пра бязмежную ўладу над людзьмі: параўн. англ. *have the world at one's feet* (дасл. – мець свет каля сваіх ног) ‘заваяваць агульнае прызнанне, мець бліскучы поспех’; *the iron heel* (дасл. – жалезная пята) ‘ярмо’.

Разнастайнасць семантыкі ФА з кампанентамі *naга / foot, няма / heel* звязана найперш з сімвалічнай прататыпнай функцыяй дадзеных частак цела ў жыцці чалавека – перамяшчэнне ў прасторы: *нага не ступала* і *where man has never set foot* (дасл. – дзе чалавек ніколі не ставіў нагу) ‘хто-н. не бываў, не жыў, не заходзіў куды-н. (часцей пра глухамань)’; *ні нагой* і *not set foot <somewhere>* (дасл. – не ставіць нагу <куды-н.>) ‘зусім не хадзіць куды-н., не бываць у каго-н.’, ‘зусім не выходзіць, не адлучацца адкуль-н.’; *на пятах* і *follow / tread smb.'s heels* (дасл. – ісці па пятах) ‘не адстаючы, неадступна (ісці, хадзіць, гнацца і пад.)’ і інш. Такая ўніверсальная сімвалічная функцыя нагі не абумоўлівае, аднак, абсалютнага падабенства вобразаў, якія знаходзяцца ва ўнутранай форме беларускіх і англійскіх ФА. Напрыклад, у вобразным мысленні носьбітаў беларускай мовы ногі атаясамліваюцца з сімвалічным прадметам, перамяшчэнне з дапамогай якога ажыццяўляецца незвычайным, нават немагчымым спосабам: *адна нага тут другая там* ‘вельмі хутка (збегачь, схадзіць куды-н.)’; *<браць> ногі за пояс, <браць> ногі на плечы і..., <браць> ногі ў рукі і...* – ‘як можна хутчэй (бегчы, уцякаць і пад.)’. Хуткаму перамяшчэнню ў прасторы спрыяе задзейнічанне «ўсіх» ног (*на ўсе ногі* (бегчы, кідацца, імчацца і пад.) ‘вельмі хутка, імкліва’), а таксама дапамога Бога (*давай / дай Бог ногі* ‘паспешліва пабег (пабягу), знік (знікну)’).

Новыя адценні сімвалічнасці кампаненты *нага* і *foot* набываюць у спалучэнні з ад’ектыўным кампанентам *левы / left*: бел. *не <левай> нагой смаркацца* ‘разбірацца ў чым-н. не горш за іншых, быць не пазбаўленым здольнасцей, ведаў і пад.’; *устаць з левай нагі* ‘быць у дрэнным настроі, у раздражнёным стане’; (дурны) *як бот <з левай нагі>* ‘вельмі, надзвычай (дурны)’ і англ. *have two left feet* (дасл. – мець дзве левыя нагі) ‘быць вельмі нязграбным чалавекам’. Сімволіка дадзеных ФА заснавана на архетыпічным проціпастаўленні *правы – левы*, якое, у сваю чаргу, звязана з апазіцыямі *праўда – няпраўда* (крыўда), *добро – зло*. У адпаведнасці з рэлігійнымі пісаннямі, менавіта левы бок з’яўляецца няўдачлівым, паколькі «кожны чалавек за правым плячом мае добрага духа-заступніка, а за левым – злога духа-спакусніка» [8, с. 406].

Такім чынам, аналіз ФА з кампанентамі-найменнямі нагі і яе частак

выяўляе тоеснасць разумення і пераасэнсавання функцый гэтых частак цела носьбітамі беларускай і англійскай моў. У той жа час у беларускай і англійскай мовах назіраюцца значныя нацыянальна-культурныя адрозненні ўнутранай формы саматычных ФА, што выяўляюцца праз дэкадзіраванне міфалагізаваных протасітуацый у іх вобразнай аснове. Гэта наглядна дэманструе прыклад у наступнай табліцы:

Табліца

Нацыянальна-культурныя адрозненні ўнутранай формы саматычных ФА

Беларуская мова	Англійская мова
Нага (найменні яе частак) – мяжа; медыятар	
<i>Адной нагой стаяць у магіле / у труне</i> ‘дажываць сваё жыццё, быць бліжкім да смерці; звычайна пра хворага ці старога чалавека’	<i>Have one foot in the grave</i> (дасл. – мець адну нагу ў труне) ‘дажываць сваё жыццё, быць бліжкім да смерці; звычайна пра хворага ці старога чалавека’
Нага (найменні яе частак) – апора	
<i>Выбіваць глебу / грунт з-пад ног</i> ‘ствараць каму-н. хісткае, няўпэўненае становішча, выводзіць каго-н. са стану раўнавагі’	<i>Cut the ground from under smb.'s feet</i> (дасл. – выбіваць глебу з-пад ног) ‘ствараць каму-н. хісткае, няўпэўненае становішча, выводзіць каго-н. са стану раўнавагі’
Нага (найменні яе частак) – чалавек	
<i>(Як, што, чаго) хоча / захоча левая нага / пятка</i> ‘(як, што, чаго) захочацца каму-н.; пра недарэчныя, безразважныя ўчынкі, дзеянні таго, хто лічыцца толькі са сваімі жаданнямі’	<i>All legs <and wings></i> (дасл. – усе ногі <і крылы>) ‘няспраўны, нязграбны высокі падлетак’
Нага (найменні яе частак) – улада, магутнасць	
<i>Клянязца ў ногі</i> ‘ўніжана прасіць аб чым-н.’	<i>The iron heel</i> (дасл. – жалезная пята) ‘ярмо’
Нага (найменні яе частак) – інструмент перамяшчэння ў прасторы	
<i>Адна нага тут другая там</i> ‘вельмі хутка (збегаць, схадзіць куды-н.)’	<i>Stretch one's legs</i> (дасл. – выцягваць ногі) ‘прагуляцца’

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

288 с.

2. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М.Л. Ковшова. М. : Либроком, 2012. 456 с.

3. *Гудков Д.Б.* Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

4. *Пименова М.В.* Принципы категоризации и концептуализации мира / М.В. Пименова // *Studia Linguistica Cognitiva* / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов ; редкол. : В.А. Виноградов [и др.]. Вып. 1. Язык и познание : методол. проблемы и перспективы. М., 2006. С. 172–186.

5. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. М. : Гнозис, 2002. 282, [1] с.

6. *Агапкина Т.А.* Нога / Т.А. Агапкина, Л.И. Виноградова // *Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 3 : [К–П]. 2004. С. 422–427.*

7. *Словарь символов и знаков : Широчайший спектр символики в искусстве и мифологии: сюжеты и явления в символах / авт.-сост. Н.Н. Роголевич. Минск : Харвест, 2004. 512 с.*

8. *Бирих А.К.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб. : Фолио-Пресс, 2001. 704 с.

Т.Ф. Сухощая (Мінск, Беларусь)

ЭКЗІСТЭНЦЫЯЛЬНЫ ЗМЕСТ ПАРЭМІЙ СЯЛЯН У КНІЗЕ ЯЎСТАФІЯ ТЫШКЕВІЧА «АПІСАННЕ БАРЫСАЎСКАГА ПАВЕТА»

У артыкуле выяўляюцца сэнсы чалавечага існавання ў парэміях сялян у кнізе Яўстафія Тышкевіча «Апісанне Барысаўскага павета». Праз раскрыццё сэнсаў фальклорнай аксіялогіі спасцігаюцца духоўныя асновы быцця селяніна. Сцвярджаецца, што экзистэнцыяльны змест прыказак і прымавак прасякнуты інтэнцыйнай самазахаваннем жыцця ў чалавечых формах яго існавання.

Ключавыя словы: *экзистэнцыяльны, быццё, каштоўнасці, маральны імператыў, віталізм.*

Дэструкцыя духоўнай сутнасці чалавека, культурнай традыцыі, дабра, прыгажосці, ісціны стала відавочнай у сучаснай цывілізацыі. Абясцэньванне быцця выклікала невядомы раней катастрафічны крызіс асобы. Духоўная дэградацыя чалавецтва пазначана нарастаючым ростам псіхопаталогій, суіціднай актыўнасці, насілля ў грамадстве. Татальнай адметнасцю грамадства XXI стагоддзя становіцца немагчымасць спалучэння рэаліяў эпохі з першапачатковым сэнсам быцця. Большасць сучасных людзей няздольны зразумець сэнс свайго жыцця. У акрэсленай сітуацыі зварот да сэнсавых ёмкасцяў народнай вербальнай культуры дазволіць выявіць глыбінныя сэнсы чалавечай экзистэнцыі і перасэнсаваць

каштоўнасна-маральныя прыярытэты жыццядзеяння асобы: чалавек сам павінен надаваць сэнс свайму жыццю і тварыць сваю духоўнасць праз сітуацыю выбару і вольнага рашэння.

У семантыцы вербальнай мовы, якая з'яўляецца ўніверсальным сімвалам усіх відаў кагнітыўнай дзейнасці, адлюстравана адметнасць чалавечага існавання. Багацце сістэмы духоўных каштоўнасцяў беларусаў зафіксавана ў парэміях, у якіх выразна выяўлена адметнасць народнага светапогляду. Прыказкі і прымаўкі вызначаюцца як малыя жанравыя формы з багатай змястоўнасцю і запатрабаванасцю ва ўсіх сферах чалавечай дзейнасці. У іх зафіксавана культурная памяць беларусаў: традыцыі і звычаі, вераванні, мары і забабоны, гістарычныя і паўсядзённыя бытавыя рэаліі. Метафарычнасць, экспрэсіўнасць, дыдактычнасць беларускіх прыказак і прымавак больш выразна акрэсліваюць іх экзистэнцыяльны змест. З пазіцыі народнага светапогляду высока ацэньваецца чалавечы розум і дасціпнасць, выразнае слова.

Вялікая заслуга ў даследаванні парэмій належыць Канстанціну і Яўстафію Тышкевічам, якія былі прадаўжальнікамі традыцыі шляхты ў вывучэнні народнай культуры: Саламон Рысінскі («Польскія прымаўкі», 1618 г.), І. Насовіч, М. Федароўскі, А. Кіркор (XIX ст.). Фундаментальнае даследаванне Я. Тышкевіча «Апісанне Барысаўскага павета» (1847 г.) можна лічыць адзінай навуковай этнаграфічнай манаграфіяй у першай палове XIX ст., бо «на прыкладзе толькі аднаго беларускага павета вопытны даследчык стварыў панараму духоўнага жыцця народа» [1, с. 218]. У працы скурпулёзна апісваюцца каляндарныя святы, вяселле, культ ушанавання продкаў, прадстаўлены багаты збор малых фальклорных формаў: казак, паданняў, прымхаў, забабонаў і інш. Несумненную навуковую зацікаўленасць выклікае раздзел «Прыказкі люду з Беразіны», які змяшчае каля 450 тэкстаў. Пасля выхаду «Апісання Барысаўскага павета» Я. Тышкевіч папаўняў свае фальклорныя запісы. У 1850 годзе з'явілася яго падборка прыказак і прымавак ў «Bibliotece Warszawskiej» з кваліфікаванымі каментарыямі да іх, што сведчыць пра навуковую значнасць прац фалькларыста. Я. Тышкевіч першым у гісторыі фалькларыстыкі зрабіў класіфікацыю прыказак і даў каментары да большасці іх.

Прыказкі і прымаўкі з'яўляюцца знакамі пэўных сітуацый або пэўных адносін паміж рэчамі, таму галоўнае ў іх тое, што яны абазначаюць, а не знешняя вобразнасць. Парэміі – складаныя знакі або камбінацыі знакаў, якія існуюць у жывой гутарковай мове і літаратуры. Калі парэмія невядома гаворачым, то яна не можа служыць знакам. Гэта адзначаў яшчэ У. Даль, гаворачы пра прыказку як рэч, якую зразумелі. Нацыянальныя парэміі нараджаюцца ў выніку асэнсавання неабходнасці знайсці знакавае

выражэнне для вызначаных падзей, сітуацый, фактаў, рэалій.

Мяркуючы па выказваннях, дадзеных аўтарам перад раздзелам прыказак, Я. Тышкевіч высока цаніў мудрасць, акумуляваную ў іх, лічыў, што яны паказваюць разнабаковасць розуму народа, выяўляюць светапогляд людзей, іх шляхетнасць (культурнасць). Даследчык адзначаў выключную ролю іх выхаваўчага патэнцыялу ў фарміраванні асобы.

Ва ўмовах прыгону, русіфікацыі і дэнацыяналізацыі, якія былі пануючымі ў беларускім грамадстве пад апекай ідэалогіі заходне-русізму ў XIX стагоддзі, пры несфарміраванай нацыянальнай ідэнтычнасці беларусы «выпадалі» з грамадскай арганізацыі і грамадскай свядомасці, таму ў парэміях выразна выяўляюцца суб'ектыўныя перажыванні адчужэння асобы ад знешняга свету: пачуццё апатыі, адзіноты, раўнадушша, страху, успрыняцце свету як варожага чалавеку: *Нашы дзяды не зналі бяды, але ж унукі набраліся мукі; Не даясі, і карэту прадае; Век жыць, не мех шыць; Не так скоро стане добра, як блага; Трэба так жыць, як з твайго калодзежа набяжыць; Круці не круці, трэба ўмярці; Чужая болька людзям смех; Доля прымацкая, сабацкая*¹⁷ [2].

Не багата прадстаўлены Я. Тышкевічам прыказкі гістарычныя, што абумоўлена, як сцвярджае аўтар, слабой актыўнасцю простага народа ў палітычным жыцці. Аднак неабходна разумець, што гэта – вынік разбурэння беларускай культурнай прасторы дзеяннямі самадзяржаўя. Тым не менш у культурнай памяці ўвекавечыліся найбольш значныя гістарычныя падзеі і асобы: *Як быў Сас, было хлеба з нас; За Саса, было хлеба і мяса; Настаў Панятоўскі, стаў хлеб нетакоўскі* (узгадваецца Станіслаў II Аўгуст Панятоўскі – апошні кароль Рэчы Паспалітай (1764–1795); Сас – яго папярэднік) [2].

Як і ў творах іншых фальклорных жанраў, у прыказках і прымаўках адлюстраваліся сацыяльныя адносіны паміж сялянамі і панамі ў часы прыгону: *Прасіў пан на талаку, не прыйдзеш, за лоб навалаку; Ласка панская толькі да парога; Пань дзяруцца, мужыкам чупрыны трасуцца* [2]. Шырока прадстаўлены «прыказкі абяздоленых», у якіх галоўнай прычынай сялянскіх пакут у жыцці выступае несправядлівы сацыяльны лад: *Свет вялікі, ды дзецца няма дзе; Чаго б сляпы плакаў, каб сцежку бачыў* [2].

Неабходна падкрэсліць пазіцыю Я. Тышкевіча, які імкнуўся паказаць характэрнае, вобразнае, семантычнае багацце народнай культуры, выступае прыхільнікам ідэі кансалідацыі грамадства, паразумення паміж панамі і сялянствам, што пацвярджаецца наяўнасцю наступных прыказак: *Пан наш, а мы панскія; Свой пан і накарае, і пашкадуе* [2].

¹⁷ Тут і далей пераклад аўтара на сучасную беларускую мову.

Несумненна ў фальклоры закладзены вялікі гнасалагічны вопыт, які скіраваны на пашырэнне далягляду светаўспрымання чалавека, на неабходнасць духоўнага самасцвярджэння і самавыражэння: *Не ўвесць свет у вакне; Хлеб еш, а праўду рэж; Лыкам чалавека не мерай* [2]. У малых фальклорных формах, якімі і з'яўляюцца парэміі, сканцэнтравана духоўная энергія для прарыву і выйсця з гістарычнага нябыту. Сэнсы фальклорнай аксіялогіі не знікаюць у працэсе культурнай дынамікі – яны захоўваюць першапачаткова гамінізуючы змест і агульныя ўласцівасці культурнага працэсу. Экзістэнцыяльны змест прыказак і прымавак прасякнуты інтэнцыяй самазахавання жыцця ў чалавечых формах яго існавання праз сакральныя вобразы мацярынства, зямлі, хаты: *Узяў дзіця за руку, матку за сэрца; Свая хатка, як родная матка; Не слаўна хата вугламі, а пірагамі* [2].

Вызначальным у народнай культуры з'яўляецца культ радзіны, сям'і. Стасункі паміж яе членамі рэгулююцца традыцыйнымі нормамаі: *Дзе многа на куце сядзіць, там мыш мусіць галоднай быць* [2]. Шмат прыказак прысвечана выяўленню месца і ролі жанчыны ў сям'і і сялянскай грамадзе. Большасць парэмій прасякнута гумарам, сатырай: *Любі жонку, як душу, а трасі, як грушу* [2].

Прыказкі з'яўляюцца важнымі складнікамі календарна-земляробчага тыпу культуры. У іх адлюстравалася аграрны вопыт селяніна: *Калі на Св. Пятра пойдзе дождж, будзе жыта як хвошч; Ад Каляд тры разы пяць, пастушкі ў полі ліняць* (ад нараджэння Божага адлічыць 15 тыдняў – і можна выводзіць хатнюю жывёлу на луг) [2]. Беларускі народ ярка выказаў у сваіх парэміях адносіны да працы, якую ён славіць, а ганьбіць бяздзеянасць: *Без працы, не есць калачы; Што летам ножкай коп, то зімой ручкай хоп!* [2]. Па стаўленню да працы ацэньваецца годнасць чалавека: *Ні чытаць, ні пісаць, а толькі з гаршкоў чарпаць* [2]. Прысутнічае невялікая колькасць прыказак пра традыцыйны супольнай працы: *Адзін і ў кашы не спорны* [2].

Развіццё творчых здольнасцяў асобы абумоўлена ўзроўнем культуры ўсяго грамадства, яго ўстаноўкай на сцверджанне тых ці іншых культурных каштоўнасцяў. Важнай экзістэнцыяльнай праблемай з'яўляецца імкненне чалавека да рэалізацыі свайго творчага патэнцыялу: *Не кайся рана ўстаўшы, замаладу ажаніўшыся; Ранняя птушка зубкі цярэбіць, позняя вочкі* [2]. Выразна асуджаецца бяздзеянне: *Калі не каркала варона ўгару летучы, то ўніз і пагатоў; Адклад не ідзе ў лад* [2]. Выяўляецца ў прыказках сялян і пачуццё этэтычнага густу: *Прыбяры пень, і пень харошы* [2]. Тэксты парэмій сведчаць пра высокі ўзровень культуратворчасці селяніна.

Экзістэнцыяльныя сэнсы парэмій выяўляюцца праз адметнасць разумення самога чалавека і спасціжэнне сутнасці яго быцця: дзеля чаго жыве чалавек, якое месца ён займае ў свеце, які жыццёвы шлях ён выбірае? Пазнанне адбываецца праз вопыт грамады і свой уласны: *Лысае жарабя*

ўрадзілася, лысае і здохне; Добры чалавек: што ўкусіць, то з'есць; Не кажы гоп, не пераскочыўшы; Калі заб'еш бабра, не будзеш мець добра; На благога чалавека хлебам кідай; Круцячы свет пройдзеш, ды назад не вернешся; У чужым касцэле свечак не напраўляй [2]. Сапраўдная каштоўнасца-сэнсавая аснова быцця з'яўляецца і асновай цэльнасці асобы селяніна.

Вярбальная народная культура праз малыя фальклорныя формы яскрава адлюстравала вітальныя інтэнцыі беларуса: *Асінка чырванее, дзяцюк шалее; Не да солі, калі іграюць на басолі; Чаму не шалець, калі прыступае* [2].

Вялікае значэнне ў «Апісанні Барысаўскага павета» надаецца рэлігіі як магутнаму сродку выхавання і суцэснення народа, адзначаецца набожнасць беларусаў: *Перад Богам усе мы роўныя; Над сіратой Бог з каліто; Калі трывога, уцякай да Бога* [2]. У «Прыказках пра навуку жыцця» Я. Тышкевіч маральнасць звязвае з розумам, а не толькі з рэлігіяй.

У парэміях сялян крытэрыям годнасці чалавека, яго аўтарытэту ў людскай грамадзе выступае маральны імператывы: *Добраё чуваць далёка, а благое яшчэ далей; Ня плюй у ваду, бо прыйдзеш напіцца* [2]. Фармулюецца асноўны закон супольнага пражывання селяніна: не за кошт страт для іншых прыдбаць уласнае дабро. Негатыўна ўспрымаюцца і ацэньваюцца такія рысы характару, як хітрасць, ганарлівасць, пагардлівасць, асуджаецца зладзейства: *Раз украў, на цэлы век дарогу сабе замараў* [2]. Закранаецца і праблема п'янства: *Як п'ян, капітан; як праспіцца, то і свінні байца; Моц божая! Я ад плоту, а яна да плоту* [2].

У гандлёвых прыказках адзначаецца адметнасць разумення сялянамі гандлю, для паспяховага вядзення якога неабходны такія рысы як спрыт, дасціпнасць, назіральнасць: *За морам вол па грошу; Ката ў мяху не купляюць; Першаго торгу не мінай* [2].

Такім чынам, вялікі гнасеалагічны вопыт беларускай народнай культуры выявіў не толькі трагізм чалавечага існавання ў свеце, але і сцвердзіў радасць зямнога існавання. Экзістэнцыяльны змест народнай філасофіі, зафіксаваны ў парэміях сялян Барысаўшчыны, прасякнуты пачуццём абавязку перад жыццём, удаканальваннем чалавечага роду. Патэнцыял народнай культуры з яе ачышчальнай, аздараўленчай, жыццятворнай сілай неабходна выкарыстоўваць ў пераадоленні бездухоўных і дыструктыўных праўленняў сучаснай цывілізацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Каханюўскі Г.А., Малаш Л.А., Цвірка К.А.* Беларуская фалькларыстыка: Эпоха феадалізму / Г.А. Каханюўскі, Л.А. Малаш, К.А. Цвірка. Мінск, 1989. 286 с.

2. *Tyszkiewicz Hr.E.* Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, gospodarczym, hremyslowo-handlowym i lekarskim: z dod wiadom: o obyczajach, spiewach, przyslowiach i uborach ludu, guslach, zabobonach i t. d. / E. Tyszkiewicz. Wilno : Drukarnia Ant. Marcinowskiego, 1847. 489 s.

РАЗДЕЛ VII

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦЫФІКА МАЎЛЕННЯ І ДЫСКУРСУ. МОЎНАЯ ПАЛІТЫКА

В.М. Ганеева (Мінск, Беларусь)

ІМПРЭКАТЫВЫ І ДЭЗІДЭРАТЫВЫ Ё БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ, АБО ЯК ПАЖАДАЦЬ ДАБРА І НАСЛАЦЬ ЛІХА

У артыкуле разглядаюцца кагнітыўна-маўленчыя тактыкі субзоны аптатыўнасці (імпрэкатывы і дэзідэратывы), якая выступае складнікам рэфармацыйнай мадальнасці, вядомай таксама як мадальнасць волевыяўлення. Супастаўляльны характар даследавання дазваляе вылучыць структурныя і семантычныя асаблівасці функцыянавання пракляццяў і пажаданняў у беларускай і англійскай лінгвакультурах.

Ключавыя словы: *імпрэкатывы, дэзідэратывы, волевыяўленне, субзона аптатыўнасці, праклёны, замовы, пажаданні, лінгвакультуралогія.*

Эмацыйныя перажыванні чалавека знаходзяць сваё адлюстраванне ў яго моўных паводзінах. Калі нехта крыўдзіць нас або абыходзіцца несправядліва, хочацца зрабіць бачным нашу рэакцыю для крыўдзіцеля, і пакуль ніякія дзеянні для нас немагчымыя апроч за вербальныя, мы звяртаемся да моўных выказаў, падсвядома спадзеючыся на магічную функцыю мовы, згодна з якой ужо адно прамаўленне праклёну зможа «адпомсціць» ворагу. Вера ў гэтую ж функцыю (якая трансфармавалася часткова ў моўны этыкет) прымушае нас казаць пажаданні добра і шчасця, віншаванні ў адрас дарагіх людзей.

Увага нашага артыкула звернута да эматыўных выказаў беларускай і англійскай моў з мэтай устанаўлення іх структурных, семантычных і лінгвакультуралагічных асаблівасцей.

Імпрэкатывы (ад лац. *imprecatio* 'пракляцце') і дэзідэратывы (ад лац. *desideratio* 'жаданне') адносяцца да субзоны аптатыўнасці. Згодна з прапанаванай намі канцэпцыяй рэфармацыйнай мадальнасці, семантычным ядром якой выступае волевыяўленне і наяўнасць альтэрнатыўных сусветаў, аптатыўнасць з'яўляецца адной з трох яе субзон, разам субзонамі імператыўнасці і інтэнцыянальнасці. Нагадаем, што акрамя імпрэкатываў і дэзідэратываў субзона аптатыўнасці ўключае наступныя кагнітыўна-маўленчыя тактыкі:

- аптатыў (агульнае жаданне, S хоча (каб) X),
- тымітыў (S баіцца (што) X),
- сператыў (S спадзяецца (што) X).

Да **імпрэкатываў** мы адносім кагнітыўна-маўленчыя тактыкі злопажаданняў і пракаляцці, калі моўца выказвае пажаданне адрасату, згодна з якім з ім мусіць здарыцца нешта кепскае: *S хоча (каб) нешта кепскае X*

Імпрэкатывы ў беларускай мове могуць мець рознае сінтаксічна-граматычнае ўвасабленне, сярод якіх:

- Канструкцыі са злучнікам *каб* (*бадай*):

a) *каб* Adr(N_{dat}) SV_{past} – *Каб табе моль пяты набіла.*

b) *каб* Adr(N_{dat}) OV_{past} – *Каб яму галаву адкруціла;*

c) *каб* Adr(N_{dat}) V_{past} – *Каб табе праваліцца, нячыстая сіла!*

d) *каб* Adr(N_{nom}) V_{past} – *Каб ты скруціўся. Каб вы марне прапалі, як Марцінавы боты. Бадай ты праваліўся.*

e) *каб* Adr(N_{gen}) SV_{past} – *Каб цябе нуда з'ела. Каб цябе маці купуючы ўтаніла.*

f) *каб* Adr(N_{gen}) V_{past} – *Каб цябе распёрла. Каб цябе па сцежках кідала.*

- Канструкцыі з *няхай* (*хай*):

a) *няхай* Adr(N_{dat}) SV_{fut/pres} – *Няхай табе зубы будуць лішнімі. Няхай табе пуза на язык лезе.*

b) *няхай* Adr(N_{gen}) SV_{fut/pres} – *Няхай цябе чэрві апануюць. Хай яго халера ўдушыць.*

– Канструкцыі з імператывам (з асабовым займеннікам і без): *Ідзі ты ў вір. Здубяней ты. Апухні ты. Захлыніцеся. Закаціся жаркім сонцам пад кустом. Май бяды даволі, а дабра ніколі. Падавіся.*

– Канструкцыі, дзе дзеяслоў ужыты ў імператыўнай форме адзіночнага ліку разам з аб'ектам, на які насылаецца праклён: *Выверні табе пяткі. Лопні твае вочы. Мазгі табе высахні. Вырві табе язык. Ламі яго галава.*

– Бездзеяслоўныя канструкцыі: *Соль табе ў вочы. Скулу табе на язык. Калюк табе ў живот. Зубы табе вон. Дух з цябе вон. Сабацы сабачыя смерць.*

– Канструкцыі з *лепей/лепш* (*бы*) нешта было X, чым ёсць Y: *Лепш бы яго як найхутчэй забілі дзе. Эх, Якуб, Якуб, лепш бы цябе расстралялі тады, у сорок першым. Мо хто б лепшы выжыў.*

– Пытальныя сказы кшталту: *Нашто ж я цябе на свет нарадзіла? Чаму ж я цябе ў начовачках не ўтаніла?* Пра гэты сінтаксічны від пракаляццяў піша і М.І. Канюшкевіч [1, с. 167].

Разгледзеўшы імпрэкатывы, мы вылучылі некаторыя заканамернасці адносна таго, што жадаецца адрасату. Большасць праклёнаў датычыцца

здароўя, дабрабыту і жыцця. Адрасатам імпрэкатываў часцей за ўсё выступае іншая асоба, але ёсць і так званыя праклёны-прысягненні, калі моўца скіроўвае пажаданне кепскага да сябе, бо хоча засведчыць праўду: *Каб я выцягнуўся ўдоўж лавы, коль гэта няпраўда. Калі няпраўду кажу, то праваліся пада мною зямля.* Асобна вылучаюцца адкляці [2, с. 18] – праклёны, абярнутыя для абароны: *Клянi – сабе бяры. Каб твае кляты на сухі лес.* Яшчэ адной асаблівасцю беларускіх праклёнаў, якую адзначала А.І. Яновіч, выступае наяўнасць дзвюх прэдыкатыўных канструкцый [3, с. 57], калі моўца як бы прадстаўляе злы ўчынак, які быў яму зроблены іншым і зычыць таго ж свайму крыўдзіцелю, што сігналізуе пра важнасць прынцыпу «зуб за зуб» у народным уяўленні пра справядлівасць: *Абрахаў ён мяне, каб ён, Бог даў, на поле і лесу бегаючы брахаў. Каб таго ў магілу выцягнула, хто мае грошы выцягнуў.*

Для імпрэкатываў у англійскай мове характэрны наступныя структурныя рысы:

– Канструкцыі з мадальным дзеясловам *may*. Сказы такога кшталту маюць інверсійны парадак слоў, не маюць пыталнай і адмоўнай форм і форм прошлага часу: *May you never have a hearth to call your own. May the devil take your last shilling. That you may scratch a beggarman's back one day. May the gates of paradise never open to you.*

– Бездзеяслоўныя канструкцыі з формулай «нешта, што зычыцца, і адрасат»: *Bad luck to you! The crows' curse on you.*

– Канструкцыі з дзеясловам у форме кан'юнктыва цяперашняга часу (Subjunctive I): *Ants and spiders be in your marriage bed.*

– Імператыўныя канструкцыі: *Go to hell!*

Дэзідэратывы – гэта тактыкі, пры якіх моўца выказвае пажаданне, каб з адрасатам адбылося нешта станоўчае, бенефактыўнае: *С хоча (каб) нешта добрае Х.*

Дэзідэратывы, як і імпрэкатывы, выкарыстоўваюць розныя канструкцыі, сярод якіх:

– Канструкцыі са злучнікам *каб/бадай/няхай/хай*: *Дай жа божа, каб усё было гожа, каб здаровы былі ды багаты ды гаршком грошы мералі; Бадай цябе ліха мінула. Няхай цябе бог любіць. Хай табе ічасціць у працы.*

– Канструкцыі з прыназоўнікам за ў спалучэнні з адпаведным аб'ектам пажадання: *Першы тост – за вас! За вас і за цудоўны месяц, які ў нас наперадзе! У кампаніі каітана і вечара я п'ю за тваё цела;*

– Канструкцыі з імператывам: *Будзь багаты, як зямля. Вялікі расці, добра гадуйся.*

– Бездзеяслоўныя канструкцыі: *Малочна вам! З вядро качаны. Спор у працу!*

– Канструкцыі з аптатыўнымі дзеясловамі, якія выступаюць як перфарматывы *жадаць, зычыць*: *Жадаю ад сэрца вам усякага шчасця. Зычу табе цэлага сэрца. Я зычу вам таго, чаго сабе жадаю.*

– Канструкцыі з выразам *дай бог*: *Дай бог здароўя. Дай, божа, у добры час пачаць.*

Дэзідэратывы, добрыя зычэнні, з’яўляюцца даволі сітуацыйнымі. Так, у беларускай традыцыйнай культуры можна сустрэць выразы, якія адпавядаюць розным акалічнасцям: пры зборы ў дарогу: *Гладкае вам дарожкі*, пры наведванні хворага: *Бадай табе палепшыла*, пры сустрэчы з рыбаком: *Клёў на рыбу*, жанчыне, што збівае масла: *Комам масла*, пры пахаванні, на хаўтурах: *Каб яму зямля пяром*. Сюды ж можна ўключыць і так званыя зычэнні-засцярогі [2, с. 13]: *Дай, божа, у добры час гаварыць, у благі маўчаць. Не проці ночы кажучы. Няхай бог крые.*

Дэзідэратывы ў англійскай мове як і імпрэкатывы маюць свае структурныя асаблівасці і могуць ужывацца згодна з адпаведнай камунікатыўнай сітуацыяй (вяселле, хаўтуры, пажаданні ў дарогу і г.д.):

1) Канструкцыі з мадальным дзеясловам *may*: *May God grant you happiness!* ‘Хай Бог дасць табе шчасця’. *May you see him/her in heaven* (пра нябожчыка). *May you know nothing but happiness from this day forward*. ‘Не ведайце нічога апроч шчасця з гэтага дня’.

2) Канструкцыі з кан’юнктывам цяперашняга часу (Subjunctive I): *Heaven help them!* ‘Памажыце ім нябёсы’.

3) Імператыўныя канструкцыі: *Have a good rest!* ‘Добра адпачыць’.

4) Бездзяяслоўныя канструкцыі: *Long-life and fair health to you. My congratulations on your wedding anniversary!* ‘Мае віншаванні з гадавінай вяселля’.

5) Канструкцыя *here's to*, тыповая пры прамаўленні гостаў: *Here's to our wives and girlfriends*.

6) Канструкцыя з аптыгаўным дзеясловам у ролі перфарматыва: *We wish you a merry Christmas*.

З лінгвакультуралагічнага пункту гледжання да імпрэкатываў і дэзідэратываў адносяцца замовы, якія «валодаюць чароўнай або гаючай сілай» [4, с. 219].

У беларускай мове існуе некалькі лексем, якія ўжываюцца для абазначэння замоў: *шэпты, шаптанні, словы, малітвы, чары, замаўлянні, нагаворы, прысушкі, адсушкі* і інш. «Замовы – гэта праявічныя (часам рытмізаваныя творы) формульнага характару (або слоўныя формулы), якім прыпісвалася сіла магічнага ўздзеяння» [5, с. 6].

У англійскай мове таксама існуе шэраг лексічных адзінак для абазначэння замоў: *charm*, якое было запазычана з французскай мовы і паходзіць ад лацінскага *carmen* ‘спяваць’, мае наступнае тлумачэнне ў

Оксфардскім слоўніку: *an object, act, or saying believed to have magic power* ‘аб’ект, дзеянне ці выказванне, якое лічылася магічным’. У старажытнаанглійскай мове ўжываліся варыянты *galdor, gaeldor*, якія абазначалі ‘песня, спевы’. Іншымі лексемамі для выражэння значэння замоваў выступаюць: *incantation, spell, enchantment* і інш.

Англійскі фальклор мае карані ў кельцкай міфалогіі плямёнаў, якія засялялі Англію ў да-рымскія часы (брыты і іншыя), і ў германскай міфалогіі плямёнаў, якія засялялі востраў падчас Вялікага перасялення народаў (англы, саксы, юты). Пазней, вялікі ўплыў на фарміраванне англійскага фальклору аказалі легенды і павер’і кельцкіх народаў, з якімі гістарычна англічане пастаянна кантактавалі, у першую чаргу, валійцаў. Пэўны ўплыў аказаў скандынаўскі і французскі фальклор, прынесены пасля нармандскага заваявання Англіі. Аднак, у адрозненне ад беларускага корпусу замоў, англійская традыцыя не можа пахваліцца такім багатым архівам [6, с. XXIII]. У той жа час даследчык Дж. Ропер стварыў базу англійскіх замоў (2005 г.) і прапанаваў распрацаваць міжнародны паказчык замоў.

Асноўнымі ізаморфнымі характарыстыкамі структурнай будовы замоў беларускай і англійскай моў выступаюць наступныя:

1. Параўнанні: *Wen, wen, little wen, Shrivel like a coal on the hearth, Shrink like slime on the wall, Waste away like water in a bucket. Become as little as a grain of linseed*. ‘Тлушчак, тлушчак, тлушчачак, знікай як вугаль у печцы, высыхай як глей на сцяне, высыхай як вада ў вядры, рабіся маленькім як ільняное зернейка’. *Як сонца і месяц на ўвесь свет свеціць, так каб я была на ўвесь свет міла і любя*.

2. Загад або просьба (зварот да хваробы ці вышэйшых сілаў: духаў, з’яў прыроды, цудоўных памочнікаў, Бога): *Чарвяк белы, рудая галава, не тачы ярага зуба. Ідзі ў чыста поле, у чыстым полі сядзь. Насвенчая Матка, стань на помашч, і дух мой. Sit you, women of victory, sink to earth! You shall never fly wild to the wood. Be you so considerate of my case* ‘Сядзьце, пераможніцы, апусціцеся да зямлі! Ніколі вам не ляцець няўрымсліва ў лес. Уважліва пастаўцеся да майго выпадку’.

3. Паўторы (лексічныя і сінтаксічныя), пры дапамозе якіх узмацняецца магічны эфект: *Remember, Mugwort, what you revealed [...], You were called Una, oldest of herbs, power against three and against thirty, power against poison and against venom, power against the enemy who travels over the earth*. ‘Памятай, Палын, што ты выўяляеш [...], Цябе назвалі Уна, старэйшай з зёлак, сілай супраць трох і супраць трыццаці, сілай супраць атруты і супраць яду, сілай супраць ворага, што па зямлі ходзіць’. *Каўтун, каўтуніца, плячны, ручны, галаўны. Ці ты ў вачах, ці ты ў плячах, ці ты ў грудзях, ці ты спаткаўся, ці ты злякаўся, ці ты з падбегу, ці ты з падвею, ці ты з перапалоху, ці ты з перажывання?* [...].

Формулы немагчымасці з'яўляюцца славеснымі магічнымі сродкамі, пры дапамозе якіх выказваецца жаданне дасягнуць канкрэтнай мэты (каб хвароба скончылася, каб дэман сышоў, каб збожжа расло і г. д.). Часта яны прадстаўлены ў выглядзе паралельных структур, такіх як параўнанні ці метафары, калі адно дзеянне можа адбыцца па аналогіі з іншым (хай X адбудзецца як Y), што з'яўляецца найбольш распаўсюджанай формулай замоў ва ўсім свеце [7, с. 27].

Супастаўляючы кагнітыўна-маўленчыя тактыкі субзоны аптатыўнасці адзначым, што ў дзвюх даследаваных мовах імпрэкатывы і дэзідэратывы адзначаны высокай ступенню канвенцыянальнасці і сітуацыйнасці. Злопажаданні і пажаданні добра шмат у чым захавалі рысы функцыянавання мовы ў больш старажытны перыяд і ілюструюць асаблівасці аперавання носбітамі моўных структур у дачыненні да рэальнасці. Важна адзначыць, што імпрэкатывы і дэзідэратывы выкарыстоўваюць адны і тыя ж канструкцыі для перадачы супрацьлеглых значэнняў у беларускай і англійскай мовах. Як у беларускай, так і ў англійскай мовах ужываюцца бездзеяслоўныя канструкцыі і форма імператыва для перадачы значэння імпрэкатыва і дэзідэратыва (гл. табл. 1 і 2).

Табліца 1

Канструкцыі беларускай мовы для перадачы імпрэкатыва і дэзідэратыва значэнняў

Тып канструкцыі \ Тактыка	Імпрэкатыв	Дэзідэратыв
Канструкцыя з <i>каб</i>	+	+
Канструкцыя з <i>хай/няхай</i>	+	+
Імператыв	+	+
Бездеяслоўная канструкцыя	+	+
Пытальная канструкцыя	+	-
Канструкцыя з аптытаўным дзеясловам у ролі перфарматыва	-	+
Канструкцыя <i>лепш X чым У</i>	+	-
Канструкцыя з <i>дай бог</i>	-	+
Канструкцыя з прыназоўнікам <i>за</i>	-	+

Табліца 2

Канструкцыі англійскай мовы для перадачы імпрэкатыўнага і дэзідэратыўнага значэнняў

Тып канструкцыі	Тактыка	Імпрэкатыў	Дэзідэратыў
Канструкцыя з <i>may</i>		+	+
Бездзеяслоўная канструкцыя		+	+
Імператыў		+	+
Канструкцыя з Subjunctive I		+	+
Канструкцыя з аптыгаўным дзеясловам у ролі перфарматыва		-	+
Канструкцыя з <i>here is to</i>		-	+

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Конюшкевич М.И.* Проклятия в речевом поведении белорусов / М.И. Конюшкевич // *Etnolingwistyka: problemy języka i kultury* / Uniwersytet M. Curie-Skłodowskiej. Lublin, 2001. T. 13. S. 155–168.
2. *Выслоўі* / Акад. навук Беларусі. ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора ; *склад.*, сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт. і камент. *М.Я. Грынблата*, С.Т. Асташэвіч ; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш]. Мінск : Навука і тэхніка, 1979. 518 с.
3. *Янович Е.И.* Текстовая структура и формуляр белорусских народных проклятий / Е.И. Янович // *Язык и этнический менталитет* : сб. науч. тр. / Петрозавод. гос. ун-т ; редкол.: З.К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. Петрозаводск, 1995. С. 55–60.
4. Плумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. 4-е выд. Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005. 784 с.
5. Замовы / уклад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Баргашэвіч ; рэдкал.: А.С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. 2-е выд. Мінск : Беларус. навука, 2000. 597 с.
6. *Roper J.* Introduction: Unity and Diversity in Charms Studies / J. Roper // *Charms, Charmers and Charming: International Research on Verbal Magic* / ed. J. Roper. Basingstoke, 2008. P. XIV–XXVII.
7. *Pocs E.* Miracles and Impossibilities in Magic Folk Poetry / E. Pocs // *Charms, Charmers and Charming: International Research on Verbal Magic* / ed. J. Roper. Basingstoke, 2008. P. 27–53.

И.Б. Морозова (Одесса, Украина)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ

*«Человек – это душа,
внутри которой живет текст».*

С. Лурье

Исследование фокусируется на проблемах саморепрезентации личности в ментально-лингвальном аспекте в оппозиции «добро» и «зло». Результаты исследования убеждают, что изменение вербального кода сообщения отражается на имидже говорящего и его восприятию собеседником.

Ключевые слова: *имидж, отрицательный персонаж, языковая личность, универсальная привлекательность, структуры речи, коммуникативная модель.*

Настоящая работа посвящена анализу интер- и экстралингвистических факторов, способствующих возникновению симпатии у зрителя к негативному персонажу художественного произведения. Оппозиция «добро» и «зло» являются фундаментальными общечеловеческими гиперконцептами не только в лингвистике, но и в этике и аксиологии, и философской антропологии. Они отражают общественные отношения, и ценностные ориентиры социума, а также категории познания человека. Как справедливо указывает в своем исследовании А.Г. Долгий: «Особо значимым является то, что от них (добра и зла) зависит существование всего человечества» [1, с. 3].

С другой стороны, В. Дубогрей в своем обзоре «20 любимых злодеев мирового кино» пишет, что часто главный отрицательный персонаж фильма вызывает большую симпатию, чем положительный герой [2].

В психологии известно понятие «псевдо-милого злодея» [3]. В драматургии существует близкое амплуа «благородного негодяя». В своём анализе русских сказок В.Я. Пропп выделил семь типичных действующих лиц, одно из которых – злодей [4, с. 79].

В чем же притягательность заведомо отрицательного художественного образа? Многочисленные исследования в области лингвистики, уделяя внимание речевому портрету говорящих, обращаются к глубинным связям языка и мышления, формированию ментальных образов и их кодированию в языковых моделях (Ч. Филмор, Дж. Лакофф, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, М.М. Болдирев, П.Б. Паршин, Р.М. Фрумкина 2001, С.Г. Воркачов, И.Б. Морозова 2005, В.Б. Касевич). В то же время вопрос положительного восприятия окружающими заведомо негативной личности еще не получил достаточного освещения в специальной литературе.

Актуальность проделанной работы обуславливается общей лингво-

гносеологической важностью решения проблем ментально-лингвального плана, а также практическими нуждами выявления коммуникативных моделей, воспринимаемых собеседником, как индикаторов положительного образа. Материалом для изучения послужили персонажные партии Ганнибала Лектера в фильме «Молчание ягнят» («The Silence of the Lambs», 1991 г.), 467 речевых образцов, 18 минут экранного времени.

Объектом рассмотрения взят современный англоязычный художественный кинодиалог из фильма «Молчание ягнят». Предмет исследования – особенности персонажной речи Ганнибала Лектера. Несмотря на некоторую «искусственность» виртуального общения, в художественном диалоге так же, как и в непосредственном речевом общении, легко просматриваются личности участников диалога. Как показывают исследования по социальной психологии и социолингвистике, языковая личность производна от социальной сферы, в которой преломляются многочисленные и противоречивые классово-имущественные, профессионально-групповые, возрастные, этнические и прочие отношения.

Цель исследования – выявить вербальные и невербальные параметры положительного восприятия зрителями отрицательного образа Ганнибала. В основные задачи исследования входило: конкретизация понятия «положительный имидж», анализ речевых партий доктора Ганнибала, выявление типичных синтаксических моделей его речи и принципов оказания вербально-психологического влияния на собеседника.

Отправной точкой исследования послужила концепция об *имидже* как эмоционально окрашенной типизированной ролевой модели человека, которую он сознательно или подсознательно позиционирует в процессе общения с другими людьми. Будучи закрепленным в определенных ментальных стереотипах той или иной национальной общности, имидж имеет ассоциативную природу и воспринимается окружающими людьми соответственно уже накопленному ими когнитивному опыту. По словам одного из первых специалистов по имиджелогии В.М. Шепеля, «имидж, как правило, «располагается» в низших этажах нашей психики – в подсознательной её сфере или в пластах обыденного сознания» [5, с. 58].

Понятие имиджа и пути его создания так или иначе освещены в работах Д.А. Аакера, Ф. Котлера, Ж.Ж. Ламбена, Д. Огилви и других зарубежных исследователей, а также Г.Г. Почепцова, И.И. Решетниковой, Э.А. Уткина, занимающихся имиджмейкерством в постсоветском пространстве.

Этимологически восходя к английскому *image* (от лат. *imago* 'изображение, подобие'), данное понятие понимается как 'образ', 'отражение', 'копия'. Обобщая различные толкования этого термина, в настоящей работе под *имиджем* понимается некий синтезированный,

эмоционально окрашенный социальный образ индивида, вызывающий у его окружения позитивные или негативные ассоциации [6].

Желание успешно воплотить определенные планы, реализовать собственную коммуникативную интенцию часто заставляет оратора надеть маску, создать определенный имидж в глазах своей аудитории. Подчеркивая роль речевого портрета в создании определенного образа, Н.И. Лобанова указывает, что нельзя ограничиваться только анализом действий индивида, нужно изучать манеру его речи» [7, с. 84].

Имидж человека находит свое выражение в соответствующих языковых структурах и речевых формах, ассоциирующихся в сознании других носителей языка с положительной или отрицательной личностью. «Каков человек, такова его речь» – гласит известное латинское изречение. Отсюда ясно, что, обнаружив соответствие между ментальными моделями и их отражением в структурах речи, можно с достаточной вероятностью судить о личности говорящего.

Известно, что мозг любого человека можно запрограммировать подобно компьютеру, а потом «разложить человеческое поведение по полочкам до самой потайной мысли» [8, с. 33].

Отсюда ясно, что при помощи особых ментально-коммуникативных техник можно воздействовать на подсознание людей так, чтобы собеседник ими воспринимался как личность определенного типа. Иными словами, изменение вербального кода сообщения отражается на имидже говорящего и его восприятии собеседником.

Изучая позитивность имиджа говорящего, профессор философии Р. Сасуэр в качестве его определяющей характеристики указывает личностную притягательность [9]. С другой стороны, создание говорящим позитивного имиджа у собеседника Т. А. ван Дейк связывает с осознанным или подсознательным применением им стратегии позитивной саморепрезентации [10, с. 33].

Очевидно, что разным людям нравятся психологически разные личности. В тоже время, исходя из разработок Дж. Булоса в области маркетинга [11], можно утверждать, что существуют определенные стереотипы человеческой личности, которые импонируют всем.

В своем исследовании «универсальной привлекательности личности» Р. Сассоер [12] рассматривает различные типы человеческой привлекательности, отвечающие внутренним психологическим запросам самых широких слоев населения. Обобщая его наблюдения, можно выделить следующие характеристики универсально привлекательной личности: 1) возбуждение интереса, 2) интеллект в сочетании с доступностью изложения мыслей, 3) независимость, 4) верность определенным принципам, 5) сексуальная притягательность, 6) физическая

или духовная сила.

Каким же образом в фильме формируется положительное восприятие маньяка-каннибала доктора Ганнибала Лектера? Рассмотрим, в чем же заключается его личностная притягательность и реализация им стратегии позитивной саморепрезентации.

С первых кадров фильма, где только упоминается содержащийся в изоляции жестокий маньяк-каннибал, зрительский интерес подогревается загадочностью его личности, его особенным положением среди других узников и историей появления в психиатрической лечебнице. Даже его имя загадочным образом имеет схожесть с его пристрастием к людоедству: Ганнибал (великий полководец древности) и каннибал (дикарь, употребляющий в еду человеческое мясо).

Ганнибал Лектер – *интеллектуал*, высокообразованный человек, свободно цитирует латинские пословицы: «*Quid pro quo*». Он известный психиатр, ценитель природы, художник, рисующий по памяти прекрасные картины. «*What I want is a view. I want a window where I can see a tree, or even water... Memory, Officer Starling, is what I have instead of view*». Так, требуя улучшения своих условий, Ганнибал прежде всего хочет близости к природе: увидеть дерево, воду. Его речь полна афоризмов, она зачаровывает слушателя: «*Life's too slippery for books, Clarice. Typhoid and swans came from the same God*».

Он *независим*. На всем протяжении короткого периода экранного времени, когда зритель видит Ганнибала, последний занимает в беседе позицию коммуникативного лидера, называет стажера ФБР по имени: «*Sit. Please*», «*Your first lie to me, Clarice*», «*Now go. Go*». Большинство его высказывания коррелируется с короткими, структурно простыми предложениями, что делает его речь особенно проникновенной и *доступной* для понимания. Ганнибал достаточно *принципиален* и, по своему, логичен в своих действиях. Он честен с Кларисой, что не причинит ей вреда: «*I have no plans to call on you, Clarice, the world being more interesting with you in it*».

Ганнибал *сексуально* привлекателен. При этом его притягательность объясняется не только магнетизмом и харизмой актера, Энтони Хопкинса, но и является следствием его высказываний. Находясь в клетке, Ганнибал вербально «ломает» разделяющую его с собеседницей преграду, пытаясь войти с девушкой в интимный контакт: «*You use Evyan skin cream, and sometimes you wear L'Air du Temps, but not today. You brought your best bag, though, didn't you?*» «*Come closer. Clo-ser*». Его физическая *сила* демонстрируется в фильме как намордником на лице маньяка, так и неоднократными попытками вырваться из заточения. *Сила* же его духа неоспорима. Сидя в клетке, он готов защитить Кларису: «*I would not have had that happen to you*».

Discourtesy is — unspeakably ugly to me».

Проанализировав образ Ганнибала Лектора сквозь призму качеств универсальной привлекательности личности, нетрудно заметить его практически полное соответствие данным критериям.

Можно сделать вывод, что, будучи закрепленным в определенных ментальных стереотипах той или иной национальной общности, имидж имеет ассоциативную природу и воспринимается окружающими людьми соответственно уже накопленному ими когнитивному опыту. Совокупность впечатлений о вербальных и невербальных особенностях поведения личности складываются в сознании определенный пазл, который уже подсознательно анализируется по определенным критериям «позитивности/негативности» восприятия и личностной притягательности.

Перспективу исследования мы видим в сопоставлении персонажных партий отрицательного героя с заведомо положительным и выделении стереотипа «положительности» речевого восприятия личности.

Библиографические ссылки

1. Антропологический смысл полемики о природе добра и зла в русской духовно-философской традиции / Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, Н.О. Лосский. СПб, 2013. 198 с.
2. *Дубогрей В.* 20 любимых злодеев мирового кино [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dubikvit.livejournal.com/709200.html>
3. *Edmund C.* Why is Faux Affably Evil So Pleasant? UK, Ldn, W. W. Norton and Company, 2014. 256 p.
4. *Пропл В.Я.* Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2001. 144 с.
5. *Шепель В.М.* Имиджелогия: секреты личного обаяния. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1994. 320 с.
6. *Шепель В.М.* Имиджелогия. Как нравиться людям : учеб. пособие. М. : Народное образование, 2002. 576 с.
7. *Лобанова Н.И.* Проблема взаимосвязи языка и сознания // Дискуссия. Екатеринбург, 2011. Вып. 5 (13). С. 82–88.
8. *Гаврилов Д.А., Добринина Н.А.* Нейролингвистическое программирование (НЛП) для всех. М. : Вече, 2009. 368 с.
9. *Sassower R.* Formation of Images in our Culture. Univ. of Colorado, LoisCicottello. 2006. 371 p.
10. *Тён А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации ; пер. с англ. М. : Либроком, 2013. 344 с.
11. *Bullas J.* 6 Powerful Reasons Why you Should Include Images in your Marketing List [Электронный ресурс], 2010. Режим доступа: <https://www.jeffbullas.com/>.
12. *Sassower R.* Human Types that Possess Universal Appeal, Chicago Magazine. № 355, 2017. Chicago Univ. Press, p. 115–134.

Е.Ю. Абрамова (Одесса, Украина)

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОМПЛИМЕНТА В АСПЕКТЕ ВЕРБАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В настоящей работе представлен анализ коммуникативного статуса комплимента как инструмента ментально-речевого влияния и многофакторного речевого феномена. Исходя из концепции о том, что именно тактики общения обеспечивают гибкость коммуникативной стратегии, избранной говорящим, в работе делается вывод о функциональной роли комплимента как осознанной или неосознанной тактики психоэмоционального воздействия говорящего на собеседника.

Ключевые слова: *комплимент, речевая тактика, коммуникативная стратегия, позитивная/негативная вежливость, коммуникативное сотрудничество.*

Настоящая работа посвящена исследованию коммуникативного статуса комплимента в первичной фазе диалогической интеракции сквозь призму основных коммуникативных стратегий и тактик речевого общения. Теоретической базой представленного исследования являются разработки отечественных и зарубежных лингвистов в области теории коммуникации (Л. Безуглая, Л. Белехова, В. Леонтьев, И. Морозова, Е. Роллтон, М. Вульфсон, Дж. Лакофф, Р. Херберт и др.). Однако, несмотря на большой вклад, сделанный исследователями в этой области, функциональная роль англоязычного комплимента и его коммуникативный статус не получил в лингвистике достаточного освящения. Данное исследование является попыткой восполнить некоторые пробелы в области использования англоязычного комплимента как контактоустанавливающей речевой единицы.

Комплимент понимается нами как позитивное высказывание-комментарий, касающийся какого-либо события, характеристики достижения, связанное с адресатом речевого сообщения [1, с. 7]. Актуальность исследования обуславливается общей ориентацией современной лингвистики на коммуникативный аспект изучения речевых единиц, оптимизирующих процесс диалогической интеракции. Проблема оптимизации межличностной коммуникации говорящих всегда находилась в фокусе внимания науки о языке.

Цель исследования состоит в определении функциональной роли и социолингвальной ценности комплимента в процессе диалогизирования. Поставленная цель определяет задачи исследования, основными из которых являются конкретизация понятий позитивной/негативной вежливости; рассмотрение роли комплимента в аспекте установления контакта между собеседниками; установление различий между фатической и

контактоустанавливающих функциями в диалоге; определение удельного веса комплиментарных высказываний в первичной фазе диалогического общения.

Объектом исследования выступает стратегия кооперации в персональном диалоге и её частное проявление в виде позитивной и негативной вежливости. Предмет изучения – функциональная роль комплимента как инструмента гармонизации процесса межличностной коммуникации.

Основной материал исследования представлен 5850 речевыми образцами комплиментарных высказываний, отобранных методом сплошной выборки из художественного диалога англоязычного романа разных жанров XX–XXI вв.

С целью определения коммуникативной сущности функционирования комплиментарных высказываний в англоязычном диалоге, обратимся к понятию речевой стратегии. Получив развитие в работах П. Грайса, Б. Левинсона и Т. Надеиной, коммуникативная стратегия в самом общем виде понимается как совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели [2, с. 18]

Понимая стратегию кооперации или коммуникативного сотрудничества как желание общающихся достигнуть общего взаимного согласия в результате речевой интеракции, рассмотрим лингвистические разработки по теории современной речевой этики.

Известные американские психолингвисты, П. Браун и С. Левинсон, вводят понятия позитивной и негативной вежливости («positive and negative politeness») [3, с. 62]. Они устанавливают максимы вежливости, которые служат базой современного общегражданского речевого этикета. Основным понятием этой теории является понятие *лицо* («public self-image face»), под этим термином подразумевается позитивная социальная ценность, которой обладает каждый член общества. Любое действие совершается с целью сохранить «лицо» или избежать «потери лица». Используя концепцию «сохранение/потеря лица», П. Браун и С. Левинсон разрабатывают общую теорию, в которой обосновывают предсказуемость в реализации категории вежливости, исходя из оценки «весомости» речевого акта.

С другой стороны, Дж. Лич говорит о постулатах симпатии и признания, которые, безусловно, связаны не только с приветствиями и обращениями, но и любыми позитивными утверждениями в адрес собеседника [4, с. 123].

Э. Гоффман относит приветствия к ритуалам почтительности, которые способствуют созданию и усилению положительного образа (имиджа) адресата, таким образом, соотнося их с комплиментарными высказываниями [5, с. 3].

Как отмечает П. Браун, нормы поведения отражаются в правилах

этикета, сводящихся к системе *негативных* и *позитивных* стратегий вежливости [3, с.13]. При этом негативная вежливость связана с предоставлением свободы человеку, а позитивная вежливость - с демонстрацией единства и солидарности. Например:

"I apprehend your flute, which, by the by, I am glad to see you have brought, will be rather in the PENSEROSO style this evening, Mr. Delafield." (*penseroso = melancholy*) – *"Unless enlivened by the contagious gaiety of your smile," returned Delafield (J. C. Fenimore).*

В данном фрагменте девушка начинает беседу с комплимента – как своеобразного «мостика» для последующих ступеней общения. Молодой человек принимает приглашение к разговору и реагирует ответным комплиментом.

Отсюда, стратегия позитивной вежливости подразумевает коммуникативное сотрудничество говорящих, выражающееся в проявлении внимания и интереса к слушателю, вовлечении слушателя в диалог, стремлении к согласию, учете желаний и склонностей слушающего.

Стратегии негативной вежливости корнями уходят в традиционное на Западе понимание свободы человека во всех его начинаниях, включая вербальное поведение. При этом выделяются следующие речевые тактики: избегание прямых просьб; формулирование высказываний в терминах мягкой модальности; проявление уважения посредством принижения собственного положения и возвышения адресата; имперсонализация участников общения. Например:

"But I'd rather look like you than be pretty," - she told Anne sincerely.
Anne laughed, sipped honey from the tribute, and cast away the sting (L. M. Montgomery).

В рассматриваемом примере Шарлотта Четвертая восхищается Анной и возвышает ее красоту, принижая свою внешность.

Анализ фактического материала убеждает, что в современном английском языке прослеживается явная тенденция к использованию комплиментарных высказываний в художественном диалоге. Они являются неотъемлемой частью вежливого речевого поведения. Как свидетельствует проделанное исследование, комплименты используются, как для выражения позитивной, так и негативной вежливости. Отметим, что количественное их соотношение, примерно, 3:2 в пользу стратегии позитивной вежливости. Установленная закономерность объясняется общим психологическим стремлением говорящего к избеганию собственного принижения, что требуется сделать в рамках негативной вежливости. Например:

"I figured, you might be close", he said.

"Why I?", Mrs. Fletcher asked.

"Oh! Cause you're a big name! Not like we, who are almost unseen. You're

famous.”

“*Thank you for the compliment, Mr. Lackman, but our fame is quite different*”.
(*M. Stuart*)

Один из актеров театральной труппы приглашает Миссис Флетчер провести совместно с известной кинодивой общественное мероприятие. Актер строит свой комплимент по принципу негативной вежливости, выбирая в качестве основания для комплимента мировую известность, Миссис Флетчер, в противоположность своей ничтожности.

Следующим этапом исследования явилось рассмотрение функционирования англоязычного комплимента в первичной фазе диалогического общения. Принято считать, что, являясь мощным орудием психолого-речевого воздействия, комплимент представляет собой многосторонний речевой феномен, использующийся в самых различных сферах общения и в основном используются как «вербальная взятка» [6, с.42] в информационной и завершающей фазах диалогизирования.

В то же время начальный этап речевой интеракции – это очень важный момент для развития процесса коммуникации в целом, что проявляется в реализации собеседниками своей конечной речевой интенции. Б. Малиновский один из первых исследовал контактоустанавливающую функцию языка и ввел в лингвистический обиход понятие фатического общения [7, с. 298].

Традиционно фатические высказывания понимаются как речевые конструкции, продиктованные культурными традициями общества и выражающие солидарность собеседника с позицией говорящего. Последние часто рассматриваются как синонимические контактоустанавливающим речевым высказываниям. Со своей стороны, отметим, что в настоящей работе представляется целесообразным все же разграничить указанные термины.

Согласно концепции Р. Якобсона, в понимание контакта включается не только коммуникативная сторона – установление речевого взаимодействия, но и социальная, т.е. поддержание отношений между собеседниками, что предполагает задачи установления и поддержания контакта [8, с. 96]. В то время как под фатическими высказываниями обычно понимают любое вежливое высказывание солидарности с собеседником. Можно заключить, что фатическая и контактоустанавливающая функции относятся друг к другу как общее и частное.

Таким образом, говоря о *фатической* функции комплимента, обычно подразумевается его функционирование в продолжении всего процесса общения, т.е. «контакт» в широком смысле слова. *Контактоустанавливающую* функцию мы рассматриваем как одноразовое явление, происходящее только на первом этапе общения, поскольку все

последующие попытки «установить контакт» с собеседником расцениваем как «контактоподдерживающие», т.к. они будут происходить в рамках уже существующего канала связи.

На стадии инициирования речевого общения собеседники устанавливают определённые отношения друг с другом или утверждают и поддерживают отношения, ранее образовавшиеся в предыдущих контактах. К основным задачам начальной стадии коммуникации относятся привлечение внимания собеседника; создание положительной тональности общения; формирование психологических «уз общности» с собеседником. Например:

Hardyman started the conversation in his blunt, resolute way. "I wonder whether you will believe me," he asked, "if I tell you that this is one of the happiest days of my life. For instance, I am happy with you" (W. Collins).

При помощи комплиментарных высказываний Мистер Хардимен хочет наладить первичный контакт с девушкой, которая ему очень нравится и создать доверительную тональность их общению.

Приведенные выше соображения убеждают, что использование комплиментов в первичной стадии диалогического общения является обычной практикой успешного диалогизирования. Настроявая собеседника на положительный лад, комплимент ориентирует его на благосклонное восприятие беседы и личности адресанта. В противоположность Э. Гоффману, к ритуалам почтительности мы относим именно комплиментарные высказывания, которые сохраняют эффект приятной неожиданности. В отличие от традиционных клишированных приветствий, комплименты воспринимаются как искренние выражения восхищения, задавая положительный тон беседы в целом.

В результате анализа фактического материала обнаружено, что для установления контакта в первичной стадии речевого общения комплименты употребляются в каждом пятом случае. Такой высокий удельный вес комплиментарных высказываний в контактоустанавливающей функции убеждает в психологической значимости реплик-комплиментов. Будучи сказанными к месту, они обладают значительно большей силой речевого воздействия на собеседника чем обычные ритуальные приветствия в процессе обмена репликами.

Таким образом, можно сделать вывод, что функциональная роль комплимента заключается в обеспечении успешности речевого общения в параметрах использования коммуникативных стратегий позитивной и негативной вежливости. Употребляя комплиментарные высказывания как осознанную или неосознанную тактику психоэмоционального воздействия на собеседника, говорящий способствует созданию благоприятной и гармоничной атмосферы речевой коммуникации.

Библиографические ссылки

1. *Абрамова Є.Ю.* Граматична організація та комунікативна сутність компліменту в англомовному художньому діалозі: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Абрамова Євгенія Юоріївна. Одеса, 2015. 229 с.
2. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М., 2002. С. 18–19.
3. *Brown P.* Universals in Language Usage: Politeness Phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and Politeness. Strategies in Social Interaction. London : Longman, 1988. 191 p.
4. *Leech G.* Principles of Pragmatics / G. Leech. London: Longman, 1983. 250 p.
5. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life / E. Goffman. Garden City : Doubleday Anchor Books, 1959. 215 p.
6. *Edmonds Ph.* Don't Forget about the Threat of Manipulation / Ph. Edmonds // Meridian. New York, 1998. P. 42.
7. *Malinovski B.* The Problem of Meaning in Primitive Languages / B. Malinovski // The Meaning of Meaning: [ed. by C. Ogden and I. Richards]. 9th edition. New York : Mariner Books, 1989. P. 302–352.
8. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон// Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. 333 с.

М. В. Драздоў (Мінск, Беларусь)

МОЎНЫ ВОБРАЗ ЗША Ў БЕЛАРУСКІХ І БРЫТАНСКІХ СМІ

Пры дапамозе кантэкстуальнага аналізу лексічных адзінак у артыкуле выяўляецца моўны вобраз ЗША ў беларускіх і брытанскіх СМІ і праводзіцца яго параўнальны аналіз, інтэрпрэтуюцца выяўленыя адрозненні. Таксама праводзіцца параўнальны аналіз лексічнага значэння моўнай адзінкі *Злучаныя Штаты Амерыкі* і прагматычнага значэння дадзенай адзінкі ў дыскурсе СМІ. Даюцца рэкамендацыі па практычным выкарыстанні вынікаў даследавання.

Ключавыя словы: *ЗША, Беларусь, Вялікабрытанія, вобраз ЗША, лексічная адзінка, суб'ект, аб'ект*

Неад'емнай часткай сучаснага падыходу да вывучэння замежнай мовы з'яўляецца сацыякультурны кампанент. Паспяхова камунікацыя мае патрэбу ў міжкультурнай дасведчанасці. Так, мэтай вучэбнай дысцыпліны «Мова сродкаў масавай інфармацыі» для спецыяльнасці «Сучасныя замежныя мовы» з'яўляецца фарміраванне і развіццё полікультурнай, шматмоўнай асобы, здольнай выкарыстоўваць інфармацыйныя і моўныя рэсурсы СМІ для ажыццяўлення міжкультурнай камунікацыі, прафесійнай дзейнасці ў адукацыйнай, навуковай і сацыяльнай сферах.

Асноўнымі сацыякультурнымі кампанентамі для тых, хто вывучае

англійскую мову ў Беларусі з'яўляюцца культура ЗША і Вялікабрытаніі. У сувязі з гэтым, для павышэння эфектыўнасці выкладання курса «Мова сродкаў масавай інфармацыі» ўяўляецца актуальным даследаваць моўны вобраз ЗША як стандартызаваны і ўстойлівы вобраз, які працэдуруецца СМІ на масавую свядомасць, з аднаго боку, а таксама як вобраз, ўкаранёны ў свядомасці атрымальніка інфармацыі, з іншага боку.

Лексічнае значэнне словазлучэння *Злучаныя Штаты Амерыкі* ўключае ў сябе наступныя прыкметы: федэратыўная рэспубліка ў Паўночнай Амерыцы, якая складаецца з 50 штатаў і акругі Калумбія; насельніцтва – 324 459 463 (2017 г.); плошча – 9 518 323 кв. км.; сталіца – Вашынгтон; мова – пераважна англійская; рэлігія – пераважна хрысціянства; валюта – долар; вялікая разнастайнасць фізічнага асяроддзя і насельніцтва; найбуйнейшая эканамічная дзяржава ў свеце [1, 2]. Аднак, наколькі дадзенае значэнне адпавядае вобразу ЗША, канструяванаму ў СМІ?

Для дасягнення пастаўленай задачы намі быў праведзены кантэкстуальны аналіз лексічных адзінак у артыкулах беларускіх і брытанскіх СМІ. На наш погляд, уяўляе цікавасць, ці з'яўляецца вобраз ЗША аднолькавым для розных нацый, ці ён адрозніваецца, і калі так, то наколькі і па якіх прычынах?

У англійскай мове асновай для аналізу паслужылі імя ўласнае *the United States of America* і яго сінонімы – *the United States, USA, US, America*. У рускай мове – *Злучаныя Штаты Амерыкі, Злучаныя Штаты, Штаты, ЗША, Амерыка*.

Матэрыялам для даследавання вобразу ЗША ў беларускіх СМІ паслужылі 100 артыкулаў з друкаваных выданняў «Свабодныя навіны плюс» і «Беларусь сёння» за 2018 г.

Праведзены аналіз паказаў, што ў беларускіх СМІ ЗША пераважна намінуюцца як ЗША (87% выпадкаў). Разам з гэтым, для намінацыі ЗША выкарыстоўваюцца такія лексічныя адзінкі, як *Вашынгтон, Захад, Злучаныя штаты, Штаты* а таксама *галоўная звышдзяржава і вялікая дзяржава*. У беларускіх СМІ ЗША характарызуюцца прыметнікамі *ўплывовы, магутны, дзейсны і рэлігійны*.

У 38% выпадкаў ЗША выступаюць у ролі вызначэння, у 32% – суб'екта дзеяння, у 16% – аб'екта дзеяння, у 14% – месца дзеяння. Аналізуючы словазлучэння з лексічнай адзінкай ЗША ў ролі вызначэння можна вылучыць тры найбольш частотныя групы:

- войскі ЗША (*Сухпутныя войскі ЗША, ВПС ЗША, узброеныя сілы ЗША, ваеннае будаўніцтва ЗША, дывізіі ЗША*),
- долар ЗША (*коштам 1 мільён долараў ЗША, гадавыя ў доларах ЗША, сярэдні заробак у доларах ЗША, дэпазіты ў доларах ЗША, выплаты па крэдыце ў доларах ЗША*),

- ўрад ЗША (*пасол ЗША, дзяржаўны сакратар ЗША, часовы павераны ў справах ЗША ў Беларусі, амбасада ЗША ў Мінску, дыпламаты ЗША, прэзідэнт ЗША*).

У якасці суб'екта дзеяння ў Беларускіх СМІ ЗША найбольш часта ўводзяць санкцыі, выказваюць незадаволенасць (асуджаюць, абвінавачваюць), размяшчаюць і пастаўляюць зброю, пагражаюць свету, супернічаюць за ўплыў. Сярод лексічных адзінак, якія выказваюць дзеянні ЗША, найбольш часта ўжываюцца такія дзеясловы, як *прыстрашыць* (напрыклад, *прыстрашыўшы ў адваротным выпадку больш ня стрымліваць, ЗША прыгразілі ўжываннем сілы, прыстрашыць увядзеннем новых санкцый і г.д.*), *папрабаваць* (*папрабаваць адмовіцца, ЗША заппрабавалі згарнуць ядзерную праграму і г.д.*), *стрымліваць* (*стрымліваць ў выпадку канфлікту, стрымліваць Ізраіль на Блізкім Усходзе і г.д.*).

Калі казаць пра ЗША як аб'ект дзеяння, то з *ЗША супрацоўнічаюць, ЗША баяцца, у ЗША эмігруюць*.

Аналіз згадкі ЗША як месца дзеяння не выявіў выразных тэндэнцый.

Такім чынам, у беларускіх друкаваных СМІ мадэлюецца вобраз ЗША як звышдзяржавы, якая супернічае за ўплыў у свеце, выказвае незадаволенасць іншымі дзяржавамі, уводзіць супраць іх санкцыі, а таксама пагражае свету, размяшчаючы свае ўзброеныя сілы ў іншых краінах або пастаўляючы ім зброю. Разам з гэтым іншыя краіны баяцца ЗША, жадаюць з імі супрацоўнічаць, а іх грамадзяне эмігруюць у ЗША. Долар ЗША з'яўляецца надзейнай валютай.

Варта адзначыць, што большасць артыкулаў беларускіх друкаваных СМІ, у якіх згадваюцца ЗША, належаць да вобласці палітыкі і эканомікі. У артыкулах, якія носяць культурны і спартыўны характар ЗША практычна не фігуруюць. Таксама ў артыкулах грамадска-сацыяльнага плана ЗША згадваюцца досыць рэдка.

Матэрыялам для даследавання вобразу ЗША ў брытанскіх СМІ паслужылі 100 артыкулаў з такіх друкаваных выданняў як *The Guardian, The Independent, The Financial Times* за 2018 г.

У брытанскіх СМІ ЗША намінуюцца як *the US* (55% выпадкаў), *the USA* (26%), *America* (11%), *Americans* (5%) і зрэдку як *the United States, the United States of America*. У брытанскіх публікацыях ЗША характарызуюцца прыметнікамі *strong, powerful*. Часцей за ўсё ўжываецца прыметнік *American*. Таксама можна прасачыць ўжыванне прыметнікаў у найвышэйшай ступені: *the richest, the most technologically advanced*, што паказвае на відавочную перавагу гэтай дзяржавы над іншымі краінамі. У цэлым у англійскіх СМІ, таксама як і ў беларускіх, лексічныя адзінкі, якія характарызуюць ЗША ўжываюцца не часта.

У 60% выпадкаў ЗША выступаюць у ролі вызначэння, у 11% – суб’екта дзеяння, у 11% – аб’екта дзеяння, у 18% – месца дзеяння. Аналізуючы словазлучэння з лексічнай адзінкай ЗША ў ролі вызначэння можна вылучыць шэсць найбольш частотных груп:

- мяжа ЗША і іміграцыя (*the US border, the US-Mexican border, immigration, refugees*),
- спорт (*US Open, the US curling team, the US Olympic Committee, the US PGA Championship, the USA gold medalists, USA Gymnastics, USA Swimming, USA Hockey, USA Cycling, USA women's hockey team, the USA Olympic Gymnastics*),
- ўрад ЗША (*the US government, the US president, US, politicians, the US Department of State*),
- гандаль (*the US Trade Representative, the US economy, the US Chamber of Commerce, a US trading partner, US goods, Turning Point USA, McDonald's USA, Hologram USA, Virgin Trains USA*),
- судовая сістэма ЗША (*the US Supreme Court, a US District court, a US district judge, the US Attorney's office, US law*),
- войскі ЗША (*the US military, US intelligence agencies, US troops*).

У якасці суб’екта дзеяння ў брытанскіх СМІ ЗША найбольш часта ўводзяць санкцыі і пошліны (*impose sanctions / tariffs / levies, blacklist people and entities*) і змагаюцца з іміграцыяй (*deny visas, deny entry, keep refugees out, return asylum seekers*).

Калі казаць пра ЗША як аб’ект дзеяння, то з ЗША супернічаюць у спорце (*England vs USA*) і ЗША выкарыстоўваюць (*take advantage of, take from, impose tariffs*).

Калі казаць пра ЗША як месца дзеяння, то ў ЗША змагаюцца з іміграцыяй і забіваюць амерыканцаў (*extremist murders, domestic terrorism, Americans killed by a gun*).

Такім чынам, у брытанскіх друкаваных СМІ мадэлюецца вобраз ЗША як найбуйнейшай эканамічнай дзяржавы, якая ў працэсе гандлю з іншымі краінамі ўводзіць рознага роду эканамічныя санкцыі, паколькі тыя спрабуюць злоўжываць гандлёвымі адносінамі з ЗША. Ключавымі праблемамі для ЗША з’яўляюцца іміграцыя і ахова сваіх межаў. Таксама брытанскія СМІ акцэнтуюць увагу на праблеме валодання і выкарыстання агнястрэльнай зброі ў ЗША, якая звязаная з штогадовай гібеллю тысяч амерыканцаў. США – супернік Вялікабрытаніі ў спорце.

У адрозненне ад беларускіх артыкулаў, па сваёй тэматыцы артыкулы брытанскіх друкаваных СМІ, якія закранаюць ЗША, маюць не толькі палітычны і эканамічны, але таксама і грамадскі, культурны і спартыўны характар.

Праведзенае даследаванне дэманструе, што вобраз ЗША ў беларускіх і брытанскіх СМІ істотна адрозніваецца, што сведчыць аб розным ўспрыманні ЗША ў беларускай і брытанскай культурах.

1. У беларускай культуры ўспрыманне ЗША як суб'екта і аб'екта дзеяння істотна мацней, чым у Вялікабрытаніі – 48% згадак супраць 22% адпаведна. На наш погляд, у дадзеным выпадку мы назіраем прыклад **гістарычнага адрознення паміж сацыялізмам і капіталізмам**. Беларусы, як постсавецкае таварыства, па-ранейшаму персаніфікуюць дзяржаву, надзяляючы яе вядучай роляй у сваім жыцці. У Вялікабрытаніі ж, з яе традыцыйнай капіталістычнай сістэмай, адной з асноўных каштоўнасцяў з'яўляецца індывідуалізм, які ставіць на першае месца свабоду і індывідуальныя здольнасці асобнага індывіда як незалежнай адзінкі грамадскай свядомасці. Менавіта таму, на наш погляд, у 60% выпадкаў мы назіраем выкарыстанне моўнай адзінкі *ЗША* ў ролі вызначэння: *the US president, the US government, the US congress, US politicians, the US Department of State, a US district court, US Attorney's Office, the US Supreme Court, a US attorney, a US district judge, the US Chamber of Commerce, the US Trade Representative, the US curling team, the US Olympic Committee, the US Department for Transportation, the US military, US intelligence agencies, US troops, the US embassy, the US press, the US National Science Foundation, US farmers* і г.д.

2. У беларускай культуры ЗША ў першую чаргу асацыююцца з **ваеннай пагрозай і доларам ЗША**. На наш погляд, прычынай гэтага з'яўляецца памяць беларусаў пра халодную вайну паміж ЗША і СССР, часткай якога Беларусь была да здабыцця сваёй незалежнасці. Да гэтага часу беларуская прэса часта ўспамінае мінулае: параўноўвае колькасць ваеннаслужачых у СССР і ЗША, згадвае выдаваўшуюся ў СССР брашуру «Адкуль зыходзіць пагроза свету» ў сувязі з фактамі ваеннага будаўніцтва ЗША, называе беларускія нафтаперапрацоўчыя заводы спадчынай «халоднай вайны» паміж СССР і ЗША і г.д.

Што тычыцца долара ЗША, то ён з'яўляецца ў Беларусі найчасцей выкарыстоўваемай і ліквіднай замежнай валютай, доля аперацый з якой высокая. Да курсу долара ЗША прывязаныя цэны, зарплаты, выплаты, стаўкі і г.д.

У Вялікабрытаніі ж ЗША ў першую чаргу асацыююцца з **іміграцыяй, спортам, гандлем і судовай сістэмай**.

На наш погляд, прычынай гэтага з'яўляецца той факт, што як і для ЗША, іміграцыя і ахова межаў з'яўляюцца надзённымі праблемамі для Вялікабрытаніі. Так, рост іміграцыі з краін усходняй і паўднёвай Еўропы стаў адной з прычын рашэння Вялікабрытаніі выйсці з Еўрапейскага саюза. Па законах Еўрапейскага саюза Вялікабрытанія не можа забараніць грамадзянам ЕС жыць і працаваць у Вялікабрытаніі.

Што тычыцца спорту, то на сённяшні дзень ЗША з'яўляюцца галоўным супернікам Вялікабрытаніі ў спорце. Так, дадзеныя медальнага заліку XXXI летніх Алімпійскіх Гульняў у Рыа-дэ-Жанейра (2016 г.) паказваюць, што ЗША займаюць першы радок у заліку, а Вялікабрытанія – другі. У параўнанні, Беларусь займае саракавы радок.

Таксама ЗША з'яўляюцца адным з асноўных гандлёвых партнёраў Вялікабрытаніі. Па выніках студзеня-жніўня 2018 г. у тавараабароту з Вялікабрытаніі ЗША саступалі толькі Нямеччыне. Іх доля ў агульным тавараабароце Вялікабрытаніі склала 10%. У параўнанні, у 2018 годзе ЗША з'яўляліся дзесятым гандлёвым партнёрам Беларусі, а іх доля ў агульным тавараабароце Рэспублікі Беларусь склала 1%.

Што тычыцца судовай сістэмы ЗША, то яна, будучы незалежнай, захоўвае прававую агульнасць з судовай сістэмай Вялікабрытаніі. Прававыя сістэмы Вялікабрытаніі і яе былых калоній, у тым ліку і ЗША, складаюць англа-амерыканскую прававую сістэму (*the Anglo-American legal system*). У іх аснове ляжыць агульнае права Англіі.

Такім чынам, мы бачым, што лексічнае значэнне моўнай адзінкі *Злучаныя Штаты Амерыкі* істотна адрозніваецца ад прагматычнага значэння дадзенай адзінкі ў дыскурсе СМІ.

На наш погляд, выяўленыя этнакультурныя асаблівасці могуць быць карыснымі пры распрацоўцы тэматычнага плана і вызначэння зместу вучэбнага матэрыялу па вучэбнай дысцыпліне «Мова сродкаў масавай інфармацыі» для спецыяльнасці «Сучасныя замежныя мовы», а таксама пры ўдасканаленні прафесійнай кампетэнцыі спецыялістаў, якія выкладаюць дадзеную дысцыпліну.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/united-states-of-america> (дата звароту: 08.04.2019)
2. Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/place/United-States> (дата звароту: 08.04.2019)

О.В. Казмирова (Витебск, Беларусь)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ И ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЖУРНАЛА КАК ГИПЕРЖАНРА

Статья посвящена вопросам, касающимся функционирования англоязычного общественно-политического журнала, который получил значительное распространение в современном медиапространстве. В частности, рассматривается проблема речеванровой характеристики цифрового журнала, который представлен

в качестве гипержанровой формы, отличающейся единством вербально-визуальной репрезентации содержания и текстового пространства. Уточняется тематическая структура журнала и система базовых жанровых разновидностей в рамках гипержанрового пространства.

Ключевые слова: *цифровой журнал, гипержанр, тематическая структура, жанровая разновидность, мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность.*

В настоящее время одним из наиболее востребованных средств массовой коммуникации является журнал, становясь объектом лингвистического и социокультурного анализа. Выявление жанрово-тематической специфики журнала имеет существенное значение для медиадискурса, поскольку указанный тип издания играет значимую роль в поддержании ценностных ориентиров культуры своей аудитории. Обзор исследовательской литературы в области журналистики показывает, что общественно-политический журнал представляет собой речевое воплощение социального ориентирования адресата в нескольких направлениях: информировании, оценочном диагностировании, а также стимулировании социальной деятельности (см. работы Р. Волсли [1], А.Г. Бочарова [2], А.И. Аكوпова [3], Р.Т. Элмора [4], М.Р. Прайор-Миллер [5], Дж. Маккея [6] и др.). Иными словами, данный тип журнала формирует единое информационное поле и оказывает воздействие на реципиента, реализуя свои основополагающие установки – информирование, анализ и активизацию социального потенциала читателя.

Следует отметить, что за последние годы наблюдаются резкие трансформации в способах подачи материала и представлении его читателю. Электронные технологии в совокупности со средствами массовой информации способствуют появлению новых форматов массмедиа – *цифровых* журналов, выступающих в качестве комплексной структуры, в которой функционируют сложные речевые жанры, объединенные тематическим единством и общей интенциональностью.

В настоящей работе изучается специфика *цифрового* англоязычного *общественно-политического* журнала, предназначенного для широкого круга читателей и отражающего актуальные новости из сферы истории, политики, экономики, права и др.

Установлено, что на современном этапе в англоязычном медийном дискурсе такие журналы как *Time*, *Newsweek*, *U.S. News and World Report* составляют ведущую тройку журнальных выпусков. Характерным элементом содержания выпусков журналов является наличие в каждом номере «гвоздевого» материала (репортажа, статьи, очерка, интервью и т.д.), посвященного обсуждению наиболее острых вопросов общественно-политических или экономических процессов, сопровождающихся видео-

вербальными дополнениями.

В журнале *Time* на реализацию вышеуказанных целей, в первую очередь, направлен раздел *Featured*, где публикуются очерки и статьи. В журнале *Newsweek* на первый план выходит рубрика *Opinion*, которая содержит тексты жанра «комментарий». Журнал *U.S. News and World Report* представлен разделом *Top stories*, в котором освещаются самые актуальные новости и главные мировые события.

Заметим, что в журнале *Time* подаваемая информация комплектуется в соответствии с определенной схемой для того, чтобы реципиент наряду с подаваемой информацией непроизвольно усваивал позицию издателя. Эта система строится на классификации материала по тематике и актуальности. Содержание журнала разбивается на постоянные тематические рубрики, охватывающие все сферы внутренней и международной жизни – от политики и науки до медицины и спорта. Каждый номер журнала начинается с новостной рубрики *Most Recent*, в которой публикуются последние новости из разных стран мира, например: «Trump Warns Venezuela Military to Abandon Maduro» ‘Трамп призывает военных Венесуэлы отказаться от поддержки президента Н. Мадуро’; «China Plans to Turn Hong Kong and Macau into a Silicon Valley Rival» ‘Китай планирует превратить Гонконг и Макао в соперника Силиконовой долины’ (Time, 2019). Далее представлены такие разделы журнала, как *U.S., Politics, World, Tech, Entertainment*. Рубрика *U.S.* содержит информацию всех отраслей и сфер жизнедеятельности США. Раздел *Politics* освещает новости внутренней политики страны. В рубрике *World* говорится о проблемах глобального масштаба. В разделе *Tech* обсуждаются мировые тенденции развития инновационной деятельности, а также новшества технологий. И наконец, *Entertainment* включает подборку новинок и событий в музыке, кино, жизни знаменитостей и т.д.

Вместе с тем, материал в *Time* подается изобретательно: каждая фраза либо слово об определенном событии точно его характеризуют. Следующие заголовки лаконично передают суть излагаемого сообщения: «Why Ending a Friendship Can Be Worse Than a Breakup» ‘Почему прекращение дружбы хуже, чем разрыв отношений’; «Deputy AG Rosenstein Expected to Depart in March, Official Says» ‘Ожидается, что депутат Р. Розенштейн уйдет в отставку в марте’ (Time, 2019).

Newsweek, в значительной степени схожий по содержанию с журналом *Time*, представляет собой один из наиболее известных реакционных общественно-политических обозрений и аналитических материалов о положении дел в США и за рубежом. Он рассчитан на широкие круги читателей и стремится удовлетворить их разнообразные вкусы, предлагая большой выбор материалов на самые различные темы (в журнале имеются

рубрики *U.S., Business, Tech & Science, Culture, Sports, Health, Opinion, Ndelible*). Традиционно *Newsweek* конкурировал с журналом *Time*, однако за годы своего существования приобрел собственный оригинальный стиль и незаурядную подачу информации [7, с. 143]. Так, в журнале имеется раздел *Opinion* 'Мнение', отражающий взгляды ведущих колумнистов и их оценку на определенную полемическую проблему, а также рубрика *Ndelible* («Незабываемое»), где наиболее привлекательные в содержательном плане истории подаются в новом цифровом стиле. Характерно, что в разделе *Opinion* журнальные заголовки зачастую репрезентированы в форме вопроса: «What Would Happen If All the Insects Went Extinct?» «Что бы произошло, если бы все насекомые вымерли?» (*Newsweek*, 2019); «Are the U.S. and Europe Coming Closer to War on Iran?» «США и Европа готовятся к войне с Ираном?» (*Newsweek*, 2019). «Can Boycotting Nigeria Poll Bring Biafra Independence?» «Может ли бойкотирование выборов в Нигерии принести независимость Биафры?» (*Newsweek*, 2019). На наш взгляд, именно в подобных заглавиях в большей степени обнаруживается экспликация авторской оценки, которая, безусловно, вызывает интерес у реципиента.

Что касается журнала *U.S. News and World Report*, то он позиционирует себя как ведущий экономико-политический журнал, ориентированный преимущественно на читателя из деловых кругов, и включающий рубрики *Money, Law Firms, Real Estate, Cars*. Кроме того, журнал включает проблемно-аналитические медиатексты, в которых освещаются социальные механизмы общественного развития (раздел *Civic*), вопросы образовательного характера (рубрика *Education*), актуальные проблемы медицины и новые перспективы (раздел *Health*). Завершающая рубрика *Travel* содержит рассказы об отдыхе, турах в различные страны, новых полученных знаниях, а также анализ лучших туристических предложений. Отличительной чертой журнала является наличие в нем обширных новостных блоков (с исследовательской информацией), которые освещают ключевые события, происходящие в различных странах мира: «China Leads in Online Data Ownership» «Китай лидирует в сфере владения оперативными данными», «Trump Cancels California's \$1B Train Grant» «Трамп отменяет грант в размере 1 млрд. долларов, выделенный на строительство железной дороги», «Is Israel Ready for a New Benjamin?» «Готов ли Израиль избрать нового премьер-министра?» (*U.S. News and World Report*, 2019).

Отмечено, что в пространстве медийного дискурса англоязычный общественно-политический журнал демонстрирует высокое гипертекстовое и мультисемиотическое качество, а также наличие разнотематических публикаций в электронной онлайн-среде. Сказанное позволяет заключить, что англоязычный общественно-политический журнал как речевой жанр представляет собой особый *гипержанр* –

относительно новое понятие речежанроведения, обусловленное необходимостью выявления «сверхсложных» жанровых событий.

Что же следует понимать под гипержанром? По мнению В.В. Дементьева, гипержанром принято называть то жанровое макрообразование, которое интегрирует несколько жанров [8, с. 33]. В свою очередь, К.Ф. Седов уточняет понятие «гипержанр» отмечая, что в общем пространстве жанров гипержанром, или гипержанровой формой служат особые речевые формы (состоящие из ряда жанров), которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации [9, с. 113]. Отсюда следует, что гипержанр – это должным образом структурированная система, представляющая собой форму определенного набора иерархически организованных речевых жанров разной природы, каждый из которых независим и имеет свою ценность, однако репрезентирован в рамках конкретного гипержанрового «сценария» и подчинен общей иллюкутивной цели [10, с. 19]. Перечислим общие черты цифрового англоязычного журнала, выступающего в качестве гипержанра:

1) статьи и материалы затрагивают общественные, политические интересы и объединяют высококачественную журналистику, качественные фотографии, а также репортажи на актуальные темы из разных точек мира;

2) для журналов характерна регулярность рубрик, которые репрезентированы типичным для всех изданий набором жанровых разновидностей (новостная заметка, комментарий, интервью, очерк, совет и др.). При этом подборка новостей и информационная аналитика проходят через корпус каждого журнала, консолидируя его содержательное пространство;

3) обязательный атрибут рассматриваемых изданий – массивный блок рекламных текстов и видеороликов, отличающихся объемом, четкостью и множеством изобразительных планов;

4) исследуемые журналы, главным образом, отличаются отсутствием единой тематической сферы, предпочтительного предмета сообщения, поэтому их можно обозначить как политематические издания. Иными словами, доминирующая область представлена совокупностью равнозначно значимых по частотности тематик, репрезентированных в зависимости от целого ряда коммуникативных установок;

5) с точки зрения медийных параметров, общественно-политический журнал отличается высокой степенью мультимедийности (соотношение вербально и невербально изображаемой информации), интерактивности (адресату неизменно предлагается написать комментарий или совершить иное коммуникативное действие, пройдя по гиперссылке), гипертекстуальности (наличие гиперссылок в каждом сообщении и комментарии).

Полагаем, что цифровой англоязычный общественно-политический журнал необходимо рассматривать как комплексный жанр, который содержит жанры, реализующие комплекс различных коммуникативных функций. Проведенное исследование позволило выделить типичные речевые жанры, формирующие общественно-политический журнал как гипержанр. Принимая во внимание такие значимые факторы цифрового журнала как интерактивность медийной среды и интенсивность использования мультимедиа, считаем необходимым (опираясь на классификацию Е.И. Горошко и Е.А. Земляковой) подразделить жанры на две основные группы: модифицированные традиционные жанры и жанры, образованные непосредственно в интернет-пространстве [11, с. 234].

К первой группе жанров англоязычного журнала, претерпевшей некоторые изменения, но сохранившей традиционную модель, можно отнести информационные (новости, информационная статья, информационное интервью, объявление, заметка, афиша и др.), аналитические (аналитическая статья, недельные новости, аналитическое интервью, социальная реклама, обзор, комментариев и др.), художественно-публицистические (эссе, очерк), а также манипулятивные жанры (коммерческая реклама, политическая программа, совет, лозунг, слоган). Вторая же группа жанров, ставящая во главу угла коммуникативный фактор, включает всплывающую рекламу, форум журнала (чат), деловые электронные письма, которые, в первую очередь, направлены на общение в виртуальном режиме.

Таким образом, мы приходим к заключению, что англоязычный общественно-политический журнал как гипержанр обладает конститутивными особенностями по всем содержательным компонентам модели жанра. Рассмотрение тематической и жанровой организации журнала, функционирующего в англоязычной лингвокультуре, позволяет не только продолжить изучение гипержанра в рамках различных направлений (лингвопрагматическом, социолингвистическом, психолингвистическом и др.), но и выявить дискурсообразующие признаки того или иного жанра, бытующего в современной медийной коммуникации.

Библиографические ссылки

1. *Wolseley R.* Understanding Magazines. Ames : Iowa State University Press, 1969. 458 p.
2. *Бочаров А.Г.* Основные тенденции типологии современных советских журналов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 1973. № 3. С. 32–33.
3. *Акопов А.И.* Специальные журналы. Методология. История. Типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев. гос. ун-т. Киев, 1991. 53 с.

4. *Ellmore R. Terry*. Mass Media Dictionary. Special edition. Lincolnwood. М. : National textbook company, 1992. 668 p.

5. *Prior-Miller M.R.* Research Review: Issues in Magazine Typology // The American magazine: Research, Perspectives and prospects / ed. by D. Abrahamson. Ames : Iowa State univ. press, 1995. P. 3–23.

6. *Маккей Дж.* Все о журналах. М.: Университетская книга, 2008. 342 с.

7. Зарубежная печать: краткий справочник. Газеты. Журналы. Информационные агентства / гл. ред. С.А. Лосев. М. : Политиздат, 1986. 526 с.

8. *Дементьев В.В.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.

9. *Седов К.Ф.* Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. С. 107–117.

10. *Шарифуллин Б.Я.* Гипержанры и гипержанровые сценарии в речевой коммуникации // Электронный науч.-образоват. журн. ВГСПУ «Грани познания». №1 (28). 2014. С. 18–21.

11. *Горошко Е.И.* Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011 г. Т. 24 (63), №1. Ч. 1. С. 225–237.

Н.М. Карбалевіч (Мінск, Беларусь)

РОЛЯ РАЗНАСТАЙНЫХ ВІДАЎ ЗВАРОТАЎ У БЕЛАРУСКАЙ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX СТАГОДДЗЯЎ)

У артыкуле аналізуецца значэнне моўна-культурных адзінак у кантэксце беларускай традыцыйнай культуры, вызначаюцца спецыфічныя віды сацыяльных зваротаў, характэрныя для тых ці іншых форм грамадскіх ўзаемаадносін у беларускага сялянства ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзяў. Акцэнтуюцца ўвага на культуру ўзаемаадносін у традыцыйным грамадстве як адной з унікальных характарыстык культуры беларускага этнасу.

Ключавыя словы: *грамада, звароты, грамадскія ўзаемаадносіны, традыцыйная культура, таварыства, кумленне.*

Этналогія – адна з найцікавейшых галін навуковых ведаў, адметнасць якой складае выкарыстанне інструментаў разнастайных гуманітарных навук. Асаблівую ролю пры гэтым адыграе мовазнаўства, а найлепшы вынік атрымліваецца пры вывучэнні тых ці іншых моўных адзінак у культурным кантэксце. Культура ўзаемаадносін у традыцыйным грамадстве – адна з унікальных характарыстык этнасу; моўныя элементы ілюструюць культурныя з’явы ў выключна насычаным і канцэнтраваным выглядзе.

Пры вывучэнні грамадскай культуры беларускіх сялян, яскравай праявай якой з’яўляецца фальклор, асаблівае значэнне набывае разгляд моўна-

культурных адзінак у кантэксте беларускай традыцыйнай сацыяльнай культуры. Сацыякультурная рэальнасць характарызуецца наборам сацыяльных уяўленняў у свядомасці селяніна, якімі ён кіраваўся падчас грамадскіх узаемаадносінаў і якія пры гэтым вызначальным чынам уплывалі на яго дзеянні і пазіцыю. Пры вывучэнні грамадскіх узаемаадносінаў немагчыма пакінуць па-за межамі ўвагі ўяўленні сялян аб традыцыях ужывання ўстойлівых зваротных моўных формул.

Адметным слоём традыцыйнай сацыяльнай культуры беларусаў з'яўляюцца спецыфічныя формы сацыяльных зваротаў, характэрныя для тых ці іншых форм грамадскіх узаемаадносінаў сялянства ў другой палове XIX – пачатку XX стст.

Найперш, характэрныя звароты вызначалі належаў чалавек да дадзенага сялянскага асяродку ці не, яны праводзілі своеасаблівую рысу па прынцыпе *свой–чужы*. Да незнаёмых людзей сяляне, як правіла, звярталіся: *Чалавечэ!* [1, с. 381], *чалавеча* [2, с. 229]. Асабліва пашанотлівая форма звароту да незнаёмага чалавека заключалася ў канструкцыі *добры чалавек: Здраства, добрый человек!* [3, с. 162], *Добрий вечар, добрыя люди!* [4, с. 165]. Можна адзначыць таксама зварот да незнаёмага чалавека *пане* (зваротная форма ад *пан*) [5, с. 32].

Да знаёмых сялянцаў, часцей за ўсё гэта былі сяляне сваёй грамады ці знаёмыя і сваякі з іншых, звярталіся па імені, якое ўжывалася ў адмысловай зваротнай форме ці ў памяншальна-ласкальнай форме, што адпавядала традыцыі: *Як се маеш, Степане, чи здоров добре дуж* [6, с. 820], *Добры вечир, Романа!* [7, с. 511], *Добрий вечор, Анакейко!* [8, с. 150].

Асабліва паважлівым лічыўся зварот толькі па імені па бацьку – садзись, *Іванович: буць госцям!* [9, с. 143]. М. Анімеле адзначаў, што паважлівы зварот па імені па бацьку быў больш уласцівы праваслаўным сялянам, а каталікі такую форму звароту ўжывалі рэдка [9, с. 146]. Апошнія да асабліва шануюных асобаў – войтаў, старастаў, валасных галоваў, багатых сялянцаў-гаспадароў – звярталіся *Ваша*, што дэманстравала асаблівую павагу: *садзись Ваша, прашу Вашеци садзитца, будзишь госцям; гдзешь Ваша быв? Куды Ваша идзешь?* [9, с. 146]. Праявай асаблівай ветлівасці ў сялянскім асяродку таксама было ўжыванне ў якасці звароту займеннікаў *сам, сама, самі* – *А сам-жа надоўга прыехаў да нас? Чаго сама хацела? Адкуль-жа самі будзіця?* [10, с. 103]. Асаблівую пашану ўтрымліваў і зварот, які падкэсліваў статус гаспадара: *Дзень добрый, пане господару!* [7, с. 151], *Здрастуй, хазяин с прыяцелями* [8, с. 59].

Таксама паважлівай, але больш панібрацкай формай, быў зварот па сацыяльнай ролі ці сацыяльным статусе, якую чалавек займаў у дачыненні да таго, хто звяртаўся – *Здороў свацьцюльнйка* [11, с. 12]; *Дабрывечар да суседка мая* [8, с. 89], *Добры вечар да суседка мая!* [7, с. 387]; *Ці здароў кум?*

[1, s. 156], *Добрывечар, кума мая!* [12, с. 226]; *Бувай, матко, здорова!* [13, с. 140]; *Витам, дзіцятко, витам, родненько* [14, с. 99]. Форма звароту па сацыяльным статусе магла мець паважлівае, а не жартаўліва-панібрацкае адценне, калі мела ўніверсальны характар. Так, да ўсіх сялянаў у залежнасці ад узросту маладзейшыя сяляне той жа грамады звярталіся *дзядзька, цётка* і інш.: *Дзень добры, дзядзько* [15, с. 358], *Дзякую дзядзька!* [1, s. 384], *Добры-дзень, дедко!* [16, с. 24]. Не заўсёды такая форма звароту магла мець неабходны эфект і наладжваць камунікацыю, але не наадварот. Гэта пацвярджае той факт, што гэтая сфера жывой камунікацыі таксама з'яўлялася ў традыцыйным грамадстве моцна рэгламентаванай. М. Федароўскі занатаваў дыялог, які паказвае, што ў пэўных выпадках права на такую форму звароту даваў толькі адпаведны сацыяльны статус таго, хто звяртаўся, інакш яна была недарэчнай: *Памагай Бог, бабкі! – А ці мы табе пупа рэзали?!* [1, s. 420]. Такім чынам, зварот *бабка* з'яўляўся вельмі толькі ў дачыненні да бабкі-пупарэзніцы.

Пры вывучэнні традыцыйнай сацыяльнай культуры звароты ў тым ліку адыгрываюць і пэўную ролю пры класіфікацыі форм грамадскіх узаемаадносін, іх фіксацыя ў разнастайных сітуацыях сацыяльнай камунікацыі дазваляе вылучаць тэма і іншыя характэрныя рысы грамадскіх працэсаў, з'яваў і формаў узаемаадносін.

Моладзевая камунікацыя ў сялянскім асяродку была вельмі насычанай, а формы ўзаемадзеяння – разнастайнымі. Утварэнне форм штучнага сваяцтва моладзі адыгрывала значную ролю ў працэсе сацыялізацыі, а таксама з'яўлялася неад'емнай часткай сацыяльнага жыцця сялянскай моладзі. У выніку чаго паміж маладымі сялянамі ўтваралася асаблівая сістэма ўзаемаадносін, рэгламентаваная правіламі, якая ўплывала, найперш, на формы сумеснага баўлення часу, інтэнсіўнасць камунікацыі ў яе межах, а таксама ў пэўных выпадках забяспечвала сумеснае вырашэнне характэрных для сацыяльнай катэгорыі моладзі сітуацый.

Сваяцкія звароты пацвярджаюць класіфікацыю, напрыклад, такіх форм штучнага сваяцтва моладзі як таварыства і кумленне. Аб гэтым сведчыць замацаванне ў фальклоры вялікай колькасці сваяцкіх зваротаў адзін да аднаго прадстаўнікоў адной узроставай моладзевай групы, не звязаных відавочнымі крэўнымі ці сваяцкімі сувязямі. І таварыства, і кумленне – гэта формы ўзаемаадносін сялянскай беларускай моладзі ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзяў. Таварыства найбольш сістэмна закранала сацыяльныя ўзаемаадносіны моладзі і было найбольш распаўсюджана сярод юнакоў, для дзяўчат больш характэрным быў абрадавы варыянт штучнага сваяцтва моладзі – кумленне. Моладзь аб'ядноўвалася ў гэтыя ўмоўныя саюзы, каб разам весела бавіць час, дапамагаць адзін аднаму ў працэсе сацыялізацыі ці цяжкіх сітуацыях. Часам усталяванне такіх узаемаадносін

магло насіць абрадавы характар, асабліва гэта выяўляецца пры кумленні. Як вынік, усталёўвалася спецыфічная форма грамадскіх узаемаадносінаў, якая выходзіла за межы звычайнага сяброўства і класіфікуецца як форма штучнага сваяцтва моладзі. Як ужо было адзначана, адной з падставаў так лічыць, разам з характарам узаемаадносінаў моладзі, былі ўзаемныя звароты моладзі, якая ўступала ва ўзаемаадносіны таварыства ці кумаўства. Так, маладыя сялянкі, якія пакуміліся на Тройцу, гэта значыць усталывалі паміж сабой спецыфічную форму зносінаў, пачыналі звяртацца адна да адной – *сястра, кума*. Напрыклад: *Уж ты радуіся, белая березинька, / Мы к тебе идзем красныя дзеўшкі, / Красныя дзеўшкі, молодыя молодушкі. / Мы покумимся, поголубимся: / Ты мне кума, а я табе кумка, / С тобою кумилися, не бранилися* [7, с. 188]; *Да дзевочки, мое сестрицы!* [11, с. 291]; *И, кумушки – голубушки, подружки мое, як будете у сад ити, зовите й мене* [12, с. 115]; *Да збяромся, сёстры, / В одно мейсца, / Да як закукуим / Мы жалосно!* [17, с. 23]; *Да вы девочки-сестрички, ти не пойдете до дому* [18, с. 56]; *Насвет маи сястрицы, милы подружки!* [9, с. 157]; *Дзевочки, сестроночки, / Побэрэце ў рукі розочки, / Боронце моей косочки* [19, с. 108]. У Рэчыцкім Палессі Ч. Пяткевіч зафіксаваў цікавую лакальную варыяцыю формы сваяцкага ўзаемнага звароту сябровак – *сёстрык* [20, с. 439].

Акрамя таго, ужываўся цэлы спектр лакальных варыяцый сяброўскіх зваротаў, якімі маладыя сялянкі вызначалі ўзаемны статус блізкіх таварыскіх адносінаў – *пабрацімка* [21, с. 423]; *таварышка* [21, с. 747], [19, с. 50], [2, с. 245]; *дружачка* (*Каціліся ігрушкі з вярхушкі, / Пакидаюць Мар’ячку падружкі – / Дружачка наша, Мар’ячка*) [2, с. 245]; *падружніца* (*Дзевушкі падружніцы, кладзіцеся спаць, / Кладзіцеся спаць – вам некого жадаць*) [13, с. 39]; *падружжэйка* [22, с. 152]; *дружычка, дружка* [23, с. 188]; *падружка, падрушка* (*Спасиба, маи милыя падрушкі, што ни кинули мне ў последнюю часинку!*) [4, с. 396]. Адметная форма сяброўскага звароту беларускіх дзяўчат-сялянак зафіксавана ў паўднёва-заходнім рэгіёне – *тайка, тачка* – ад слова *тая* як лакальная варыяцыя ў значэнні *сяброўка* [18, с. VIII], (*Ну-ця, тайячки, у луку гуляць*) [2, с. 257].

Хлопцы, якія сябравалі і падтрымлівалі адносіны моладзевага штучнага сваяцтва, называлі адзін аднаго *таварышамі* (*Параса мая, кветпоборна мая, / Ни мне, ни каму, ни таварищу майму, / Сырой земли, жоўтаму песку* [8, с. 27], [21, с. 747], *Таваришы жэнютца, / А я ще думаю* [4, с. 152]); *таварышчамі* (*Таварышч, таварышч, верный таварышч мой, я умру. / Палож мяне, братец, верный таварышч, в вишневам саду, / У вишневам садочку, на жоўтом пясочку пад рябінаю*) [24, с. 51]; *прыяцелямі* (*Здрастуй, хазяин с прыяцелями* [8, с. 59]); *пабрацімамі* (*Гетож побрацим твой попявся; чему ж ты его не ретуеш? Не бось! Побрацимов своих не выказываець* [21, с. 423], *Друзьё-побратимы на бережку ходють* [25,

с. 354)]; *браценікамі* [26, с. 109]; *братцамі* (*Ой, вы братцы, вы товариши мои* [27, с. 38], [18, с. 61]); *другамі* [23, с. 187]; *дружылышкамі* [23, с. 187] і інш.

Цікавую трансфармацыю формаў зваротаў у залежнасці ад усталявання формы штучнага сваяцтва адзначыў на Случчыне ў пачатку ХХ ст. А.К. Сержпутоўскі. Этнограф зафіксаваў і дасканала апісаў такую форму грамадскіх узаемаадносінаў сялян, як *сябрына*. Сябрына ў сялянскім асяродку з'яўлялася формай штучнага сваяцтва сталых сялян-гаспадароў, заснаванай на сумесным валоданні імі пэўнай маёмасці і акрэсленай сістэмай прынцыпаў грамадскіх стасункаў паміж гэтымі сялянамі. Сяляне, якія ўступілі паміж сабой у сябрыну, звярталіся адзін да аднаго *сябрук*, *сябр* [21, с. 631]. Адметным момантам з'яўляецца тое, што традыцыя патрабавала, каб *сябры* звярталіся адзін да аднаго на *Вы*, а не на *ты*, нават калі яны дагэтуль доўгі час звярталіся адзін аднаго на *ты* [28, с. 150].

Звароты ў асяродку традыцыйнага грамадства з'яўляліся таксама інструментам сацыялізацыі моладзі. Роля грамады ў сацыялізацыі асобы была выключна вялікай. Сам лад сялянскага жыцця быў скіраваны на калектыўную сацыялізацыю асобы. Асаблівае значэнне ў гэтым працэсе мела калектыўная праца сялян розных пакаленняў, падчас якой адбывалася не толькі перадача гаспадарчых ведаў маладым сялянам, але і маральнае выхаванне. Сялянскі асяродак актыўна ўдзельнічаў у перадачы гаспадарчых і сацыяльных ведаў маладым людзям. Грамада апекавалася над маладымі людзьмі, пакуль яшчэ недасведчанымі будучымі маладымі гаспадарамі і гаспадынямі. Адну з вызначальных роляў у працэсе сацыялізацыі сялянаў адыгрываў уплыў узроставай групы на яе члена.

Вялікае значэнне набывала грамадская сацыялізацыя і падчас баўлення вольнага ад працы часу сялянамі, асабліва для дзяцей і падлеткаў. Забаўкі і гульні сялянскай моладзі ў тым ліку і фарміравалі традыцыйнае стаўленне да грамадскага асяродку і інтэгралі яе ў сістэму прынцыпаў і каштоўнасцяў грамадскіх узаемаадносінаў. Адбывалася гэта ў тым ліку і праз замацаванне ў свядомасці моладзі традыцыйных форм зваротаў у гульнівай форме.

Сваяцкія звароты шырока выкарыстоўваліся моладдзю ў гульніва-абрадавых забаўках. Напрыклад, З. Радчанка, апісваючы адну з варыяцый моладзевага гульнівага карагод у Гомельшчыне, адзначала, што калі карагод спыняўся, у дзяўчыны, якая стаяла ў яго цэнтры, пыталі: *Кума, кума, ти сеяла мак?*, яна адказвала: *сеяла*, пасля чаго карагод са спевамі рухаўся далей [18, с. 45].

З пункту гледжання пытання сацыялізацыі, асабліваю цікавасць уяўляе моладзевая гульня *Жаніцьба Цярэшкі*. Гэтая гульня з'яўлялася гульніва-жартоўнай формай штучнага сваяцтва беларускай сялянскай моладзі, у

выніку якой жартоўнае сваяцтва ўсталёўвалася паміж юнаком і дзяўчынай, якія імітавалі сямейную пару. Кароткі змест гэтай гульні выглядае так: у адзін з калядных вечароў моладзь збіралася ў адной з хат на вечарыну з пачосткай, пачыналася гульня: з прысутных жанатых мужчын і замужніх жанчын выбіраліся «бацька» і «матка», яны пачыналі ствараць пары з дзяўчат і юнакоў, папярэдне даведаўшыся пра іх пажаданні, кожны адстойваў свае пажаданні доўга і грунтоўна, у выніку пары сфарміроўваліся, дзяўчына перадавалася хлопцу ў пару са словамі: *Глядите ж, детки, живите хорошо, друг друга шануйте, не обижайте*, далей ужо «сямейныя» пары ўдзельнічалі ў гульні са спевамі і жартамі [17, с. 41]. Так, відавочна, што гэтая гульня скіраваная на грамадскую сацыялізацыю моладзі ў пытаннях выбару сабе шлюбнай пары. Такім чынам, гульнію *Жаніцьба Цярэшкі* можна лічыць грамадскай формай сацыялізацыі ў сферы сямейных адносінаў. Падчас гульні ў якасці найменняў удзельнікаў, сітуацыйных зваротаў да іх выкарыстоўваліся традыцыйныя сямейныя звароты, характэрныя для іх роляў у гульні – *жонка* ці *баба*, *мужык* ці *дзед* – да ўдзельнікаў, *бацька*, *матка* – да тых, хто пары арганізоўваў [7, с. 100 – 101], [29, с. 42]. Такім чынам, можна меркаваць, што нават у гэтай жартаўліва-гульнівай форме адбывалася замацаванне традыцыйных зваротаў як адметных для сялянскага асяродку элементаў грамадскай камунікацыі.

Звароты ў жыцці чалавека ва ўсе часы адыгрываюць вялікую ролю, але для традыцыйнага грамадства яны мелі асабліва вялікае значэнне – замацоўвалі сістэму грамадскіх узаемаадносінаў, надавалі працэсу камунікацыі асабліва кранальную афарбоўку, стваралі ўтульную, цёплую атмасферу зносінаў.

Звароты ў традыцыйнай беларускай культуры з’яўляліся поліфункцыянальнымі элементамі грамадскай культуры. Яны насілі нарматыўны характар, вызначалі ўзаемны статус сялянцаў паміж сабой і іх пазіцыю ў агульнай сістэме грамадскай камунікацыі, мелі этыкетнае значэнне, былі формамі ветлівасці, дапамагалі наладжваць камунікацыю, падкрэслівалі актуалізацыю статусу ўзаемаадносінаў сялян.

Устойлівыя зваротныя формулы былі значным структурным элементам непасрэднай камунікацыі ў сялянскай культуры. Іх правільнае, адпаведнае сітуацыі ўжыванне з’яўлялася сацыяльным маркерам прыналежнасці да той ці іншай грамадскай супольнасці, паколькі яны мелі лакальную варыятыўнасць і аб’ядноўвалі вясковую суполку ў адзіную сістэму камунікацый са сваімі асаблівасцямі і традыцыямі. Устойлівыя формы зваротаў з’яўляліся свайго роду вербальнымі ахоўнікамі традыцыі і ў той жа час для іх функцыянавання была патрэбная далучанасць удзельнікаў камунікацыі да лакальнай традыцыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgrupowane w latach 1877–1905: w 8 t. Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. T. 4. XVIII, 490 s.
2. *Косич М.Н.* Литвины-Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни // Живая старина. 1901. Вып. 2. С. 221–260.
3. *Пицелка А.Р.* Очерки и рассказы из жизни белорусской деревни. Вильна : Типография “Русский почин”, 1906. [3], 248 с.
4. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1912. Вып. 8. VIII, 600 с.
5. *Jeleńska E.* Wieś Komarówicze w powiecie mozyrskim. Warszawa : Józef Jeżyński, 1892. 83 s.
6. *Бобровский П.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Гродненская губерния. СПб. : Типография Департамента Генерального штаба, 1863. Ч. 1. XXII, 866 с.
7. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1887. Т. I. Ч. I. XXVI, 585 с.
8. *Дмитриев М.А.* Опыт собрания песен и сказок крестьян Северо-Западного края. Гродно : Губернская Типография, 1868. 189 с.
9. *Анимелле Н.* Быт белорусских крестьян // Этнографический сборник. 1854. Вып. II. С. 111–268.
10. *Варлыга А.* Прыказкі Лагойшчыны. Нью-Ёрк, Мюнхен : Выданне фундацыі ім. Пётры Крэчэўскага, 1966. 112 с.
11. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1890. Т. I. Ч. II. XXXI, 708 с.
12. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Киев : типография С.В. Кульженко, 1885. Вып. 1–2. XI, 468, [4] с.
13. *Гильтебрандт П.* Сборник памятников народного творчества в Северо-Западном крае. Вильна, 1866. CXVIII, 294 с.
14. *Киркор А.* Заметки о западной части Гродненской губернии // Этнографический сборник. 1858. Вып. III. С. 47–114.
15. *Павлюкевич В.* О суевериях и предрассудках крестьян Переровского прихода, Мозырского уезда // Минские епархиальные ведомости. 1884. № 12. С. 354–361.
16. *Сербов И.А.* Поездки по Полесью 1911 и 1912 года. Вильна : Типография Иосифа Завадского, 1914. [2], 51 с.
17. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вильно : типография «Русский почин», 1910. Вып. 7. VI, 44 с.
18. *Радченко З.* Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1888. II, XLIII, 265, III с.
19. *Федароўскі М.* Люд беларускі. Вяселле ; уклад., прадм. і пер. з польскай мовы І.У. Саламевіча. Мінск : Полымя, 1991. 142 с.
20. *Pietkiewicz C.* Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Warszawa : Towarzystwo

Naukowe Warszawskie, 1938. 459 s.

21. *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1870. 756 с.

22. *Никифоровский Н.Я.* Очерки Витебской Белоруссии. III. Пособники жихара // Этнографическое обозрение. 1893. №2. С. 92–154.

23. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск : Типография П.А. Силина, 1914. IV, 1022 с.

24. *Косич М.Н.* Литвины-Белорусы Черниговской губернии, их быт и песни // Живая старина. 1901. Вып. 3–4. С. 1–88.

25. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник : в 4 т. М. : Типография А.В. Васильева, 1903. Ч. IV. XVI, 720 с.

26. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1902. Том III. IV, 535 с.

27. *Булгаковский Д.Г.* Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1890. VI, 200 с.

28. *Сержпутовский А.К.* Очерки Белоруссии. I. Сярына // Живая старина. 1907. Вып. 3. С. 149–151.

29. *Никифоровский Н.Я.* Очерки Витебской Белоруссии. VI. Игры и игроки // Этнографическое обозрение. 1897. №3. С. 21–66.

А.Б. Окаева (Минск, Беларусь)

КОНЦЕПТЫ *POST-TRUTH* И *FAKE NEWS* В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается влияние понятий *post-truth* и *fake news* на современное англоязычное медийное пространство. Анализируются предпосылки становления указанных понятий, а также современные политические реалии, способствовавшие их популяризации в медиадискурсе.

Ключевые слова: *post-truth*, *misinformation*, *disinformation*, *fake news*, *медиапространство*.

Не вызывает сомнения тот факт, что стремительное развитие современного информационного общества привело к формированию единого медиапространства, основными характеристиками которого стали условность или полное отсутствие границ и преград на пути информационных потоков. Сегодня нет необходимости быть учёным для того, чтобы с лёгкостью оперировать такими понятиями, как *post-truth*, *fake news*, *misinformation* или *disinformation*.

По версии издательства Оксфордского университета, ещё в 2016 году понятие *post-truth* стало «словом года». В переводе на русский язык, как правило, оперируют понятием *постправда* [2]. Очевидно, что спустя всего

несколько лет концепт *post-truth* рассматривают как полноправный элемент медиадискурса XXI века.

Первоначально словосочетание *post-truth politics*, появившееся в 2010 году в статье блоггера Дэвида Роберста «Post-truth Politics», обозначало определённый тип политической культуры, в котором общественное мнение и медиасреда существенно утратили связь с политическим курсом, установленном в развитых странах мира. Бытует мнение, что во многом мы сами выбрали существование в *post-truth world* или *мире постправды*, а правительства различных стран лишь целенаправленно манипулируют общественным мнением, ограничивая или закрывая доступ граждан к реальной информации.

Если в начале 2010-х указанные идеи не получили массового распространения и многократного цитирования, то за последние несколько лет концепт *post-truth* прочно закрепился в языке массовой информации. Наиболее заметным данное понятие стало в 2016 году: в связи с самыми одиозными заявлениями кандидата в президенты США Дональда Трампа во время его предвыборной кампании.

В online версии словаря Макмиллан и в Оксфордском словаре лексическая единица *post-truth* зафиксирована как прилагательное, указывающая на ситуацию, в рамках которой эмоциональное восприятие информации, равно как и личные убеждения и предпочтения играют несравнимо более значимую роль, нежели объективные факты [1]. Вслед за основным концептом появились и такие словосочетания, как *post-truth politics* и *post-truth age*, означающие соответственно политику постправды и эпоху постправды и обладающие выраженными отрицательными коннотациями.

Современный медиадискурс стал полигоном, где тестируются всевозможные трактовки тех или иных событий, для которых объективные факты менее значимы, нежели эмоциональный компонент и контекст, окружающие то или иное событие. Очевидно, что неутрачивающие информационные войны настоящего времени генерируют и другое понятие – *fake news* или лживые/фейковые новости, основанное на изначально искажённых данных, преподносящихся как истина.

Согласно приложению Google Trends, всплеск поискового интереса к понятию *fake news* совпал с президентской кампанией в США в 2016 году. Безусловно, само понятие существовало и ранее, но именно последнее десятилетие характеризуется ростом подобных сообщений и увеличением их влияния на общественное мнение.

Исследованием заведомо ложной и сомнительной информации и ее восприятием занимаются самые разные специалисты – социальные и когнитивные психологи, политологи, политтехнологи, историки СМИ,

социологи, ученые в области Network Science и специалисты в области распространения компьютерных вирусов. Анализируется природа интереса человека к недостоверной, но вполне соответствующей нашим ожиданиям информации, изучается степень устойчивости ложных идей и концепций, и даже их способность повторяться в общественном мнении с пугающей регулярностью. В феврале 2017 года в Гарварде (США) состоялась научная конференция «Combating Fake News: An Agenda for Research and Action», в рамках которой учёные обсуждали природу данного феномена и способы борьбы с ним. Специалисты из ведущих научно-исследовательских центров США и Европы анализировали степень воздействия *fake news* и связанных с этим явлением элементов современного медиадискурса на среднестатистического гражданина. Идеального способа противодействия распространению ложной информации в современном медиапространстве предложено не было. Однако было предложено различать понятия *fake news*, *misinformation* и *disinformation* [2].

В случае с *misinformation* неверное или ошибочное информирование происходит без злого умысла одного или нескольких источников. Прежде всего, это неумышленный обман потребителя путем донесения до него сообщения, в котором все или часть фактов не соответствуют действительности, или искажены в силу заблуждения или по невнимательности. В эту же категорию входят и опечатки, и непроверенные новости, и колонки-мнения, написанные на основе неполной или ложной информации (автор может быть абсолютно уверен в надёжности своего информатора). По мнению учёных, этот элемент *fake news* – неизбежная плата за несовершенство человеческой природы, редакционного процесса и/или информационных систем.

Всемирно известный медиамагнат первой половины 20-го века Джозеф Пулитцер полагал, что «в тот день, когда газета выйдет без единой опечатки, мир станет другим». Сам Пулитцер снискал как славу скандального журналиста и издателя, который не брезговал созданием *fabricated news*, так и способствовал переходу своего издания *The New York World* от принципов *жёлтой прессы* к формату *расследовательской журналистики*, созданию Высшей школы журналистики и учреждению профессиональной премии.

Сложнее обстоит дело со вторым типом *fake news*, или с таким понятием, как *disinformation*, поскольку в этом случае присутствует осознанное и намеренное изменение или подмена фактов в сообщении, в интересах распространяющего сообщение.

Традиционно считается, что дезинформация выстроена таким образом, что она вызывает доверие у ее потребителя, и воздействует на его мнение, решения или общее поведение, в соответствии с предполагаемыми целями создателя *disinformation*.

Важно помнить, что в отличие от *misinformation*, лексическая единица *disinformation* – это заимствование из русского языка. В своей основе, дезинформация – это частный случай пропаганды. В частности, военная или разведывательная дезинформация – это часть системы власти и хитроумная игра, в которую вовлечены сильные мира сего; дезинформация в медийном пространстве – это в огромной степени опасное оружие психологической манипуляции, воздействие которого на массовое сознание может иметь непредсказуемые по силе и крайне негативные последствия. В ряду самых заметных примеров подобного воздействия на население будет и дезинформация в эпоху Римско-персидских войн, и распространение идеологии национал-социализма в Германии 1930-х годов, и сталинские репрессии в Советском Союзе, и политика маккартизма в послевоенных США, и эпоха Холодной войны, которая, как казалось, канула в лету с распадом Советского Союза, но начала разворачиваться с новой силой в последнее десятилетие. Образ врага – это неотъемлемая часть процесса дезинформации. Шпионы, появляющиеся в информационном потоке по обе стороны Атлантики сегодня, воспринимаются уже как значимая часть медиaprостранства.

Англоязычные и русскоязычные СМИ настоящего времени активно распространяют порочащую их оппонентов информацию и максимально успешно манипулируют общественным мнением. Вот лишь некоторые заголовки последних лет:

Obama team was warned in 2014 about Russian interference [3]; *13 Russians Indicted as Mueller Reveals Effort to Aid Trump Campaign* [4]; *Russian National Charged in Conspiracy to Act as an Agent of the Russian Federation Within the United States* [5]; *Officials: Master Spy Vladimir Putin Now Directly Linked to US Hacking* [6].

Коммерчески мотивированная ложная информация, более известная как «недобросовестная реклама», также может быть рассмотрена как третий тип *fake news*. Общеизвестно, что реклама не только продвигает товар или услугу, она ещё и должна победить в борьбе с конкурентами того или иного бренда. Недобросовестные сравнения, намёки на низкое качество продукции оппонента способны существенно дискредитировать продукцию конкурирующей компании. Подобный подход безотказно работает как в политической, так и социально-культурной сфере. В этом случае *fake news* – это прежде всего дискредитация лица, намеренное нанесение ущерба репутации человека или компании, которое может повлечь за собой снижение рейтингов, финансовые потери и тяжёлые психологические последствия для лица, ставшего объектом травли.

По мнению профессора Гарвардского университета Стивена Сломана, одного из самых известных когнитивных психологов современности, «люди

создали и создают чрезвычайно сложные сообщества и технологии, но большинство из нас не имеет понятия, как работает шариковая ручка. Как нам удастся достигать столь многого, зная порой так мало?

На самом деле мы все знаем меньше, чем предполагаем. Это касается и представлений об общем объеме наших знаний. *Единственное, в чем я уверен после стольких лет научных усилий – люди мало думают, не любят думать и не особенно ценят тех, кто думает»* [7, 25].

Вполне вероятно, что одной из основных причин всепроникающей силы *fake news* является инертность нашего мышления, мы с трудом соглашаемся запускать механизмы критического мышления. Мы часто идём на поводу у наших желаний, охотнее верим в то, что является простым и понятным, не желаем критически отнестись к информации, которая соответствует нашим ожиданиям или даже мечтам.

В медиапространстве профессиональных СМИ и социальных сетей среднестатистический человек получает неограниченный доступ к своеобразному сериалу обо всём на свете и поглощает информацию в режиме *binge watching*. *Fake news* в данной ситуации являются благодатной почвой для самых немислимых сюжетных поворотов.

Социологи, специалисты в сфере Network Science, и даже вирусологи видят в *fake news* свой объект исследования. Распространение ложной информации мало чем отличается от распространения вирусной инфекции: сначала от человека к человеку, затем от группы к группе, а в итоге под ударом уже население целой страны или континента. Но в случае распространения *fake news* на первый план выходят управляемость данным процессом и скорость «заражения» ложной информацией больших групп людей.

В последнее время значительно возросла роль социальных сетей в распространении фейковых сообщений. Facebook, Twitter или Instagram способны запустить «эпидемическую модель», а традиционные медиа ресурсы, могут и по ошибке, или в целях разоблачения неправды, усилить степень воздействия и увеличить зону охвата *fake news*. Согласно исследованию Microsoft Research, процесс останавливается только тогда, когда исчерпан потенциал фейка, так как возникает другой повод для обсуждения или появляется новый сюжетный поворот.

История XX века зафиксировала множество примеров использования *fake news*, но ложные сведения конкурировали с проверенными сведениями медиа изданий, ценящих свою репутацию. 21-й век стал веком цифровой коммуникации, где авторитетов нет. Обычный блог по силе воздействия предоставляемого контента способен конкурировать с крупнейшими изданиями мира. The New York Times или Washington Post уже не лидеры мнений, а скорее просто участники соревнования, в котором главным

призом станет количество просмотров.

Библиографические ссылки

1. Word of the Year 2016 is... [Электронный ресурс] // English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 02.03.2019).
2. REPORT: Combating fake news [Электронный ресурс] URL: <http://journalismresearchnews.org/report-combating-fake-news/> (дата обращения: 02.03.2019).
3. Obama Team was Warned in 2014 about Russian Interference [Электронный ресурс] // Politico. URL: <https://www.politico.com/story/2017/08/14/obama-russia-election-interference-241547> (дата обращения: 02.03.2019).
4. 13 Russians Indicted as Mueller Reveals Effort to Aid Trump Campaign [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/16/us/politics/russians-indicted-mueller-election-interference.html> (дата обращения: 02.03.2019).
5. Russian National Charged in Conspiracy to Act as an Agent of the Russian Federation Within the United States [Электронный ресурс] // URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/russian-national-charged-conspiracy-act-agent-russian-federation-within-united-states> (дата обращения: 15.03.2019).
6. Officials: Master Spy Vladimir Putin Now Directly Linked to US Hacking [Электронный ресурс] // ABC News. URL: <https://abcnews.go.com/International/officials-master-spy-vladimir-putin-now-directly-linked/story?id=44210901> (дата обращения: 15.03.2019).
7. *Сломан С., Фернбах Ф.* Иллюзия знания. Почему мы никогда не думаем в одиночестве ; пер. с англ. М. : КоЛибри, ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017. 336 с.

Е.А. Пожарицкая (Одесса, Украина)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В РОМАНЕ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Представленная работа посвящена проблемам репрезентации сюжета художественного произведения вербальными средствами печатного издания и мультимодусными коммуникативными средствами компьютерной игры. Философская платформа игры в сочетании с сюжетной определенностью художественного произведения предоставляет читателю-игроку возможности мнимой свободы. Автор проводит сравнительный анализ печатного авторского нарратива и людонарратива в компьютерной игре.

Ключевые слова: компьютерная игра, людонарратив, авторский нарратив, сюжет, вербальные средства, мультимодусные коммуникативные средства.

Общеизвестно, что электронные средства общения являются удобным

способом распространения информации, в том числе и сюжета литературного произведения.

Диалог человека с компьютером имеет определенные преимущества. Он создает иллюзию прямого и непосредственного личного общения, которое можно в любое время начать или прекратить, не испытывая при этом дискомфорта. В процессе межличностной интеракции обычно выделяют три взаимосвязанных аспекта: *коммуникативный* (обмен информацией); *интерактивный* (организация взаимодействия между людьми), *перцептивный* (восприятие партнерами по общению друг друга) [1, с. 65]. Таким образом, человеческое общение – это, с одной стороны, обмен информацией между людьми, а, с другой – их способ самовыражения.

Развитие электронных средств межличностного общения способствовало разработкам в области кодирования информационного сообщения средствами компьютерной игры. Компьютерная игра имеет все необходимые свойства для человека, желающего новых возможностей для развития и раскрытия своей личности, ощущения себя социально нужным. Это способ заполнения душевного одиночества и реализации неисполненных мечтаний и желаний. Появляется даже особая наука *Game Studies* ‘Теория игры’ (*перевод мой*), которую часто связывают со спором людологов и нарратологов Эспеном Орсетом, Гонсало Фраска и Йеспером Юлом [2].

Исследователи классического нарратива (Р. Барт, И. Бехта, М. Блауберг, Дж. Брунер, К. Гриффин, Ван Дейк, П. Рикер и др.) в своих работах не рассматривают вербальное сопровождение видео-игр. А людологи (М. Эскелинен, С. Чэтмэн, Р. Чернов) основное внимание уделяют психологическим особенностям видео-игры, не давая детального анализа ее вербальной составляющей. Поэтому актуальность данного исследования вытекает как из неразработанности проблемы коммуникативного соответствия людонарратива в видео-игре печатной версии одноименного сюжета, так и обусловливается растущей популярностью компьютерных видео-игр в современном мире.

Объектом настоящей работы выступают персонажные партии Нэнси в романе К. Кин «Нэнси Дрю. Призрак Венеции» (C.Keene Nancy Drew. Phantom of Venice) и ее коммуникативного вклада в одноименную компьютерную игру 2008 года, а целью – установление корреляций печатной версии романа К. Кин «Нэнси Дрю. Призрак Венеции» и его мульти-модусной репрезентации в одноименной игре.

В процессе исследования решались следующие задачи: охарактеризовать видеоигру как особый вид интерактивного ознакомления с сюжетом произведения, установить причины людонарративного диссонанса в игре, определить степени «свободного» выбора игрока,

провести сравнительный анализ типов предложений в речевых партиях Нэнси в романе и соответствующей игре.

Концептуально проведенное исследование базируется на классической теории игрового генезиса культуры, которая изложена в работе голландского философа Й. Хейзинги «Homo ludens» («Человек играющий») [3, с. 351] и эпифанической модели Дж. Джойса [4]. В основу этой концепции положена идея о сущности и значении игры как возможности одновременной мульти-экзистенции – структурной основы для формирования человеческой деятельности. Новаторским является шаг, сделанный Дж. Джойсом от линейного к ризомному художественному мышлению, которое наиболее ярко проявляется в видеоигре. Эпифаническая модель Дж. Джойса делает читателя частью художественного дискурса [4]. Известная исследовательница литературной семантики Э. Белл отмечает, что «сущность произведения не просматривается читателями-игроками, а развивается в соответствии с их объединенными усилиями с авторами-публикаторами...» [5, с. 46].

Существует несколько вариантов классификации компьютерных игр. Все они условны, поскольку появляется множество игр, сочетающих в себе элементы каждой категории. В фокусе исследования – видеоигра типа «квест», в которой игрок движется от задания к заданию, решая основную логическую задачу, при этом коммуникация с игроком осуществляется посредством текстовой информации. Указанный жанр является, на наш взгляд, наиболее подходящим коррелятом детективного романа.

«Нэнси Дрю» – серия игр о девушке-детективе Нэнси Дрю, созданная по мотивам книг, написанной группой писателей, выпускаемой под псевдонимом Кэролайн Кин. «Nancy Drew: The Phantom of Venice» – восемнадцатая компьютерная игра-квест из серии игр «Нэнси Дрю» [6], основана на одноименной книге, вышедшей в 1985 году [7].

Продвижение игрока в квесте осуществляется в соответствии с сюжетом романа. К основной сюжетной линии создатели игры добавили некоторые второстепенные загадки, без решения которых, невозможно прохождение игры [8].

С точки зрения психологии, способность игры влиять на личность игрока имеет бинарную природу и не зависит отдельно ни от человека, ни от свойств игры. Этот эффект определяется сочетанием «субстанций»: игровой матрицы (с ее персонажами, сюжетом и динамикой развития) и психикой игрока (в том числе переживаниями, фантазиями, внутренними образами и др.) [9].

Такое сочетание является предпосылкой возникновения люда-нарративного диссонанса (этот термин в 2007 году ввел в игровой обиход в своем блоге Клинт Хокинг, бывший создатель видеоигр). Сущность такого

диссонанса в том, что дискурс, передаваемый через историю и среду игры, противоречит дискурсу, лежащему в основе ее игрового процесса. Следствием такого противоречия становится не погруженность игрока в сюжет, а, наоборот, его «отключенность» от него. Возможно, из-за отрицательного значения термина «диссонанс» большая часть исследователей, указывает на него как на неотъемлемый отрицательный аспект повествования в видеоиграх.

Видео-игра, по словам Е. Арсета, – особый «кибер-текст», где геймер выступает в роли протагониста повествования [10].

Отметим, что геймеры ни разу не видят лица Нэнси, которая появляется в игре со спины или показана сверху. Даже фотографии главной героини выглядят нечеткими или испорченными. Данная особенность способствует чувству погруженности в игру и слиянию игрока с главной героиней. В компьютерных играх «Нэнси Дрю» представлен обычный для квестов интерфейс. В большинстве случаев игрок управляет Нэнси Дрю, путешествуя по виртуальному миру, допрашивает подозреваемых, собирает доказательства, решает головоломки и проводит расследование.

Нэнси Дрю отправляется в мировую столицу романтики – Венецию, где геймер видит глазами Нэнси каналы, гондолы, узкие улочки, уютные кафе. Нэнси должна помочь полиции в поимке таинственного вора в маске, который совершает одну кражу за другой. Его уже окрестили призраком, потому что он не оставляет никаких улик, словно растворяясь в воздухе.

В игре есть возможность, называемая «Второй шанс» если героиня попадает в расставленную преступником смертельную ловушку, то появляется кнопка «второй шанс» которая возвращает ее на место прямо перед ловушкой, тем самым отпадает необходимость проходить игру «с последнего сохранения» [10]. Согласно нашим наблюдениям, локация в игре и книге полностью совпадают. Различие может состоять только в их описании: интерьер, экстерьер. Как правило, для взаимодействия игроку доступны только определенные части и места комнат. Некоторые из них отвечают за процесс и продвижение сценария игры, например, в игре «Призрак Венеции» нажав на костюм, геймеры должны пройти головоломку с танцем.

В любой книге из серии «Нэнси Дрю» героиня всегда раскрывает преступления и загадки, то есть – побеждает. В игре дело обстоит немного иначе. Игрок может проиграть, не выполнив какое-либо действие, выбрав неправильный вариант, ответив неправильно «Nancy is dead». Вероятность пройти игру без дополнительных шансов зависит от таких факторов, как возраст, опыт игрока и выбранный им уровень сложности. Методом интернет-опроса мы определили коэффициент успешного прохождения игры. При этом установлено, что «выигрыш» в среднем составляет 64%, в

то время как «проигрыш» – 36% (под последним понимается использование дополнительных попыток). Отметим, что соотношение игроков, не закончивших игру вообще, к закончившим ее любым образом: 15% к 85%. Отсюда ясно, что без подсказок игру может пройти каждый третий, а бросить ее в середине – примерно каждый восьмой. Установленная закономерность подтверждает предположение о том, что истоки популярности квестов – в состязательном характере взаимоотношений геймера и создателя игры, а также в предоставлении игрокам относительной свободы выбора различных экзистенций. Очевидно, что в печатной версии книги читатель, всегда выступающий в роли ведомого, «партнер» автора.

Проведенный в работе сравнительный анализ текстовой репрезентации сюжета в книге и мультимодусного отражения его в игре позволяет сделать следующие обобщения. Помимо очевидного замещения авторского нарратива в книге картинкой в игре, наблюдаются различия в количестве персонажей, которые рассматриваются как подозреваемые. В игре, в противоположность тексту книги, представлены щедрый художник, престарелая графиня, любопытный журналист, которые преследуют какие-то свои цели и вполне могут оказаться преступниками.

Увеличение количества подозреваемых отражается на соотношении нарративного и диалогического текста в книжной и игровой версиях «Phantom of Venice». Установлено, что в книге нарратив составляет 39%, а персонажный диалог – 61%; в то время, как в игре людонарратив – 18%, а виртуальный диалог – 82%. Выявленное соотношение диалогического и монологического текстов в романе и в игре объясняется тем, что в игре выбор игрока и получение им информации построен на общении с второстепенными персонажами, т. е. диалог является основной формой повествования.

В процессе исследования засвидетельствованы расхождения в количественном соотношении *простых*, *сложных* и *осложненных* предложений в книге и в игре [11]. При общем превалировании синтаксически простых конструкций в игре указанные типы предложений распределились следующим образом. В игре синтаксически простые предложения составляют 73,4%; осложненные – 14,2% , а 12,4% от общего количества диалогических реплик – сложные. В романе использование простых предложений в диалоге снижается. Они составляют 55,6% от общего количества реплик персонажей, второе место по частотности употребления занимают сложные предложения – 29,4%; количество осложненных предложений не превышают 15% случаев. При этом сложные предложения в игре в большинстве своем имеют экспликативный характер. Например, *He says, it wasn't him. He says someone else wrote the note and left the sausages for me.*

В книге персонажные высказывания Нэнси линейно протяженные. Героиня очень вежлива и проявляет явную тенденцию к употреблению структурно сложных построений за счет речезитетных формул, а также высказываний солидарности с собеседником или описаний своих чувств и отношений. Например, *I'll be glad to come, she said warmly. And don't worry, Tara, you'll bear up, I'm sure of that Just think how happy your Dad will be to know you've come all that way for his sake (C. Keene).*

Что касается коммуникативной направленности предложений, то в игре наблюдается резкое увеличение удельного веса вопросительных построений. Их количество, по сравнению с книгой, возрастает, по нашим подсчетам, почти в два раза. При этом чаще всего используются *специальные* вопросы (*Wh –questions*) для поддержания диалога, чтобы предоставить геймеру возможность выбора среди уже заранее подготовленных опций. Таким образом создается иллюзия полного контроля над событиями, героями и в конце концов развязкой игры, например: *Why would someone do it?, What did he want to say?, Why does everyone's phone number begin with five five five?* В игровой версии героиня часто рекомендует, мотивирует и советует. Например: *Let's spy on him, and we may find something, I would check this room one time more, maybe we have missed something.* В данных случаях также можно проследить тенденцию мнимой свободы. Геймеру якобы советуют сделать что-то, но на самом деле это не совет, ведь продолжить игру без этих действий он не сможет.

Подводя итоги проделанного исследования, можно заключить следующее. Увеличение удельного веса диалогического текста приближает игру к реальной жизни, что способствует высвобождению внутреннего «Я» человека, живущего в другой виртуальной реальности. При этом возрастание количества простых вопросительных предложений обеспечивают вербальную платформу процесса познания и развивают интеллектуальные способности человека, который «сливается» с протагонистом игры. Читая книгу или просматривая фильм, читатель или зритель – всегда пассивный наблюдатель, от которого не зависит финал произведения. В квест-игре существует несколько концовок, которые зависят от выбора игрока, даже при том, что свобода его действий ограничена. Возможность переиграть в игре и увидеть другой финал еще больше способствует ее популярности. Благодаря возможности выбора игра позволяет человеку развиваться и познавать себя. Кроме того альтернативная экзистенция игры позволяет геймеру почувствовать себя в роли любого известного героя.

Библиографические ссылки

1. *Воскобойников А.Э.* Монолог о Диалоге и Понимании // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. 124 с.
2. *Espen J.* Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore, Maryland : Johns Hopkins Univ. Press, 1997.
3. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens ; ст. по истории культуры ; пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. М. : Прогресс—Традиция, 1997. 416 с.
4. *Фоменко Е.Г.* Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.04. Белгород, 2006. 40 с.
5. *Bell A.* The Possible Worlds of Hypertext Fiction / Alice Bell. Lodon : Palgrave Macmillan, 2010. 205 p.
6. Homo ludens [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Нэнси_Дрю_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Нэнси_Дрю_(фильм)).
7. Carolyn Keene. Nancy Drew. Phantom of Venice. New York, 1985, 160 p.
8. *Ворп М.* Didactic Analysis of Digital Games and Game-Based Learning. In: Maja Pivec (ed.): Affective and Emotional Aspects of Human-Computer Interaction. Game-Based and Innovative Learning Approaches. IOS Press, Amsterdam, 2006.
9. *Бурлаков И.* Наука и жизнь [Электронный ресурс] / И. Бурлаков // Психология компьютерных игр. 1999. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/9696/>
10. Aarseth E. Computer Game Studies, Year One // Game Studies. July 2001. Vol. 1. Iss. 1. URL: <http://www.gamestudies.org/0101/editorial.html>.
11. *Морозова Л.Б.* Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : моногр. / Л. Б. Морозова. Одеса : Друкарський дім, 2009. 383 с.

И.И. Репушевская (Одесса, Украина)

ЭЛИЗАБЕТ ИЛИ БРИДЖИТ?

В представленной работе делается попытка выявить сходство и различия лингвистических особенностей репрезентации сюжета в классическом женском романе и романе жанра «чиклит». Проведенный компаративный анализ показывает, что несмотря на преобладание сюжета, синтаксически реплики героинь отличаются, а сам жанр «чиклит» ориентирован на нашу современницу.

Ключевые слова: *женский роман, чиклит, предложение, синтаксическая организация, речевая партия, речевой портрет.*

Гендерные исследования в языке имеют долгую предысторию – данной проблематикой занимались многие известные ученые начала 20 века: Э. Сепир, Ф. Маутнер, О. Есперсен. В настоящее время гендер стал таким же ключевым понятием, как класс, род, нация. Интерес к проблеме гендерных отношений до сих пор проявляют лингвисты всего мира.

Как известно, в художественной литературе даже есть особое направление – «женская проза», или «женский роман». В произведениях этого жанра акцентируется внимание на чувствах и переживаниях героев,

предметом описания является красивая и глубокая любовь, которую не понимают окружающие, а преградой к ней выступают сложные жизненные обстоятельства. Характерной особенностью жанра является тезис о том, что любовь – это самое главное и ценное в жизни женщины, и его целевой аудиторией, как следствие, выступают женщины.

Несмотря на ярко выраженную специфику и общность проблематики, в женском романе прослеживаются определенные поджанры типа «литература для цыпочек», или «чиклит». В представленной работе делается попытка выявить сходство и различия лингвистических особенностей репрезентации сюжета в классическом женском романе и романе жанра «чиклит».

Объектом данного исследования являются женские речевые партии в романах «Гордость и предубеждение» Джейн Остен и «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг. Предмет изучения составляют синтаксические особенности речевого портрета главной героини в романе начала XIX века и современной англоязычной женщины в романе конца XX века.

Цель исследования – выявить закономерности синтаксической организации персонажных речевых партий главных героинь.

В основные задачи исследования входило: конкретизировать понятие «женский роман», проанализировать сходства и различия в употреблении коммуникативных и поверхностно-синтаксических типов предложений в речевых партиях героинь указанных романов, а также проследить тенденции в синтаксической организации персонажных партий героинь в диахронии.

Романы «Гордость и предубеждение» Джейн Остен и «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг написаны на одном языке, принадлежат к одному жанру, но достаточно отдалены друг от друга во времени. «Гордость и предубеждение» создавался в 1796–1797 годах, а увидел свет лишь в 1813 году. «Дневник Бриджит Джонс» был опубликован почти через 200 лет, в 1998 году.

Героини Джейн Остен живут в пуританской, консервативной Англии на рубеже XVIII–XIX веков. Жизнь английской женщины того времени была ограничена домом и церковью. Все мысли, все мечты, все стремления молодой леди были сосредоточены на браке. Действие романа разворачивается в провинции, и сам роман в терминах литературоведения является «усадебным» [1, с. 7]. Начало девятнадцатого века в Англии был временем мужского верховенства во всех сферах общественной жизни: экономике, политике, промышленности, науке и искусстве. И женской добродетелью было поддерживать патриархальный уют дома и верой и правдой служить своему мужчине. Истинная леди не должна была демонстрировать своих чувств на публике, всегда оставаясь сдержанной и подчиняясь правилам этикета [2, р. 267].

Роман Хелен Филдинг является литературной рецепцией романа «Гордость и предубеждение». Именно под влиянием этого произведения Хелен Филдинг создала свой «Дневник Бриджит Джонс». Современная Англия, описанная в Дневнике, пережила сексуальную революцию 1970-х годов. Согласно реалиям этого времени, сформировалось новое сознание, выросла самостоятельность и уверенность в себе женщины, которая хочет преуспеть в карьере и общественной жизни. Действие романа перемещается в мегаполис. Стиль жизни современной героини отличается чрезвычайной свободой, раскрепощения личности. Однако раскованные обычаи, беспорядочные половые отношения не дают женщине ощущения защищенности, душевной близости с любимым человеком. В силу демократизации общественной жизни, речь современной героини изобилует коллоквиализмами и инвективами: *shit, damn, bloody bore, sexual rut* и т.д.

Рассмотрим речевую презентацию главных героинь изучаемых романов в параметрах поверхностно-синтаксической структуры их высказываний.

Проведенный компаративный анализ речевых партий Элизабет и Бриджит показывает, что несмотря на преемственность сюжета, синтаксически их речевые высказывания очень отличаются. Так, в речи Элизабет преобладают синтаксически сложные конструкции (*He has a very satirical eye, and if I do not begin by being impertinent myself, I shall soon grow afraid of him* [3, p. 92]), которые составляют 57,5% от всего корпуса ее реплик в романе. Удельный вес простых предложений (*Sometimes* [4, p. 97]) в ее речевых партиях не превышает 30,5%. В речи же Бриджит на первое место выходят простые предложения (*Oh God, am so unhappy about Daniel!* [4, p. 93]), которые употребляются в 40,5% случаев от общего объема употребляемых ею реплик, в то время как сложные предложения (*Oh, I thought, it was a soap or a shampoo* [4, p. 114]) составляют менее трети (31,2%) ее высказываний.

Отметим также увеличение осложненных синтаксических конструкций в речи Бриджит, частотность которых в два раза превышает соответствующее употребление осложненных построений в речи Элизабет. Например, Элизабет: *I had not the smallest idea of their being ever felt in such a way* [3, p. 89], Бриджит: *But it was so kind of you, taking time off work and everything* [4, p. 67].

Однословные предложения и непредикатные реплики – возгласы – в речи Бриджит достаточно частотны, и по нашим наблюдениям, составляют почти пятую часть всех ее реплик (18,7%): *Oh God* случаются 29 раз, *Oh my God* 11 раз, *Ugh* 14 раз, *Huh* 9 раз, *Humph* 10 раз. При этом все они носят эмоциональный характер.

В свою очередь, Элизабет значительно более сдержанна, в соответствии

со стереотипами речевого поведения того времени. Так, непредикатные и однословные эмоциональные реплики *Oh, no!* не превышают и 5,2 % от всего корпуса речевого вклада героини.

Проведенный анализ убеждает, что современный женский роман даже на уровне синтаксической структуры отошел от классических канонов женской литературы, заменив истинную леди нашей современницей: героини не стараются казаться леди, а ищут дорогу в жизни наравне с мужчинами. Соответственно и само название поджанра «чиклит» приобретает некое антонимическое значение: сохраняя все признаки женского романа, роман «чиклит» ориентирован на нашу современницу, которая живет многогранной жизнью, но при этом мечтает о настоящей любви, любящем муже и семье.

Библиографические ссылки

1. *Саркисова А.Ю.* И.С. Тургенев и английский роман о «Дворянских гнездах» (поэтика усадебного романа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук; 10.01.01. Томский гос. унт-т. Томск, 2009. 26 с.
2. *Lorelle J.* Ten Rules for a Real Ladyю. London : Constable and Robinson Ltd, 1967. 267 p.
3. *Austen J.* Pride and Prejudice ; ed. Pat Rogers. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006.
4. *Fielding H.* Bridget Jones's Diary. UK, Australia : Picador, 1996.

О.А. Степаненко (Одесса, Украина)

КЛЮЧЕВЫЕ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ВОПРОСЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ДЕДУКТИВНОГО ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Настоящая работа посвящена изучению функциональной роли интеррогативных предложений в художественном диалоге детективного романа. В работе делается вывод, что в результате постановки ключевых и сопутствующих вопросов сыщик получает информацию о мотивах, способах совершения преступления и преступнике. Выявлена закономерность соотношения ключевых и сопутствующих вопросительных реплик как 1:3 соответственно.

Ключевые слова: *интеррогативное предложение, ключевые и сопутствующие вопросы, дедуктивная цепочка, персонажный диалог.*

Настоящая работа посвящена изучению функциональной роли интеррогативных предложений в художественном диалоге современного англоязычного детективного романа. Обращение исследования к детективному роману обуславливается жесткой схемой построения сюжета в произведениях данного типа, четкой системой персонажей, основным из

которых является сыщик, ведущий расследование и общей поставленной задачей для сыщика и читателя по дознанию истины. На ведущую роль интеррогативных предложений в разгадке тайны указывает собирательное название детективных произведений *Whodunit*, приведенное в британском литературоведческом словаре [1].

Изучением жанра «детектив» и его вербальной организации занимались такие выдающиеся лингвисты, как Г. Аджапаридзе, С. Балов, Дж. Г. Кавелти, С.С. Ван Дайн, А. Вулис, Е. В. Жаринов, В. Скороденко, Ц. Тодоров, М. Тугушева, С.Н. Филюшкина, Х. Перхонен, И.О. Шайтанов. Однако, не смотря на их значительный вклад в разработку данной проблемы, до сих пор вопрос о функциональной роли коммуникативно различных типов интеррогативных предложений не получил в специальной литературе достаточного освещения.

Актуальность настоящей работы вытекает из гносеологической необходимости углубить теоретическую базу проблемы функционирования интеррогатива в персонажном диалоге различных жанров, а также тем фактом, что коммуникативно различные типы вопросов, закодированных в предложениях неравнозначны в аспекте дознания истины. Объектом исследования является персонажный диалог детективного романа. Предметом – коммуникативно различные интеррогативные конструкции, используемых сыщиком для разгадки преступления.

Цель исследования – установить относительную значимость различных в коммуникативном плане интеррогативных конструкций.

При этом в основные задачи исследования входило рассмотрение интеррогативных предложений как вербальных инструментов познания действительности, анализ последовательности вербальных действий, приводящих к раскрытию тайны, установление этапов дознания и роли интеррогативных конструкций в них.

Материалом исследования послужили 6000 речевых образцов, отобранных из персонажных партий современных англоязычных детективных романов.

Коммуникативно-прагматический анализ персонажных партий в диалоге детективного романа убеждает, что раскрытие преступления в детективе происходит путём дедукции, которая, по сути своей, представляет собой вопросно-ответную цепь, радиально направленную от сыщика к участникам криминального действия [2, с. 193]. При этом вопросительные реплики сыщика рассматриваются в соответствии с их релятивной значимостью для разгадки преступления и условно подразделяются на *ключевые* и *сопутствующие*. С другой стороны, отметим, что коммуникативно близкие вопросы могут выражаться формально различными синтаксическими типами предложений. Так, например, структурно отличающиеся

вопросительные предложения *When was it? At what time did she see him?* могут быть отнесены к категории определения времени. А вопросы типа *Where have you been? Where did you see him? At what place did they meet?* будут интерпретироваться как вопросы, относящиеся к определению места совершения преступления. Отсюда, под **ключевыми** репликами понимаются такие вопросительные предложения, которые организуются вокруг преступления и обстоятельств его совершения и содержат основную информацию, позволяющую ментально воссоздать реальный ход событий. Остальные вопросительные реплики в персонажном диалоге детективного романа интерпретируются как **сопутствующие**.

В результате постановки ключевых и сопутствующих вопросов сыщик получает информацию о мотивах, способах совершения преступления и самом преступнике. Иными словами, такой вопросно-ответный диалог представляет собой закономерным образом организованный квест, где ключевые и сопутствующие вопросы выступают в строго определенной последовательности, обусловленной причинно-следственными связями преступления и его мотивами. Например:

- *What is his address?*
- *Fifth Avenue (M. Gattis).*

Вопросительная реплика является ключевым вопросом, так как выясняет имя убийцы:

– *You! – he squealed. How did you –? What ... happened back there?* (M. Neville).

Оба вопросительных предложения являются ключевыми, так как, выясняют обстоятельства и способ убийства.

- *Well, Mary, I said, you've had quite an evening? Ever gambled before?*
- *Never at a gambling table like this (J. Fletcher).*

Очевидно, что представленные вопросительные реплики являются сопутствующими, так как нацелены на расслабление собеседника, а не на выяснение конкретных обстоятельств преступления. В процессе работы выявлена устойчивая закономерность соотношения ключевых и сопутствующих вопросительных реплик как 1:3 соответственно. Превалирование сопутствующих вопросов объясняется с точки зрения основных положений теории информации и семиотического треугольника Г. Фреге. [3] Последний демонстрирует зависимость знака (в нашем случае – вопросительного предложения), как от объективно существующей действительности, так и от субъективных представлений об этой действительности [4, с. 68]. Иными словами, логическое усвоение информации, и, соответственно, способы ее дознания допускают количественную избыточность операторов как возможных носителей информации.

С другой стороны, сам процесс дознания предполагает формирование перцептивного (чувственного) образа, под которым понимается субъективное отражение в сознании сыщика собранных им характеристик объекта познания. Как известно из теории коммуникации, информационно существенным является только 30% всего коммуникативного потока [5, с. 15], который в персонажном диалоге детективного романа обеспечивается постановкой ключевых и сопутствующих вопросов. Отсюда следует, что ключевые вопросы, запрашивающие значимую информацию для разгадки преступления также составляют 30%.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что вербализаторами логических операций сыщика по получению релевантных и конкретных сведений являются именно ключевые интеррогативные предложения. При этом наблюдается процесс не только количественного, но и качественного (семантического) перераспределения ключевых и сопутствующих вопросов. Иными словами, вопросы, являющиеся на начальных этапах дознания *сопутствующими*, на конечных этапах претерпевают качественные изменения и становятся *ключевыми*.

Под *уточняющими* вопросами мы понимаем вопросительные конструкции, требующие однозначного ответа. Иными словами, в традиционном смысле, уточняющие вопросы синтаксически представлены вопросительными конструкциями закрытого типа – общими вопросами, например:

– *Did you see her that night? Grogan asked.*

– *No. – Felix said (M. Neville).*

В приведенном примере стимулирующей репликой является предложение типа «закрытый вопрос» *Did you see her that night?*, который предполагает ответ «Yes» или «No» и не допускает расширения уже имеющегося информационного поля темы разговора.

– *You mean he is going to give the boys orders to forget Ivan's was there?*

– *Yes (D. Hammet).*

Закрытый вопрос в данном фрагменте репрезентирован сложным предложением, где собственно вопросительная конструкция инвертирована.

– *Have you called the police? asked Cecil pleasantly.*

– *Oh, no, said Anabel (C. Armstrong).*

Стимулирующая реплика в приведенном выше фрагменте диалога также представляет собой закрытый вопрос, предполагающий утвердительный или отрицательный ответ. Кроме приведенных выше ответных реплик *Yes* или *No*, в процессе анализа персонажных диалогов современного детективного романа засвидетельствовано также ответы типа *Sure, By no means*, несущие схожую с *Yes* или *No* коммуникативную нагрузку.

В процессе исследования установлено, что вопросы общего порядка, или

«закрытые», в качестве ключевых употребляются сравнительно редко. Так, вопрос типа *Are you a murderer?* («Вы убийца?» – перевод мой) не типичен для детективных произведений. Закрытые вопросы составляют, по данным нашего исследования, не более 10 % от общего количества ключевых вопросов. Последние в работе рассматриваются как *уточняющие, мета-вопросы, вопросы-переспросы (эхо-вопросы и вопросы-повторы), риторические вопросы, вопросы утверждения*. Как показывает анализ фактического материала? интеррогативные конструкции типа «закрытый вопрос», составляют около 22, 1% от всех интеррогативных предложений в персонажном диалоге детективного романа. Отметим, что количественно удельный вес утвердительных ответов превалирует над отрицательными в пропорции примерно 2/1. Кроме предполагаемых полярных ответов (*Yes* или *No*) в качестве реагирующей реплики на закрытый стимул возможен ответ, выражающий неуверенность, типа: *I don't know*. Ответы неопределенного характера засвидетельствованы примерно в 15,5% закрытых вопросительных конструкций.

Таким образом, проделанное исследование убеждает в когнитивно-коммуникативной трансформации интеррогативных реплик в процессе их функционирования в персонажном диалоге детективного романа. Генерация вопросительных реплик сыщика происходит по принципу сужения области неизвестного и замещения его известными фактами и фокусировании ментальных усилий на отсутствующих проекциях знания о совершенном преступлении.

Библиографические ссылки

1. The Oxford Companion to English Literature / [ed. by D. Birch]. Oxford: OUP, 2008. 1216 p.
2. Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of Literature Terms and Literature Theory. New York : Penguin International, 1998. 991 p.
3. Карогодина В.И., Карогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна : Феникс, 2000. 208с.
4. Frege G. Uber Sinn und Bedeutung // Zeitschrift fur Philosophie und Philosophische Kritik, 1982. № 100, S. 25–30.
5. Гойхман О.Я., Ндеина Т.М. Речевая коммуникация. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФА-М, 2007. 272 с.

Т.М. Сукаленко (Київ, Україна)

ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ ТИПАЖ «ЖИД» У ХУДОЖНІЙ КАРТИНІ СВІТУ XIX СТ.: МЕНТАЛЬНИЙ АСПЕКТ

У статті розроблено модель опису лінгвокультурного типуажу «жид», зафіксованого в українському художньому дискурсі XIX століття з урахуванням його образно-перцептивних, оцінних і ціннісних характеристик.

Ключові слова: *лінгвокультурний типаж «жид», перцептивно-образні і ціннісні характеристики, фрейм, слот.*

Типаж «жид» є традиційним образом у художній літературі Європи. Тут він є і купцем, і лихварем, і дрібним торговцем. Наприклад, у французькій літературі XIX ст. спостерігаємо стереотипне уживання образів: біблійний єврей (у письменників-романтиків); єврей-фінансист, підприємець, представник привілейованого класу (О. де Бальзак, Е. Золя й ін.). Зрідка представлено образи євреїв – робітників або ремісників, здебільшого емігрантів, вони переважно зображені агітаторами, бунтарями, революціонерами. В англійській літературі, зокрема в У. Шекспіра, «жид» це збірний образ, який одночасно постає і трагічним, і жалюгідним.

До образу жида зверталися російські письменники: О.С. Пушкін («Скупий лицар»), М.В. Гоголь («Тарас Бульба»), І.С. Тургенєв («Портрет єврейки», «Жид»), М. Горький («Каїн і Артем») та ін.; письменники Франції: О. де Бальзак («Людська комедія», «Гобсек»), Жорж Санд («Жителі Міссісіпі»), Гі де Мопассан («Милий друг», «Монт-Оріоль»), Е. Золя («Гроші») та ін.; письменники Польщі: Е. Ізопольський («Дума з дум українських»), О. Гроза («Канівський староста») та ін.

Поширеним цей типаж є і в українській літературі, створюваній у підросійській та півдавстрійській Україні. Він представлений у таких творах: Т.Г. Шевченко («Гайдамаки», «Прогулка с удовольствием и не без морали», «Варнак», «Музикант», «Наймичка», «Княгиня»), М.І. Костомаров («Переяславська ніч»), І.С. Нечуй-Левицький («Кайдашева сім'я», «Микола Джеря», «Поміж ворогами»), С.В. Руданський («Рабин і запорожець»), І. К. Карпенко-Карий («Бурлака»), Панас Мирний («Як ведеться, так і живеться», «Лихі люди» (Товариші), «Повія»), І.Я. Франко («Перехресні стежки», «Навернений грішник», «Борислав сміється», «Ріпник», «Гершко Гольдмахер», «У столярні», «На дні»), А.Я. Чайковський («Четверга заповідь», «Козацька помста»), Т. Г. Бордуляк («Бідний жидок Ратиця»), О.Ю. Кобилянська («Земля», «Банк рустикальний»), М.П. Левицький («Одно слово», «Перша льгота», «Законник», «Безпартійний», «У вагоні», «Порожнім ходом», «Союзник», «Наградні», «Страшна ніч», «Негайна справа», «Соломонів суд»), В.С. Стефаник

(«Палій», «Засідане»).

Ця тематика стала об'єктом і літературознавчих праць. Наприклад, єврейську тему в українській літературі ХІХ на поч. ХХ стст. описував Г.Ю. Грабович. Художні особливості моделювання образів євреїв в українській літературі кін. ХІХ – поч. ХХ ст. (на матеріалі творчості М.М. Коцюбинського та В.М. Леонтовича) представлено в праці А.М. Меншій. Відома праця М. П. Драгоманова «Євреї и поляки в юго-западном крае» (1875).

Широке побутування в різноманітних жанрах українського фольклору типу «жид» зумовило досить активне висвітлення цього питання в українській фольклористиці. Зокрема, образ «жид» в українському фольклорі досліджував С.В. П'ятаченко, у драматично-ігровому фольклорі українців – О.В. Курочкін; про втілення стереотипних уявлень щодо представників інших народів у фразеології і пареміології української мови (на матеріалі фразеосемантичних груп «євреї» і «цигани») йдеться в дослідженні І.Ю. Агаркової. П. Ковалько (Олена Пчілка) в статті «Очерки національных типов в украинской народной словесности: черты типа еврейского» описала стереотип єврея в українському світогляді, дослідила ставлення українців до євреїв на матеріалі українських народних приповідок, оповідань, прикмет, переказів, легенд, анекдотів тощо.

У структурі типу «жид» можна виокремити такі основні фрейми: «Релігійні характеристики», «Соціальні характеристики» (слот «Роботодавець»), «Громадська активність», «Внутрішні моральні характеристики», «Типові заняття» (слоти: «Шинкарство, корчмарство», «Дрібна торгівля»), «Соціальний стан і соціальна поведінка», «Зовнішні характеристики» (слот «Одяг»), «Освітні характеристики», «Мовні характеристики», «Сімейний стан», «Місце проживання».

Фрейм «Релігійні характеристики».

Типовою лінією віднесення типу до чужих виступає релігія. Відсутність релігійного протиставлення не спостерігається ні в історичний період, ні в сучасний. Фрейм «Релігійні характеристики» представлений дуже скупо. Разом з тим не можна не помітити, що релігійна ознака типу «жид» пов'язана з певною утаємничістю. Найбільш актуальним для реалізації ознаки «чужий» виступають релігійні відмінності іудаїзму від християнства. За творами української літератури, євреї виступають у ролі вірних виконавців та посередників: [Анастасій]: *Не дуже-то й нова. Зібрав був грошей я і заплатив Жиду Овраму за святу службу, З мовою такою, щоб сьогодні і завтра не було запрету. Він **Оддав ключі**; ударили у дзвін; Ізбігся люд; я службу був почав і, так як то закон повеліває Христові страсті споминать сьогодні, Взяв плащаницю з олтаря й несучу... Як тут у двері жид і закричав: «**За плащаницю треба особливе Платити**». Я йому*

ї кажу: «Змилуйся; Я вже оддав тобі. Чого ж ти пнеєшя? **Ти ворог божий, жид, не слід тобі Ходить сюди, як служитьсяя**». А він **Схватив** із рук у мене **плащаницю** **Й давай її ірвати та тріпати...** (М.І. Костомаров. Переяславська ніч, т. 1, с. 229).

Релігійні аспекти характеристики типажу «жид» іноді виходять за межі протиставлення іудаїзму православному віросповіданню, зокрема, це можна бачити в повісті «Перехресні стежки»: – **А, пан Вагман! Рідкий гість! Прошу, сідайте!** – мовив бурмістр, приймаючи Вагмана в своїм кабінеті. Вони були товариши ще з дитинячих літ, але пізніше їх дороги розійшлися, і хоч жили в однім місті, вони здибалися рідко, тим більше, що належали навіть **яко жиди до різних таборів: бурмістр, цивілізований жид, держався партії т[ак] зв[аних] німецьких жидів, між якими було декілька таких, що так, як і бурмістр, грали ролю польських патріотів, – а Вагман належав до жидів-старовірів, хуситів** (І.Я. Франко. Перехресні стежки, т. 20, с. 385).

Цю диференціацію відбиває у своїй творчості М.П. Левицький: **До мене прийшов поважний заможний жид-різник, Іона Бергер. Різники у жидів – то духовні особи і, як рабини, повинні добре знати талмуд і всі правила та закони щодо тrefного та кашерного (чистого й нечистого м'яса).** – Я сам здоровий, хвалить Бога, – сказав Бергер, увічливо привітавшись зо мною, – а прийшов до вас я побалакати про одного хворого, коли дозволите (М.П. Левицький. Одно слово, с. 270). У наведеному контексті зреалізовано станово-класові цінності, пов'язані з інтересами і світовідчуттям окремих класів і соціальних верств.

У зв'язку зі сповіданням євреями іудаїзму, у літературі досить поширеним є сцени відправлення ними релігійних обрядів. У художніх текстах є сцени моління вдома: ... **Ратиця** **поскладав** **накуплені** **покладки до осібної паки, поперекладав їх половою і став молитися богу. Він** [жидок Ратиця] **прив'язав собі до чола приказаня, взяв з полиці грубу батьківську книгу, і, станувши проти вікна, кивав, як слід по закону, рівномірно головою та шептав слова молитви, перевертаючи засмальцьовані листки і уважно приглядаючись єврейським буквам** (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 97).

За народним уявленням, жид молився до Єгови, зокрема Т. І. Бордуляк пише про це так: **І він здійняв з полиці стару батьківську книгу, накинув на себе дрантивий атлас, став коло хатніх дверей і гаряче молився до Єгови, міцно притискаючи до одвірка свою голову** (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 106).

Іноді наводяться певні характеристики церковних уявлень (кого любить Бог – буде багато дітей): **Він чув десь від старих письменних жидів, що в жидівських книгах стоїть виразно написано: кого бог любить, тому дає**

багато дітей, а з дітьми благословенє, а вже хто не має дітей, то видно, що такого бог не любить і такого треба уважати нещасливим. «Бог, очевидно, любить мене, – думав Ратиця, – і коли він дає діти, то, певно, дасть і на діти!»... (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 105–106).

В оповіданні М.П. Левицького «Наградні» представлено релігійні відмінності між суспільними верствами в аспекті локально-групових цінностей: *Отже, й натиснув начальник скількох багатих купців-жидів і дали вони «жертву» на церкву по карбованців тисячі, а один, кажуть, аж п'ять тисяч дав, бо мільйонер (М.П. Левицький. «Наградні», с. 239).*

Фреім «Громадська активність».

Євреї завжди були гнаним народом, для них характерні різні способи пристосування до утисків. Іноді утиски породжували супротив, що і знайшли своє мовне втілення у такому контексті:

Якийсь чоловік зібрав купу селян та говорить до них – по-нашому таки, по-українському.

– Вас, каже, – люде добрі, збивають з пантелику жиди та революціонери. Не слухайте їх: вони хочуть усю силу в свої руки забрати та зробити тут жидівське царство. Вони собі всю землю заберуть, а вам дуля буде! Собі на безголов'я піддержуєте їх! Вигнать їх треба геть із нашого краю, щоб і духу їх тут не було! А ви за монархистів подавайте, ось вам готові списки. Хто проти начальства, той революціонер!.. (М.П. Левицький. Законник, с. 329–330). Автор описує поведінку, типову для певних груп людей, тобто вербалізує локально-групові та станово-класові цінності.

У деяких творах характерною рисою була ознака чужості в політичному житті, вони є протестними, стають революціонерами: *[Галя:] І добраці ж вони обидва, – побачиш сам. Тато – добрий, такий добрий! Оце він усе проти жидів: геть, каже, треба вигнати тих чужоїдів, тих паразитів; п'явки вони, кров ссуть з бідного народа. А як хотіли тут зробити погром, коли оце конституцію тую об'явлено було, то тільки батько й оступився за жидів; якби не він, то напевне в нас був би погром. Жидів лає, проклинає, а як погорів Гершко-орандар, то батько йому й лісу дав на хату, і соломи – вкрити. Він тільки не любить, як йому про це нагадувати... А з дядьком як заведуться іноді про політику, то хоч водою їх розливай! Ніби найзавзятіші вороги, а як вони люблять один одного! Сам побачиш (М.П. Левицький. Безпартійний, с. 442).*

Порівняння зображення типажу «жид» в українській художній літературі з польською літературою показує подібність зображення цього персонажа. Зокрема, М. В. Брацка акцентує увагу на тому, що доробок поетів «української школи» виявляє складний, неоднозначний стереотип єврея, який представлений в етнографічних працях Е. Ізопольського, його

оригінальні поеми «Дума з дум українських», а також поеми «Канівський староста» О. Грози. «У цих творах “чужість” єврея простежується в його зовнішньому вигляді, стереотипах поведінки». Стереотипні риси єврея у поезії О. Грози: послужливість, нещирість, хитрість, безбожність, схильність до заздрощів. «У цьому творі, – зазначає М. В. Брацка, – стереотип “чужого” єврея перебуває в опозиції до “свого” козака». Інші притаманні риси єврейської нації, які зафіксував польський історик Е. Ізопольський, – пише М.В. Брацка, – галасливість і неохайність. «Цікаво, що згадані поети не порушують мовного чи релігійного питання. Складається враження, що єврей, хоч і змальовується “чужим”, є інтегральною частиною пограничного українсько-польського світу» [1, с. 12].

У художній літературі обговорюється риса асиміляції євреїв: ... *Се та обставина, що жиди звичайно асимілюються не з тими, хто ближче, але з тими, хто дужчий. У Німеччині вони німці, се розумію; але чому в Чехії також німці? В Угорщині вони мадяри, в Галичині поляки, але чому в Варшаві та в Києві вони москалі? Чому жиди не асимілюються з націями слабими, пригнобленими, кривдженними та вбогими? Чому нема жидів-словаків, жидів-русинів? Бурмістр скривився* (І.Я. Франко. *Перехресні стежки*, т. 20, с. 391). Автор вербалізує специфічні станово-класові цінності, пов'язані з інтересами євреїв як окремішньої суспільної спільноти, причому цінності стосуються виключно питання збагачення та влади.

У зображенні І.Я. Франка «жид» характеризується як багатогранний образ:

–... *Борони Боже! По-моєму, жаден жид не може і не повинен бути ані польським, ані руським патріотом. І не потребує сього. Нехай буде жидом – сього досить. Адже ж можна бути жидом і любити той край, де ми родились, і бути позиточним, або бодай нешкідливим для того народу, що, хоч нерідний нам, все-таки тісно зв'язаний з усіми споминами нашого життя* (І.Я. Франко. *Перехресні стежки*, т. 20, с. 392).

Фрейм «Соціальні характеристики».

Слот «Роботодавець». Єврей у зображенні письменників підросійської та південноукраїнської України був дрібним роботодавцем: *Тільки, обойдя все село без успеха, нанялася нарешті у жида в корчме. Не могу вам сказать, сколько именно лет она служила у жида, только знаю, что я уже был порядочный мальчуган, когда она умерла, – а умерла она, сколько я припоминаю, от чахотки* (Т.Г. Шевченко. *Музыкант*, т. 3, с. 202); *Ты у жида в корчме нанялася носить воду за четвертку вина* (Т.Г. Шевченко. *Наймичка*, т. 3, с. 102).

В іншому контексті в одній площині станово-класових цінностей представлено образи жида та пана:

– Та я, Андрію, мушу си коло людей тулитися, а де ж я подінуся?

– Дівайтесь, де хочете, а між газди ви вже нездатні. **Шукайте собі служби в єврея, або в пана... там робота легша** (В.С. Стефаник. Палій, с. 133).

Євреї займалися торгівлею, тому і давали робочі місця іншим, про що свідчить розмова о. Никодима з о. Мефодієм: – **Що ж поробите? Боротьба з «польською інтригою», з «жидовским засилієм». – З «мазепинством», – додав о. Никодим. – Ох-ох-ох! – зітхнув о. Мефодій. – Та воно таки... справді ті жиди... тес... – Що жиди? Жили ми з ними стільки часу й не з'їзли ж вони нас? А без жиди яка була б комерція? Чи ви що-небудь купите або продасте без жиди? – Отож бо й є «засиліє». – Яке «засиліє»? Вигода всім; оживляють вони всяку торгівлю. Самі зароблять, – бо треба ж їм жити на світі, але й людям заробіток і вигоду дають. Не було б жидів...** (М.П. Левицький. Союзник, с. 168).

Фрейм «Внутрішні моральні характеристики».

Слот «Риси характеру». Соціокультурні характеристики типу «жид» дуже щільно пов'язані з етнокультурними поглядами на євреїв. Панівною тенденцією є належність до «чужого», тому їм приписуються переважно негативні риси. Соціокультурні ознаки тяжіють до перетворення в етнокультурні характеристики. У підросійській Україні типаж «жид» представлений у творчості Т.Г. Шевченка і показаний як персонаж сучасного буття, так і історичного минулого. В історичній перспективі він стає постаттю, на яку спрямовано гайдамацький гнів. В історичному змалюванні Т.Г. Шевченка типаж «жид» багато чим співзвучний із зображенням цього типу у світовій літературі.

Відомим стереотипним портретом єврея є образ Лейби в «Гайдамаках» Т.Г. Шевченка. Шевченків Лейба, як слушно зауважує Г. Грабович, «цілісніший і значно менш негативний образ ... він лає свого наймита Ярему (який згодом стане гайдамакою) й посилає польських конфедератів шукати неіснуючі гроші в хаті титаря, але, зрозуміло, що робить це з примусу, – щоб порятувати себе від батогів поляків. Він не є добровільним підлабунником або шпигуном, якими були євреї в інших тогочасних творах. Та незважаючи на те, що для оповідача (і, більш ніж в інших Шевченкових поемах, тут між автором та читачами виступає оповідач) Лейба «жид поганій» (*Отак уранці жид поганій Над козаком коверзував*) і «жидяра», він також – у самій нарації – має і специфічні, нестереотипні, симпатичні риси: насміхається, висміює своїх катів і (звичайно, нишком) проклинає їх; його образ змальований не з однозначною ворожістю» [2, с. 245].

Метафоричні вирази, що використовує Т.Г. Шевченко у поемі «Гайдамаки», підсилюють типові риси характеру жиди – боягузтво і схильність до плазування: «*Перед паном Хведором Ходить жид ходором, І*

задом, І передком Перед паном Хведірком» (Т. Г. Шевченко. Гайдамаки. т. 1, с. 140); *Огонь і світить на всю хату, В кутку собакою дрижить Проклятий жид...* (Т.Г. Шевченко. Гайдамаки. т. 1, с. 146).

У західноукраїнській літературі типаж зображений з погляду сучасного життя. Багато в чому повторюються риси і характеристики, що представлені в підросійській літературі. Типовими для півдавстрійської та підросійської України є зображення поведінки жида – він служить, кланяється, догоджає: *Якийсь жидок ударив його легенько по плечі. – Який же ти дурний! На якого чорта було тобі являтися? Хіба присутствіє знало, що твоя мати вмерла? Так би ніхто й не знав, та й була б тобі повік льгота!* (М.П. Левицький. Перша льгота, с. 55).

В іншому контексті спостерігаємо той факт, що авторська оцінка образу тяжіє до позитивної шкали оцінювання, що виявляється у використанні ним іменника зі ступенем здрібнілості в поєднанні з прикметником *бідний*: *Бідний жидок задрожал и пошел с фонарем и поставцем в погреб* (Т.Г. Шевченко. Варнак, т. 3, с. 140).

Зауважимо, на асоціативному рівні у моделюванні типажу задіяно таку його рису як хитрість, вона знайшла своє відображення у дієслівній лексемі *чигав*: *Якісь товариші його, прості, темні мужики, порадили переписати поле на своє ім'я, реченець плати продовжити і таким способом «урятувати» майно, на которе чигав і ждав уже здавна один маючий жид з того самого села* (О.Ю. Кобилянська. Банк рустикальний, т. 1, с. 476).

В іншому прикладі вбачаємо певний асоціативний зв'язок із біблійним образом змія за концептуально значущою для аналізованого типажу ознакою хитрість: *– Правда, – говорив він дальше, – я не перший, що йде через нього в жебри, а й не останній. Щодруге, третє господарство обмотане ним, немов змією, висисуване до крові. А жиди, тота погана невіра, панують в ній і кермують мужицькою долею...* (О.Ю. Кобилянська. Банк рустикальний, т. 1, с. 477).

Станові протиріччя спостерігаємо в такому контексті: *– Шинкарю! давай лишень суди дорогого вина! – крикнув Задержістіт, сідаючи на лаву. – Нема більше моці; Микола виграв! Жид виніс пляшку дорогого вина. Бурлака витяг з гамана гроші і штурнув жидові на стіл. – Наливай! Задержістіт гуляє! Бурлака п'є, бо гроші є! Пий, гуляй, не жалуй грошей. Жид не сердився й наливав вино в чарки, сховавши в кишеню гроші. – Ти думаєш, що й ми не куштували ніколи дорогого вина! – гукнув Корчака. – Давай ще дорожчого, того, що п'ють найбільші пани. Жид виніс поганшого вина й здер найбільші гроші з бурлак* (І.С. Нечуй-Левицький. Микола Джеря, т. 1, с. 504) – бурлаки намагаються дорівнятись до панів, жида автор показує як людину, яка за будь-яких обставин переслідує наживу.

У Панаса Мирного це теж знайшло відображення: *Пішли у погріб до*

*жида випити доброго вина. Ще не всіли і по стаканчику вихилити, як нестямний гомін, галас пронісся погребом. То увійшов туди Власов з своєю кумпанією: прикажчиком з контори та писарями. Жид зразу кинув їх і побіг до Власова. – Вина! вина! – кричав той. – Доброго вина з Цареграду. – Олександр Петрович! — обізвався прикажчик: – хай краще виморозків дасть. – Ну виморозків. **Жид метався, бігав сюди-туди, стукотів посудю** (Панас Мирний. Як ведеться, так і живеться. Панич, с. 500) – опис поведінки жида сповна виказує його бажання догодити панам і при цьому мати з цього зиск.*

З одного боку, це фігура безправної забитої людини, яка має пристосуватися до навколишніх реалій. З іншого боку, він має і найманих робітників, може ошукати й обдурити:

Він махнув рукою, неначеб зрікався грошей, і не відповів.

*– Що сталося з грішми, Івоне? За що забрав їх **жид**, коли Михайла взяли? – питала, натискаючи.*

*– **Жид**, Маріє, – відповів із наміром помирення, – **жид десь дівся!** Я його не видів! Бог знає, що з ним сталося! Може, **отуманив** мене. Як отуманив мене, то нехай його бог за те скарає, бо гірко працював я на ті гроші (О.Ю. Кобилянська. Земля, с. 56).*

У художніх текстах натрапляємо і на позитивні характеристики жида.

Помітним є те, що Т.Г. Бордуляк симпатизує своєму персонажеві і показує його як людину доброзичливу, сердечну: *Однак він був людиною **м'якого серця**, злість у нього скоро минала (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 113).*

Т. Г. Бордуляк приписує жидові таку рису, як забобонність: *Невеселі думки кружили по его голові. Ратиця [жидок] був **вельми забобонний**, і ся перша неудача на першій кроці его життя цілком его пригнобила (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 98–99).*

Письменник підкреслює й іншу рису характеру жида – працьовитість: *Щастє до нього весело всміхалося, зарібки не переводились, а до того ще кожний рік **приносив єму нову потіху – кожного року родився єму син. Ратиця [жидок] **страх тішився дітьми!**** «Нехай-но они, – думав він собі, – попідростають, а тогді ми кинемось всі до зарібків, то але раз буде життя, багатство? А поки що треба годувати малих купців...» І він [жидок] **запопадав, крутився на всі боки, працював з подвійним напруженєм для дітей**, а рік сходив за роком (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 101); А минув шабас. Ратиця [жидок] на другий день **брав знов кошик на плечі – і гайда в село за рибою, за всякою всячиною** (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 102); І я [жидок] **працюю**, а що зароблю, то на тебе, щоби з жінкою і з дітьми з'їсти, а що лишилось від їдла, то сховаю, а як я прожию тільки літ, що мій батько, то й я зложу сотку, а може, й більше...*

(Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 103); – *Робота як робота, – відказав Ратиця [жидок], – заробок добрий, як у кого є челядь, а в коморі не пусто. Коби так мої хлопці були вже рослі, то я міг би з ними ринський срібла денно заробити, а так то підлий заробок... але й тим не треба кидатися* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 116). Описуючи свого персонажа як працювиту людину, автор актуалізує індивідуально-особистісні цінності, адже уявлення про роботу та ставлення до неї є значущими елементами світосприйняття цього літературного образу.

Про це також йдеться у М.П. Левицького: – *Не знаєте? Ну, то я вам розкажу, щоб знали. Отсе з наших жидків – які бувають часом злидарі, гольтіпаки, а красти або старцювати не піде жоден. Вже коли немає капіталу, щоб торгувати, або ремесла не знає, то буде факторувати то це, а просити або красти – зроду-віку; все-таки своєю працею заробить собі хліб. А що ви зробите, коли тепер такі тяжкі часи настали – не дай Бог, не дай Бог!...* (М.П. Левицький. Порожнім ходом, с. 34–35).

Т.Г. Бордуляк приписує типажу «жид» такі риси, як привітність і терплячість, які проявляються у спілкуванні з односельцями: *Заледво Ратиця показався на подвір'ю, дядько Миханенько закликав: Здоров, Ратице! А що, будеш нашим фуляром, чи маємо шукати другого? Нащо вам шукати другого? – говорив усміхаючись Ратиця [жидок]. – Коли мій батько з давен-давна провадив з вами гендель, то чому ж і я не маю так само робити?* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 96); *Ратиця [жидок] слухав терпеливо всіх тих напімнень, кланявся, підлецувався рибакам, обіцював золоті гори...* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 96).

Типаж «жид», за даними художньої літератури, виступає чужим, але не ворожим. У чужості є дві іпостасі: той, до якого ставлення з позиції селян, робітників, панів прихильне, з іншого боку, можна натрапити і на негативні характеристики.

У межах аналізованого фрейму спостерігаємо опозиційні протиставлення:

- **жид – селянин:**

У поданому контексті два лінгвокультурні типажі (жид та пан) протиставляються типажу селянин, представленому в уривку словосполученням *бідні мужики*. Це протиставлення має за основу опозицію *свій – чужий* та актуалізує станово-класові цінності кожного з вербалізованих типажів:

– *А по-моему, земляче, и стоятъ и думатъ нечего. Пускай жида да паны думают, как им подальше дукаты прятать, украденные у бедных мужиков!* (Т.Г. Шевченко. Варнак, т. 3, с. 140).

В іншому прикладі автор передає протистояння між жидами та селянами за ознакою *свій – чужий*, відображаючи у його контексті локально-групові

та станово-класові цінності: *Жиди підпоювали декотрих громадян, підбивали їх oddати їм громадські шинки, та нічого не вдіяли. Джеря підбив громаду подати губернаторові лист, щоб жидів зовсім виселити з села* (І.С. Нечуй-Левицький. Микола Джеря, т. 1, с. 534–535).

Серед оцінних характеристик у Т.Г. Бордуляка можна помітити позитивне ставлення до жидка Ратиці з боку селян: *Всі знайомі радо ego вітали і питали, чи немає риби* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 94); *– Тихий жидок був той Ратиця! – говорив хтось з громади. – Сумирний, нікому не заколотив води...* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 123); *Ратиця скочив ще до других рибаків. Всі були ему раді і вітали ego як свого фуляра* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 96); *– Добрий з нього був колісь фуляр, – додав дідок Миханенько, – але як пропала риба, так ось і Ратиця пійшов за рибою* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 124); *Та коли другі жиди, іродові сини, уміють рахунки, чому ж ти, Ратице, маєш бути темний, як табака в розі? – Панас сміявся весело і при послідніх словах поклепав Ратицю приязно по плечі. – Знаєш що, Киво? – говорив він дальше, – я не люблю вашої віри... бо всі жиди – то шахраї, п'явки, душогуби, але ти, Ратице, чесний жидок, ти не робиш нікому злого... от торгуєш, щоби вижити в світі... чи не правда? Ну, таки так! Я бідний жидок, нічого нікому не винен. Ходи, ходи, любчику, навчися рахунків, – говорив весело Панас, – може, й тобі удасться кого вшахрувати...* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 104). Протиставляючи вустами свого персонажа Киву іншим жидам, показує протиріччя всередині одного суспільного стану та вербалізує за допомогою такого протиставлення загальнолюдські цінності, поляризує категорію оцінки відповідно на позитивну та негативну.

В іншому прикладі позитивна оцінка автором образу актуалізується через опозиційне протиставлення *свій – чужий*, виражене у наведеному фрагменті присвійним займенником *наш*: *– Наш-таки жидок, громадський, – сказав хтось другий, – та й замерз на морозі ні за нюх табаки* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 124).

- **жид – робітник:**

У ставленні робітників до жидка Ратиці помітно, що, жартуючи з нього, вони йому співчувають: *Ратиця [жидок] прийшов і сів коло огню. Утома і пригноблене пробивалися з цілого ego єства, так що робітники, котрі перед хвилию шуткували з нього, поглядали на нього з якимось співчутєм і подали ему печених картоплів, часнику, цибулі...* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 115).

- **жид – пан:**

Не лише селяни, робітники, а й пани ставилися до жидка прихильно: *Ратиця [жидок] пійшов ще до панів, до котрих давніше носив рибу, і пани*

не відпускали его з порожніми руками. Одна пані дала єму муки, друга круп, не оден пан всунув у жменю грошей (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 118).

- **жид – жид:**

У спілкуванні євреїв між собою прослідковуються позитивні характеристики. Письменник наголошує на таких рисах персонажа, як згуртованість: *Вже їм жиди не дадуть загинути. Жидівня, звичайно, тримаєся купи, оден за другим в огонь скочить... не так, як наш брат християнин* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 124); – *Вже поналазило жидови й зараз цілий ярмарок учинили!* – озвався «союзник». – *Чого вам треба?* (М. П. Левицький. У вагоні, с. 194).

Щодо відносин жидів між собою, то, з одного боку, вони були одностайні у будь-якому питанні, але траплялися між ними й суперечки, роздори, інтриги, підсилено це синонімічними рядами і парами: *невдоволення, роздрознення, інтриги; кричать, сваряться*. І.Я. Франко у творі «Перехресні стежки» показує це на прикладі виборів до кагалу: – *Знають пан староста, у нас незадовго мають бути вибори до кагалу. Та між жидами настало велике невдоволення, роздрознення... Інтриги йдуть, одні против одних риють. До школи зійдуться, то замість Богу молитися, кричать, сваряться, одні одним пейси та бороди вимикують. – Ов, а я й не чув нічого про се! – Нібито наша хатня справа, а проте до того доходить, що годі дати собі раду. І от між жидами повстала думка – скликати й нам собі таке зібрання, як скликають хлопи* (І.Я. Франко. Перехресні стежки, т. 20, с. 398).

Іншою рисою єврея є готовність прийти на допомогу: *Правду сказав дідок Миханенко. Таки того самого дня нахляла до села міських жидів тьма-тьменна та нанесли Рифці з сиротами добра цілу купу, що могла для Ратициної сім'ї вистати аж геть під весну; а що грішими, то ніхто вже й не знав* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 124); *Жиди надавали єму [жидку Ратиці] хліба: хто ціле бохоня, хто половину, а дехто лиш булочку* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 118).

Фрейм «Типові заняття».

Євреї займалися корчмарством, дрібною торгівлею, позичанням грошей тощо. У межах цього фрейму виділимо слоти: «Шинкарство, корчмарство», «Дрібна торгівля».

Слот «Шинкарство, корчмарство». Типаж «жид» часто постає в народній уяві в образі шинкаря. Зокрема, у повісті «Прогулка с удовольствием и не без морали» він представлений як персонаж сучасного буття. Тут ми бачимо, що аналізований типаж зображений як шинкар, сприймається як людина, яка займає культурну нішу між дворянством і сільським населенням. Він постає у повісті метким, спритним: – *Хорошо!* –

сказал я. – Так ты говоришь, что все, чего я пожелаю?

– Достану все, – **отвечает он не запинаясь...**

– Достань мне одну бутылку, – сказал я самодовольно.

– **Зараз, – сказал жидок и исчез за дверью.** «Ну, – подумал я, – пускай пощепт. Теперь этого вражеского продукта и в самой столице не достанешь, не только в Белой Церкви». – Не успел я так подумать, **как является мой жидок с бутылкой настоящего «Браунстута».** Я посмотрел ярлык на бутылке и только плечами двинул, но виду не показал, что это меня чрезвычайно удивило (Т.Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали, т. 4, с. 212); Я хотя и привык, как человек благовоспитанный, скрывать внутренние движения, но тут не утерпел, **ахнул и назвал жидка настоящим слугою пана Твардовского** (Т. Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали, т. 4, с. 213); **Жид не показал виду, что узнал меня.** Я спросил четвертку водки, кусок хлеба и тарань. Утоливши немного голод, я **спросил у жида лоскуток бумаги, перо и чернило, написал записку и послал жида на панский двор** (Т.Г. Шевченко. Варнак, т. 3, с. 145).

Слот «Дрібна торгівля». Не залишилися поза увагою в художніх текстах характерні види діяльності євреїв, які, як правило, крім корчмарства, ще займалися торгівлею. І. Ю. Агаркова наголошує на тому, що євреї «не з власної волі ігнорували та цуралися фізичної праці й землеробства: влада не дозволяла євреям мати власну землю та займатися сільським господарством, тим самим вони були приречені на торгівлю та ремісництво» [3, с. 7].

Найбільш поширеним заняттям євреїв була торгівля, про що свідчать такі приклади: **А все-таки торгував** [жид Нухим]: *гас, сірники, тютюн, – якось мав кусок хліба і людям була догода...* (М.П. Левицький. Порожнім ходом, с. 34–35); – *А нащо вона нам здалася, коли до містечка близько? Там у жидів усього купиш, аби гроші були.* – *Так то, бачите, жидівські, а треба руські заводити, щоб жидам ходу не давати, бо вони все в свої руки забірають.* – *Та як же без жидів? – здивувався Олекса.* – **Без жида ні купити, ні продати не можна** (М.П. Левицький. Союзник, с. 169); *Ще тиждень трівала тиша в Бориславі. Ще тиждень безжурно иниряли Жиди вулицями, ходили за своїми гешефтами, торгували, шахрували, брали й видавали гроші, заняті тільки біжучою хвилею і біжучими рахунками* (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 216).

Як свідчить такий приклад, жидок Ратиця мав хист до торгівлі, зокрема до дрібної: *Правда, спочатку йшло єму якось нескладно з рибаками. Він, здавалося, і добре платив їм, і гостинці з міста возив, однак рибаки були по найбільшій часті невдоволені. Ратиця [жидок] прийняв спочатку таку засаду, що все давав рибакам за рибу половину поданої ціни, потім з тої половини накидав ще половину, і торг був скінчений без великих короводів.*

Однак рибаки не переставали крутити носами, і Ратиця [жидок] не раз завважав, як они по скінченім торзі, беручи гроші, споглядали на нього якось з погордою (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 99); Ратиця [жидок] вислухав рівнодушно всі обиджаючі слова і прозвища, підтримував сварню, оскільки уважав за потрібне, і купував рибу далеко дешевше, як добрим способом (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 100).

У контексті торгівлі також натрапляємо на протиставлення типажів «жид» та «пан»: *Жиди з панами цілий світ займили. Хто продає – жид, а хто купує – пан. А люди десь-не-дес, шо грубишу яку штуку продают. Телітко, коровку – то це, це, але волів вже мало (В. Стефаник. Засідане, с. 63).*

Також на користь того, що одним із поширених ремесел жидів була торгівля, свідчить сполучуваність лексеми, що є іменем аналізованого типажу, із словами типу *ринок, базар, шинок, крамниця*: [Гершко:] *Ну, слухайте ж сюда: оцей самий Бурлака сидить у мене [жида] в шинку, тільки що прийшов (І.К. Карпенко-Карий. Бурлака, т. 1, с. 45); Зайшов просто до жида, котрому продав був батьківську хату з огородом, садом і трьома моргами приміжного поля. Жид закупив се добро не на те, щоб господарювати, але мав думку завести в хаті шинок і попри тім зайнятися лихвою й іншим жидівським ремеслом. Але якось йому се не вдалося. В селі були вже чотири шинки і на п'ятій годі було дістати концесії (І.Я. Франко. Ріпник, т. 21, с. 47); Ну, отсей Нухим [жид], що я вас везу до його, він жив у Вихватинцях, держав крамничку (М.П. Левицький. Порожнім ходом, с. 34–35); Жиди виглядали з крамниць і дивувались, чого це горобцівський батюшка так хапається на вокзал (І.С. Нечуй-Левицький. Поміж ворогами, т. 6, с. 148); Той старий жид, якого Гусак назвав татом, Мошко Кваргель загально відомий торговець збіжзем. Він мав великий магазин збіжжа таки біля свого домівства на Бліху над самою влинівкою в цьому місці, де був спуст зайвої води (А.Я. Чайковський. Четверта заповідь, с. 404).*

В західноукраїнській літературі типаж «жид» був представлений не лише шинкарем, а й відбивав функцію – мати стосунок до позичання грошей. За текстами художньої літератури, жид був ломбардником: *Тижнів три простогнала стара та й чесно висповідавшись і запричастившись, спочила давно бажаним вічним сном. Мусіли заставити у жида кожеушанку та ще до того позичити у кума карбованців пару, щоб було чим поховати матір (М.П. Левицький. Перша льгота, с. 52).* Автор відображує станово-класові цінності, звичним заробітком жидів було брати щось у заставу або давати позики під відсотки. При цьому в текстовому фрагменті дієслово *мусіли* виражає негативну оцінку автором подій.

У підросійській Україні натрапляємо на рису перекупник, яку приписує

Т.Г. Шевченко типажу «жид»: *А токовой отвечает, что сам князь по частям все жидам продавал, да половину уже и продали. И солому, и полу – все продали жидам, а жиды, разумеется, солому драгунам, а полу (мякину) нашим же мужикам, – а они, бедные, и полове были рады!* (Т.Г. Шевченко. Княгиня, т. 3, с. 174).

Фрейм «Соціальний стан і соціальна поведінка».

Українська художня література дає широкий спектр типажів, об'єднаних назвою «жид» за ступенем заможності – представлені як дрібні торгівці, корчмарі, так і заможні магнати. Останні традиційно ставали об'єктом нападів: *Прошел один только месяц, и я сделался настоящим разбойником. Правда, я никого не убивал, зато немилосердо грабил богатых жидов и шляхту и всякого, кто проезжал в богатом экипаже* (Т.Г. Шевченко. Варнак, т. 3, с. 141) – репрезентація образів жида та ляха в контексті протиставлення біднякам.

Риса заможність жида зафіксована як у підросійських, так і в пiдавстрійських письменників: *Один богатый жид з містечка заплатив панові добрі гроші й купив собі право поставити в селі на панській землі шинки* (І.С. Нечуй-Левицький. Кайдашева сім'я, т. 2, с. 265); *На самім кінці Борислава, на пустій голотечі, стояв великий магазин, де складувався земний віск, видобутий із ям, власність жида Лінденбаума. Се будинок великий, дерев'яний, круг нього повно ям, а попід стінами стирчать купи ілястої білої глини, видобутої із закопів* (І.Я. Франко. Ріпник, т. 21, с. 27); *Мужики лізли до нього, як метли до світла, законів проти лихві не було тоді і Мошкові [жид] йшов інтерес знаменито, і він багатів* (А. Я. Чайковський. Четверта заповідь, с. 405).

Як правило, євреї були малозаможні чи середнього статку. Зокрема, про це пише Т.Г. Бордуляк: *Взагалі Ратиця [жидок] за тих п'ять літ не заробив багато, як сподівався, не зложив тільки грошей, як се було спочатку его мрією. Однак він, як на его потреби, жив цілком вигідно і нічого йому не бракувало. Заробляв стільки, що міг з жінкою і з дітьми вижити, з зароблених грошей доповнив батьківську сотку, котру спочатку був надшарпав, поправив хату, коли вона стала одного року хилитися, і купив корову, щоб діти мали молоко* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 102).

Опис зовнішнього вигляду персонажа ще більше увиразнює сприйняття рівня його статку: *А час йшов все наперед, та до літшого цілком не йшло. Противно з кожним роком ставало гірше, а у Ратиці [жидка] давались відчувати чимраз більшії недостатки. Діти підростали, потребували якоїсь одежі, потребували більше їсти, а тут не було звідки. Страх, як скрутно було коло Ратиці!* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 111).

В іншому контексті бачимо, що протиставлення за ознакою багатий – бідний відбувається навіть усередині однієї суспільної групи: *Однак жоден*

такий заробок не лучався. Всьо захопили в своих руки багаті міські жиди, а его ніхто не хотів навіть до спілки прийняти (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 112).

Цікавий контекст щодо реалізації опозиції *свій – чужий*. Примітно те, що опозиція вибудована письменником в межах одного типажу, а не як протиставлення між типажамі. Ознака «чужий» виявляє негативну оцінку, адже до того, як Гершко почав вважати панське господарство своїм, автор позиціонує його як *худенького дрантивенького жидка*, а зі зміною ознаки з *чужий* на *свій* змінюється і власне образ персонажа: *заживний, поважний і багатий жид: Панське господарство, котре Гершко вважав своїм, зацвіло. Стоги й обороти тріщали, комори й обороти були повні, панщина відбувалася без реманентів, довг до кагалу в кількох літах сплачено, а й сам Гершко з худенького, дрантивенького жидка зробився заживним, поважним і багатим жидом* (І. Я. Франко. Гершко Гольдмахер, т. 18, с. 201).

З іншої позиції зображує єврейське господарювання наступний мікроконтекст: *Посесор був єврей, Абрам Мойсейович Бродовський. Всі заводи належались до одного дуже багатого пана, котрий жив за границею, й рідко приїздив на заводи. Єврейське господарство вже далось взнаки людям і кидалось в вічі. Огорожа місцями лежала на землі, по двору стояли гнилі калюжі; будинки були облуплені, вікна в хатах були повибивані; подекуди ціле стадо кіз гуляло по садочках і гризло дерево* (І.С. Нечуй-Левицький. Микола Джеря, т. 1, с. 477).

Фрейм «Зовнішні характеристики».

Слот «Портретна характеристика». Портретні зовнішні характеристики типажу «жид» досить різноманітні. Як правило, у зображенні Т.Г. Шевченка акцентується увага на рудому кольорі волосся і борідці: *В Козельце нанял я пару немудрих лошадок вместе с рыжим жидком и поехал себе проселком, куда мне нужно было* (Т.Г. Шевченко. Княгиня, т. 3, с. 157); *Я позвал хозяйина, но вместо хозяйина явился какой-то жидок с рыжей бородкой... Явился хозяин, тот самый благовидный жид, что помогал мне снимать непромокаемую шинель* (Т.Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали, т. 4, с. 210); *Ще далеко до базару стрівали їх в кальних улицах швидкі, заялозані перекупки, довгополі, бородаті жиди* (Панас Мирний. Лихі люди (Товариші), с. 138); *Чудуються, дивуються Жиди бородаті, – І давай по цілім світі Гонців розсилати!* (С. В. Руданський. Рабин і запорожець, т. 1, с. 119); *Кого якого знакомого жиди було спитати, хто є Мошко, то він кривився, гладився по бороді і оглядаючися на боки, чи хто не підслухує, говорив одно слово: ганеф (злодій) та спльовував на бік* (А.Я. Чайковський. Четверта заповідь, с. 405). Образ бородатого жиди є поширеним у літературі аналізованого періоду.

Детальна портретна характеристика єврея подана у творі

А.Я. Чайковського «Четверта заповідь»: *Старий Кваргель людина старезна, зівяла і суха мов сушена риба. Замітний у нього ніс, подібний до яструб'ячого клюва. Через брак зубів борода сторчала високо в гору і стояла не далеко носа. Поморщене лице поросле було ріденькою сивою бородою* (А. Я. Чайковський. Четверта заповідь, с. 404).

Т.Г. Бордуляк також детально описує портрет єврея, використовуючи влучні епітети (*сухір'яве маленьке лице, рижі волоски, рижі брови, вузькі груди, сухі довгі руки, низька згорблена стать, нерівні повикручувані пальці*) та порівняння (*лице, мов кулачок; очі цибулькуватої форми; ніс, подібний до сливки*), про що свідчать такі приклади: ... *Я ще не видів такої нужденної людини! – така думка мусила насунутись кождому, хто добре приглянувся Ратиці, хто окинув взором ту мізерну будову тіла Ратиці [жидок], те сухір'яве лице, маленьке, мов кулачок, ті очі цибулькуватої форми, ніс, подібний до сливки, наполовину отворений рот, борідку, на котрій виднілось лиш кілька рижих волосків, подібних до товаричої шерсті, вузькі груди, сухі довгі руки, що теліпалися по обох сторонах туловища... На ім'я єму було Кива, однак его майже ніхто не кликав інакше, лиш Ратицею. Не знати, що властиво, дало причину до того прозвища: чи его низька згорблена стать, чи, може, пальці на ногах, дуже нерівні і якось дивно повикручені... (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 91); – Ти дурна! – сказав до неї Ратиця. – Тут цілком нема чого тишитися. Мусиш знати, – додав він з розумним виразом лица, причім підніс догори свої рижі брови (Ратиця все підносив догори брови, коли говорив щось розумного, і чим розумнійше що говорив, тим вище підносив він [жидок] свої рижі брови, котрі складались лише з кількох волосків), – мусиш знати, що гроші в життю чоловіка се нічого, се піна на воді (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 94); Ратиця [жидок] розсміявся й собі; він вищирив зуби, ціле его лице покрилося дрібненькими зморшками, а цибулькуваті очі виступили ще більше наверх (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 104).*

Характерною ознакою зовнішності жида-старовіра є пейси і борода: *До школи зійдуться [жиди], то замість богу молитися, кричать, сваряться, одні одним пейси та бороди вимикують (І. Я. Франко. Перехресні стежки, т. 20, с. 398); Відтак він мов набрав духа в незрозумілих словах молитви. Він [жидок] підступив під вікно з якоюсь урочистістю на лиці і в цілій своїй постаті, підкрутив собі пейси і ніби з гордістю поглянув на світ божий: на дуги зелені, на ліс, що туманів в далекій далі, на білі хмарки, що плавали по синім небі... (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 106); Довгі пейси [у жидка] звисали по обох висок і злегка колихались на вітрі (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 122); Невисокий парубок, жидок, з довженними, майстерно в спіраль закрученими пейсами... (І.Я. Франко. У столярні, т. 21, с. 175).*

Щодо статури, то в художньому дискурсі аналізованого періоду містяться різні описи. Іноді «жид» – худорлява людина: *Хоч у таку тяжку дорогу і добрими кіньми не можна побігти швидко, проте мій погонич, худий, обдертий жидок, уживав усіх засобів, щоб погнати швидше* (М.П. Левицький. Порожнім ходом, с. 32). Іноді навпаки: *В той час як вербівські бурлаки розмовляли з робітниками, надійшов сам посесор. То був товстий, здоровий жид, з рудою бородою, з сірими очима, в чорній оксамитовій жилетці. На жилетці теліпався важкий золотий ланцюжок з печаткою і всякими цяцьками; на товстих куцях пальцях блищали важкі золоті персні з дорогими блискучими камінцями* (І.С. Нечуй-Левицький. Микола Джеря, т. 1, с. 477); ... *Леон Гаммершляг, високий і статний Жид з кругло підстриженою бородою, прямим носом і червоними мов малини устами. Він був нині дуже веселий, говіркий і дотепний, сипав жартами і забавляв видно ціле товариство, бо всі громадилися і тиснулися круг нього* (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 5).

Інша ознака – кременість, як виняток, подана у М.П. Левицького: *Вийшов з лихтарнею в руці господарь, середнього віку здоровенний і кремений жид, і заметушився, запрошуючи «гостя»: – Пожалуйте, пожалуйте сюди, ваше високородіє!* (М. П. Левицький. Страшна ніч, с. 259).

Т.Г. Бордуляк подає детальний опис портретної характеристики жида, використовуючи влучні метафори: *як лице почорніло, очі позападали, морщини потягнулись, порівняння типу схуд, як тріска, морщини, подібні до голосниць у скрипки: Ратиця [жидок] відвертав від того виду свої заплакані очі та дивився кудись у вікно. Він сам схуд, як тріска, его лице почорніло, очі позападались, а по обох сторонах носа кудись геть в долину потягнулись у нього дві глибокі закривлені морщини, подібні до голосниць у скрипки, на голові показалася передчасна сивина... Всього того причиною були недостатки, журби безнастанні* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 114).

Слот «Одяг». Художня література XIX ст. містить описи окремих деталей одягу євреїв. У Т. Г. Шевченка ми натрапляємо на те, що жид одягнений у пальто. Епітет «засалене» вказує на неохайність персонажа: *Жидок поставил бутылку на стол и как ни в чем не бывало стал себе по-прежнему в углу и только пот с лица утирает полою своего засаленного пальто* (Т.Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали, т. 4, с. 212); *Комірчики й сорочка, чорний блискучий галстук на шії були засмальцьовані, аж блищали проти сонця. Чорний довгий сюртук, вишневий оксамитовий картуз на потилиці давали йому [жиду] дуже характерний вид. Невважаючи на його багате вбрання, на золото, од його тхнуло чимсь* (І.С. Нечуй-Левицький. Микола Джеря, т. 1, с. 477).

Неважаючи на те, що єврей дуже багато працював, він умів відпочивати.

Зокрема, у суботнє свято (шабаш) одягався по-святковому – у бекешу і шапку з тхорів: *В шабас він зодягав на себе предковичну, вже позеленілу від старості атласову бекешу, на голову закладав шабасову шапку з тхорів і ходив собі по хаті або по подвір'ю, співаючи собі щось під носом або посвистуючи крізь зуби, та відганяв геть від себе всякі буденні думки* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 102).

Традиційним головним убором жида була ярмулка: – *О!.. Эти книги дорого стоят, если рассказать вам их историю, – сказал жидок и провел по голове пальцами, как бы поправляя ермолку* (Т.Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали, т. 4, с. 213); ... жидок ... з **брудною ярмуркою** на коротко стриженій голові, весь **брудний і обшарпаний**, з ідіотичним виразом на лиці, власне ніс на плечах прегарне красе телятко (І.Я. Франко. У столярні, т. 21, с. 175); ... **євреї – в ярмулках і без ярмулок, в дорогих саетах і в драгих балахонах...** (Панас Мирний. Повія, с. 154).

Також знаходимо опис жида з іншим головним убором: – *Дай Боже! – муркнув Жид, припіднявши дрібку капелюх на голові* (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 91).

Фрейм «Освітні характеристики».

В уяві письменників, як правило, було те, що для єврея характерною рисою була освіченість, про це йдеться в такому контексті: *Кваргель [жид] працював лише головою. У всьому виручався своїми синами. Жида від нього сторонили, та він складав це на счот жидівської конкурентної зазисті і цим бляхманів людяв світ* (А.Я. Чайковський. Четверта заповідь, с. 407).

У Т.Г. Бордуляка жидок міг бути неграмотним, але виділявся від середнього класу: **Ратиця був чоловік неписьменний. З-помежи єврейських букв він знав лиш одно «алеф» і всюди вмів єго відрізнити: і в грубим, і в дрібнім письмі. Він дуже любив «алеф»; він прирівнював єго до рака, то до пташки, то зайчика, і як коли тільки взяв до рук яку книжку, то зараз заглядав досередини, чи там єсть «алеф».** Він жалував того, що **не знав письма, – вже найприкріше єму було се, що він не вмів рахунків.** «Без рахунків, – говорив він, – чоловік як без рук», і коли єму прийшло часом що записати, то мусив послузуватися карбами на пальці або чертами на одвірку (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 97).

У художній літературі типовим є підкреслення риси мудрості, яка проявляється в ставленні єврея до освіти:

– *Ти такий письменний, Панасе, – говорив Ратиця, підлещуючись, – ти такий учений, аж страх, а я дурний, темний, як табака в розі... Особливо дуже мені зле без рахунків, як без рук... Чи не навчив би ти мене рахунків, любий Панасе, а я тобі за те подякую, а навіть заплачу, коли схочеш?..* – *Добре!* – відповів Панас, – *невелика се штука навчитися рахунків, а для мене дивота, що виджу хоч одного жида на світі, котрий не знає рахунків*

(Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 104); *Бігме, Панасе! – закликав він і ударив себе кулаком в груди, – я не на теє хочу знати рахунки, щоби шахрувати, лише тому, що мені без рахунків дуже не вигідно: як не запишеш собі, то нічого не хоче триматися голови і геть утікає...* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 104).

З освітніми характеристиками єврея пов'язуються такі риси, як кмітливність, здібність до знань: *І став Ратиця учитися рахунків. Найтяжче було єму навчитися від 1 до 9, однак коли він навчився читати й писати сі основні цифри, то відтак уже цілком легко було єму вивчитись аж геть до 100 і до 1000. А коли вкінці зрозумів цілу тайну читання і писання рахунків, тогді став так тішитися, що виглядало, мовби він збожеволів* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 104); *Він справді вмів читати і писати – по-своєму. Рівночасно з рахунками він учився дома письма, на власну руку, а що єму годі було навчитися читати й писати так, як умів его учитель Панас, а надто, що він понімав письмо лиш як річ потрібну до практичних цілей, для того він [жидок] винайшов свої власні знаки на кождо річ, якою приходилось йому гендлювати. І так коли єму треба було написати слово «риба», то він малював лежачий подовгастий трикутник; «яйце» означало в нього кругле колісце, подібне до яйця; «рака» – означало у нього жидівське алеф; «щетину» – знак, подібний до щетини, і т. д.* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 105); *Від того часу став собі Ратиця всьо записувати, що де купив, кілька заплатив, відтак що продав, кілька взяв, що на тім заробив, – і було єму з тим дуже вигідно. Єму тепер мов отворилися очі, він [жидок] уважав себе за цілком письменного чоловіка, і коли йшов якою улицею міста, то задирав голову догори і з вдоволенєм відчитував нумери по домах* (Т.Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 105).

Фрейм «Мовні характеристики».

У зображенні письменниками «жид», як правило, був двомовним, поєднував переважно російську мову або ідіш. Перехід на ідіш відбувався тільки в умовах контактів між собою: *Несколько раз до меня долетали какие-то жидовские слова, со вздохом произносимые нашим возницею. И так часто повторял он одну и ту же фразу, что я невольно ее затвердил. И просил его перевести мне ее, на что он неохотно согласился, уверяя меня, что [то] были нехорошие слова. «Такие скверные, – прибавил он, – что об них и думать нехорошо, а не то, чтобы еще их говорить». Когда же я ему посулил гривну меди на водку, то он, посмотревши на меня недоверчиво, сказал: «Уни хушавке мес. По-вашему будет означать, что живой человек без денег – все равно, что мертвый». Настоящая жидовская поговорка* (Т.Г. Шевченко. Музыкант, т. 3, с. 191); *– Є в вас де переночувати? – спитав Галка. – Аякже! Пожалуйте, ось самі побачите. Сюди пожалуйте. Хайке, гіб а лехт, гіхер! (Хайке, дай свічку, швидше), –*

крикнув він кудись у темряву. Галка випростав ноги з бараниці, виліз із саней і пішов за господарем. Ноги йому затерпли від довгої сидні, в тяжкій бурці йти було трудно, а в підсінні слизько (М.П. Левицький. Страшна ніч, с. 259–260);

– **Роб-Алтер!** – **заукали** [жиди] **знадвору**. По підсінні затупотіла хода людей і коней, рпали двері (М.П. Левицький. Страшна ніч, с. 263); **Старий жид** почав розпитувати Андрія зразу **по-жидівськи, а відтак по-руськи, а сидячий побіч нього на підлозі мужик знов заплакав, хопив голову в руки і почав хитатися взад і вперед, усе приговорюючи перериваним голосом:** – *І яка мене-е лиха доленька несла-а до сего Дрого-обича!* (І.Я. Франко. На дні, т. 15, с. 127); **Швидко ціла площа була залита Жидами, котрі своїм звичаєм говорили всуміш, голосно і борзо...** (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 8–9).

Характерною мовною рисою євреїв була ознака утаємничості – вони неголосно шепотілися, своєю мовою говорили, як писав М.П. Левицький: *У сусідній кімнаті гомоніли жиди своєю незрозумілою мовою, хоч разів скільки Галка чув, що хтось утихомирював той гомін* (М.П. Левицький. Страшна ніч, с. 263); *Не минуло й півгодини, як вже гомоніли у городі перелякані жидки, що у Ставах, у Горбовичах, у Степанкові холера, – не дай Боже* (М. П. Левицький. Негайна справа, с. 307); – **Ми всі бачили, – загомоніли жиди.** – *Хто з вас бачив або чув, як пристав приказував розкидати пліт у Терешка... як його... Баранюка? – Ну-у? Вусис? – переглядались євреї. – Бачив хто, питаю, або чув може? – У Терешке?... Плі-іт? – Не бачив ніхто? Не чув? – Ні – двигнули жиди плечима* (М.П. Левицький. Соломонів суд, с. 313); – *Gott soll sie strafen!* – крикнув він вкінці, зриваючися з крісла. – *Вони нас усіх вирізати хочать, от що! Розбійники змовилися на нашу душу! – Як? Що? Чи правда? Хто казав? Відки знаєте? – гомоніли жиди, тремтячи зо страху* (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 139); *Ні, поарештують одних, а решту розгонять, а нам не буде ліпше, бо нам не порядку треба, а робітників, дешевих робітників! Чи не так? – Авжеж, що так! – загомоніли жиди* (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 141); – *Га, як так, то оставсь тільки другий спосіб: вдоволюти їх жадання. – Їх жадання! – скрикнули жиди майже всі в один голос. – Ні, ніколи! Радше військо і жандарми!* (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 143);

– *Вони-то правда, – сказали несміливо деякі жиди, – але хто знає, чи вони схотять уступитися? Чи то їх ще дужче не роздрознить?* (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 143).

В інших випадках – дуже голосно євреї зверталися до кого-небудь із закликком, попередженням, проханням тощо: **Юрбою валять Жиди до Германового дому, щоб почути від нього жадання робітників.** Але, почувши їх, і світу не раді стали.

– Ні, не можна, не можна! **крикнули всі** [жиди] **в один голос**, – се нас зруйнує, се нас з торбами межи хати пустить! (І.Я. Франко. Борислав сміється, с. 249–250).

І.Я. Франко акцентує увагу на мовній характеристиці жида, який говорить швидко й нерозбірливо: «Що то значиться?» – подумав собі Іван і боязко виступив із-за угла хати на обору. – Слава Ісусу! – сказав він, низько кланяючися панам. Пани обернулися і почали міряти його очима від ніг до голови. Шміло [жид] **шваркнув щось до них** і показав на зачудованого парубка (І.Я. Франко. Навернений грішник, т. 14, с. 363); – **Най би був ні пив, паскудник!** – **проворкотів жид** (І.Я. Франко. Навернений грішник, т. 14, с. 364).

У художній літературі відрізняється інтонаційна характеристика мови, вона перемішана і колоритна: – *Сослужи же мне последнюю службу*, – сказав я ласково своєму рыжему Меркурию, – *расскажи ты мне историю этих дорогих книг*. – **Жидок** замялся и почесал за ухом. Я посулил ему злотый на пиво, это его ободрило, он вежливо попросил позволения сесть и, почесавши еще раз за ухом, рассказал мне такую драму, что если бы не его **жидовская декламация**, то я непременно бы расплакался. Содержание драмы очень просто и так обыкновенно, что поневоле делается грустно. Происшествие такого рода (Т.Г. Шевченко. Прогулка с удовольствием и не без морали, т. 4, с. 213).

Фрейм «Сімейний стан».

Т. Г. Бордуляк зображує жида людиною сімейною. Жидок Ратиця мав сім'ю, і за п'ять років у подружжя народилося п'ятеро дітей: *П'ять літ минуло, відколи Ратиця оженився, п'ять синів ему народилося, п'ять разів справляв Ратиця обрізуваня* (Т. Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 101); *Спокій, відпочинок по праці в теплій хаті, коло жінки, коло дітей – се було для нього найсолодшим щастєм* (Т. Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 101–102); *Але зате, коли він прийшов вечором до своєї хати, як тогді легко ему було на душі, як благо коло серця, з якою любовстю слухав він тріскоту соснових патикив, що горіли в печі, якою роскошію переймало его тепло, що розходилося від горючого огню!* (Т. Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 101).

Фрейм «Місце проживання».

ХД дає уявлення про місце проживання євреїв. Жиди проживали як в містах, так і в селах: *З часом міські жиди й самі стали приходити до села та купували рибу, ще й платили лучче, ніж Ратиця* (Т. Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 110); *Ратиця [жидок] виріс і виховався на селі. Его батько Сиваник гендлював рибою за давніх добрих часів і з того гендлю жив. Та коли ему було утяжливо бігати з місточка до села, а коли до того другі жиди й собі стали пхатись до того гендлю, то він пішов до голови по*

розум, і купив собі хатину в однім не конче великім селі над рікою Стиром, та переселився з жінкою і з малим Кивою, і не випускав свого гондлю з рук (Т. Г. Бордуляк. Бідний жидок Ратиця, с. 91).

Отже, типаж «жид» має ознаки амбівалентного образу. З одного боку, він належить до тих, хто страждає, зазнає утисків. З іншого боку, цей типаж демонструє риси зверхності стосовно простого народу, лихварства. Ці два складники образу, як правило, втілено в образах корчмарів, дрібних торговців тощо.

Бібліографічний список

1. Брацка М.В. Дискурс козацтва в поезії «української школи» польського романтизму: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.01.05 «Порівняльне літературознавство». Київ, 2005. 20 с.
2. Грабович Г. До історії української літератури: дослідження, есе, полеміка. Київ: Основи, 1997. 604 с.
3. Агаркова І.Ю. Втілення стереотипних уявлень про етноментальні особливості представників інших народів у фразеології і пареміології української мови (на матеріалі фразеосемантичних груп «євреї» і «цигани») // Учені записки Таврійського нац. ун-ту ім. В.І.Вернадського. Сер.: Філологія. Соціальні комунікації. Сімферополь, 2011. Том 24 (63). № 1. Ч. 2. С. 3–9.

Л.М. Янушкевич (Минск, Беларусь)

СЛЕНГ И СОВРЕМЕННЫЕ БРИТАНСКИЕ ПОДРОСТКИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена особенностям речи современных британских подростков, в частности, сленговым и разговорным словам и выражениям, обусловленным особенностями гендерного и речевого онтогенеза.

Ключевые слова: *гендер, подростковый возраст, онтогенез гендера, речевой онтогенез, подростковая речь, сленг, разговорные слова и выражения.*

Языковой коллектив, представляя собой исторически сложившуюся этносоциоязыковую общность, обладающую вполне стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определённой территориальной локализованностью [1, с. 31], играет важнейшую роль в процессе социализации личности. В этом деле он ориентируется на социокультурные традиции – социально закреплённые нормы как образцы поведения, т.е. стереотипы поведения.

Языковой коллектив – это вербальный контекст, в котором социальные нормы и правила поведения проявляют себя как психологические и социальные императивы, как ожидаемое поведение коммуникантов и, как

следствие, предполагают определённый выбор языковых средств и форм выражения мысли. Речевое поведение детей и подростков как членов данного языкового коллектива будет, таким образом, также регулироваться социальными ожиданиями этого языкового сообщества.

В данной статье мы предпримем попытку дать ответ, как возраст и гендер определяют выбор разговорных и сленговых слов и выражений на примере использования их современными британскими детьми и подростками.

Речь подростков занимает промежуточное положение между речью детей и речью взрослых, что обусловлено самой сущностью подростковой речи: она обладает чертами и более раннего этапа развития, и более позднего, её рассматривают либо в рамках детской речи, либо в рамках молодёжной речи. В статье подростковая речь рассматривается как речь подростков с 11 лет (этот возраст считается началом подростничества) и до 14 лет (к этому возрасту ребёнок уже полностью овладевает языковым кодом взрослых носителей языка).

Как отдельный этап речевого онтогенеза подростковая речь рассматривается в категориях сленга и молодёжного жаргона. В научных трудах речь подростков, благодаря своему характерному лексическому наполнению, наряду с речью молодёжи, противопоставляется речи детей, с одной стороны, и речи взрослых – с другой. В таких работах термин «подростковая речь» выступает как синоним понятия «подростковый сленг» и анализируется как разновидность молодёжного жаргона, то есть под речью подростков понимается лишь лексическая составляющая языка подростков как жанра.

Лингвистические исследования проблематики формирования языка и речи человека в онтогенезе занимаются, в основном, вопросами онтогенеза детской речи в целом (например, Н.Г. Мальцева, Е.Г. Озерова, Ч. Фергюсон, К.И. Чуковский), в то время как немногочисленные лингвистические исследования социологической направленности выявляют некоторые возрастные маркеры речи детей и подростков.

Так, лингвисты Д. Таннен [2], Р. Сколлон и С. Сколлон [3] в своих исследованиях характеристик вербального и невербального поведения британских мальчиков и девочек разного возраста – от младших школьников до старшеклассников, отмечают, что не только вербальное поведение мальчиков и девочек, но даже их позы и жесты во время разговора друг с другом аналогичны поведению взрослых мужчин и женщин. На этом основании учёные выдвигают идею о том, что речь детей несёт в себе маркеры гендера, которые проявляются уже в детстве под влиянием сложившихся в социальной среде стереотипов гендерного поведения.

По наблюдениям Дж. Чешайр за британскими подростками из семей среднего класса, в общении между собой мальчики-подростки чаще, чем

девочки-подростки, используют форму *ain't* и двойное отрицание, поскольку это считается признаком «крутизны» и солидарности в мире мужчин (цит. по [4]).

Различия в речи детей обусловлены не только социальными, но и возрастными факторами. Особенности речи подростков не будут характерны для речи 10-летних детей. Широкое использование ругательства как знака демонстративного противостояния миру взрослых типично для подросткового возраста. Однако со временем количество использования молодыми людьми таких слов в речи уменьшается, что связано с изменением модели поведения – более высокий статус взрослого требует иного речевого поведения. Тем не менее, юноши всё же позволяют себе использование нецензурной лексики в кругу других мужчин, в то время как девушки предпочитают не использовать такие слова в любом окружении.

Изучение социальных диалектов дало много информации о различиях в паттернах произношения и употребления грамматических форм у разных возрастных групп. Так, было установлено, что расцвет использования просторечно-жаргонных форм речи приходится на подростковый и юношеский возраст. При этом сами молодые люди часто вполне осознанно используют нестандартные формы языка. Как и сленг, эти формы служат маркером солидарности. Известно, что в раннем подростковом возрасте репертуар речевых стилей человека начинает стремительно расширяться. Например, подростки, принадлежащие к этническому меньшинству, в этом возрасте начинают использовать даже в формальных ситуациях общения диалект или язык своей этнической группы, выражая таким образом негативизм по отношению к национальному большинству и подчёркивая позитивное отношение к своей этнической общности.

Исследование У. Даунса показало, что максимально неправильные (то есть просторечно-жаргонные) формы речи используются подростками как вызов нормам общества, как черта их субкультуры, а также пенсионерами, которые в меньшей степени подвержены влиянию общественных установок (цит. по [4, с. 185]).

С другой стороны, учёные Р. Шай, У. Уолфрам и У. Райли, беседуя с детьми доподросткового и подросткового возраста, наблюдали иную картину и пришли к следующему выводу: всплеск использования в речи отклонений от нормы в подростковом возрасте не возможен, если носитель языка не знает о таком статусе употребляемых им форм (цит. по [4, с. 184–185]).

Материал и метод. Материалом для исследования послужили тексты прозаических художественных произведений (общим объёмом 1625 страниц) и электронные версии киносценариев (общим объёмом 1466 КБ), созданные в конце XX – начале XXI века. Такой материал содержит модели

коммуникативного поведения, которые являются своего рода идеализацией реального общения и изображают типы людей в терминах стереотипного употребления языка [5]. Методом сквозного текстового анализа были выделены для последующего изучения 400 эпизодов убеждающего общения¹⁸, участниками которого являются дети (5–11 лет) и подростки (12–14 лет), из которых 64 эпизода содержали 204 сленговые и разговорные слова и выражения.

Приведём пример одного из таких эпизодов общения. Его участниками являются 13-летний Кевин и его 12-летняя сестра Глория из семьи нижнего среднего класса. Глория пытается убедить брата стать членом подростковой банды под названием «Племя» (the Tribe), а тот категорически против:

'No, I am not joining them!' He bit into his sandwich. 'I don't join gangs. Certainly not one called the Tribe.'

'But they're the best,' Glory assured him. 'Everyone says so.' <...>

'I don't care if they've just won a Duke of Edinburgh Award. I don't intend joining any gang.'

'OK, don't get your Y-fronts in a twist,' Glory said. 'They probably wouldn't have a nerd like you anyway.'

He was almost insulted. Just then his dad appeared in the kitchen. [6, p. 14].

(– Нет, я не стану одним из них! – он вцепился зубами в свой сэндвич. –

Я не вступаю в банды. И уж точно не в ту, которая называется «Племя».

– Но они лучшие, – убеждала его Глория. – Все так говорят. <...>

– Да мне всё равно, пусть они хоть Приз Герцога Эдинбургского¹⁹ выиграли. Я не собираюсь участвовать ни в каких бандах.

– О'кей, **не парься**. – сказала Глория. – Они, может, и не взяли бы такого **нудилу**, как ты.

Он уже готов был обидеться, но тут как раз на кухне появился папа.²⁰

Для отнесения лексических единиц к сленгу и разговорному стилю использовались толковые словари разных лет, в том числе, словари сленга.

¹⁸ Под эпизодом убеждающего общения мы понимаем использование Убеждающим и Адресатом речевых образований для достижения изменения картины мира.

¹⁹ Приз Герцога Эдинбургского (Duke of Edinburgh Award) – это программа для молодых людей 14-24 лет, премия которой была учреждена в 1956 году принцем Филиппом, герцогом Эдинбургским. Самое широкое распространение она получила в Великобритании, ежегодно в ней участвуют почти 300 тысяч молодых людей. Быть обладателем этой премии – значит быть социально активным, физически и духовно развитым человеком. Школы поощряют лауреатов премии, а семьи гордятся своими детьми.

²⁰ При переводе мы руководствовались сохранением стилевой окраски исходного текста, а не дословным его переводом.

Также при выборе года издания словаря учитывалось, по возможности, время выхода в свет произведения.

Поскольку пока не существует единых объективных критериев для определения сленга [7], разные словари относят некоторые лексические единицы как к сленгу, так и к разговорной лексике. Например, выражение *get one's knickers in a twist*, являющееся вариантом²¹ упомянутого в приведённом выше эпизоде убеждающего общения *get one's Y-fronts in a twist'* словарь современного сленга относит к британскому сленгу: *(Br) to become agitated, flustered or overexcited* [8], в то время как Оксфордский словарь – к разговорной лексике: *(informal) to become upset or angry* [9]. Исходя из этого, мы не размежёвывали сленговые и разговорные слова и выражения, исследуя эту группу как одно из стилистических языковых средств.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведённый анализ выявил обусловленность употребления сленговых и разговорных слов и выражений гендерно-возрастными характеристиками участников убеждающего общения. При этом, исследование доказало, что их выбор зависит от возраста и гендерной принадлежности как Убеждающего, так и Адресата (см. табл.).

Таблица

Возрастные и гендерные предпочтения в выборе разговорных и сленговых выражений речи детей и подростков

УБЕЖДАЮЩИЙ – ЖЕНСКИЙ ГЕНДЕР																		
дети								подростки						ИТОГО				
Адресат – женский гендер				Адресат – мужской гендер				всего	Адресат – женский гендер				Адресат – мужской гендер		всего			
м ²²	р ²³	с ²⁴	Σ ²⁵	м	р	с	Σ		м	р	с	Σ	м			р	с	Σ
-	-	-	0	-	-	-	0	0	-	39	-	39	-	9	39	48	87	87
УБЕЖДАЮЩИЙ – МУЖСКОЙ ГЕНДЕР																		

²¹ *Y-fronts* и *knickers* – мужское и женское нижнее бельё соответственно. В отрывке Глория обращается к брату и поэтому говорит *Y-fronts* вместо *knickers*.

²² младше Убеждающего

²³ ровесник/ ровесница Убеждающего

²⁴ старше Убеждающего

²⁵ всего

-	1	-	1	-	2	2	2	4	5	12	33	-	45	13	52	7	72	112	117
-	1	-	1	-	2	2	2	4	5	12	72	-	84	13	61	46	120	199	204

Рассмотрим полученные результаты подробнее.

Фактор возраста и гендера Убеждающего. Учёными доказано, что дети начинают овладевать коммуникативной компетенцией в очень раннем возрасте и по мере взросления их репертуар коммуникативных стратегий и тактик расширяется как количественно, так и качественно. Наше исследование также подтверждает этот факт. Наш анализ показал, что в детском возрасте мальчики лучше оперируют разговорными и сленговыми выражениями, имитируя речевое поведение значимых для них старших мужчин [10], девочки в этом возрасте подражают речевому поведению значимых для них старших женщин, которым обществом предписывается оставаться в рамках нормативного словаря. В подростковом возрасте оба гендера расширяют свой запас сленга и разговорной лексики, а частота употребления таких лексических единиц повышается. Однако использование их остаётся прерогативой речевого поведения мужского гендера, поскольку помогает отделить «чужих» от «своих» и повысить свой статус, выстраивая таким образом иерархию отношений в группе. Наши наблюдения также подтверждают исторически сложившееся мнение о том, что девочки, чтобы соответствовать ролевым ожиданиям общества, подражают речевому поведению матери и поэтому больше стараются использовать нормативный словарь. Резкое увеличение разговорных и сленговых выражений в речи подростков также подтверждает известный тезис о неконформизме подростков и стремлении умышленно нарушать установленные взрослыми правила.

Фактор возраста и гендера Адресата. Согласно М. Оуэнс, категория возраста является для детей важнейшей категорией, определяющей выбор ими коммуникативной стратегии (цит. по [5, с. 224]). Наша выборка подтвердила эту теорию, показав, что возраст и гендер убеждаемого также определяют выбор таких стилистических средств, как сленг и разговорная лексика. Наиболее ярко эта корреляция проявляется в случае межгендерного убеждающего общения разных по возрасту коммуникантов. В то время как подростки-мальчики используют сленговые и разговорные выражения для убеждения младших девочек, подростки-девочки убеждают с их помощью старших мальчиков. Причиной этому может быть следующее. Использование сленга традиционно предписывается речевому поведению мужского гендера, так как существующие в британском обществе

социальные установки требуют от женского гендера более корректного речевого поведения, в рамках общеупотребительного словаря. При убеждении парней старше себя девочки переключаются на «мужское» речевое поведение, чтобы стать для адресата «своим» человеком, которому можно доверять и к доводам которого стоит прислушиваться.

Заключение. Возраст и гендер как Убеждающего, так и Адресата оказывают влияние на выбор Убеждающим тактики реализации стратегии убеждения. Эти характеристики обуславливают выбор стилистических языковых средств, в частности, сленговых и разговорных слов и выражений. Наиболее широкий, как количественно, так и качественно, репертуар использования таких лексических маркеров демонстрируют мальчики-подростки в ситуации убеждения своих сверстников. Минимальный репертуар характерен девочкам 5–11 лет независимо от возраста и гендера Адресата.

Проведённое исследование использования сленговых и разговорных слов и выражений британскими мальчиками и девочками детского (5–11 лет) и подросткового (12–14 лет) возраста позволило впервые определить существующие в современном британском языковом коллективе гендерные и возрастные особенности реализации стратегии убеждения на уровне употребления данного пласта лексики. Полученные результаты могут помочь в дальнейшем изучении гендерных и возрастных стереотипов речевого поведения.

Библиографические ссылки

1. *Токарева И.И.* Сопоставительное изучение речевого поведения: проблемы, принципы, теория. Минск : МГЛУ, 1996. 89 с.
2. *Таннен Д.* Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга . М. : Вече; Персей; АСТ, 1996. 432 с.
3. *Scollon R., Scollon S.W.* Intercultural Communication : a Discourse Approach. Dlackwell : Oxford Univ. Press; Cambridge Univ. Press, 1995. 370 p.
4. *Holmes J.* An Introduction to Sociolinguistics. New York : Longman Publishing, 1994. 412 p.
5. *Seville-Troike M.* The Ethnography of Communication : An Introduction. Southampton : The Camelot Press, 1986. 290 p.
6. *Macphail H.* Tribes. London : PUFFIN BOOKS; Penguin Books Ltd., 2001. 138 p.
7. *Thorne T.* Introduction : Slang in the 21st Century // Dictionary of Contemporary Slang. 3rd ed. London : A&C Black Publishers, Ltd. 2007. P. 1–12.
8. *Thorne T.* Dictionary of Contemporary Slang. 3rd ed. London : A&C Black Publishers, Ltd. 2007. 494 p.
9. Oxford Dictionary of English. 2nd ed. Oxford [et al.] : Oxford Univ. Press, 2003. 2008 p.

10. *Коммюфф Х.* Гендерные исследования в прикладной лингвистике // Гендер и язык. / сост. и науч. ред. А.В. Кирилина. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 563–622.

N.A. Kobzeva, A.A. Trubachev (Tomsk, Russia)

KAZAKH LANGUAGE MODERNIZATION – FROM CYRILLIC TO LATIN

This paper is aimed at investigating process of switching the alphabet of the Kazakh language from Cyrillic to Latin. In addition, the paper proposes analysis of historical experience about linguistic reformations in Turkic countries. The main part of the paper contains an analysis of public opinion based on survey among Kazakhstan citizens.

Key words: *Kazakhstan, the Kazakh language, the Kazakh alphabet, Latin script, Cyrillic script, Turkic languages.*

Introduction. The 21st century is the century of innovations that appear both in engineering and natural science, and in philology. The developing process of languages all over the world is running up. In the age of globalization it is very important not to lose languages and culture. A lot of scientists are researching new ways of developing different languages in the modern conditions. One of the most pressing problems is a large number of foreign words in national languages. The global trend of modernity is the transition to the use of the Latin alphabet and the penetration of English words into many languages. In this paper, the authors attempted to examine this trend on the example of the Kazakh language.

Since Kazakhstan is the birthplace of one of the authors of this article (A.A. Trubachev), changes in the Kazakh language and the language policy of Kazakhstan are a subject of his interest. So it was decided to conduct a survey among Kazakhstani people about their views on the language reforms undertaken in the country.

The relevance of this article lies in the fact that Kazakhstan is a developing country, and looking for its special place in the world community in order to create a state with better living conditions. One of the current objectives of the state policy is the self-identification of Kazakhstani society, the consolidation of various sectors of society in a difficult situation of using different languages in one country. It is necessary to defend the choice of different languages, but to preserve the authority of the titular nation language. According to the Constitution of Kazakhstan, Kazakh is the official language of the country, Russian is a means of interethnic communication.

The aim of this article is to study the process of the Kazakh language changing and research the public opinion about it. Also it is necessary to find out the advantages and disadvantages of modern reformations of the Kazakh language.

Historical introduction and experience of other countries. The question of changing the Kazakh alphabet dates back to the twenties of the 20th century, when Soviet philologists tried to unify language systems.

Until 1929, Arabic script was used in Kazakhstan, the alphabet used to write the Arabic language. In 1929, the Soviet government, on the recommendation of philologists, decided to change Arabic to Latin. Then in 1940, the Soviet government decided to change the alphabets of the peoples of Central Asia into Cyrillic. Most scholars studying language transformations in the USSR are confident that the government tried to distance the Turkic peoples from Turkey where Latin script was used and from the Middle Eastern Islamic countries where the Arabic alphabet was used. Consequently, language transformations can be considered politically sound [1; 2]. Cyrillic has been used in Kazakh, a Turkic language, for more than 70 years.

After the collapse of the Soviet Union, in some of the post-Soviet republics, there were changes in the alphabets back to the Latin alphabet: Azerbaijan in 1992; Uzbekistan in 1993; and Turkmenistan in 1993. These transformations were carried out in different ways and gave different results [3]. If for the Azerbaijani language this was a successful reform, then for the Uzbek it was not. Currently, the Cyrillic alphabet is still used in the government and everyday life in Uzbekistan, since the modern Latin alphabet is only a transliteration of the Cyrillic alphabet and is more convenient to write in Cyrillic letters, since they better convey the specifics of the language.

The way of Kazakhstan. In 2012 the first President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev first spoke about switching alphabet to Latin and instructed the philological commission to make research and find the best variant of Latin script for the Kazakh language [4].

In 2017 and 2018 several variants were checked by linguistic commission. One of them was really inconvenient for reading by cause of difficult letter combinations and incomprehensible using of letters. Another variant of alphabet with large number of apostrophes is one of the most understandable, but it is unable to convey the correct pronunciation of many words. Undoubtedly the first variant has the one advantage – only 25 letters and opportunity to use classic computer keyboard without extra keys [5,6].

On October 26, 2017, Nursultan Nazarbayev signed a decree introducing the new Kazakh language alphabet with a lot of corrections, in comparison to previous versions. The new alphabet consists of 32 letters and the most adapted to the Kazakh speech [6].

The public opinion research. The process of the alphabet switching continues to cause many questions. It is the usability of the new alphabet, the relevance of switching and clarity in using. Most of the Kazakhstan's youth speak English at different levels and it isn't hard for them to understand something was written by the new alphabet, but for the elderly it is quite difficult. Another issue is the presence of teachers who could teach children how to use the new alphabet correctly.

Exploring this issue, we conducted a survey among Kazakhstani people in order to find out their point of view on this reform.

We asked only one question: *How do you feel about the switching Kazakh alphabet from Cyrillic to Latin script (Positive, Neutral or Negative?)*. The survey was held only among Kazakhstan citizens and showed the following results: 35 of 220 respondents supported this reform; 50 of them were neutral; 135 were against the switching.

We tried to find out the respondents' opinions on the changing the alphabet advantages and disadvantages.

Respondents indicated the following *benefits*: ease with use of the new alphabet in computer and modern technologies; popularization of the Kazakh language in the world; accessibility for foreigners, including those from Turkic countries, such as Turkey, Azerbaijan, Uzbekistan and Turkmenistan. One of the respondents expressed an interesting position that it will be easier for foreign-born Kazakhs to learn the language of their ancestors. Nowadays people from other countries must learn the Cyrillic alphabet before studying the Kazakh language.

The citizens who are *against* the reform noted the following reasons: incomprehensibility of the new alphabet; the necessity of reissue of a huge amount of literature; the creation of new educational programs; large expenses and «top down» type of the reform, because there was no large demand in our society for that.

People who answered that they were *neutral* in this quiz said that their life would not change by switching the alphabet and their level of the Kazakh language knowledge would not rise or go down after that. It shows that not all of the Kazakhstanis are ready for this reform and a big number of citizens do not support it.

Some believe that the reform of the alphabet is a political step by the Government of Kazakhstan to distance itself from the Russian sphere of influence. This view is dominant in Russian media, and some politicians are trying to use it to improve their ratings and sow misunderstanding among the citizens of their country. Nevertheless, Russia continues to be the main ally of Kazakhstan. In addition, in Kazakhstan, Russians do not lose the official status of their language as a means of interethnic and everyday communication.

Conclusion. Based on the results of the study, the authors came to the following conclusion: switching the alphabet has its advantages and disadvantages. Consequently, some sectors of society support reform, and some do not support it, arguing for reasons based on their own views and interests. The change of the alphabet is a really complicated process that requires the most serious approach and close attention from philologists and the state in order to successfully carry out this reform. Changes in languages are undoubtedly a component of its development and adaptation to modern conditions of social development.

References

1. *Bulambayeva A.* Kazakhstan to switch to Latin alphabet by 2025 // The Astana Times. URL: <https://astanatimes.com/2017/10/kazakhstan-to-switch-to-latin-alphabet-by-2025/>
2. *Eşref Yalınkılıç.* The significance of Kazakhstan's Switch to the Latin ALphabet for the Turkic World // URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2017/08/25/the-significance-of-kazakhstans-switch-to-the-latin-alphabet-for-the-turkic-world>
3. Kazakhstan to change from Cyrillic to Latin alphabet URL: <https://www.dw.com/en>
4. Address by the President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation, N. Nazarbayev «Strategy Kazakhstan-2050»: new political course of the established state // URL: http://www.akorda.kz/en/addresses/addresses_of_president/address-by-the-president-of-the-republic-of-kazakhstan-leader-of-the-nation-nnazarbayev-strategy-kazakhstan-2050-new-political-course-of-the-established-state.
5. InformBuro. URL: <https://informburo.kz/novosti/kazahskiy-yazyk-na-latinice-razrabotchiki-pokazali-kak-42-bukvy-umestili-v-25.html>.
6. Tengrinews. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/novyy-variant-kazahskogo-alfavita-latinitse-utverdil-338010/

РАЗДЕЛ VIII

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ КОДЫ Ё ЛІТАРАТУРЫ

Н.В. Гаўрош, Н.М. Нямковіч (Мінск, Беларусь)

МАРАЛЬНЫЯ ЭТАЛОНЫ Ё БЕЛАРУСКАЙ АФАРЫСТЫЦЫ

У афарызмах заклочаны найвялікшыя агульначалавечыя каштоўнасці – філасофія і мудрасць жыцця цэлага народа і асобнага чалавека, яго этычныя і эстэтычныя прынцыпы, духоўнасць, культура, традыцыі, якія падаюцца як асноўныя жыццёвыя формулы і як дамінантныя вартасці. У артыкуле разглядаюцца афарызмы як своеасаблівыя арыенціры, маральныя эталоны, што даюць магчымасць убачыць адметнасць менталітэту, культуры цэлага народа, нацыі.

Ключавыя словы: афарыстычныя выслоўі, афарызм, афарызацыя тэксту, маральныя эталоны, менталітэт нацыі, нацыянальная афарыстыка.

Духоўная культура любога этнасу фіксуе не толькі здабыткі гісторыі, літаратуры, мастацтва, а і фарміруе нацыянальную еднасць іх носьбітаў. Калі гаварыць пра мову як своеасаблівую форму выражэння нацыянальнай еднасці, то найперш гэта праявіцца ў лексіцы, фразеалогіі, парэміялогіі. Асмелімся дадаць – і ў афарыстыцы. Афарызмы (афарыстычныя выслоўі) адметныя не толькі закладзеным у іх змесце вопытам пакаленняў, мудрасцю і сілай духу чалавека, яго маральнымі і эстэтычнымі ідэаламі, а і той дакладнай і своеасаблівай характарыстыкай з’яў рэчаіснасці, людзей, іх характараў, схільнасцей, вызначэннем і ацэнкай разнастайных узаемаадносін у грамадстве. Такія моўныя формулы вызначаюцца глыбінёй свайго зместу. Гэта, як правіла, тэксты-павучанні, тэксты-высновы, тэксты-філасафізмы, тэксты-рэцэпты.

Менавіта нацыянальная прыналежнасць накладвае свой адбітак на псіхалагічныя асаблівасці індывіда, і з гэтым нельга не лічыцца. Прадстаўнік той ці іншай нацыянальнай еднасці схільны мысліць, адчуваць, дзейнічаць так, як яму падказваюць нацыянальныя традыцыі, нормы і правілы паводзін, што зафіксавана ў парэміях, казках, песнях, а таксама ў афарызмах.

Як вядома, асноўнымі крытэрыямі маральнай ацэнкі чалавека з’яўляюцца яго адносіны да працы – першаасновы жыцця. На Беларусі спрадвеку шанавалі добрых работнікаў, умельцаў і неадабральна адносіліся да гультаяў, нядбайнікаў. Пра гэта шматлікія беларускія афарыстычныя выслоўі айчынных пісьменнікаў: *Але раз ты наважыў дзела, ідзі станоўча, роўна, смела, ідзі, назад не аглядайся і на другіх не пакладайся* (Я. Колас); *Без мазаля чалавека спрадвеку не лічаць у нас, не завуць*

чалавекам (М. Рудкоўскі); Жыві, шукай, усё рабі як след, каб на Радзіме твай свяціўся след (С. Грахоўскі); І, дзе б ні працавалі вы, лобому кідаецца ў вочы, як крэчка цяжкавагавы, а паражняк – заўжды ляскача (А. Грачанікаў); Каб чалавек душы не страціў – ёсць педагогіка адна: вучыць любові і пашане да хлеба труднага ў жыцці (Н. Гілевіч); Я па тым цаню суседа, як наклёпана каса (Я. Янішчыц); Addзьячыць поле табе, addзьячыць, addасць гарою калосны дар, яму вось толькі адчуць і ўбачыць, што ты не гасць тут, а гаспадар! (А. Жамойцін); Дзень, што пражыты без працы ахвярнай, знікне таксама ў шумлівасці марнай (А. Зарышкі). То – не рукі, якім працаваць не карціць, то – не сэрца, што век ні на кім не баліць (М. Танк).

Як бачым, беларускія афарыстычныя выслоўі – за абавязковую добрасумленную і разумную працу і адпаведных працаўнікоў.

Беларусы заўсёды паважалі продкаў, ведалі свой радавод, шанавалі традыцыі сям’і, без чаго цяжкак адчуць, зразумець паняцце *Радзіма*. А без Радзімы як асноўнай духоўнай каштоўнасці, без ачування сябе неад’емнай часцінкай гэтага роднага ўнутраны свет асобы ператварыўся б у калейдаскапічны набор разрозненых якасцей, каштоўнасцей. Такое разуменне выразна бачыцца ва ўсёй беларускай культуры, у тым ліку і ў афарыстыцы: *Але для ўсіх нязменны зхапавет – не толькі род цябе ў жыцці ўзвышае, найперш ты сам узвысіць род павінен (С. Законнікаў); Падчас і па чужых краях журуся, а хопіць і куточка Беларусі, каб цэлы век свой да яе ісці (Н. Мацяш); Без радзімы народа няма, без народа няма Радзімы (Р. Барадулін); Відаць, няма бальчэй пакут, чым шкадаваць да скону, што не вярнуцца ў матчын кут, хоць позна, ды з паклонам (С. Законнікаў); А мне мой кут – навечна Мекка, ды і Галгофа разам з тым (П. Броўка); Мы як дубы, нас можна знішчыць грамам, але з зямлі нас роднай не скрануць (Л. Геніюш).*

Родная мова – паняцце вечнае. І натуральна, што яно знайшло своеасаблівае выражэнне, адлюстраванне ў афарыстычных выслоўях і ў творах беларускіх пісьменнікаў нашага складанага часу. Дарэчы, паняцце *родная мова* асацыятыўна становіцца поруч з паняццямі *Радзіма*, *бацька і маці*: *Бацька, і маці, і родная мова, узнятая к славе амаль з небыцця пазтаў натхнёным і велічным словам, для беларусаў – пытанне жыцця (Л. Геніюш); Долі інакшай не трэба зямной, сэрца лагоднее ад суцяшэння: родная мова ступала за мной ад калыханкі да галашэння (Р. Барадулін); Страціў слова, страціў спадчыннае слова – штосьці страціў у душы абавязкова (Н. Гілевіч); Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова (А. Разанаў); Культура нацыі без культуры роднай мовы – нонсенс, бяссэнсіца (Н. Гілевіч); Душа становіцца безабароннай – душа без голасу зямлі сваёй (А. Разанаў); Родны край і праз вякі пазнаю па песні*

матчынай (Н. Гілевіч).

Беларусы – патрыёты свайго краю, прычым патрыятызм іх адметны, не кідкі. Мы не прывучаны класці руку на сэрца, калі чуем гімн сваёй краіны, мы не клянёмся прылюдна ў адданасці і любові да сваёй Радзімы. Для нас родны кут – гэта рай і пекла, гэта шчасце і гора, гэта жыццё і смерць: *Як жыць – дык жыць для Беларусі, а без яе – зусім не жыць* (Л. Геніюш); *О Беларусь! Ты – сэрца і душа, нутра зямлі багаты клунак* (Я. Колас). *Скупая зямля маёй Беларусі не раджала рабоў і не мела рабоў* (У. Караткевіч); *Вечарамі на чужых узгорках, дзе чужыя кветкі між травы, як нам не хапае родных зорак і салодкіх ветраў баравых* (Г. Бураўкін).

Неаддзельная ад радзімы маці, якая дае жыццё, вучыць мудрасці яго пазнання. Яна – крыніца ўсяго святога, аснова духоўнага і маральнага існавання чалавека. Афарызмы пра маці ёмка, лаканічныя, але глыбока філасофскія: *Голас незнаёмага можа здзівіць, голас друга – на хвіліну спыніць, голас любай – сагрэць сонцам лета, голас маці – вярнуць з таго свету* (М. Танк); *Мне слова матчына не ў лішак... Бязроднасць гневіць камяні* (В. Аколава); *Жаночае сэрца робіцца вялікім, як свет, калі яно чуе боль знявечанага дзіцяці* (К. Чорны); *Бацькоўская хата без маці – што грудзі жывыя без сэрца* (М. Рудкоўскі).

Дзяцінства задае тон далейшаму жыццю чалавека. І якім будзе гэтае жыццё, у многім залежыць ад бацькоў – самых дарагіх і самых блізкіх людзей. Цесная павязь пакаленняў, падтрымка роду дапамагае стаць на крыло, быць чалавекам. Гэтая думка выразна прасочваецца ў наступных выслоўях: *Вялікія людзі нашчадкам у генах заўжды завяшчалі любоў* (Е. Лось); *Ды патрэбна наступніку, каб сумленнем не слеп, нібы воку сляза, ачышчальная памяць* (С. Законнікаў); *Бацькі з магіл цяплом дыхнулі, каб дзецям жыць лягчэй было* (У. Караткевіч); *Ад дзетак слава бацькі не ўцячэ* (Н. Гілевіч).

Мудрыя, назіральныя, унікальныя знаўцы жыцця, беларусы перадаюць свету свае высновы – акрэсленні – парады праз афарызмы: *Ад здрадлівага – сэрцам адыдзі, ад цыніка – свой смутак урадоўвай, зайздрослівага шчодро не віні, – жыві праўдзіва – усяго і толькі...* (В. Аколава); *Адны жабракі могуць праз усё жыццё толькі браць* (М. Багдановіч); *Багаты духам той, хто дорыць многа, убогі – хто не дорыць, а бярэ* (А. Звонак); *Балючай раны не дражні, мудрым будзь, ды не мудруйся* (К. Кірэнка). *Бойся спазніцца з харошым учынкам: тонка прадзецца жыццёвая ніць* (Н. Мацяш); *Будзь смелым, як вецер, як воля сама! Знай, смелых не чэпе ні крыўда, ні цьма! І Вучыся, нябожжа, вучэнне паможжа змагацца з нядоляй, няволяй* (Я. Купала); *Вачыма неба мерай, але зямлёй жыві – і радасная вера народзіцца ў крыві* (С. Законнікаў); *Глядзі людзей, ідзі з людзьмі – чалавекам будзеш* (Ф. Янкоўскі); *Глядзіце зверху ўніз на травы ці на ваду, не на людзей*

(П. Панчанка); *Знітаваны гэты свет саюзам ястраба і клеткі* (А. Разанаў); *Калі ўсё добра – то патрэбна шмат, калі ўсё кепска – то нішто не міла* (Е. Лось); *Сцеражыце ж годнасць чалавечую. Як жыццё, яна ў нас – адна* (Л. Геніюш).

Афарызмы настойліва рэкамендуюць пачынаць выхаванне дзяцей з самага ранняга ўзросту: *Вучы дзяцей яшчэ з пялёнак: каб не скаціцца пад адхон – хай з курганоў тваіх зялёных бяруць у заўтрае разгон* (Н. Гілевіч); *Сям'я ўратаваная – і ўратаваны народ* (Л. Рублеўская); *Гадуюцца дзеці ў любові – ратуецца вечнасць* (Л. Рублеўская).

Падтрымліваючы разуменне месца і ролі маладога пакалення, беларуская афарыстыка сцвярджае: *А будучыня парасткам належыць, бо на дубах былых растуць яны* (У. Караткевіч); *Дзеці – радасць і прыгажосць усіх народаў свету* (Я. Брыль); *З учынкаў маладосці і старасць у людзей* (В. Аколава); *Трэба вучыцца жыць у дзяцей і яшчэ – у выдатных людзей. А гэтыя людзі – вялікія дзеці ў звычайным дарослым свеце... Словам, вучыцца трэба ў дзяцей* (А. Вяцінскі); *Самая вялікая хлусня – гэта хлусня маленькаму чалавеку* (А. Макаёнак).

Нацыянальныя афарызмы даюць магчымасць вывучаць менталітэт, культуру, педагогіку пэўнага народа. Якімі – з афарызмаў – бачацца беларусы? Гэта, найперш, людзі чулыя, спагадлівыя, з пачуццём уласнай годнасці: *А вось чуласць, чалавечнасць – ім дарога проста ў вечнасць – больш за ўсё нам даражэй* (Я. Колас); *А душа наша – уся са спагады* (Я. Сіпакоў); *Без дабрыві мы не людзі, а голыя дрэвы* (Г. Марчук); *Без чалавечнасці не будзе вечнасці* (П. Панчанка); *І гонар свой – не трэба нам благога. і звычай свой па-людску жыць з людзьмі. дабро сваё, не трэба нам чужога. і будзе ўсё, бо з працавітых мы* (Л. Геніюш); *Ведаем, жывём занадта мала, каб напрыканцы не шкадаваць, што не ўсё, чым доля нас вітала, з годнасцю мы ўмелі адвітаць* (Н. Мацяш); *Апынуса калі сярод чорных варон, – я памру, ды не буду па-іхняму каркаць* (Я. Янішчыц).

Беларусы – змагары, героі. Іх мужнасці, моцы духу, трывучасці трэба вучыцца: *Але Муж – не той, хто не знаў батагоў, а той, хто пад імі маўчаў* (У. Караткевіч); *А нам стаяць, не гнуцца, як трыццё, бо лёс славян і лёс майго народа – нялёгкае і гордае жыццё* (У. Караткевіч); *Для смелых людзей няма бездарожжа* (Я. Колас); *Хто мужны, хто смелы, хто дужы, хто цэлем працят залатым, над тым неўладарныя сюжы, і лёс неўладарны над тым* (У. Жылка); *І перамог няма без паражэння, без неспакою цішы не знайсці; і Гасподзь схіляецца да ўсіх, ды духам ніцых ён не чуе* (Н. Мацяш). *Навошта пра фальш мы праўдзіва гаворым?* (В. Аколава).

І, урэшце, у афарызмах акрэсліваецца крэда нашай нацыі: *Быць людзьмі, не толькі імі звацца* (Л. Геніюш).

Афарызм ствараецца ў пэўным часе, а сам ён пазачасавы, надчасавы: тое,

што ў ім закладзена, прэтэндуе на вечнасць, бо ў афарызмах заключаны найвялікшыя агульначалавечыя каштоўнасці – філасофія і мудрасць жыцця цэлага народа і асобнага чалавека, яго этычныя і эстэтычныя прынцыпы, духоўнасць, культура, традыцыі. Наяўнасць жыццёвага ідэалу – гэта духоўны набытак кожнага чалавека, які ўсведамляе сябе чалавекам, які мае светлую душу. І чым актыўней развівалася чалавецтва, тым больш дасканалым становіўся ідэал, вызвалючыся ад улады прыродных інстынктаў, ад матэрыяльнай абмежаванасці імкненняў, тым мацней захапляла людзей мара пра свой унутраны, духоўны свет. Так, духоўнасць народа, маральныя якасці чалавека – у наступных беларускіх афарызмах: *Духоўнасць – святая жывымі* (В. Аколава); *Душа – са споведзяў, а не з пракляцяў* (В. Аколава); *Душой злачынна немай быць, як свет турбот такі вялікі* Н. Мацяш); *Душою не крыві, бо чалавечы век усё ж кароткі, і водгуллем у кожнага ў крыві азвацца могуць прашчурны і продкі; І кожнага ў свеце дарога вядзе да апошняй вярсты, таму не шкадуў ні для кога сваёй даброты; Калі ты камусьці хоць трошкі патрэбен, дык хочацца шчодро і радасна жыць; Калі ты усё спазнаў на поўнай меры і не паспеў душою ачарсцвець, не бойся, што баліць часамі сэрца, – яно ж таму і сэрца, каб балець; Лепш быць сляпым або бязногім, чым мець халодную душу; Найцяжэй судзіць сябе самога, чым у другога плямінку знайсці; Патрабуе чыстае сумленне быць неабходным хоць малым звяном паміж сваім і новым пакаленнем; Чалавек павінен чалавеку радасці прыносіць кожны дзень; Пакінь адну пасаду – быць Чалавекам на зямлі* (С. Грахоўскі); *О, боязь за другога чалавека! Адна ты робіш чалавека з нас* (Н. Мацяш); *Дрэннаму – не пакарыцца. Добрае не праяваць. З дробнай хлуснёй не мірыцца, з буйнай хлуснёй ваявай* (П. Панчамнка). *Зусім не хістаюцца слупы, асабліва – глыбока ўкапаныя* (Я.Брыль). *Мудрасць прылятае, яна, як насенне дуба, ляціць і ўкараняецца ўжо на вечнасць* (Л. Геніюш); *Шануй душу сваю, народзе, і ўласнай памяці не траць, каб у нязведанай дарозе ахвярай хуткасці не стаць!* (Н. Гілевіч).

Жыццё чалавека, цэлага народа, нацыі – не пасіўнае існаванне, а актыўны працэс, творчае гарэнне. Жыццё – ужо само па сабе найвялікшы дар, які трэба берагчы, якім трэба даражыць. Менавіта гэтая думка – у наступных афарызтычных выслоўях: *Жыву, не трацячы надзей, бо веру ў дабро людзей* (С. Грахоўскі); *Жыццё заўжды – іспыт на мужнасць. Яго ж не возьмеш напракат* (Н. Мацяш); *Жыццё – неаплатны і спадчынны доўг* (М. Танк); *Жыццё пражыць – не поле перайсці, а трэба і жыццё прайсці, як поле, і хоць адным зярняткам узысці, а бур'яном не зарасці ніколі* (С. Грахоўскі); *Жыццё – то ўзвышша, то правал* (Р. Баравікова); *Чалавек памірае, калі страчвае здольнасць здзіўляцца і захапляцца Жыццём* (М. Танк); *Гэта – мудрая тайна Жыцця – жыць аддана, да забыцця*

(С. Грахоўскі); *Даецца толькі тым жывучасць, хто годны ў муках сцвердзіць сваё “я”* (Н. Мацяш).

Беларусы-афарысты, ствараючы выслоўі, найперш рэпрэзентуюць свае этнаназіранні, этнааэцкі, этнамеркі, этнаўзоры і арыентуюцца на разуменне іх найперш беларусамі. Аднак усякае прыватнае ўтрымлівае ў сабе і элементы агульнага, канкрэтнае – элементы абстрактнага, таму афарыстычныя выслоўі – нягледзячы на сваю ўніверсальнасць – даволі часта падказваюць, якому народу яны належыць. Прыгадаем: *Навошта каласы, калі няма васількоў?* (М. Багдановіч); *Міхал лічыў Нявіж Парыжам* (Я. Колас), *Штосьці з намі не так, калі нават буслы не вярнуліся гэтай вясной* (Н. Маеўская); *Не мыляйце, хлопцы, з баразёнкі! Сур’эзна трэба плугам кіраваць!* (Л. Геніюш); *Беларусу і ў Парыжы сняцца белізна бяроз і сосен медзь* (П. Панчанка); *Калі за Беларусь дадаць жыццё святыя клічуць – буду не старонні* (Н. Гілевіч); *Мне бацькаўшчынай цэлы свет, ад родных ніў не адварнуўся... Адно ... не збыў яшчэ ўсіх бед: мне сняцца сны аб Беларусі!* (Я. Купала); *Пакідайце, і буслу і чайцы больш вады і неба на душу* (П. Панчанка). Нацыянальныя рэаліі, сімвалы падказваюць, што гэта наша, роднае. Афарыстычныя выслоўі нашы – беларускія – па месцы нараджэння, мудрасць жа, заключаная ў іх, сусветная.

У сціслых і яркіх афарыстычных тэкстах беларускіх пісьменнікаў, як бачым, матэрыялізуецца філасофія жыцця, апраўданне чалавечай прысутнасці на зямлі, абгрунтаванне сэнсу існавання аднаго і ўсіх, духоўная хартыя народа, яго дакумент на нацыянальную самабытнасць і несмяротнасць.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Гаўрош Н.В.* Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў / *Н.В. Гаўрош, Н.М. Нямковіч.* Мінск: Выш. шк., 2012. 638 с.
2. *Янкоўскі Ф.М.* Крылатыя словы і афарызмы: з беларускіх літаратурных крыніц. Мінск : Выд-ва АН БССР, 1960. 135 с.

Е.В. Гранкина (Минск, Беларусь)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТОНИ МОРРИСОН

В статье выявляются особенности художественного осмысления составляющих компонентов этнической, национально-культурной идентичности одной из самых известных афроамериканских писательниц современности, лауреата Нобелевской премии по литературе Тони Моррисон. Материалом для исследования послужили ее романы «Самые голубые глаза», «Песнь Соломона», «Возлюбленная», «Жалость»,

«Боже, храни мое дитя».

Ключевые слова: *этнос, этническая идентичность, афроамериканцы, литература США, Тони Моррисон.*

В современном мире, где все активнее протекают процессы глобализации, происходит определенное унифицирование различных сторон и физической, и духовной жизни человека, особенно остро стоит вопрос о национальном, этническом, личностном самосохранении. Одним из условий этого выступает осознание уникальности социальной группы, к которой принадлежит личность, что в контексте формирования и постижения картины мира обусловило появление таких понятий, как *идентичность, этничность*, а также их производных – *этническая идентичность, национальная идентичность* и т.д.

Под **этнической идентичностью** принято понимать совокупность черт, качеств, характеристик, позволяющих личности воспринимать себя частью того или иного этнического сообщества. Этническая идентичность – понятие междисциплинарное, оно становится объектом изучения философии, психологии, социологии, культурологии, языкознания, литературоведения.

Художественная литература таит в себе неисчерпаемые возможности особого – поэтического, образного – познания человека. Мир во всем многообразии, его вызовы и противоречия находят художественное осмысление в литературе.

В 1993 году американская писательница Тони Моррисон (р. 1931) стала лауреатом Нобелевской премии по литературе. По формулировке Комитета, награда была вручена ей за то, что она «в своих полных мечты и поэзии романах оживила важный аспект американской реальности» [1]. Этот аспект связан с историей (часто трагической) афроамериканцев в контексте истории США, стремлении познать прошлое, настоящее и заявить право на будущее этноса. Творчество Т. Моррисон не преследует цель противопоставить друг другу два сегмента культуры США – черный и белый. Она пытается помочь афроамериканцам осознать важность и ценность их национальной культуры, традиций, исторических корней. В романах Т. Моррисон запечатлено стремление проникнуть в глубь этнической идентичности, сохранить память предков, что является залогом гармоничного сосуществования членов афроамериканской общины. Ее проза часто жестока, она не щадит никого и ничего, что, в представлении писательницы, нарушает принципы справедливости, наносит удар по человеческому достоинству. Не случайно в Соединенных Штатах и за их пределами Т. Моррисон называют совестью Америки и рупором воли черной Америки.

В центре произведений Тони Моррисон – самые острые проблемы современности, среди которых расовое противостояние, проблемы самоидентификации афроамериканцев, опасности, которые таит подчинение репрессивной белой культуре, сложности их вхождения в белый американский социум.

Особое место в структуре творчества писательницы занимает понятие черноты (англ. *blackness*), которое связано не столько с цветом кожи, сколько с комплексом социокультурных проблем, стоящим перед афроамериканцами: свойственное им ощущение маргинальности, вторичности; продуцируемая белой Америкой агрессия, определяющая изломы в самопринятии, самоидентификации черного населения, практической реализацией этой агрессии становится дискриминация афроамериканцев на различных уровнях их присутствия в жизни США, сегрегация, расизм. Но причиной этого не всегда становится давление белого социума. Зачастую афроамериканцы сами отказываются от своих корней, от традиций и духовных ценностей своего этноса, собственно, отказываются от своего прошлого, стремясь «дотянуться» до белой культуры. В изображении Т. Моррисон, опасности такой модели поведения в том, что она может угрожать выживанию не только отдельной личности, которая не идентифицирует себя со своей этнической группой, но и целому этносу. Герой произведений писательницы, попадающий в ситуацию «чужой среди своих», обречен на поражение.

Проблеме этнической идентичности посвящен уже первый роман Т. Моррисон «Самые голубые глаза» (1970). К этой же теме она возвращается и в последнем вышедшем на сегодня романе «Боже, храни мое дитя» (2015, русский перевод – 2017 г.). Главная героиня произведения «Самые голубые глаза» – одиннадцатилетняя Пекола, афроамериканка, мечтающая о том, чтобы у нее были голубые глаза. Голубые глаза в книге выступают символом другой – белой – жизни: Пекола не хочет быть черной, поскольку жизнь черных страшна, уродлива и в прямом, и в переносном, как кажется героине, смысле. История Пеколы трагична: не однократно подвергшаяся насилию, живущая в нелюбви (в том числе и в нелюбви к самой себе) – она лишается рассудка. Думая, что ее глаза стали голубыми, приобретя в своём воображении столь желанную белизну, она теряет себя, свое Я, свой разум.

В романе «Боже, храни мое дитя» показана история Брайд – героини с иссиня-черным цветом кожи. В детские годы Брайд чувствовала себя такой же несчастной, как Пекола: она была слишком черна в своем окружении (члены общины, в которой росла Брайд, в том числе и родители девочки, отличались тем, что, будучи афроамериканцами, имели более светлый оттенок кожи, иногда почти не отличимый от белого).

Цвет кожи героини стал причиной ее многочисленных детских психологических травм: отец ушел из семьи, мать не хотела прикасаться к дочери (как казалось Брайд, из-за брезгливости). Но, повзрослев и превратившись в красавицу, Брайд постаралась сделать все, чтобы полностью изменить свою жизнь и стать счастливой. Первым шагом на этом пути стал отказ от прошлого, вызванный желанием забыть все то, что причиняет боль. Жизненная установка, которой следует героиня, – выбросить «хлам из прошлого» [2, с. 99]. Парадоксально, но в традициях магического реализма Т. Моррисон показывает, что этим «хламом» становится сама героиня. Она начинает физически терять себя, у нее стали пропадать части тела, т.е. стремясь забыть «язык памяти» [2, с. 305], зачеркнуть, уничтожить, разрушить свое прошлое, Брайд разрушает собственную целостность. Метафора этих трансформаций в том, что отказ от своего опыта фрагментирует не только историю человека, но и, как показывают этот и другие романы писательницы, историю нации. Идентичность формируется неразрывной связью прошлого, настоящего и будущего. И выпадение любой из этих составляющих чревато саморазрушением, самоуничтожением и личности, и этноса. Пожалуй, желание предостеречь от этого определило всю идейно-образную и поэтическую систему романа.

Таким же персонажем с разрушенной идентичностью, бегущим от прошлого, стремящимся забыть свои корни, является герой романа «Песнь Соломона» (1977) Молочник Помер. В основе сюжета – поиски Молочником таинственного семейного клада. В финале произведения герой находит этот клад, но им оказываются не такие желанные в начале романа материальные ценности, а пришедшее к Молочнику осознание ценности семейных уз, невидимых нитей, связывающих поколения, произошедшее приобщение его к культуре и традициям афроамериканского этноса.

Теме прошлого в романе «Песнь Соломона» также уделено много внимания, но представлено это прошлое не локально, через индивидуальный опыт персонажа, а соотносится с опытом всей афроамериканской общины. Рабство – прошлое – определило внутренний излом не только отдельных личностей, семей, но и сообщества в целом.

Этот лейтмотив усиливается в романе Т. Моррисон «Возлюбленная» (1987), в котором трагедия одной семьи разворачивается на фоне трагедии этноса, вызванной унижениями, физическим уничтожением, психологическим насилием, сопровождающими историю афроамериканцев в США.

Главная тема «Возлюбленной» – тема бремени рабства, того груза памяти, который несут все герои произведения и отчаянно стараются забыть, но который определяет судьбу каждого из них. Специфика

конфликта, обусловившего развитие сюжета, – в его дуализме, когда социальный конфликт определяет конфликт внутренний. Бывший раб, сумевший разными способами обрести свободу (будь то побег от плантатора или появившаяся возможность быть выкупленным из рабства), остается рабом внутри себя, герой сломлен прошлым, страх прошлого трансформировался в боязнь настоящего и будущего. Это обуславливает конфликт и с внешним миром, как в лице белых плантаторов-рабовладельцев, так и в лице национальной афроамериканской общины, порождает желание героев убежать, спрятаться, укрыться в сосуде, наполненном собственной болью и одиночеством.

В романах Т. Моррисон часто появляется образ героини, занимающейся шитьем. Можно допустить, что этот образ не случаен, а соотносится с метафорой латания внутренних дыр, восстановления разрушенной идентичности, в том числе и этнической. Героиня во время шитья успокаивается, отдаляет от себя все внешнее, ненужное, шумное и остается наедине с собой, со своим внутренним голосом и вместе с тем осознает целостность единого общинного духа, позволяет себе принять помощь извне, почувствовать себя частью большого сообщества (подобная сцена совместной деятельности героини и общины становится одной из финальных в романе «Возлюбленная»).

Роман «Жалость» (2008) в творческой биографии Т. Моррисон примечателен тем, что в нем писательница обратилась к истории становления США. Одна из ведущих проблем этого романа – проблема одиночества личности, что, как отмечалось выше, обусловлено в значительной степени внешними причинами: годами сегрегации, ставшей частью культурно-исторической памяти афроамериканского этноса.

Действие романа отнесено к XVII веку, ко времени, когда территория будущих США заселяется выходцами из Старого Света. Новый Свет в изображении Т. Моррисон лишен идеализации: возможность производить сделки, рассчитывать с кредиторами «живым товаром» – рабами, пренебрежение к людям иного социального происхождения, национальная ненависть («рабочую силу просто завозят новую. Как дрова взамен сожженных... Там просто бешеное кишение мулатов, креолов, метисов, замбо, каких-то чино-латино и прочих дворян и ублодков») – таков социальный фон романа «Жалость» [3]. Джейкоб, один из главных героев романа, движимый жалостью, решил проявить милосердие и собрал под крышей своего дома таких «дворян»: мужчин, женщин, девушек, а одну из героинь отдала мужчине мать-рабыня в надежде на то, что в семье Джейкоба ее дочь ждет лучшая доля.

Трагедия героев романа «Жалость» обусловлена тем, что, будучи разными по национальности, по социальному статусу, оказавшись

оторванными от исторических корней, на новой земле они не нашли никакой созидательной, объединяющей силы, им не хватило устойчивых, вневременных традиции семьи, этноса, расы, которые, с точки зрения писательницы, дает афроамериканцу община.

Показательны размышления Джейкоба: «Когда-то они считали себя чем-то вроде семьи, потому что сблизились, высекли искру товарищества из нескольких одиночеств. Однако семья, в которую, как все воображали, они сплотились, обернулась обманом. Каждый любил свое, своих страхов бежал и своего добивался, и будущее у каждого было отдельным, да и поди еще пойми каким...» [3].

Таким образом, в романах Т. Моррисон – афроамериканки, воссоздающей историю своего народа, формируется представление о составляющих этнической, национально-культурной идентичности, утверждается важность для каждого члена афроамериканской общины осознания себя неотделимой от целого частью «большого» мира, сохранения в памяти прошлого и передачи будущим поколениям национальных традиций, нравственных ценностей и духовного опыта предков.

Библиографические ссылки

1. Лауреаты Нобелевской премии. Тони Моррисон. URL: <http://www.nobeliat.ru/laureat.php?id=90> (дата обращения: 01.04.2019).
2. Моррисон Т. Боже, храни мое дитя. М. : Изд-во «Э», 2017. 320 с.
3. Флибуста. Тони Моррисон. Жалость. URL: <http://flibusta.is/b/181948/read> (дата обращения 01.04.2019).

А.М. Пісарэнка (Мінск, Беларусь)

ВОБРАЗЫ ПЕРАКЛАДНЫЯ І АРЫГІНАЛЬНЫЯ: СТЫЛІСТЫЧНАЕ ДЭКАДЗІРАВАННЕ АРЫГІНАЛА І ПЕРАКЛАДУ АДНАГО ВЕРША БАРЫСА ПАСТАРНАКА

Узаемадзеянне розных моў, літаратур і культур, як правіла, заўсёды ўзаемаўзбагачальны працэс. Творчасцю Барыса Пастарнака натхняліся і кампазітары, і пісьменнікі, у тым ліку беларускія паэты Генадзь Бураўкін, Рыгор Барадулін. Аб'ектам стылістычнага дэкадзіравання абраны адзін твор у яго арыгінальнай і перакладной формах – верш «Зіменная ноч». Захаваўшы манеры пісьма, яго індывідуальных, стылеўтваральных маўленчых адзінак, а найперш – галоўнай думкі твора, – першасная задача для пісьменніка-перакладчыка. Рыгор Барадулін адчувае аўтара, ашчадна ставіцца да яго вобразнага слова, таму перакладны твор «Зімовая ноч» па-мастацку выразны, пастарнакаўскі, а вобразы такія ж высокамастацкія, кранальныя.

Ключавыя словы: арыгінал, пераклад, мастацкі тэкст, паэтычны пераклад, верш, стылістычнае дэкадзіраванне, супастаўляльны аналіз, вобразныя сродкі мовы, стылістычныя прыёмы, трыпы, эстэтычная вартасць, стылізацыя.

Пераклад як від мастацкага тэксту і від літаратурнай творчасці – узнаўленне твора адной мовы сродкамі другой. Перакладчык бярэ на сябе адказнасць і смеласць захавання аўтарскіх думак, пачуццяў, вобразаў і той прасторы, у якой аўтар жыў і якую стварыў у мастацкім тэксце. У тым і важнасць перакладных твораў, што яны адкрываюць чытачу, грамадству адной краіны літаратуру (а значыць, свет, гісторыю, побыт, менталітэт, характар носьбітаў іншай культуры, іншага грамадства) іншых краін, новых аўтараў. Менавіта ў выніку перакладчыцкай творчасці адбываецца ўзбагачэнне літаратур вобразамі, сюжэтамі, жанрамі, што кваліфікуецца як ўзаемадзейнае талентаў.

На перакладчыка мастацкага твора ўскладаецца павышаная адказнасць: захаваць ідэю і вобразы, лексічную напauняльнасць і стылістычную танальнасць, манеру пісьма аўтара і яго ўспрыманне свету і тых падзей / абставін / абстаноўкі, пра якія распавядаецца ў творы. Паэтычны пераклад адрозніваецца ад праявінага, драматургічнага тым, што ў паэзіі свае законы, напрыклад, рыфмізацыя і рытмізацыя мовы. Лічыцца, што сярод усіх разнавіднасцяў мастацкага перакладу ён характарызуецца найбольшай складанасцю: у гэтым выпадку перакладчык павінен не толькі ведаць мову арыгінала і творчасць пісьменніка, а быць знаёмым з жыццём краіны і сацыяльным асяроддзем, у якім жыў і пісаў аўтар, перакладчык павінен выключна адчуваць дух паэзіі, каб узнавіць рытмічны малюнак арыгінальнага тэксту (эквіметрычнасць), характар рыфмаў і рыфмоўкі (эквірыфменнасць), захаванне колькасці і парадку радкоў (эквілінарнасць) [6], перадаць тропіку вершаванага маўлення.

Інакш кажучы, перакладчык павінен усвядоміць думку, ухапіць эмоцыю, перадаць рытм, уліцца з аўтарам у адну плынь паэтычнай ракі, убачыць яго вобразы і зажыць з ім адным жыццём, але сродкамі сваёй, роднай мовы (для Р. Барадуліна – беларускай) перадаць іх.

Р. Барадулін – пісьменнік выключнага таленту: ён паэт, эсэіст, перакладчык; мова яго твораў вызначаецца арыгінальнасцю словаўжывання – вялікай колькасцю неалагізмаў і аўтарскіх лексічных вобразных сродкаў. Р. Барадулін – знакаміты, вопытны перакладчык: ён запрасіў «*беларускай мовай гаварыць*» А. Міцкевіча, У. Шэкспіра, Дж. Г. Байрана, Лесю Украінку, Г. Гейнэ, А. Рэмбо, М. дэ Сервантэса, Г. Рэлес, Я. Райніса, А. Кунанбаева і інш. аўтараў. Безумоўна, што і рускія паэты, дзякуючы Р. Барадуліну, загучалі па-беларуску: ён перакладаў паэзію С. Ясеніна, Я. Еўтушэнкі, А. Вазнясенскага, У. Маякоўскага, В. Мандэльштама, Б. Пастарнака.

Мова паэзіі Рыгора Барадуліна, як адзначалася, характарызуецца вобразнасцю, экспрэсіўнасцю, якія дасягаюцца найперш ужываннем аказіянальнай разнавіднасці тропаў, асаблівай лексічнай напauняльнасцю стылістычных фігур, а значыць, арыгінальным зместам, індывідуальна-аўтарскай словатворчасцю (*полымнакрыла б'ецца трывога; лістападзіць настрой; ад славы камянеюць вершаробы; смялела немач, немата панела; і здрада жоўтай кветкаю цвіце, балігалавам; ісціна – парабчанка разутая – галаруч нясе вугалі; а багатая душа не скупая і інш.*) [1]. Што да мовы паэзіі Барыса Пастарнака, то ёй таксама ўласціва своеасаблівая вобразнасць, а маўленчая арыгінальнасць яго паэзіі не выклікае сумненняў: *Весна, я с улицы, где тополь удивлен, / Где даль пугается, где дом упасть боится; Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд, / Пока грохочущая слякоть / Весною черною горит* [5].

Для таго, каб параўнаць эстэтычную вартасць арыгінала і перакладу верша «Зімовая ноч», на наш погляд, варта зрабіць стылістычнае дэкадзіраванне тэкстаў і таксама іх пасказавае і пастрофнае супастаўленне. Замест прадмовы да зборніка [5, с. 142] Р. Барадулін напісаў верш «Перакладаючы Барыса Пастарнака», які заканчваецца радкамі: *Я Паэту ціха прапаную / Беларускай мовай гаварыць*. Відавочна ашчаднае, беражлівае стаўленне да паэзіі, да арыгінальнага тэксту, як да душы іншага чалавека; яшчэ пазней паэт напіша: «Ніводзін пераклад мне яшчэ не даваўся нагэтулькі цяжка. Найпершая складанасць у тым, што вельмі цямяна ловіцца сэнс верша – аб чым ён (?), паток эмоцый аўтарам моцна завуаляваны, трактоўка сэнсу шматзначная адпачатку, Пастарнак кіраваўся больш законам мелодыкі, прыгажосці, ніж сэнсу» [2]. Існуе два варыянты перакладу «Зімовай ночы» Р. Барадуліным, першы з якіх – у названай кнізе, аднак намі для супастаўляльнага аналізу абраны больш позні варыянт [2], паколькі ў першым неапраўдана ўжываюцца лексемы з неадпаведнай арыгіналу семантыкай і стылістычнай афарбоўкай, і ў выніку разбураецца пачуццё інтымнасці, таямнічасці, напрыклад: *Спакусы шал галодны, злы / Грахоўна, хіжа / Ўздымаў анёлам два крылы / На вобраз крыжа – И жар соблазна / Вздыхал, как ангел, два крыла / Крестобразно*.

«Зимняя ночь»:

Мело, мело по всей земле / Во все пределы. / Свеча горела на столе, / Свеча горела. / Как летом роем мошкара / Летит на пламя, / Слетались хлопья со двора / К оконной раме. / Метель лепила на стекле / Кружки и стрелы. / Свеча горела на столе, / Свеча горела. / На озаренный потолок / Ложились тени, / Скрещенья рук, скрещенья ног, / Судьбы скрещенья. / И падали два башмачка / Со стуком на пол. / И воск слезами с ночника / На платье капал. / И все терялось в снежной мгле / Седой и белой. / Свеча горела на столе, / Свеча горела. / На свечку дуло из угла, / И жар соблазна /

Вздымал, как ангел, два крыла / Крестообразно. / Мело весь месяц в феврале, / И то и дело / Свеча горела на столе, / Свеча горела.

На першы погляд, без удумлівага прачытання, без «лінгвістычнага мікраскопа» можа падасца, што ў арыгінале менш вобразных сродкаў, у тым ліку тропаў, чым у перакладзе. Аднак пры дэкадзіраванні становіцца відавочным, што тропы і фігуры арыгінала маюць аўтарскі характар, напаўняюць тэкст відочнасцю і пачуццёвасцю. Верш пачынаецца з безасабовага сказа *Мело, мело по всей земле / Во все пределы*. Такі тып сказа надае тэксту таямнічасць, і гэтая «безасабовасць» (адсутнасць асобы) далей у тэксце будзе падтрымлівацца іншымі сінтаксічнымі адзінкамі – двухсастаўным сказам, дзе ў ролі дзейніка выступае азначальны займеннік абагульняльнага зместу *все* і / безасабовымі сказамаі *На свечку дуло из угла* і першым сказам у завяршальнай страфе *Мело весь месяц в феврале*. Відавочна таксама, што дзейных асоб у прамым сэнсе няма ў вершы, аднак ёсць іх цені, ёсць *башмачки, платье, скрещенье рук, скрещенье ног*, што надае экспрэсію таямнічасці, інтымнасці. Апошняя страфа адрозніваецца ад першай словамаі *по всей земле во все пределы – весь месяц в феврале и то и дело*: дадзеная стылістычная фігура, на наш погляд, можа кваліфікавацца як адзін з прыёмаў пазіцыйнага акцэнтавання [4, с. 54], як від кальца – частковае кальцо, паколькі ў першай і апошняй страфе ёсць адрозненні ў змесце: спачатку паэт акцэнтуюе ўвагу на прасторавай характарыстыцы з’явы (*мело по всей земле*), у апошняй – на часовай (*Мело весь месяц в феврале*). Варта узяць пад увагу менавіта гэтыя рэплікі, каб ахарактарызаваць назву верша «Зимовая ночь» як метафарычную: зімовая ноч – гэта ёсць той прасторава-часавы змест паняцця – *весь месяц* і *по всей земле*, калі лірычны герой падуладны стыхіі прыроды і ўласным пачуццям. Для стварэння экспрэсіўнасці паэт выкарыстоўвае наступныя тропы:

- параўнанне-супастаўленне *Как летом роет мошкara / Летит на пламя, / Слетались хлопья со двора / К оконной раме* – птушкі злятаюцца ў адно месца, аўтарская метафара падкрэслівае мэтанакіраванасць злятання / лёту сняяжынак да шкла;

- творны параўнання: *И воск слезами с ночника / На платье капал;*

- метафары *Слетались хлопья со двора / К оконной раме; / Метель летела на стекле / Кружки и стрелы;*

- метафара і параўнанне: *И жар соблазна / Вздымал, как ангел, два крыла / Крестообразно;*

- эпітэты: *озаренный потолок, снежная мгла седая и белая* – стылістычная фігура інверсія;

- зейгма: *Скрещенья рук, скрещенья ног, / Судьбы скрещенья* – неаднаразовае ўжыванне слова з рознымі значэннямаі пры паўторным выкарыстанні з пераносным значэннем.

Вершу характэрны таксама паўторы – яркія прыёмы ўзмацнення эмацыянальнасці, пра якія навукоўцы слухна сцвярджаюць, што музыка і рытміка паўтора заваражае, паўторы звычайна вылучаюць ключавыя паняцці тэкста, падтрымліваюць пэўныя сэнсавыя асацыяцыі, уплываюць на падсвядомасць [4, 435]. Стылістычныя фігуры, заснаваныя на неаднаразовым ужыванні слоў, ствараюць эмафатычную інтанацыю, якая разлічана на сляхавое, а не на зрокавае ўспрыманне тэксту [3, с. 426], у тым ліку чарырохразовы паўтор-рэфрэн – *Свеча горела на столе / Свеча горела*; а таксама іншыя: *мело, мело по всей земле; скрещенье рук, скрещенье ног, судьбы скрещенье*; «вандроўны» корань – *летит, слетались* [4, с. 420]; інверсія дзеяслова-выказніка як яшчэ адзін прыём акцэнтавання: *ложились тени, падали два башмачка, слетались хлопья со двора*.

Сітуацыя, апісаная аўтарам, таямнічая, дзеянне адбываецца як у цёмным лостэрку, як у чорна-шэрым кіно, дзе замест экрана – столь. Праз ціхі завейны шум за акном, магчыма, чуецца, як ціха ўздываюца два крылы анёла, ціха капае воск на сукенку і толькі гулка падаюць на падлогу башмачкі. Цішыня ствараецца і аздабляецца аўтарскім гукапісам – паўторам цвёрдых і мяккіх свісцячых гукаў [с', с, з, з']: *всей, земле, все, свеча, столе, свеча, слетались, стекле, стрелы, свеча, свеча, озаренный, ложились, скрещенье, скрещенье, судьбы скрещенье, со стуком, воск, слезами, с ночника, все терялось, снежной, седой, свеча, свеча, свечку, соблазна, вздымал, крестообразно, весь, месяц, свеча, столе, свеча* – так нібы ткуцца карункі завірухі, так тчэцца страсць; чалавек, як адзначалася, двойчы падуладны: прыроднай стыхіі – завірусе, яе бясконцасці і бязмежнасці, стыхіі чалавечых пачуццяў – страсці, яе непаўторнасці і таксама бясконцасці.

Як адзначалася вышэй, мы абралі для стылістычнага дэкадзіравання Другі варыянт перакладу гэтага верша Б. Пастарнака.

«Зімовая ноч»:

Ад завірух сусвет самглеў – / бязмежных, вечных. / Гарэла свечка на стале, / гарэла свечка... / Як летам машкару агонь / завабна кліча – / сляжынкі мкнулі да акон / у цемры знічкамі. / Завяя соўгала на шкле / паток сустрэчны. / Гарэла свечка на стале, / гарэла свечка. / На столі цені ажылі / ў сваім маўчанні – / як лёсу стоенныя дні / і скрыжаванні. / І чаравічкаў стук начны, / (ці смех, ці енкі?..) / І воск слязамі намачыў / тваю сукенку. / І ўсё гублялася ў імгле / с'вай старэчай. / Гарэла свечка на стале, / гарэла свечка. / На свечку налятаў павеў, / скакалі цені. / Агонь акрыльваў іх і грэў, / яны ляцелі. / Бясконцасць лятаўскіх завей, / бесчалавечных... / Гарэла свечка на стале, / гарэла свечка.

У перакладным тэксце на лексічным узроўні відавочная трапеізацыя: Рыгор Барадулін застаецца верным сабе, аднак захоўвае аўтарскія рытм і

даўжыню радка: ужо ў першай страфе ён ўжывае метафару *сусвет самглеў* і эпітэты *бязмежных, вечных завірухі*; другая страфа – па змесце параўнанне-супастаўленне *Як летам машкару агонь / забавна кліча – / сняжынкi мкнулі да акон / у цемры знічкамі* (сняжынкi мкнуць да акна, як машкара на агонь). Праз гэтае супастаўленне ўзнаўляецца аўтарскае апісанне мэтанакіраванасці руху снегу (сняжынак) да акон, і другое супастаўленне сняжынак са знічкамі ў форме творнага параўнання; такі надзвычай ёмка па форме троп дазваляе ў лаканічнай форме стварыць вобраз і паказаць пачуцці; сняжынкi, як знічкі, асядаюць на шкло і чэзнуць, знікаюць, раствараюцца на ім, як сапраўдныя зоркі ў начным небе. Прыведзены троп яркі, сціслы, само слова знічкі пры рэалізацыі другаснага значэння мае больш багаты падтэкст, чым першасны змест. У наступных радках з мэтай аднаўлення пастарнакаўскіх вобразаў перакладчык актыўна выкарыстоўвае метафары: *завей соўгала па шкле патак сустрэчны* (снег, які ляцеў у акно), *цені ажылі, воск слязамі намачыў сукенку, скакалі цені, яны [цені] ляцелі, агонь акрыльваў іх [цені] і грэў, бясконцасць завей*; эпітэты: *стоенныя дні і скрыжаванні, сівая старэчая імгла, бесчалавечныя завей*; слова *бесчалавечнае* па ТСБМ [7, с. 97] мае некалькі значэнняў; у дадзеным кантэксце яно мае значэнне – ‘які не мае літасці, доўгі’, што па сэнсе адпавядае аўтарскім *Мело весь месяц в феврале*; параўнанне: *На столі цені ажылі / ў сваім маўчанні – / як лёсу стоенныя дні / і скрыжаванні*.

Сінтаксічны ўзровень перакладнога твора таксама скіраваны на тое, каб стварыць таямнічасць, пачуццёвасць, інтымнасць: найперш такая атмасфера адчувальная за кошт інверсіі, калі ў постпазіцыю выносіцца азначэнне-эпітэт: *Ад завірух сусвет самглеў – / безмежных, вечных*; *патак сустрэчны*; *І чаравічкаў стук начны*; *І ўсё гублялася ў імгле / сівой старэчай – седая, белая* ў арыгінале; старэчая – мае сваім зместам ‘мудрасць, тую ж сівізну, чысціню’, думаецца, больш багаты па змесце вобразны сродак перакладу, тым больш ён не пярэчыць агульнай задуме аўтара; інверсія ў рэфрэне-паўторы *Гарэла свечка на сталае, / Гарэла свечка* (у параўнанні з арыгіналам, дзе аўтар ужывае прамы парадак слоў); *налятаў павеў; агонь акрыльваў іх і грэў; завей бесчалавечных*. Таямнічасць, адсутнасць асобы ў прамым значэнні ў перакладным тэксце ствараецца як з дапамогай інверсіі, так і з дапамогай дзейнікаў, выражаных назоўнікамі, якія называюць «неакрэсленыя» прадметы – сусвет, павеў, цені і таксама азначальным займеннікам з абагульняльным зместам – усё.

Гукапіс таямнічай «зімовай ночы» ў перакладзе, як і ў арыгінале, ствараецца таксама з дапамогай зычных **свісцячых** гукаў [с', с, з, з', ц', ц]; спалучэнне названых свісцячых з **шыпячымі** [ж, ш, ч] адпавядае сутнасці менавіта старэчай імглы, відавочнае ўзбагачэнне гукавобраза ў перакладзе: *завірух, сусвет самглеў, безмежных, вечных, свечка, сталае, свечка,*

машкару, завабна, кліча, сняхжынкі, цемры, знічкамі, завая, соўгала, шкле, сустрэчны, свечка, стале, свечка, столі, цені, ажылі, сваім, маўчанні, лёсу, стоенья, скрыжаванні, чаравічкаў, стук, начны, ці смех, ці , воск, слязамі, намачыў, сукенку, ўсё, гублялася, сівой, старэчай, свечка, стале, свечка, свечку, скакалі, цені, ляцелі, бясконцасць, лютаўскіх, завей, бесчалавечных, свечка, стале, свечка. Гукавая нітка свісцячых і шыпячых гукаў праз частую іх паўтаральнасць тэа цішу зімовай ночы, таямнічасць бела-шэрага свету, калі чалавек трапляе ў палон прыроднай стыхіі і пачуццяў: у шэра-белы палон імглы, завірухі, снегу, а таксама агню свечкі і агню жарсці.

Аўтар і перакладчык малююць словам дэталі вобраза, абрысы якога няпэўныя, размытыя, прыхаваныя ў завейным подыху зімы, у паўзмку пакоя. Тое самае нельга сказаць пра пачуцці: нягледзячы на завуляванасць апісання, жарсць і дынамізм відавочныя; у таямнічай ночы бачыцца спачатку рух ценяў, потым цішу разбурае стук чаравічкаў, што ўпалі, затым праз цішыню прабіваюцца ці то плач, ці то енкі. Перакладчык дапаўняе выразнасць сінтаксічнага ўзроўню з дапамогай умоўчання, якога няма ў арыгінале. Шмакроп'е ў першай, пятай, завяршальнай восьмай страфе скіроўвае чытача на ўласную пачуццёва-зрокавую дапрацоўку вобразаў. Вершы – арыгінальны і перакладны – заварожваюць, бяруць пачуцці чытача ў палон і дазваляюць яму дамаляваць, несказанае паэтамі «ўслых». Тонкая мяжа паміж тым, што варта апісаць і не варта, пра што трэба гаварыць і можна памаўчаць, ствараецца Барысам Пастарнакам і не парушаецца Рыгорам Барадулным.

Стылістычнае дэкадзіраванне дазваляе «расшыфраваць» апорна моцныя моманты тэксту, асабліва важныя для раскрыцця зместу і разумення сутнасці вобразаў. Верш «Зімовая ноч» – гэта цэлая гісторыя кахання, напоўненага жарсцю, якая доўжыцца не адну ноч, не толькі ў лютым і не толькі ў аўтара / лірычнага героя. Таму, думаецца, што назва верша мае яшчэ і сімвалічны змест. Пацверджаннем нашаму меркаванню з'яўляецца верш «На ўсёй зямлі спыніўся час» Генадзя Бураўкіна, стылізаваны пад верш Барыса Пастарнака. За эпіграф беларускі аўтар бярэ радкі *Свеча горела на столе, / Свеча горела...* Безумоўна, Генадзь Бураўкін стварае арыгінальны твор, які зместам «перагукваецца» з пастарнакаўскім і поўнасьцю захоўвае яго рытм і даўжыню радка: *На ўсёй зямлі спыніўся час. / І ў гэтым часе / Ты засталася ля пляча. / Ты засталася. / І месяц / Стомленным ваўком / Схаваўся нанач. / Шумела Нарач за акном, / Шумела Нарач. / Каб зоркі бліскалі ў акне, / Мы не хацелі. / Трымцелі цені на сцяне, / Трымцелі цені. / Нам сну не даў вясновы час – / Вясёлы скнара. / І вечнасць цэлую для нас / Шумела Нарач.* Як відаць, Г. Бураўкін пераймае сюжэт, сродкі стварэння вобразнай выразнасці – інверсія, гукапіс, тропы, форму верша.

Такім чынам, стылістычнае дэкадзіраванне арыгінала і перакладу верша

«Зімовая ноч» сведчыць, што «адбылася сустрэча» аўтара і перакладчыка: відавочнае ўзнаўленне ў мастацкім перакладзе паэтычнай прасторы і рытма-мелодыкі радкоў, захаванне вобразаў, у некаторых выпадках іх узбагачэнне як на лексічным, так і на сінтаксічным узроўнях.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Барадулін Р.* Руны Перуновы : выбр. тв. / Р. Барадулін ; уклад. А. Камоцкі, Ул. Сіўчыкаў. Мінск : «Радыёла-плюс», 2006. 496 с.
2. Беларуская паэзія на вашых далонях: электронаы рэсурс <http://allpoet.ru/bel/author/28/1900/index.php>.
3. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка : учеб. пособие / И.Б. Голуб. 11-е изд. М. : Рольф; Айрис-пресс, 2010. 441с.
4. *Москвин В.П.* Художественный стиль как система / В.П. Москвин // Филол. науки. 2006. № 2. С. 65–73.
5. *Пастарнак Б.* Гарэла свечка... – Свеча горела... : выбр. вершы ; пер. з рус. Р. Барадуліна. Мінск : Маст. літ., 1990. 142с.
6. Пераклад мастацкі [Электронаы рэсурс] / <https://karotkizmest.by/>
7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; пад рэд. Р.М. Судніка, М.Н. Крывіко. Мінск : Бел. энцыкл., 1996. 784с.

В.А.Радзійская (Мінск, Беларусь)

ЛІМІНАЛЬНАСЦЬ У АПАВЯДАНІ ЛЕСЛІ МАРМАН СІЛКА «ЖОЎТАЯ ЖАНЧЫНА»

У артыкуле разглядаецца ўвасабленне лімінальнасці ў апавяданні Л.М. Сілка «Жоўтая Жанчына» на фармальным і зместавым узроўнях. Існаванне на мяжы двух станаў святомасці, двух светаў выяўляецца праз пабудову вобразнай сістэмы: змештавае падабенства з легендамі, сувязь герояў з іншасветнымі істотамі, колеравую сімволіку. На фармальным узроўні Л.М. Сілка сумяшчае пласт міфаў і сучасную прозу праз прыём расповеду.

Ключавыя словы: *індзейская літаратура, лімінальнасць, Жоўтая Жанчына, Л.М. Сілка, расповед.*

Творчасць сучаснай індзейскай пісьменніцы і паэткі Леслі Марман Сілка (Leslie Marmon Silko) спалучае коды дзвюх культур – індзейскай (племя лагуна пуэбла) і англа-саксонскай амерыканскай. Важным у разуменні адметнасці мастацкага пісьма аўтаркі з’яўляецца паняцце лімінальнасці або памежнасці, якое ў апавяданні «Жоўтая Жанчына» выяўляецца на зместавым і фармальным узроўнях. Пад лімінальнасцю маецца на ўвазе існаванне адначасова ў двух станах – на мяжы рэальнага і нерэальнага, традыцыйнага і сучаснага, свядомага і падсвядомага. Само паняцце

лімінальнасці ўжывалася для апісання парогавага стану свядомасці ў абрадах пераходу, падчас якіх змяняўся сацыяльны статус чалавека – з падлетка ў дарослага, з дзіцяці ў паўнавагаснага члена грамадства з усімі правамі і абавязкамі [1; 2]. Л.М. Сілка звяртаецца да гэтага паняцця ў сувязі з пошукам этнічнай і персанальнай ідэнтычнасці сучаснага індзейца. Менавіта на мяжы культур робяцца больш відавочнымі шляхі развіцця асобы.

Апавяданне «Жоўтая Жанчына» (Yellow Woman) упершыню было надрукавана ў 1974 годзе і сталася знакавым для Л.М. Сілка, паколькі да вобразу Жоўтай Жанчыны яна неаднаразова звярталася у далейшай творчасці. Расповед вядзецца ад імя маладой жанчыны, якая жыве ў вёсцы Лагуна Пуэбла з мужам і дзецьмі.

Падчас адной з вандровак уздоўж ракі яна сустракае маладога прывабнага мужчыну верагодна з племені наваха, з якім праводзіць ноч. Гераіня ўгадвае падобную гісторыю з легендаў свайго племені пра Жоўтую Жанчыну, якую выкрадае горны дух качына (ka'tsina), і атаясамляе сябе з ёй. На працягу ўсяго твора яна спрабуе зразумець, кім яна з'яўляецца насамрэч – звычайнай жанчынай або ўвасабленнем старажытнай Жоўтай Жанчыны? Гераіня знаходзіцца ў двух станах – рэальным і міфалагічным, якія пераплятаюцца ў яе свядомасці на шляху да пошуку ідэнтычнасці. Лімінальнасць у дадзеным выпадку выяўляецца на ўзроўні вобразнай сістэмы: вобразы галоўных герояў (апавядальніцы і яе каханка Сільвы) маюць адначасова рысы рэальных людзей і легендарных істот (Жоўтай Жанчыны і духа качыны адпаведна). Так, рэальная апавядальніца жыве ў штаце Нью Мексыка, мае дом, мужа, дзяцей, сустракае выкрадальніка коней, бавіць з ім час, завітвае ў яго дом, згадвае міфы пра Жоўтую Жанчыну, вяртаецца ў сям'ю, шукае сваю сапраўдную ідэнтычнасць.

Сільва – малады, прыемнага выгляду індзеец, жыве ў горнай мясцовасці, займаецца тым, што выкрадае коней і кароў, перапрадае іх новым уладальнікам. Для гераіні вобраз Сільвы неадназначны, ён спалучае рысы звычайнага чалавека і прадстаўніка іншасвету: *"Yellow Woman," he said. I turned to face him. "Who are you?" I asked. He laughed and knelt on the low, sandy bank, washing his face in the river. "Last night you guessed my name, and you knew why I had come"* («Жоўтая Жанчына», сказаў ён, і я павярнулася да яго тварам. «Хто ты?» запыталася я. Ён засмяўся, апусціўся каленам на пясчаны бераг і вымыў твар рачной вадой. «Мінулай ноччу ты здагадалася, як мяне завуць, і ты ведала, чаму я з'явіўся». – Тут і далей *пераклад наші*) [3, с. 53]. Спалучэнне міфалагічнай і рэальнай прыроды маладога мужчыны і апавядальніцы перадаецца праз адпаведную пабудову вобразнай сістэмы твора.

Сюжэтнае падабенства. Сільва, як і качына, выкрадае жанчыну,

праводзіць з ёй пэўны час, пасля чаго яна збягае і вяртаецца ў сваю вёску. Аднак калі ў міфах выкраданне адбываецца супраць волі Жоўтай Жанчыны, у Л.М. Сілка гераіня сама хоча быць побач са сваім выкрадальнікам: “<...> *I thought about Silva, and I felt sad at leaving him*” (“Я думала пра Сільву, і мне было вельмі шкада пакідаць яго”), “<...> *I wanted to go back to him – to kiss him and to touch him...*” (“<...> Я хацела вярнуцца да яго, цалаваць і дакранацца да яго...”) [3, с. 60]. У легендах жанчына вяртаецца з іншасвету, маючы карысны падарунак для грамадства – двайнятаў, якія вырастаюць у культурных герояў (у некаторых варыянтах сюжэту). У апавяданні Л.М. Сілка жанчына вяртаецца ў вёску з культурным і псіхалагічным набыткам: яшчэ адной гісторыяй пра Жоўтую Жанчыну і ўсведамленнем сваёй памежнай ідэнтычнасці (рэальнай і традыцыйнай).

Сувязь з іншасветам. Герой жыве адзін, не ў вёсцы, а на гары (горны дух). Апавядальніца не раз суадносіць яго з міфічнай істотай, Сільва не прычыць. Ён нічога пэўнага пра сябе не кажа. На запыт жанчыны, ці з’яўляецца ён наваха, адказвае: “*Silva shook his head gently. “Little Yellow Woman,” he said, “you never give up, do you? I have told you who I am. The Navajo people know me, too*” (“Сільва злёгка пакруціў галавой. “Маленькая Жоўтая Жанчына,” сказаў ён, “ты ніяк не супакоішся, так? Я сказаў табе, хто я. Наваха таксама мяне ведаюць”) [3, с. 56]. Таму апавядальніцы цяжка знайсці канкрэтную мяжу паміж сучасным светам і светам легенды, паміж чалавекам і міфічным выкрадальнікам. Ідучы да яго хаты, жанчына намагаецца адчуць рэальнасць наваколля і сябе: “*I will see someone, eventually I will see someone, and then I will be certain that he is only a man – some man from nearby – and I will be sure that I am not a Yellow Woman*” (“Я ўбачу каго-небудзь, урэшце я каго-небудзь убачу і ўпэўнюся, што ён проста чалавек, звычайны мужчына, які жыве непадалёк, і я зразумею, што я не Жоўтая Жанчына”) [3, с. 54]. Яна знаходзіцца ў памежным стане свядомасці, не разумеючы дакладна сваёй сутнасці і ўяўляючы, як яе знікненне будзе ўспрынята роднымі. З аднаго боку, яны звернуцца да паліцыі і не знойдуць яе, муж ажэніцца ў другі раз, а маці выгадуе ўнука. Усё, што застанеца ад гераіні, – гэта гісторыя аб знікненні. З другога боку, калі б жыў дзядуля, ён бы ім сказаў, што яна вернецца, бо Жоўтая Жанчына заўжды вяртаецца.

Сільва мае дачыненне да свету смерці. Так, у адным з эпизодаў ён сварыцца з уладальнікам рагатага скоту, і гераіня чуе страляніну. Верагодна, што герой яго забівае, паколькі супернік не мае пры сабе зброі. На метафарычным узроўні гэта можа азначаць перамогу ўспрымання сябе інтаграванага ў традыцыю над рэальнасцю. У другім эпизодзе жанчына бачыць рукі Сільвы ў крыві ад разрэзанага мяса, якое ён потым вязе прадаваць на кірмаш.

Колеравая і геаграфічная сімволіка. Вобраз Жоўтай Жанчыны звязаны

з жоўтым колерам: герайня звяртае ўвагу на жоўтыя пялёсткі дзікіх кветак, жоўтыя кветкі на кактусах, адбітак месяца на вадзе. Традыцыйна жоўты колер асацыюецца з усходам або поўднем, і вёска апавядальніцы знаходзіцца на паўднёвым усходзе ад дома мужчыны. З вобразам Сільвы звязаныя сіні і чорны колеры, якія у традыцыйным разуменні сімвалізуюць захад, ваду, горы: ён меў цёмную скуру, ездзіў на чорным кані, яго дом быў пабудаваны з чорнага камяня і размяшчаўся ў блакітных гарах на паўночным захадзе ад вёскі герайні. Калі жанчына трапляе ў месца, дзе жыў Сільва, яна адчувае пазачасавасць: *“I was standing in the sky with nothing around me but the wind that came down from the blue mountain peak behind me”* (“Я стаяла ў нябёсах, і вакол мяне не было нічога, акрамя ветру, які дзьмуў мне ў спіну з вяршыні блакітнай гары”) [3, с. 55]. Герайня не бачыць сваёй вёскі, звычайна рэальнае жыццё адыходзіць на другі план. Менавіта з гэтай кропкі Сільва паказвае ёй увесь астатні свет: *“From here I can see the world”* (“Адсюль я бачу свет”) [3, с. 55].

На фармальным узроўні лімінальнасць перадаецца праз прыём расповеду (storytelling), які аб’ядноўвае вусную традыцыю з сучаснымі літаратурнымі жанрамі. У канву твора ўплятаюцца легенды, якія герайні распавядаў дзядуля і над якімі яна разважае. Па-сутнасці, яны прадстаўляюць сабой аснову пабудовы персанальнай ідэнтычнасці апавядальніцы. Так, яна супастаўляе міфалагічны сюжэт з рэальнымі падзеямі і прыходзіць да высновы, што яна мае дачыненне да Жоўтай Жанчыны.

Паказальна тое, што аповед вядзецца ад першай асобы, паколькі філасофскія, рэлігійныя погляды заўжды перадаваліся ад старэйшых да малодшых праз вусную традыцыю. Падчас расповеду знаёмых кожнаму міфаў і легенд, усе слухачы актыўна ўключаліся ў працэс, даючы сваю часам персанальную версію класічнага сюжэта. Таму сумяшчэнне асабістага і міфалагічнага пластоў знаходзіцца ў рамках традыцыйнага расповеду.

Першым, хто ўзгадвае Жоўтую Жанчыну і атаясамляе з ёй герайню, з’яўляецца Сільва. Гэта надае аб’ектыўнасць расповеду жанчыны. З гэтага моманту яна пачынае разважаць наконт асабістай ідэнтычнасці, успрымаючы сябе то як звычайную сучасную жанчыну, то як міфічную істоту. Адпаведна расповед перарываецца варыянтамі легенд пра Жоўтую Жанчыну. У нешматлікіх дыялогах герояў неаднаразова абмяркоўваецца суаднесенасць падзей, якія з імі адбываюцца, з традыцыйным сюжэтам. Сільва нічога пэўнага не кажа, таму апавядальніца мусіць сама для сябе прыняць рашэнне, хто яна. *“The story about being a ka’tsina from the mountains. The story about Yellow Woman.”* *Silva was silent; his face was calm. “I don’t believe it. Those stories couldn’t happen now,” I said. He shook his head and said softly, “But someday they will talk about us, and they will say, “Those*

two lived long ago when things like that happened.” (“Гісторыя пра тое, што ты качына – горны дух. Гісторыя пра Жоўтую Жанчыну”. Сільва маўчаў, яго твар быў спакойны. “Я не веру ў гэта. Такія гісторыі не могуць адбывацца ў наш час”, сказала я. Ён пакруціў галавой і ціха вымавіў, “Але ж калі-небудзь пра нас будуць казаць, пра нас скажуць: “Тэтыя двое жылі вельмі даўно, тады, калі такое яшчэ магло здарыцца”) [3, с. 55].

Нягледзячы на тое, што у адрозненне ад легендарнай жанчыны, апавядальніца хацела застацца з выкрадальнікам і адчувала да яго пяшчоту і закаханасць, яна па прыкладзе Жоўтай Жанчыны вярнулася да мінулага жыцця, прымаючы непарыўную сувязь з традыцыйным вобразам. Геранія ўсвядоміла сваю ідэнтычнасць праз разуменне лімінальнасці, суіснавання ў двух рэальнасцях адначасова, сумяшчэння нацыянальнай традыцыі і сучаснага свету. *“I decided to tell them that some Navajo had kidnapped me, but I was sorry that old Grandpa wasn’t alive to hear my story because it was the Yellow Woman stories he liked to tell best”* (“Я вырашыла распавесці ім, што мяне скраў нейкі наваха, але так шкада, што мой старэнькі дзядуля памёр і не зможа пачуць маю гісторыю. Больш за ўсё ён любіў распавядаць гісторыі пра Жоўтую Жанчыну”) [3, с. 60]. Апавядальніца не засталася разам з таямнічым Сільвам, у пазачасавасці, у свеце міфаў, не пераняла традыцыю такой, якой яна была стагоддзі таму. З другога боку, яна не вярнулася да рэальнага, не зусім шчаслівага жыцця без сутнасных зменаў, яна прыняла і пераасэнсавала традыцыйныя культурныя коды.

Нягледзячы на неспрыяльны досвед захавання індзейскай спадчыны напрацягу існавання амерыканскай дзяржавы, вусная творчасць выжыла і дайшла да нашых дзён, што даказвае яе жыццядайны патэнцыял і моц творчага духу народа. Аднак фармальна вяртацца да практык, рытуалаў і ладу жыцця мінулых пакаленняў без здабыткаў культуры і цывілізацыі таксама не выпадае сучаснаму чалавеку. Такім чынам, праз лімінальнасць, якая выяўляецца на зместавым і фармальным узроўнях (праз вобразную сістэму, прыём расповеду, пабудову сюжэту), Л.М. Сілка сцвярджае неабходнасць засноўваць сваю ідэнтычнасць на каштоўнасцях традыцыі, што дае апору ў зменлівым свеце, з улікам новай рэчаснасці і запатрабаванняў часу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Издательская фирма «Вост. Лит.» РАН, 1999. 198 с.
2. *Тернер В.* Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.
3. *Silko L.M.* Storyteller. London : Penguin books, 2012. 259 p.

О.А. Шалай (Минск, Беларусь)

ДОМ В РОМАНЕ ТОНИ МОРРИСОН «ПЕСНЬ СОЛОМОНА»

Дом является одним из главных литературных образов в творчестве афроамериканской писательницы Тони Моррисон. В романе «Песнь Соломона» затрагиваются темы расовой дискриминации, поиска этнической идентичности, возвращения к своим корням. В данной статье прослеживается путь главного героя к истокам своего рода, а также последствия утраты дома, отразившиеся на психическом состоянии героев романа.

Ключевые слова: *Тони Моррисон, афроамериканцы, дом, идентичность, расовая дискриминация.*

Тони Моррисон – заметная представительница жанра афроамериканской литературы. Поэтесса, романистка, либреттистка, автор детских книг, редактор, она является лауреатом Нобелевской премии по литературе, Пулитцеровской премии, обладательницей Президентской медали Свободы. Ее внимание к проблемам афроамериканцев, а также уникальный стиль, характеризующийся ненавязчивой, но очевидной сменой точек зрения персонажей, соответствующей ей переменной языка и наличием глубокого символизма, был высоко оценен критиками уже после выхода первой книги Т. Моррисон «Самые голубые глаза» (*The Bluest Eyes*, 1970) и романа «Сула» (*Sula*, 1972), а в последующих произведениях, таких как «Песнь Соломона» (*Solomon's Song*, 1977) и «Возлюбленная» (*Beloved*, 1987) развился до совершенства. Отображая в своих произведениях исторические судьбы негритянской Америки, обращаясь к проблемам поиска собственной идентичности, Тони Моррисон стала символом «черной» Америки и американской литературы XX века.

В начале века Америка явилась свидетелем крупнейшей массовой миграции в истории. Афроамериканцы оставили Юг страны в надежде обрести возможности, обещанные промышленным Севером. Как оказалось в реальности, Север действительно избавил их от расовой сегрегации, но нищета и расизм ожидали мигрантов и в северных городах.

Проблема расовой дискриминации и борьбы афроамериканцев за гражданские права в США была одной из самых злободневных. *Overcrowded ghettos began to fester with the stench of unfulfilled promises and the rotting corpses of failed dreams lying unburied and unmourned upon hard ground* 'Переполненные гетто начали гноиться от зловония невыполненных обещаний, а гниющие останки несбывшихся мечтаний лежали на земле, непогребенные и неоплаканные' (здесь и далее *перевод наш*) [1, p. 1]. 1960-е годы стали своего рода переломным моментом в истории чернокожих граждан страны. В данный период получила свое начало «черная революция Америки», характеризующаяся поиском справедливости, свободы,

идентичности, желанием обрести свой дом. Молодое поколение стремилось вырвать страну из рук белых интеллектуалов, которые культивировали миф об Америке, как стране всеобщего счастья и равных возможностей, где не существует этнических и классовых различий. По-новому зазвучали голоса из прошлого, и возникла необходимость переосмысления американской истории, написанной белой рукой.

Дом – это один из главных литературных образов в работах Т. Моррисон, который позволяет связать ее творчество с поиском места человека в социальном, национальном и философском смыслах. Моррисон указывает на различие между домом, как зданием «house» и домом, как синонимом физической и психической безопасности человека «home» [3].

Американский дом «house» часто являл собой плантацию на Юге США и отгеснял афроамериканцев за свои стены. Таким образом, изгнанные были вынуждены искать дом где-то в другом месте, формируя общины на окраине. Это деление по расовому принципу, согласно Т. Моррисон, является одним из самых болезненных явлений в американской истории. По словам писательницы, в США дом связан с «законностью, аутентичностью, обществом, принадлежностью» и может проявляться как «интеллектуальный дом; духовность; семья и община; перемещение и отчуждение от дома предков» [3, р. 5]. Понимаемый как семья, община или, наконец, физическое пространство, он используется в ее ранних произведениях и выходит на первый план в романах «Возлюбленная», опубликованном через десять лет после «Песни Соломона», и «Домой», изданном в 2012 году.

Публикация «Песни Соломона» в 1977 году стала поворотным пунктом в литературной карьере Т. Моррисон. Писательница предложила читателям историю, которая пересматривала мифы прошлого и, таким образом прекрасно вписывалась в интеллектуальные тревоги своего десятилетия. Роман имел головокружительный успех.

Поиск дома, возвращение к своим корням, необходимость почитания предков звучит в самом эпиграфе к роману: «Отцам – в вышине парить. Детям – знать их имена» [2, с. 20]. Произведение акцентирует внимание на важности истории черных американцев и подчеркивает необходимость возвращения к истокам зарождения расовых групп, которые составляют американскую мозаику. Читатель знакомится с Мейконом Помером Третьим (Молочником), молодым афроамериканцем в поиске своей идентичности на Юге Соединенных Штатов. Описание погружения главного героя в историю американского Юга, где он находит утраченную идентичность среди артефактов рабства, очень выразительно. Четкая необходимость вернуться к корням, характерная для афроамериканской прозы 1970-х годов, сопоставляется в романе с культурным недостатком нового поколения,

воспитанного на упрощенных исторических мифах.

Создается впечатление, что главный герой романа обречен на жизнь в отчуждении от других и самого себя, ведь, как и его родители, придерживается чрезмерно жестких, материалистических, западных ценностей. Отец Молочника, Мейкон Помер Второй, ставший сиротой и лишенный наследства в подростковом возрасте, пробился в жизни и стал самым богатым черным человеком города. Владелец домов, автомобилей и различных активов, он любил «собственность, надежную, добрую собственность, жизнь, протекающую в изобилии и достатке... Владеть, приобретать, строить – в этом его жизнь, его будущее, его настоящее, в этом история..., и люди для него – лишь средство приобретать еще и еще» [2, с. 114]. Успех Мейкона предполагает, что он нашел свое место в этом растущем городе. Он обрывает все связи со своей сестрой Пилат, напоминающей ему детство, и не желает возвращаться к воспоминаниям своей юности на Юге.

Патриархальный уклад семьи Мейкона Помера являлся традиционным не только для американского общества, но и западной цивилизации в целом. Будучи местом рождения и воспитания детей, семья в идеале должна была предоставить ее членам возможности для понимания себя и своего места в мире. Упадок семьи Померов и разрушительные процессы в ней символизируют нежизнеспособность американских, а на самом деле, западных ценностей.

Отец Молочника считает, что успешный бизнесмен не может позволить себе быть сострадательным. Более того, к членам своей семьи он относится, как к вещам. Он жестоко издевается над своей женой Руфь – как открыто, так и завуалированно, а с сыном говорит только командным тоном, всячески критикуя его действия. Отказываясь признать Пилат своей сестрой, Мейкон обвиняет ее в краже семейного золота, на которое он также рассчитывает.

Пилат Помер, младшая сестра Мейкона, заметно контрастирует брату и его семье. Для нее не имеет значение статус, род деятельности, гигиена и манеры, однако ей присущи духовные ценности, такие как сострадание, уважение, преданность и щедрость. Безжизненная и лишенная эмоциональности семья Мейкона противопоставляется энергичной и чувственной семье Пилат. И вечером, возвращаясь в свой дом, Мейкон заглядывает в окна своей сестры в поисках душевного успокоения. По мнению Мейкона, успех определяет идентичность и оправдывает действия человека в прошлом и настоящем. Линейное восприятие времени проявляется в его неспособности принять и рассмотреть свое прошлое как часть себя, отрицая его значимость.

Однако Пилат снова врывается в его мир через сына Молочника. Когда Мейкон возобновляет общение с сестрой, мы наблюдаем момент

возвращения вытесненного из жизни прошлого. Важно, что воспоминания брата и сестры схожи в эмоциональности ностальгических переживаний. Как и Руфь, Мейкон вспоминает выборочные отрезки детства, которые образуют некую идиллию: «...не так уж много было там земли, примерно сто пятьдесят акров. Мы запахивали пятьдесят. Акров восемьдесят леса – дуб, сосна... вообще-то целое богатство [...]. Был свинарник [...]. Большой амбар [...]. А в горах кругом олени, дикие индюшки. [...]. Был у нас на ферме и фруктовый сад. Яблоки, вишни. Пилат один раз попыталась испечь мне вишневый пирог» [2, с. 18].

До своего отъезда из Мичигана Молочник воспринимает мир во многом так же, как и его отец. Его твердость взглядов и отсутствие сострадания позволяют ему безжалостно злоупотреблять чувствами окружающих его людей. В Мичигане Молочник считает, что, когда, наконец, обретет свободу, ему больше не придется подчиняться требованиям других. В лесу, вдали от разрушительных последствий «цивилизации», он понимает, что человеческие отношения – это неотъемлемая часть жизни: «А, знакомое словечко! «Заслужил». Старое, набившее оскомину, истасканное. Молочнику сейчас казалось, что он всю жизнь твердил или думал о том, как он не заслужил какой-то неудачи или чьего-то неприязненного отношения. Он сказал Гитаре, что «не заслужил» зависимости от своих домашних, ненависти или чего-то еще. Он «не заслужил» даже того, чтобы выслушивать, как родители вваливают на него свое горе и взаимные обиды. «Не заслужил» он также мстительность Агари. Но почему родители не могут рассказать ему то, что их тревожит и огорчает? Если не ему, кому им это рассказать? И если совершенно незнакомый человек хотел его убить, то уж Агарь, которая была ему так близка и которую он отбросил, как комочек жевательной резинки, когда она утратила свой аромат, — уж она-то, разумеется, имеет право покушаться на его жизнь. [...] Кажется, все его отношения с людьми сводились к формуле: я за вашу жизнь не в ответе; пожалуйста, делитесь со мной вашими радостями, а горем не делитесь» [2, с. 105]. Молочник сочувствует своим родителям и чувствует стыд за то, что он оборвал Пилат.

Ева Лучак (Ewa Luszak) указывает на то, что роман рассматривает различные стратегии возвращения домой и ищет наиболее эффективный [4]. Уже первые страницы «Песни Соломона» раскрывают тему возвращения. Сенсационный скачок страхового агента Роберта Смита с крыши больницы Милосердия сопровождается песней Пилат. Хотя скачок воспринимается зрителями как бессмысленный и безрассудный поступок отчаявшегося человека, песня Пилат предлагает нам другое значение: «О, Сладкий мой, ты улетел, / О, Сладкий мой, уплыл, ушел, / О. Сладкий мой, небо пронзил, / Сладкий ты мой, уплыл домой [2, с.20].

По мнению исследовательницы, песня Пилат обращает внимание на взаимозависимость между возвращением домой и связанным с этим риском – в конце концов, чтобы обрести дом, Роберт Смит готов пожертвовать своей жизнью. Желание вернуться домой любой ценой становится настолько важным, что оно может не только подавить, но даже уничтожить [2, с. 79].

Т. Моррисон связывает стремление к дому с психическим состоянием героев. Ностальгия по дому, ненасытное желание вернуться туда угрожает психическому здоровью всех героев романа, а не только Роберта Смита. Последствия ностальгии также представлены на примере другой героини романа: матери Молочника, Руфь Фостер, молчаливо восстающей против тирании ее мужа-материалиста. Руфь отказывается принять быстротечность времени и не в состоянии разграничить прошлое и настоящее. После смерти ее отца Руфь гложет отчаянное желание вернуться в его дом, несмотря на сопротивление ее мужа, стремление уйти в мир иллюзий и фантазий, в дом ее детства, восполнить свою эмоционально неполноценную жизнь. На это указывают и чрезмерно долгое, до школьного возраста, кормление сына грудью, и ночи, проведенные на могиле ее отца, а также ее неспособность примириться с его кончиной, с которой она боролась до последнего: «отталкивала от его постели смерть, упираясь в ее грудь рукой, не допускала к нему смерть и заставляла отца жить даже вопреки его собственной воле, вопреки мучительному отвращению и ужасу, которые он испытывал при каждом вздохе, снова приносящем запах его гниющего тела» [2, с. 49]. Е. Лучак указывает на то, что Руфь находится в иллюзии безопасности детства, играя в браке роль наивной женщины, которая неспособна управлять настоящим. [4, с. 80].

Мотив полета, являющийся одним из самых популярных в негритянской мифологии, используется в романе несколько раз: открывает «Песнь Соломона» странный суицидальный полет Роберта Смита, ускоривший рождение главного героя, а завершает загадочный полет Молочника к Гитаре на последней странице романа. С самого раннего детства Молочник был очарован возможностью летать, но когда в четыре года он обнаруживает, что ею обладают только птицы и самолеты, то теряет интерес не только к этому таинственному действию, но и к самому себе. Аналогия между полетом и принятием самого себя явно прослеживается в романе: нельзя быть собой, если не способен летать ни в физическом, ни в метафорическом смысле. Когда Молочник знакомится с Пилат, она показывает ему небо, вызывающее в нем глубокое любопытство и чувство значимости. Увлечение полетом дает о себе знать снова, когда главный герой летит на самолете, который дает ему иллюзию свободы: «воздушное путешествие взбудило его, возродило склонность к иллюзиям и ощущение своей неуязвимости» [2, с. 82]. Когда во время полета он воображает себя

птицей, то чувствует сильную уверенность в себе и забывает об ошибках и разочарованиях. Полет отражает стремление героя к свободе, преодолению психологических травм, возвращению домой.

Изоляция молодого человека от прошлого и путаница в настоящем, столь очевидная в первой части романа, уступает место поиску связей с родовым домом, благодаря помощи маленького сообщества южного города. Молочник восстанавливает историю своего рода, раскрывает тайны имен своих предков и впервые в своей жизни испытывает чувство гармонии со всем, что его окружает, осознает ясность дальнейших шагов и стремлений: «Мы живем здесь. На этой планете, в этом государстве, в этом самом округе. Здесь наш дом, другого у нас нет! Он тут, в этих горах, наш дом, неужели вы не понимаете? Никто не голодает в моем доме, в моем ломе никто не плачет, и если у меня есть дом, то не бездомны и вы. Так не теряйтесь же. Захватывайте поскорее эту землю! Берите ее, братья, держите ее крепко, трясите, сдавливайте, выворачивайте ее, вертите так и сяк, бейте, пинайте, целуйте ее, хлещите ее кнутом, раскорчуйте ее, вскопайте, вспашите, засейте, снимите с нее урожай, сдайте ее в аренду, покупайте ее, продавайте, владейте ею, застраивайте ее, приумножайте и передавайте своим детям... Вы слышите? Передавайте ее детям своим!» [2, с. 88]

Библиографический список

1. *Prince V.S.* Burning down the house: home in Afro-American literature / V.S.Prince. New York : Columbia Univ. Press, 2005. 155 p.
2. *Morrison T.* Песнь Соломона. Роман ; пер. с англ. М. : Прогресс, 1982. 384 с.
3. *Morrison T.* «Home», [w:] The House that Race Built, red. Wahneema Lubiano. New York : Vintage Books, 1998.
4. *Łuczak E.* Powrót do domu w *Pieśni Salomonowej*: Nostalgia a budowanie tożsamości ; ed. E. Łuczak. Warszawa : Wyd-wa Uniw. Warszawskiego, 2012. P. 75–93.

РАЗДЗЕЛ ІХ

ЛЕКСІКАГРАФІЯ, ПРЫКЛАДНАЯ ЛІНГВІСТЫКА, АЎТАМАТЫЗАЦЫЯ ЛІНГВІСТЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

Ю.М. Кардубан (Мінск, Беларусь)

ЛЕКСІКАГРАФІЧНАЕ АПІСАННЕ ЛІНГВАКУЛЬТУРНЫХ НАЙМЕННЯЎ У СЛОЎНІКАХ РОЗНЫХ ТЫПАЎ

У артыкуле вырашаюцца некаторыя лінгвакультуралагічныя пытанні ўкладання слоўнікаў розных тыпаў. Разглядаюцца розныя групы адзінак, якія адносяцца да лінгвакультурных найменняў, і апісваюцца магчымыя спосабы іх семантызацыі. Асноўная ўвага засяроджваецца на вырашэнні пытанняў безэквівалентнасці і частковай семантычнай эквівалентнасці пры лексікаграфічным апісанні англійскай мовы ў перакладных англійска-беларускіх слоўніках.

Лінгвакультурнае найменне, безэквівалентнасць, семантызацыя, перакладны слоўнік.

Для сучаснай перакладной лексікаграфіі характэрным з'яўляецца выкарыстанне вынікаў міждысцыплінарных даследаванняў. Шматлікія перакладныя слоўнікі заўсёды ўяўляюць сабой сінтэз лінгвістыкі і культуралогіі. Пры такім лексікаграфічным апісанні базавым таксанамічным узроўнем для ўзаемадзеяння мовы і культуры застаецца лексікон, але гэта не адмаўляе магчымасці выяўлення культурназначнай інфармацыі ў адзінках іншых узроўняў мовы, а таксама ў іншых знакавых сістэмах.

Адным з найбольш складаных пытанняў сучаснага супастаўляльнага мовазнаўства і тэорыі перакладу з'яўляецца пытанне міжмоўнай эквівалентнасці на розных узроўнях. Вырашэнне праблемы эквівалентных адносін паміж адзінкамі розных моў непазбежна закранае даследаванні лексікаграфічнага характару, накіраваныя на выпрацоўку тэарэтычнай базы для падрыхтоўкі і ўкладання двухмоўных і шматмоўных перакладных слоўнікаў. Сярод такіх даследаванняў трэба найперш згадаць працы Ю.Д. Абрэсяна, В.П. Беркава, П.М. Дзянісава, У.У. Дубічынскага, Т.М. Сушы, В.К. Шчэрбіна, Л.У. Шчэрбы.

Як вядома, у розных мовах у выніку асаблівасцей іх развіцця дзейнічаюць устойлівыя намінатыўныя тэндэнцыі, якія ў міжмоўным плане прыводзяць да рэгулярных неадпаведнасцей адзінак па фармальнай

структуры пэўных тыпаў. Падобныя разыходжанні тлумачацца дзеяннем інтралінгвістычных фактараў і разглядаюцца як праява адметных асаблівасцей моўных сістэм.

У выпадках міжмоўнай безэквівалентнасці, калі даследчыкі пры супастаўленні фіксуюць факты лакунарнасці моўных з’яў, выкліканыя экстралінгвістычнымі фактарамі, то часцей за ўсё яны абумоўленыя пэўнай пазамоўнай спецыфікай, а менавіта, існаваннем узаемасувязі паміж мовай і культурай пэўнага народа.

Як вядома, мова з’яўляецца адной з асноўных прымет нацыі і заўсёды выражае яе культуру, г. зн. нацыянальную культуру. У аснове вывучэння сувязі мовы і культуры знаходзіцца антрапалагічны падыход да мовы, сфармуляваны В. фон Гумбальтам, паводле якога мова заўсёды ўвасабляе ў сабе адметнасць цэлага народа, дух нацыі [1, с. 349]. Дзве нацыянальныя культуры ніколі цалкам не супадаюць, таму вывучэнне замежнай мовы прадугледжвае не толькі асваенне новага знакавага кода і новага спосабу выражэння думак, але таксама мае сваёй перадумовай азнаямленне з крыніцамі звестак пра нацыянальную культуру народа – носьбіта вывучаемай мовы.

Разгляд мовы ў цеснай сувязі з падзеямі грамадскага жыцця яе носьбітаў, гісторыяй, геаграфіяй, побытам і культурай народа абумоўлівае існаванне лінгвакраізнаўчай тэорыі слова [2]. Сукупнасць такіх ведаў складае свет вывучаемай мовы, і без пранікнення ў гэты свет немагчыма поўнасцю зразумець моўныя з’явы. Усё, што моўная супольнасць назапашвае ў выніку паступовага пазнання свету, знаходзіць адлюстраванне ў мове, а мова, у сваю чаргу, адлюстроўвае пэўныя спосабы канцэптуалізацыі і катэгарызацыі свету дадзенай моўнай супольнасцю [3].

Прызнаючы наяўнасць сувязі мовы і культуры, даследчыкі найперш звяртаюцца да лексічнага ўзроўню мовы, паколькі яго адзінкі непасрэдна адлюстроўваюць змены ва ўсіх сферах дзейнасці чалавека. Сапраўды, нельга не пагадзіцца з думкай аб тым, што словы – гэта культурныя артэфакты грамадства. Г. Вяжбіцка заўважае, што нават абрэвіятуры, якія аўтар разглядае ў аўстралійскім варыянце англійскай мовы, здольныя выступаць «значнымі культурнымі артэфактамі» (significant cultural artifacts), хоць на першы погляд яны «здаюцца непрыметнымі адзінкамі» (seemingly humble elements), нявартымі сур’эзнага даследавання [4, р. 201–202]. Пры гэтым увага засяроджваецца на тым, што словы з асаблівымі культурна-спецыфічнымі значэннямі адлюстроўваюць не толькі спосаб жыцця, уласцівы для моўнай супольнасці, але і спосаб мыслення [4, р. 5].

Кампаратыўнае вывучэнне лексічных сістэм, на нашу думку, садзейнічае распрацоўцы праблемы міжмоўнай эквівалентнасці, што ў сваю чаргу спрыяе тэрэтычнаму абгрунтаванню лексікаграфічнага апісання розных

моў. Як вядома, усе слоўнікі павінны абапірацца на пастулат аб «прэзумпцыі эквівалентнасці» розных частак слоўнікавага артыкула [5, с. 433]. Зразумела, што эквівалентнасць правай і левай частак слоўнікавага артыкула ў тлумачальным слоўніку з'яўляецца адноснай, бо левая частка слоўнікавага артыкула перадае індывідуальныя значэнні ў максімальна згорнутай форме, у той час як дэфініцыі растлумачваюць сэнс абазначэння. Што датычыцца перакладных слоўнікаў, то менавіта міжмоўная эквівалентнасць выступае асновай для выбару параметраў апісання лексікона.

Разгледзім некаторыя лінгвакультуралагічныя аспекты ўкладання перакладнога *Англійска-беларускага слоўніка* [6], падрыхтаванага да выдання ў навукова-метадычным цэнтры «Слоўнік» Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Спынімся больш падрабязна на некаторых лінгвакультуралагічных аспектах укладання гэтага двухмоўнага слоўніка агульнага тыпу, асноўная мэта якога – перадача семантыкі лексем англійскай мовы сродкамі беларускай мовы.

Пры лексікаграфічным апісанні дзвюх моў у перакладным слоўніку ўкладальнікі звычайна маюць справу з частковай семантычнай эквівалентнасцю. Гэта ў першую чаргу звязана за тым, што карціны свету розных моўных супольнасцей ніколі не супадаюць і могуць значна адрознівацца адна ад адной. Акрамя таго, эквіваленты і аналагі мовы перакладу (the target language) знаходзяцца ў пэўнай залежнасці ад мовы-крыніцы (the source language) і ўключаюцца толькі ў той ступені, якая патрабуецца для паўнаты апісання мовы-крыніцы.

Таму пры семантызацыі лексем у перакладным слоўніку агульнага тыпу неабходна ўлічваць шэраг ўнутрымоўных і пазамоўных фактараў, сярод якіх варта адзначыць наступныя: несупадзенні ў семантычным аб'ёме лексем-карэлятаў; розная семантычная структура суадносных лексем; розныя сістэмы пераносных і тэрміналагічных значэнняў; розная лексіка-граматычная спалучальнасць лексем-карэлятаў; наяўнасць значных мадыфікацый семантыкі лексічных паралелей; існаванне адзінак з нацыянальна-культурнай семантыкай; адрозненні прагматычных кампанентаў семантыкі лексем-карэлятаў у дзвюх мовах.

Перадача семантыкі лінгвакультурных рэалій з'яўляецца найбольш складанай задачай, бо кожную такую лексему можна назваць унікальнай, што патрабуе вельмі разважлівага падыходу.

Разгледзім розныя тыпы адзінак, якія адносяцца да лінгвакультурных найменняў, і спосабы іх семантызацыі ў перакладным слоўніку агульнага тыпу.

Геаграфічныя назвы. Адным з тыпаў адзінак, якія адносяцца да лінгвакультурных найменняў, з'яўляюцца геаграфічныя назвы, звязаныя

менавіта з пэўнай краінай: назвы штатаў, графстваў, населеных пунктаў, мораў, праліваў, рэк, азёраў, гор, астравоў і да т.п.

Як адзначае А.У. Таболіч, у беларускай мове зараз існуе шмат тапонімаў, запазычаных з англійскай мовы, якія можна ўмоўна падзяліць на дзве групы. Першую групу складаюць тыя геаграфічныя назвы, што прыйшлі ў беларускую мову да ХХ ст. і зараз захоўваюць традыцыйнае, часам памылковае напісанне. Да другой групы адзінак адносяцца тыя, што былі запазычаныя пазней (XX–XXI стст.) і перадаюцца, галоўным чынам, спосабам практычнай транскрыпцыі [7, с. 37]. Неабходнасць перагляду памылковай перадачы некаторых геаграфічных назваў выклікана такімі прычынамі, як немілагучнасць гучання, непажаданая аманімія, ігнараванне традыцый краіны арыгінальнай назвы, парушэнне правілаў запазычвання і г.д. У сувязі з гэтым запатрабаваным з’яўляецца выданне *Англійска-беларускага слоўніка геаграфічных назваў*. Што датычыцца ўключэння геаграфічных назваў у перакладныя слоўнікі агульнага тыпу, то такія адзінкі звычайна не трапляюць у асноўны корпус слоўніка, але могуць падавацца ў дадатках.

Асноўнымі спосабамі перадачы англійскіх тапонімаў на беларускую мову традыцыйна з’яўляюцца наступныя: транслітарцыя, калі тапонім запазычваецца праз пісьмовую крыніцу (*Washington – Вашынгтон, Birmingham – Бірмінгэм*); практычная транскрыпцыя (*Cumbria – Камбрыя, Baton Rouge – Бэтан-Руж, Cheviot Hills – Чывіят-Хілз*); пераклад геаграфічных назваў, які змяшчаюць агульныя назоўнікі або прыметнікі (*Lake District – Азёрны край, the Rocky Mountains – Скалістыя горы*); спалучэнне розных спосабаў (*Isle of Wight – востраў Уайт, Lake Erie – возера Эры*).

Этнаграфічныя назвы. Гэта група адзінак аб’ядноўвае лінгвакультурныя рэаліі, якія называюць прадметы і паняцці, звязаныя з асаблівасцямі побыту народа – носьбіта пэўнай мовы: найменні ежы, адзення, будынкаў, гаспадарчых пабудоў, гульніў, грошай, устаноў, святаў, газет і г. д.

Зразумела, што пры семантызацыі такіх лінгвакультурных рэалій неабходна карыстацца тлумачальным перакладам, які ўтрымлівае інфармацыю энцыклапедычнага характару. Прывядзем прыклады з *Англійска-беларускага слоўніка*: *Yorkshire pudding – пирог з мясам; black pudding – кровавая каўбаса; British Airways – Брытанскія авіялініі (назва авіякампаніі); shilling – шылінг (манета = 12 пенсам, 1/2 фунта; ужываўся да 1971 г.); Snap – снэп (дзіцячая гульня ў карты); St Andrew’s Day – Дзень Святога Андрэя (30 кастрычніка, нацыянальнае свята Шатландыі); St Paul’s Cathedral – Сабор Св. Паўла (галоўны сабор англіканскай царквы, Лондан).*

Фразеалагічныя адзінкі. Устойлівыя словазлучэнні з адметнай

унутранай формай, а таксама прыказкі, прымаўкі і выслоўі складаюць асобную групу лінгвакультурных найменняў.

Нацыянальна-культурная спецыфіка фразеалагічных адзінак можа быць абумоўлена аб'ектыўнымі і суб'ектыўнымі фактарамі. Аб'ектыўныя фактары звязаны з прыроднымі і культурнымі рэаліямі, уласцівымі для той ці іншай лінгвакультурнай супольнасці. Такімі, напрыклад, з'яўляюцца фразеалагізмы *to fight like Kilkenny cats* – *біцца не на жыццё, а на смерць; be rained off/out* – *адмяняцца з-за дажджу*.

Суб'ектыўныя фактары абумоўлены тым, што словы, якія маюць аднолькавыя прамыя рэфэрэнтныя значэнні, па-рознаму прадстаўлены ў фразеалогіі розных моў. Так, фразеалагізмы *no room to swing a cat* і *як старой бабе сесці* маюць аднолькавы сэнс, аднак характарызуюцца рознай унутранай формай, якая з'яўляецца вынікам рознай моўнай выбіральнасці. Семантызацыя такіх адзінак адбываецца шляхам пошуку фразеалагізмаў-аналагаў (у слоўніку маюць памету \cong).

Найбольш яркавымі прыкладамі з'яўляюцца наступныя: *(as) yellow as a guinea* – *жоўты як лімон/як медзь; talk to smb. like a Dutch uncle* – *навучаць каго-небудзь па-бацькоўску; as old as the hills* – *стары як свет; (as) pleased/proud as Punch* – *рады як з таго свету вярнуўся (вельмі задаволены; немаведама як рад); as clean as a whistle* – *голы як бізун*.

Уласныя асабовыя імёны. У беларускай лексікаграфічнай традыцыі ўласныя асабовыя імёны звычайна не ўключаюцца ў корпус слоўнікаў агульнага тыпу. Відавочна, што распрацоўка прыныцаў перадачы англійскіх уласных асабовых імёнаў і іх кадыфікацыя ў перакладных слоўніках з'яўляюцца актуальнымі і патрабуюць асаблівай увагі. На жаль, патрабаванні да аб'ёму не дазволілі ўключыць уласныя асабовыя імёны ў агульны рэестр слоў першага выдання *Англійска-беларускага слоўніка*, аднак праца над распрацоўкай прыныцаў перадачы такіх адзінак была выканана. Плануецца, што ў наступным выданні гэтага перакладнога слоўніка англійскія ўласныя асабовыя імёны будуць прыводзіцца асобным спісам у дадатку.

Адзначым, што найбольш дакладным спосабам перадачы англійскіх асабовых імёнаў на беларускую мову з'яўляецца практычная транскрыпцыя, калі сродкамі беларускага алфавіта па магчымасці перадаецца не напісанне, а вымаўленне іншамоўнай адзінкі. Практычная транскрыпцыя прадугледжвае выкарыстанне алфавіта толькі пэўнай мовы і не дапускае ўжывання дадатковых знакаў. Гукі, якіх няма ў мове, на якую перадаецца ўласнае імя, замяняюцца найбольш блізкімі да іх па гучанні ці функцыянаванні, напрыклад: *Jeffrey* – *Джэфры*, *Baldwin* – *Болдуін*, *Grace* – *Грэйс*, *Bradley* – *Брэдли*, *Warren* – *Уорэн*, *Shirly* – *Шэрлі*, *Ethan* – *Ітан*, *Eugene* – *Юджын*, *Kathleen* – *Кэтлін*, *Meredith* – *Мэрыдыт*. Выкарыстанне

практичнай транскрыпцыі дае магчымасць захаваць марфемную структуру слова і фанемныя проціпастаўленні мовы-крыніцы, але пры гэтым таксама забяспечваецца лёгкасць засваення гэтага слова ў мове перакладу. Адзначым, што выкарыстанне практычнай транскрыпцыі не выключае ў пэўных выпадках ужывання такіх спосабаў перадачы, як транслітарацыя і пераклад, а таксама спалучэння розных спосабаў.

Асобнага разгляду заслугоўваюць пытанні перадачы семантыкі скрочаных лексічных адзінак у спецыяльных дзвюхмоўных слоўніках.

Зразумела, што пры распрацоўцы макрэструктуры перакладнога слоўніка для скарочаных адзінак дзейнічаюць агульныя прынцыпы адбору лексікі. Аднак ужо пры размеркаванні загаловачных слоў і слоўнікавых артыкулаў скарачэнні традыцыйна «выпадаюць» са словаспіса і трапляюць у дадаткі. Яшчэ больш непаслядоўна апісваюцца падтыпы складанаскарочаных слоў. Хоць іх размяшчэнне і не супярэчыць агульным прынцыпам апісання лексем (як загаловачныя словы), аднак часам робіць гэты тып абрэвіятур выключэннем.

Падача скарачэнняў у асноўным корпусе перакладнога слоўніка непасрэдна закранае пытанні вылучэння амонімаў, актуальныя ў першую чаргу для спецыяльных перакладных слоўнікаў скарачэнняў. Мяркуем, што скарачэнні-амонімы мэтазгодна прыводзіць у асобных слоўнікавых артыкулах згодна з алфавітным прынцыпам размяшчэння расшыфровак такіх адзінак. Такая падача адпавядае традыцыйнай канцэпцыі замежных лексікаграфічных школ і, на нашу думку, садзейнічае больш зручнай працы карыстальніка са слоўнікам.

Існуе думка, што пераклад скарачэнняў зводзіцца ў прынцыпе да перакладу адпаведнага поўнага наймення і не ўяўляе ніякіх цяжкасцей. Сапраўды, любое скарачэнне мовы-крыніцы можна перадаць сродкамі мовы перакладу праз зварот да суадноснай утваральнай асновы. Аднак тут таксама асобную групу складаюць скарачэння лексічных адзінак з нацыянальна-культурным кампанентам. Для лексікаграфічнага апісання такіх лінгвакультурных найменняў шырока ўжываюцца розныя сродкі эксплікацыі значэння. У большасці выпадкаў тлумачальны пераклад становіцца найбольш прымальным спосабам семантызацыі скарочаных слоў: *co-ed* (< *coeducational*) з сумесным навучаннем асоб абодвух палоў; *HP* (< *house physician*) урач-тэрапеўт, які пражывае пры бальніцы; *BYO* (< *bring your own*) рэстаран без ліцэнзій на продаж спіртнога, куды дазваляецца прыносіць свае напіткі.

Такім чынам, усе разгледжаныя вышэй групы адзінак адлюстроўваюць пэўныя суадносіны паміж мовай і культурай. Адзначым, што пры семантызацыі розных тыпаў лінгвакультурных найменняў, якія змяшчаюць культурназначную інфармацыю ў дэнататыўным аспекце значэння,

асноўнымі спосабамі перадачы з'яўляюцца практычная транскрыпцыя, транслітарацыя і тлумачальны пераклад. Калі адбываецца семантызацыя адзінак, у якіх культурназначная інфармацыя сканцэнтравана ў канататыўным аспекце значэння, неабходным з'яўляецца пошук аналагаў ці дапаўненне дэнататыўнага аспекту разнастайнымі звесткамі асацыятыўна-фонавага, эмпірычнага, культурна-гістарычнага або светапогляднага характару.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. М. : Прогресс, 1985. 451 с.
2. *Верещагин Е.М.* Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М. : Рус. яз., 1980. 320 с.
3. *Серебрянников Б.Л.* Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.Л. Серебрянников // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира ; отв. ред. Б.Л. Серебрянников. М. : Наука, 1988. С. 87–107.
4. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures Through Their Key Words : English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 1997. 317 p.
5. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; Ин-т языкознания РАН. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Англійска-беларускі слоўнік = English-Belarusian Dictionary / Т.М. Суша, А.У. Таболіч, А.К. Шчука [і інш.]. Мінск : Выш. шк., 2013. 765 с.
7. *Таболіч А.У.* Лінгвістычныя асновы перадачы англамоўных геаграфічных назваў на беларускую мову// Vocabulum et vocabularium : сб. науч. трудов по лексикографии / отв. ред. В.В. Дубичинский. Вып. 5. Гродно, 1998. С. 37 –39.

Т.В. Бусел (Минск, Беларусь)

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОРПУС ТЕКСТОВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СЛОВАРЮ

За последние несколько лет переводческая отрасль претерпела существенные изменения, связанные с появлением новых технологий. В статье рассматриваются электронные инструменты, которые дают возможность профессиональным переводчикам повысить скорость, эффективность и качество выполняемых переводов. Описываются корпусные технологии и способы их применения при выполнении письменного перевода для определения лексико-грамматической сочетаемости слов, при выборе из нескольких вариантов лексического эквивалента исходного слова, предлагаемых в словаре или в Интернете, для проверки правильности решения, интуитивно выбранного переводчиком, для поиска дополнительной энциклопедической информации по теме, при поиске

терминологических дублетов и дефиниций терминов.

Ключевые слова: *информационные технологии, память переводов, ТМ-программы, корпус параллельных текстов, конкордансеры.*

Вступление общества в современную информационную эпоху определило возможность внедрения инновационных технологий во все сферы человеческой деятельности и сделало актуальным их использование для повышения эффективности труда переводчика. Особое значение данная задача приобрела в связи со «значительным увеличением информационных потоков, развитием международных контактов, возникновением новых отраслей науки и техники, что кардинально изменило условия работы переводчика: постоянно возрастают объемы переводов, сокращаются сроки выполнения заказов и вместе с тем предъявляются более высокие требования к качеству выполняемой работы» [1, р. 7]. Переводчик должен не только владеть родным и иностранным языками, теорией перевода, быть специалистом в конкретной предметной области, но и уметь использовать информационные технологии и электронные ресурсы в качестве инструментов своей профессиональной деятельности.

Современный процесс перевода нельзя сегодня представить без использования электронных словарей (АВВУУ, Lingvo, Multitex), национальных и тематических корпусов текстов, конкордансеров, а также специального программного обеспечения, помогающего оптимизировать процесс перевода.

Как свидетельствуют данные, приведенные в работе М. Зампери, использование программ автоматизированного перевода позволяет значительно ускорить процесс перевода и повысить его качество, оперативно проверить и отобрать из нескольких вариантов наилучший [2]. Однако определить какой из них лучше, может лишь опытный переводчик-профессионал, способный критически оценить правильность выбора и, если это необходимо, найти подтверждение правильности в имеющихся электронных ресурсах, например, в электронном корпусе текстов. Как отмечает Д.Ю. Груздев, «электронные корпуса дают возможность реализовать творческий подход в поиске переводческих решений и являются надежным источником информации» [3, с. 9].

Корпус текстов представляет собой «собрание языковых фрагментов, отобранных в соответствии с четкими языковыми критериями для использования в качестве модели языка» [4, р. 94]. Корпус как огромный массив данных характеризуется репрезентативностью и пополняемостью, а также определенной структурой построения. В отличие от единичных текстов или бумажных изданий, корпус текстов позволяет моментально осуществить поиск необходимых элементов, выявить их количественные и

статистические характеристики. Поиск лингвистической информации осуществляется в корпусе с помощью программы-конкордасера (concordacer), которая выстраивает соответствующий конкорданс, то есть вертикальный список случаев употребления слова в предложении, расположенных в алфавитном порядке в электронном корпусе текстов.

Корпусы текстов подразделяются, как правило, на корпуса общего и специального назначения; одно-, дву- и многоязычные корпуса. Для переводчиков первостепенное значение имеют дву- и многоязычные корпуса и прежде всего такая их разновидность, как параллельные корпуса (parallel / translational corpus). **Параллельный корпус** – это совокупность оригиналов и их переводов на один или несколько языков. Каждому оригиналу могут соответствовать несколько вариантов перевода на один и тот же язык. Текст оригинала и текст перевода в таком корпусе, как правило, выровнены на уровне предложения, то есть каждое предложение оригинала соотносено с соответствующим предложением перевода. В случаях, когда однозначное соответствие между предложениями отсутствует, выравнивание осуществляется исходя из структуры оригинала. Другими словами, предложение текста оригинала может быть соотносено с единицами меньшего или большего, чем предложение, объема. Обычно двуязычные параллельные корпуса являются также двунаправленными. Это означает, что они включают два подкорпуса, в которых данная пара языков представлена оригинальными текстами и их переводами, например, англо-русский или русско-английский подкорпусы.

Электронный корпус текстов может оказаться полезным для письменного переводчика в следующих случаях: при определении левого и/или правого окружения (лексико-грамматической сочетаемости) слова; при выборе из нескольких вариантов лексического эквивалента исходного слова, предлагаемых в разных словарях или встретившихся в Интернете; при проверке правильности решения, выбранного переводчиком; для поиска дополнительной энциклопедической информации по теме; для расшифровки встретившихся в оригинале сокращений [3].

Несомненным достоинством компьютерного корпуса текстов является то, что он дает представление о типовой лексической и синтаксической сочетаемости встречающихся в нем слов, об их окружении и особенностях функционирования в речи, сообщает наиболее полную информацию о нормах словоупотребления в современном языке. Например, поиск в Британском национальном корпусе на коллокации со словом *stigma* дает наиболее частотную встречаемость с прилагательным *certain* в препозиции. С точки зрения грамматически возможных вариантов, существительное *stigma* также может сочетаться с глагольной формой в постпозиции. Согласно примерам Британского национального корпуса, самое частотное

наполнение этой коллигационной схемы реализуется с глаголом *attached to*, реже – с глаголом *associated with*. На сочетание с *attached to* в Британском национальном корпусе содержится 37 вхождений из 263. На основе этих примеров переводчик может выявить высоковероятные грамматические предпочтения сочетаний с *certain – stigma – attached to* (в сочетании с оборотом *there is*), обратив особое внимание на употребление в интересующих его контекстах:

1. *Legislation suggested that this should imply greater tolerance of, or a lessening of the **stigma attached to crime and criminals**.*
2. *Aerosols still have **something of a stigma attached to them** as a result of their prior use of CFCs, but in many cases, they are a fairly environmentally conscious form of dispensing a product.*
3. *People I know think **there is a stigma attached to saying you agree with the Conservatives**.*
4. ***There is no stigma attached to being sensible and having an orange juice**.*

Второй случай, когда целесообразно обращение к корпусу текстов, возникает при подборе более уместного слова или термина для данного конкретного случая. При быстром появлении терминов во многих научных, технологических или политических областях, создание современных терминологических справочников отстает, что вызывает проблемы у переводчиков и в результате – противоречивые и разнообразные переводы. Параллельные корпуса переведенных текстов могут использоваться как ресурс для автоматического извлечения терминов и терминологических словосочетаний. Здесь актуальны параллельные корпуса, основанные на научно-технических, политических, экономических и юридических текстах.

В случае поиска лексических (точнее, переводных) эквивалентов целесообразно обращаться не к переводным словарям, а к корпусам, которые дают не только значительно более представительный спектр вариантов перевода, но и широкий лексический и семантический контекст, обуславливающий конкретный выбор. Примером эффективного использования корпуса параллельных текстов для решения указанной задачи является исследование Е.Г. Андреева, посвященное анализу переводческих соответствий русского слова «душа» [5]. Результаты поиска в параллельном корпусе, в который вошли художественные произведения американских, британских и русских писателей, свидетельствуют о том, что чаще всего данное слово служит переводным эквивалентом следующих четырех английских лексем (в порядке убывания количества иллюстрирующих их употребление примеров): *soul* (32%), *heart* (12%), *spirit* (7%) и *mind* (6%). Типичными примерами таких соответствий служат:

1. *He felt the slow burner under his soul.* – Он чувствовал, как в **душе** медленно разливается тепло.

2. *Could it be Beatrice's breath which thus embalmed her words with a strange richness, as if by steeping them in her heart?* – А впрочем, и дыхание Беатриче могло напоить ароматом ее слова, словно они были пропитаны благоуханием **ее души**.

3. *And yet, worshipful professor, is it not a noble spirit?* – А вместе с тем, **достопочтенный профессор**, не свидетельствует ли все это о **благородстве его души**?

4. *There is a serenity of color, a quietude of touch, a sweet sculpturing of mind and body in full moonlight.* – Полнолуние сообщает мягкость краскам, спокойствие прикосновению, нежность формам тела и **души**.

Как свидетельствуют результаты поиска в параллельном корпусе, при переводе слова «душа» могут быть использованы самые разнообразные лексические единицы, такие как личные местоимения, глаголы (чаще всего *to feel*), существительные и прилагательные, не имеющие непосредственной внешне заметной семантической связи с данным концептом:

5. *Recollections of the delicate and benign power of her feminine nature, which had so often enveloped him in a religious calm.* – Это были воспоминания о ее нежности и доброте, которые наполняли его **душу** каким-то неземным покоем.

6. *I shall not feel easy until I have told my story.* – Да. **На душе** у меня будет неспокойно до тех пор, пока я не расскажу мою историю.

7. *Still, of course, if you would like to draw out of the business, there is plenty of time to do so.* – Конечно, если предложение вам **не по душе**, еще есть время от него отказаться.

8. *All beneath his eye was a solitude.* – Внизу не было **ни души**.

Анализ переводческих соответствий свидетельствует о том, что использование параллельного корпуса позволяет, как правило, «найти точные переводные эквиваленты для каждого слова и выражения в конкретных контекстах, причем все значимые факторы, обусловившие выбор того или иного способа перевода, могут быть изучены на аутентичном текстовом материале. К подобным факторам относится синтаксическое окружение данного слова, его функция в структуре дискурса, а также коммуникативно-прагматические условия его употребления» [6, с. 13].

Корпусы параллельных текстов в принципе представляют важный инструмент для поиска ответа на вопрос о способах достижения адекватности в художественном переводе. Для того чтобы проследить, почему один и тот же текст переводился в разные периоды столь различными способами и как это связано с теми или иными

общекультурными установками необходимо иметь инструмент, позволяющий осуществлять быстрый поиск искомой информации и одновременное обращение к нескольким переводам в их сопоставлении с оригиналом. По мнению Д.О. Добровольского, «предпосылкой для решения подобных задач и получения эмпирически достоверных результатов является наличие корпусов параллельных текстов, включающих наряду с текстом оригинала, по меньшей мере, два его перевода» [6, с. 16].

Сопоставительный анализ разноязычных текстов, например, оригинала стихотворения Э. Дикинсон «Success» и его переводов, выполненных А.А. Гришиным, И.А. Лихачевым и В.Н. Марковой позволяет обнаружить наряду с общими закономерностями переводческого процесса индивидуальный стиль каждого отдельного переводчика, рассмотреть степень влияния на них предыдущих переводов, стилистических и эстетических требований сопоставляемых эпох и культур, а также определить степень адекватности предлагаемых переводов. Например:

<i>Emily Dickinson</i> «Success», 1859	Перевод «Успех» Маркова В.Н., 1981	Перевод «Успех» Лихачева И.А., 1976	Перевод «Успех» Гришина А.А., 1996
<i>Success is counted sweetest By those who ne'er succeed. To comprehend a nectar Requires sorest need. Not one of all the purple Host Who took the Flag today Can tell the definition So clear of Victory As he de-</i>	<i>Успех</i> всего заманчивей На самом дне беды. Поймешь, как сладостен нектар – Когда – ни капли воды. Никто в пурпурном Воинстве – Словившем все на пути – Не смог бы верней и проще Слова для Победы найти – Чем побежденный –	<i>Тем, кто не знал успеха Он сладостней всегда. Вполне оценит нектар Лишь горькая нужда Никто в бряцающих Войсках, Дерзнувших знамя взять, Ясней не даст ответа, Что значит Побеждать, Как тот разбитый – павший</i>	<i>Успех всегда так сладок Не ведавшим его. Постигнуть вкус нектара Лишь страждущим дано. Никто в пурпурном Воинстве, Поднявшем флаг с земли Не может смысл Победы Точней определить, Чем тот – сраженный – Воин,</i>

<i>feated – dying – On whose forbidden ear The distant strains of triumph Burst agoni- zied and clear!</i>	<i>поверженный Сквозь смертной муки заслон Он слышит так ясно – так ясно – Триумфа ликующий стон!</i>	<i>О бессильный слух Дробится ликования Жестокий ясный звук!</i>	<i>чей Чей угасает слух, К кому летит в агонии Триумфа отдаленный звук!</i>
--	---	--	---

Даже такой предварительный анализ оригинала и его переводов, которые дополняют друг друга и раскрывают разные аспекты подлинника, может не только продемонстрировать небезынтересные закономерности в передаче конкретного языкового материала средствами другого языка и различия в переводческих подходах и стратегиях, но также и вполне убедительно показать возможность и насущную необходимость использования параллельных корпусов в переводческой практике. По мнению Н.В. Владимова, корпусы являются более удобным и достоверным средством по сравнению со словарями по целому ряду причин [7, с. 36]:

1) корпусы текстов – это не застывшие структуры, как традиционные словари, а постоянно пополняющиеся базы данных. Благодаря этому переводчик получает возможность быть в курсе самых последних тенденций развития языка на основе анализа употребления того или иного слова в корпусе;

2) корпус является более репрезентативным источником словоупотребления, чем словарь в силу того, что он намного больше по объему, а информация о слове, которую можно получить из корпуса, более объективна и точна. Работать с корпусом гораздо удобнее, чем со словарем.

Вместе с тем существует и ряд ограничений: корпус текстов не дает готовых рекомендаций и советов относительно того, что хорошо и что плохо при выборе нормативных словосочетаний и чему именно следует отдать предпочтение. Для работы с корпусами нужны определенные исследовательские навыки, умение вести поиск, анализировать примеры и делать правильные выводы.

В заключение следует отметить, что информационные технологии и электронные ресурсы позволяют ускорить и облегчить процесс перевода, помочь переводчику в разрешении многочисленных сомнений, возникающих в процессе работы, и минимизировать усилия и время, затрачиваемые на перевод. Однако при всей своей эффективности и

перспективности они не способны полностью заменить переводчика и сами по себе не гарантируют качественного перевода. Как отмечает В.Н. Шевчук, «качественный перевод возможен лишь при разумном сочетании новых информационных технологий с наработанными переводческими приемами и навыками, хорошим знанием иностранного языка и теории перевода, данных сопоставительной лингвистики в конкретной языковой комбинации и большим практическим опытом» [8, с. 335]. Поэтому, в конечном счете, все зависит от личности переводчика, его профессионального опыта, навыков и находчивости. Информационные технологии и электронные ресурсы являются лишь полезным, а иногда и необходимым дополнением к его творчеству.

Библиографические ссылки

1. *Austermühl F.* Electronic Tools for Translators: Translation Practice Explained / F. Austermühl. London; N.Y.: Routledge, 2014. P. 202.
2. *Zampieri M.* Quantifying the Influence of MT Output in the Translators' Performance: a Case Study in Technical Translation / M. Zampieri, M. Vela // Proceedings of the EACL 2014 Workshop on Humans and Computer-assisted Translation. Association for Computational Linguistics. Sweden, 2014. P. 93–98.
3. *Груздев Д.Ю.* Электронный корпус текстов как эффективный инструмент переводчика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.Ю. Груздев. М. : Изд-во Военного ун-та, 2013. 20 с.
4. *McEnery T.* Corpus Linguistics / T. McEnery, A. Wilson. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2001. 209 p.
5. *Андреева Е.Г.* Анализ переводческих соответствий на материале параллельного корпуса текстов / Е.Г. Андреева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2006» (2006 ; Бекасово) / под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М. : Изд-во РГГУ, 2006. С. 26–30.
6. *Добровольский Д.О.* Корпус параллельных текстов и литературный перевод / Д.О. Добровольский // НТИ. Сер. 2. 2003. № 10. С. 13–18.
7. *Владимов Н.В.* Корпусный подход к решению переводческих проблем: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Владимов. М.: Изд-во Военного ун-та, 2005. 20 с.
8. *Шевчук В.Н.* Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика / В.Н. Шевчук. М.: Зебра-Е, 2013. 384 с.

Н.А. Метлицкая (Минск, Беларусь)

ПРИНЦИП РАБОТЫ АЛГОРИТМА АВТОМАТИЧЕСКОГО ПОРОЖДЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

В статье представлено описание принципа работы алгоритма системы автоматического порождения англоязычных рекламных текстов по косметике и

парфюмерии. Разработанный алгоритм определяет порядок следования операций, выполняемых при планировании содержания текста, а также при выборе лексических и грамматических средств, представленных в лингвистической базе знаний системы автоматического порождения, и их оформлении в связный текст.

Ключевые слова: *автоматическое порождение текста, лингвистическая база знаний, формальный язык, электронный словарь лексических единиц, алгоритм автоматического порождения текста.*

Среди современных систем автоматического порождения текста можно наблюдать два принципиально различных типа систем: системы, основанные на использовании шаблонов (шаблонные системы), и системы, основанные на использовании лингвистической базы знаний (лингвистически мотивированные системы).

Первые предполагают использование при синтезе текста готовых текстовых фрагментов, заложенных в базе данных – слов, предложений, абзацев. По сути, как такового «порождения» или «синтеза» нового текста в данном случае не происходит, т.к. система использует готовые текстовые фрагменты, которые передаются на экран компьютера при определенном запросе пользователя. Системы второго типа работают с содержанием будущего текста, представленном в виде данных нетекстовой природы – базы знаний, семантические и формальные языки [1]. Принцип работы таких систем подразумевает моделирование процесса порождения текста человеком, то есть создание текста происходит от некоторого концептуального уровня (зарождение идеи, замысла) к текстовому (их языковому оформлению). Практическая реализация лингвистически мотивированных систем предполагает наделение их широким спектром лингвистических знаний как о структуре, так и о содержании порождаемого текста, а также сложными лингвистическими знаниями, которые позволяют выразить это содержание языковыми средствами. Ведь создаваемый текст должен быть корректным на всех языковых уровнях – грамматическом, лексическом, семантическом. Иными словами, в процессе работы по созданию текста лингвистически мотивированные компьютерные системы опираются на обширную, сложную и многокомпонентную лингвистическую базу знаний, а согласованная и координированная работа всех ее компонентов обеспечивается четкими предписаниями алгоритма.

С целью реализации лингвистически мотивированного подхода при создании системы автоматического порождения англоязычных рекламных текстов нами была разработана лингвистическая база знаний, в которую вошли следующие компоненты:

- 1) списки главных и второстепенных опорных слов (ГОС и ВОС) исследованных рекламных текстов;
- 2) словарь лексических единиц с указанием семантических и

морфологических сведений о каждой лексической единице;

3) семантико-синтаксические формулы текстов на формальном языке СЕМСИНТ.

Далее был разработан алгоритм автоматической системы порождения рекламных текстов, который определяет порядок следования операций, выполняемых при планировании содержания текста, а также при выборе лексических и грамматических средств, представленных в лингвистической базе знаний, и их оформлении в связный текст [2].

В самом общем виде порождение текста в соответствии с данным алгоритмом предполагает последовательное решение следующих задач (рис. 1):

1. Определение темы рекламного сообщения

2. Определение семантико-синтаксического содержания будущего текста (выбор семантико-синтаксической формулы текста)

3. Лексическое оформление семантико-синтаксической формулы текста

4. Морфологическое оформление слов текста

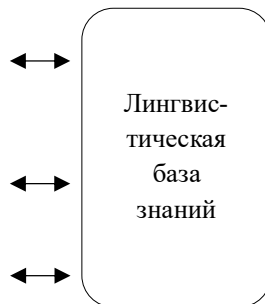


Рис. 1. Принципиальная схема автоматического порождения рекламного текста

Представленная на рисунке 1 схема наглядно демонстрирует, что на всех основных этапах по созданию текста автоматическая система постоянно взаимодействует с лингвистической базой знаний.

Рассмотрим порядок действий алгоритма автоматического порождения рекламного текста на конкретном примере.

Работа алгоритма начинается с выведения на экран возможных тем рекламного сообщения, которые может создать система порождения: губная помада, тушь для ресниц, шампунь. Пользователю предлагается выбрать одну из трех тем. Предположим, пользователь запросил создать рекламный текст на тему «Шампунь».

После того как выбрана тема рекламного текста, начинается последовательная работа системы по планированию и оформлению его содержания. Модели порождаемых рекламных текстов представлены в виде

семантико-синтаксических формул текстов на формальном языке СЕМСИНТ [3]. Система обращается к области базы знаний, содержащей семантико-синтаксические формулы текстов на заданную тему («Шампунь»), и датчик случайных чисел выбирает одну (любую) из десяти соответствующих данной теме формул. Тем самым обеспечивается разнообразие и вариативность семантико-синтаксической структуры порождаемых системой рекламных текстов, а также обеспечивается учет вероятностных факторов, которые играют важную роль при порождении текста человеком.

Пусть на данном этапе системой выбрана семантико-синтаксическая формула текста S01:

АН1<A52/вос1*N75/1/roc1.02*N89/1>.

R<V32/2> + АО<A52/вос1*N50/2>.

R2<V20/2> + АО<N31/1> + AAD<J03*T01*A58*N75/1/roc1.01>.

R2<V06/1> + АО<P10*N98/1> + AAD<J03*T02*N03/1> + АН1<K04*A33*N11/1/вос2> + R<V47/1*V16/1>!

R<V07/4> + АКМ<J03*A52/вос1*N50/2>,

АН1<A52/вос1*N75/roc1.02*N89/1> + R<V22/2> + АО<A36*

N11/1/вос2*C01*N13/1> + AAD<J03*T01*A58*N75/1/roc1.02>.

R2<V07/4> + АКМ<J03*A21*N75/1/roc1.01*N83/1> + PPS<J05*T01*A69*N75/1/roc1.01*N35/1>,

R<V37/2> + АО<P10*N11/1/вос2> + AD1<V38/3*A04,

*V40/3*A68*C01*100%*A33> + АТМ<P15*N98/1*S15>.

Затем, в соответствии с предписанием алгоритма, осуществляется лексическое заполнение выбранной семантико-синтаксической формулы текста. На данном этапе система взаимодействует одновременно с двумя областями базы знаний – списками главных и второстепенных опорных слов и электронным словарем. Каждому тексту соответствует свой набор главных и второстепенных опорных слов, которые отмечены в семантико-синтаксической формуле данного текста и заполняют, таким образом, конкретные позиции в формуле (тексте). Если слово не относится к ГОС или ВОС, система производит обращение к электронному словарю, из которого с учетом семантических кодов слов, указанных в формуле, выбираются соответствующие лексические единицы. Так, при прочтении первого закодированного слова – A52/вос1 – система определяет, что выделенное слово относится к ВОС1. Следовательно, система обращается к области базы знаний, в которой содержатся списки ВОС текста S01, и берет слово, соответствующее слову ВОС1. В данном случае ему соответствует слово *citrus* ‘цитрусовый’. Далее последовательная работа системы продолжается в блоке 4, когда выбранное слово должно быть оформлено в соответствии с морфологической информацией, указанной о нем в формуле. Код A52

указывает на то, что это имя прилагательное, относящееся к семантическому подклассу «прилагательные, характеризующие объект по отношению к запаху». Грамматическая (морфологическая) информация об имени прилагательном в формуле и словарной статье не указана. Следовательно, данное слово *citrus* подставляется в формулу без каких-либо преобразований. При прочтении очередного закодированного слова N75/1/гос1.02 система определяет, что оно относится к ГОС1.02, которое также содержится в соответствующей области базы знаний. Однако данная запись – N75/1/гос1.02 – содержит грамматическую информацию. А именно, обозначение «/1» после семантического кода N75 свидетельствует о том, что данное слово в формуле является именем существительным в единственном числе. Следовательно, на этапе работы по морфологическому оформлению лексических единиц текста (блок 4) система выберет из электронного словаря имя существительное с семантическим кодом N75 в форме единственного числа. То есть, в данном месте в формуле будет стоять одно из следующих слов: *scent* ‘запах’, *fragrance* ‘аромат’ или *odour* ‘аромат’ в форме единственного числа.

Аналогичная ситуация наблюдается с очередным закодированным словом N89/1, которое также является именем существительным в единственном числе. Немного иная картина будет наблюдаться, когда в процессе дальнейшей работы система прочтет, например, закодированное слово N50/2 во втором предложении. Запись «/2» после семантического кода N50 означает, что данное существительное должно быть употреблено во множественном числе, поэтому при обращении к электронному словарю система возьмет из него форму имени существительного с семантическим кодом N50 во множественном числе. Следовательно, в порожденном предложении на этом месте будет стоять либо слово *properties*, либо слово *essences* ‘эссенции’, которые имеют данный семантический код.

Таким образом, в процессе лексического заполнения семантико-синтаксической формулы текста система последовательно «читает» каждое закодированное слово и прежде всего определяет, является ли очередное прочитанное слово главным или второстепенным опорным словом? Если закодированное слово относится к ГОС или ВОС, система порождения обращается к соответствующей области базы знаний, чтобы извлечь оттуда конкретное слово. Если прочитанное слово не относится к ГОС или ВОС, система производит обращение к электронному словарю, из которого с учетом семантических кодов слов, указанных в формуле, выбираются соответствующие лексические единицы.

Далее, на этапе грамматического оформления предложений генерируемого текста осуществляется морфологическое оформление лексических единиц, которые были выбраны системой для заполнения

данной семантико-синтаксической формулы. Необходимые морфологические преобразования совершаются в процессе автоматического порождения текста с именами существительными и глаголами в соответствии с кодами грамматических форм этих лексических единиц, указанных в формуле, а также в соответствии с грамматическими сведениями о данных лексических единицах, которые представлены в словаре базы знаний системы. Если закодированные слова имеют коды S, P, J, C, M, K или T, никаких морфологических преобразований не требуется, так как данные коды соответствуют наречиям, местоимениям, предложениям, союзам, числительным, частицам и артиклям, которые являются неизменяемыми частями речи. Прочитав очередное закодированное слово, имеющее один из перечисленных кодов, система каждый раз обращается к соответствующей области базы знаний и выбирает слово с необходимым семантическим кодом. Например, P10, T01, J03 и т.д. Каждый из таких кодов обозначает конкретное местоимение, артикль, предлог и т.д. Дополнительная морфологическая информация не указывается также для имен прилагательных. Объясняется это тем, что единственной грамматической категорией имен прилагательных в английском языке является степень сравнения. Поскольку в исследованных рекламных текстах, которые легли в основу базы знаний описываемой системы, все имена прилагательные употреблены в положительной степени сравнения, в указании дополнительных сведений о формах других степеней необходимости нет.

Таким образом, разработанный алгоритм обеспечивает последовательное – по предложениям – прочтение и заполнение системой выбранной семантико-синтаксической формулы. Когда очередное предложение окончено, начинается работа по созданию нового предложения текста. После того, как вся семантико-синтаксическая формула оказывается заполненной конкретными словами в необходимой морфологической форме, готовое рекламное сообщение выводится на экран компьютера.

Библиографический список

1. *Соколова Е.Г.* Автоматическая генерация текстов на ЕЯ (портрет направления). URL: <http://www.dialog-21.ru/archive/2004/sokolova.htm> (дата обращения: 08.04.2015).
2. *Метлицкая Н.А.* Лингвистическая база данных системы автоматического порождения англоязычного рекламного текста // Системный анализ и прикладная информатика. Минск : БНТУ, 2017. № 2. С.62–67.
3. *Зубов А.В.* Семантико-синтаксический язык для записи текстов в памяти ЭВМ // Функционирование и развитие языковых систем : сб. науч. тр. Минск : Вышэйшая школа, 1990. С. 110–117.

М.В. Макарыч, Д.А. Міронава (Мінск, Беларусь)

КАНТРАСТЫЎНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ ТЭРМІНАЛАГІЧНЫХ СЛОВАЗЛУЧЭННЯЎ У АНГЛІЙСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

Артыкул прысвечаны праблеме вывучэння паняткава-тэрміналагічнай сістэмы ў галіне інфармацыйных тэхналогій пры дапамозе кантрастыўнага аналізу. Разглядаюцца моўныя спосабы выразу паняткаў і логіка-лінгвістычная арганізацыя тэрміналагічных словазлучэнняў у англійскай і беларускай мовах. Вынікі даследавання падаюцца ў выглядзе дзвюх табліц: «сыходжанняў» і «разыходжанняў» у пабудове вышэйазначаных словазлучэнняў. Зроблены колькасны і якасны аналіз па выніках даследавання і даюцца рэкамендацыі па іх эфектыўнаму выкарыстанню ў сістэмах штучнага інтэлекту.

Ключавыя словы: *кантрастыўны аналіз, логіка-лінгвістычная арга-нізацыя тэрміналагічных словазлучэнняў, паралельныя тэрміналагічныя словазлучэнні.*

Апошнім часам шмат лінгвістычных тэарэтычных і прыкладных даследаванняў выконваюцца на грунце дасягненняў у галіне кантрастыўнага аналізу моў. Кантрастыўная лінгвістыка ўзнікла на перакрываванні структурнай тыпалогіі моў і лінгвадыдактыкі. Яе асноўная мэта – выяўленне моўных кантрастаў і падабенстваў. Першыя дасягненні ў дадзенай галіне належаць В. Матэзіусу (1882–1945), заснавальніку Пражскай лінгвістычнай школы, які ўжо ў 1926 годзе усведаміў неабходнасць кантрастыўных даследаванняў падчас параўнання шматстатнасці выразных сродкаў існуючых моў.

Часам даследчыкі звужалі кола магчымасцяў кантрастыўнай лінгвістыкі і супрацьстаўлялі яе параўнальнай лінгвістыцы. Менавіта такі пункт гладжання дэманстраваў Г. Хельбіг. «Параўнальная лінгвістыка мае больш тэарэтычную арыентацыю і займаецца як падабенствамі, так і адрозненнямі паміж мовамі, тым часам як кантрастыўная лінгвістыка мае больш практычны накірунак і займаецца пераважна моўнымі адрозненнямі» [1].

У працэсе практычнага выкарыстання дадзеных кантрастыўнага аналізу, напрыклад, падчас выкладання замежных моў, неабходна больш засяродзіцца на адрозненнях, а не на падабенствах. Аднак падчас параўнання моў непазбежна наяўнасць як падабенстваў, так і адрозненняў пры адсутнасці прынцыповай розніцы. Такім чынам, праводзіць мяжу паміж параўнальным і кантрастыўным мовазнаўствам няма падстаў з прычыны таго, што абодва падыходы карыстаюцца аднолькавымі метадамі даследавання і асноўнае іх адрозненне – гэта дадзеныя, якія мусяць улічвацца ў першую чаргу падчас выкарыстання вынікаў даследавання.

Агульныя мэты кантрастыўнага вывучэння моў фармулююцца наступным чынам:

- ✓ выяўленне сыходжанняў і разыходжанняў падчас выкарыстання моўных сродкаў у мовах, якія супрацьстаўляюцца;
- ✓ азначэнне моўных асаблівасцяў, якія могуць застацца па-за ўвагай даследчыка, калі ён засяродзіцца толькі на «унутраным» вывучэнні мовы;
- ✓ назапашванне надзейнай лінгвістычнай базы для прыкладнога мовазнаўства;
- ✓ збор матэрыялаў тыпалогіі для выяўлення універсалій [2].

У якасці аб'ектаў супастаўляльнага аналізу ў кантрастыўных даследаваннях вылучаюцца адзінкі любога ўзроўню мовы: фанемы, словы, словазлучэнні, граматычныя з'явы і суцэльныя тэксты. Часам кантрастыўны метада датычыцца не толькі дзвюх, але трох, ці нават большай колькасці моў, бо ён спалучае якасныя і колькасныя метады аналізу і забяспечвае высокую эфектыўнасць і дзейнасць даследаванняў. Кантрастыўны аналіз непасрэдна звязаны з рознымі відамі прыкладнога мовазнаўства, якое займаецца фармаваннем шматфункцыянальных комплексных баз даных.

З самага пачатку кантрастыўныя тэрміналагічныя даследаванні былі накіраваныя на стварэнне банка тэхнічных ды электронных тэрмінаў і былі абмежаваныя патрэбамі перакладчыцкай і лексікаграфічнай практыкі. Дадзены падыход знайшоў адлюстраванне ў такіх навукоўцаў, як Е. Вюстэр (1931), Е. Андрус (1947), Р. Алан (1947), А. Рэй (1990). Аднак с цягам часу з'явіліся працы па вывучэнні ўзаемадзеяння тэрмінаў з агульналітаратурнай лексікай, у якіх даследавалася паняткава-тэрміналагічная сістэма розных галін ведаў з пункту гледжання моўных спосабаў выразу паняткаў, логіка-лінгвістычная арганізацыя сістэм тэрмінаў і выпрацоўваліся рэкамендацыі па іх эфектыўным выкарыстанні ў сістэмах штучнага інтэлекту [3]. Апошнія ўяўляецца найбольш важкім на сучасным этапе з прычыны таго, што праблема камп'ютарнай апрацоўкі натуральных моў грунтуецца на выкарыстанні лінгвістычных рэсурсаў – корпусы тэкстаў на розных мовах. Напрыклад, сістэма апрацоўкі англамоўных публіцыстычных тэкстаў будзеца на корпусе тэкстаў, якія выкарыстоўваюцца падчас практычных заняткаў па вывучэнні англійскай мовы [4].

Сістэмы для аўтаматычнай апрацоўкі тэкстаў выкарыстоўваюць шматлікія метады апрацоўкі мовы на розных узроўнях. Метады, якія арыентуюцца на ўзровень сказаў, сутыкаюцца з шэрагам складанасцяў, асноўная з якіх – іменная канструкцыя сказа. Больш эфектыўнымі з'яўляюцца метады, з дапамогай якіх мова апрацоўваецца на ўзроўні словазлучэнняў. Такія метады шырока распаўсюджаны ў сістэмах штучнага інтэлекту, дзе натуральна-моўны інтэрфейс выкарыстоўвае дадатковую інфармацыю з лінгвістычнай базы даных. Асноўная частка базы – гэта тэрміналагічныя словазлучэнні і іх перакладныя мадэлі на розных мовах. Прыкладам такой сістэмы можа быць сістэма аўтаматычнага выяўлення

англійскіх тэрміналагічных словазлучэнняў і іх перакладу на рускую мову [5].

На сучасным этапе ў Рэспубліцы Беларусь існуе патрэба ў правядзенні тэрміналагічных кантрастыўных даследаванняў англійскай і беларускай моў з мэтай стварэння адпаведных баз даных, на падмурку якіх можа быць распрацаваная не толькі сістэма аўтаматычнай апрацоўкі тэкста, але і электронны слоўнік ці перакладчык. Прыкладам ёсць англа-беларуска-рускі электронны тэрміналагічны слоўнік, які сёння ствараецца у Беларускім нацыянальным тэхнічным ўніверсітэце на кафедры англійскай мовы №2 сумесна з кафедрай праграмнага забеспячэння вылічальнай тэхнікі і аўтаматычных сістэм [6]. З гэтай нагоды выкладчыкамі кафедра праводзіцца шэраг кантрастыўных даследаванняў.

Мэтай дадзенага артыкулу ёсць структурна-квантытатыўны аналіз паралельных тэрміналагічных словазлучэнняў (далей – *c/c*) у англійскай і беларускай мовах. Аб'ект даследавання – тэрміналогія з галіны інфармацыйных тэхналогій (ІТ), якая падаецца ў падручніках «JUnit in Action», «TestComplete Made Easy», «English for Computer Engineering» [7; 8; 9]. Вынікі аналізу прыведзены ў фрагментах табліц 1 і 2. Умоўныя скарачэнні: А – прыметнік; N – назоўнік; V – дзеяслоў; R – прыслоў'е; В – артыкль.

Табліца 1

Сыходжанні ў пабудове англійскіх і беларускіх тэрміналагічных *c/c*²⁶

№	Яксны характар сыходжанняў і прыклады, якія яго адлюстроўваюць	Сінтаксічная мадэль
1	En: join Бел: злучэнне	N
2	En: iteration Бел: ітэрацыя	N
3	En: interrogation Бел: апытанне	N

21	En: foolproof Бел: памылкаўстойлівы	A
22	En: implicit Бел: няяўны	A
23	En: invalid Бел: памылковы	A

²⁶ Выбарка складае 430 лексічных адзінак (ЛА), з іх сыходжанняў – 163 ЛА (38%).

65	En: install Бел: усталёўваць	V
66	En: kill Бел: знішчаць	V
67	En: fill Бел: запаўняць	V

102	En: job priority Бел: прыярытэт задання	N+N
103	En: interrupt vector Бел: вектар перапыну	N+N
104	En: inference chain Бел: ланцужок высновы	N+N
105	En: kernel operation Бел: аперацыя ядра	N+N
106	En: learning program Бел: саманавучальная праграма	N+N

128	En: imperative language Бел: імператыўная мова	A+N
129	En: interactive processing Бел: дыялогавая апрацоўка	A+N
130	En: internal timer Бел: ўбудаваны таймер	A+N

Табліца 2

Разыходжанні ў пабудове англійскіх і беларускіх тэрміналагічных с/с²⁷

№	Якасны характар сыходжанняў і прыклады, якія яго адлюстроўваюць	Сінтаксічная мадэль
1	En: kludge Бел: варыянтны запіс	N↔A+N
2	En: keyword Бел: ключавое слова	N↔A+N
3	En: inverse Бел: інвертаваная выява	N↔A+N
4	En: internals	N↔A+N

²⁷ Выбарка складае 430 ЛА, разыходжанняў – 267 ЛА (62%).

	Бел: унутраная арганізацыя	

44	En: hard copy Бел: друкаванка	A+N↔ N
45	En: graphic pallet Бел: палітра	A+N↔ N

87	En: justification Бел: выраўноўванне радкоў	N↔N+N
88	En: hibernation Бел: стан чаканні	N↔N+N
89	En: holding Бел: захоўванне дадзеных	N↔N+N

12 3	En: radix Бел: падстава сістэмы злічэння	N ↔ N+N+N
12 4	En: program origin Бел: пачатковы адрас праграмы	N+N ↔ A+N+N

19 1	En: job mix Бел: загрузка	N+N↔N
19 2	En: hanging indent Бел: выступ	N+N↔N

23 4	En: iterate Бел: выконваць ітэрацыю	V↔V+N
23 5	En: listen Бел: чакаць сігналу	V↔V+N
23 6	En: item size Бел: памер элемента дадзеных	N+N ↔ N+N+N
23 7	En: least significant digit Бел: малодшы разрад	N+N+N ↔ A+N
23 8	En: gray scale image Бел: паўтонавая выява	A+A+N ↔ A+N

Назіранні за колькаснымі сыходжаньнямі і разыходжаньнямі даследуемых тэрміналагічных словазлучэнняў дазваляюць зрабіць наступныя высновы:

✓ большая частка англійскіх і беларускіх тэрмінаў мае разыходжанні ў пабудове адпаведных сінтаксічных мадэляў – 267 ЛА (62%);

✓ 163 ЛА (38%) ад агульнай колькасці даследуемых ЛА выяўляюць паралельнасць у пабудове сінтаксічных мадэляў, 20 % з якіх – аднакампанентныя тэрміны, а 18 % – шматкампанентныя тэрміны;

✓ асноўную частку паралельных аднакампанентных тэрмінаў складаюць назоўнікі (89% ад агульнай колькасці);

✓ інтэрнацыянальныя тэрміны, наўпрост запазычаныя з англійскай мовы складаюць 64% (*timer – таймер, iteration – ітэрацыя, invariant – інварыянт, indicator – індыкатар, quantifier – квантар, program – праграма, iterative – ітэрацыйны, interface – інтэрфейс, file – файл, operator – аператар*)

✓ найчасцей паралельныя двухкампанентныя тэрміны маюць у сваім складзе прыметнікі (45% ад агульнай колькасці двухкампанентных тэрмінаў), напрыклад:

$A+N$

En: immediate addressing

Бел: наўпростae адрасаванне

✓ назіраецца ўскладненне сінтаксічных структур, якія маюць у складзе спецыяльныя назвы адмысловых інфармацыйных або тэхналагічных паняццяў, напрыклад:

$N \leftrightarrow A+N$

$A+N \leftrightarrow A+A+N$

En: tock

En: petal printer

Бел: падстаўны аб'ект

Бел: пялёсткавая друкавальная прылада

✓ неабходна таксама зазначыць нешматлікія выпадкі спрашчэння сінтаксічных структур (8%) з прычыны наяўнасці ў беларускай мове адпаведных лексічных адзінак:

$A+N \leftrightarrow N$

$N+N \leftrightarrow N$

En: pick device

En: program scheduler

Бел: указка

Бел: планавальнік

Колькасныя дадзеныя, якія былі атрыманы падчас кантрастыўных даследаванняў, дазваляюць прааналізаваць ужыванне рэлятараў (да іх можна аднесці падставы, артыклі, парадак словаў) у вышэйзгаданых мовах. Такім чынам, прапанаваны эксперымент дае магчымасць для эфектыўнага паўнаваргаснага даследавання тыпалогіі стварэння тэрміналагічных словазлучэнняў у галіне інфармацыйных тэхналогій у англійскай і беларускай мовах.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Helbig G. Kurze deutsche Grammatik für Ausländer / G. Helbig, G.J. Buscha. Leipzig, 1976.

2. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г.Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.

3. *Teresa Cabre, M. Terminology: Theory, Methods and Applications / M. Teresa Cabre, J. Sager. // Language Arts & Dicipines, 1999. 247 p.*
4. *Макарыч М.В. Рэалізацыя навучальнай камп'ютарнай праграмы на падмурку лінгвістычнай базы ведаў аўтаматычнай сістэмы апрацоўкі тэкста // "Сістэмны аналіз і прыкладная інфарматыка". Мінск, 2016, №1, с. 78–83.*
5. *Степанова Д.В. Специфика организации англо-русского корпуса параллельных текстов по вычислительной технике для перевода терминологических словосочетаний / Д.В.Степанова // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер.1, Филология, 2009. № 6 (43). С.185–193.*
6. *Макарыч М.В. Лингвистическое и программное обеспечение англо-беларуско-русского словаря технических терминов / М.В. Макарыч, Ю.Б. Попова, М.А. Швед // Системный анализ и прикладная информатика, 2018. № 4. С.74–82.*
7. *Tahchiev P. JUnit in Action / P. Tahchiev, F. Leme and others. Stamford : Manning Publications Co, 2011. 492 p.*
8. *Tadros L. TestComplete Made Easy / L. Tadros, E. Holton and others, AutomatedQA Corp. - 1.0 Release, 2008. 284 p.*
9. *Макарыч М.В. English for Computer Engineering: дапаможнік з электронным дадаткам для студэнтаў спецыяльнасці 1-08 01 01-07 Прафесійнае навучанне (інфарматыка) / М.В. Макарыч, В.В. Пытко. Мінск : РІВШ, 2019.*

Y.B. Popova, M.V. Makarych, M.A. Shved (Minsk, Belarus)

MOBILE APPLICATION FOR THE ENGLISH-BELARUSIAN-RUSSIAN TECHNICAL DICTIONARY

The article is devoted to the problem of creating multilingual electronic dictionaries. The authors offer an overview of current approaches in the field of computer lexicography. A mobile application to the electronic English-Belarusian-Russian dictionary of technical terms TechLex is presented. The developed application covers the following subject areas: architecture and construction, water supply, information technology, pedagogy, transport communications, economics and energy construction. It is created in Belarusian National Technical University by the 2nd English Department together with the Department of Software for Information Systems and Technologies.

Key words: *a multilingual electronic dictionary, computer lexicography, an electronic technical dictionary, a client-server application.*

Introduction. Modern computer lexicography has almost completely replaced traditional manual and handwritten lexicographical methods that existed for many centuries. Today there are a lot of new paperless information technologies. Modern applied linguistics offers a set of methods and software for creating dictionaries. The Central object of computer lexicography is an electronic dictionary, which can be defined as «any lexicographic work on computer media and equipped with automatic processing and filling programs» [1, c. 36].

The idea of creating electronic dictionaries arose from scientific investigations

that «determine the type and number of translator errors in the texts of various difficulties and the time for searching unfamiliar for a translator words in dictionaries and reference books» [2, p. 12]. Today electronic versions of various dictionaries are widely spread. In contrast to traditional dictionaries, an electronic dictionary contains not only texts and graphic images but also the whole range of media objects, including video and animation fragments, sound, music, graphics, etc.

All electronic dictionaries can be divided into two types: automatic dictionaries for a special user and automatic dictionaries for text processing programs (retrieval thesauruses, frequency dictionaries, rubricators, classifiers, morphological analysis dictionaries, automatic translators) [3, c. 21].

An important feature of the electronic dictionary is its hypertext nature. Links embedded in words, phrases or pictures allow the user to select a text or a picture and immediately display related information and media. The relationships between the components of a dictionary entry are not linear.

The relationships between the components of a dictionary entry are not linear. The dictionary entry has a clear logical structure with hierarchical relationships between elements. Each information category occupies a strictly fixed place – the «zone». Looking for particular information a user requests a specific parameter and is given access to selected pieces of the article. In accordance with the request only a single zone is activated so there is no need to browse the whole article.

Electronic dictionaries have significant advantages over their paper counterparts. As a result, there is the rapid growth of the market. Electronic dictionaries can fundamentally overcome the key contradiction of book lexicography: the more information the dictionary offers, the more developed its scientific vocabulary and it's more difficult to use it. This is especially evident for translation dictionaries. In this case, the dictionary answer can give a wide range of information about the word or phrase, not just a translated correspondence. It involves an active choice of the user from several possible well-founded alternatives. The electronic dictionary can be two or more directional that allows to translate words in both directions and even from one language to another by means of the third language.

Accessibility also plays an important role. Not every Belarusian city has paper editions of large foreign dictionaries. At the same time, there is a great number of free Internet resources that provide a variety of lexicographic materials. The interactivity of modern electronic dictionaries and their user-friendly interface are also attractive factors for the user.

Another important aspect should be mentioned: the relevance of lexicographical material. Most dictionaries, which were formed in the language atmosphere of the middle of the last century, are very outdated. Against the background of the rapid development of science and technology there are many new industries in all

spheres of human activity. So new words, terms, stable phrases come in colloquial speech. Therefore, only electronic dictionaries, which can be updated quickly, are able to provide the user with all the necessary and complete information. Thus, a modern dictionary should have the following features:

1. Quite a large volume vocabulary.
2. Ensure consistent retrieval of information depending on the user's needs.
3. Provide complete grammatical information about the words of the input and output languages and material on proper names with transcription programs.
4. Provide the user with all necessary audio, graphic and multimedia capabilities.

Obviously, only electronic dictionaries can meet all the above mentioned requirements.

A brief overview of existing electronic dictionaries. A large number of electronic dictionaries have released currently. For example, one of the most complete and most popular in our country automatic online dictionaries: Multitran (developer Andrey Pominov) [4]. Multitran database, as well as the majority of databases such dictionaries, is created by scanning, recognition and processing of a large number of paper dictionaries and combining the received word translations into a single database. The most fully represented parts of the dictionary are the English-Russian-English, German-Russian-German and French-Russian-French. The least complete – Kalmyk-Russian-Kalmyk. In addition to the Internet version, an offline version of Multitran is in access. It is compatible with Microsoft Windows, Pocket PC, Symbian, Linux operating systems. The dictionary has more than 800 subject areas and has the ability to actively self-completion by users. Multitran is technologically close to the dictionary <http://dict.leo.org>, where each translation is a hyperlink to obtain a reverse translation, while most other dictionary sites offer translations in continuous formatted text.

Another popular electronic resource is MultyLex [5]. It is created by MediaLingua in 2010 as a digital copy of the «New big English-Russian dictionary» edited by A. D. Apresyan. The purpose of this approach is the correct translation of the traditional paper dictionary into an electronic form for Windows XP, Windows 7, Windows Vista.

The main advantage of MultyLex is a built-in sound synthesizer. However, it is dangerous to fully trust such an approach without controlling it by transcription. The synthesizer may not be able to put an accent or distort the pronunciation of a word. There is also an expanded version of the MultyLex. Economic and financial, law, construction, polytechnic and polygraphic dictionaries are added to the main dictionary.

The main drawback of the MultyLex is a serious backwardness of each version from the language reality, as a rule, not less than ten years. The strict binding of the MultyLex to the paper prototype does not make it possible to correct and

supplement the electronic dictionary online. It is also impossible to change the structure of the dictionary entry.

Since English is the main language of the Internet, the vast majority of reference books are English dictionaries, represented by monolingual, bilingual and multilingual versions. Sources can be found in the catalogues of electronic dictionaries at many addresses. The most reliable are <http://www.dictionary.com>, <http://www.oz.net/~mev/wg/dictionary>, <http://www.internetoracle.com/dictiona.htm>, <http://www.councilsales.com/lists/dictionaries>, <http://www.brown.edu/Department/Cog/Ling/Sci/lingdir/dictionary> [6].

It is interesting to note that today many researchers trust special dictionaries that register and process certain terminological groups of vocabulary. They are terminological dictionaries or dictionaries of sublanguages, such as Tropical Medicine Glossary [7], Management and Technology Dictionary [8].

Taking into account all the above factors, the 2nd English Department together with the Department of Software for Information Systems and Technologies began to develop the electronic English-Belarusian-Russian dictionary of technical terms. The pilot version of the dictionary is named TechLex and covers the following subject areas: architecture and construction, water supply, information technologies, pedagogy, transport communications, economics and energy supply.

Main design principles. In the process of English-Belarusian-Russian technical dictionary development, a client-server application was developed. It is compiled in the Java programming language on the base of the architectural pattern MVC (Model-View-Controller). The General architecture of the application is shown in Fig. 1.

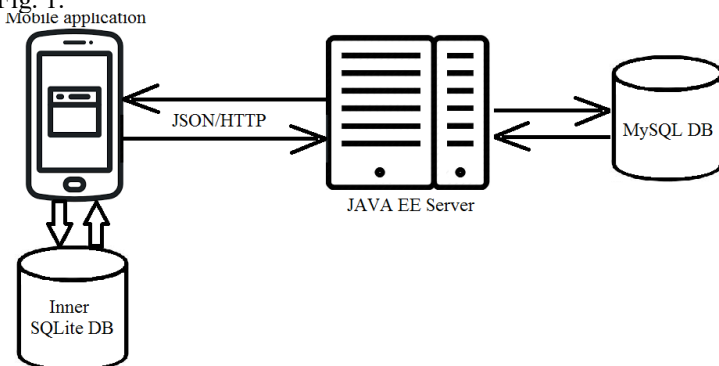


Fig. 1. General architecture of the application

The server part of the developed system contains a MySQL database (DB) and JAVA EE server that operates with TomCat servlet container. The client part of

the system contains SQLite database and a mobile application for Android operating system. To create and design a mobile application the standard tools of Android Studio development environment were used.

A separate table with a surrogate primary key in the form of id column was created for each subject area in the dictionary database. There are no relationships between the tables because this is not necessary. This structure allows a user to easily update the database in the mobile application, because when new words are added to the server, only the actual table will be updated without irrational downloading of all subject areas of the dictionary.

Currently, each subject area of TechLex dictionary contains about 10,000 terms. Since several teachers are working on the linguistic support of the proposed electronic dictionary at the same time, it was decided to place the word table in the Internet in Google table. This approach allows you to quickly enter words, check them and export the latest version to the application database. A fragment of the technical terms for the information technology subject area is shown in Fig. 2.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J
293	292	production code	программный код	программный код						
294	293	program icon	дисконд	дисконд						
295	294	programming language	язык программирования	язык программирования						
296	295	Programing Software	ПО для программирования	ПО для программирования						
297	296	Progress Window	окно, показывающее процесс загрузки	окно отображающее процесс загрузки						
298	297	Project Management (Software)	ПО управления проектами	ПО управления проектами						
299	298	server window	окно сервера	локальный сервер						
300	299	PS/2 connector	с ытыворы PS/2	с ытыворы PS/2						
301	300	public class	открытый класс	открытый класс						
302	301	public static void	методы класса	методы класса						
303	302	purchase	предварительная покупка	предварительная покупка						
304	303	random access memory (RAM)	память с случайным выбором	память с произвольной выборкой						
305	304	random number generator	генератор псевдослучайных чисел	генератор псевдослучайных чисел						
306	305	random access device address	адрес для чтения/записи в устройстве с доступом к данным	адрес для чтения/записи в устройстве с произвольным доступом						
307	306	random access	случайный доступ	произвольный доступ						
308	307	readable text	читаемый текст	удобочитаемый текст						
309	308	read only memory (ROM)	неизменяемая память	неизменяемая память						
310	309	real database	реальная база данных	реальная база данных						
311	310	real-world unit test	реальный тестовый пример	реальный тестовый пример						
312	311	request	запрос	запрос						
313	312	request table	таблица запросов	регистрация запросов						
314	313	refactor	перефакторизация	перефакторизация						
315	314	Registry	система реестр	Системный Реестр						
316	315	request	запрос	регистрация						
317	316	request data model	регистрация данных	регистрация данных						
318	317	request database	регистрация базы данных	регистрация базы данных						

Fig. 2. A fragment of the technical terms in TechLex

3. The research results. The developed mobile application for the English-Belarusian-Russian dictionary of technical terms TechLex was tested for the Android operating system on tablets and smartphones with different screen diagonals. To work with TechLex dictionary a user should firstly select the original language of a technical term and a translation language. The user can choose from the English, Belarusian and Russian languages in both directions. By default,

English-Belarusian translations are set. Next, you need to select the subject area from the above ones, enter a desired word in the search box and confirm the action. After that, the term translation will appear in the results field. Flipping through the other subject areas, the user can find other translations of the term, because a sufficiently large number of words are polysemantic.

It should also be noted that the selected subject area is saved for future searches, because the user usually works with it. In Fig. 3 the screen copies of the dictionary mobile application are shown. They demonstrate the examples of technical terms searching. So the left copy of the screen demonstrates the translation of *rain rills* in *transport communications* area from English into Belarusian. The central copy of the screen shows all phrases that are reproduced for the term *random* while the translation from English into Belarusian in *information technologies* subject area. Fig. 2 represents the fragment with the translation of these words (lines 304 – 307). The right screen copy in Fig. 3 shows the ability to select the language of translation and displays all the words of the English language from *construction and architecture* subject area. The application has all selected Belarusian translations that begin with the letter *a* or have it in their composition.

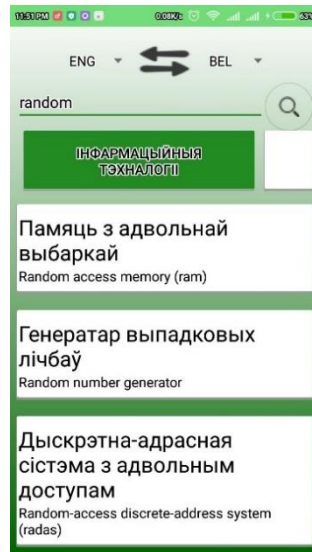




Fig. 3. The screen copies of the dictionary mobile application

Conclusion. The software of our English-Belarusian-Russian electronic technical dictionary is designed taking into account the analysis of modern electronic multilingual translation dictionaries and has a number of advantages:

1. This is the first technical multilingual electronic dictionary with an English-Belarusian-Russian version.
2. The interface of the electronic dictionary is designed in such a way that only a single zone is activated in accordance with the user request, so there is no need to view all the subject areas of the dictionary.
3. The linguistic database of the dictionary is compiled not by the traditional method of processing a large number of paper dictionaries and combining the translations. It is composed by the sequential processing of scientific and technical English periodicals of above mentioned subject areas.

The material for investigation was taken from the English periodicals «Architects Journal», «Architectural Digest», «Canadian Journal of Civil Engineering», «Journal of Civil & Environmental Engineering», «Applied Economic Prospects and Policies», «Economic Development and Cultural Changes», «Journal of Financial Economics», «Civil Engineering Journal», «International Journal of Energy», «Energy & Environment».

Currently, the web application of the TechLex electronic dictionary is being

developed. It will be placed in the local network of the Belarusian National Technical University to be in open access for all university students and academic staff.

References

1. *Campoy Cubillo M.C.* Computer-mediated Lexicography: an Insight Online Dictionaries. Univ. Jaume I, 2004. PP. 146 p.
2. *Карпова О.М.* Словари издательства HarperCollins: находки и решения // Language and Communication. Вып. 1. Ростов н/Д., 2001. С. 46–48.
3. *Baranov A.N.* An Introduction to Applied Linguistics. M. : Editorial URSS. 2001. 360 p.
4. Online dictionary Multitran [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.multitran.ru>. Date of access: 6.04.2019.
5. Online dictionary MultyLex [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.interface.ru/home.asp?artId=17255>. Date of access: 6.04.2019.
6. Кашеварова И.С. Электронный словарь как новый этап в развитии лексикографии // Молодой ученый. 2010. № 10. С. 145–147.
7. Acronyms and Slang // Official site of Acronyms and Slang [Electronic resource]. Mode of access: <http://acronymsandslang.com/definition/4042882/TMG-meaning.html>. Date of access: 18.06.2018.
8. Management technology dictionary [Electronic resource]. Mode of access: <http://acronymsandslang.com/abbreviation-for/MANAGEMENT-TECHNOLOGY-DICTIONARY.html>. Date of access: 20.06.2018.

Ю.Б. Попова, И.Ю. Шиша (Минск, Беларусь)

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЛЯ РАСПОЗНАВАНИЯ ТЕКСТА С ПЕРЕВОДОМ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Доклад посвящен проблеме создания программного обеспечения для распознавания русскоязычного текста с последующим переводом на английский язык. Авторы предлагают использование искусственных нейронных сетей для распознавания текста. Для программной реализации рассмотрены библиотеки, реализующие метод обратного распространения ошибки при работе с искусственными нейронными сетями. Программное обеспечение работает под управлением операционной системы Андроид и предназначено для мобильных устройств.

Ключевые слова: *электронный переводчик, приложение-переводчик, приложение-словарь, распознавание текста, программа-переводчик на иностранные языки.*

Введение. Принято считать, что мировая история машинного перевода началась с развитием компьютеров, однако идея создания механизма, способного осуществлять перевод текста с одного языка на другой,

появилась еще в первой половине XVII века. Появление компьютеров позволило начать воплощение этих проектов в жизнь [1, с. 21].

В настоящее время компьютеры занимают все более значимое место в повседневной жизни обычного человека. Программами для перевода текста пользуются не только лингвисты и переводчики, но и люди, нуждающиеся в оперативном переводе информации. В этой связи приложения-словари являются очень удобным подручным средством в целях экономии времени и оптимизации процесса понимания иноязычной информации. Сейчас для этого достаточно воспользоваться какой-нибудь программой для перевода, причем во многих случаях можно просто сфотографировать исходный текст или навести на него камеру, а программа сама распознает текст и предоставит перевод в удобном для пользователя формате. Следует отметить, что при переводе текста через камеру задача разбивается на две подзадачи: распознавание текста и перевод. Причем первая подзадача гораздо сложнее в реализации [2, с. 36].

Программы-переводчики обладают рядом очевидных и существенных преимуществ по сравнению с традиционными бумажными словарями. Современные электронные словари не только значительно превосходят по объему книжные, но и находят искомое слово или словосочетание значительно быстрее. Причем искать можно в любой форме [3, с. 16]. Также подобные приложения не только содержат транскрипцию, но и могут произносить слова. Но, конечно, самое главное преимущество хороших электронных словарей – одновременный поиск не только по названию словарной статьи, но и по всему огромному объему словарей, что просто нереально в бумажном варианте.

Следует рассмотреть и недостатки программ-переводчиков, основным из которых является привязанность к сети Интернет, ведь перевести слово будет невозможно, если связь отключится в неподходящий момент. Еще одним важным минусом является отсутствие доверия к произносимым приложениями словам, поэтому пользователю необходимо всегда проверять транскрипцию. Все это происходит из-за того, что синтезатор может неправильно поставить ударение или вообще исказить произношение слова.

Важно отметить и актуальность данной темы. В настоящее время Беларусь собирается принять II Европейские игры, и приложения-переводчики будут пользоваться спросом среди туристов, приехавших в нашу страну.

1. Краткий обзор существующих электронных словарей. Рассмотрим наиболее популярные приложения для перевода текста.

Приложение-переводчик Google предназначен для перевода текста, автоматического перевода речи, а также для распознавания и дальнейшего перевода различных изображений, снятых на камеру. Основными

функциями приложения являются перевод текста более чем на 100 языков, распознавание и перевод текста по фотографии, перевод на 59 языков без подключения к Интернету, автоматический перевод речи с 32 языков, возможность пометить и сохранять переводы слов и выражений, чтобы использовать их в дальнейшем. Однако распознавание текста в приложении не всегда работает корректно, а само приложение занимает достаточно много места на диске.

Еще одно популярное приложение-переводчик TextGrabber + Translator, которое с помощью распознавания текста позволяет преобразовывать различные типы документов в редактируемые форматы, а также переводит текст более чем на 100 языков и работает в оффлайн-режиме. Однако и у этого приложения часто возникают проблемы с распознаванием текста.

Среди пользователей мобильными приложениями популярной считается программа «Lingvo Dictionaries», только на платформе Android у нее больше миллиона скачиваний. Данный мобильный переводчик от компании АВВУУ на сегодняшний момент взаимодействует не просто с текстом, но и обладает возможностью фото-перевода. Помимо этого, в программе имеются упражнения для запоминания слов, профессиональная озвучка от носителей языка и функция добавления своего слова в словарь. Lingvo Dictionaries также оптимизировано для удобной работы с общим списком слов, объединенных словарной карточкой [4]. Следует отметить, что у приложения присутствует ряд минусов: у пользователей периодически возникают проблемы с распознаванием текста, база слов недостаточна по объему, из-за чего у пользователей возникают проблемы с переводом даже стандартных слов.

Тем не менее существует ряд электронных словарей, которые не имеют собственной базы слов, поэтому для перевода текста используют сеть Интернет и не могут считаться полностью достоверными. Например, программа Photo Translate, которая способна обрабатывать фото и переводить его на множество языков [5]. Функциональность приложения ограничивается лишь фото-переводом, и, вследствие отсутствия базы слов, использовать его в оффлайн-режиме не получится.

Проанализировав рынок мобильных приложений для перевода текста, можно сделать вывод, что в настоящее время существует достаточное количество приложений, которые могут распознавать текст и переводить его на другие языки. Однако следует отметить, что у большинства из них функциональность распознавания текста не всегда работает корректно, что доставляет неудобство пользователю. Поэтому авторами предлагается приложение с использованием технологии Google MiKit, которое позволит избежать минусов уже существующих продуктов.

2. Описание предлагаемой разработки. В процессе реализации

приложения-переводчика с английского языка на русский посредством распознавания текста было принято решение сделать работу с приложением полностью независимым от подключения к сети Интернет. Это связано с тем, что задача распознавания текста очень ресурсоемкая, что будет сказываться на увеличенном потреблении заряда аккумулятора телефона. Вся необходимая для работы информация находится в самом приложении. Для создания внутренней архитектуры приложения был использован шаблон проектирования MVP (Model-View-Presenter), который позволил разбить программу на отдельные слои, а именно на слой представления, данных и бизнес-логики, необходимые для логического разделения кода программы, а также облегчения последующей отладки или исправления ошибок. Также в дополнение к шаблону MVP был использован подход под названием Clean Architecture (англ. ‘Чистая Архитектура’), который позволяет еще больше развить идею разбиения кода программы на слои, добавляя отдельный слой бизнес-логики приложения вместе с сущностями, которые используются для ее работы.

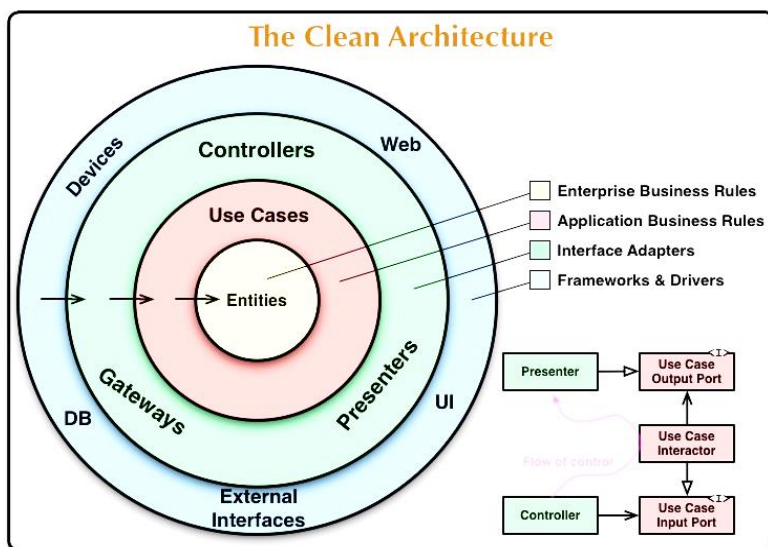


Рис. 1. Общая архитектура приложения

Мобильное приложение содержит базу данных SQLite DB, для реализации которой использовался подход ORM (Object-Relational Mapping), позволяющий обращаться с таблицами базы данных как с объектами.

В каждой записи таблицы находятся записи о написании слова на разных языках, что в дальнейшем даст возможность легко добавлять необходимые языки для перевода.

Распознавание слов на изображении, которое поступает с камеры мобильного телефона, реализовано с использованием библиотеки Google MLKit. Распознавание происходит с помощью заранее обученной искусственной нейронной сети. После процесса распознавания происходит поиск по базе слов, чтобы найти нужный перевод.

3. Анализ полученных результатов. Разработанное мобильное приложение для распознавания текста и последующего перевода на русский язык было протестировано на планшетах и смартфонах, использующих операционную систему Android. Для работы с приложением необходимо произвести снимок слова на английском языке, после чего приложение начнет распознавание слова, и, если оно будет успешным, выведет на отдельном экране результаты перевода.

Заключение. Все рассмотренные выше приложения достаточно хорошо справляются с возложенными на них обязанностями, однако обладают общими недостатками: малое количество поддерживаемых для экспорта форматов, обязательная регистрация, большой объем занимаемой памяти, ограниченный набор функциональности в пробной версии. Программное обеспечение для распознавания текста на иностранные языки спроектировано с учетом анализа современных тенденций в дизайне и разработки мобильных приложений под операционную систему Android.

Библиографические ссылки

1. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб. : Питер, 2001. 146 с.
2. Судовцев В.А. Научно-техническая информация. М. : Высш. школа, 2007. 87 с.
3. Самусенко В. Электронный словарь. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 37 с.
4. АБВУД Lingvo Mobile Dictionaries [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.abbyu.com/lingvo_mobile_dictionary. Дата доступа: 17.03.2019.
5. Переводчики для iOS, Android и Windows Phone [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://apptractor.ru/info/articles/foto-perevodchiki.html>. Дата доступа: 17.03.2019.

А.И. Шемаров, Е.Г. Гриневич, А.А. Шемаров (Минск, Беларусь)

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Создание системы для решения задач машинного перевода напрямую зависит от уровня развития информационно-коммуникационных технологий доступных на конкретном этапе развития цивилизации. Поступательное накопление

количественных показателей технических систем приводит к появлению новых подходов к решению традиционных задач. В статье рассматриваются проблемы, связанные с технологиями обработки больших объемов данных. Авторы делают анализ существующих наиболее перспективных технологий, которые открывают новые возможности для создания систем машинного перевода.

Ключевые слова: *машинный перевод, обработка больших объемов данных, искусственный интеллект, новые методы машинного перевода.*

В нашей работе, посвященной современным возможностям информационно-коммуникационных технологий и проблемам машинного перевода, рассматривается развитие возможностей, которыми обладает цивилизация, как непрерывный процесс освоения и развития новых технологий, связанных с решением текущих задач в направлении осуществления цели достижения глобальных устремлений и мечтаний человечества, к которым несомненно относятся задачи увеличения продолжительности жизни, создания «вечных» источников энергии, транспортных систем «мгновенного перемещения», создания роботов и систем искусственного интеллекта («искинов»), заменяющих человека как при решении рутинных производственных задач, так и в области творчества, которая несомненно является прерогативой человека [1, стр. 205–206].

Рассматривая проблему создания систем машинного перевода в рамках создания систем искусственного интеллекта, необходимо отметить, что такая система является промежуточным этапом достижения идеальной цели. С точки зрения увеличения степени идеальности системы в теории развития технических систем, сформулированной Г.С. Альтшуллером, система машинного перевода не может рассматриваться как конечный этап достижения поставленной цели [2]. С точки зрения достижения идеальности системы, она должна приобрести исчезающе малые размеры или исчезнуть вообще. Поэтому решение задачи, когда человек будет воспринимать иностранный язык как родной, без какой-либо или с помощью исчезающе малой внутренней системы, не обязательно технической, скорее всего будет решаться в целом не только с помощью технических систем. Вероятнее всего решение этой задачи будет достигаться на следующих этапах развития систем перевода с использованием биологических, педагогических, психологических или иных технологий. Когда люди не подозревали о существовании компьютерных технологий, они предполагали в сказках, что поставленной цели можно достичь, выпив или съев что-нибудь [3, с. 77–80], а этот способ, по своей сути, гораздо ближе к реализации идеальной системы.

Развитие систем перевода и сопровождающих их технических средств напрямую связано с развитием информационных технологий в широком их

понимании. Информационные технологии не возникают с изобретением и использованием компьютера – на данном этапе это несомненно электронные цифровые вычислительные машины, и не исчезнут после замены существующих цифровых устройств другими технологическими решениями. Надо отметить, что цифровые системы, выполняющие обработку информации на основе математических алгоритмов, по сути дела выполняют элементарные математические операции. В процессе эволюции информационных технологий они будут заменены более эффективными системами на базе новых технологических решений. Об этом свидетельствует то, что, например, биологические системы практически по любым показателям являются на порядки более эффективными. То есть, исходя из интегральных показателей при приведении их к общему основанию, человек обрабатывает информацию гораздо более эффективно, чем существующие сегодня цифровые информационные системы, которые выполняют исключительно инструментальные функции. При этом необходимо отметить, что в целом, средний человек выполняет математические вычисления с большим трудом. Например, сложно перемножить вручную два шестнадцати разрядных десятичных числа (одна операция умножения над числами формата double [4]). Ещё более сложная задача – деление вышеозначенных чисел.

Очевидно, что информационные технологии возникли в связи с появлением развитой членораздельной речи. Появилась необходимость запоминания и передачи достаточно больших объемов информации от человека к человеку. Решение данной задачи было связано с использованием вполне определенных технологий, которые эффективно применяются и в настоящее время [5]. Это касается и любого устного народного творчества. В частности, героический эпос любого народа исполняется под музыкальный аккомпанемент. Сегодня существует множество примеров эффективного использования технологии музыкального сопровождения для передачи информации. Например, лучшим учителем года в США стал педагог, переложивший математические правила на рэп, чем серьезно стимулировал афроамериканских подростков к изучению математики. Другим примером могут быть рыбаки Ньюфаундленда, которые с детства изучают «навигационную» песню для возвращения домой вне зависимости от спутниковых систем навигации.

Говоря об информационных системах машинного перевода, необходимо отметить, что процесс их становления уходит своими корнями в глубокую древность и связан с изобретением и внедрением письменности. Уже тогда возникла необходимость в переводе текстов с одного языка на другой и для этой цели создавались словари различных типов. Упоминания о первых подобиях словарей датируются XXV веком до н.э. у шумеров. Это были так

называемые глоссы: на полях рукописей выписывались значения незнакомых слов. Первый известный нам полноценный словарь, представляющий собой отдельную книгу, появился в Китае в XX веке до н.э. Называется он Егуа (爾雅 [Ěyǎ]) и состоит из 2094 словарных статей. Всего в нем растолковываются 13 113 иероглифов, написанных на 19 пнях – связках из 20-30 бамбуковых планок, размером 1 см на 20–40 см. Современные наиболее полные словари китайского языка содержат толкования около 60 000 иероглифов, а образованные носители китайского языка за свою жизнь выучивают в среднем около 10 000 иероглифов [6].

Создавались рукописные словари иностранных слов и разговорники, которые являются бесценными историческими источниками для изучения в рамках различных наук. К таким разговорникам, например, относится «Ein Rusch Voeck» – анонимный русско-нижненемецкий торговый разговорник, который сохранился в последней редакции 1568 года. Был составлен неизвестным автором или группой авторов, по всей видимости, немецко-ганзейских купцов-путешественников, представителями образованного слоя Homo Hanseaticus, с целью облегчить молодым ганзейским ученикам (sprakelerers) возможность освоения русской разговорной нормы на расстоянии [7; 8]. Использование этих рукописей позволяло увеличить количество переводчиков, потребность в которых была весьма значительна в связи с развитием торговли в рамках Ганзейского Союза. Конечно, рукописные издания не могли полностью обеспечить все возрастающие потребности человечества в обеспечении переводческой деятельности необходимыми инструментальными средствами. Потребность в информационных источниках была весьма значительной, и, конечно, не столько в переводческой деятельности. Потребность в большом количестве книг привело к созданию книгопечатания.

Возможность печатать книги привела к возникновению разнообразных словарей: толковых словарей, словарей иностранных слов и т. д. Процесс создания словарей по ряду известных причин имел значительную трудоемкость и продолжительность. Так, достаточно известный Словарь Академии Российской – первый толковый словарь русского языка, содержащий 43 357 слов в шести частях – разрабатывался на протяжении 11 лет. Работа над словарем началась в 1783 году на базе лингвистических исследований Российского собрания Академии наук и Вольного русского собрания.

В дальнейшем развитие цивилизации сопровождалось экспоненциальным увеличением производства информации. Но задачи перевода не могли быть решены людьми, обладающими исключительно лингвистическими знаниями. Требовались специалисты, которые владели не только профессиональными языковыми компетенциями, но и обладали

комплексом узкопрофессиональных знаний. Возникла потребность в технологическом обеспечении перевода средствами автоматизации, так как применение печатных версий словарей было трудоемким процессом и занимало много времени. Новые возможности для решения этой проблемы появились с развитием вычислительной техники.

Освоение человечеством электрической энергии позволило создать программно-управляемый автомат – компьютер около семидесяти лет тому назад. Создание компьютера вызвало неподдельный интерес к проблемам кибернетики в обществе и привело к появлению завышенных общественных ожиданий, чем практически всегда сопровождается появление новых технологий и систем. Однако этого нельзя достичь мгновенно. Любая технология, появившись, должна пройти путь эволюционного развития шаг за шагом. Ярким примером этого явления в механический период создания автоматов является автомат Кемпелена [9].

Вычислительная техника позволила существенно изменить наши представления о возможностях машинного перевода. Первое и важное решение заключалось в создании электронных словарей, которые существенно ускорили поиск незнакомых слов при выполнении перевода с иностранного языка. Такие словари могли использоваться даже на первых персональных компьютерах. Их уникальностью была возможность пополнения и редакции тезауруса. Наличие программ, которые автоматически генерировали подстрочный пословный перевод значительно ускоряли и облегчали процесс перевода со стороны специалиста в определенной области, даже не обладающего навыками в области перевода. То есть перевод мог осуществляться по контенту. Однако это были только первые шаги при создании систем машинного перевода.

Человеку, не обладающему развитыми лингвистическими способностями, достаточно сложно изучить и одновременно использовать несколько иностранных языков. Язык в основном используется поверхностно, и это не позволяет, сколько-либо точно, передать его «тонкости» и «богатство», что, в свою очередь, не позволяет использовать аспекты языка, накапливающиеся и формирующимися нациями в течение их многовековой истории. Существует опасность потери целых пластов культуры. Это очень отчетливо прослеживается при переводе литературных произведений. Прослеживается существенная разница между литературным переводом, выполненным профессиональным переводчиком, являющимся к тому же зачастую писателем или поэтом, или переводом, выполненном на базе подстрочника текста, полученного с помощью системы машинного перевода. Очень часто такой перевод может приводить к потере контекста литературного произведения. Поэтому, чтобы предотвратить потерю возможности достаточно корректного общения на

различных языках, требуется создание хорошо работающей системы машинного перевода.

В 60-х – 80-х годах прошлого века были исследованы возможности перевода с применением математических методов, что в дальнейшем привело к созданию ряда программ для автоматизированного перевода текстов. В настоящее время существует достаточно много программных продуктов, реализующих систему машинного перевода, как локальных программ, устанавливаемых на отдельных компьютерах или локальных сетях, так и сетевых сервисов, доступных в глобальной сети Интернет в режиме онлайн. Тем не менее, качество перевода часто не устраивает потребителей. Необходимо констатировать, что чисто алгоритмические методы перевода не позволяют достигнуть приемлемого качества машинного перевода. Поэтому в настоящее время интенсивно развиваются новые методы автоматического перевода. Одним из таких методов является метод «Translation Memory». При реализации этого метода фрагменты перевода, полученного ранее, хранят в специальной базе данных для их последующего использования при осуществлении переводов текстов подобной тематики. Однако создание такой базы вызывает значительные технические трудности. Также очень сложно оценить возможность повторного использования заранее переведенного текста, а это значит, что значительная часть такой базы данных не будет использоваться повторно. Более перспективными по оценкам экспертов считаются технологии комбинированного использования системы машинного перевода в комбинации с базой данных системы «Translation Memory», сочетающей лучшие стороны алгоритмических и статистических методов осуществления перевода.

По неформальному закону Мура количественные параметры вычислительных систем удваиваются в течение периода от одного до трех лет в среднем. И методы, которые были не применимы в прошлом, становятся применимыми в настоящее время. Поэтому можно сделать вывод о возможности замены математических алгоритмов в ближайшее время, методами позволяющего достигать требуемого результата прямой выборкой заранее полученного результата из памяти. То есть обладая высокоскоростной ассоциативной базой [10] наборов достоверных переводов предложений и фрагментов текстов, выполненных экспертами переводчиками, в зависимости от контекста предшествующего предложения, можно получить существенно приемлемые фрагменты перевода текстов, которые будут требовать минимальной постобработки. По нашим данным, представленным в работе [1], была получена оценка возможности хранения 8-ми и более миллиардов предложений на стандартном накопителе на жестких дисках размером четыре терабайта [1,

с. 210]. Отсюда мы можем свободно хранить, при необходимости сотни миллиардов переведенных предложений в облачных хранилищах. Вопрос будет заключаться только в том, каким образом мы сможем получить эту базу знаний, доступ к которой может осуществляться исключительно с использованием ассоциативных запоминающих устройств. Данная технология является одним из самых перспективных направлений развития вычислительных и информационных систем будущего.

Современные информационно-коммуникационные технологии, позволяющие использовать принципы интернет вещей (англ. 'Internet of Things', 'IoT'), облачные вычисления (англ. 'Cloud computing'), большие данные (англ. 'Big data'), Мобильные технологии (англ. 'Mobile technology') позволяют приступить к созданию технологической базы уже в настоящее время.

В облаке, представляющем собой мощные инфраструктурные решения, недоступные обычно стандартной организации, может быть создан информационный ресурс государственного или интернационального значения. В хранилище, создаваемом в рамках этого ресурса с использованием технологии больших данных, создается база переведенных фраз. Мобильные технологии и Интернет вещей позволяют пользоваться ресурсом переведенных фраз большому количеству людей, которые могут выступать как в роли пользователя, так и в роли эксперта, оценивая качество перевода фразы. Фразы, не имеющие перевода или переведенные неудачно, по мнению некоторого референтского количества пользователей, могут быть направлены на анализ и последующий перевод экспертными группами (возникновение информационного инцидента), которые могут самоорганизовываться. При этом сбор и перевод фраз может осуществляться без участия человека при использовании интеллектуализированных сервисов, включающих поисковые системы, электронные библиотеки, боты интернет вещей. Однако на практике не решена до конца еще одна проблема, которая сдерживает использование хранилищ переведенных фраз. Эта – проблема эффективного поиска нужной фразы в многомиллиардном хранилище. Тем не менее, существуют предпосылки создания устройств быстрого доступа к таким объемам информации в ближайшем будущем.

Создание подобных проектов является актуальным и возможным с использованием современной технологической базы и возможностей сообщества, которое все более консолидируется на базе широкомасштабного внедрения мобильных информационно-коммуникационных технологий.

Библиографические ссылки

1. Шемаров А.И. Современные возможности информационно-коммуникационных технологий и проблемы машинного перевода / А.И. Шемаров,

Е.Г. Гриневич // Этнология: традиции і сучаснасць : зб. навук. арт. Мінск : РІВШ, 2016. С. 204–211.

2. *Альтицуллер Г.С.* Творчество как точная наука. М. : Советское радио, 1979.

3. *Гримм Я.* Сказки братьев Гримм. М. ; Эксмо, 2015. 848 с.

4. 754-2008 — IEEE Standard for Floating-Point Arithmetic. Revision of ANSI/IEEE Std 754-1985 // ieeexplore.ieee.org, 2008 ISBN 978-0-7381-5752-8, doi:10.1109/IEEESTD.2008.4610935.

5. *Крез Р.* Иностранный для взрослых. Как выучить новый язык в любом возрасте. / Роджер Крез, Ричард Робертс. М. : Альпина Паблишер, 2017. С. 208.

6. Как возникли и развивались словари. URL: <https://habr.com/ru/company/yandex/blog/213461/> (дата доступа: 05.04.2019).

7. *Болек А.* Разговорники XVI–XVII вв. как источники сведений о жизни древнего Пскова: URL: <http://druzhkovka-news.ru/razgovorniki-xvi-xvii-vv-kak-istochniki-svedenij-o-zhizni-drevnego-pskova/4/> (дата доступа: 05.04.2019).

8. Словарь Академіи Російской / Том 1, 2, 3, 4, 5, 6 // Санктпетербургъ : Изд-тво при Императорской Академіи Наукъ, 1789–1794.

9. Шахматный автомат: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%85%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82 (дата доступа: 05.04.2019).

10. *Кохонен Т.* Ассоциативные запоминающие устройства : пер. с англ. М. : Мир, 1982. 384 с.

ЗМЕСТ

РАЗДЗЕЛ I

ЭТНАЛАГІЧНЫЯ ВЕДЫ Ў КАНТЭКСТЕ ПЕРАЕМНАСЦІ І МАДЭРНИЗАЦЫІ ГРАМАДСКАЙ СВЯДОМАСЦІ

А.Д. Крывалап

Асаблівасці выкарыстання этнаграфічных метадаў падчас
даследавання анлайн-камунікацыі 3

И.В. Морозов

Средовая парадигма и интенции арт-менеджмента 8

А.Я. Сарна

Городской шаман. Техномистицизм в современной культуре ... 12

Л.Н. Семенова

Этнос и цивилизация 18

РАЗДЗЕЛ II

ІМПЛЕМЕНТАЦЫЯ І РЭВІТАЛІЗАЦЫЯ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ І МАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ БЕЛАРУСІ

А.І. Смолік

Нематэрыяльная культурная спадчына Беларусі: тэарэтыка-
метадалагічнае поле і практыка 24

Д.У. Філіпчык

Выкарыстанне музеямі Рэспублікі Беларусь нематэрыяльнай
культурнай спадчыны для фарміравання нацыянальна-
культурнай ідэнтычнасці 30

Т.В. Кедрык

Вопыт выкладання курса «Гісторыка-культурная спадчына
Беларусі» у БНТУ 35

П.Ю. Булаты

Захаванне каталіцкай ідэнтычнасці сярод
«новоприсоединённых» ў другой палове XIX ст. (прыклад
Ляхавіцкага прыходу) 40

Ван Дань

Культурное наследие белорусских и китайских татар: сохранение
и ревитализация 46

Юэ Суюнь, Су Юйго

Культурное наследие династии цинь и ее влияние на
социально-экономические аспекты развития общества 52

<i>Д.В. Василевич</i>	
Функционирование и взаимодействие религиозно-мифологических представлений этносов Японии	56
<i>М.М. Соколовская</i>	
Элементы язычества в белорусском музыкальном фольклоре	63
<i>М.Б. Шчаўлінскі</i>	
Этнічныя рысы ў развіцці беларускай архітэктуры і жывапісу ў пачатку ХХ ст. (1900–1914 гг.)	70
<i>Т.Е. Алексо</i>	
Аксиологический аспект персонализации городской культуры	76
<i>Е.А. Диченская</i>	
Роль мозаичного искусства советского периода в организации современной архитектурно-пространственной среды города (на примере мозаичного триптиха «Земля» в г. Бресте)	81
<i>Л.Д. Касцяшова, Н.П. Мартысюк</i>	
Нацыянальныя асаблівасці стварэння сістэм гарадской навігацыі	86

РАЗДЗЕЛ III

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ І ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНАЯ СПЕЦЫФІКА АДУКАЦЫІ І ВЫХАВАННЯ

<i>А.Л. Міхайлава</i>	
Праблема міжкультурнай камунікацыі ў працэсе прафесійнай падрыхтоўкі будучых спецыялістаў сацыяльнай сферы для работы ў полікультурным соцыуме рэгіёна	92
<i>Е.В. Трухан</i>	
Развитие поликультурной личности с учетом функций иноязычного образования в современных условиях	97
<i>М.Л. Кривуть</i>	
Влияние социокультурных условий на развитие инклюзивных процессов в системе образования Республики Беларусь	101
<i>О.Е. Белая</i>	
Театр психологических игр как форма развития личности	107
<i>И.И. Петрашевич</i>	
Ценностные ориентации в формировании профессионального мастерства учителя Беларуси	111
<i>О.М. Старикова</i>	
Этнопедагогика белорусского народа	116
<i>М.М. Шчэрбін</i>	
Нацыянальныя здабыткі ў грамадзянска-патрыятычным выхаванні беларусаў: гісторыя і сучаснасць	119
<i>С.У. Андрыеўская</i>	

Традыцыі выхавання і побыту дзяцей на тэрыторыі беларускага Падзвіння і сучасная сям'я.....	124
<i>Н.В. Свіцкая</i>	
Беларускія народныя метады навучання мове і выхавання культуры маўлення	131
<i>А.Дз. Якубінская</i>	
Сацыялізацыя дзяўчынкі ў традыцыйным грамадстве беларусаў..	134
<i>А.А. Фоменко</i>	
Подготовка будущего учителя к воспитанию подрастающего поколения средствами художественного краеведения	141
<i>Н.П. Старавойтава</i>	
Унікальныя прыродныя мясціны Беларусі ў навучанні беларускай мове студэнтаў-іншафонаў (лінгвакраіназнаўчы аспект)	144

РАЗДЗЕЛ IV

ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА ВЫКЛАДАННЯ ЗАМЕЖНЫХ МОЎ

<i>Л.І. Сямешка</i>	
Узроўні валодання беларускай мовай як замежнай: канцэпцыя адукацыйных стандартаў	153
<i>Н.Г. Olovnikova</i>	
Educational Multiculturalism as a Useful Factor in More Rapid Students' Adaptation to Changing Mobility Conditions	160
<i>Л.В. Вікторка</i>	
The Role of Cultural Identity in Foreign Language Learning	164
<i>О.В. Веремейчик, Т.В. Пужель</i>	
Развитие иноязычной коммуникативной культуры будущего специалиста посредством диалогического общения	169
<i>Т.В. Пятигор</i>	
Самообучение в современном иноязычном образовательном процессе.....	175
<i>К.А. Гирфанова, И.А. Черемисина Харпер</i>	
Обучение русскому языку как иностранному на начальном этапе: трудности и пути решения	178

РАЗДЗЕЛ V

ЭТНІЧНЫЯ МЕНТАЛІТЭТЫ Ў СЛОВЕ

<i>В.А. Арцёмава</i>	
Катэгорыя дэйксісу ў беларускай і англійскай мовах: семантыка-прагматычны аспект	183
<i>Ю.В. Бекреева</i>	

Отражение национального стереотипа представителя профессии в семантике производного глагола	188
<i>А.П. Клименко</i>	
Психолингвистическое моделирование поля <i>время</i>	194
<i>Л.В. Рычкова</i>	
Заемствованная терминология вне специального дискурса (на примере номинации <i>бренд</i>)	199
<i>Г.Б. Байраммырадов (Гродно, Беларусь)</i>	
Термины <i>этнонимия</i> и <i>этнонимика</i> в словарях русского языка.....	206
<i>М.С. AL Najm</i>	
Vagueness versus Ambiguity.....	211
<i>О.В. Перкова</i>	
Влияние генерального соглашения по торговле услугами на формирование терминосистемы образовательных услуг в английском, русском и белорусском языках.....	214
<i>Н.А. Волковинская</i>	
Национально-культурная специфика лексемы <i>pancake</i>	218
<i>Канторович Т.М.</i>	
<i>Notina fetinina</i> в электронной коммуникации (на основе корпусных данных)	224
<i>І.К. Клачко</i>	
Англамоўныя запазычванні ў беларускай мове	229
<i>Д.У. Кузняцова (Мінск, Беларусь)</i>	
Спецыяльная лексіка як частка лексічнай сістэмы сучаснай беларускай мовы	234
<i>Е.С. Ляшенко</i>	
Национально-культурная специфика репрезентации концепта <i>изменение</i> в английском языке	239
<i>І.У. Савіцкая</i>	
Асаблівасці выкарыстання рэлігійнай лексікі ў сучаснай беларускай мове (на матэрыяле гістарычных раманаў Леаніда Дайнекі)	243
<i>А.А. Сардарова</i>	
Русские реалии в художественном переводе и их восприятие иностранным реципиентом (на материале итальянского перевода романа М.Шолохова «Тихий Дон»)	249
<i>Е.В. Флянтикова</i>	
Символический потенциал парных номинаций с компонентом <i>хлеб</i> (на материале данных национального корпуса русского языка)	255

<i>В.В. Хомич</i> Текстовая и словарная модели ассоциативных полей слов-стимулов	261
---	-----

РАЗДЕЛ VI
ЭТНИЧНЫЯ МЕНТАЛІТЭТЫ Ў ІДЫЯМАТЫЦЫ

<i>О.А. Зинина</i> Пословицы как отражение национальной языковой ментальности	266
<i>А.В. Коньшова</i> Этнокультурная специфика концептов <i>труд / лень</i> в поговорках английского и русского языков	270
<i>Л.У. Кулік</i> Саматычны код культуры ў фразеалогіі беларускай і англійскай моў	276
<i>Т.Ф. Сухоцкая</i> Экзістэнцыяльны змест парэмій сялян у кнізе Яўстафія Тышкевіча «Апісанне Барысаўскага павета»	282

РАЗДЕЛ VII
НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦЫФІКА
МАЎЛЕННЯ І ДЫСКУРСУ. МОЎНАЯ ПАЛІТЫКА

<i>В.М. Гапеева</i> Імпрэкацывы і дэзідэратывы ў беларускай і англійскай мовах, або як пажадаць добра і наслацца ліха	287
<i>И.Б. Морозова</i> Психолінгвістычныя асновы стварэння пазітыўнага іміджа адмоўнага героя	294
<i>Е.Ю. Абрамова</i> Камунікатывны статус англаязычнага кампліменту ў аспекце вербальных стратэгий і тактык рэчэвага абшчэння	299
<i>М.В. Драздоў</i> Моўны вобраз зша ў беларускіх і брытанскіх СМІ	304
<i>О.В. Казимирова</i> Тэматычная і жанравая структура англаязычнага журналу як гіпержанра	309
<i>Н.М. Карбалевіч</i> Роля разнастайных відаў зваротаў у беларускай традыцыйнай культуры (другая палова XIX – пачатак XX стагоддзяў)	315
<i>А.Б. Окаева</i> Концепты <i>post-truth</i> і <i>fake news</i> ў сучасным медыяпрасторстве	322
<i>Е.А. Пожарыцкая</i>	

Особенности вербализации художественного произведения в романе и компьютерной игре: компаративный анализ <i>И.И. Репушевская</i>	327
Элизабет или Бриджит? <i>О.А. Степаненко</i>	333
Ключевые и сопутствующие вопросы дедуктивного познания истины <i>Т.М. Сукаленко</i>	336
Лінгвокультурний типаж «жид» у художній картині світу XIX ст.: ментальний аспект <i>Л.М. Янушкевич</i>	341
Сленг и современные британские подростки (гендерный аспект) <i>Н.А. Kobzeva, А.А. Trubachev</i>	362
Kazakh Language Modernization – from Cyrillic to Latin	369

РАЗДЕЛ VIII НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ КОДЫ Ў ЛІТАРАТУРЫ

<i>Н.В. Гаўрош, Н.М. Нямковіч</i> Маральныя эталоны ў беларускай афарыстыцы <i>Е.В. Гранкина</i>	373
Художественное осмысление проблем этнической идентичности в творчестве Тони Моррисон <i>А.М. Пісарэнка</i>	378
Вобразы перакладныя і арыгінальныя: стылістычнае дэкадзіраванне арыгінала і перакладу аднаго верша Барыса Пастарнака <i>В.А. Радзіеўская</i>	383
Лімінальнасць у апавяданні Леслі Марман Сілкі «Жоўтая Жанчына» <i>О.А. Шалай</i>	390
Дом в романе Тони Моррисон «Песнь Соломона»	395

РАЗДЕЛ IX ЛЕКСІКАГРАФІЯ, ПРЫКЛАДНАЯ ЛІНГВІСТЫКА, АЎТАМАТЫЗАЦЫЯ ЛІНГВІСТЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

<i>Ю.М. Кардубан</i> Лексікаграфічнае апісанне лінгвакультурных найменняў у слоўніках розных тыпаў <i>Т.В. Бусел</i>	401
Электронный корпус текстов как альтернатива словарю <i>Н.А. Метлицкая</i>	407

Принцип работы алгоритма автоматического порождения англоязычных рекламных текстов	414
<i>М.В. Макарыч, Д.А. Міронава</i>	
Кантрасцьўныя даследаванні тэрміналагічных словазлучэнняў у англійскай і беларускай мовах	420
<i>У.В. Попова, М.В. Makarych, М.А. Shved</i>	
Mobile application for the English-Belarusian-Russian Technical Dic- tionary	426
<i>Ю.Б. Попова, И.Ю. Шишя</i>	
Программное обеспечение для распознавания текста с переводом на иностранные языки	433
<i>А.И. Шемаров, Е.Г. Гриневич, А.А. Шемаров</i>	
Развитие информационных систем для решения задач машинного перевода	437

Навуковае выданне

**ТЭАРЭТЫЧНЫЯ І ПРЫКЛАДНЫЯ АСПЕКТЫ
ЭТНАЛАГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

Зборнік навуковых артыкулаў

У аўтарскай рэдакцыі

Адказны за выпуск *М. В. Макарыч*

Падпісана ў друк 27.06.2019. Фармат 60×84¹/₁₆. Папера афсетная. Рызаграфія.

Умоўных друк. арк. 26,27. Улік.-выд. арк. 20,55. Наклад 80. Заказ 443.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў № 1/173 ад 12.02.2014. Пр. Незалежнасці, 65. 220013, г. Мінск.